СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА

Вып. III - IV.

СИБИРСКАЯ
ЖИВАЯ СТАРИНА

[572.9:39 (062) (57).

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА. Сборник статей по общему краеведению и этнографии, вып. III—IV, изд. ВСОРГО, под ред. М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова. Ирк. 1924, in 8°. 504 стр.

[*Содержание:* **М. Муратов.** Краеведение, как движение; **М. Азадовский.** Ник. Бестужев—этнограф; **Вс. Малаховский.** Советское виноградье; **Н. Хандзинский.** „Покойнишный вой" по Ленине; **Г. Виноградов.** Детская сатирическая лирика; **Ив. Хромовских.** Из заметок собирателя; **А. Попова.** Из области народной технологии; **Н. Козьмин.** К вопросу о времени водворения бурят около Байкала; **П. Баторов и В. Подгорбунский.** Из бурятского фольклора; **Эд. Пекарский.** Предание о том, откуда произошли якуты; **Н. Липская-Вальронд.** Материалы к этнографии гольдов; **Исследователи Якутии: Майнов.** Предисловие; **П. Хороших.** I. Вс. Ионов; **Н. Попов.** Остатки доисторического человека у с. Бадай; **Этнологическая Секция** в 1924 г.; **Краеведение в Якутии**; **Е. Самойлович.** Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири; **М. Слободский.** Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических изданиях 1901—1907 гг.; **Первый Восточно-Сибирский Краеведческий Съезд: Краткий обзор** работ Съезда; **М. Золотарев.** Речь на открытии Съезда, **П. Казаринов.** На новых путях краеведения, **т. Мельников.** Заключительная речь; **Тезисы** докладов; **Резолюции; В. И. Смирнов.** Памяти В. В. Сапожникова; **Г. В.** Новая программа по музыкальной этнографии; **Г. Виноградов.** Заметка об изучении народного ораторского искусства; **П. Хороших.** Об изучении детского рисунка туземных племен Сибири.

Приложение: **М. Азадовский.** Сказки Верхнеленского края.

Объявления].

V [39]

Восточно-Сибирский Отдел Русского Географического Общества

Инв. №52051

СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО ОБЩЕМУ КРАЕВЕДЕНИЮ И ЭТНОГРАФИИ

С.-А Г Б

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова

Вып III—IV

ИРКУТСК

1925 .

Иркутск, Гублит № 205.
1-я Гостипо-литография.
Зак. № 5855.
Тираж
425.

М. Муратов.

КРАЕВЕДЕНИЕ, КАК ДВИЖЕНИЕ.

В краеведении за последние годы произошел решительный и значительный сдвиг. Еще несколько лет тому назад общества краеведения существовали, главным образом, в больших городах и были настолько малочисленны, что их можно было легко перечислить по памяти. Сейчас положение резко изменилось: в Центральном Бюро Краеведения при Академии Наук зарегистрировано свыше трехсот краеведных обществ и кружков, около четырехсот музеев, и почти каждый день получаются известия о возникновении новых краеведных организаций. При этом можно отметить одно характерное явление: краеведную работу пытаются вести не только в крупных центрах, но и в уездных городах, и краеведческие кружки вырастают даже в некоторых селах. В свое время возникновение Общества изучения местного края, работавшего в слободе Кукарке, Вятской губернии, и выпустившего в свет книгу Тальгрена „Родиноведение в Финляндии", было встречено с некоторым удивлением; теперь же такие случаи можно наблюдать сплошь и рядом. Несколько таких фактов отмечено и в Сибири. Коротко говоря, краеведение перестает быть делом отдельных исследователей, разрозненных обществ и кружков, и постепенно превращается в настоящее движение.

Но для того, чтобы работа вылилась, действительно, в движение, необходим целый ряд условий: надо отчетливо осознать те идейные предпосылки, которые объединяют людей для активной, совместной деятельности, необходимо установить пути и наметить ближайшие цели, которые можно поставить в этой работе, продумать ряд организационных вопросов.

Этнографы, может быть, больше, чем другие исследователи, заинтересованы в развитии краеведения: им приходится проникать в самую глубь народной жизни, они должны собирать значительное количество наблюдений для того, чтобы сделать те или иные выводы, и работа их стала бы во много раз плодотворнее, если бы они могли опираться на густо разветвленную сеть краеведных организаций и при их помощи завязать связь с местными людьми, интересующимися изучением народного быта. Для сибирских этнографов вопрос о развитии краеведения стоит особенно остро: этнографическими исследова-

ниями заняты немногие, территория Сибири необъятна, и потому здесь особенно важно использовать силы местных людей; но этого удастся достигнуть лишь тогда, когда краеведение здесь широко разовьется и примет характер организованного движения. Поэтому на страницах „Сибирской Живой Старины", объединяющей этнографов Сибири, вопрос о задачах и путях краеведческого движения должен быть поставлен возможно более выпукло.

При этом прежде всего придется отметить одно обстоятельство: в обширной краеведной литературе можно найти сравнительно мало попыток дать обоснование краеведному движению и с должной отчетливостью сформулировать его предпосыки. Правда, массовый рост краеведных организаций уже сам по себе доказывает жизненность этого дела. Но это соображение недостаточно: осознавая и формулируя мотивы своего поведения, мы придаем им особенную действенную силу. Характерно, что потребность в такой формулировке, повидимому, чувствуется самими местными работниками—именно, они пытаются поставить этот вопрос*.

Необыкновенно быстрое развитие краеведения за последние пять лет показательно в одном отношении: оно заставляет искать предпосылки краеведного движения в пережитом нами за годы революции. И если принять во внимание те стремления, которые проявляются сейчас в других областях нашей жизни, в частности, в области школьного строительства, мне думается, можно найти первую основную предпосылку краеведного движения.

Опыт последних лет чрезвычайно ясно показал, до какой степени российская интеллигенция была оторвана от жизни: получая свои знания из учебника, черпая свои суждения из книг, она постепенно утрачивала способность видеть реальную действительность такою, какой она была на самом деле. Во время мировой войны эта оторванность от подлинной жизни сказалась очень ярко: очень много говорили о народном подъеме, о том, что армия требует войны до победного конца, и не замечали, как мало общего имеют эти разговоры с действительностью. Даже февральскую революцию многие объясняли не усталостью от войны, а наоборот—стремлением армии вести войну более интенсивно, сменив правительство, не умевшее организовать победу.

Жизнь дала суровый урок тем, кто разучился ее понимать, и теперь все отчетливее сознается элементарная истина: надо

* См., напр., Владимирский—К пониманию краеведческого движения. „Краеведение" № 3.

научиться точно и ясно видеть, беспристрастно наблюдать и осторожно делать выводы.

В области педагогики это стремление выработать навыки к точному изучению и приблизиться к жизни заставило выдвинуть на первый план исследовательский метод, который, как известно, проводится сейчас на всех ступенях обучения, начиная с низшей и кончая высшей школой. Правильно понятая и широко развернутая краеведная работа оказывает такое же влияние на ее участников, как и занятия на основе исследовательского метода в школе: она приучает внимательно и тщательно всматриваться в окружающий мир, создает некоторый навык к более реальному восприятию действительности и, таким образом, оказывает незаметное, но глубокое воспитательное влияние на тех, кто ее ведет. Коротко говоря, краеведная работа является своего рода переподготовкой взрослых, чрезвычайно существенной и важной. Таким образом убеждение в ценности воспитательного влияния краеведной работы должно быть признано одной из тех предпосылок, которые следует положить в основание краеведного движения.

Думая об особенностях переживаемого нами времени, можно найти и другие предпосылки краеведного движения.

Тягчайший экономический кризис, пережитый нами, заставил обратить внимание на процесс производства и поставил вопрос о восстановлении народного хозяйства. Стало совершенно очевидно, какое значение имеют вопросы экономики и как важны те прикладные знания, на приобретение которых раньше обращалось так мало внимания.

Это переживание также сказалось в различных областях нашей жизни и прежде всего в школьном строительстве: хорошо известно, какое значение придается сейчас прикладному образованию. Рост краеведения, несомненно, тесно связан с этим уклоном: исследование производительных сил страны выдвинулось на одно из первых мест, и естественно, что Госплан и его органы сейчас нередко оказывают существенную поддержку изучению местного края.

Следует, однако, подчеркнуть одно положение, к сожалению, не всеми еще усвоенное. Жизнь не какой то аггрегат, а единое органическое целое, все элементы которого тесно связаны друг с другом. Поэтому, даже имея в виду прежде всего изучение края для развития хозяйства, нельзя ограничиться только исследованием местной природы и собиранием статистических сведений, характеризующих экономику данного района: быт во всех его проявлениях также приходится учитывать,

хотя бы уже потому, что он характеризует местное население и может явиться фактором, задерживающим или усиливающим хозяйственное развитие.

Если мы, например, узнаем, что в той или иной местности до сих пор в случае падежа скота обращаются не к ветеринарному врачу, а добывают „деревянный огонь" или если нам удается установить, что в тех или иных селах еще и сейчас живы заклинания, характерные для XVII века, это обстоятельство следует учитывать и тем, кто ведет хозяйственную работу. Такие сведения дают яркое представление о трудностях, стоящих перед людьми, которым придется работать в данной местности по улучшению крестьянского хозяйства, может быть, покажут, в каком направлении следует развивать просветительную деятельность и, таким образом, принесут непосредственную практическую пользу.

За последнее время значение изучения быта сознается все более и более отчетливо. Издательство Московского Совета „Новая Москва" выпустило журнал „Жизнь", значительную часть которого заполняют статьи, посвященные изучению быта, например, современной частушке, наблюдениям над жизнью деревни и т. д.. Государственное издательство напечатало сборник „Старый и новый быт", в который вошли работы студентов-этнографов Ленинградского Географического Института, написанные на основании материалов, собранных во время летних экскурсий. Разными центральными издательствами намечаются и другие издания такого же рода. „Сибирская Живая Старина", посвященная изучению этнографии Сибири, таким образом отражает, одну из характерных тенденций современного краеведения: на первый взгляд, лишенная статей, имеющих прикладное значение, она по своему служит тем же практическим целям, которые ставит себе все краеведное движение. Этнографам не приходится доказывать истинность этих положений. Но они должны помнить, что многим не ясно это утилитарное значение этнографии, и при всяком удобном случае разъяснять его другим.

Наконец, следует указать еще на одну особенность краеведения, которая также способствует превращению этой работы в настоящее движение. Правда, это уже неоднократно отмечалось многими, но это не мешает лишний раз подчеркнуть; тем более, что не всегда делаются те практические выводы, которые из этого вытекают. Эта особенность состоит в том, что краеведение выводит научное исследование из кабинетов и специальных лабораторий и привлекает к изучению страны и собиранию материалов широкие слои населения.

Оно должно, т. о., привести к учету и использованию всех сил, которые могут внести хотя бы кое-что в дело познания страны, и уже одна эта задача достаточно значительна, чтобы создать настоящее движение.

Мне не приходилось встречать указаний на аналогию между краеведением и другим, выступающим сейчас на первый план, хотя и менее широким, движением - научной организацией труда. Но мне думается, что будущий историк, изучая общественную жизнь нашего времени, вероятно, придет к выводу, что у этих двух, казалось бы, совершенно различных течений, есть общий исток.

Научная организация труда имеет целью полностью использовать силы человека, взять их на учет и рационально употребить для того, чтобы получить наибольший результат.

Краеведение проделывает ту же работу, привлекая к делу изучения страны всех, кого можно использовать, давая им возможность приложить свои силы к научному изучению и доставляя, таким образом, специалистам-ученым материалы, которые они смогут широко использовать для исследований более широкого характера.

Можно указать еще ряд особенностей, которые позволяют придать краеведению характер широкого движения, однако, здесь нет необходимости на них останавливаться. И сказанного достаточно, чтобы представить себе, какие перспективы открываются сейчас перед краеведением. Но для того, чтобы оно широко развернулось, надо определенно и ясно представить себе то направление, в котором должно вести работу. Вопрос этот чрезвычайно серьезен и заслуживает внимательного обсуждения: перед краеведением стоит ряд проблем, которые оно должно решить для того, чтобы окончательно превратиться в организованное движение. В частности, конечно, придется решить ряд организационных задач, которые являются в каждом движении: ближайшие цели и пути работы центрального органа, в данном случае Центрального Бюро Краеведения, взаимоотношения между местными и центральными организациями, установление живой связи между всеми краеведными кружками и т. д.

Вопросы эти, к сожалению, недостаточно затронуты в краеведной литературе и на разработку их необходимо обратить внимание.

Не пытаясь ставить здесь эти вопросы во всей широте, можно все-таки сделать некоторые практические выводы из тех предпосылок краеведения, о которых шла речь выше.

М. Муратов.

Тот, кто признает верной мысль, что ценность краеведной работы не только в тех знаниях, которые она дает, но и в ее могучем воспитательном влиянии, должен признать желательным установить живую связь между общим краеведением и школой. О значении этой связи сейчас говорят очень много, но до сих пор отдельные краеведы в глубине души рассматривают сближение со школой, как некоторое зло, и опасаются, что оно придаст нежелательный уклон их работе. Между тем, как известно, изучение своего района теперь кладется в основу школьных занятий, и тот, кто действительно понимает значение самого процесса краеведной работы и ценность исследовательского метода, естественно должен оказать свое содействие школьным работникам, помогая им методическими указаниями и считаясь с их запросами при организации школьных краеведческих кружков, при устройстве в школе музея местного края и т. п. К тому же такая связь со школой имеет и свои выгодные стороны: в лице учителей общества краеведения могут найти деятельных работников, разбросанных по деревням и школам; работников, которые легче смогут собрать материалы о жизни и быте местного населения, не всегда доступные приезжему исследователю. Уделяя в краеведном музее место таким коллекциям и привлекая экскурсии, можно отчетливо показать жизненную нужность музея и укрепить его положение. Как много можно сделать в этом отношении даже в уездном городе, показывает один пример: музей местного края в городе Дмитрове, Московской губернии, считающийся одним из лучших уездных музеев центральной области, в текущем году зарегистрировал пять тысяч посещений: в нем перебывали экскурсии почти из всех школ уезда.

Наконец, для того, чтобы краеведение широко развивалось, необходимо устранить одно затруднение, в значительной степени тормозящее его рост. Местные работники лишь тогда справятся с задачей собирания научных материалов, когда будут обладать необходимыми сведениями о том, что и как собирать, и смогут получать указания со стороны специалистов. Отсюда вытекают два вывода: необходимо, во-первых, издание соответствующей инструкционной литературы и, во-вторых, организация консультации по вопросам изучения края.

Надо признать, что в том и другом отношении делается очень мало. Так, несмотря на то, что местные работники-этнографы очень живо ощущают отсутствие программ и инструкций, изданий этого типа за последние годы вышло крайне недостаточно.

Вторая задача не менее существенна: местному работнику очень важно бывает списаться с тем или иным сведущим человеком, прислать материалы для определения, получить указания по разного рода вопросам, которые остаются непредусмотренными в программах и инструкциях. В крупных краеведных обществах, губернских и областных, всегда есть специалисты в разных областях знания, которые могут давать указания отдельным собирателям, если общество поставит себе целью такого рода помощь и доведет об этом до сведения всех, желающих работать над изучением края. Но, можно предполагать, что иногда местное общество краеведения не сможет давать ответ на некоторые запросы за отсутствием в его составе специалистов. В таких случаях местным обществам краеведения должны были бы приходить на помощь научные учреждения центра, которые и в интересах своей научной работы должны стремиться поддерживать связь с краеведами, работающими в той же самой области.

Научные работники главного Ботанического сада в Ленинграде, учитывая значение краеведных работ по их специальности, уже предприняли некоторые шаги для того, чтобы завязать связь с местными ботаниками*. Следует думать, что и другие научные учреждения не отказались бы от такого рода работы. И можно выразить пожелание, чтобы Центральное Бюро Краеведения, ставящее себе задачей помощь провинциальным обществам краеведения, взяло на себя систематическое посредничество в деле установления связи между местными обществами краеведения и научными учреждениями центра.

Связь между рядовыми участниками краеведного движения и специалистами-учеными является существенным условием успеха работы. Но не менее важно и другое условие—общение между всеми, ведущими краеведную работу в той или иной местности, живой обмен сведениями о своих достижениях и неудачах.

За последнее время удалось найти удачную форму для такого общения, в текущем году в разных местах страны уже состоялось больше 20 областных, губернских и уездных краеведных съездов и совещаний и теперь, когда пишутся эти строки, подготовляется всесоюзная краеведная конференция в Москве. Такие местные съезды дают возможность поделиться друг с другом результатами своей работы, обсудить пути ее углубления, наконец, выслушать представителей центральных краеведных организаций. Во время таких совещаний могут быть поста-

* „Краеведение" 1924 г. № 3, стр. 271.

влены и доклады специалистов о методах работы в тех или иных областях краеведения. Таким образом, явится возможность не только поддерживать связь друг с другом, но и получать те методические сведения, в которых чувствуется такая нужда на местах.

Есть и еще одно условие, имеющее существенное значение для развития краеведения. Это—правильно поставленная информация о ходе краеведной работы. Необходимо, чтобы каждая краеведная организация всеми силами стремилась время от времени давать сводки того, что ею сделано, иначе результаты ее работы останутся под спудом.

При этом возможны две формы таких сводок—отчет и периодически выходящий бюллетень. Последняя форма имеет то преимущество, что позволяет давать информацию не только о работе того общества, которое выпускает издание, но и о других краеведных организациях, и потому особенно желательна в областных центрах, где легче получить такие сведения *.

Желательно, чтобы такие информационные издания выходили в каждом областном центре и охватывали бы краеведную работу в целом. И совершенно необходимо, чтобы был создан специальный информационный бюллетень, своевременно извещающий о ходе всей краеведной работы по территории С.С.С.Р., о новых изданиях, совещаниях краеведов и деятельности отдельных обществ.

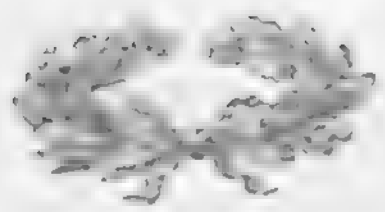
Сейчас до известной степени эту задачу приходится выполнять журналу „Краеведение", но совершенно естественно, что этот орган, выходящий редко и содержащий руководящие статьи, не может своевременно освещать текущую жизнь тех сотен обществ и кружков, которые ведут сейчас работу по изучению своего края. Попытка организовать такое издание должна встретить всемерную поддержку, особенно со стороны сибирских исследователей, которые живо чувствуют свою оторванность от научной работы центра. Точный учет краеведной работы является тем требованием, которое надо непременно осуществить для того, чтобы ясно осознать свои достижения, увидеть недостатки своей деятельности и верно наметить дальнейший путь. Только тогда, когда будут отчетливо осознаны основные предпосылки краеведной работы, установлены ее организационные формы и налажен систематический учет всего сделанного, краеведение окончательно превратится в широкое и мощное движение.

Москва, 1 ноября 1924 года.

* Такую роль выполнял для этнографических изучений „Этнографический Бюллетень ВСОРГО (вышло №№ 1—4) 1923 г. В настоящее время выходят Бюллетени ВСОРГО, захватывающие уже всю краеведческую деятельность Восточной Сибири.

ПАМЯТИ

Н. БЕСТУЖЕВА.



К столетию 14 декабря 1825 года.

Марк Азадовский.

НИКОЛАЙ БЕСТУЖЕВ—ЭТНОГРАФ.

(К столетию 14 декабря 1825 года).

В предстоящем празднования столетнего юбилея декабрьского восстания сибирское краеведение имеет и свои задачи и свои обязанности. Из них первой и основной является полный и всесторонний учет того, что сделано декабристами в разных отраслях изучения Сибири. Мы представляем более или менее ясно работу и заслуги декабристов в общекультурном развитии и просвещении страны: декабристы, как культурные работники, как создатели школ и т. д. Но какова их роль в деле научного познания нашего края? Что сделали они в этой области? Каковы результаты их деятельности? Вот тот ряд вопросов, который стоит перед сибирским краеведением в юбилейные дни 14-го декабря.

Остановимся на одном примере. Почти все декабристы в своих мемуарах останавливаются на деятельности бр. Борисовых. Евгений Оболенский пишет о них: „Богатая флора этого края (т. е. Сибири) обратила на себя наше внимание и возбудила удивление к красотам сибирской природы, так щедро рассыпанным и так мало еще известным в то время. Два брата Борисовы, любители естественных наук, наиболее занимались как собиранием цветов, так и зоологическими изысканиями; они набрали множество букашек разных пород, красоты необыкновенной, хранили и берегли их, и впоследствии составили довольно порядочную коллекцию насекомых, которая была предметом любопытства любителей естественных наук."[1] Д. Завалишин прибавляет к этому, что старший не только собрал замечательную коллекцию насекомых, но и „придумал сам новую классификацию, совершенно тождественную с той, которая гораздо спустя уже была предложена в Парижской Академии и принята ею. Меньшой брат нарисовал акварелью виды всех растений Даурской флоры и изображение почти всех пород птиц Забайкальского Края".[2] Об их работах упоминают также Якушкин, Розен, Беляев, Басаргин....

Но каковы были судьбы этих работ? Остались ли они только „предметом любопытства любителей естественных наук",

как выражается Оболенский, погибли ли они вместе с многочисленными иными памятниками пребывания декабристов в Сибири, или же им удалось сохраниться и стать одними из источников, на основании которых потом создавались естественно-исторические труды, посвященные Сибири?

Ответа на эти вопросы мы не можем дать. Правда, имеются глухие указания, что часть коллекции насекомых была послана московскому профессору Фишеру, что рисунками Борисова довольно бесцеремонно воспользовался один заезжий путешественник; но определенно мы ничего не знаем, и роль братьев Борисовых в изучении сибирской природы не учтена и не осознана.

Этот пример—не единичен. Он характерен для большинства научных работ декабристов. Известно, что декабрист доктор Вольф делал разложения минеральных вод Забайкалья, что многие занимались ботаникой (напр., Якушкин, Шаховской), собирали минералогические коллекции и т. д. Где все это? Какова судьба всех этих работ? И знаем те мы обо всем этом только случайно, „по-наслышке". Правда, некоторым из трудов декабристов удалось сохраниться и достигнуть своего прямого назначения. Так, напр., тот же Завалишин сообщает, что метеорологические наблюдения декабристов за 10 лет были переданы в Берлинскую Академию Наук и очень ценились.[3] Но эти единичные случаи, конечно, ничуть не нарушают общей печальной картины—гибели работ декабристов.

Особенно мало осведомлены мы о работах декабристов в области этнографии. Между тем, несомненно, что интерес к окружающим людям и их быту занимал одно из первых мест среди обще-научных интересов декабристов. Декабристов прежде всего поразил контраст между обычным представлением о Сибири, между тем, что они ожидали встретить, и тем, что они нашли в действительности. „Казаки...", пишет Евг. Оболенский: „удивили нас и разнородными познаниями и развитием умственным, которое трудно было ожидать в таком дальнем краю, о коем весьма редко носились слухи, и то, как о месте диком, где и люди и природа находились в первоначальной своей грубости. Здесь мы увидели совершенно противное".[4] И в письмах и в воспоминаниях декабристов мы встречаем не мало интереснейших наблюдений, которые, к сожалению, еще недостаточно использованы этнографической наукой. Как на пример, можно указать на воспоминания А. Беляева, Е. Розена, М. Н. Муравьева-Апостола и др.

Николай Бестужев—этнограф.

Братья Кюхельбекеры в переписке, которую вели: один из сибирской ссылки, другой—из Свеаборгской крепости, уделяют много внимания особенностям местного быта и местной речи. 11 февраля 1834 г. Вильгельм Кюхельбекер записывает в свой дневник, который он вел в крепости. „Из писем брата первое—очень занимательно: он в нем описывает свое житье-бытье, говорит о местоположении Баргузина, о климате etc. И в конце сообщает несколько тамошних областных слов". Первое же письмо, которое В. Кюхельбекер пишет из Сибири Пушкину, наполнено сведениями о „Даурской Украйне"—с характеристиками бурят и тунгусов, коренного русского населения и метисов, с замечаниями о характере сибирской речи и пр.[1]

Матвей Муравьев-Апостол, находясь в самых тяжелых условиях, находит некоторое успокоение в наблюдениях быта и жизни местных племен, и позже заносит в свои „Воспоминания" несколько весьма колоритных и любопытных черточек: шаманское камлание, прокаженные в Якутской области, жилища русских и якутов, отражение „якутских вкусов" в русской архитектуре и т. д.[2] Увлечение этнографией Бестужева-Марлинского общеизвестно, и этнографическая струя тесно вошла и в его творчество.

Но опять-таки нужно заметить, что далеко не все, сделанное декабристами по части изучения быта русского и туземного населения Сибири, нам известно. Сотрудничество в журналах было запрещено. Когда декабрист Чижов опубликовал свою „Нучу"—повесть из якутской жизни, это вызвало целую административную бурю.[3] Все попытки Штейнгеля принять легально участие в литературно-научной работе кончались неудачно.[4] Точно также были безуспешны попытки В. Кюхельбекера.

Но это не значит, что декабристы отказались и от научной работы и от общения с читателем. Произведения их появлялись без подписи, под псевдонимами. Так, анонимно (правда, на этот раз с молчаливого ведома власти) была напечатана мистерия Кюхельбекера „Нжорский"; в „Северных Цветах" был напечатан под псевдонимом рассказ Ник. Бестужева; Штейнгель написал обстоятельное „Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии", напечатанное без подписи автора в „Журнале Министерства Внутренних Дел". „Здесь были сгруппированы сведения статистические, экономические, этнографические".[10] Имеются и другие факты такого рода.

Можно предполагать авторство декабристов в целом ряде анонимных и псевдонимных заметок и корреспонденций из Сибири.

К сожалению, все это еще ни разу не являлось предметом специального обследования. Даже более того, некоторые замечательные научные статьи, принадлежащие перу декабристов, оказались каким-то роковым образом совершенно вне внимания специалистов. В частности, такова судьба упомянутой выше статьи Штейнгеля, такая же судьба постигла и замечательную статью по этнографии бурят— Николая Бестужева.

Статья эта под заглавием „Гусиное Озеро" была первоначально помещена в „Вестнике Естественных Наук" за 1854 г. Затем, уже после смерти Николая Бестужева и после амнистии декабристам, вошла в сборник его сочинений, вышедший в 1860 г. под общим заглавием „Рассказы и повести старого моряка". Издание это не имело материального успеха, и в 1874 году издатель, переменив обложку, изменив заглавие на „Морские сцены, повести и рассказы" и поставив 1874 г. — вместо 1860, снова пустил его на рынок. (В настоящее время книга эта является библиографической редкостью). Но несмотря на то, что статья эта была дважды напечатана, а вниманию публики преподносилась даже трижды, она совершенно осталась неизвестной специалистам. Ссылок на нее не имеется ни в одной работе, посвященной этнографии бурят. Ее, видимо, не знал даже такой исключительный знаток этнографической, в частности бурятоведческой, литературы, как Г. Н. Потанин. В библиографии Межова статья эта не упомянута. В указателе Зеленина она также отсутствует; осталась она неизвестна и автору позднейшей работы по библиографии бурят. [1]

Это забвение тем более непонятно и несправедливо, что автором этого очерка является один из видных и замечательнейших деятелей декабризма. Личность Николая Бестужева еще не нашла своего достойного биографа—его жизненное дело освещено и изучено далеко не до конца. Брат его, Александр (Бестужев-Марлинский), писал о нем Н. А. Полевому: „Сколько познаний, дарований, погребено вживе! Вы помирились бы с человечеством, если бы познакомились с моим братом Николаем. Такие души искупают тысячи пакостов на человека!" [2]

И это—не преувеличение, не братское пристрастие. Этот отзыв разделяли многие. Суровый и требовательный к людям Горбачевский нежно любил Николая Бестужева. Обычно пристрастно и недоброжелательно относящийся к своим товарищам по заключению, Завалишин—о нем отзывается всегда с высокой похвалой и уважением. Существует литературное предание, что

сам Николай I отметил выдающееся дарование и ум Николая Бестужева.[13]

Этим дарованиям не суждено было развиться вполне. Каторга и ссылка оборвали блестящие замыслы и смелые планы Михаил Бестужев справедливо говорит о нем: „Все напечатанные литературные произведения брата, как переводные, так и оригинальные, весьма бледно отражают литературную его личность. Все они более или менее были порождением случайности, требованием обстоятельств, как бы hors d'oeuvre его настоящего предназначения.[14]

До ссылки Николай Бестужев хотел высказаться вполне в серьезном научном труде, которое ему было поручено правительством—в „Истории русского флота". Но, по свидетельству того же Михаила Бестужева, „щепетильность и узкость его начальства обстановили его путь такими препятствиями, что результатом годовых усилий брата были слабые корректурные листки, напечатанные для того, чтоб вызвать суждения и показать начальству, что он не спит". „Он не смог добиться свободного доступа в другие архивы, даже свободного пересмотра необходимых книг и манускриптов Публичной Библиотеки; архив же морских дел при адмиралтействе был в таком беспорядке, что было свыше человеческих сил добиться или даже найти, то, что тут находилось".[15]

В Сибири Николай Бестужев отдался, главным образом, искусству и ремеслам. Особенно—последним. „У него были золотые руки", с восхищением рассказывает один из его товарищей. При чем способности его были самые разнообразные. Он был превосходным сапожником (явившись в этом отношении предшественником и Толстого и Короленко) и тонким и искусным ювелиром. Он был токарем и слесарем, и инженером, и механиком, оружейным мастером, наконец, оптиком. Он делал сам зрительные трубы и даже научил этому делу бурята Убугуна Сарамилова. Он изобрел особую печь (бестужевская печь), требовавшую мало дров и хорошо сохранявшую тепло[16]. Но главным и любимым занятием его была работа над усовершенствованием и упрощением хронометров. Михаил Бестужев так рассказывает об этом: „Еще в Чите,—когда мы набиты были, как сельди в бочонке, в тесных казематах, у брата Николая зародилась благодетельная мысль: упростить хронометр—и тем избавить тысячи судов, погибающих от невозможности, по великой ценности приобрести их. Он с помощью только перочинного ножа и небольшого подпилка *создал* первообраз своей идеи. Часы ап jour с качающимся, как на весах коромыслом".[17]

Позже, уже в Селенгинске, он устроил даже астрономическую обсерваторию для поверки часов по звездам. „Печка, устроенная внутри", рассказывает Мих. Бестужев: „то нагревала маленькую комнатку обсерватории, то вдруг комнатка охлаждалась, зимою до 30-ти градусных морозов и, несмотря на такие гигантские скачки температуры, его хронометры шли очень хорошо, особенно последний, еще не совсем устроенный перед самой его смертью. Его ход был постоянное отставание на $^{1}/_{10}$ секунды. Такой точности едва ли можно требовать от лучших английских или французских хронометров". [18]

Но вместе с тем он не прекращал ни научной ни литературной (художественной) деятельности. Еще в Петровском Заводе он написал большую работу „О свободе торговли". Там же он работал над двумя капитальными трудами: „Система мира" и „Упрощенное устройство хронометров". Все эти рукописи затерялись. Наконец, в ссылке же им написана любопытная автобиографическая повесть „Отчего я не женат", окрашенная в сильной степени влиянием Стерна, повесть „Русские в Париже в 1814 г." и др. Мих. Бестужев приводит список литературных и научных трудов брата Николая или, как он выражается „подробный список его умственной деятельности в продолжение его кратковременного пребывания на этом свете". (Он тут же приводит и приблизительное количество листов каждой работы). Список этот очень ценен, как показатель разнообразных и разносторонних интересов Николая Бестужева. Приводим его целиком: [19].

1.	Паризина Байрона	1 л.
2.	Гуго фон Брахт—в Соревнователе в 1823 г.	1 л.
3.	Обожатели огня—Мура	л.
4.	Гленфонланд В-Скотта	л.
5.	Толбук. маяк	л.
6.	Бриг Фальк (его погибель)	2 л.
7.	Записки о Голландии	6 л.
8.	Плавание Фрегата Проворного	6 л.
9.	Гуго фон-Брахт (перевод)	$1^{1}/_{2}$ л.
10.	Русские в Париже	22 л.
11.	Отчего я не женат	5 л.
12.	Гусиное озеро	10 л.
13.	Об удовольствии на море	1 л.
14.	Письма из Гибралтара	$1^{1}/_{2}$ л.
15.	Гленфонланд Вальт. Скотт	*

* *Очевидно, по ошибке, упомянуто вторично см. № 4.*

16. Путешествие на катере . . . . . 2 л
17. Ночное путешествие (с английского) . . . . . 1 л

Ученые статьи.

18. Об электричестве 16 года . . . . . 60 л.
19. О часах (с предисловием) . . . . . 18 л.
20. Опыт истории русского флота . . . . . 3 л.
21. О живописи и коммерции . . . . . 2 л.
22. Выписки из Олеария . . . . . 3 л.
23. Выписки из Михлера . . . . . 2 л.
24. О свободе торговли . . . . . 10 л.
25. Consideration sur l'art de la guerre Rogniat, почти законченный перевод в 1819 году . . . . . 30 *

Таков круг интересов этого замечательного деятеля. Среди них этнография занимает как будто скромное место. Тем не менее, можно утверждать, что Ник. Бестужев был этнографом в полном смысле этого слова.

Это сказалось и в его литературных опытах. Его рассказ „Трактирная лестница" начинается следующим характерным признанием: „Я путешествовал довольно по свету; и если обстоятельства не всегда были благоприятны для наблюдений над целыми странами, по крайней мере, я не пропускал случаев рассматривать людей в частности, и редко проходило, чтобы наблюдение человека не было для меня поучительно".

И уже в юношеском его опыте „Записки о Голландии 1815 года" отчетливо сказались и его любовь к наблюдению и его огромная наблюдательность. В этих „Записках" уже весь Николай Бестужев. Острый и меткий глаз, всесторонний интерес, четкие описания.

* Список в от— несомненно, не полон. Пропущен напр., рассказ Н. Б-а „Трактирная лестница", напечатанный в „Северных Цветах" за 1826 г. Сам же Михаил Бестужев упоминает о письме брата Николая, где тот делает обзор Забайкальского Края. „Оно, кажется, было напечатано". (Воспоминания, стр. 320). Есть основания предполагать, что и описание Гусиного Озера— не единственная научная статья Н. Бестужева о Сибири, в частности о Забайкалье. Об этом имеются прямые указания в названном очерке. На стр. 493 автор пишет: „История Гусиного Озера -очень замечательна. Я кое-что писал Вам о том, но теперь, собрав подробные сведения, хочу пополнить сказанное". На стр. 503: „Припомните, что я писал об Ангаре, что она есть не что иное, как продолжение Селенги". Также на стр. 506: „На празднике мы не застали богослужения, да если бы и застали, то я не описывал бы его, т. что вы имеете уже о нем подробные сведения и описание".

К сожалению, ни в одной из библиотек Иркутска не оказалось №№ „Вестника Естественных Наук" за эти годы. Не удалось также найти никаких указаний и в „Сибирской Библиографии" Межова.

Внимание его направлено на самые разнообразные черты быта и жизни голландцев. Укрепления голландцев в их упорной борьбе с морем, городская архитектура, устройство подъемных мостов, торговые сцены и обычаи, уличная жизнь, народные празднества, внутреннее устройство и убранство голландских домов, семейный и общественный быт голландцев, быт „простого народа": его одежда, игры, увеселения, нравственность, религиозность. Все это пересыпано историческими справками, яркими анекдотами, политическими и философскими рассуждениями, сравнительными замечаниями о свойствах разных народов (напр., „французы остры на словах, голландцы—в мыслях. Одно жеравляет более смеяться, другое делает более впечатления") и т. д. „Земля, нами обитаемая, есть закрытая книга, путешествие развертывает в оной листы, и сии листы—суть государства, в коих внимательному оку представляются люди и народы, как буквы, слоги и строки", определяет он свой метод словами Петра Первого.[21]

В „Гусином Озере", написанном спустя почти сорок лет после „Записок о Голландии", мы встречаем тот же метод, и ту же манеру наблюдения, и те же качества писателя. Можно, не боясь преувеличения, назвать этот очерк замечательным этнографическим описанием. Меткие и вдумчивые характеристики бурятской народности, внимательное вглядывание в окружающую обстановку, умение замечать и фиксировать мелочи—вот характерные черты его очерка. Наконец, все это проникнуто тем сочувственным, человеческим отношением к описываемой народности, которое только и характеризует подлинного этнографа. С этой стороны Н. Бестужев относится к той же категории этнографов, ярким представителями которых были Миклухо-Маклай и наш Потанин.

Чтобы оценить богатство очерка Н. Бестужева, достаточно отметить и перечислить те этнографические категории, которых он касается в своем описании: физический тип бурят, нравственная характеристика, описание колыбели, способы кормления ребенка, приветствия бурят, головные уборы и их ритуальное значение, описание юрты и внутреннее ее устройство, балагания белковщиков, заготовка дров, пища, хранение ее, напитки: арака и ее приготовление—тут же интересные замечания о пьянстве бурят. Затем свадебные обряды, калым, обычное право при белковании, способы исчисления времени и расстояния, различные гаданья, ритуальное убийство животных, развлечения: борьба, скачки, а также игры детей; подробное описание кузнечного

искусства, рыбной ловли—летней и зимней, и, наконец, заметки о социальном и религиозном быте (следы старого шаманства, шаманские могилы, ламаизм). Кроме того он приводит текст (в переводе) трех сказок и одной песни, попутно много метких штрихов для характеристики сказочника, аудитории, манеры рассказывания и формальных особенностей песен и сказок. Таково краткое внешнее описание статьи Н. Бестужева.

Его внимание часто приковывают мельчайшие детали быта, и он тщательно и подробно их описывает. Но это не простое накапливание фактов, которое так свойственно этнографам-коллекционерам,—здесь именно то выполнение совета Петра, которое он усвоил еще юношей. За мелкими деталями, за ничего не значащими мелочами он умеет разглядеть нечто важное и существенное для понимания народности в целом.

Один отрывок особенно характерен для манеры и метода Н. Бестужева. Он рассказывает о кузнеце Бакланыче: „Смотря на то, как Бакланыч ковал буряту топор, я думал о сходстве этого топора со всеми европейскими топорами, совершенно отличными от топоров русских. Узенький, не более 2½ или 3 вершков шириною, массивной (толстый к обуху), на длинном и прямом топорище, он совершенно сходен с тем топором, который французы называют [illegible] и употребляют для колотья дров. Здесь видимая выгода на стороне бессилия, которому помогает длинный рычаг топорища, узкое лезвие, не столько заклинивающее материю, и, наконец, клинообразное тело самого топора. Напротив, русский не бережет своей силы: его топор имеет коротенькое, кривое топорище, он толок, а лезвее у плотничного, или так называемого галерного топора, шириной почти 6 вер. Зато он делает топором все, на удивление иностранцев. Топор заменяет ему и пилу, и струг, и клещи, и молоток, и даже катерпис; топорище его сделано со смыслом; это не простая березовая палка, воткнутая в проушину топора; это хитрая кривая линия, которая, кроме того, что дает ловкость действию, такова, что если взять топор за кончик топорища, то носок топорища должен быть на одной отвесной линии с лезвием. Обух топора наварен сталью для вбивания гвоздей, а если понадобится вытащить гвоздь, то его ущемляют в угол язычка под топорищем и самым топором. Кроме того язычек этот служит и для того, чтоб топорище крепче сидело в проушине, потому что он как-будто служит ее продолжением. Этого ничего нет у бурятского топора. Употребляемый ими с довольною ловкостью при постройках немного шире и не так заостроват".

„Извините за подробности", кончает он: „но я думаю, что иногда эти мелочи обрисовывают дух народа".[2]

Ник. Бестужев говорит о себе, что он „пристрастен ко всему техническому", так что в данном примере не удивительна такая исключительная точность и осведомленность; но этот отрывок и, вообще, характерен для Бестужевской манеры описания. С такой же точностью и тщательностью описывает он и способы рыбной ловли, и детскую колыбель, и борьбу, и те или иные явления природы.

У нас нет возможности остановиться детально на всех сторонах описания Н. Бестужева. Полный и подробный пересказ не входит в задачи настоящей статьи. Наша цель будет достигнута, если удастся обратить внимание специалистов на этот замечательный очерк и тем — правда, с большим опозданием — восстановить его утраченное место в этнографической науке. Но некоторые черты все же следует выделить и отметить.

Заслуживает внимания то гуманное сочувствие, с которым Н. Бестужев относится к бурятам. У него нет того презрительно-любопытного отношения к „инородцу-дикарю", которое так характерно и так обычно для случайного наблюдателя или путешественника. Особенно ценит он честность, сметливость и сообразительность бурят. „Бурят сметлив и на все способен, и, что наблюдательность развита в нем в высшей степени". „Мне случалось", замечает он по другому поводу: „сажать с собой за обед бурят, приезжавших из отдаленных улусов, и эти люди, которые никогда не видали ни ложки ни вилки не принимались за кушанье до тех пор, пока не замечали, как это делают другие, и, право, делали не хуже иного: жаль, что калмыки и безбрачие лам останавливают размножение этого сметливого племени" [24].

Конечно, это не мешает ему видеть и другие черты племенного характера. С глубокой горечью отмечает он развивающуюся любовь к пьянству; отмечает хитрость, сутяжничество („бурят — первый истец и сутига"), скрытность, уклончивость. „От него вы ни за что не выведаете того, что вам надобно, но он своим терпением и наблюдательностью высмотрит вас насквозь. Он приедет к вам за надобностью, но на вопрос ваш, за чем он пожаловал, всегда ответит: „так", и будет терзать вас два часа, пока вы решительно и настойчиво не потребуете категорического ответа [25]. Свою характеристику бурятского племени он заканчивает следующими словами: „Что касается до умственных способностей бурят, то, по моему мнению, они идут наравне со всеми лучшими племенами человеческого рода". [26] Мы оценим глубже этот вывод, если припомним, когда были написаны эти строки. Николай Бестужев и здесь на много опередил своих современников. [27]

Но главное значение очерка Н. Бестужева—в его фольклористической части. Бурятский сказочный эпос и бурятская лирика сравнительно поздно привлекли внимание собирателей и исследователей. По данным библиографии Б. Я. Владимирцева видно, что систематическое специальное изучение фольклора бурятских племен начинается только с 70-х годов прошлого столетия [28]. В 50-х годах известно только несколько случайных записей, печатавшихся, преимущественно, в оффициальных изданиях—в губернских, областных и епархиальных ведомостях. Таким образом, записи Н. Бестужева являются одними из самых ранних, и с этой стороны научная их ценность представляется особенно значительной.

Конечно, это только переводы. Но, как свидетельствует Б. Барадийн, запись подлинного текста началась только с недавнего времени, первоначально исследователями (в том числе и Г. Н. Потаниным) давался лишь вольный пересказ [29]. К этой же традиции примыкает и Бестужевская запись. Не зная бурятского языка и не имея дословного перевода, мне трудно судить о достоинстве этой записи. Но, поскольку можно судить на основании сравнительного изучения сюжетного материала и композиционной структуры записанных Н. Б-ым текстов, эти переводы-пересказы видимо, возможно ставить очень высоко. С одной стороны этим они обязаны хорошему переводчику, с другой—умению быстро записывать. О хорошем переводчике свидетельствует и сам собиратель. „Близко тридцати лет живу я в этой окраине, но еще впервые удалось мне слышать сказки бурятские и иметь под рукой удачного переводчика". [30] (Есть основания предполагать, что и сам Н. Бестужев немного понимал бурятский язык). Несомненно, текст переводчика подвергся некоторой стилистической обработке, при чем особенно удачно Н. Бестужев вводит (или сохраняет) русско-сибирские областные слова [31]. Это позволяет сохранить тот естественный колорит сказки, который так часто утрачивается даже и при дословном переводе. „Не поскучайте и прочтите", пишет Бестужев, приступая к сообщению третьей сказки: „она запечатлена чистым бурятизмом". [32]

Ранние собиратели-фольклористы очень часто мало стеснялись текстом: некоторые эпизоды устраняли, взамен их вводили иные, наконец, иногда занимались сами сочинительством. Пример Сахарова—из истории русской этнографии—далеко не единичен. Такие случаи знает этнография каждого народа. Является законное опасение, не впал ли и Н. Бестужев в те же прегрешения первых этнографов. Но такое подозрение должно быстро рассеяться. Для того, чтобы т а к сочинить (хотя бы отдельные эпизоды), нужно было быть слишком хорошо знакомым с репер-

туаром не только бурятской, но и мировой сказки. В 1854 г. это, конечно, было совершенно невозможно. Не только для основных сюжетов, но и почти для всех вводных эпизодов, мы сможем без труда подыскать параллели как в бурятских и русских сказках, так и в записях сказок других племен и народов.

Вот, для примера, несколько параллелей, которые можно указать без специальных и кропотливых изысканий (только на основании бывшего у нас под рукой материала). Бестужевский текст сказки об Убугуне (№ 2) является вариантом сказки об Ангахай-Мергіне „Балаганского Сборника“. [33] Следует отметить, что суровый конец Бестужевского варианта (убийство за измену товарищей) более соответствует колориту и духу бурятского сказочного эпоса, чем более поздний вариант записи Хангалова. Возможно, что последний подвергся уже влиянию христианской морали; это подчеркивается еще и тем, что в последнем варианте совершенно исчезла из эпилога также и женитьба героя на трех женах. Богатырь, вбирающий в рот озеро и выпускающий его обратно, встречается также в сказке о Бор-ху (сборник Хангалова и Затопляева) [34].

Первая сказка примыкает к циклу сказок об обманщиках и хитрых ворах. В бурятском фольклоре ей соответствует группа сказок о хитром воре, сообщенная Г. Н. Потаниным в его „Очерках Северо-западной Монголии“. В частности, сказки о „Долон-Дондуш и Ганци-Ментыш“, „Аргат“ и др. [35] Большое количество вариантов этой темы уже в общеевропейском масштабе сообщает Г. Н. Потанин в известной своей работе о восточных мотивах в западно-европейском эпосе. [36]

Последняя сказка является вариантом мировой темы о лекаре или колдуне поневоле, искусно сплетенной с также широкораспространенной темой о людской неблагодарности. Завязывающий эпизод сказки (похищение лисицей шапки охотника) соответствует аналогичному эпизоду в записанной Потаниным сказке о Гахай-Тологой-Тюлюкчи [37].

Замечателен конец третьей сказки, где тема последнего сюжета (тема людской неблагодарности) искусно переходит в композиционную концовку. Лисица, к которой обратились старик и змея, как к последнему судье, помогает старику избавиться от змеи и подсказывает способ убить ее. После этого она спрашивает старика, доволен ли он ее советом. „Очень доволен“, отвечал старик: „да и впредь не премину им воспользоваться“. „С этим словом он ударил лисичку по голове так, что она тут же издохла, а он, сняв с нее шкурку, отправился домой, рассчитывая, что придет не с пустыми руками, и что

жене не за что будет бранить его, когда у ней будет добрый околыш на шапку. Вот везде на свете какая благодарность и мне скажут ли спасибо за сказку...“ „В этом случае Цыден-Бакланович обманулся“, говорит автор, „потому что, начиная с меня, все, большой и малый, равным образом выражали свою благодарность“.[35]

Современная наука выработала ряд методологических указаний для собираний памятников устного творчества. Одним из основных положений является требование записи биографических сведений о сказочнике, характеристики его манеры рассказывания, наблюдений над аудиторией. Вне всяких методических указаний, повинуясь только чутью этнографа, вдобавок этнографа-художника, Н. Бестужев точно предусматривает эти требования современной науки. Он разбрасывает четкие черточки для характеристики сказочника и его манеры, и зарисовывает настроения и переживания аудитории. „Я настоял, чтобы хозяин мой рассказал мне какую-нибудь сказку. Весть о том, что будут сказывать сказки, привлекла большую половину гостей, и хозяин мой, ободрившись чашкой арака, начал...“ И далее—„Все слушатели и слушательницы едва переводили дух от внимания, рассказ шел мерною прозой, периоды речи были очень короткие; после каждого рассказчик останавливался, чтобы откашляться, плюнуть или понюхать табаку, а слушатели произносили или дзе (хорошо) или а, а (знак внимания). Начиная период или происшествие, рассказчик, по обычаю сказочников всех народов, произносил слово дзе (хорошо).

Я взял хозяина за руку, поднес ему чарку водки, бывшей у меня в запасе, и просил рассказать еще какую-нибудь сказку. Ко мне присоединились многие, уверяя, что никто в свете не рассказывает так хорошо, как Цыден Бакланыч.

Подействовавало ли мое угощение или удовлетворение похвалами честолюбие, только Цыден Бакланыч, после обыкновенных прелюдий и каких-то поговорок, которых по-русски передать мне не сумели, начал новую сказку“...[36]

Заметки о социальном и религиозном быте не многочисленны и носят несколько случайный характер. Главным образом, наблюдения Н. Бестужева касаются экономической задолженности бурят и их постепенного обеднения в связи с рядом неурожаев и падежей скота в Забайкалье и растущим сосредоточением богатств в руках тайшей и зайсанов. Особенно подробно останавливается Н. Бестужев на обычае калыма, считая его одним из главнейших источников экономического разорения бурята. Указав на размеры и характер калыма, автор

отчетливо рисует картину постепенного закабаливания бедняка. „Несколько лет сряду постоянных неурожаев обеднями весь наш Забайкальский Край. Чрезвычайный падеж скота от голоду, особенно в третьем году, лишили бурят почти последнего существования. Есть места, где буряты сеют хлеб и для продажи; но за то большая часть сеет его только, как подспорье к своей молочной пище. Бедность однако не образумила их на счет калымов. Точно также, как и прежде, требуют много, потому что человеческий род везде одинаков и делает все вопреки очевидности. Бедный человек, чтобы купить невесту, должает русским, забираясь у них в какую-нибудь работу вперед за год и даже за два. Подушные идут своим чередом; земские поборы, часто злоупотребительные от пожизненных тайшей и зайсанов, довершают необходимость должаться. От этого выходит, что должники часто сверх своих сил и возможности обязываются работой или поставкою каких-нибудь припасов и материалов, а от того долги их год от году растут и прибавляются"... [11] „Обычай забирать деньги за год вперед так укоренился, что вы ни за что никогда ни за какие деньги в свое время ничего не достанете, если не заказали годом ранее". [12] Попутно, по этому поводу Бестужев отмечает несколько любопытных черточек в характеристике бурята. „Впрочем", пишет он: „как бы ни был не состоятелен ваш должник, он никогда не отопрется от долга; он будет вам платить или зарабатывать многие годы, но не откажется от своего обязательства. По этому самому я считаю, что если бурят не платит своего долга, не выполняет обещанья, уклоняется от исполнения работы, с вами условленной, то это скорее причиной обстоятельства, нежели умысел". [13]

В связи с все растущим экономическим влиянием богачей находится, по мнению Н. Бестужева, и бесправное положение бурятской массы. Эти наблюдения особенно ценны при сопоставлении с некоторыми недавними работами, несколько идеализирующими внутриродовые отношения. [14] Н. Бестужев категорически заявляет: „Наибольшие притеснения причиняют ему (буряту) его родовичи". „Буряты, которые осмеливаются жаловаться на злоупотребление тайшей и зайсанов, платятся за это весьма дорого. Правда", говорит Н. Бестужев: „сменяют и тайшей, наказывают и зайсанов, но для этого надобно открывать много больших, вопиющих злоупотреблений, а мелкое тиранство сходит с рук незаметно". [15]

Другим фактором экономического и правового порабощения бурятской массы Бестужев считает ламаизм. „Ламское сословие есть язва бурятского племени", энергично заявляет он. [16]

Николай Бестужев—этнограф.

Со времени опубликования этого очерка прошло 70 лет. Между тем читаешь его и следишь за наблюдениями и рассуждениями автора с интересом современника. Конечно, большая часть того, что описывает и рассказывает автор, не является новым для современного исследователя-этнографа. Значение этого очерка,—главным образом, как исключительно ценного дополнительного комментария к уже опубликованным материалам и сообщениям. Но главное, что пленяет в этом очерке, это—личность самого автора, с его разносторонними интересами и широкими запросами, с его стремлением прояснить обобщающей мыслью каждую этнографическую мелочь, с его отношением к самому „объекту изучения", с его темпераментом борца, который вдруг так внезапно прорвался в рассказе о „тиранстве тайшей" и обманах лам.

Замечательный этнографический очерк Н. Бестужева заслуживает, несомненно, полного переиздания. К сожалению, эта задача сейчас для нас непосильна. Но все же мы считаем необходимым хотя бы переизданием фольклористических материалов его отметить в этнографической литературе память этого выдающегося деятеля: революционера, ученого и друга бурятского народа [17].

ПРИМЕЧАНИЯ.

Настоящий очерк был прочитан в качестве доклада в заседании Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества 21 декабря 1924 г.

Автор выражает глубокую признательность Нилу Степановичу Романову, Заведывающему Центральной Городской Библиотекой, позволившему разыскать в Иркутске экземпляр редкой теперь книжки Н. Бестужева, а также и Агнии Николаевне Курбатовой за ряд существенных услуг технического характера.

[1] Общественное движение в России в первую половину XIX века. Т. I. Декабристы: М. А. Фон-Визин, кн. Е. П. Оболенский и бар. В. И. Штейнгель. (Статьи и материалы). Составили В. Богучарский, В. И. Семевский и П. Е. Щеголев. 1905; стр. 276.

[2] Д. И. Завалишин. Записки Декабриста, стр. 310.

[3] Ibid., стр. 273.

[4] Общественное движение... стр. 278—279.

[5] Дневник В. К. Кюхельбекера. *Русская Старина* 1883. VIII: стр. 253—254.

[6] Переписка А. С. Пушкина, под ред. и с примечанием В. И. Саитова, изд. Академии Наук, т. III; стр. 279—280.

[7] Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Предисловие и примечания С. Я. Штрайха. 1922; стр. 60—70. Также Б. Г. Кубалов. „Декабристы в Якутской области". *Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета.* Отд. I. Науки гуманитарные, вып. II. Иркутск, 1921.

[8] См. упом. раб. Б. Г. Кубалова.

[9] Общественное движение... стр. 310.

[10] Ibid., стр. 312.

[11] П. Хороших. Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности. Иркутск, 1923.

[12] Цит. по предисл. П. Е. Щеголева к „Воспоминаниям бр. Бестужевых". Изд. Огни. П. 1917, стр. VI.

[13] М. Азадовский. Письма А. Е. Измайлова о 14 декабря.

[14] Воспоминания бр. Бестужевых... стр. 283.

[15] Ibid., стр. 284.

[16] Любопытное описание устройства бестужевских печей находим у С. В. Максимова. „Огонь пропускался из горнила вверх, оттуда обращался вниз, потом холодным обращением снова кверху. Весь секрет заключался в том, что труба приходилась над этим последним холодцем. При 15 футах дров в тридцатиградусный (по Реомюру) мороз, печь сохраняла на другое утро тепла еще 10°, а при 30 футах дров при той же морозной температуре на улице, натопленная печь не дозволяла дотронуться рукой, на утро же следующего дня сберегала тепла 15°. Когда с этой печью ознакомили [illegible]

этого дела, а также изобретателя своей печи, архитектора-профессора горного института, И. И. Свиязева, он был поражен находчивостью Бестужева и практичностью его изобретения". С. В. Максимов. Николай Александрович Бестужев (по его письмам). *Наблюд.*. 1883, III; стр. 110—111.

[17] Воспоминания... стр. 296.

[18] ibid., стр. 287.

[19] ibid., стр. 300—301.

[20] Северные Цветы на 1826 год, собранные бароном Дельвигом стр. 107—108.

[21] „Рассказы и повести старого моряка", стр. 68.

[22] Ibid., стр. 547.

[23] Ibid., стр. 574.

[24] Ibid., стр. 575. С восхищением рассказывает Н. Бестужев об одном случае редкой изобретательности. Он потерял трубку, но „место бурята трудно было достать в распадах. Сейчас же [illegible] отыскал он старую баранью кость, обрезал ее ножом на подобие сигарной [illegible], набил табаком и для [illegible] выкурил сперва сам. Я [illegible], что художество его очень удовлетворительно и [illegible] во весь поход свой не лишился такой [illegible] трубки. В другой раз, [illegible] ждать, пока я выкурю три или четыре таких [illegible], [illegible] к простой [illegible], в которой он [illegible] просверлил боковую [illegible] дырку, набил широкий ее конец табаком и [illegible] приставил узенькое отверстие к губам и, таким образом, затянулся не хуже любого турка" (стр. 513).

[25] Ibid., стр. 571.

[26] Ibid., стр. 575. Интересно привести замечания о бурятах другого, также глубоко образованного, декабриста—Вильгельма Кюхельбекера. В упомянутом выше письме к Пушкину он пишет: „Буряты мне нравятся гораздо более кавказских горцев: рожи их безобразны, но не на Германскую стать, а на стать нашей любезной отечественной литературы: плоски и безжизненны. Тунгусов я встречал мало, но в них что-то есть: звериное начало ([illegible]) в них сильно развито и, как человек-зверь, тунгус в моих глазах гораздо привлекательнее расчетливого, благоразумного бурята. Русские здесь почти те же буряты, только без бурятской честности, без бурятского трудолюбия" (op. cit., стр. 270).

[27] Заслуживают внимания также замечания Н. Бестужева о гостеприимстве бурят „...буряты, действительно гостеприимны: самый бедный из них, при посещении его даже незнакомым человеком, засыпает для него в чашку последнюю варю чая и будет сидеть после того сам голодом несколько дней. За это посетитель не скажет ему никакого благодарного слова; даже в языке их нет слова „*благодарю*". С русскими они приучились говорить русское слово „*спасибо*" (стр. 573).

[28] Б. Я. Владимирцев. Библиография монгольской сказки. *Живая Старина*, 912, II—IV; стр. 521—528.

[29] Новый Энциклопед. Словарь, т. VIII; стр. 682.

[30] „Рассказы...." стр. 538.

[31] Н. Бестужев, вообще, очень внимателен, как и некоторые другие декабристы, к областным словам и выражениям. На стр. 548, в особом примечании он пишет: „В лингвистическом отношении укажем здесь на [illegible]

выражения - *тайга, грива, разлом* и *голец хребта*, падь, *самосушное* дерево, *зверовать, зверовщик, зверопромышленник; белковать, белковщик, белкопромышленник*, из которых некоторые (как *грива* и *голец хребта*) употребляются в значении отличном от указанного в Академическом словаре, а другие (как три последние) вовсе не упоминаются ни общим ни областным словарем".

Очень много областных слов приведено и в тексте, напр., *ветошь* трава, оставшаяся на зиму (стр. 496), *хлестко*—скоро (стр. 55); *бедлика*—подкова с острыми шипами (стр. 562) и др. На стр. 563 он приводит живописную фразу местных рыбаков „*Озеро гудёт...*".

[32] „Рассказы...." стр. 538.

[33] М. Н. Хангалов. Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды бурят. *Тр. В-Сиб. О. Р. Г. О.* т. V. 1903; стр. 167—174.

[34] Бурятские сказки и поверья, собранные М. Н. Хангаловым, Н. Затопляевым и др. *Зап. В.-Сиб. О. Р. Г. О. по отд. Этн.* т. I, в. I, 1889; стр. 84.

[35] Г. Н. Потанин. „Очерки Северо-Западной Монголии", т. IV; стр. 235—237, 249 и др.

[36] Г. Н. Потанин „Восточные мотивы в средневековом западно-европейском эпосе", стр. 197—198.

[37] Г. Н. Потанин „Очерки....." IV; стр: 539—540.

[38] „Рассказы" стр. 547.

[39] ibid., стр. 530.

[40] ibid., стр. 533.

[41] ibid., стр. 560—563.

Любопытна также та колоритная характеристика, которую в связи с вопросом о климате дает Н. Бестужев отдельным бурятским родам: „Гусиное озеро дает приют нескольким бурятским родам: Атаганскому, Хатагинскому, Олзонскому, Харанутскому, части Булюльского и Селенгинского. Самое людное и богатое селение расположено по р. Загустаю, по имени которого вся восточная и часть южной стороны озера зовутся Загустаем. Это селение есть, как будто, столица всех бурятских окрестных племен. Оттуда идут все моды, поговорки, новости. Если вы увидите шапку странной формы, то она, верно, принадлежит загустайскому моднику; тотчас молодежь перекраивает и свои на тот же фасон. Если услышите странное слово, поговорку, которая ничего не значит, то, верно, это слово занесено в наше соседство каким-нибудь загустайским львом. Загустайцы, будучи богаче других, первые начали украшать своих жен и дочерей дорогими [illegible], т. е. нитками кораллов, перемешанных с малахитом. Другие, хотя и победнее, но, повинуясь моде, разоряются на покупку этих драгоценностей, по настоянию своей женской половины... И ныне нельзя выдать девки замуж без того, чтобы у ней не было нескольких ниток кораллов. От этого кораллы очень дороги, и. что идут на покупку этих украшений" (стр. 579).

[42] ibid., стр. 571.

[43] ibid., стр. 571.

[44] Срвн. Б. Э. Петри „Элементы родовой связи у северных бурят". „Конечно, нельзя сказать, чтобы богач не эксплуатировал своих сородичей, обычно, он держит их крепко в руках, но будучи участниками его предприятий, они не остаются без выгоды". (стр. 21).

[45] „Рассказы...“ стр. 572.

[46] ibid., стр. 574.

[47] Кроме трех сказок, Н. Бестужев сообщает также и тексты нескольких лирических песен. Три из них сообщены были ему одним из его знакомых, неким Кельбергом, и приведены в стихотворном переводе Н. Берга. Перевод мало удачен, и для этнографа не представляет уже никакого интереса. Гораздо важнее текст песни, записанной самим Н. Бестужевым с помощью двух переводчиков, „поправлявших друг друга“ (стр. 526—527). Песня эта окрашена философско-религиозным настроением. К сожалению, в силу некоторых условий мы не имеем возможности привести здесь этот текст.

Говоря о фольклористических интересах Н. Бестужева, следует упомянуть, что и он и брат его, Михаил, немало интересовались также и отношением русского населения к своему прошлому и к природе. Михаил Бестужев пишет в „Воспоминании“ о полном и „холодном равнодушии“ сибиряка к преданиям (см. стр. 240—242). Н. Бестужев с горечью замечает о полном равнодушии сибиряка к явлениям природы. „Нет ни одного человека, чтобы занялся каким-нибудь наблюдениями, здесь—страна новая, все заняты больше материальными интересами к потребностям здешней жизни; все другое идет мимо глаз, мимо ушей, незаметно. Темные преданья, еще темнейшие намеки на какие-нибудь особенности почвы или климата, одни только достаются в удел любознательности“ (стр. 558—559).

ТРИ БУРЯТСКИХ СКАЗКИ,

ЗАПИСАННЫЕ Н. БЕСТУЖЕВЫМ.

1.

„Жили два брата: один был умный и на всякое дело делец; другой был глуп, но зато силен. Однажды стали они вместе работать телеги; умный сделал 10 телег, а тот только одну в то же время. Это стало досадно дураку; он с сердцов изломал все телеги у брата. Умный, видя это, не сказал ни слова, сжег обломки, склал в тулуп (мешок кожаной) пепел, и понес в город, спрашивая, кому надо золотого песку за товары? Нашелся один рисковатый купец, который согласился взять пепел и дать за него товара*. Глупый, видя у брата товар, спросил, каким образом достал он его. „Я променял пепел от своих телег", отвечал тот. Глупец тотчас сломал свою телегу, сжег ее, и пошел в город, крича во все горло: „кто даст мне товара за пепел моей телеги?"... Все смеялись над ним, а нашлись и такие, которые его поколотили.

„Раздосадованный глупец, воротясь домой и не застав брата, который, знав его, спрятался, напал на его жену и бил ее до тех пор, пока она не умерла. Тогда умный, оставшись вдовцом, придумал следующее: он заколол барана, налил его кровью пузырь, положил его за пазуху мертвой, посадил ее на лошадь, и сел сам сзади, поддерживая, чтоб она не свалилась. Таким образом он выехал в город и, проезжая мимо дворца тамошнего владетеля, увидел на площади играющих его детей. Пробираясь между ними, он сделал так, чтоб они зацепили его мертвую жену, толкнул ее с коня—и, когда баранья кровь пролилась из пузыря, он закричал благим матом, что у него убили жену! Владетель, услышав крики, выглянул в окошко и, узнав о причине, велел дать ему молодую и хорошую жену, взамен убитой.

„Когда дурак увидел у брата новую и красивую жену, он захотел узнать, как он достал ее, тот отвечал просто, что выменил на свою старую убитую жену у владельца той земли. Дурак, услыша это, тотчас убил жену и потащил ее прямо во дворец к владетелю, требуя, чтоб ему непременно дали новую жену. Владелец велел его жестоко отколотить палками.

* Товаром вообще буряты называют вещи, покупаемые в лавках, как-то: дабу, пису, полушелковицу, кожу и проч.

„Приехав домой, битый и злой, дурак с сердцов на брата надумал его сжечь. Для этого он расколол по-полам обрубок дерева, сделал из двух половин две колоды (корыта), впихнул туда брата и связал их обручами, а чтобы он преждевременно не задохся, то прорубил небольшую дырку. Отвезши его в лес, он положил его подле дороги, а сам пошел нарубить дров.

„В это время случилось какому-то кривому на один глаз мужику* гнать мимо этого места стадо скота и баранов и табун лошадей. Увидя лежащую колоду и в ней, в дырку, человека, стал его спрашивать, что он тут делает, а тот, прищуря один глаз, отвечал, что он кривой и лечится, и что у него скоро будут оба глаза здоровы: вскоре, раскрыв прищуренный глаз, он вскричал: вот и оба глаза здоровы. Кривой, обрадовавшись такому чуду, стал проситься лечь на его место, которое тот, когда сбили обручи с колоды, уступил ему охотно, и, наколотив снова обручи, увел домой, угнав с собою стадо коров, и баранов, и коней.

„Глупец, возвратясь, нарубивши дров, сжег кривого, не смотря на его крики, вместо брата: но как же удивился он, увидя его дома и жива и здорова и вместе с тем богатого... Как это случилось? Стал спрашивать он у брата; и тот отвечал ему, что когда сильно нагорелись дрова, то он с дымом ушел на небо и нашел там своих родных, которые, увидев его, с радости выдали ему весь этот скот. Глупец стал непременно требовать, чтобы брат сжег и его, что тот и исполнил, потому что от дурака брата ему житья не было... и сказке конец.

2.

„Жил был один старик и у него был сын, сильный богатырь, по имени Убугун, и слава о его силе прошла во все концы земли. Задумал богатырь жениться и пошел искать себе невесты. Идет он путем дорогою, и шел он довольно долго, как увидел человека в лесу, который, срубив дерево, ногтем драл дранье (употребляемое для крыш, изб и деревянных юрт). „Что ты тут делаешь?“ Спросил он. „Я пробую силу“ отвечал тот: я слышал про богатыря Убугуна, и хочу с ним помериться“. „Хорошо“, сказал Убугун, не признаваясь ему: „и я слыхал про него, и я хотел бы с ним сойдтись. Пойдем же вместе“. Вот они вместе идут и чрез несколько времени встречают человека, который, идя подле озера, вбирает его в рот, и выпускает

* Мужик здесь вообще означает: мужской пол как в людях, так и в животных, так например ягненок *мужичск*, или ягненок *женка*.

опять. „Что ты такое делаешь“. Спросили они. „Я пробую силу свою и хочу померяться с Убугуном, про которого так много говорят“. „Хорошо, отвечали они, и мы его ищем, пойдем же вместе“. Идут они день и два, и подходят к человеку, который, стоя подле горы, подымал плечом утес и опускал его опять. „Что ты делаешь?“ Спросили его путники. „Я пробую силу и хочу ею померяться с Убугуном, про которого надоело мне слышать“. „Пойдем вместе искать его“ сказали ему и пошли все четверо одним путем дорогою. Чрез несколько времени, пришли они в степь, где было многое множество скота табунов и баранов, а не видно было ни одного человека, кто бы нас их. Остановясь тут на отдых, они захотели прожить несколько времени в таком приволье. Поручив тому человеку, что ногтем щепал дранье, убить и изжарить четырех быков для обеда, остальные отправились в лес зверовать *.

„Оставшийся, убив и изжарив быков, лег отдохнуть в ожидании товарищей, как вдруг, откуда ни возьмись седой старик с огромной бородою, и схватив за *пятку* (ногу) спящего, начал его бить конским бичем, приговаривая: „вы не умели добра сами наживать, а умеете воровать“—и бил, бил его сколько душе было угодно. Потом, съев всех четырех быков, оставил его на месте почти замертво.

„Битый, опомнившись, убил снова четырех быков, снова зажарил их, и стал дожидаться товарищей.

„Когда отсутствующие воротились, то спрашивали оставшегося товарища: нет ли чего нового, не был ли кто, или не видал ли он чего? Он со стыда отвечал, что нового нет и он никого не видал. Затем, добрые молодцы сели обедать, скушали четырех быков и расположились потом отдыхать. На завтра очередь оставаться досталась тому, кто пробовал силу свою над озером. Он также убил и изжарил четырех быков и также лег отдохнуть, как в полдень явился, незнамо откуда, тот же седой и бородатый человек, прибил его до полусмерти, съел четырех быков и оставил его еле живого. Чтобы не показать товарищам своего стыда, он снова убил и зажарил столько же быков и, когда товарищи вернулись, также отвечал им как и первый.

„На третий день, с третьим также было поступлено: а на четвертый, очередь оставаться стала за Убугуном. С ним случилось тоже, что и с прочими, но только, когда седой старик хотел его бить, то он схватил его за бороду, притащил

* Охотиться *Примечание автора.* Все предыдущие и последующие примечания к тексту сказок также принадлежат Н. Бестужеву.

к огромному утесу, приподнял его, вложил в щель бороду и потом, опустив утес, оставил старика с ущемленной бородой, как в капкане, чтобы показать его товарищам.

„Но когда те, воротясь и услыхав от Убугуна о случившемся, просили посмотреть на старика, то нашли только ущемленную бороду с вырванною челюстью. Пообедав и отдохнув, товарищи пустились отыскивать по следу седого человека, и этот след привел их к подземной пропасти, куда тот скрылся. Заглянув в нее и увидав, что нет туда ни спуска ни лестницы, товарищи принялись бить скот, снимать кожи, резать ремни и вить веревки.

„Когда веревка достаточной длины была свита, Убугуну досталось спуститься по этой веревке, потому что другие уступали ему разведаться одному со стариком. Спускался он долго, три дня и три ночи, и когда спустился, то увидел себя в подземельном владении седого человека, где нашел трех его дочерей, совершенных красавиц, плачущих над отцом, умершим от последней поездки на землю. Сказав красавицам, что плакать по мертвым не вечно, а лучше жить с живыми, он привязал их к веревке и, дернув за нее, подал знак товарищам, чтобы поднимали. Долго дожидался Убугун, чтобы снова спустили веревку и для него, но товарищи-изменники, завладев тремя сестрами красавицами, не захотели с ним делиться, и не спустили более веревки.

„Видя, что с этой стороны ожидать ему более нечего, он пошел искать другого какого-нибудь выхода, и ходил долго, пока не нашел дерева, на котором было огромное гнездо, а в том гнезде три птенца, только что вылупившихся из яиц, но величиной с человека. Один из них плакал, другой пел песни, третий смеялся. „Какие вы птицы, спросил Убугун и почему один из вас плачет, другой поет песни, а третий смеется?“ „Мы дети царь-птицы“, отвечали ему они: первый плачет, потому что сегодня его очередь быть съеденным огромным летучим змеем; второй поет песни в ожидании завтрашней очереди, а третий смеется тому, что очередь его еще далека. Если ты можешь, то помоги нам“. Убугун вырвал с корнем дерево, обломал сучья и корни, и с такою дубиною спрятался за дерево. Вскоре, с шумом и свистом, подлетел змей к гнезду и только что хотел схватить первого птенца, как Убугун со всего размаха ударил его дубиною по голове и убил. Тут прилетела царь-птица, огромная, как четыре верблюда, и была у нее радость великая. „Ты избавил меня от змея злодея, говорила она Убугуну, злодея, который каждый год прилетал пожирать

моих птенцев. За такую услугу я готова для тебя сделать все, что ты захочешь, требуй, и я исполню". „Я хочу только одного, отвечал Убугун, „чтобы ты вынесла меня на белый свет". „Изволь, сказала она: только надобно заготовить харчей, потому что дорога дальняя, лететь высоко, и если у меня не хватит харчи, то не будет и силы вынести тебя".

„Убугун начал бить скот, резать с костей мясо и класть в тулуны (кожаные мешки), а когда изготовил столько, чтоб стало на дорогу, то привязал тулуны на спину, а сам сел верхом птице на шею. Так полетели они, и летели день и другой и третий, всякой раз, когда царь-птица обертывала голову к Убугуну, он бросал ей в рот кусок мяса. Наконец, показался и белый свет, а харчей у Убугуна не стало. Птица повертывала голову и раз и два и три, а у Убугуна дать ей было нечего.

„Наконец, птица говорит, что она отощала: крылья стали махать тише, и Убугун, испугавшись, что упадет опять в пропасть, отрезал у себя стегно и дал ей. С этим разом, птица вынесла его из пропасти.

„Но когда Убугуну надобно было слезать с нее, то он упал на землю, не могши встать на ногу, от которой было отрезано стегно. „Что это значит" спросила птица—и когда Убугун рассказал ей в чем дело: „бедный" сказала она: мне так сладок показался последний кусок". С этими словами она отрыгнула проглоченное стегно; снерва сплюнула на рану, потом дунула на рану, и стегно приросло и зажило попрежнему.

„Теперь прощай, сказала птица: не поминай меня лихом!" и бросилась опять в пропасть, а Убугун пошел отыскивать своих товарищей по следу. Вскоре нашел он их, и в наказание за измену—первого, расколов дерево, защемил в него; другого заставил вынить целое озеро и, связав руки и ноги, завязал также и рот, а третьего до половины подсунул под приподнятый утес, придавил им—и оставил их так умирать своею смертью; а сам взял трех красавиц—и стал жить да поживать в степи, на которой паслись стада и табуны отца и трех жен его. И сказке конец.

3.

„Жили были старик со старухой. Старик был глуп и ленив, старуха не могла уже работать, и жили они, побираючися подаянием. Всего житья-бытья у них было: сивая собака да сивая лошадь. Однажды, когда старуха занемогла, вадумала она послать мужа просить милостыни, но никак не могла уговорить его. Зная, что он охотник до масла, она потихоньку спрятала

кусок масла в кадку, оставшуюся подле пустого Согульжона (зимнее стойбище) своих соседей. „Поди-ка, пошарь в кадках у соседей, не найдешь ли чего-нибудь поесть, говорила она мужу, ведь ты два дня уже ничего не ел". На этот раз ленивец послушался и нашел кусок масла, так был обрадован находкой, что с радости обещал просить милостыни.

„Тогда жена сделала ему из старого и закопченого войлока от юрты кое-какую одежду, чтобы прикрыть наготу, из волосяных веревок, что связывают войлоки на юрте, связала кое-какую сбрую на коня, посадила ленивца верхом и отправила его по миру; собака побежала за ним.

„И едет он путем-дорогой и случилось ему проезжать груду каменьев, как вдруг мимо его пробежала лисица и тотчас спряталась недалеко в свою нору в каменьях. „Вот бог посылает добычу", подумал старик, слез с коня, чтоб достать лисицу, но заметя, что нора лисья была в двух выходах, он заткнул шапкою одну из лазеек, скинул с себя платье, чтоб легче было работать, положил на коня, а коня привязал поводом к собаке, и так начал разбрасывать камни. Лиса, видя беду неминуемую, бросилась из норы вон в ту лазейку, что заткнута была шапкой. Шапка завязла на голове у лисицы, которая бросилась бежать со всех ног; собака, увидя лисицу, кинулась опрометью за нею; лошадь, привязанная поводом к собаке, поскакала за обеими поневоле, а с нею понеслось и платье стариково!...

„Оставшись нагишем, глупый старик не посмел вернуться домой к жене, которая часто его бранила и бивала, и потому он пошел, куда глаза глядят. Вскоре пришел он к большому селению, где стояло множество домов и юрт, где проживал богатый и *могутный* * владелец той земли. Не смея показаться голым в селение, он влез на хлебный загородь и закрылся от холоду соломой. Не в долге вышла из селения дочь владетеля с своими девушками гулять и, идучи мимо загороди, уронила с руки дорогой перстень с большим самоцветным и блестящим камнем и, не заметив этого, пошла далее.

„Случилось, что тут же какая-то корова щипала траву, проходя мимо загорода, на том самом месте, где упал перстень, и шла, подвигаясь по немногу от былинки к былинке. В то же время бурятская девушка, которая собирала свежий коровий помет для того, чтоб замазать щели в бараньей стойке, стоявшей прямо против загорода, захватила с пометом и перстень. Стала замазывать щель, но, ощупав что-то твердое, вынула перстень, обтерла его и, пленясь блеском камня, решилась его утаить, а

* Могутный, по здешнему—могущественный.

потому, снова залепив его пометом, заткнула им щель, в надежде со временем достать оттуда и воспользоваться находкою.

„Старик, лежавший на загороде, видел все эти происшествия. Когда стемнело, он, обвязавшись соломою, слез и пошел потихоньку в селение, чтобы попросить милостыни. Но куда он ни показывался, все бежали от него, пугаясь его наряда; наконец, сделался такой гвалт, что должно было его схватить и посадить под караул, как опасного или сумасшедшего. Сидя в горе и голодный, он услышал речи карaульных, которые говорили, что дочь владетеля занемогла от потери дорогого перстня, которого нигде не могли найти; что отец, любя дочь, в отчаянии и обещает щедро наградить того, кто вылечит ее. „Скажите-ка вашему владетелю, что я могу вылечить его дочку, пусть он только накормит меня", промолвил старик: голод заставил его и говорить и действовать. Карaульные сперва смеялись ему, но потом, видя настойчивость требования, пошли и доложили. Обрадованный владетель велел привести к себе нового лекаря и накормить его досыта, и по требованию его, дал ему срок до утра выспаться хорошенько от дневной усталости. На утро, старик велел всех коров, какие были в околодке, собрать в одно место, а девушек в другое; потом, выпуская первых поодиночке, когда он узнал корову, бывшую причиной всего несчастья, то велел убить ее. Это было беспрекословно исполнено. Затем, обратившись к тому месту, где были собраны девушки, он стал выпускать их также по одиночке и, когда дело дошло до той, которая вымазала перстень с коровьим пометом в щель барановой стойки, он велел убить ее также. Когда же старик повел владельца и его свиту к щели, и вынул оттуда перстень, то радость владетеля не имела пределов.

„Радость дочери была еще более и подействовала скорее всех лекарств. Теперь дело стало за наградой лекаря, но тот не потребовал ничего более, кроме своей лошади, своей собаки и такого же платья, какое сделала ему жена из закопченного вьюнка— потому, что поразмыслив хорошенько в своей дурацкой голове, он заключил, что будет бит своей женою, если не придет к ней также, как она снарядила, а другому ничему он не дал никакой цены. Как ни странно было требование, но по упорству, с каким он настаивал и отказывался от прочего, его удовлетворили вполне, согласно с его желанием и, наградив сивой лошадью, отпустили.

„Возвратясь к жене, он как мог, рассказал ей свое похождение и был прибит больно за свою глупость, что отказался от подарков, взял только лошадь и собаку.— „В другой раз

будешь еще больше бит, ежели сделаешь такую же глупость", сказала она.

„Между тем старший сын соседнего владетеля, увидав красавицу, дочь владетеля, у которого был в гостях наш старик, пожелал на ней жениться. Свадьба состоялась, но новобрачный вскоре захворал, недолго болел и умер, несмотря на все пособия лекарей. Второй сын женился на вдове, и он также жил недолго. Третий, четвертый, а их было шестеро, подвергались той же участи. Пятый последовал их примеру: женился и умер, а шестой и меньшой из всех братьев так был ослеплен красотою вдовы, что несмотря на необыкновенную смерть братьев, не внимая увещаниям родных, которые начали подозревать причину гибели семейства в самой вдове, женился на ней — и в тот же день лишился жизни. Встревоженный отец послал вести во все концы, чтобы сыскать какого-нибудь знающего человека, который бы помог ему.—Когда слухи об этом дошли до владетеля, отца жены шестерых братьев, он послал своих посланных за знакомым ему стариком, который так искусно помог и вылечил его дочь. Застав его дома и схватив насильно, посадили его на лошадь и доставили прямо к кровати больного. Тут отец последнего объявил старику, что наградит его выше всякой меры, если он искусством своим поможет больному—и велит заколотить палками, если тот умрет.

„Что тут было делать глупому старику? Он попросил отсрочки до утра, сказав, что ему надобно подумать об этой болезни. Когда ночь хорошенько стемнела, он вздумал убежать; выбрался на двор потихоньку, но нашел все выходы запертыми, решился перелезть чрез коровью стойку, бывшую ниже других строений, но только что взобрался с трудом на плохую крышу, сделанную из жердей и забросанную навозом, как провалился в самую стойку между быков и коров. В то же время в открытую дверь вошли еще бык и корова и, ударившись об земь, сделались один мужчиною, другая женщиною. Они повели такой разговор:

„Когда ты меня избавишь от последнего твоего мужа?

„Потерпи еще немного".

„Но ведь привезли того старика, который вылечил тебя; ну, если он вылечит и твоего мужа?

„Не бойся, пока у меня на руке перстень, ему не выздороветь. Зато лишь он наденет его на палец, то встанет бодр и здоров.

— „Но тебя уже подозревают. Я боюсь, что изведут и тебя".

„Не изведут. Для этого надобно разрубить меня на шестьдесят кусков; призвать шестьдесят кузнецов, развести огонь на шестидесяти горнах, бросить туда мое тело по кускам, раздувать шестидесятью мехами и потом пепел развеять по ветру".

„Переговорив таким образом, они обратились снова в быка и корову и ушли.

„Обрадованный старик узнал дочь первого владетеля, которой он отыскал так счастливо перстень. Выбравшись из стойки, он тотчас велел о себе доложить владетелю и, когда его к нему привели, он сказал, что иначе вылечить не может сына, как достав хитростью или силой перстень с руки его жены, которая злая колдунья и любит другого такого же колдуна и что вся беда с шестью братьями от нее.

„При этом известии владетель, давно подозревавший в делах невестки что-нибудь нечистое, велел просто отнять у нее перстень силою, а старик, получив его, до тех пор не хотел из боязни употребить перстня, пока будет жива его хозяйка. Для этого разрубили ее на шестьдесят кусков и заставили шестьдесят кузнецов сжечь и развеять ее пепел. Когда же, после этой казни, старик надел перстень на палец больному, тот опамятовался, пришел в силу и встал с постели. Когда же ему сказали, что жена изрублена и сожжена по приказанию лекаря, он пришел в такую ярость, что если б не владетель-отец, он убил бы старика. Со всем тем, он настоял, чтобы его выгнали вон, чтоб его не видеть более, не слыхать его духу. Владетель не задумался исполнить волю любимого сына, и старика вытолкали взашей, голодного и битого.

„Идучи с горестью домой, старик задумался о людской неблагодарности. Как ему было показаться к жене без всего, даже без сивой собаки и сивой лошади? Идет он, идет, и вдруг ветер стал на него наносить дым, а вскоре за этим показался и пал*. Бегучи от этого непредвиденного врага, он

* Палами называются лесные пожары, часто случающиеся при летних засухах. Не только неосторожно разведенный в лесу огонь распространяет пожар, но достаточно выбить из трубки пепел с огнем, чтобы раздутые ветром искры зажгли траву и сухие ее корни, а от них валежник и т. д. Осторожные охотники и пастухи, разводя огонь, сгребают в него весь около лежащий на сажень и более сор, ветки, хвою, шишки и прочее, и по нескольку раз засыпают землею загорающиеся корни дерева, уходя, затаптывают огонь, заливают водой, ежели есть, или засыпают землей, но отнюдь не разбрасывают головешек. В прежнее время, а в некоторых местах и теперь, весною выжигают жнивники и покосы, где старая трава или по здешнему ветошь, слишком густа и не позволяет пробиваться молодым всходам. При сухих веснах и это бывает причиною лесных пожаров, несмотря на все предосторожности.

увидел змею, висящую на сучке дерева, под которое пал подходил уже близко. Видя, что змея сгорит, он вздумал ее снять с сучка; но ядовитое животное, только что он взял ее в руки, разом обвилось ему около шеи и заговорив человеческим голосом, как он смел безпокоить ее сон, высунуло жало и хотело его зажалить.*. „Пожалуй", говорит ей старик, „за что ты хочешь убить меня, я же тебя хотел спасти от пожара, без меня ты бы давно изжарилась!"

„Тебе никакой надобности до меня не было. Я хотела погреться; снимать с сучка я тебя не просила, а потому ты должен умереть."

„Сделай милость, подожди: ну как же ты хочешь без суда и без всякой моей вины извести меня: по крайней мере попросим кого-нибудь, чтоб разсудил нас, стою-ли я смерти".

„Змея согласилась на это условие:—и вот, попадается им на встречу собака. Старик рассказывает ей свое горе, что змея вместо благодарности за ее спасенье хочет умертвить его, и просит сказать свое мнение. „Благодарности нет на свете, отвечает собака: надеяться на нее не должно; вот я приведу в пример мою жизнь. Жила я у человека пятнадцать лет, берегла его юрту от воров и зверей и недавно еще выручила хозяина от волка, который чуть не заел его, и в этой схватке я потеряла все свои силы и поломала все зубы. Ну, думала я, хозяин верно успокоит из благодарности мою старость; но он, видя, что я уже стара и бессильна, перестал давать мне даже помои, и как я все еще не отходила от юрты, то он сегодня столько бил меня, что я должна была уйдти сюда". С этими словами собака убежала.

„Вот видишь ли, сказала змея, собака решила дело в мою пользу. Готовься!"

„Ради бурхана, умолял ее старик, подожди еще кого нибудь; ты знаешь, что у собаки и суд собачий!"

„Хорошо, сказала змея, даю тебе еще сроку; вот тащится конь, верно он тебе то же скажет."

„В самом деле, к ним подошел старый конь, который так был худ, что кости его были все снаружи. Старик повторил ему свою просьбу.

„Не надейся ни на какую благодарность, сказал ему конь; вот тебе мой пример: я служил хозяину верою и правдою;

* До сих пор мало еще кто знает, что змея жалит или кусает зубами. Обыкновенно называют жалом ее раздвоенный язык, которым она ловит насекомых. Художники даже представляют это жало в виде копьеца.

возил его и близко и далеко. избавлял его от многих бед, но редко бывал сыт, а больше бит. Бывало поедет он *аракадаку* * к соседям, верст за двадцать, привяжет меня усталого к столбу перед юртою: сам пьянствует суток трое, а я стою себе голодный у столба; и вот нынешнее лето выбил меня совсем из сил. Видя, что я его возить уже не могу, он пустил меня в поле, чтоб я отъелся. Я сначала думал, что это по доброте, но потом подслушал, как он говорил жене своей, что когда я буду посытнее к осени, то он меня убьет, чтобы съесть.* Вот теперь я иду подальше; авось он меня осенью не отыщет". Сказавши это, конь поплелся далее. „Ну, теперь ты видишь, сказала змея, что и другой твой судья осудил тебя. Готовься!"

„Подожди еще немножко, дай попробовать до трех раз счастья, молил ее старик, и как на ту пору подбежала к ним лисица, то змея согласилась и на этот раз сделать уступку.

„Лисице также передал свое дело старик, прося ее правого суда. Хитрая лиса начала с того, что обратясь к змее, спросила: согласна ли она ее третейское решение? и когда змея согласилась, то лиса велела ей отпустить старику шею и сойти на землю: когда же змея исполнила это, лисица мигнула старику на близ лежащую палку. Как этот ни был глуп, однако, беда придала ума, он догадался, схватил палку и разом вышиб дух из змеи.

„Ну, доволен ли ты моим советом, спросила его лисица? —„Очень доволен. отвечал старик, да и впредь не премину им воспользоваться". С этим словом он ударил лисицу по голове так, что она тут же издохла, а он, сняв с нее шкурку, отправился домой, расчитывая, что придет не с пустыми руками и что жене не за что будет его бранить, когда у ней будет добрый околыш на шапку.

„Вот везде на свете какая благодарность! и мне скажут ли спасибо за сказку?..

* Пить араку.
* Буряты едят лошадиное мясо.

Всев. Малаховский.

„СОВЕТСКОЕ ВИНОГРАДЬЁ".

Летом 1924 года я по поручению этнологической секции ВСОРГО ездил в научную командировку в село Посольское (оз. Байкал). Главной целью моей поездки—были диалектологические наблюдения.

Во время этой поездки мне удалось услышать и записать любопытный текст „Савецькаво винаградья".[1]

Это „савецько виноградье" – интересный образчик приспособления старых традиционных форм к новым условиям. Приспособить старые, устойчивые формы песенной традиции к потребностям нового быта, конечно, значительно легче, чем создавать новые. И наряду с новыми песнями, посвященными революции и политической борьбе, деревня пересматривает старые запасы, тщательно выбрасывает „царей", „королевичей", „бояр", выбрасывает эпитеты: „государев", „боярский", „господский", изгоняет из песен „божественное" (ср. с печатаемой ниже колядкой варианты М. К. Азадовского) и т. д., стараясь видоизменить, приспособить к новому быту свое песенное богатство. С этой стороны „Советское виноградье" очень интересно. Перед нами своеобразное изменение исконной песенной традиции, совершающееся на наших глазах.

Текст „Савецькаво винаградья" спела мне жительница села, Пелагея Кондратьева Кононова, главная „песельница и плясунья" Посольска.[2]

Пелагея Кондратьевна „стара дэушка", ей 73 года, но она необыкновенно живая и бойкая. На свадьбах и вечерках она главная зачинщица песен и плясок. По виду она моложе своих лет. Это крепкая, статная женщина. По спине вьется прекрасно сохранившаяся, длинная, чуть подернутая сединой „девичья коса", которой П. К. очень гордится. За все это время она так и не вышла замуж, хотя и были предложения. На желтоватом, чуть подернутом морщинами, лице, блестят живые, еще совсем молодые глаза. Рядом с ней, ее брат, Савелий Кондратьевич, которому 65 лет, кажется совсем дряхлым стариком:

охает, кряхтит, жалуется на старчество и болезни. Он—мужчина и глава дома. Сестра заботится о брате, как жена о муже, исполняет все его приказания: „Пелагея, ставь самовар“, „Пелагея, дай спичку“, „Пелагея, напои лошадь“.

Брат с сестрой живут очень дружно. Изба у них маленькая, старая, осталась от родителей. Оба уже не могут заниматься хлебопашеством. Савелий Кондратьевич иногда помогает рыбакам, но главным образом—плетет сети. Старикам помогает общество.

„Мы сшироты асталис апосля матери“*—рассказывала о себе Пелагея Кондратьевна.—„Перва любительнитса мать-то у миня быwа, перва несшельнитса, плесшунья, а худабы ни видать“.

Большинство песен, которые поет Пелагея Кондратьевна, она „переняла“ у матери. Родители Кононовой исконные жители Посольска: „Пасольсшки, тут и радилис“.

Вечером, по приглашению Пелагеи Кондратьевны, я был у нее в избе. Она пригласила своих односельчанок А. А. Попову, А. И. Попову и А. А. Зорину. Все песни пел составившийся таким образом квартет.

Сначала певицы стеснялись: „Ну, ничо, он ни абидит!“—сказала, намекая на меня, Пелагея Кондратьевна.—„Отблагадарит!“—„Ну, чо вам спеть? Разве савецько винаградьё. Лонись матросы приежжали. Пела имя. Шыпко имя савецько винаградьё понравелось. Ф трупки каки-то заставляли петь. Филипон [телефон] што-ли? Таваришшы у их на Большеречьке стаяли [Большая речка—поселок в 10 верстах от Посольска]; три раза пела. Ну, спаём што-ли?“—обратилась она к подругам.

„Зачинала“ Пелагея Кондратьевна. Через два-три пропетых слова—подхватывали подруги. Пели высоким речитативом, почти фальцетом.

Живой характер Пелагеи Кондратьевны прорывался во время пения в разных замечаниях, которыми она пересыпала текст песен. Так, напр., слова песни „Свельбишна при стале“—„вечер ана во чесном пиру быwа, утрась рана сына парадиwа“—Пелагея Кондратьевна снабдила замечанием: „ишь, веть, как скоро!“ В другой песне сделала примечание: „Пра царя-то ни паём, нигожо“.

* Курсивом как здесь, так и во всех последующих случаях, показаны гласные под ударением.

Савéцько винаградьё.[3]

Ходят рибята комедофшычьки[4]
Ищут, паищут савецькой дом!

Винаградьё красно-зеленоё маё
Д'винаградьё красно-зеленоё маё![5]

После каждой строфы припев: „Винаградьё красно-зеленоё маё“ и т. д. повторяется. Дальнейший текст печатается уже без припева:

Савецькой дом д'ниподалеку стаит,
Ниподалеку стаит на сшимидисшьти стаwбах,
На сшимидисшьти стаwбах, на васшьмидисшьти верстах.
Фкрук савецькава дома жылезной тын,
На кажной тычынки па макофьки,
Па свечьки гарит, па жымчюжынки.
Как хазяин ва даму, как Адам в раю,
Хазяйка в даму, как аwадейка в меду,
Маwы детушьки, как аwадейки.[6]
Хазяин—от дариw заwатой гривной,
Хазяюшка дариwа чорным бархатцем,
Маwы детушьки па капенчки.
Заwату гривну мы на вине пропили,
А капенчки па сшибе разделили;
Из бархатцу рукавэчьки сашьём;
Рукавэчьки маленьки—ручьки зжябут,
Чоботы маленьки—ношки зжябут,
Шуба-та худа, на падоли дыра,
(Вот кака шуба!)
Пузырём пwачона, шоwком выстрачона.
Пазволь, хазяин, ва тёплые зайти!
Мы карову за рага—ни карова са двара,[7]
Ни карова са двара, так красну дефку са двара[8].

Виноградье в Посольске давно уже перестали петь, как „колядку“, на рождестве: „Плют всяко, на свальбе, или как, кагда взвеличеть надо“—пояснила П. К. Кононова. Только текст указывает на былое употребление „виноградья“: „позволь, хазяин, ва теплые зайти!“

Любопытно отметить, что старое „колядовщичьки“ в Посольске превратилось в „комедовщичьки“, т. е. комедианты, от слова „комедь“ (сравн., напр., в вариантах М. К. Азадовского: „ходят рибята—колядовшички“).

Очевидно, в данном случае мы имеем дело с любопытным примером так называемой „народной этимологии“: непонятное для посольца слово „коляда“, „колядовщичьки“ было осмыслено с помощью слова „комедь“. Тем более, что само виноградье уже потеряло для посольцев свой былой „рождественский“ характер и превратилось в обычное „величанье“. Не указывает-ли, кстати, слово „комедовщьки“ на былое существование в Сибири бродячих актеров, комедиантов, память о которых не сохранилась в других местах Сибири?

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹ „Виноградье"—род *колядок* или *колядских песен*. Эти песни поются, обыкновенно, накануне рождества молодежью, которая ходит по [illegible] домам и получает подарки. Текстов „Виноградья", вообще, по Сибири, насколько нам известно, [illegible] немного. Тексты колядок можно найти у *Макаренко* — Сибирский Народный Календарь (Спб. 1913), *[illegible]* А. А.—(Русская Старина 1874. XI), *[illegible]* М.—[illegible] округ и *[illegible]*—Русские простонародные праздники" (Вып. 2, стр. 66—67). Тексты [illegible] сибирских колядок опубликованы [illegible] („Отчет"—Сборник Русск. яз. и слов. XVII т.), Шейном („Русские народные песни" 1870 г.), Снегиревым ([illegible]), [illegible] („[illegible] в области русского духовного стиха") и др. Большинство из известных мне текстов сибирского „виноградья" [illegible]. [illegible] ресны колядки, записанные на Лене М. К. Азадовским, текст которых представляется [illegible], приводимой в настоящей статье. Тексты колядок, записанные М. К. Азадовским, [illegible].

² Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность *И. Г. Бельскому*, председателю [illegible], которому я, в значительной степени, обязан знакомством с Пелагеей Кондратьевной.

³ Несколько замечаний по поводу фонетической транскрипции, которой записано „винаградье". При непосредственном записывании я пользовался более сложной системой транскрипции, стремясь отметить, по возможности, [illegible]. К [illegible] по [illegible], приходится ограничиться переводом этой записи на упрощенную. Буквы *я*, *ю*, *ё*, *е*, *и* обозначают сочетания гласных *а*, *у*, *о*, *э*, *и* с предшествующим мягким согласным. Во всех других случаях мягкость [illegible]. В начале слога и слова буквами *я*, *ё*, *ю*, *е* изображается сочетание звуков *а*, *о*, *у*, *э* с *й* (j). Буква *э* обозначает нейотованное *э* в начале слога и слова, в других случаях [illegible] (нелабиализованный?), билабиальный. По необходимости—иррациональные гласные ъ и ь передаются буквами *ы* и *и* и иногда через *о* (в сильном положении). О характере говора П. К. Кононовой см. в моем отчете о диалектологической поездке в Посольск.

⁴ В одной из колядок, записанных М. К. Азадовским, вм. комедовшычьки—[illegible] (см. [illegible]). [illegible], в текстах М. К. Азадовского читаем:

> Благаслови боже, хазяин, коляду гаркать,
> Благаслови-ка, воспадин, коляду гаркать.

Далее начинается текст, почти тождественный с приводимой мной колядкой, с [illegible] колядки к [illegible] условиям:

> Тут ходят ребята колядовшичьки,
> Ищут рибята восудареф двор:
> Восудареф двор на семидесьти столбах,
> На семидесьти столбах, на восьмидесьти верстах,
> На кажным сталбе по макофке.

Это описание „восударева двора" в колядках—обычное явление.

[5] Припев: „виноградьё зеленое моё“ или „виноградье зеленое“ часто встречается и в сибирских и в великорусских колядках, независимо от их содержания (см., напр., тексты у *Макаренко* „Сибирский Народный Календарь“ стр. 131, 133).

[6] Это славословье хозяину также довольно обычно. Срави.: „Хозяин во дому, што Адам в раю; а хозяйка во дому, што аладья в меду“ (Енис. у. *Макаренко*, стр. 129) или

„Как хозяин во дому, будто пан во раю;
Как хозяюшка во дому, будто пчелочка во меду,
Малы детушки во дому, как оладышки во меду“ (*Макаренко*, 134. Записано в Нинчуг. вол., Енисейск. у.).

[7] Слова „Мы карову за рога“—ничем не связаны с предыдущим текстом и не мотивированы. Иначе в некоторых текстах, приводимых *Макаренко* (стр. 129) и в колядках, записанных *М. К. Азадовским:*

Ты хазяин, хазяин, подай пирага,
Ни дашь пирага, мы карову за рога
Корову за рага, жиребёночка за нос!

или: Ты хозяин, хозяин, подай пирога, не дашь пирога, мы корову за рога и т. д. (см. приложение).

Следует отметить, что из колядок это обращение к хозяину перешло в обычный припев ребятишек „христославов“, славильщиков, которым они совершенно неожиданно заканчивают „молитвословье“:

Не дадите пятака—
Мы корову за рога,
Не дадите гривну—
Мы коня за гриву. (*Виноградов Г. С.* Детский Народный Календарь. Ирк. 1924, стр. 26).

[8] Для удобства читателей даю тот же текст в обычной, нефонетической транскрипции:

Ходят ребята комедовщички,
Ищут, поищут советский дом;
Советский дом неподалеку стоит,
Неподалеку стоит на семидесьти столбах,
На семидесьти столбах, на восьмидесьти верстах,
Вкруг советского дома железный тын,
На каждой тычинке по маковке,
По свечке горит, по жемчужинке.
Как хозяин во дому, как Адам в раю,
Хозяйка в дому, как аладейка в меду,
Малы детушки, как аладейки.
Хозяин-от дарил золотой гривной,
Хозяюшка дарила чорным бархатцем,
Малы детушки по копеечке.
Золоту гривну мы на вине пропили,
А копеечки по себе разделили;
Из бархатцу рукавички сошьем;
Рукавички маленьки—ручки зябут,
Чоботы маленьки—ножки зябут,
Шуба-то худа, на подоле дыра,
Пузырем плачена, шолком выстрочена!
Позволь, хозяин, во теплые зайти!
Мы корову за рога—ни корова со двора,
Ни корова со двора, так красну девку со двора!

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Марк Азадовский.

ЧЕТЫРЕ ЛЕНСКИХ КОЛЯДКИ.

В виду крайней малочисленности опубликованных сибирских колядочных текстов и как дополнение к статье В. А. Малаховского, считаю небесполезным сообщить текст четырех колядок, записанных мной летом 1915 года в селениях Верхоленского округа.

Тексты записаны от лиц разного возраста: текст № 1—от 68-ми летней старухи, текст № 2—от церковного сторожа 40-а лет; два последних—у молодежи. Эта случайно составившаяся лестница возрастов помогает отчасти осветить судьбы колядки на Лене (которые, несомненно, типичны и для всей Восточной Сибири).

Коляда, как сложный и длительный обряд, забыта уже с давних пор. В таком виде ее никто уже не помнит. Колядочная песня на Лене оторвалась от обряда и стала просто одной из игровых, сохранив только свое приурочение к определенному времени. В этой стадии она сохранилась в двух видах: просто—игровая (сопровождаемая иногда переряживанием) и в соединении с христославлением, как прелюдия или пролог к последнему. В таком виде она вошла и в обиход детских песенок, что подтверждается и наблюдениями Г. С. Виноградова в его работе о детском народном календаре („Сиб. Живая Старина“ в II).

О следующей стадии в жизни колядовой песенки свидетельствует текст, сообщаемый Вс. А. Малаховским. Колядка отрывается уже и от определенного времени года, и становится просто величальной песенкой. В данном случае она пригодилась для величания „новых гостей“—матросов, и соответственно этому и произошли те или иные ее частичные изменения.

Любопытный пример использования виноградья в величальных целях находим в сборнике О. Э. Озаровской (Бабушкины Старины, изд. 2-е), где определенно различаются два виноградья: большое и малое. При чем, последнее является величальной свадебной песней, к которой присоединены зачин и припев виноградья.

Марк Азадовский.

Несмотря на то, что ленская колядка уже давно оторвалась от исконного обряда, в ней еще довольно полно сохранились сюжетное и образное богатство старинных текстов. Лучший текст сообщен Ст. Ник. Житовой (почти семидесятилетней старухой)—но он, как записанный у представительницы уходящего поколения, является образцом не столько современной колядки (говорю о современности — по отношению ко времени, когда производилась запись), сколько той, которая несколько раньше и которая уже давно начала забываться. Певица и сама с горечью добавила: „Теперь то уж так не поют". Очень важно и существенно, что в ее тексте нет никаких указаний на христославленье.

Второй текст (текст церковного сторожа, Аф. Ив. Токарева, средних лет)—близок к предыдущему, но уже связан с христославленьем. Это в полном смысле—обширная прелюдия славщика. При чем, вичесная часть, сохранившаяся в первой колядке в образе красной девицы, сидящей в высоком терему и вышивающей чудесные ширинки, совершенно отсутствует. Наоборот, величальная часть у него очень полна и разработана.

Две последних записи—от представителей молодого поколения—говорят уже о полном разложении текста и сведении его к одним только величальным формулам. Очевидно, такой же процесс происходил и в местности, где записал свое „советское виноградье" Вс. А. Миллер. Отсюда то так легко и удалось приспособить его и к новому быту и к новым требованиям.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Исследователями (напр., П. В. Владимировым в его „Введении в историю русской словесности") давно уже отмечены Ницынские колядки (записанные Ив. Словцовым, в Ницынской слободе, Ирбитского уезда, Пермской губернии), как одни из самых замечательных памятников старинных колядок. Текст этот опубликован в Вестнике Русского Географического Общества за 1850 г. (часть XXIII отд. V, стр. 1—5).

Текст С. Н. Житовой очень близок к этому Ницынскому варианту. Едва ли это сходство—случайно. В кратком предисловии собиратель сообщает, между прочим, ряд старинных, исконных фамилий Ницынского и Невьянского краев. Среди них имеется и фамилия Шаповых. Последняя фамилия очень распространена и на Лене; особенно много Шаповых в с. Анге (откуда вышел и знаменитый историк-областник, Аф. Пр. Шапов); близ Анги существует даже особая Шаповская заимка.

Конечно, делать какие-нибудь широкие обобщения на основании этих материалов, было бы рискованно, но все же, думается, в этом совпадении текстов и в этой преемственности фамилий вскрывается один из путей сибирской колонизации.

Т Е К С Т Ы.

1.

Благаслави боже, хазяин,
Благаслави, хазяин, калядy гаркать.
Виноградье—красно—зелено!
Наша коляда—не великая бида,
Ана во двери не идёт, а в акошко шьёт.
Ходят рибята-колядофщицы-красны девицы,
Ишшут ане восударef двор,
На двенацать верстох, на двенацать столбох.
У нас чулочки тоненьки—ношки зябнут,
У нас платочки тоненьки—ушки зябнут.
Во высоким терему—красна девица-душа сидит,
Под акошачком под касощетым,
Под акошником под стикольчетым.
Ана на стулике сидит на ременчетым,
Ана шьёт—вышиват то шириночку;
По шириночке—красным золотом,
По шириночке—чистым серебром,
По шириночке—мелким земчугом.
По краям садят шириночки птицы райские,
Птицы райские поют песни царские.
Выхади-ка, хазяин, на улачку,
Вынаси-ка, хазяин, нам залоту гривну.
Залоту гривну вазьмём от хазяина,
Залоту гривну вазьмём—да на вино ево пропьём!
Выхади-ка, хазяюшка, на улочку,
Вынаси-ка, хазяюшка, блюдо пирагу,
Блюдо пирагох, да другo калачей!
Хазяин-от в даму, как Адам в раю,
Хазяюшка в даму, как пчолочка в меду!
Малы детушки в даму, как аладийка в меду!
Ты, хазяин, хазяин, подай пирага,
Не даш пирага—мы карову за рага,
Карову за рага—мы каня за хвос,
Жирибёночка—за нос!

Припев впервые вводится после второго стиха, и уже затем—после каждого. Последние два стиха остается без припева.

Записано у жительницы с. Житова, Степаниды Николаевны Житовой, 68 лет. От нее же записано несколько великолепных текстов свадебных песен. „Колядку" я записал у ней случайно. Я попросил ее спеть какую-нибудь старинную песню—и она тотчас же мне ответила приведенной ниже колядкой. „Типеря то уж так не пасм", прибавила она. „Типерь чо! Разведут каку-то трёшшобу!"

2.

Уж ходят рибята-калядофшыки,
Виноградье—красно—зелено!
Ищут—паищут восударифф двор.
Виноградье—красно—зелено!
Насли рибята восударифф двор,
Восударифф двор на семидесьти верстах,
Крук то двора зелезнай тын,
На каждой тынинке па маковице,
Па маковице да по земчужной.
Припевают то ане хазяина:
На небе то две радуги—
У добраво хазяина в даму две радосьти:
Перва-то радось—ему сына зенить,
Фтора радось—дочь андать.
Как у добраво хазяина сорак кабыл,
Сорак кабыл да серопегёй жирибец;
У доброй хазяюшки двадцать кароф,
Двадцать кароф да пёстрай бык;
У малых то детушек—двадцать авец,
Двадцать авец да лысанай баран.
Хазяин-от идёт—полведра вина несёт,
Хазяюшка идёт—пива шаюшку несёт,
Малы детушки идут—пирагох блюдо несут.
Ты не даш пирага—мы карову за рага,
Карову за рага—каня за узду
Каня за узду—за серебреную!

Виноградье—красно—зелено!

Бласлави боже, хазяин, во высок терем зайти,
Христа послaвити,
Хазяина с хазяюшкой поздравити!

Припев—после каждого стиха. Три последние стиха являются уже переходом к христославлению и припевом не сопровождаются.

Записано от церковного сторожа с. Залог, Афанасия Ивановича Токарева, 40 лет. От него же записан ряд сказок и текст похоронного причитания. См.—„Ленские Причитания", № 41, стр. 103.

3.

Бласлави боже, хазяин,
Благаслави-ка, воспадин, коляду гаркать!
Тут ходят, рибята-колядовшички,
Ищут рибята восударef двор.
Восударef двор на семидесьти столбах,
На семидесьти сталбах, на восьмидесьти веретах,
На кажным сталбе да па макофке,
На кажным столбе да па земчюжнаю.
Ты хазяин-хазяин, подай пиряга,
Не подаш пиряга—мы карову за рага,
Мы карову за рага—жиребёночка за хвос,
Тилёночка за нос!

Благослови боже, хазяин, во высок терем итти,
Христаславити да вас поздравити!

Без припева.

Записано в с. Хабардинском, от случайной собеседницы—молодой девушки. Фамилия ее не записана.

4.

Ишо ходют рибята—калядошнички,
Да, виноградье—крашно—желеноё!
Ишо ищут рибята виноградье—крашно—желеноё.
Да, виноградье—крашно—желеноё!

Каляда-каляда, ты не даш пирага,
Ты не даш пирога—я карову за рага,
Каня за хвос,
Поведу на марос!

Шидит хажани со хажаюшкой,
Шидит то он на шкамеечке,
Шо шваёй шымеешкой,
Вы нешыте не трешыте,
Подавайте не ломайте,

Кошякам не руште,
Кошяки мешьки дерут,
На гумне то ворошёк,
Нам хлеба мешёк.

Припев после каждого стиха; во втором стихе припев сливается с текстом. Последние шесть стихов припевом не сопровождаются.

Записано в с. Анге от двух молодых девушек: Вассы „Евлантьевны" Петуховой и Евдокии Васильевны Петуховой. Кроме „колядки" они не знали никаких песен, хотя очень хотели что-либо мне спеть в надежде, что я за это „карточку с их сниму". Они пытались сымпровизировать мне причитание, но ничего не вышло. Колядку эту, по их словам, они с большой других девушек поют „кажно рожество" („Оденим худу адёжу—да гаркам").

Н. Хандзинский.

„Покойницкий вой“ по Ленине.

Вопрос о судьбах народной поэзии давно уже занимает исследователей. Особое внимание начал он привлекать в конце XIX века, когда были поставлены определенные прогнозы близкой гибели устного творчества народа. Но, как говорит проф. Ю. М. Соколов: „думать, что с переходом России на широкий путь экономического, промышленного и культурного роста народная поэзия быстро исчезнет, не приходится: слишком велика сила традиции и слишком велики пространства России, чтобы старина повсюду заглохла“. (Литературная энциклопедия; стр. 500).

Конечно, всем известны факты, когда под влиянием изменившихся социально-экономических условий, не только изменялись формы народного искусства, но даже были случаи полного исчезновения традиционных форм и замены их другими В этом отношении, народная поэзия не составляет исключения в ряду искусств, вообще.

Народная поэзия, как и поэзия „книжная“, фиксированная хронологически,—в истории своего развития имеет долгий путь изменений как по форме, так и по содержанию, на основе социально-экономических отношений, и выражающихся в том или ином росте художественных сил и изменений личных и общественных вкусов.

Пусть мы не можем проследить генезиса народного словотворчества во всех его деталях, но мы не можем не признать, что путь народной словесности—тот же, которым идет всякое искусство, что народная словесность также живет, впитывая в себя идеологическую новизну времени, что она также, перерастая, меняет свои старые формы.

Поэтому нет оснований предсказывать, что народная поэзия обречена на вымирание только потому, что некоторые формы—в силу причин исторического характера—остановились в своем развитии, а другие сильно меняют свой облик; наоборот, это показывает, что искусство живет, а его жизнь и развитие в большой степени этим и обуславливается.

Но факты дают возможность говорить об эволюции народного искусства, учитывая его современное состояние, и если для этого у нас не достанет многих промежуточных форм, которых мы не успели зафиксировать—это наша вина, и это не дает нам права делать чуждые жизни искусства выводы.

Годы революции, годы ломки всех прежних бытовых устоев должны были особенно резко отразиться на творчестве народа-меняя его и по содержанию и по ферме. „События европейской и гражданской войны, приведшие массы в движение, внесли в миросозерцание и настроение крестьянства совершенно новые мотивы"...

Результаты этих событий быстро сказались. „В сказках уже наблюдается заметная эволюция от фантастики к реализму, от спокойного эпоса к страстной сатире. Долгая протяжная песня все более и более вытесняется коротушкой-частушкой, но эта частушка все сильнее, ярче и горячее откликается на современную жизнь" (Проф. Ю. Соколов, цит. соч. и стр.).

Эти изменения и надлежит теперь изучить в первую очередь. Должно поставить вопрос о том, какие традиционные формы, и на сколько сильно, подвержены опасности игнорирования их современностью и, следовательно,—опасности полного выпадения из памяти народа, и какие сумеют войти в новый быт путем хотя-бы частичной переработки. Любопытный и ценный пример такой частичной переработки—записанное Вс. А. Малаховским „Советское виноградье" (в этом же выпуске „Сиб. Живой Старины").

Безошибочно можно сказать, что некоторые формы народного творчества—угасли, напр., былина: и там, где она еще существует, она является только, как памятник древности; но это не „произошло" вот только теперь, „на переломе", а „происходит" уже в течение долгого периода и, конечно, не по причинам ослабления творческого гения народа.

Вместе с былиной исчезает и былая историческая песня. Правда „историческая песня" также стремилась захватить события позднейших лет: таковы песни о декабристах, об Александре II—и др. Но эти попытки не смогли поднять широкого творческого брожения. И теперь уже не встретить указанных эпических форм, свободно бытующими в народе; они остались только в „заповедных уголках" и там доживают свой славный век в памяти одиночек-сказителей.

Иначе складывается судьба „причети". Как указывают последние исследования и последние записи,—„причитание"

является наиболее крепким видом современного устного творчества.

„Причитание“ не только бытует в непосредственно-семейной обстановке, где каждая женщина оплакивает—мужа, отца, мать, сына, но оно выходит из тесного круга семьи, переносится на близких и дальних родственников—просто знакомых.

Народный быт требует выполнения обряда „плача“ по умершим; о тех, кто не „воет“, говорят: „рады, что помер; не дождутца, как закапают“. Не „выть“ по умершим—большой стыд; потому—плач выполняется „добросовестно“, а это обеспечивает жизненность данной поэтической формы, ее развитие.

Таким образом, „причеть“ не только удерживается в обряде, но и находится в постоянном творческом движении; новизна приемов и здесь должна цениться по общему масштабу эстетических дифференциаций,—т. е., не исключается в процессе оформления материала—„переливка всех штампов“, потерявших художественную остроту. Уже это обеспечивает художественный рост форм.

Итак, мы видим, как на наших глазах угасает героический эпос—былина, историческая песня, и развивается и крепнет, пожалуй, менее соответствующая духу времени—„причеть“.

Оказалось, что она обладает силой внутреннего сопротивления и способна выдержать противодействие извне. Эта ее внутренняя сила—есть та народная потребность, которая заключается в неизбывном рвении излить свою скорбь по поводу горькой судьбы или смерти близкого человека.

Следовательно, „причеть“ есть художественное оформление одного из фактов народной жизни; этот факт—„горевания“ по дорогом человеке имеет не мало разнолких причин, всецело вытекающих из условий повременного существования человека, и будет всегда источником лирических форм „оплакивания“.

В силу этих причин „причеть“ обладает особенной способностью втягивать в себя современность.

И если условия быта вытеснят „причеть“ похоронную из ее обряда, она будет жить среди интимной лирики, соответственно изменив свою конструкцию.

Потому „причитания“ вопреки всем внешним тормозящим причинам—„являются, пожалуй, единственным видом т. н. народной словесности, имеющим и по сию пору творческое бытие. Это не—„эпическая старина“, не „памятник“, не „рудимент“, но вполне живое, бытующее поэтическое явление“ (М. Азадовский. *Ленские причитания*, стр. 10).

Наоборот—жизнь в современности былин и исторических песен—не обусловлена силой этого внутреннего побуждения творящего человека; они утратили свойство необходимости, нужности,—вернее, жизнь не обнаруживает в них этого качества; отсюда их забытость.

Но на руинах прошлого вырастает новый быт.

Соответственно этому и новые формы заступают место старых. „Причеть“ даже в наши дни конструируется на новые темы.

В подтверждение сказанного привожу текст причитания или, как говорят в тех местах, „пакойнишнава воя“ по Владимире Ильиче Ленине, записанный мною от девушки с. Кимильтей, Кати Перетолчиной, временно живущей в г. Иркутске.

Ой ишо Владимир та да всё Ильич толька,
Ой да на каво жа ты да ра́спрагневалса,
Ой да на каво жа ты да рассердилса-та.
Ой ишо хто у нас будит заведавать,
Ой ишо хто у нас да испалнять будит,
Ой испалнять будит дила тижолыя.
Ой испалнять у нас типерь адин будит,
Ой што адин будит да испалнять у нас,
Ой што адин толька да Леф Давыдавич.
Ой што, вить, скружитца иво галоушка,
Ой што вить броситца да он в пичалюшку,
Ой он ф пичалюшку, в бальшу заботушку.
Ой уш куда иму типерь и кинутца,
Ой то ли в ту старану, то ли в другу старану.
Ой и куда иму пригнуть галоушку,
Ой што скружили та иво, вить, воиска,
Ой што, вить, воиска иво савецкия.
Ой уш все воиски ни станут слушацца.
Ой уш и што мы станим делать с вам,
Ой уш и как мы вас подымим на́ наги,
Ой уш и как мы вас толька разбудим-та,
Ой ишо как толька да раскричим мы вас.
Ой уш астались мы да все сиротачки
бис сваёва-та да управитиля.
Ой ишо был-ба вон у нас при живнасти,
вон при живнасти да при здаровьицы,
Ой заступил ба вон да всё за всех за нас
Ой уш наставил ба вон нам парядачик.
Ой уш зачем ета да толька смерть пришла,

Ой уш заставила тирпеть нас горюшка,
Ой и заставила да нас страдать па вам.
Ой уш начали мы думушку думати,
Ой и куда жа нам скланить галоушку
бис сваёва-та да управитиля.
Ой уш, как стань-ка ты, умна галоушка,
На сваё толька да ты мистечушка,
Ой сажилей-ка ты да сваё воиска.
Ой уш куда толька будим диватца мы...
Ой уш мы склоним та сваю галоушку,
Ка той старонушки, ка Льву Давыдычу,
Ой станим знать адиаво, да станим слушатца.
Ой-а вас всигда да спаминать будим,
Ой никада та мы да ни забудим вас,
Ой вашу смёртачку да чижалёшиньку,
Ой спаминать станим вас па канец жизни.

По рассказу Кати Перетолчиной — „причитание по Владимире Ильиче сложено, как только известие о смерти дошло до с. Кимильтей; это — зимой, на святках (по ст. ст. в начале января 1924 г.). „На пасиденках сочинили", говорит Катя: у нас пасиденки — как страда кончится — так с пакрава да новава года... Комсомольцы на пасиденки ходют. Они и сказали нам: „вот", гаварят: — девчонки, Ленин умер... Ну тут и подхватили: — Ленин, Ленин!.. давайте — гаварят, — вытье сачинить". На пасиденках же „комсомолы" информировали молодежь о том, кто и каков был Владимир Ильич Ленин.

Инициатива сочинения „вытья" исходила от комсомольцев.

„Вот, девчонки, — тут бытто Ленин в гробу, а вы давайте войти"...

„Мы хадили кругом и па ём выли; он записывал слава. Патом сабрали камсамолаф и на подводах паехали в Зиму. Там сабрали бытто похараны, сделали гробик и выли на ём; адевали на себя все чорная" (Зима — в 235 верстах от Иркутска и в 25 — от Кимильтея).

Таким образом, инициативой и своеобразным подходом комсомольцев к массе и был вызван к жизни этот оригинальный памятник, в котором традиционные формы были призваны для выражения самой жгучей современности.

Формация причети не явилась в цикле других (данного района) оригинальной редкостью: она создана из обычных элементов „покойнишнова воя", здесь традиционные приемы творчества использованы для претворения в художественный факт нового жизненного явления.

Но, как целостное произведение на новую тему, тему общенародного значения—оно безусловно заслуживает внимания.

Таким образом,—в составлении „причитания", которое потом должно было демонстрироваться, принимала участие молодежь,—и слушателями были при его создании—постоянные посетители посиденок. На вопрос—были-ли старшие,—Катя ответила: „Ну тогда-ба нас не стали и пускать... и то узнали так гаварят: „выдумывати там какова-та чорта!.."

Мнение Кати о комсомольцах самое хорошее.

„Живут ане дружно, весело; па деревня ходют-умна, самагонку ни пьют; а другия—идешь—натинибут так, што литинь, литинь... Напьютца, как стельки, а камсамолы их стыдят". Катя рассказывала, как она со слезами просила мать позволить ей записаться в комсомол, но—ничего у ней не вышло.

Кате 16 лет. Грамотная. Живет в прислугах в городе.

Замечательно, что в ее характере совсем нет ломанья, застенчивости и той слепой подозрительности, вследствие которой от большинства из деревенских носителей поэзии не добьешься слова об интимных лирических формах.

Катя всегда с охотой исполняла для меня песни и „вытье" и толково обо всем рассказывала. Чувствовалось, что она сама ценит то, что рассказывает и поет; что это „пожилинное вытье", эти песни и даже „частушки"—для нее самой не бесценны и не безразличны.

Катя передала мне только первые 18 строк „вытья" по Ильиче; остальные не могла припомнить—но сказала, что узнает от своих подруг, которые живут здесь же и тогда „довоет" остальное.

Но первая из ее подруг, к которой она обратилась, отказала на отрез и, обозвав ее дурой, прибавила: „Ты-бы забожилась, заклелась, что ничево ни знаш".

„Ана—такая", говорит Катя про подругу: „кричит—саыа ни знат чо". Тогда Катя разыскала другую свою подругу, записала от нее мотивы продолжения и восстановила мне остальные 27 стихов.

Меня восхищала ее чуткость в восстановлении метродинамической сети,—как она обрабатывала стих за стихом в процессе напева („вытья"), имея под руками лишь скелет совершенно бессвязных фраз.

С большим интересом слушала она песни моих российских записей и „запоем" читала тексты „Лепских причитаний"—я

частушки из статьи „Что поет и рассказывает современная деревня“ Ю. М. Соколова („Жизнь“ № 1, 1924 г.).

В дополнение к облику Кати П-ой необходимо сообщить, что все, что она поет—является обычно откликом на ее настроения; обычно, она поет разные песни—игровые, сборные, плясовые и всегда—„частушки“, разнообразные по напеву; среди них особенно игривы,—которых я раньше не слыхал—особой конструкции, где второй половиной строфы или через стих вводится словесная инструментовка—ладового перебора деревенской гармошки,—этого непременного аккомпанирующего инструмента частушечных выступлений.

Ухажор ты, ухажор,—
штон ты правалилса,—
Тӑ-а̀ тӑ-а́ тӑ-а́р-да̄р-да́
Тӑ-а́р-да̄р-да́р-дӑр-да́р-да̄,—
Раз да дому правадил,—
семь рас пахвалилса,—
Тӑ-а́-тӑ-а́ тӑ-а́ тӑ-а́
Тӑ-а̀р-дӑр-да́р-дӑр-да́р-дӑ.

„Как начнутца ета у нас пасиденки да святки,—эх, дилоф цела кантора!.. В горат ехала, думала тут на божничку сажают...“ И потом опять частушкой:

Я милёночка любила.
Мне падрушка хаила—
Тӑ-ра́ нӑ-та́ дӑ та́-нӑ ра́-дӑ
Та́-рӑ на́-тӑ да́рӑ да́-рӑ.
Хаила виртеласа.
Самой любить хателаса,—
Тӑ-а́ нӑ-ты́-нӑ, ты́-нӑ-та́,—
Тӑ-а́-нӑ ты-нӑ ты-нӑ.

На спиктак и так и сяк,
аттуда пат палою,—
Тӑ-ра́ рӑ-ра́ тӑ-ра́р-рӑ-да́
Тӑр-ра́ рӑ-ра́ рӑ та́р-рӑ,—
Да мы нигде ни прападём,
милёначик, с табою,—
Ля̆-ля́ль-ля̆-ля́ ля̆-ля́ль-ля̆-ля́
Ля̆-ли́ль-ля̆ ли́ль-ля̆-ля́-ля̆.

И закончив частушки, прибавила: „у нас часта гуляют, музыки сколька! Как запают—аш лаины тухнут!“

Сообщив мне некоторые причитания, Катя рассказала, что у них в деревне все воют „по сваих родных“,—и что она выла по своем дедушке.

„Чай не расскажу, расплачусь, всё-ш радной дедушка-та...“

Последние дни она перенесла много мелких придирок от своей хозяйки, пела на кухне „гаригорькую“ и в голос плакала:

. . . . . .

„Ой ни яддала бы миня да ва чужи люди,
„Ой ва чужи люди, да ва низнамыя,
„Ой ва низнамыя, да в низнакомыя.
„Ой ва чужих людях, да жить труднешинька,
„Ой жить труднёшинька, да чижалёшинька.
„Ой буйну голаву диржать паскромни всех,
„Ой резвы ножиньки диржать паходни всех,
„Ой ручки белыя диржать пабыстри всех,

. . . . . .

В заключение, чтобы полнее охарактеризовать Катю, как творческую личность, приведу еще один текст „причитания“, записанного от нее же, важного еще и потому, что по нему можно судить о тех конструктивных приемах, которыми она пользовалась в стройке „пакойнишнава воя“ по Владимире Ильиче.

Это причитание выгодно отличается от целого ряда известных аналогичных текстов по разработанности, последовательности и богатству образов.

„Када гаригорькая (сирота без матери)—выходит замуш и едит на магилку матери и причитат“

1. Ой уш кака-та я да гаригорикая,
Ой уш кака-та я горьказлащасная,
Ой у миня нету-ка радимай мамыньки,
Ой пажилеть миня да горьку некаму.
5. Ой уш была бы ана у миня при живнасти,
Ой уш при живнасти да при здаровьицы,
Ой заступила бы да стиной каминнай,
Ой стиной каминнай да грудью белаю.
Ой ни яддала бы миня да ва чужи люди,
10. Ой ва чужи люди да ва низнамыя,
Ой ва низнамыя да в низнакомыя,
Ой ва чужих людях да жить труднёшинька,

Ой жить трудн'ишинька да чижал'ишинька,
Ой буйну голаву диржать паскромии всех,
Ой резвы ножиньки диржать паходии всех,
Ой ручки белыя диржать пабыстри всех,
Ой называть чужих да ватца матири,
Ой привыкать к чужим да г братьям-сёстрицам,
Ой привыкать к чужим да г дядям-тётушкам.
Ой ты взайди, взайди, да туча т'мная,
Ой туча темная, да туча грозная,
Ой са дажжами-та да са уливными,
Ой са маланьями-та да са свиркучими...
Ой ты пралей пралей да частай дожжичик,
Ой што на мамину да на магилачку,
Ой ты пралей, пралей—да мать сыру зимлю,
Ой ты разбей, разбей да грабаву даску,
Ой раскалися ты, да грабава даска,
Ой уш раскройся ты, да саван белинькай,
Ой распичатайтись, уста сахарныя..
Ой уш ты встань востань, радима матушка,
Ой на сваи та ты на ношки резвыя,
Ой паглиди ка ты на малу дититку:
Ой уш и чем ана у ти украшина,
Ой уш и чем ана у ти уряжина,
Ой чем украшина, чем уряжина,
Ой разукрашина да девьей крáсатой,
Ой разуряжина бальшой пичалюшкай.
Ой разуряжина бальшой пичалюшкай,
Ой уш сидит ана да разливантца
Ой гарючим слизáм да-йабливантца,
Ой да зусожина сваим падружинькам...
Ой уш ты встань-вастань, радима матушка,
Ой разверись-ка ты да ясным сокалам,
Ой ясным сокалам да сизым голубям,
Ой прилити-ка ты да на широкай двор,
Ой уш ты сять ка мне да пад акошичка,
Ой пад акошичка да пат касяшная.
Ой пат стиколышка да пат хрустальная,
Ой паглядиш на миия да на малу дититку:
Ой вся измучина, вся испичалина,
Ой чем измучина—бальшой работушкой,
Ой чем спичалина да свáей крáсатой...
Ой я жила у ти да маладёшынька,

Ой уш ни знала я такова горюшка,
Ой—такова горюшка, такой пичалюшки.
Ой што типеричи у нас случилася,
Ой с маим толька радимым батюшкай.
Ой гаварил та мне радимай батюшка:
Ой ни панисут миня да ношки резвыя,
Ой ношки резвыя да ручки белыя—
Ой на тваю толька буйну галоушку...
Ой ча типеричи да паднились иво,
Ой паднились иво да ручки белыя
Ой на маю толька буйну галоушку.
Ой уш пришла х тибе да мая мамынька,
Ой папрасить у ти да блаславленьица,
Ой мне с тваим толька да блаславленьицем,
Ой мне ва матушку да ва бальшу церкву,
Ой ва бальшу церкву богу малитца-та,
Ой што пат злат винец да станавитца-та
Ой што из матушки да из бальшой церквы,
Ой ва чужи люди да ва низнамыя.
Ой што биз вас толька, радима мамынька,
Ой ятказал та мне радимай батюшка,
Ой ятказал та мне ат хлеба соли-та...
Ой уш пришла х тибе я расказать толька,
Ой расказать тибе всю правду истину,
Ой уш ти можит-быть вы мне паможити,
Ой згаварити вы маёва батюшку,
Ой ни андас миня да ва чужи люди,
Ой ва чужи люди да ва низнамыя.

Замечания по поводу передачи диалектических особенностей текста.

1. „Пакойницинай вой" по Ильиче записан мною с пева (Катя выла, а я записывал); для установки полной точности записи Катя перепевала мне некоторые стихи до трех раз; таким образом, уловлены и все те слова, присутствие которых в стихе обуславливается исключительно конструкцией метра.

Графическая форма слов всюду воспроизводит точную акустическую данность, насколько позволяет ее воспроизведению наша русская азбучная графика; но, конечно, для выявления полной иллюзии „народного сказа",—даже при точной записи его системой наших азбучных знаков,—необходимо владеть еще—и главнее всего—артикуляционной системой говорящего,

как бы своей собственной;—только тогда графические знаки выдадут живое звучание речи; так—запись „Ой он“ дает в произношении среднее между этой формой и „Ойон“; т. е., в чистом виде, в резком,—ни та ни тругая форма не живет.

Такое же замечание применимо и к „Ой уш“ звучание дает среднюю форму между указанной и „Ойуш“, особенно, если знать, что в неве разрыва звукового между этими двумя словами нет.

„Е“ и „е“ знаками различены.

2. За редкими исключениями, я не ставлю ударений на словах—по той причине, что все это произведение имеет в основе одну определенную метрическую схему, которая и определяет его метрическую, динамическую, а отчасти и интонационную сущность.

Читка его возможна только речитативная, близкая к неву; а потому вся система метрических акцентов—от первого и до последнего удара стиха, при нагрузке до трех метрических ударов на слово (см. 24-й стих), должна быть выполнена.

Никаких смысловых перекидок акцентов метро-динамической сети—(как это делает так наз. „классическая“ да и всякая „метрика“ стиха, как „наука“ у нас существующая), допустить нельзя.

Каждый стих имеет в основе семи-тактовую метрическую схему, при чем—первый такт—неполный (затакт); (⌣) — пауза:

1-й (–) Ой ишо Владимир-та да все Ильич толька

4-й (–) Ой ишо хто у нас будит заведавать

14-й (–) Ой то ли в ту старану то-ли в другу старану

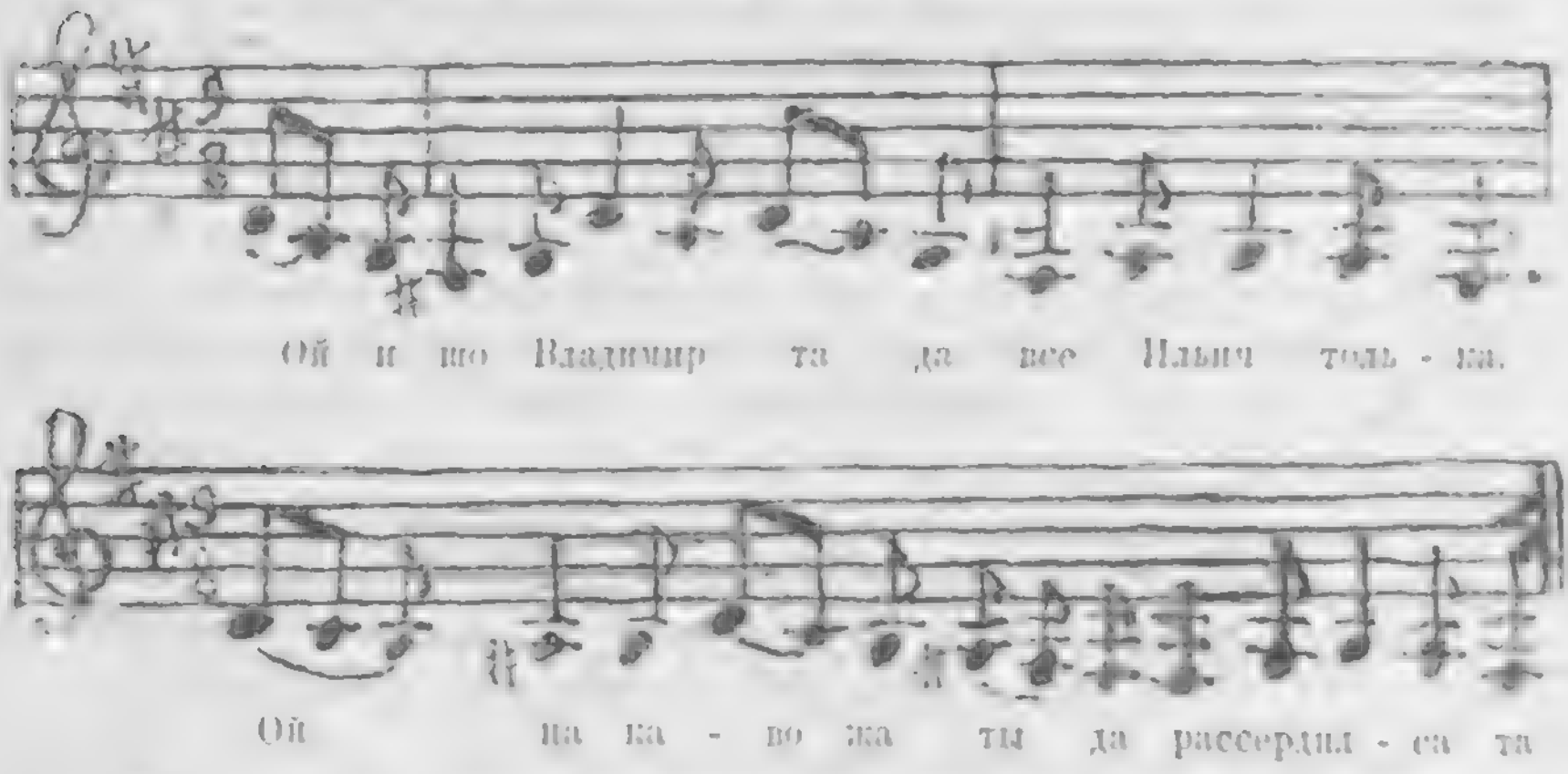
Формируется такт концеударным (сильная доля концевая, а не первая, как в музыке и как у Л. Сабанеева—„Музыка речи“); доли такта равновременны; такт—двудольный. В четвертом стихе—слово „ой“ занимает два времени; в 14-ом стихе четвертый и седьмой такты—дробят слабую долю между двумя слогами; но во времени такты 6-ой (в дру-гу) и 7 (старану) равны, в другу = стара-ну.

3. Говор Кати Перетолчиной характерен, как акающий.

Запись произведена в конце ноября 1924 г.

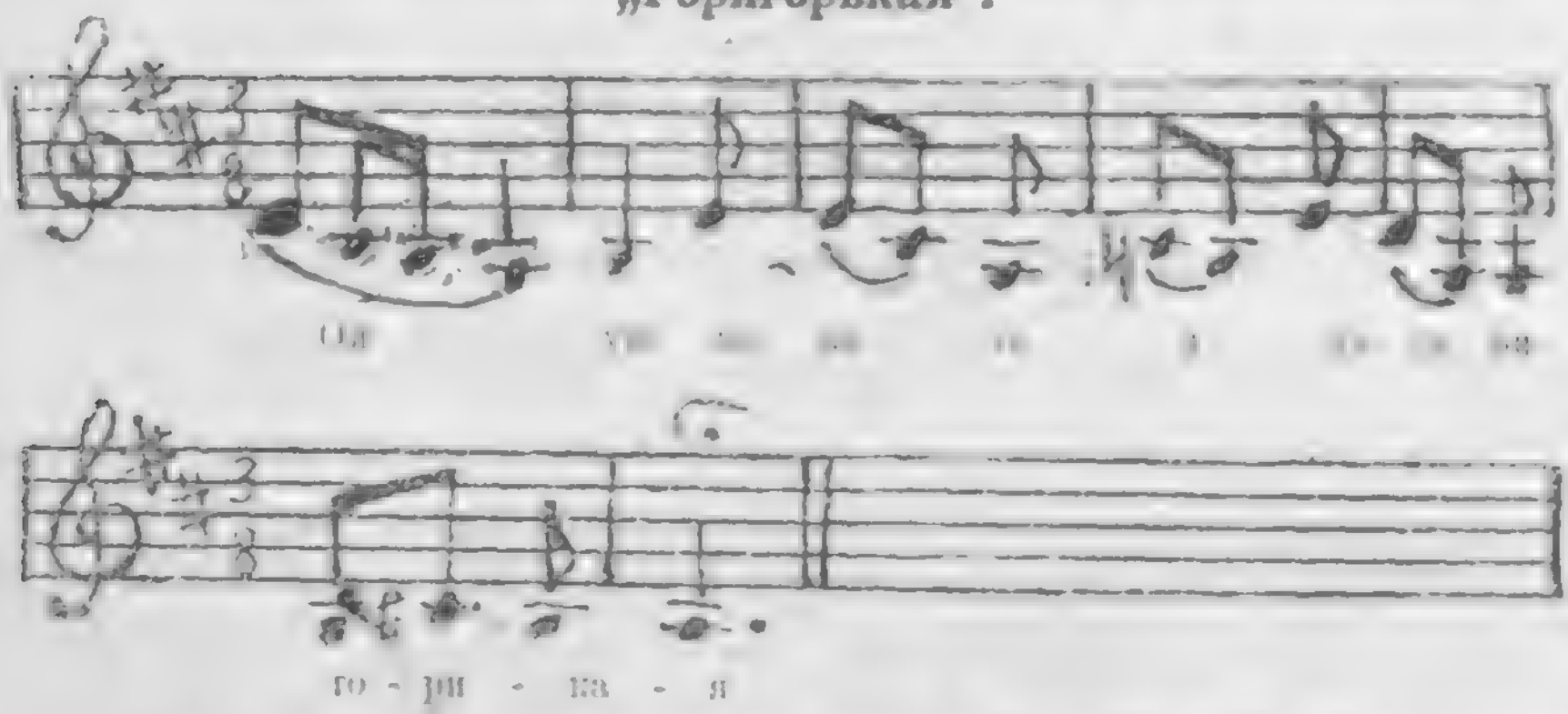
Считая необходимым дать нотную запись напевов, печатаемых выше текстов,—я обратился с этой просьбой к В. В. Мокееву, который любезно согласился сделать запись с голоса исполнительницы.

„Покойнишный вой“ по Ленине.



Следующие стихи исполняются по этой второй строке.

„Горигорькая“.



Все стихи исполняются по этой мелодии. Во избежание возможных замечаний по поводу взятого низкого регистра в записях,—сообщаю, что напевы зафиксированы в той тональности, в какой они выполнялись Катей Перетолчиной,—но это, конечно, не исключает возможности выполнения их в тональности, более высокой.

Голос Кати—контральто.

Георгий Виноградов.

Детская сатирическая лирика.

I. Заметки и наблюдения.

Детский фольклор не пользуется особым вниманием собирателей и исследователей. В этой области мы имеем только случайные записи да несколько больших этнографических сборников, где среди прочего материала нашли приют и разнообразные детские песенки, присловья, прибаутки и пр. Таковы собрания Чубинского, Шейна, Соколовых; из сибирских собирателей можно назвать Арефьева, Станиловского, Молотилова.

Поскольку можно судить, опираясь на эти немногие материалы, детский фольклор не является чем-то однородным или однородным. Термином *детский фольклор* можно обозначить *всю совокупность словесных произведений, известных детям и не входящих в репертуар взрослых*[1].

К детскому фольклору мы относим жеребьевки и считалки, некоторые скороговорки и прибаутки, многие песенки, рацейки и тексты рождественского славления, потешки, песенки заговорного характера и т. д.

В этих видах словесных произведений не трудно заподозреть не только связь с общим фольклором, но и прямое влияние творчества взрослых. Благодаря такой связи иногда стираются и не всегда улавливаются границы между общим фольклором и детским словесным творчеством. Отсюда — отсутствие договоренности во взглядах на детское словесное искусство. Так, одну из разновидностей, обычно относимую к детскому фольклору, — именно песенки о разных домашних животных, насекомых и зверях, — Шейн отказывается включить в „разряд детских песен". Песни о животных „в значительной степени потеряли интерес в среде народа для людей старших поколений". Если они сохраняются, то лишь потому, что являются „самым желанным, самым удобным и подходящим средством занимать и забавлять приятным образом своих и чужих малюток... Если эти малютки, выросши и возросши до отроческих лет, сами с удовольствием начинают часто употреблять эти самые песенки и прибаутки, то это обстоятельство никоим образом не дает еще нам права выдавать их за такой памятник народного

творчества, по которому будто можно изучать язык, быт и психическую жизнь крестьянских детей“ [2].

Считая это замечание не лишенным оснований, невозможно все же принять его целиком. Не говоря уж о том, что дети перенимают от взрослых только доступное им, близкое, отвечающее их настроению, нельзя не иметь в виду, что названный вид фольклора, идущий в детскую среду от взрослых, в отношении темы, образов, языка, мелодии очень близок детскому миру. Поэтому мы имеем право говорить о нем, именно как о детском фольклоре.

Эти замечания относятся и к так называемым потешкам, т. е. словесным произведениям, определяемым Шейном, как „Весенние прибаутки и приговоры, которыми дети, выпедшие из младенческого возраста, уже начинают сами себя тешить и забавлять“.

Влияние взрослых—посредственное в одних случаях и непосредственное в других—здесь несомненно. Безошибочно распознать в напеваемых или приска́зываемых детьми стихотворениях самобытное и усвоенное от взрослых не всегда удается; однако внимательные наблюдения во многих случаях обнаруживают в них следы творческой обработки, принадлежащей детям, или приурочение их к тем или иным потребностям, выполненное детьми.

То же надо сказать и о колыбельных песнях. Безоговорочно их нельзя относить к детскому фольклору: поскольку они хранятся главным образом детьми и поскольку дети отчасти являются и творцами в этой области, это—детский фольклор; но происхождение их, как и потешек,—не здесь, не в творчестве детей; этот вид словесных произведений создан, если не целиком, то в значительной своей части взрослыми, и только *спустился* в детскую среду и усвоен ею [4].

Если во всех этих произведениях перед нами не во всем самобытный плод детского творчества, все-таки в них мы имеем произведения словесного творчества в детском исполнении, в детской редакции.

Вопрос о происхождении той или другой разновидности, о влияниях и пр. нас может занимать в данном случае меньше всего. Всякому известно, что лук (самострел)—не детское изобретение, но никто не возразит против отнесения его к числу детских игрушек. То же в словесном творчестве. Подобно тому, как, например, в области сказки позаимствования у разных народов и из разных источников не мешают нам нашу

сказку считать русской и народной, так и влияния и позаимствования не могут мешать отнесению словесных произведений, хранимых детьми и не входящих в репертуар взрослых, к детскому фольклору.

Имеющиеся в научном обиходе материалы не являются результатом систематических сборов; это только „попутные отложения" в общефольклорной собирательской работе. Поэтому мы напрасно стали бы искать в существующих сборниках как установившуюся классификацию детского фольклора, так и относящуюся сюда определенную терминологию. А между тем, в целях упорядочения накопленных материалов и некоторого урегулирования дальнейшей работы в этой области, было бы полезно стать в строго определенные отношения к введенному до сих пор и продолжающему входить в научное обращение материалу: сделать попытку выделить основные группы и дать им соответствующие обозначения.

■ ■ ■

В общем составе детского фольклора наибольшее количество произведений, обращающих на себя внимание, относится к виду словесного творчества, называемому Шейном „передразниваниями" [4] и „прибаутками, которыми шаловливые ребятишки потешаются и друг над дружкою и над взрослыми, *издеваясь* то над их именами от крещения, над их сословными, даже телесными недостатками, то над их принадлежностью к иной, не русской национальности и т. п., *часто без всякого даже повода, ради одной только словесной забавы*" [5].

На этот вид словесных произведений обратили внимание и другие собиратели, например, Чубинский [6]; заметили его и сибирские фольклористы. Четверть века назад Потанин указывал на необходимость записывания „насмешливых присказок к собственным именам". [7] Арефьев, Станиловский дали небольшой материал из этой области.

Более других записал Молотилов, [8] который называет эти произведения *складнями*. [10]

Эти случайно брошенные обозначения не могут быть приняты в качестве терминов-названий. Они не дают общего, родового или видового, названия, не определяют строго и входящих сюда элементов. „Складень" Молотилова может обозначать и обозначает не только то, что у Шейна названо „словесной забавой"; этим словом с тем же правом можно назвать и четкую рифмованную поговорку и стихотворное („складное")

самое доброе пожелание и мн. др. „Передразнивания" могут быть и в иной словесной форме, не той, которую мы сейчас имеем в виду, а „прибаутки" бывают, как известно, не только издевочного и насмешливого характера. Самое слово указывает на *декоративное*, во всяком случае, не самостоятельное, *значение* прибаутки. А, между тем, в разбираемых стихотворениях мы имеем дело с словесными произведениями, живущими самостоятельной жизнью, несущими самостоятельную функцию. Разбираемые стихотворения содержат элемент язвительности, *издевчивости;* прибаутка говорится только „для красного словца". Поэтому использование этого термина в данном случае не является обоснованным. „Насмешливые прискалки к собственным именам" исчерпывают только часть, и при том не самую значительную, словесных произведений, которые нас интересуют.

Такая неопределенная, невыразительная и не емкая терминология не может удовлетворить запросов изучающих с той или иной целью детское словесное творчество.

В виду разнообразия в отношении формы, построения, содержания стихотворений, какое обнимается этим видом словесных произведений, а также в виду того, что они в своей пестрой совокупности представляют своеобразное [illegible], ближе и полнее определило бы содержание, смысл и характерные особенности рассматриваемого вида детского творчества обозначение, позаимствованное у древних: [illegible] или [illegible]. Однако выразительный термин *сатира*, в нашем случае — *детская сатира*, звучит столь непривычно и чуждо, что на принятие и закрепление его в научном обиходе едва ли можно надеяться. Менее выразительным, но более привычным термином является *сатирическая лирика*, в нашем случае — *детская сатирическая лирика.*

Последний термин (сатирическая лирика) в наше время утратил свое первоначальное значение и в привычном для нас употреблении не достаточно полно и точно передает характер имеющейся в виду группы словесных произведений, не выражая полностью того, что мы имеем в детской лирике осмеяния. Если мы и можем остановиться на нем, то только условившись вкладывать в него содержание, связанное с понятием *сатира*: „всякая всячина, поэтическая мешанина, стихотворные произведения разнообразного, часто меняющегося содержания, почерпнутого непосредственно из жизни".[11]

Каждый вид или жанр словесных произведений создается и живет в определенных условиях и призван выполнять то или иное, только ему данное, назначение. На эту сторону и следует

обратить внимание при попытках уловить существенные признаки изучаемого явления и обозначить явление тем или иным словом.

В произведениях русского народного творчества наблюдатели отмечают, „сверх полноты мыслей", отражение характерных наших свойств. „В них все есть: издевка, насмешка, попрек, словом— все шевелящее и задирающее за живое".[1]

Это свойство—умение найти „шевелящее, задирающее за живое"—обнаруживается уже в детском словесном творчестве, едва ли даже не в более едкой форме, чем у взрослых. Детскому творчеству ирония еще недоступна; в нем—смех жестокий, едкость ничем не смягчаемая[2]. Кажется, невозможно указать, что не даст поводов для проявления детской издевчивости. Поводом может послужить одно желание „донять". А уж если есть серьезный, для всех очевидный, повод, например, обнаруженное воровство,—затравят грубыми шутками, насмешливыми песнями.

Известно, что ссора у детей—дело почти повседневное. Достаточно возникнуть недоразумению в игре, чтобы одна группа открыла действия против другой, в один момент превращающейся во враждебный лагерь.

Сначала обмениваются колкими обидными словечками.

— А, схлюздили, схлюздили! Хлюзды! хлюзды...

— Да вы что?! Ить эта ваша збрендила... Перва ить Федька закричел, што...

— Капелина. Федька! Капелина, Федька! Капелина, Федька! —наперебой поддерживают свои.

— У ты, Федя-медя!

И дело загорелось, все в голос закричали—запели:

Федя-медя
съел медведя,
упал в яму,
кричал маму...

Федька, чтобы отвести от себя не совсем приятное общее внимание, улучает момент и пускает ответную стрелу, отравленную обыкновенно не менее сильным ядом, в мишень из враждебного лагеря:

Иван-балван
с калакольни упал...

Если Федька пользуется расположением „священиков" (близких, постоянных товарищей), они спешат поддержать его, и уж не один он, а целый—нестройный, но громкоголосый—хор вместе с ним продолжает начатый ответ:

Ичка снес,
на базар панес;
на базари ни бирут,
Ваньку за уши тянут...

Вдруг кто-либо другой чем-нибудь даст повод обратить на него внимание, и песня внезапно меняется:

Васька-васёнак
худой парасёнак,
ножки трясутса,
кишки валакутса...

Или:

Тишка-плишка,
жена каратышка,
дети, как плети...

Смотришь—и враждебный лагерь переменил мету:

Хахол-махол
сел на кол,
с кола свалился,
в грязь павалилса...

Или:

Гром гремит,
земля трисетса,
самаход
в лаптях несетса...

Следование песенок во время исполнения одной за другою иногда носит характер словесного состязания или, лучше сказать, песенного прения, весьма близкий к диалогу[14]. Обыкновенно состязание продолжается до истощения запаса готовых и вновь родившихся издевочных формул в том и другом лагере.

Истощится издевочный материал, начинаются повторения и без того уже не раз повторенных слов,—тогда обе стороны, не слушая друг друга, поют каждая свое...

Они взаимно насмехаются в безутышной перестрелке неожиданно и метко бросаемой рифмой, наскоро сложенной

насмешливой песенкой, усыщенной подчас ядреным деревенским словцом,—повторяют, не подозревая того, старую и из века в век новую историю:

> versibus alternis opprobria rustica fudit
> libertasque recurrentis accepta per annos
> lusit amabiliter, donec iam saevos apertam
> in rabiem coepit verti iocus et per honestas
> ire domos inpune minax [15].

Интересующемуся детским словесным творчеством поучительно наблюдать, когда обе спорящиеся и сражающиеся группы равносильны. Интересно присутствовать и тогда, когда ватага шалунов „нарывается" на мальчугана, который талантливо „отъедается от семи собак". Впрочем, на такого редко и нападают; обыкновенно для травли избирают „тихонького".

По тому или иному поводу пристанет к нему толпа и хором повторяет „одно по одному" бесконечное число раз подходящее к случаю стихотворение... Попытки укрыться, спастись бегством редко удаются. Даже если и удачным будет бегство домой, то многоголосая крикливая песня будет раздаваться у самых ворот, пока „большие" не прогонят ватагу озорников или пока им не надоест исполнение номера, не попадающего в цель. Один за другим ребята разбредаются, и только самый неугомонный стоит у калитки, смотрит в щелку и долго и упорно нараспев или скороговоркой повторяет отрывок из много раз исполненной хором песенки.

Едва ли встретится какой-нибудь приметный случай, подходящий повод, который затруднит найти бойкое словцо, легкую рифму, вряд ли найдется интересующее ребят событие, для „отражения" которого не нашлось бы готовой песенной формы или не родилась бы новая.

Упоминание мальчугана о том, что в школьном общежитии подают к обеду щ и с к а р т о ш к о й служит достаточным поводом и определяет необходимый [illegible] материал для прозвища „щики-картошка". Приезд из Псковской губернии определяет первоначальное прозвище „[illegible]", а желание обострить насмешку, придать ей—путем усвоения мальчугану качеств или особенностей девочки—[illegible] характер перестраивает прозвище в „[illegible]". Во многих случаях прозвище развертывается, принимает стихотворную форму. „Бывают также случаи,—сообщает Молотилов,—что ребятишки, желая высмеять кого-либо, составляют специальный по адресу данной личности скавдень",—и приводит в качестве примера четверо-

стишие[1]. Еще пример. Ребятам стала известной мечта одного мальчика сделаться капитаном,—и, как отклик, в товарищеской среде появляется эпиграмматическое четверостишие (см. в „Материалах“ № 79). Любовь к кошке закрепляет за девочкой прозвище „кошкина мать“, за которое рифмой цепляется четверостишие (№ 94).

Заподозренная „симпатия“ вызывает появление импровизированной эпиграммы (№№ 107—вариант; 108).

С целью „острамить“ товарища за кражу или другой порицаемый поступок сговариваются „проложить славу“, создают, излив свое осуждение, краткое стихотворение (№№ 37, 92). Если не найдется готовой песенной формулы, импровизируют.

Если импровизация не покажется удачной, она быстро теряется, а если хороша, складна, подходяща, т. е. отвечает общей потребности заинтересованной группы, ее без уговора или, лучше сказать, по молчаливому договору, признают заслуживающей труда быть сохраненной.

Дитя-художник, счастливый выразитель личных переживаний или настроения группы, не гонится за славой, и авторство его забывается, а пущенной им в минуту вдохновения издевке-портрету или издевке - эпиграмме выпадает завидная доля: ее подхватывают, и она делается достоянием не только группы, где она родилась, а в первоначальном виде или много раз перередактированная исполнителями — в соответствии с нуждами, вкусами и дарованиями—сохраняется всем детским населением деревни, а то и переходя за ее пределы. Из определенного чувства или настроения она родилась; эти же чувства и настроения она выражает, приняв законченную форму; она всегда служит целям осмеяния, издевательства.

Таково происхождение и таковы условия бытования песенок—порождения „словесной забавы“, которые пережили несколько человеческих поколений.

Для обозначения рассматриваемых здесь детских сатирических песенок можно или принять названия в готовом виде от исполнителей и ввести их в качестве условных рабочих терминов в научный обиход или из назначения этих словесных произведений вывести для них соответствующие названия.

Дети обыкновенно не дают определенного названия исполняемым словесным произведениям. На вопрос, какую они поют песню, можно услышать: „это вовсе не песня, это так-себе... **дразнилка**“.

Не встретило бы больших возражений введение термина „дразнилка“ для значительной части произведений детской

сатирической лирики, если бы оно вполне выражало основную сущность и главное назначение этих произведений. Дразнилка заключает в себе шутку вообще, а в разбираемой группе детского словесного творчества непременно скрыто намерение **донять, обидеть, извести человека.**

Может быть, следует воспользоваться редким и далеко не общеупотребительным, но все же встречающимся в детском обиходе словом *издевка*, которое означает те самые „передразнивания", о которых говорит Шейн. Если малораспространенность этого слова в *детском обиходном языке* как будто ослабляет право воспользоваться им в качестве термина, зато оно находит свое основание в том обстоятельстве, что это общенародное слово в живом языке нашло себе место, а затем и в способе использования и в содержании этих детских произведений. Наконец, можно напомнить, что этот термин (в несколько ином использовании) встречается и в литературе по детскому **фольклору**[17].

В пределах этого вида можно различать: 1. *издевку-портрет* (см. №№ 56, 62, 70, 114 и др.), 2. *издевку-эпиграмму* (№№ 79, 107—вариант, 108 и др.), 3. *издевку-пораженье* (№№ 37, 78,92 и др.), 4 *издевку-прозвище* (№№ 87, 93, 95 и др.).

Общие характерные признаки детской сатиры заслуживают того, чтобы составить предмет специального исследования. Эти страницы продиктованы желанием поделиться немногими, мимоходом сделанными наблюдениями над детским словесным творчеством. Такая скромная задача находит свое оправдание в том обстоятельстве, что даже наблюдения, произведенные в пределах сравнительно небольшого материала и не отражающие следов пристального изучения, обнажают некоторые характерные черты детской сатирической лирики.

Издевки построены на рифме, которая является одним из важнейших композиционных средств произведений разбираемого вида.

Любовь к рифмовке у детей—дело общеизвестное. Рифмуют чаще и удачнее имена и прозвища. Делается это в тех случаях, когда нужно представить чье-либо имя в смешном виде, и тогда, когда хочется придать своему обращению шутливый тон. Цепкость ребят в этом отношении поразительна. Девочка захотела присвоить себе понравившееся ей вычитанное

где-то имя *Мирра*. Как только это намерение стало известно сверстникам, родилось рифмованное прозвище: *Миронья-дыра воронья*. Достаточно ребенку обнаружить плаксивость, он уже— „рёва-базарна корова", „плакса-макса" или „плакся-макся". Заметят, что у мальчугана или девочки выпали зубы, за ним га несколько месяцев обеспечено прозвище: „дед—сто лет"... [8].

См. также в „Материалах" №№ 1—20.

У девочек иногда наблюдается желание придать обращению или прозвищу ласково-шутливый характер.

— Ну, как бы мне тебя подразнить?—задумчиво говорит семи-восьмилетняя девочка Оле—одной из подруг, сидящих на скамеечке около дома. И, помолчав минутку, тоном осененного мыслью быстро повторила речитативом нехитрое: *Оля-боля, Оля-боля...*

Подобных этому (записанному в поселке Боровом), можно было бы привести не мало примеров. Так же родилось там прозвище: *Алеша-балеша* и многие другие.

Из того же источника вышла шутка, известная в том же поселке:

Алеша—балеша,
Мать нехороша...

Первоначальное рифмованное прозвище через прибавление новой части (характеристика матери) разрослось в короткое двустишие—*дразнилку*.

Путем приращения позднее добытых и оформленных материалов (характеристика отца) двустишие приняло форму шутки издевки (см. № 61).

Напрашивается мысль, не приближаемся ли мы путем наблюдения подобных фактов к разрешению (хотя бы частичному) вопроса об образовании или происхождении детских прозвищ. Мне кажется, что некоторый материал для ответа на вопрос о происхождении этих коротеньких произведений я нашел в своих дневниках, где описываются случаи рождения издевок. Наблюдения над детским словесным творчеством позволяют допустить, что описанные выше стадии проходит значительная часть законченных в своем построении издевок, связанных с именем собственным или нарицательным: имя—рифмованное прозвище—дразнилка—издевка. Ср. №№ 24 и 62, 32 и 75, 35 и 72, 73; 41 и 95, 43 и 88.

Этот процесс образования издевок не всегда выливается в ту форму законченной определенности, которая напраши-

вается при обзоре накапливающихся материалов и в каком виде здесь приводится. В отдельных случаях издевка, как уже указывалось, рождается и внезапно—ex promptu. Нередко новые стихотворения получаются путем комбинирования отдельных частей разных текстов, когда старые формы и рифмы перестраиваются в иные, новые связи. Отсюда понятно наличие в издевках реминисценций из произведений книжной словесности, из сказок, песен, народной агиографии (№№ 28, 57, 70, 111 и др.). В иных случаях возможно заподозреть заимствования из частушек молодежи (№№ 78, 106 и др.) [9].

Наряду с процессом образования издевки из более простых форм наблюдается и обратный процесс. Уже говорилось, что признаком издевки, отличающим ее от других видов детской сатирической лирики, надо считать хоровое исполнение; в одиночку редко кто (разве какой отщепенец) пользуется издевкой, исполняя ее «соло». Обыкновенно, не имея возможности исполнить ее хором, пользуются элементами ходовых издевок: из полного текста стихотворения в случае надобности вынимается кусок и используется в качестве самостоятельного словесного произведения. Обычно таким куском бывает или рифмованное прозвище или—реже—дразнилка.

Наблюдения показывают, что рифмовка обыкновенно дается почти каждому ребенку; многие могут связать имя с рифмующимся словом в выразительное прозвище; не всякому дано сложное прозвище развить до дразнилки; лишь выдающиеся дети-художники слова в счастливую минуту могут слить вновь найденную вязь слов с материалом ранее известной дразнилки, чтобы получить издевку. Иной раз имеются все необходимые элементы: и рифмованное прозвище и факты или поводы, к которым можно придраться. Недостает только или соответствующего настроения или выдающегося дарования.

Но достаточно каким-нибудь путем накалиться атмосфере, чтобы сила потребности стала силой творчества, или явиться поэту с ярким даровением насмешника,—и появление издевки обеспечено. Близость нового стихотворения со старым ходячим произведением (прозвищем, дразнилкой) обеспечивает быстрое его запоминание и распространение [10].

Старые песни-издевки для детей не теряют прелести новизны. Они отвечают потребности выразить в слове волнующие интересы минуты. Неизменное присутствие в этой короткой песне нужных в известный момент бойких и вызывающих нот-ток сохраняют ей оттенок свежести только что возникшей песенки... Впрочем, и всякий новый повод использования всем

известной песни возвращает ей это свойство. Надоесть эти песни-стихотворения не могут и в силу краткости периода пользования ими каждым детским поколением: едва ребенок успеет овладеть всем запасом сатирических произведений,—и уже выходит из детского возраста.

Наблюдатели детского быта хорошо знают, как широко развита *общественная жизнь детей*. Достаточно для примера упомянуть о детских сложных организациях в виде артелей [illegible], христославов, или об играх, регулируемых „правилами" и „уговорами", дающими в своей совокупности свод неписаных, но весьма строго соблюдаемых „законов". Нормы, которыми определяются взаимные отношения различных групп детского общества, своей сложностью и разработанностью заслуживают право на внимание не только этнографов, но и психологов и юристов.

Казалось бы, что сатирическая лирика детей должна ярко отразить их общественный быт. В действительности же мы этого не наблюдаем. Располагаемые нами материалы (как и те, которые можно было привлечь для сопоставлений) показывают, что детская сатира далеко не всегда носит общественный характер. Тематическая избирательность в области лирики осмеяния, как обнаруживают наблюдения над текстами стихотворений, определяется событиями детской жизни, редко выходящими за круг интересов небольшой группы лиц. Детская сатира сравнительно редко бывает направлена против враждебной группы: обыкновенно она направляется против того или другого лица. В ней мы имеем дело не с общественной-гражданской сатирой, а скорее, если ее характеризовать в общеупотребительных терминах и обозначениях, с *индивидуально-личными произведениями*, основной чертой которых является грубое балагурство, входящее в детское словесное творчество существенным элементом, нередко переходящее границы простой забавы. С этой особенностью детской сатирической лирики в известной связи находится выбор затрагиваемых тем и разрабатываемых мотивов.

Кажется, больше всего привлекает к себе детское внимание *внешний* облик людей (№№ 35, 42, 81, 87 и др.) и бросающиеся в глаза перемены в нем (№№ 49, 53 и др.).

Не остаются не замеченными люди другой национальности отчасти за внешность, отчасти за название; более других известны: немец, поляк, еврей, татарин, цыган, бурят (№№ 43, 88, 44, 41, 42, 95, 110, 39, 40); здесь же позволительно назвать хохла (№ 104), поселенца (№ 99). Пользуются вниманием действительные или приписываемые какие-либо

физические уродства: хромота (№ 24, 46, 102 и пр.), близорукость, слепота (№№ 45 и др.), косоглазие (№ 63, 66, 91, 103) и пр., редко—внутренние качества (№ 34).

Отмечаются публичным посрамлением порицаемые детским общественным мнением поступки—воровство, ябеды (№№ 37, 54, 92). В некоторых случаях не остаются без осуждения или осмеяния мода (№ 47), нечистоплотность (№ 48). Не остаются без внимания симпатии (№ 56, 108 и др.), неудачное ухаживание (№ 107—вариант и др.), обжорство (№№ 35, 72, 88), побои и наказание (№ 83 и др.), неожиданные превращения (№№ 85, 96, 109). Господствующий мотив—беспомощность (№№ 65, 97, 104, 105, 107, 109, 111, 112).

В своем месте было сказано, что и словесники-составители только наиболее одаренные („мастера"), и то не в каждой схватке, создают новые произведения; обычно же пользуются готовыми *формулами осмеяния*,—распространенными текстами дразнилок, в которых, смотря по надобности, делается соответствующая замена слов или фраз; отсюда понятно, почему стихотворения-дразнилки имеют неисчислимое число вариантов. Творчество художника-ребенка находит свое проявление в выборе и приспособлении готовой формулы к тому или другому определенному случаю, комбинировании полученных из разных источников материалов, соблюдении ритма, размера и т. д.

Темы детского дразнительно-поэтического творчества меняются и множатся крайне медленно, потому и количественное богатство ходячих формул осмеяния не находится в соответствии с тематическим богатством.

Разрешая задачи приближения к известному единству всех входящих в то или иное стихотворение элементов, составители используют в качестве стержня для своих построений рифмованные прозвища, за которыми следует обозначение признаков, действий и состояний—действительных или приписываемых осмеиваемому лицу.

В результате имеем:

1. Утверждение, касающееся человеку или группе чем-либо связанных лиц определенных („отрицательных") признаков и действий,—обычно с настойчивым их перечислением. Ср., например, №№ 56, 57, 62, 65, 77, 79; также: 67—69, 71, 72, 80, 83 и мн. др.

2. Или—редко—отрицание „положительных" признаков и действий: № 76 и др.

3. Или же, рядом с отрицанием одних, приписывание других признаков или действий: №№ 61, 63 и др.

В других случаях разрешению композиционных задач служит использование диалога. Диалог обыкновенно начинается с обращения, за которым следует 1. вопрос, часто сопровождаемый ответом: №№ 87, 95, 98; 2. просьба: №№ 49, 53, 55, 76; 3. совет (предостережение): №№ 66, 78, 96, или 4. предложение: №№ 46, 60, 74, иногда с обещанием за исполнение: № 46.

В подавляющем числе случаев обращения направлены к лицу, служащему предметом назойливого внимания; иногда—редко— встречаются обращения от лица высмеиваемого: №№ 111, 113.

Желаемый эффект в издевках достигается различными приемами; отметим наиболее характерные.

Логические ударения на последнем слове в стихе и отнесение смысловых доминант предложений—глагольных форм—к концу „стихов“ [2] задерживают внимание, заставляют ощущать каждый новый момент и направляют воображение слушателей все в одну сторону. Резко и стремительно набрасывается мазок за мазком—и создается образ. Ср., например, №№ 97, 110, 111, особенно 112. Благодаря обилию подробностей, от перечисления действий создается впечатление реальности самого образа.

В отдельных случаях комический эффект достигается внесением элемента несоответствия ожидаемого с наблюдаемым (при чем комизм положения наблюдается гораздо чаще, чем комизм речи). вместо съеденного медведя в экскрементах оказывается волк или гусь: №№ 85, 86, или вместо съеденной редьки—Федька: № 106; см. также № 82.

Известны приемы каламбурного осмысливания имен (выведение из одного корня слов, этимологически неродственных); например, Витька—ветер (через Витя—витирок), Яшка—якут (через Яков или Якушка), Колька—калека, Петька—петух, Женька—женюся.

Видное место занимают различные проявления субъективности отношения к вещам и лицам, вовлекаемым в круг объектов осмеяния, сказывающейся в преднамеренном и настойчивом умалении, поругании, в широком применении уменьшительных форм в качестве уничижительных.

Во многих случаях ироническая форма имен и прозвищ обостряется путем привлечения эпитетов и сравнений.

Эпитеты объективные наблюдаются в немногих случаях; они обычны: косой заяц (№ 103), сера утка (№ 78) и т. п.

В значительном количестве встречаются *эпитеты субъективные*. Численное преобладание их нужно отнести к особенностям детского восприятия окружающего. Ребятам чуждо распознавание сущности вещей и явлений. Поэтому напрасно мы стали бы искать в детском фольклоре словесные выражения, в которых была бы схвачена та или иная внутренняя сторона, какое-либо внутреннее свойство наблюдаемого; обычно эпитеты фиксируют внешние признаки предметов и явлений. Отсюда преобладание эпитетов, вызванных настроением: барин вшивый —№ 48, черти косые—№ 103, бес косой—№ 91, Иван болван—№ 67 и др.

Большая часть эпитетов—приложения, которым можно усвоить название *эпитетов-прозвищ*.

Шурка-макака, Петька-петух, Мишка-медведь и др; встречаются *составные эпитеты-прозвища*, напр., Анна банная-вшивый бок, Шурка-бурка-длинный нос и др.

Поиски меткого и увесистого эпитета приводят нередко к созданию эпитетов, созвучных с определяемыми словами. Примеры: Аркашка—таракашка, Архип—старый гриб, Андрей—воробей, Петро—поганое ведро, Нюшка—сера утка, коза—стрекоза-выпученные глаза, Сонька—сова-весела голова, Шурка—воровка-красна головка и мн. др.

Сложные эпитеты в языке детей наблюдаются крайне редко и, сколько могу судить по личным наблюдениям, встречаются преимущественно в обыденной речи; в имеющихся в моем распоряжении записях нахожу только один-два примера; вот наиболее удачные: бойкую, острую на язык девочку назвали Грунькой „скоропрдей" (Тулун); напомню слово: „скопидырь"; приведу прилагательное: Матрена „махнаногa" (в песенке).

Видимо, детский язык обнаруживает бессилие при попытках передать различные оттенки понятий помощью эпитетов. Не имея в своем распоряжении сложных слов, дети принуждены пользоваться *сравнениями*. Сравнения детской сатиры стоят в ближайшей связи с миром, окружающим творцов и исполнителей издевок: объектами сравнений являются предметы, находящиеся у детей всегда перед глазами.

В отношении выражения одни сравнения представляют собою обстоятельства в творительном падеже: голова сучком, нос крючком (№ 102), слюни или сопли тянутся вожжой и т. п.; другая группа сравнений передается при помощи слова как: как клубок, как бодог (№ 56), как пасти.

Гиперболизм свойствен сатире едва ли не более, чем другим видам детского словесного творчества. Гиперболы здесь по временам слишком неестественны, громоздки. Немец—такой обжора, что за один прием съедает почти целую корову (№ 43) или даже корову с быком или семь сотен поросят (№ 88); борода у Алешина отца—с аршин (№ 61); у Сани нос так велик, что на нем можно уместиться для завтрака (№ 81) и т. п. Разновидность гиперболы, именуемая литотесом, встречается реже; в „Материалах" имеем: отец—с кувшин (№ 61), бауша и девка так невелики, что умещаются в кармане (№№ 98, 110).

Из средств поэтического языка, используемых в детской сатире, можно также отметить *повторения* (№№ 70, 74, 81, 108).

Дети-стихотворцы и исполнители сообразуются с законами ритма и меры, подсказанными непосредственным чутьем. Это однако не устраняет того факта, что во многих стихотворениях допускаются „ухабы" или перебои, т. е. вольности, нарушающие ритм и размер (№№ 51, 68, 73, 77, 89, 112).

Нарушения ритма словесных произведений ощущаются и сознаются *при чтении*. Чутко относясь к „складу" стихотворной речи, предназначенной для произнесения, напр. в считалках, в произведениях хоровой поэзии дети не всегда замечают нарушения, так как стихотворения-издевки создаются при пении и предназначаются для хорового исполнения. В пении „ухабы" или перебои прикрываются удлинением или—лучше сказать—протяжением отдельных гласных, затем—фонетической деформацией слов: перемещением ударений (№№ 69, 84, 104, 105 и др.) и использованием наличных акцентных дублетов (№№ 64, 85, 89, 98, 101 и др.). В отдельных случаях в тех же целях пользуются вставками частицы *то* (№ 82) и слов, не заключающих в себе никакого определенного содержания: боля, болеша, моля, лепа и др. (№№ 35, 61, 72). Трудно сказать, являются ли эти слова порождением бессилия уловить наиболее существенные признаки или, при умении уловить их, вследствие неуменья оформить их в слове. В отдельных случаях имеем дело, возможно, с словами, смысл которых утрачен. Выяснение их образования и функций должно вылиться в самостоятельную задачу.[23]

Вслушиваясь в детские стихотворения, редко улавливаешь такие, с которыми связывалось бы представление о „кованности стиха" или приближении к нему; впрочем, некоторые стихотворения способны привлечь к себе внимание именно этой своей стороной (№№ 70, 78, 85, 86 и некоторые др.).

В детском стихотворчестве наблюдается ясно выраженная тенденция (объясняемая господством *ямбических и хореических* размеров) избегать как малосложных, так и слишком многосложных стихов[11]. Слоговая устойчивость несомненна. Число слогов в стихах одного текста обыкновенно колеблется в пределах от 3 до 5 (№№ 71, 106), от 4—5 до 7 (№№ 63, 65, 67, 74, 80, 83, 100), от 6 до 8 (№№ 72, 108); уклонения сравнительно редки; преобладают стихи четырехсложные и шестисложные; с меньшим упорством держатся семисложные стихи; полиметры, в виде стихов восьмисложных, не часты. Встречаются стихотворения с одинаковым количеством слогов (и ударений) в каждом стихе (№№ 56, 70, 79, 85, 86, 87, 103, 110). В отдельных случаях встречаются парами трехсложные и четырехсложные стихи (напр. № 91), семисложные и восьмисложные (№ 81) или правильно чередуются четырехсложные и шестисложные (№ 67), восьми и семисложные (№ 78).

В значительной части стихотворений-издевок каждый стих несет на себе два (№№ 62, 65, 67 и др.) или четыре ударения (№№ 70, 72, 78).

В издевках преобладают хореические и ямбические размеры. Достаточно упомянуть, что в помещаемых ниже „Материалах" подавляющее количество хореических двустиший; в меньшем количестве наблюдаются двустишия ямбические (№№ 28, 44, 46); некоторые четверостишия и шестистишия (№№ 70, 78, 106, 108 и др.) представляют типичную частушку с ее обычным строем и метром—хореем. Большая часть хореических четверостиший отличается от частушки меньшим числом ударений в каждом стихе.

Преобладание хореических и ямбических размеров не случайно: видимо, ямбохореическая артикуляция наиболее свойственна детям. Использование главным образом этих двух размеров отражается на музыкальной стороне стихотворений-издевок, внося некоторое разнообразие в исполнение. Мелодия издевок—сказать попутно—очень не сложна: она, в общем, та же, что в известных детских песенках, обращенных к дождю или коршуну[12]. И в исполнении их каких-либо забот о достижении художественной выразительности не наблюдается. Монотонность и однообразие мелодии как нельзя более согласуется с основной функцией издевки. В зависимости от использования хорея или ямба меняется мелодия: хореический размер дает ей окраску живости, задора; ямбическое построение несколько замедляет темп.

В размерах детских стихотворений часты перебои, так как доминирующие метры (ямб и хорей) свободно допускают мно-

гообразные замены и смены одной стопы стопою другого порядка; внесение так называемых малых цезур заметно меняет ритм. Ямбическая и хореическая формы являются господствующими, но они часто нарушаются внесением других метров, образованных стопами, расположенными в произвольной последовательности. Достаточно вслушаться в первые приводимые здесь четверостишия, чтобы уловить присутствие амфибрахия, дактиля, пэона, анапеста и пр. Во многих случаях деление на стопы и различение определенных размеров не применимо: в этой части произведений детской лирики мы встречаемся с существенными особенностями так называемого народного стиха.

Среди издевок встречается большое количество с одними мужскими рифмами (№№ 55, 56, 60, 63, 64, 67 и мн. др); есть и с одними женскими окончаниями (№№ 65, 74, 85, 86 и пр.); обыкновенно же наблюдаются эти стихотворения на два ряда окончаний—на мужское и женское (№№ 61, 62, 70 71, 81, 82, 84 и др.); чередование мужских и женских рифм в одних случаях правильное (№ 78, 79, 105, 106), в иных (№№ 101, 102, 104, 108)—неправильное.

Редко встречается рифма дактилическая (№№ 57, 112) и другие.

В преобладающих рифмических периодах, т. е. в четверостишиях, сколько можно судить по приводимому здесь материалу, совершенно отсутствуют рифмы так называемые перекрестные (выражаемые схемой abab) и охватные, или опоясанные (abba); зато большим количеством представлены рифмы парные, или смежные, обозначаемые схемой aabb (№№ 61—65, 70, 71, 74, 81, 84 и мн. др.). Нередки рифмические периоды с прерванной рифмой, т. е. четверостишия с нерифмующими нечетными стихами—типа abcb (№№ 78, 83 и др.), к которым можно отнести и стихотворения с нерифмующими четными стихами (схема: abac; № 78). В некоторых четверостишиях рифмуют или первые два или последние два стиха, укладываясь в схемы: aabc (№ 66) и abcc (№№ 72, 82, 88).

Трехстишия обыкновенно построены на одной рифме и срифмованы по таким схемам: aaa (№№ 56, 58, 60), aab (№ 57), abb (№ 55).

Рифмические периоды в пять стихов строятся на двух рифмах—по типу: aaabb (№ 95) или aabbb (№ 97); встречаются с симметричным расположением рифм—по типу: aabcc (№№ 96, 98), как и пятистишия, схема которых может быть обозначена как aabcb (№ 99) и др.

Рифмические периоды в шесть стихов построены на трех рифмах, обычно укладываясь в схему aabbcc (№ 105—110); восьмистишия—на четырех рифмах, согласуясь со схемой aabbccdd (№ 112. 113). Встречаются и белые стихи (№№ 111, 114—начало), но они—явление очень редкое.

В некоторых детских стихотворениях мы имеем дело с приближением к так называемой точной рифме. Напр., в хореическом трехстишии № 56, при одинаковом числе слогов в рифмующих между собою стихах, наблюдается 1. почти не нарушенное тождество стиховых окончаний: одинаково звучащие слоги; 2. тождество ударных гласных: везде *о*; 3. тождество заударных гласных: *ъ*; 4. одинаковое расположение согласных *б (д)—к*.

То же дает четверостишие № 62, где неравномерный по слоговому составу словесный материал посредством рифмы организуется в пару двустиший. В первом, как и во втором, сочетании имеем тождество стиховых окончаний: 1. *а(я)нпа*, 2. *стои*; тождество ударных гласных: 1. *а (я)*; 2. *о*; тождество заударных гласных: 1. *а*; 2. *и*; тождество (во второй паре) и одинаковое расположение согласных: 1. *б(в)—нп*, 2. *ст*.[3] Таких стихотворений можно привести не мало (№№ 65, 74, 80, 85, 109 и др.).

Нередки рифмы, получающиеся при тождестве ударных гласных и при различных согласных (см. №№ 70, 82, 86, 95—вторые двустишия) и др.; встречаются рифмы неравносложные и неравноударные (см. № 67: крива—пролила. №№ 68, 89, 102).

На ряду с звучными, четкими рифмами наблюдаются так наз. неточные рифмы, созвучия неопределенные, едва уловимые, звучащие в пении (№№ 26, 35, 40, 43 и др.). Часто созвучие достигается повторением слов: спала—проспала, снес—отнес, попал—напала и др. (№№ 59, 100, 106 и др.); это, собственно, не рифмы, а словарные совпадения.

Кроме рифм-концовок, в надевках следует отметить рифмы строчные, т. е. созвучия, получающиеся рифмованием отдельных слов в разных местах внутри стиха (№№ 56, 61, 62, 71, 77, 78, 96, 112 и др.). Близки к ним созвучия (которые можно было бы назвать корневыми рифмами), образуемые словами одного корня, расположенными внутри стиха; напр.: Васька-васёнок (№ 97 и др.), вор-воришка (№ 92 и др.) и т. п.

Замечаются начальные рифмы, образуемые рифмованием слов в начале стихов; напр. № 67: колоко(льни)—молоко, № 84: шишки—штанишки, № 98: голос(ом)—волос(а).

Любование звуками слов далеко не чуждо детям-художникам слова. Безотчетно, по чутью, прибегают они к некоторым приемам звукописи.

Из приемов звукописи наблюдается:

1. Использование междометий-звукоподражаний: №№ 82, 90, 105, 139 и др.; 2. игра чередующимися сочетаниями звуков: №№ 54, 66, 79, 84, 106, 108, 112 и т. п.; 3. подчеркивание внутреннего содержания и смысла стихотворения путем выбора слов с повторяющимися звуками: мерное произнесение созвучных слов с доминирующими и повторяющимися в них глухими согласными *ш, п, к* удачно передает звуковой образ шопота и является подражанием шумам и звукам, особенно хорошо знакомым матерям и нянькам (№ 139). Настойчивое следование за беззвучными *б* и *ф*—через перемежающиеся сочетания звуков другого порядка—„скорого, взрывного“ (по Бальмонту) *р* дает некоторое напоминание треска и хруста сосновых шишек под ногами и намекает на звуки непроизвольного громкого газоиспускания (№ 84)[27].

Другой вид детской лирики осмеяния, обозначаемой Арефьевым, как „шутки, по большей части обидные для собеседника“[28], а Станиловским, как „присловья“[29], зарождается и бытует в иной обстановке и при иных условиях.

У произведений, принадлежащих к этому виду, „свои законы и формы, вызванные органической необходимостью, по которым они и должны быть судимы“[30].

Чтобы показать условия, в которых применяются эти „шутки“, или поддевки, привожу некоторые из записей своих наблюдений.

Лето. Праздничный день. Ребят на улице еще мало, чтобы можно было затеять какую-нибудь игру. Два-три мальчугана сидят „в холодке“ (за тенью). Разговор не клеится, да и какой разговор при ежедневных многочисленных встречах с одними и теми же лицами.. Молчат, придумывают, чем бы заполнить время. Молчание, наконец, надоедает.

— Фетьчя, скажи: поп.
— А чё?
— Ну, скажи: поп.
— Поп.
— Твой отец—клоп!

В таких случаях обижаются редко. Здесь не так обидна вдруг ударившая фраза, как неприятен самый факт оказаться поддетым. Нужно выждать подходящий момент и ответить тем же.

Таким образом поддеть можно только неопытных, малообщительных ребят. Общительные и живые ребята обыкновенно быстро запоминают ходячие поддевульки и могут поддеться только на что-нибудь неожиданное и новое.

— Проньча, сто да сто сколька?
— Двести.
— Сиди, дурак, на мести!..

Некоторые поддевки этого типа связаны с действиями. Один мальчуган схватывает другого за нос и настойчиво спрашивает:

— Дуб ли вяз?
— Дуб...
— Тяни до губ!..—ликует поддевщик и тянет нос книзу.

Третий товарищ неожиданно хватает его за нос и вопрошает:

— Дуб ли вяз?
— Вяз...
— Тяни до глаз!..—и тянет чужой нос кверху.

Увидят в окна товарищей в холодке, едва допив „быком“ чай, бегут к ним другие, присоединяются, принимают участие в начатой забаве... Забава эта быстро приедается, так как при большом числе участников состязания запас старых поддевулек оказывается довольно ограниченным, а новые множатся медленно. Ребята в сборе—начинается какая-нибудь подвижная игра.

Утомившись, одни расходятся по домам; другим уходить не хочется... Сидят, молчат. И опять:

— Витька, у тебя под ногам-то мох!—вдруг кто-нибудь прервет молчание.

Витька машинально смотрит себе под ноги, а ему говорят:

— Не кланься, я не бох...

Или:

— Сенька! под ногам-то грязь...

Сенька невольно наклонит голову, чтобы посмотреть под ноги, и слышит:

—Не кланься, я тебе не князь...

И снова молчат. Ребят мало, игра не налаживается. Молчание быстро надоедает.

— Алешка, скажи: Лизавета.

— Лизавета.

— Вот тебе за ета!

И следует удар в спину.

Интереснее и живее протекают такого рода забавы, когда в них принимают участие ребята, сходящиеся не „сто раз на день", а встречающиеся изредка, время от времени.

Лучшая обстановка для таких сходбищ—пастьба скота или во время страды у костра вечерами, когда „большие" остаются на полосе заканчивать дневную работу, а ребят шлют „чай варить", т. е. готовить ужин.

На займке нередко две-три-четыре семьи. Из каждой бегут ребята чай варить. Иной раз тут же случаются ребята с ближайших соседних займок. Собирается довольно большое общество парнишек и девчёнок, которые в страдное время встречаются лишь урывками.

У огонька вечером, пока приготовляется ужин, варится картошка, никакой длительной подвижной игры не затеешь: время заполняется спросами, пересудами, шутками, насмешками, рассказами.

Вдруг кто-нибудь всерьез или шутя заподозрит рассказчика во лжи.

— Врешь!

— Раскуси (или: выкуси) пердеж,
в нем ядрышко найдешь,
его съешь,—

„отмочит" в ответ находчивый поддевала.

Бывает, что или сам подцетый собеседник или кто-нибудь из товарищей заступится, но найдутся и такие, кто „одернет":

— Тебе какое дело?

И тут начинается словесное состязание.

— Тебе кошка в рот нап....ла!

— Мне хоть кошка,
да немножко,
тебе кот,
да полон рот...

В исполнении такого рода диалогов характерной чертой является быстрый обмен речью; при этом каждый компонент обмена служит репликой, вызывая встречный рифмованный стих—один или несколько.

Трудно найти удачнее в этом отношении пример поддевок, чем тот, который связан рифмой с названием последнего весеннего месяца.

— Скажи: май.
— Май.
— Я п...ну, ты поймай (или: имай)...
— А я буду ловить
да тебя кормить...
— А что останется,
тебе по губам растянется...
— Я это наоборот—
да все тебе в рот...
— А я все на вилочку—
да тебе в дырочку...
— Я все на рогожицу—
да прямо тебе в рожицу!..

См. также № 130.

Чтобы как-нибудь кончить эту череду угроз и обещаний, кто-нибудь из участников состязания или—редко—из свидетелей его скажет:

— Печать!.. и больше не кричать!..

Иная детская группа выдается бесцветная, не выделяет заметных мастеров слова; и тогда она пробавляется старым, унаследованным общеизвестным запасом или, в лучшем случае, прибавляет некоторые новые рифмы или делает вставки... Зато встречается и такой подбор ребят, что из дюжины их выберется два-три недюжинных „таланта"-словесника, обнаруживающихся при словесных состязаниях—в издевках и в поддевках. Хотел бы назвать здесь худоеланца Спирьку Ромашихина (ныне крестьянина в с. Худоелани Тулунского уезда Спиридона Романовича Родионова), способностям которого и теперь его сверстники—люди, перешагнувшие за второй десяток лет—отдают дань удивления, вспоминая сравнительно недавнее детство (1908—1912).

Ленка Ширяев, живой, бойкий одиннадцатилетний мальчуган, слывет в Тулунском поселке большим мастером давать прозвища; ему молва приписывает сочинение двустиший-дразнилок, приводимых здесь под №№ 29 и 39; он же снабдил приведенным раньше эпитетом имя своей сестры Груни, которая нередко служит мишенью для стрел его остроумия.

— У тебя, Груня, чирий?—заботливо спрашивает брат.

— Ага...

— Я тебе его заговорю, ладно?

Он обводит пальцем вокруг больного места и серьезно произносит:

Чирий, чирий,
сядь пошире:
где один,
дак там четыре...

В Куйтуне, Тулунского уезда, мне пришлось в 1921 году наблюдать десятилетних Гутю Сизых и Лизу Лыткину (от которых, между прочим, записаны №№ 78, 91, 105 и некоторые другие). В беседе со мною они уверяли меня, что сложение издевки „про Миронова паренька Кешку“ (№ 74) принадлежит им. Эти бойкие девочки очень остры на язык и в поддевках.

Следить за ходом словесного побоища, в котором принимают участие такие ребята, для фольклориста поучительно. Интересно наблюдать состязающихся ребят, которых взрослые по разным поводам характеризуют словами: „один—задириха, другой—неспустиха“, когда у них равны прочие условия: опыт, находчивость, одаренность...

В этих состязаниях иногда мы, несомненно, имеем дело с переживанием того, что в отношении признанных поэтов обозначается словом вдохновение, которое у ребят приходит не в „широкошумной дубраве“, а на толке, присутствие которой возбуждает, собирает и концентрирует силы. При словесных состязаниях, где нужна живость, находчивость, умение ловко вывернуться и во-время сделать удачное нападение,— тут, действительно, „сила потребности есть сила творчества“.

В то время, как издевки исполняются почти всегда толпой,— эта группа словесных произведений предполагает наличие двух действующих лиц. Издевки -хоровая поэзия; поддевульки —произносятся „говорком“. Вопросоответная форма построения издевки встречается как исключение; отличительный признак поддевульки—диалогическая форма. Назначение издевки допускает значительный объем текста; поддевулька должна быть четкой, лапидарной. Сцепление их может быть почти беспредельным (потому то и существует—мы видели—искусственный прием прекращения словесного бега), но каждое звено должно быть легким и кратким.

Для обозначения такого рода произведений у детей, кажется, нет общеупотребительного названия. Изредка пользуются словом поддевулька или поддеулька. Это слово удачно передает их основной характер, указывает назначение. Наряду с этим словом не только у взрослых, но—хоть редко и не повсеместно—и у ребят, существует другое—*поддевка* (от „поддеть", поймать на слове). В нем резче, короче, энергичнее схвачена сущность этих слитков крепкого остроумия и цель и характер их применения. Поэтому словом *поддевка* позволительно обозначить разновидность детской лирики осмеяния, о которой сейчас идет речь.

В пределах этой разновидности необходимо различать несколько групп.

Одни поддевки слажены в форме краткого *искусственного диалога*, где нужно *ожидать* возможности быть поддетым (кроме выше приведенных примеров, см. №№ 115—130); их—большая часть.

Поддевка формы искусственного диалога строится по несложной схеме. Первая часть этой композиционной схемы—*зацепка*, или *приступ*; вторая—*собственно поддевка*. Связью между ними служит *общее* для двух сторон слово (подсказанное одной и повторенное другой), за которое рифмой держится поддевка.

В других поддевках, отливающихся в форму *естественного диалога*, человек ловится на слове совершенно неожиданно для себя. Отличие в построении этой формы поддевок состоит в том, что здесь отсутствует общее слово. Первая часть, которую можно назвать *зацепкой*, или *приступкой*, являясь „речевой акцией", вызывает соответствующую „реакцию"—*собственно поддевку*, т. е. вторую композиционную часть. Обе части скрепляются рифмой (см., кроме приведенных в тексте, №№ 131—135, 139—140 в „Материалах").

Своим построением направляется на обособление небольшая группа *поддевок-загадок*, представляющих собою сравнительно развитой диалог, в котором одно лицо направляет разговор, другому остается пассивная роль повторяющего условленную фразу или слово.

Инициативная сторона предлагает:

— Говори за мной: „я тоже".
— А чо?
— Вот говори—и узнашь.
— Ладно.

— Я пойду в лес.
— И я тоже.
— Я вырублю корыто.
— И я тоже.
— Я в это корыто на...ру.
— И я тоже.
— Свиньи будут есть.
— . . . . . .

Диалог ведется очень быстро, и редкий во время остановится; обыкновенно спохватываются только после того, как „само вылетит“ ненужное „и я тоже“.

См. также №№ 136—138.

В некоторых поддевках-заманках диалогическая форма выражена только участием в разговоре двух лиц, при чем одно из них может не проронить ни слова. В них „реакция“, вызванная „речевой акцией“, обыкновенно обнаруживается не в речи, а в невыраженных словами эмоциях. В диалогах этой группы еще отчетливее выражены две части: первая—*заманка*, вторая—*поддевка*. Пример:

— Рассказать тебе сон?
— Расскажи...
— Я видал во сне,
быдто я—в дрисне,
а ты—в меду...

Здесь заманка кончается своеобразной фигурой умолчания, имеющей назначение сначала усилить или закрепить первоначальную ответную „реакцию“ (довольство своим положением „в меду“), чтоб затем совершенно неожиданно „поддеть“:

Я лижу с тебя мед,
а ты с меня—дрисню...

Сюда же относятся случаи, когда заманка, как композиционная часть поддевки, не имеет определенной словесной формы, а скрыта в действии.

Когда, например, ребята ложатся спать, кто-нибудь из них „с заранее обдуманным намерением“ предлагает распределить известным образом места на общей постели. Полученное согласие почти всегда обеспечивает успех поддевалы: когда все улягутся, он, дав немного угомониться, выразительно произносит:

Я у стенки—
в золотой пенке.

Мишка на краю—
у бога в раю,
Кенка в середке—
в говенной веревке...[31]

Кенка, если он—парнишка находчивый, быстро перестраивает текст поддевки и отвечает:

Ты у стенки—
в говенной пенке,
я в середке—
в золотой веревке,

а Мишку оставляет на прежнем месте.

Есть ответы на поддевки (используемые и в качестве ответов на издевки), которые органически не связаны с тем или иным определенным стихотворением, имеющим значение „речевой акции“; они известны в незначительном числе формул (№№20—21).

Также мало формул для специального выражения торжества победителей. Свою радость удачник поддевала выражает в двустишии:

Амманули дурака
на четыри кулака...

Иногда эта формула разрастается в четверостишие—путем прибавления еще двух стихов:

на пять костров
подовинных дров.[32]

Случается, что обмен рифмованными стихами переходит обычные границы словесной перепалки. одна сторона, испытав бессилие слов, приступает к действию, а другая продолжает поддерживать диалог. Если пущенный камень или палка не долетит, „словесники“ отмечают:

Не добросил,
свою мать забросил...

Если камень или палка пролетит мимо, они констатируют:

Не попал,
свою мать закопал...

Иные прибавляют:

ни в гроб, ни в магилу—
в сабаччу кабылу...

В отношении формы стиха поддевки в большей их части являют собою разновидность детской поэтической речи, которую можно приравнять к так называемому *складу раешников*, характеризующемуся, главным образом, тем, что неметризованная речь делится на стихи произвольной величины, кончающиеся рифмами.

Исследования по теории техники детского словесного творчества вообще и в частности в пределах рассматриваемых сейчас видов могут плодотворно вестись, опираясь на большое количество материалов. Этим исследованиям должны предшествовать подготовительные работы. Одною из таких работ автор склонен считать настоящую статью, включающую попутные наблюдения над поэтикой небольшой группы произведений детского фольклора. Попутные наблюдения (и при том произведенные на количественно незначительном материале) неизбежно поверхностны и не полны. Тем не менее я счел себя в праве поделиться ими — потому, что на детское творчество в слове с этой стороны до сих пор, можно сказать, не обращено внимания, и затем, чтобы вопросы поэтики детского фольклора считать затронутыми, хотя бы мимоходом.

Изложенная в этой статье попытка внести некоторое упорядочение в затрагиваемые материалы, вопросы и темы, конечно, не может считаться совершенной, безупречной. Вводимые здесь подразделения и связанные с ним названия и обозначения являются в значительной степени условными и только служебными, предлагаемыми лишь в целях достижения большей ясности в определении состава детского фольклора и отчетливости в характеристике отдельных его частей.

Введение новой классификации и новых терминов допустимо только в исключительных случаях. Едва ли будет неосновательно утверждение, что в таком именно положении оказывается народнословесник и этнограф, останавливающий свое внимание на русском детском фольклоре. В этой области мы не располагаем какой-нибудь определенной классификацией материалов, не имеем и устойчивой терминологической традиции.

Надо думать, что вводимыми рубриками не охватывается все разнообразие детских произведений, называемых здесь издевками и поддевками. Об этом можно будет говорить определеннее, когда будет накоплен больший материал, чем тот, который до сих пор поступил в научный оборот.

II. Материалы.

Для детского фольклора, в частности для тех его видов, совокупность которых мы назвали детской сатирической лирикой, мы не обладаем сводом, который представлял бы собою объединение опубликованных в разное время и в разных изданиях отдельных записей и являлся бы необходимым итогом накоплений интересующего нас материала.

Но и до того момента, когда будет выполнена эта очередная задача фольклористов, можно сказать, не боясь преувеличений, что имеющиеся в этнографической литературе записи по затронутой нами теме не свидетельствуют об особенно больших накоплениях. Поэтому всякая удовлетворительная запись произведений детского словесного творчества должна рассматриваться, как далеко не лишний и не бесполезный вклад в большую очередную работу. Пополнение фонда будущего свода материалов по русскому детскому фольклору является скромной задачей опубликования печатаемых здесь записей.

Они сделаны попутно впродолжение последних трех лет при полевых этнографических работах в пределах Тулунского уезда, Иркутской губернии.

Основой записей послужили личные детские воспоминания, затем—непосредственные наблюдения над жизнью детей. Позволю себе к слову сказать, что за четверть столетия, которая меня отделяет от времени непосредственного участия в детских играх и забавах, *в области детского словесного творчества* бросающихся в глаза изменений—в сторону ли большого накопления нового, в сторону ли утрат старого—не произошло. В том же меня убеждают наблюдения лиц, поделившихся со мною своими записями.

Из Тулунского уезда я имею, кроме своих, материалы С. Ф. Гущиной (Тулун-поселок) и А. М. Молонцевой (с. Перфилово и Шарагул). Небольшой материал, относящийся к Урульге (в Забайкалье), получен мною от П. И. Титовой. Записи из Киренского уезда (дер. Банщикова) переданы мне М. П. Дмитриевой и Ф. М. Мишариной. Досуг, обеспеченный мне летом 1924 года, дал мне возможность пополнить мои материалы наблюдениями в Акмолинской области (Боровое), где мои сборы были облегчены помощью А. Ф. Николаевой и С. Н. Маркова. Записи из Ново-Николаевска и некоторые иркутские переданы мне Б. В. Шевяковым, из Омска—В. Н. Самойлович.

Записи моих сотрудников, при сличении их с моими материалами и некоторыми данными этнографической литературы (имею в виду для Зауралья—Шейна, для Сибири—Молотилова), обнаруживают факт широкой распространенности приводимых здесь текстов, а сделанные мною опросы нескольких стариков показывают, что многие из печатаемых сейчас произведений[31] входили в детский репертуар в середине прошлого столетия.

При текстах не везде указывается, в каком месте, и совсем не отмечается, от кого именно сделана запись,—в силу того, во-первых, что тексты, как уже сказано, являются весьма распространенными и записаны во многих местах названных районов, и потому, во-вторых, что большая часть материалов собрана не от тех или иных определенных лиц, а в играющих группах, естественных детских коллективах.

При передаче сообщаемых текстов было желание приблизиться к фонетической записи, но оно, по причинам, о которых нет надобности говорить, не во всех частях печатаемых материалов осуществлено в желательной мере.

И в другом пункте пришлось, подчиняясь установившейся традиции, отступить от desiderata народоведов. Уступка традиции сказалась в том, что некоторые слова текстов печатаются не полно, с пропусками, глухо и немо обозначаемыми многоточием. Это—так называемые „неудобные для печати слова". Какие же нескромные или—с точки зрения строгой морали—неопрятные слова содержатся в произведениях детской сатирической лирики? Имея в виду печатаемые тексты, можно сказать, что таких слов здесь нет. Правда, тексты содержат несколько слов, непринятых в нашем обиходе и обычно заменяемых латинскими (по-латыни получается безукоризненно!..), но непредвзятый взгляд обнаруживает, что они ничем особенным из ряда прочих слов не выделяются, никаким грязным смыслом или намеком в общенародном употреблении не окрашиваются (ср., напр., обозначение сидячего положения в народном говоре: Селищев—Диалектологический очерк Сибири, I. стр. 118). Слова детской сатиры прямы и решительны, просты и коротки. В детском фольклоре, взятом в целом, встречаются исключения, не укладывающиеся в это утверждение, но они должны быть отнесены к числу тех „вольностей", которые свойственны сатирической лирике вообще. Резкость и грубоватость, недопускаемые в других видах словесного творчества, не являются неожиданными или неуместными в сатирической поэзии.

Замена слов или их частей многоточием ничем, кроме традиции, не оправдана; это какое-то нерешительное *полупризнание* допустимости их наравне с другими словами—юридическое непризнание при фактическом принятии. Исследователю застенчивое многоточие не дает права оставлять без внимания ту или иную часть текста или читать не то, что дает текст. Если бы сборники подобных текстов предназначались для детей, то для них многоточия оказались бы едва ли желательным наводящим указанием на возможность доискаться какого-то скрываемого смысла.

Для изучения фольклора необходима полная ненарушенность текстов, полная сохранность их формы, содержания, словарного состава. Только она обеспечивает возможность делать заключения, касающиеся возникновения, развития, вымирания устных словесных произведений.

Изучение детского фольклора имеет, кроме теоретического, прикладное значение,—в частности значение первостепенного источника, дающего материал для исследования детской психологии. Первостепенность его определяется тем, что в словесном творчестве детей исследователь имеет непринужденное самораскрытие их психики, непринужденное высказывание детей о самих себе.

Произвольное „редактирование" взрослыми произведений *подлинно-детской* устной литературы грубо нарушает их целостность; пропуски и умалчивания, искажая источник, ведут к неправильным заключениям в исследованиях, ставящих себе те или иные—теоретические или прикладные—цели.

Совершенное игнорирование словесных произведений, содержащих erotica [illegible], было бы нарушением аксиоматически простых desiderata наших изучений, умаляющим смысл и значение этнографических и фольклористических изысканий.

Рифмованные прозвища.

1. Андрей-индей.
Андрюшка-индюшка.
Анисья-на прутике повисла.
Архип-старый гриб.
5. Верка-табашна мерка.
Витька (или Митька) - коровья титька.
В варианте:
солена титька.
Кешка-плешка. [35]
Лиза-подлиза.
Лизуха-подлизуха.

10. Любка-юбка.
Матрена-ж..па ядрена.
Мишка-шишка.
Павел - в штаны наплавил.
Степка-связана ж..ка.

15. Ульянка-за...нка.
Филька-шпилька.
Жид на г..не дрожит.
Лягаш, штаны продашь?
Обычным ответом служит фраза:
„А ты на копейку купишь?..“
Матрос—в штаны натрес.

20. Дразнила-собачье рыло.
Задавала-собачча обдирала.

Дразнилки.

22. Алексей божий
обшитый кожей.
Боровое.

23. Алеха-Алексей
полна пазуха мышей.
Вариант:
Алеша-Алексей
полна ж..а карасей.

24. Анна—банна
нога деревянна.
Акмолинск. у., Киренск. у.
Ср. №№ 56, 62.

25. Аркашка-таракашка,
Аркан-таракан.

26. Ваня, Ваня, улети
на поповы конопли.
Боровое.

27. Женька—женюся,
женюся—разженюся.

28. Илья-пророк
штаны прожог.
Вариант:
Илья-пророк
наклал в чарок.

29. Колька-калека
съел человека.

30. Кузя, Кузя,
вошь на пузе.
Акмол. у.

31. Люда—мила
ногу придавила.

31-а. Митька титьку не берет,
сам кататца да ревет.
Шабарта.

32. Мишка-медведь,
научи меня п....ть.
Ср. № 75.

33. Полька-палеган
штаны пролегал.

34. Сонька-сова,
весела голова.

35. Степа-лепа-требуха
съел корову да быка.
Боровое.

35-а. Филька-Филип
на кабыли прилип.

36. Фомишна-булочка пше-
нишна,
ж..а тряпишна.
Киренский у.

37. Шурка-воровка,
красна головка.

38. Шурка-макака
в чашку накакал.

39. Яшка-якут,
в ж..е яйца пекут.

40. Братский, братский на орде
с черемушечкой в руке.

41. Жид пархатый
номир пятый
(или: нос горбатый).
Ср. № 95.

42. Жид-еврей,
нас..л у дверей.
Иркутск.

Жид маканай
из г..на стряпанай.

Там же.

43. Немец-перец-колбаса
съел корову да быка.

Омск и др.

Ср. № 35.

44. Поляк, штаны горят,
а ж..а мерзнет.

45. Вятский слепень
наехал на пень.

46. Хромой, верни ногой,
копейку дам.

47. Бараня в салопе
подпоясана по ж..пе.
Или:
Баранья-фуфу.
вся ж..а в пуху.

48. Вшивый барин
вшей напарил.

49. Бретая башка,
дай пирожка.

Акмол. у.

50. Стрижка-бришка,
в ж..е кутишка.

51. Стришка-бришка,
попов парнишка.

52. Стриженый-паленый
под гору сваленый.

Мальта, Иркутск. г.

53. Стрижик-бретик,
дай манетик.

54. Ябеда-беда,
тараканья еда.

Издевки.

55. Андрей-воробей,
не клюй песок,
не точи носок.

Боровое.

56. Анна банна-вшивый бок,
титьки мягки, как клубок,
ж..а долга, как бадог.

57. Илья муромец—
на ж..е семь пуговиц,
восьмой фитиль.

Киренский у.

58. Балаган, мой балаган,
ты не знаешь, балаган,
как женился Петрован.

59. Спиха-корова
на печке спала,
калачи проспала.

60. Иван с бородой,
погонись за мной,
три копейки за тобой.

61. Алеша-балеша,
мать нехороша,
отец с кувшин,
борода с аршин.

Боровое, Кокчетав.

В тулунском варианте первое двустишие поется:

Алеха-лепеха,
мать повареха.

62. Анна-банна
нога деревянна,
блин толстой,
каравай густой

Ср. № 24.

63. Борька косой
поехал по соль,
соли не купил,
а кобылу утопил...

64. Ванишна лиха
задавила петуха,

питух пищит,
Ваньку за уши тащит.

65. Васька васенок,
худой поросенок
на камушке родился,
г . . шом (или кишкой) подавился.

Ср. № 97.

66. Егорка косой,
не ходи полосой,
тебя курицы не любят,
петухи в ж . . у клюют.

67. Иван-болван
с колокольни упал,
жена крива
молоко пролила.

Боровое.

68. Иван-болван
с колокольни упал,
лен сломил
мне не оставил.

Киринск. у.

69. Катюха, Катюха
задавила петуха;
петух г . . ны клюет
(конец забыт).

Боровое.

70. Катя, Катя, Катерина,
нарисована картина—
не чернилам, не пером,
из лохани помелом.

71. Колька-миколка
в ж . . е иголка,
ссыт, п . . ит,
колесо вертит.

Акмолинск. у.; Тулунск. у.

72. Коля-моля-селенга,
съел корову да быка,
пятьдесят поросят,
одни косточки висят.

Киренск. у.; Урульга.

73. Шура-мура-селенга
съел кобылу да быка,
семьсот поросят,
только косточки на колышках висят.

Иркутск.

Ср. № 88; ср. также:

Ванька-кумаханька
съел корову да быка,
три ушата молока,
да ишо голодна,—
штоб тя язвило в бока.

Шабарта.

74. Галки вы, галки,
возьмите по палке,
убейте ворону,
снесите к Мирону.

75. Мишка-медведь,
научи меня п . . еть,
я п . . ну, ты поймай,
никому ни отдавай.

Ср. № 32.

В Перфиловой на это отвечают:

Я буду ловить
да тебя кормить.

76. Мишка-медведь,
научи меня п . . . ть,
Мишка-медведь,
не умеешь сам п . . . ть.

77. Мишка-плишка,
жена—коротышка,
детки-малетки,
карантовки.

Верхоленский у., Тут ура

78. Ах ты, Нютка-сера утка,
не летай с краю на край,
тебе вымажут вороты,
раскатают весь сарай.

79. Палеган, Палеган—
аржана лепешка,

капитан, капитан—
рваные штанишки[37].

80. Петька-петух
на заваленке протух,
Акулина-чепуха
задавила петуха

Боровое.

Ср № 100.

81. Как у Сани на носу
ели свиньи колбасу;
ели, ели три недели,
ели, ели—не доели.
Вариант:
Как у Сани на носу
ели черти колбасу;
ели, ели, не доели,
Сане в рот наб . . . ели.

82. Сенька-везенька
вез бабу на санках...
санки-то скок,
бабе-то в лоб!..

83. Степушка Степан
Степанидушку трепал,
Степанида у . . алась
Степа г . . ны убирал.

84. Федар-бобар
ходил на бар,
шишки брал,
штанишки рвал.

85. Федя-медя
съел медведя,
вы . . ал гуся,
сам: „боюся“...
Ср. № 101.

86. Федя-медя
съел медведя,
вы . . ал волка,
ж . . а долга.

Тулун, Урулыа и пр.

87. —Шурка-бурка-длинный нос,
почем в городе овес?
— три копейки с пятаком,
Шурка едет с колпаком.

88. Немец-перец-колбаса
съел корову да быка,
семьсот поросят,
одне лопаточки висят.

Омск и др.

Ср. №№ 43, 72. 73.

89. Цыган-мыган
кошку дрыгал
черным рогом
под порогом.
В варианте второе двустишие:
Обдирал
да в рот толкал.

90. Беззуба талала́,
тебя кошка родила,
поп крестил—
штаны спустил.
Менее известно шестистишие, образуемое прибавлением сюда двух стихов:
Попадья подбежала,
штаны поддержала.

91. Косой бес
пошел в лес,
срубил палку,
убил галку.

92. Вор-воришка
украл топоришка,
полез в окно,
упал в г . . но.

Тулун, Омск и пр.

В варианте первые два стиха поются:
вор-ворина
украл топорина.

93. Коза-стрекоза,
вылуплены глаза,
волчий нос,
белый купорос.

94. Кошкина мать
собиралась умирать,
умереть не умерла,
только время провела.

95. — Жид порхатый
номер пятай
на иголочке распятай,
где твой дом?
— На базаре под г . . . ом
Омск.

Ср. № 41.

96. Андрей-воробей,
не гоняй голубей,
голуби несутся—
всем по яичку,
Андрею затычку.
Акмолинск. у.

97. Васька-васенок
худой парасенок,
на камушке родился,
г . . ном подавился,
др . . . ей обкатился.
Киренск. у.

Ср. №№ 65, 105.

98. — Дедушка Иван,
куды баушку девал?
— в карман заталкал,
она голосом ревет,
волоса себе дерет.
Шабарта

99. Санишна кишка
потянула три мешка,
стали мять—пудов пять,
стали весить—пудов десять,
поехали продавать.
В варианте первый стих поется:
поселенская кишка.

100. Петька-петух
на заваленке протух,
яичко снес,
казакам отнес;
казаки не берут,
Петьку за уши дерут.
Омск.

Ср. № 80.

101. Федя-медя
съел медведя,
продал душу
за лягушу,
за поганый котелок.
Боровое.

В шарагульском варианте конец читается: „за прапашшава каня“, а в Шабарте „за собаччую кишку“.
Ср. №№ 85 и 86.

102. Баба-яга
костяная нога,
нос крючком,
голова сучком,
ж . . а яцичком...

103. Косой заяц,
нанес яиц,
вывел детей,
косых чертей,
тяжело ей было.

104. Хохлы-мохлы
все подохли,
один остался,
да и тот уср . . ся,
и тот подох.

105. Вася-васенок
худой поросенок,
залез в траву,
кричит: мяу,
залез в копну,
кричит: лопну.
Ср. №№ 65, 97.

106. Олька дура
в лес подула,
в лес пошла,
грош нашла,

мыльца купила,
рыльце умыла.

107. Петька-петух,
на заваленке протух,
ичка снес,
на базар понес,
на базаре не берут,
Петьку за уши дерут.
Отмеченное разрядкой иногда заменяется именем „симпатии", например:
Симе понес,
Сима не берет...
Ср. №№ 80, 100.

108. Сонька дура, Сонька дура,
полюбила шшыкатура,
шшыкатур не дурак:
купил Соничке калпак,
Соня стала надевать,
шшыкатура целавать.

109. Мама ела редьку,
выкакала Федьку.
Федька воняет,
куриц гоняет,
курицы гогочут,
на яйца не хочут.

110. Вот татарин-бусарман
посадил девку в карман,
девка выскочила,
глаза выпучила,
побежала в огород—
испугала весь народ.
В близком варианте из Киренского у. поется: „татарин-бахтарман".

111. Девичий пастух
девок пас,
в огороде завяз.
Увяз и кричит:
—девушки, матушки,
выньте меня,
не спокиньте меня...

112. Ванька в баньке парился,
сучке в ножки кланялся;
сучка дришшыт молочком,
Ванька лижет язычком;
сучка не взлюбила,
Ваньку укусила—
сучка пестра
Ванькина кресна.

113. Катя-Катерина
нарисована картина,
Катя зорю вышивала,
офицера дожидала:
офицер молодой,
доведи меня домой;
мой дом на горе,
три окошка во дворе.
Боровое.

114. Боба с Кокой,
Кока с Бобой—
парни удалые:
Боба—курица слепая,
Кока—миска суповая,
Боба-ангел, Боба-бог
и изодранный сапог.
(Конец забыт).
Новониколаевск.

Поддевки.

115. —Скажи: баня.
—Баня...
—Тебя любит Ваня.
Таким же образом в диалогах рифмуется:
двести—голова в тесте.
шестьдесят—сопли висят.
три—нос подотри.
чо—чирий на плечо.

120. чайник—отец начальник.
на бане лагун—отец колдун.
на бане веревка—ты (или твоя мать) воровка.
аркан—отец таракан.
лопата—мать горбата.

125. венец—отец жеребец.
путо—отец ходит круто.
на печурочке (или на приступочке) песок — откуси г . . на кусок.
колокольня—твоя мать покойна.
на бане корыто—твоя мать в земле зарыта

130. —Скажи: май!
—Май...
—Я п . . ну, ты поймай.
—Я буду ловить
да тебя кормит...
—А я наоборот,
через заплот
да тебе снова в рот...

Киренский у.

В тулунском варианте:
—Я буду ловить
да тебя кормить.
—А я буду отворачивать
да тебе в рот заколачивать..
—Наоборот
да тебе все в рот.

131. —Тебе поклон послали.
—Хто?
—Маша.
—Кака Маша?
—Свинья наша...

Вариант:

—Чо-та мне седни йчитца.
—Верно, поминают.
—Хто?
—Маша...

и т. д.

132. —Спокойной ночи!
—Др . . . ать тебе до полночи...

133. —Дай мне...
—Рука в г . . не.
Существует продолжение:
вымой в лохани—
ишо будет погани.
Вариант:
—Дай мне...
—Рука в г . . не!
—Я вымою в лохани...
—Ишо будет погане.

134. —Дай сёрки...
—Пакапай в шшэлки,
Может, найдешь—
у сучки три кучки,
у серка—два комка.
Вариант:
—Дай серки...
—В нужнике в шшэлки,
у барбоза два воза,
у сучки—две кучки.

135. —Пойду домой...
—Домой?!
Был дом
под г . . ном,
шли татары
да растоптали.

136. —Я буду рассказывать, а ты говори: „и я тоже...“
—Ладно.
—Пошли мы в лес.
—И я тоже.
—Вырубили корыто.
—И я тоже.
—Налили помои.
—И я тоже.
—Свиньи стали ись.
—И я... тоже.
—А ты разве свинья?

Урулыа.

137. —Говори за мной: „ну“.
—Идет.
„Посадил дед в подполье репку“.—„Ну“.
„Репка выросла большая, до полу“.—„Ну“.
„Дед прорубил пол“. „Ну“.
„Она росла, росла“.—„Ну“.
„Доросла до потолка“.
—„Ну“.
„Дед прорубил потолок“
—„Ну“.
„Репка росла, росла“.
—„Ну“.
„Доросла до крыши“.
—„Ну“.
„Дед прорубил крышу“.
—„Ну“.
„Репка росла, росла“.
—„Ну“.
„Выросла до неба“.—„Ну“.
„Стал дед дергать репку“.
—„Ну“.
„Дергал, дергал“.—„Ну“.
„Выдернуть не может“.
—„Ну“.
„Позвал бабку“.—„Ну“.
„Дергали, дергали“.—„Ну“.
„Выдернуть не могут“.
—„Ну“.
„Позвали внучку“.—„Ну“.
„Дергали, дергали“. „Ну“.
„Выдернули репку“.—„Ну“.
„И внучка велела плюнуть тому, кто говорил: ну...“

Тулун-поселок.

138. —Говори за мной: „как“.
—Ладно.
„Пошла баба в кабак“.
—„Как“.
„Напилась пьяная“.—„Как“.
„Пришла домой“.—„Как“.
„Мужик стал ее бить“.
—„Как“.
„А вот так!“
С последними словами следует удар в спину.

Тулун-поселок.

139. По адресу перешептывающихся в присутствии других говорится:
Шоп-шоп,
нас . . у в горшок.

140. Ответом служит стихотворенье:
Указчику
г . . а за щеку,
за другу—
табаку...
„Указчиками“ ребята называют тех, кто жалуется на товарищей, выдает их, тех, кто вмешивается не в свое дело. Это стихотворенье используется во всех подобных случаях.

141. Распределив места на общей постели, говорят:
Я с краю-раю,
медок поедаю;
ты в середке—
в золотой веревке...
(Конец забыт).

Шарагул.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Интерес к произведениям детского словесного творчества утрачивается довольно рано: участие в детских забавах и, в частности, в исполнении детских песенок двенадцати-тринадцатилетних ребят расценивается в деревне как явление не совсем привычное. Не говоря уже о том, что взрослые забывают тексты песенок, распеваемых ими в детстве, они утрачивают вкус к детским мелодиям и не сохраняют их ни в одном из видов песенного творчества. В то время, как для детей их песни, прибаутки, присказки наполнены неисчерпаемо богатым содержанием и порождают у них „ряды страстных ассоциаций", для взрослых почти все эти произведения — бессмысленный набор слов, а мелодии — едва терпимые однообразные и резкие звуки, уже не вызывающие работы воображения. Видимо, здесь и надо искать объяснение того явления, что детский фольклор в целом и его отдельные виды для этнографов и народнословесников остаются едва видимыми и редко упоминаемыми фактами.

[2] П. В. Шейн — Великоросс в своих песнях, обрядах etc. Спб. 1900, I, стр. VIII.

[3] Там же, стр. 26.

[4] Подобный процесс совершается с некоторыми видами устно-народной словесности на наших глазах. Наблюдения, относящиеся к Тулунскому уезду Иркутской губернии, показывают, что напр., народная драма, спускаясь в детскую среду, выпадает из репертуара взрослых. „Царя Максимьяна" теперь нужно искать в числе сезонных игр, сохраняемых детьми-школьниками.

[5] Шейн — назв. соч.; стр. XIV.

[6] Там же, стр. 29. Шейн приводит 63 текста такого рода произведений, записанных в разных губерниях России: стр. 29—37.

[7] *Труды статистическо-этнографической экспедиции в Западнорусский край.* Спб. 1877, IV; стр. 36.

[8] Программа для собирания сведений о деревенском быте. *Отчет Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О.* за 1901 г.; стр. 14.

[9] А. Молотилов — Говор русского старожилого населения северной Барабы. *Труды Томского Общества изучения Сибири.* 1913, т. II, в 1; стр. 89—92.

[10] Там же; стр. 87.

[11] Lucian Müller — Quintus Ennius. Eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie. St.-P. 1884, p. 105.

[12] Н. В. Гоголь — Сочинения. Спб. 1898, т. V, 213.

[13] Эта черта детского характера отмечается не только специалистами в области изучения психологии детского возраста; на ней останавливают свое внимание художники слова; достаточно напомнить утверждение *Эврипида*, что „страдания детей не занимают" („Медея", перев. Инн. Анненского), или *Достоевского*, у которого читаем: „Дети в школах народ безжалостный: порознь ангелы божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны" (Собр. соч., изд. „Просвещение", XVI, 351). На ту же тему пишут обозреватели жизни наших дней. В качестве примера (одного из очень многих) можно указать „образец буколических детских игр", который находим в статье *Виктора Финка* — „Новый быт". Русский Современник, 1924, книга III, стр. 202.

[14] В поисках „истоков драматургии“ оставлять этот момент незамеченным едва-ли основательно.

[15] Horatius—Epistularum, II, 1; 146—150.

[16] Молотилов—назв. выше соч.; стр. 91.

[17] Н. П. Хрущов—О „материалах для этнографии уличной жизни детей“, собранных К. С. Рябинским. *Известия Р. Г. О.* 1885, т. XXI; стр. 543.

[18] Из записей, сделанных в Тулуне-поселке.

[19] В связи с этим наблюдением напрашивается предположение: создавая частушки, не пользуется ли в некоторых случаях молодежь запасами образов, оборотов, слов, унаследованными из детского фольклора, в частности из издевок.

Приспособление частушек или даже использование их в качестве издевок—вещь легко объяснимая. Частушка взрослых тоже нередко носит эпиграмматический характер: она, как некоторые из издевок, злободневна; суждение наблюдается в объеме отдельных произведений, иногда и в метрике. В качестве примера такого использования частушек могу указать текст, помещенный под № 106: в 1919 г. я записал его от девиц в Громах на Ангаре, как частушку.

[20] Песенки заучиваются и распространяются детьми, можно сказать, сами собою. В той или иной детской группе выделяется своими наклонностями и способностями какой-нибудь Спирька Ромашихин—„сатиры смелый властелин“, который подчиняет своему влиянию всех, кто живет жизнью этой группы: ему подражают, у него перенимают, усваивают его повадки, его язык, его репертуар: все это делается достоянием группы, более или менее значительного числа подражателей, составляющих, так сказать, „школу“ Спирьки Ромашихина. Такие группы-„школы“ бывают в сборе ежедневно, чуть не ежечасно, особенно малыши. „Нередко,—говорит Молотилов (стр. 92),—можно наблюдать в деревне такую картину. Кучка ребят 5—8 лет, взобравшись, например, на крышу или забор, или поместившись где-либо уютно в сеннике или на полянке, хором читают нараспев или поют в унисон“ разные песенки. При многократном повторении их они невольно закрепляются в памяти исполнителей и слушателей.

[21] Может быть, не будет лишней пометка, что сатирическая лирика не может рассматриваться, как непосредственное „отражение“ детской среды, ее быта и т. д. Надо знать, что издевщик ничего не пожалеет для *едкого* словца. Если насмешка „вшивый барин“ (№ 48) зачастую имеет за собою фактическое основание, то „вошь на пузе“ (№ 24), например,—обычно только прозвище, которое можно пристегнуть любому Кузе, а не констатирование действительного факта. Единственный повод у издевщика—желание сказать что-нибудь „задирающее“ и единственное основание—возможность удачной рифмовки.

[22] См. примеч. 24-е.

[23] Некоторые наблюдения в этой области сделаны Р. Якобсоном в брошюре „Новейшая русская поэзия“, Прага, 1921; см. стр. 41—42, 55, 58—59.

[24] Издевки—произведения *устного* творчества, поэтому говорить здесь о „строках“ едва ли правильно; я пользуюсь словом „стих“, имея в виду ощущаемый исполнителями и слушателями ритмический ряд, часто отграниченный от других рядов рифмой.

[25] См. мой „Детский народный календарь“, нотное приложение. *Сибирская Живая Старина*, в. II, 1924.

[26] Ср. В. Жирмунский—Рифма, ее история и теория. Спб. 1923; стр. 13

[27] Выражение „рвать штаны“ часто используется в качестве условного обозначения непроизвольного громкого газоиспускания, так же как, напр., фраза „татарину долг отдавать“—в значении глагола испражняться.

[28] Арефьев—Образцы народной словесности. *Известия Вост.-Сиб. Отд. Р. Г .О.*, т. XXXII 1901, № 1—2; стр. 92.

[29] Записки Станиловского. *Труды Вост.-Сиб. Отд.*, т. 7, 1912; стр. 170.

[30] М. Кузмин—Условности, П., 1923, стр. 173.

[31] Вариант см. под № 141.

[32] Эти „пять костров подовинных дров“ фигурируют и в потешках, записанных мною в Тулунском уезде. Вариант-шестистишие, проводимое Шейном (I, стр. 35, № 198),—тоже образован слитием приводимого здесь и всюду известного двустишия с стихотворным заговором, произносимым в предупреждение появления ячменя. Ср. *Жив. Ст.* 1915, IV; стр. 344. Этот заговор сообщается детям, как только они смогут удержать в памяти небольшой и удобный для запоминания (вследствие стихотворной формы) текст. Вариант-четверостишие, сообщаемое Молотиловым (стр. 93), начинается тем же общераспространенным двустишием.

[33] Мне лично и моим сотрудникам нигде не приходилось слышать некоторые из приводимых в „Материалах“ издевок (№№ 73—второй текст, 82, 98 и некот. др.); мною они записаны (в Шабарте) со слов людей, запомнивших их с средины прошлого столетия. Возможно, что эти старые тексты могут считаться уже утраченными, выпавшими из современного детского фольклора. Но для каких-либо утверждений указанных фактов, конечно, недостаточно.

[34] В Шабарте, напр., в детский репертуар того времени входили №№ 63, 65, 66, 75, 77, 80—84, 86, 90, 92, 94, 95, 98, 99, 102, 107, 112.

[35] Приходится пожалеть, что мы не имеем ни местных словарей детского обыденного языка, ни словаря поэтической речи детей. Простой просмотр сообщаемых текстов обнаруживает в них наличие слов, нуждающихся в пояснениях. Вот краткие пояснения некоторых.

Бахтарма́н—басурман; *бре́тик, бри́шка*—бритый; *зе́нька*—тот, кто возит; *моне́тик*—монета; *ляге́ш*—пренебрежительное название ребенка из интеллигентной семьи; *накласть* (№ 28) оставить испражнения; *пле́шка* (№ 7) —penis; *спи́ха*—тот, кто поздно встает; *стри́жык*—стриженый; *талала*—звукоподражательное прозвище, даваемое тем, кто неясно выговаривает слова, напр., вследствие потери зубов; *черемушечка*—черемуховый прут.

[36] Эта дразнилка, сообщенная мне Д. В. Сизых, теперь, кажется, вышла из употребления, а лет 20—30 назад ее знали все куйтунские ребята. Увидев бурята, едущего на своем одре по селу, они выбегали ему навстречу и пели... Пользуясь наступившей паузой, кто-нибудь скажет: „Братскай, а братскай, смотри-ка!..“ Поплюет в ладонь правой руки, оботрет ее о то место своих штанишек, которое прикрывает мягкие части, и покажет „кутешку“. Бурят стегнет черемушечкой лошадку, а ребята бегут за ним и вдогонку поют: „Братскай, братскай на орде“...

[37] Понимание смысла некоторых издевок дается только по ознакомлении с обстоятельствами, вызвавшими их появление. Содержание их далеко не всегда поддается пересказу в какой-либо иной форме, так как и в детских издевках, относящихся к лирическим произведениям, заметно сказывается слитность содержания и его словесного выражения. Данную эпиграмму можно было бы многословно „перевести“, примерно, так: „Чудак ты, Павел! Стать капитаном—разве это легкое дело? Как ты, бедняк питающийся ржаным хлебом и одевающийся в рваное платье, можешь мечтать об этом?..“ Выигрывая в отношении удобопонятности для постороннего слушателя, это четверостишие лишается в пересказе всех свойств, присущих художественному произведению.

И. С. Хромовских.

Из заметок собирателя.*

...Вспоминаю отдельные моменты из своей детской жизни. Праздник. Вечер. Я лежу на полатях и наблюдаю. Наши гуляют. Большая „компания“ гостей заполнила всю избу. Стоит густой гул от голосов. Отец с подносом в руках, на котором стоят рюмки, обходит гостей, беспрестанно подливая из графина, а мать и сестры налаживают угощение, беспрерывно шмыгая на улицу и пронося под фартуком в куть всякую снедь.

Отец запевает песню и один по одному гости пристают к нему; не слышно становится говора, маленькая избушка дрожит от могучего хора. Меня осторожно снимают с полатей и усаживают с собой петь.....

.....В настоящее время, казалось, не может и не должно быть места старой проголосной песне. Все идет к тому, чтобы она умерла и больше не вставала. Оно так и случилось бы, если бы не находились среди народа даровитые и талантливые хранители. Эти хранители далеко незаурядные личности.

Не обладая большой грамотой, не прибегая к записыванию „про себя“ текста песен, они их „берут на память“. И приходится поражаться, с какой точностью и какое продолжительное время они умеют их сохранять!

Об одном из таких хранителей мне хочется сказать несколько слов. Иван Егорович Дорофеев, крестьянин Алексан-

* Настоящая заметка является отрывком из набросков о бытовании лирической песни и ее носителях, присланных нам учителем Александро-Невской станицы, Тулун. у. д. чл. ВСОИРГО, Иваном Сергеевичем Хромовских.

Эти заметки особенно интересны и ценны тем, что в них набросан портрет одного из носителей устной лирической поэзии. Между тем на эту сторону обращено еще очень мало внимания, тогда как мы имеем, напр., ряд законченных и цельных портретов сказочников и сказителей.

Охотно помещая эти заметки, мы ждем дальнейшей присылки аналогичных материалов, как от самого Из. С. Хромовских, так и от других местных собирателей.

Редакция.

дро-Невской станицы, Куйтунской волости, славится на всю округу. Ему под 50. Имея от природы очень крупную фигуру и большую физическую силу, он удивительно мягок, незлобив— „курицы не обидит". Хлебосол, каких мало встретишь даже в деревне, общественник в лучшем смысле этого слова, он пользуется безграничным доверием со стороны населения всей округи.

Каждый со всякой нуждой идет к нему, и только в тех случаях, когда действительно нечем помочь, Иван Егорович откажет, в противном случае он „не имеет силы" отказать. Точно также он „не имеет силы" и попросить обратно взятое: „совесно как то!" Никто никогда не видал его пьяным, никто никогда не слыхал от него похабного слова, которое так обычно даже в хороших крестьянских семьях.

Но „погулять" Ив. Егор. любит. Ни один праздник, в который деревня гуляет, не обходится без того, чтобы И. Е. не поучаствовал в 3—4-х „компаниях". Отказываясь всегда почти от выпивки, он заполняет время беспрерывным пением.

„Иван Егорович, заводи, каку получчи!" И Иван Егорович заводит—и новую, и новейшую, и такую, которую „старики певали". Умеет Иван Егорович и „ногам вертеть", т. е. плясать.

И, действительно, песен знает он бесконечное множество с вариантами, с припевами, присказками.

„Чорт его знат, как он и помнит их!"—Удивляются ему даже те, которые постоянно гуляют с ним в компаниях.

Такой хранитель—большой клад для собирателя. Помимо того, что от него можно много почерпнуть он вас очаровывает своей приветливостью, уступчивостью, искренним желанием помочь вам.

А. Попова.

Из области народной технологии.

В ряде разрабатываемых этнографами вопросов, практическая важность которых никогда не подвергалась сомнению и с особенной силой подчеркнута в последние годы, одно из первых мест принадлежит, безусловно, *народной технологии*, в частности—народной красильной технике.

В продолжение последнего столетия усилиями наблюдателей народной жизни получен известный запас сведений, относящихся к „народному крашению". Одною из очередных работ в этой области надо считать подведение итогов сделанного. Для этого необходимо произвести обследование литературных источников и извлечь все интересующие нас материалы. Трудно наперед точно сказать, каковы будут результаты такой работы; однако, не лишено основания мнение, что ставшие „общим местом" сетования на наших предшественников по этнографическим занятиям, будто бы не обративших внимания на „народное крашенье", окажутся далеко не в той мере основательными, как это кажется при поспешных заключениях. Не говоря о материалах, касающихся населения Западного Зауралья, замечания о красильной технике русских сибиряков находим уже у бытописателей, наблюдения которых относятся к началу прошлого столетия.

Стоит вспомнить *Степанова*, отводящего место занимающему нас вопросу („Енисейская губ." 1835, II; 108 стр.), *Авдеева*, обратившую внимание на большие достижения в области красильного искусства крестьянок Иркутской губернии („Записки и замечания о Сибири", М. 1837, стр. 11) и пр. Преследуя библиографические цели, можно было бы привести немало названий позднейших сочинений, содержащих материалы по „народному крашенью". Об интересе и внимании к нему свидетельствуют коллекции некоторых сибирских музеев (как пример, см. Ежегодник Тоб. губ. музея, 1918, в. XXIX, ст. *В. А. Ивановского*, стр. 47—49).

А. Попова.

Объединение всех разбросанных по разным изданиям *заметок и пр. материалов* является одним из путей, ведущих к познанию этого отдела народной технологии.

Другой путь—это продолжение *накопления сведений*, относящихся к области деревенского красильного искусства. Литература вопроса показывает, что даже при попутных наблюдениях народная жизнь всегда давала материал по этому вопросу. Пережитый страной момент хозяйственного кризиса приходится рассматривать, как особенно благоприятный в том отношении, что, испытанный в острой форме, он воскресил старые и вызвал к жизни новые способы и средства, употребляемые в народной красильной технике, *и тем самым обеспечил исследователям возможность непосредственного наблюдения интересующего нас явления и слагающих его элементов.* Следует воспользоваться создавшимися условиями, чтобы собрать возможно полные сведения, исчерпывающие вопрос о „народном крашенье" во всей его целости. Для осуществления этой задачи необходимы многочисленные и хорошо собранные записи. Всякий наблюденный факт, всякое надлежащим образом записанное сведение является вкладом в изучение отрасли народной технологии, именуемой „крашеньем". В этом смысле представляют известную ценность наблюдения автора помещаемой заметки о „крашенье" ангарских крестьян.

Редакция.

Вопросы народной технологии до сих пор мало исследованы; в частности—народное крашение привлекло к себе внимание немногих знатоков народной жизни не только Сибири, но и Европейской России. Из сибирских исследователей на крашение обратил внимание А. А. Макаренко. В своей статье „О красильном искусстве у русских Енисейской губернии"[1] он описал некоторые средства и способы, применяемые при крашении в Ужурской волости Ачинского уезда.

Тем же автором составлена программа по собиранию сведений о народном крашении, которая пока является едва-ли не единственной в этнографической литературе[2]. Мною она принята во внимание при работе на Ангаре.

Летом 1921 г. по поручению Иркутского Музея мною была совершена поездка в район с. Распутина, для сбора этнографического материала у русского старожилого населения. С. Распутино находится на левом берегу р. Ангары в 375 вер. ниже г. Иркутска, в гористой таежной местности, далеко отстоящей от культурных центров. Единственным путем сообщения в

этом районе является р. Ангара. Природные условия способствовали сохранению здесь форм быта первых русских насельников края.

Материал, собранный мною в с. Распутине, содержит некоторые сведения о способах и средствах крашения, которых не находим в описании А. А. Макаренко. Сведения касаются преимущественно окраски домашнего холста и пряжи, идущих на приготовление одежды и „пестряди".[3]

Будничная, а у более бедных и праздничная одежда распутанцев шьется из самодельного конопляного холста.

Материал домашнего производства в ближайшие годы перед войной стал вытесняться привозной мануфактурой. Хозяйственная разруха, вызванная войной 1914 г. и достигшая предела в сменившей ее гражданской, заставила крестьян вернуться к прежнему производству. Возродились к жизни и средства для окрашивания, которые также были вытеснены покупными красками.

Холст, вытканный для шитья одежды, редко употребляется в натуральном виде: он очень не практичен („маркий"), благодаря белому цвету, и его стараются быстро „очернить". Средствами для этого служат листья „шипишника" (шиповника), ольхи и кора лиственицы.

Окраска материалов, получаемая от шиповника и ольхи—черная. От лиственичной коры—темно-коричневая и светло-коричневая.

Способы окрашивания несложны. Холст (или сшитую вещь) кладут в „точильницу"[4], где она лежит „трое суток". Сюда же для большей прочности окраски кладут ржавое железо. Через „трое суток" холст (вещь) вынимается и просушивается.

После просушки кладется в „чигунку",[5] в которой заранее хорошо были „прокипячены" листья шиповника. Листьев кладется не менее 6-7 ф. „Чигунку" прикрывают сковородой и ставят в „вольную печь"[6] до следующего утра. Утром вещь вынимается из краски, просушивается и тщательно осматривается. Если окраска покажется не вполне удовлетворительной (слабой или неравномерной), то вещь снова кладут в краску и ставят в печь. Иногда ставят 2-3 раза.

Такой же способ применяется и при окраске ольховыми листьями, которые предварительно просушиваются.

„Шипишником" и ольхой окрашивается верхняя одежда: шодени, шабуры, шаровары,[7] рубахи, кофты и „черняйки".[8]

Запоны и пряжу для пестряди красят лиственичной корой. Кору запасают заранее, обыкновенно с осени, редко зимою. Просушив, толкут „мелко-мелко“. Истолченную кору насыпают в чугун и несколько раз кипятят. Опустив „в краску“ пряжу или запон, ставят также на ночь в печь.

Пряжу и холст при крашении лиственичной корой „в точильнису“ не кладут.

Окрашенные вещи долго сохраняют свои цвета.

Примечания.

[1] Ж. Ст. 1895, в. III—IV, стр. 349—356.

[2] Ж. Ст. 1909, в. IV, стр. 55 -65. „Опыт программы для собирания сведений о народном „крашенье“ и его организации“. См. также в пед. сб. „Летняя школа“, в. II, 1924, стр. 40—43.

[3] *Пестрядь*—половики, тканые из конопляной пряжи в полоску—белое с коричневым или в клетку. Образцы имеются в Иркутском Научном Музее.

[4] „*Точильница*“—„точильница“, вода, остающаяся в корыте после точения топоров и ножей.

[5] *Чигунка*—чугун.

[6] „*Вольная печь*“—совсем протопившаяся, с закрытой трубой.

[7] Образцы одежды имеются в Иркутском Научном Музее.

[8] „*Черняйки*“—юбки, к которым пришивается длинный лиф без рукавов. Застежка всегда спереди.

Н. Н. Козьмин.

К вопросу о времени водворения бурят около Байкала.

(Историко-этнографический очерк).

Настоящий очерк представляет небольшой опыт использовать памятники „живой старины" в качестве исторических документов. Старые историки, начиная с „отца истории" Геродота, обычно вводили легендарный материал в свои повествования. Это даже являлось как бы обязательной формой начинать исторический рассказ с „преданий старины глубокой". Научная историография отбросила в сторону, как ненужный балласт, весь этот сказочный элемент. Между тем, с одной стороны, для целых периодов и для отдельных событий мы не располагаем иным материалом, кроме изустного предания; а с другой стороны, мы имеем уже в нашем распоряжении целый ряд случаев, когда даже, казалось бы, фантастическое сказание подтверждалось открытыми историческими документами и лишь получало реальное истолкование. Очевидно, перед наукой стоит задача установить правильный подход и надлежащие методы использования фольклорного материала для историко-этнографических построений.

Общее элементарное научное правило—идти от известного к неизвестному. Очевидно, и в данном случае мы должны начинать с оперирования легендарным материалом там, где может быть привлечен к изучению и сопоставлен достоверный исторический документальный материал. Путем накопления монографической литературы создастся возможность для разрешения методологических задач, ибо в гносеологическом отношении вопрос как будто бы достаточно ясен.

Одним из наиболее слабо освещенных вопросов сибирской исторической этнографии является вопрос о происхождении бурятской народности, а следовательно и об ее месте среди народных групп Северной и Центральной Азии. В историко-этнографической литературе мы не имеем научной работы,

посвященной этому вопросу. С другой сторчны, нет совершенно известных документальных данных, которые могли бы быть положены в основу соответствующего изучения. Есть только фольклорный материал. Он довольно обилен, но остается в совершенно сыром виде и не подвергался, если не считать попыток покойного М. Н. Хангалова в области цикла зэгэтэ-аба, систематизации и научно-критической оценке. Поэтому мы взяли вопрос в наименее сложной постановке и привлекли наиболее простой легендарный материал. В условиях времени и места работа не могла быть выполнена с достаточной полнотой: под рукой не имелось самых необходимых пособий, и упреки в неполноте материалов приходится заранее признать справедливыми.

Тем не менее, мы думаем, что наш опыт будет иметь значение и оправдание, если привлечет к нашей теме внимание научной критики и положит начало разрешению весьма интересной историко-этнографической и методологической проблемы.

Байкал является в преданиях бурятского народа центром, около которого происходят народные передвижения вообще и племенные перемены внутри самого народа. И буряты, и монголы переходят то на одну, то на другую сторону этого моря. Некоторое время они задерживаются на занятом месте, затем снова покидают его. Их исторические воспоминания, доходя вглубь веков до Байкала, имеют реалистический, жизненный характер. То, что уходит дальше, становится туманным, сухим, условным. Если предания обще-монгольского цикла упоминают о приходе Буридая и Хоридая в Прибайкалье, то и в них родоначальник бурятского народа носит уже черты *аутохтона*. „Аутохтонами" эллины называли тех из предков, которые ни откуда со стороны преданием не выводились и не имели позади себя предыдущих предков; они родились на данной земле и как бы этой самой землей и рождены.[1] В таком образе представляется и предок бурят. Шаманки Асуйхан и Хусыхан, поднявшись на гору, видят Буха-ноен-бабая, который лежал на земле в образе темно-серого быка; под его грудью, в железной колыбели, лежал ребенок, будущий родоначальник бурят. Шаманки приносят жертву Буха-ноен-бабаю и получают от него мальчика, которого Асуйхан и воспитывает. Байкал выбрасывает мальчика для Хусыхан, и это родоначальник другого бурятского племени. По другой легенде, живущая среди небесных духов, в горах Алтан-Мундарга, шаманка Асуйхан-удаган бездетна и усердно молит небо о даровании ей детей, и волны Байкала, с морскою пеною, приносят ей трех мальчиков—Булагата, Ихирита и Хоридая, родоначальников трех бу-

рятских племен[2]. Или царевна перешагивает через бычачье ярмо и делается беременной. Все эти события неизменно происходят около Байкала. Народная память как бы обрывается на последнем и лишь в самых общих очертаниях регистрирует общность происхождения с Монголом и Олетом, родоначальниками халхасцев и калмыков (олетов).

Отсюда можно делать заключение, что, лишь расселившись по обе стороны Байкала, буряты окончательно отделились от обще-монгольского корня и образовали особую народность, а следовательно могли и сознать себя, как национальное целое. Уходя за пределы Прибайкалья, воспоминание уходит и за пределы национального бытия. Поэтому легенда смутно указывает на общего предка, Монгола, не отделяя его определенно от родоначальника одной из племенных групп, а Буридая, или Хоридая и Буридая, как бы спешит водворить у Байкала, не связывая с ними воспоминаний о каких либо других странах.

Мы не располагаем никакими определенными историческими известиями относительно времени водворения бурят у „больших вод Байкала", а следовательно и времени окончательного сформирования бурятской народности, объединенной общими культурно-экономическими и национально-хозяйственными интересами. Мы можем предполагать с достаточной достоверностью, что буряты имели в Прибайкалье предшественников в турецких племенах (якуты-сахалар и хере-кереиты, или караиты), которые и были ими вытеснены. Но об этой борьбе не сохранилось ни исторических известий, ни определенных преданий, которые бы позволяли привязать или приурочить ее к той или иной эпохе.

Между тем, хотя бы приблизительное, определение этой эпохи имеет очевидное и огромное значение для историко-этнографических изучений. Поэтому необходимо использовать все наличные побочные данные и наводящие указания, чтобы попытаться, хотя бы в самых грубых чертах и с риском значительной ошибки, наметить эпоху, в пределах которой совершилось водворение и освоение бурятами стран, лежащих около Байкала.

В „Сказаниях бурят" имеется интересная для нас в этом отношении запись М. Н. Хангалова.[3] В записанном им предании рассказывается, что монгольские ханы, с целью привлечения бурят в свое подданство, прислали двух лам: Гэгэн-худахту и Сухэр-ноена. Оба они были из племени олед (т. е. калмыков, чжунгаров). Посланцы посетили, для выполнения своей миссии, бурятские стойбища и ушли обратно в Монголию, причем для второго указан и обратный путь: через Унгу и Оку

(т. е. через саянский перевал). В это время у бурят был хан Олзой, предок 1-го и 2-го Олзоевых родов, живущих по Унге. Предание определяет и время этого события, а именно считает его происходившим за 16—17 поколений до последней четверти XIX в., когда предание записано. Считая по 30 лет на поколение, мы должны отнести его к XIV веку. О Гэгэн-худахте сказано, что его „письмена" были: „Гэгэн-худахтын тамга". Этим подчеркивается особо высокое положение обладателя „письмен".

В этом предании, несомненно, оказались случайно слитыми два совершенно различных сюжета: посольство лам и легенда о родоначальнике двух Олзоевых родов, хане Олзое.

Первое должно относиться к XVII в., и посланцам присвоены, очевидно, имена и титулы тех, кто их посылал. В „Гэгэн-худахте" без труда можно разгадать знаменитого чжунгарского контайшу Галдана, имевшего духовное звание ламы, полученное им в Тибете, и носившего впоследствии титулы Бошохту-хана, Хутухты и Гэгэна, под которыми он и был наиболее известен русским и, конечно, бурятам[4]. Имя его брата Сэнгэ-тайчжи, подверглось большему искажению, но всетаки может быть признано в Сухэр-ноене.

И Сэнгэ (уб. в 1671 г.) и сменивший его Галдан очень энергично вмешивались в сибирские события[5]. Сэнгэ вооруженной силой поддерживал кыргызского князя Иренака в его походах на Красноярск; он разбил последнего алтын-хана, Эринчин-Лубсана и взял его в плен, при чем чжунгарские войска занимали при-тубинский край, в пределах ныи. Минусинского уезда. В 1667 г. его разведочные отряды появлялись „из за Камени" (т. е. из за Саян) на „Братскую степь"; „сакмы их" (т. е. „следы") видели в 4 днях пути от Балаганского и в 2-х от Верхоленского острога (и „менши"). Эмиссары калмыцких правителей постоянно разъезжали между наиболее сильными племенами, ведшими еще упорную борьбу с русскими за свою независимость[6]. Эта тревожная, беспокойная эпоха вполне естественно нашла отражение в народном воспоминании. Но с преданием о хане-предке Олзое предание о сношениях калмыцких правителей с бурятами никакой внутренней связи не имеет. Связь должна быть внешняя, случайная. Оба предания записаны в редакции рассказчика-олзоевца, в памяти которого „предания старины глубокой" начали спутываться, а контуры событий сливаться.

Предание о хане Олзое для нас представляет ту ценность что олзоевцы в последней четверти XIX века отделяли себя

от своего родоначальника промежутком времени, примерно, в 500 лет, т. е. считали себя в 17-м, приблизительно, колене от него.

У бурят до последнего времени строго сохранялся древнемонгольский[7] обычай приучать детей помнить предков по именам. Мальчик, подросши, должен был удерживать в своей памяти, по крайней мере, восемь предков в восходящей линии. На семейных празднествах старики подзывали к себе детей и заставляли перечислять дедов, прадедов, пращуров, награждая похвалами и сластями тех, кто тверже и больше знал. Это был своего рода экзамен по генеалогии, и у детей было соревнование в лучшем знании семейной родословной. Дед М. Н. Богданова, Богдан Мархаевич, с помощью кудинского бурята Хойло Хуренова, записал в 1847 году родословную своей семьи и отчасти всего Шарадаева рода, к которому эта семья принадлежит. Родословное дерево доходит до самого Буха-ноен-бабая, бурятского аутохтона, от которого дедушка М. Н. Богданова был в 17-м колене. Это счисление совпадает с расчетами олзоевцев. Если считать 30 лет на каждое поколение, то Буха-ноен-бабая надо искать в первой половине XIV века.

Санан-Сецэн, монгольский историк, живший в XVII в., сообщает предание, согласно которому „ойрат-буряты", от „больших вод Байкала" прислали в 1189 году к Чингисхану посольство с изъявлением покорности. Если это предание является отголоском действительного события, то последнее должно относиться к более позднему времени. Такое посольство могло иметь место при Даян-сэцэн-хане (1470—1543), сделавшем последнюю успешную попытку объединения Монголии в одно политическое целое после распадения государства Чингисханидов.

В „Истории первых четырех ханов" мон. Иакинфа передается, что поколения монголов, родственные тому, из которого происходил Чингисхан, „жили от поколения Ухуань[8] на севере (на северо-запад), и смежными были с поколениями Ойрат, Найман и с древним городом Хоринь,[9] который принадлежал Хойхорцам[10] девяти поколений. Из колена в колено они считались вассалами домов Ляо и Гинь, вообще же принадлежали к Татаньскому племени".[11] При столкновении Чингисхана с найманами мы видим ойратов („тайши-ойрат", у Абулгази—уйрат) в составе коалиции из найманов, моркис (маркатов), хэрэ (карантов), дурбэтов, хатагин и сальчжут.[12] Затем они участвуют в новой коалиции против Чингисхана, состоящей, кроме ойратов, из найманов и маркатов. Но, встретившись с передовым отрядом противника, они без боя покорились и слу-

жили проводниками в походе на морхис, которые были уничтожены.[13] Очевидно, ойраты уже ко времени возвышения Чингисхана обособились от монгольской массы. В XV—XVII веке они играют вполе самостоятельную и крупную роль в судьбах Монголии и центральной Азии. В середине XV века, под предводительством князя Эсеня они осаждают Пекин и берут в плен императора Ин-цзуна.[14]

Большинство остальных племен—несомненно турки.

Морхис, это *меркиты* Плано Карпини (*маркаты* Абулгази, *мериты* Рашид-Эддина). Эта народность постоянно фигурирует рядом с хэрэ, или каранами. После поражения каранитского властителя, Унг-хана, были вскоре разгромлены и морхис. Надо думать, что хэрэ и морхис были две родственные народности.[15] Меркит смешивают иногда с мекрит.[16] У Плано Карпини они стоят рядом, но не смешиваются. По его сведениям, Чингисхан, подчинив татар, или су-монгалов, использовал их силы против меркитов, „страна которых расположена *возле земли татар*"; „*подвигаясь оттуда*, он сразился против меркритов и покорил их также".[17] У Марко Поло страна, населенная мекритами, названа Баргу (в других редакциях Банту и Байгу); границы ее указаны с чересчур большим размахом: по рассказам, северные ее окраины находятся так далеко, что „северная звезда" остается позади, к югу. Мекриты, по его словам, народ дикий; у них много оленей, на которых они и ездят.[18] Это, д. б., тунгусы, а не монголы и не турки.

Повидимому, Чингисхан должен был застать следующее размещение народностей в странах, прилегающих к Прибайкалью.

По р. Селенге, занимая часть восточного Урянхая, район Косогола, Орхона, м. б., Тункинскую котловину и часть Забайкалья, жили хэрэ, или кераиты (караиты), с родственными морхис, или меркитами (маркатами). На западной стороне от Байкала жили гулигань,[19] или якуты-сахалар. Остальной Урянхай, Минусинский край и более северные местности по Чулыму, Кемчику, Каче—до Енисейска были под властью кыргысов. Алтай и степи к югу от него были заняты найманами. Это были все турецкие народности. К востоку и юго-востоку жили монгольские народности, на севере соседившие с тунгусами, а на юге начинавшие продвигаться на запад, надавливая на юго-восточную границу турецких групп.

Чтобы разобраться в топографическом расположении народностей и выяснить положение земель, занятых ко времени Чингисхана монгольскими группами, необходимо остановиться

на подробном анализе имеющихся в нашем распоряжении историко-географических данных, несмотря на всю утомительную громоздкость этой работы.

На карте, приложенной к книге Иакинфа „История первых четырех ханов", *кэрэ* помещены по верхнему течению реки Селенги до впадения в нее Орхона, по последнему и по Темиру показаны *тайчут*. Довольно аналогично помещены *крит* (т. е. кэрэ, кераит) на репродукции английской карты путешествий Плано Карпини и Рубрука, приложенной к суворинскому русскому изданию. Крит помещены здесь по Орхону, Темиру и верховьям Селенги, а севернее их—*меркит*. В „Собрании сведений о народах, обитающих в Ср. Азии" Иакинф приводит китайское известие, что одно из поколений ёлхоров (т. е. уйгуров), в начале VII-го века по Р. Х., жило при р. Силин, в 7000 ли от (китайской) столицы; жителей считалось до 100.000; они могли выставить войско в 50.000 бойцов. Автор этого известия добавляет, что земля там древняя и солонцеватая, жители разводят больше всего баранов[1]. Мон. Иакинф полагает, что р. Силин это Селенга. Имя кэрэ, или кераитов, в этом сочинении не упоминается. Но, очевидно, указанное уйгурское племя надо считать за кэрэ, или за их ближайших родственников. Еще одно из 15 уйгурских племен, *хусе*, показано приблизительно в районе восточного Забайкалья; это было племя поменьше: оно могло выставить лишь 10.000 человек в качестве военной силы.[2] К западу от кэрэ жило также уйгурское племя *дубо* (туба, тубинцы). Оно занимало территорию нынешнего Урянхайского края и позднее чаще всего носило название урянхаев. Так как сведения об урянхах в литературе не отличаются твердостью и ясностью, мы здесь уделим этому вопросу некоторое внимание. Иакинф говорит, что урянхайцы у Абулгази названы Кергезами; он считает это неточностью перевода или ошибкой переписчиков и помещает урянхайцев „на нынешних корчинских землях", т. е. в юго-восточной Монголии.[3] На упомянутой выше английской карте *оренаи* Рубрука показаны к востоку от Байкала. Между тем все старинные известия о тубинцах и урянхаях весьма определенны и согласованны. Китайские летописи помещали *дубо* к западу от Косогола, в нынешнем Урянхае; это племя занималось ловлей рыбы, птиц и зверей.[4] Особенно бросалась в глаза одна подробность их быта. „К ногам подвязывают лыжи, а под мышками упираются на клюки. При каждом упоре подаются шагов на 100 вперед чрезвычайно быстро".[5] То же самое сообщает Рашид-Эддин о „лесных урянхах", живущих *в пределах страны кыргызов*. „Так как в их стороне много высоких

гор и лесов,—говорит он,—и снега бывают большие, то они часто зимой охотятся, привязывая к ногам ремнями доски, которые они называют чана (лыжи), и упирая шестом в снег, при помощи этих досок они бегают, как будто сидя на быках".[26] Тождественные сведения мы находим у Рубрука. „К северу,—говорит он[27] о своем пути к ставке Мункэ-хана на Орхоне,—также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени *Керкисы*. Живут *там также ореңаи*, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу и по льду с такой сильной быстротой, что ловят птиц и зверей". Из приведенных сообщений видно, что урянхаи, конечно, не одно и то же, что кыргызы, но они жили в стране, находившейся под властью последних,—в ныи. Урянхайском крае.

К числу 15 уйгурских племен отнесены китайскими летописями *гулиганъ* (курыканы), т. е. жившие в нынешней Иркутской губернии якуты (сохалар). Это был, в VII—VIII в. в., небольшой народ, еще меньше хусе. Он мог выставить всего 5000 бойцов. Но, по китайским сведениям, у них было „много превосходных лошадей".[28] Гулиганъ были, видимо, в тесных отношениях с соседними уйгурскими сопленниками. В 647 году послы дубо проезжали к китайскому двору вместе с гуликанскими.[29]

Таким образом, присаянские и прибайкальские страны были заняты тюркскими народностями уйгурской группы. Их крайней восточной границей можно считать Онон.[30] Южнее их на запад успели продвинуться, к XII веку, из монголов лишь ойраты, вероятно, с дурбетами. Но это продвижение нет данных считать особенно значительным. Известия XIII века помещают их в непосредственной близости с кэрэ и уйгурами.

Восточнее и юго-восточнее уйгурских племен жили уже монголы. Их страну, очевидно, часто называли по двум главным рекам Онону и Кэрулэну—„Онон-Кэрулэн". „До Онан-керулэ,—пишет Рубрук, слегка искажая названия,—где находится двор Чингиса, было 10 дней пути прямо на восток, и в этих восточных странах не было ни одного города. Но все же там жили народы по имени сумоал, т. е. моалы вод, ибо су значит вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных ни мелких".[31] Плано-Карпини различает также „су-монгалов, т. е. водяных монголов" от „лека-монгал, т. е. великих монгалов". Он сообщает, что су-монгалы, „сами себя называли тартарами от некоей реки, которая течет через их страну и называется Тартар".[32] Эти же две группы надо

подразумевать под *аньци-татар* и *чаган-татар* в „Истории первых четырех ханов" Иакинфа.[34] В приложенном к книге „Показании древних имен и названий", составленном по историческому словарю династии Юань, пояснено, что аньци—слово монгольское и значит „промышленный".[35] Термин чаган, или цаган (белый) соответствует в некоторых случаях понятию йехе, великий; он указывает на независимость, свободу от дани, даже на господство, преимущество; поэтому „татар" делили иногда на группы *белых и черных татар*.[36] У Рашид-Эддина монголы разделяются также на две группы: монгол-дорлигин и монгол-нирун.[36]

На бурят мы не встречаем прямых указаний. Правда, встречаются названия некоторых племен, напоминающие имена вошедших в состав бурятской народности племен, как напр., керемучин, джалаир, ялаир, хори, баргу, булагчин, ихирас, хатагин и т. п.; но это могут быть и простые совпадения созвучных имен, и до более обильного материала ими приходится пользоваться весьма осторожно[37]. Надо думать, что в эпоху Чингисхана бурятская народность еще не сформировалась. Ее основные элементы надо искать в том ответвлении монголов, которое у Плано Карпини и Рубрука называется су-монголы, водные монголы, а в китайских летописях аньци-татар, промысловые, охотничьи татары. Их основное занятие—рыболовство и охота. Это обстоятельство как нельзя более согласуется с народными преданиями бурят. Один из их легендарных предков, Хоридай, получил в удел от отца лесистые и гористые места, удобные для охоты. Предания цикла эхэгэ-аба настолько многочисленны и крепки были в народной памяти, что давали возможность М. Н. Хангалову воссоздавать подробную картину общественного и семейного быта звероловческой эпохи. Монгольское предание выводит из племени „аньци-татар" одного из монгольских вождей—Хоридая-Баира.

Рашид-Эддин говорит о стране Баргуджин-Тукум, как „обиталище" племен баргут, хори и тулас. Может являться соблазн к сближению и отождествлению этого Баргуджина-Тукума с Прибайкальем, пересекаемым р. Баргузином. Эта местность часто и теперь объединяется названиями: Баргузинская тайга с ее золотыми приисками, Баргузинская степь, баргузинские буряты, баргузинские тунгусы. Но этому соблазну не нужно поддаваться, хотя Рашид-Эддин сообщает о названной стране еще более увлекающие на сопоставления сведения. Она расположена „по ту сторону Селенги". „В тех пределах, по его словам, также обитали множество других племен, каковы: ойрат, булагачин, керемучин, и другое племя, которое называют они-уряих, также

близко к тем пределам". Далее рассказывается, что в тех пределах падает много молний, и у них это есть большое бедствие"; поэтому жители „происшествие это относят к дурным случаям", давая им разные фантастические объяснения. А „сего рода мечтания" создают особое значение для шаманов, дающих толкования. Шаманами особенно славится страна Баргу, или Баргуджин-Тукум, „которая находится близ границы отдаленнейшей обитаемости" *. Это сообщение очень соблазнительно. Так естественно приурочивать и великие грозы, и грозных шаманов к дикой тайге у границ отдаленнейшей обитаемости; а такой Баргузинская тайга остается, в значительной мере, до настоящего даже времени. Но Рашид-Эддин говорит о страшных грозах и их влиянии на психику и религиозные представления жителей не одного Баргуджин-Тукума, но и Монголистана, т. е. страны монголов. Плано Карпини те же сведения дает о всей „стране татар," т. е. монголов и турков. „Воздух в этой земле," говорит он,—распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно в изобилии бывает наименьшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в изобилии снега" **. Он и Рубрук рассказывают очень много о том огромном влиянии, которым пользовались шаманы (кам) и прорицатели у монголов и турков, даже при дворах монгольских великих ханов ***. Рашид-Эддин в рассказе о Баргуджин-Тукуме сообщает, что „в тех пределах обитало множество других племен", и каждое племя имело в отдельности предводителя и главу; всех их завоевал Чингисхан. Очевидно, это была страна более обширная и населенная, чем область Баргузина. И даже все Забайкалье. Под нею нужно подразумевать страну на восток от Селенги. Восточной ее границей должен был быть Хинганский хребет. В ее состав входил, если не совпадал с нею, и „Опаикерулс" Рубрука. Это была самая северная страна из занятых монгольскими племенами, которые, очевидно, уже в начале XII века занимали земли до пределов Китая, но западнее меридиана устья р. Толы они вряд ли еще тогда распространялись [41].

К северо-западу от монголов сплошной цепью располагались еще государства и племенные союзы тюрков. Чингисхан уничтожил силу последних и произвел большое передвижение народностей. Но окончательное размещение и создание новых засельщиков могло произойти лишь несколько позднее.

Чингисхан и первые три его преемника вели вполне завоевательную политику. Ею они только и могли держаться. Их войска были разбросаны почти по всему тогда известному

миру. Монголы составляли ядро победоносных армий. Не прекращавшиеся войны и военная добыча устраняли всякую возможность организации и правильного развития хозяйственных сил внутри монгольских земель. Оставшееся население могло концентрироваться на сравнительно ограниченных пространствах, питаясь тем, что приносил ему завоевательный поток со стороны.

Пятый хан Хубилай (1260-1294) перенес свою резиденцию в Пекин (Ханбалык), несметные чудеса и ослепительную роскошь коего так восторженно описал знаменитый венецианец, Марко Поло. В 1271 г. Хубилай провозгласил себя китайским богдоханом, положив начало новой, монгольской, династии Юань. В правление Хубилая великие завоевания и отдаленные походы закончились[10]. Нужно было переходить к организации жизни в новых государствах. Общепринятым можно считать мнение, что „недавние дикие кочевники оказались не только победоносными завоевателями, но и искусными администраторами; пользуясь помощью выдающихся людей из среды других народов, в том числе и европейцев, они „сумели устроить и поддерживать порядок в своих необъятных владениях“[11]. Как бы ни справедливы были эти слова в отношении отдельных правителей, не нужно забывать что Чингисхан со своими полководцами и его ближайшие преемники смели с лица земли целые культурные государства и народности, уничтожали сотни богатых и цветущих городов, разграбили и истребили накопленный капитал и труд целых поколений. Центральная Азия сделалась пустыней. Нужно читать непосредственные впечатления очевидцев, проезжавших через земли, „покоренные“ монголами, чтобы судить о состоянии целых стран в результате побед монгольских завоевателей. Плано Карпини проезжает через земли кипчаков. „В этой земле, а также в Комании, — пишет он, — мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие подобно навозу; через эту землю мы ехали, начиная с восьмого дня после Пасхи и почти до Вознесения нашего Господа“[12]. Кипчаки были истреблены, а кто остался жив, тот был обращен в рабство. Далее Плано Карпини выезжает в страну бисерменов (это Туркестан). „В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости, опустошенные селения.“ Земля найманов — и опять становящаяся стереотипной отметка: „татары также их уничтожили“. То же самое у Рубрука. Вот он въезжает на очень красивую равнину. „На ней прежде находилось много городов, но по большей части они были разрушены татарами“[13]. Балх, по словам Марко Поло, был „большой знатный город“; в нем много было красивых

дворцов и мраморных домов — „все они разорены, разрушены“ [16]. Воссоздать эту разрушенную культуру, накопленную веками, можно было только в течение многих поколений. Промышленность была убита, торговый аппарат уничтожен. В этих условиях созидательная работа была трудна даже в старых государствах, как Китай, Персия, Туркестан. Что же касается стран, не живших культурно-государственной жизнью, то они, конечно, были брошены на произвол судьбы. В таком положении были монголы, буряты и, в значительной степени, ойраты. Хубилай еще довершал кое-какие завоевания [17]. Следовательно, у монголов был еще тот отхожий промысел, каким сделалась для них война; они могли также еще пользоваться остатками добычи, полученной в прежние походы. Но уже при ближайших преемниках Хубилая должен был начаться кризис. Последний сказывается повсеместно. Всюду происходят восстания и перевороты; монгольские династии с их единоплеменниками истребляются или изгоняются даже в незначительных государствах. В Китае, в 60-х годах XIV века, восстание охватывает все южные и центральные провинции, и последний император Юанской династии, Тогон-Тэмур, в 1368 г., бежал в Монголию, оставив престол, который и был занят одним из вождей восстания (династия Мин.)

Пока монгольская династия сидела на престоле богдоханов, монголы, сохраняя к ней естественный пиетет, были лишены возможности проявлять активные враждебные чувства и делать организованные набеги на Китай. После бегства Тогон-Тэмура начинаются непрерывные войны и хищнические вторжения монголов в Китай, совершенно прекратившиеся лишь в XVII веке после окончательного признания монгольскими князьями подданства богдохану. Эти набеги и грабежи относятся обычно на счет „хищнических инстинктов“ „диких кочевников“, природу которых уже впоследствии совершенно изменил буддизм в результате тонко расчитанной политики Китая. Это объяснение не убедительно. Замечательно то, что после удачно совершенных набегов и успешных походов монголы часто первые начинали мирные переговоры. При этом их князья, помимо обычного выпрашивания китайских титулов и подарков, предъявляли требование дать разрешение на открытие конных рынков, или ярмарок, для меновой торговли лошадьми (главный продукт *табунного* скотоводческого хозяйства монголов). В 1488 г. такая меновая торговля была разрешена в пограничных местностях, где три раза в год устраивались ярмарки. „Инородцы доставляли на эти торжища золото, серебро, коров и лошадей, шкуры, лошадиные хвосты и т. п. Китайские же торговцы при-

возили, с своей стороны, разные шелка, холсты, котлы“ [18]. Во второй половине XVI века один из способных китайских администраторов, Ван-Чун-Гу, настаивал на необходимости, для прекращения враждебных действий со стороны монголов, открытия для них рынков. Когда последние были разрешены, „на северо-западную границу потянулись... купцы из очень отдаленных провинций: Цзян-си, Цзян-су, Ху-бэй и Ху-нан в весьма значительном числе. Главными товарами, привозившимися из Китая, были: холсты, шелк, разные хлебные зерна, мука и котлы“ [19].

В Монголии был товарный голод. Ряд турецких государств, существовавших на мировых торговых путях и организовавших охрану товарообмена, был разрушен. Огромная империя, созданная Чингисханом и объединявшая прежде независимые нации, благоприятствовала созданию торговых связей и сношений, по. по меньшей мере, несколько десятилетий требовалось, чтобы изгладить из жизни и из памяти „обаяния побед и ужасы жестоких расправ с непокорными“ [20], чтобы торговый капитал восстановил и наладил товарообмен. Империя не оправдала своего назначения и развалилась. Монголы со своим extensivным скотоводческим хозяйством располагали для товарообмена почти исключительно лошадьми, шкурьем, конскими хвостами. Между тем участие в походах Чингисовых войск, далекие передвижения по разнообразным странам с чужой, по замечанию культурой должны были разрушить патриархальную несложность быта и привычек. Потребности усложнились и выросли. Спрос на продукты и фабрикаты культурных стран перестал быть случайностью. Явилась необходимость иметь постоянно под рукой такой товар, который бы имел, в свою очередь, достаточный и твердый спрос на китайском и мировом рынке. Увлекшиеся выше золота и серебра могли добываться, при отсутствии технических средств, в чрезвычайно ограниченном размере, или поступать в продажу из старых остатков военной добычи. Поэтому совершенно естественно выход намечался в сторону не драгоценных металлов, а драгоценных мехов, той „мягкой рухляди“, которая привлекла в Сибирь русских, спустя триста лет, и всегда имела прочный сбыт и высокую цену. Нужно было стать ближе и в непосредственное положение на рынке к звероловческим племенам и брать с них дань.

Пока походы Чингисхана и его преемников отвлекали монголов в войска и давали им средства существования и обогащения, они не могли испытывать сильного тяготения к странам, забравшись в которые, имели, по слухам, „северную звезду“ позади, на юге. Но при преемнике Хубилая, т. е. с начала XIV века, должен был начаться отлив населения на север, на земли,

которые не могли отстаивать с прежней энергией разоренные и полуистребленные Чингисханом туземные народности. Несомненно, не один указанный выше мотив непосредственно двигал переселенцев. Люди снимались со старых мест под тяжестью неустроенной жизни и из страха перед теми „новизнами", которые вторгались в страну из чужих краев. Консервативный инстинкт настораживался и протестовал, а чувствуя слабость протеста, толкал на бегство.

Колонизационная емкость новых земель была,—в условиях, конечно, хозяйства заселыциков,—очень ограничена. Этим должны быть объясняемы сохраненные преданием постоянные приливы и отливы населения Прибайкалья.

Таким образом, историческая обстановка допускает полную приемлемость генеалогических расчетов и национального предания бурят. Последние освоили занятую ими, шесть столетий тому назад, территорию, которая сделалась для них родной землей. Предание, создавшееся в условиях обособленной самостоятельной жизни, вытеснило предания, бывшие общими с теми родственными племенами, среди которых буряты жили до переселения. Буха-белек-бабай, со своими быками, превратился в предка-аутохтона, сам принял образ быка, олицетворив таким образом не только народ, но и его хозяйство, и заслонил собою прошлое, предшествовавшее Байкалу.

К началу XVII века буряты успели продвинуться на запад до р. Енисея, где встретились с другими скотоводами „мягкой рухляди" и „ясашных людей", русскими. Буряты сделали попытку объясачить аринов и кашинцев *(ари и каш)*, но, повидимому, не успели достигнуть в этом отношении прочных успехов [1]. Кашинцы, по историческим известиям, летом жили в долине реки Качи и занимались немного земледелием. Зимою же из опасения набегов калмыков и бурят, оточествовали в „глухие леса" [2]. Аринский князь Тетуш предупреждает одноплеменников, живущих по Июсам, т. е. в южной части Ачинского и северной—Минусинского уезда, о движении бурят [3]. Очевидно, до Енисея буряты дошли и даже начали брать дань с местных племен, но прочной ногой на нем еще не стали [4]. Напротив, на Кане мы можем считать их достаточно упрочившимися. Там уже известно место, где буряты через реку переплавляются, это „брацкий перевоз". Здесь именно русские строят Канский острог [5].

Тем не менее, в 1628 году, „первые", или ближайшие, бурятские кишты показаны при р. Уде, а собственные бурят-

ские кочевья—еще далее на восток на три дня конной езды (от Кана до Уды считалось также три дня конной езды) [6]. Поступательное движение бурят было остановлено встречей с русскими. Сами они на жительство, в пределах Канского уезда, могли перейти только на степи по р. Усолке. Но здесь они должны были бы выдержать борьбу с тубинцами, князья которых, Каин и Соит, в 1629-1630 г.г. уже действуют в Канском уезде; при чем о втором известно, что он кочевал на Усолке со своими стадами и людьми.

Несомненно, буряты не могли бы начать отдаленных походов в долину Енисея, если бы „добайкальская" Бурятия не была ими окончательно освоена. Это освоение нужно признать достаточно долговременным уже к приходу русских. Иначе последние, при помощи тунгусов, или родственных якутам и кочевницам каракасов, установили бы наличность недавнего прихода бурят и попытались бы согласно своему излюбленному методу прецедентов использовать это обстоятельство в своих переговорах с самими бурятами и с монголами. Но о приходе бурят уже не помнил. В пределах Иркутской губернии русские записали топографические названия бурятского происхождения или тунгусского; турецких названий, кроме района р. Уды, почти не оказалось. Есть лишь немногочисленные указания, в этом смысле могущие при исследовании возрасти, [7] но факт остается тот, что буряты владели страной продолжительное время, чтобы монголизировать топографическую номенклатуру и совершенно изгладить воспоминания о своих предшественниках. Следовательно, они должны были прожить здесь не менее 200-250 лет. При отсутствии государственно-национального объединения поступательные движения не могут быть быстрыми.

Якуты не были, вероятно, разгромлены непосредственно Чингисханом. На их судьбах сказалась лишь общая катастрофа, разразившаяся над их соплеменниками-карантами и меркитами. Но это был небольшой народ, и предоставленный самому себе, он не мог выдержать борьбу за свою самостоятельность против бурят, имевших в тылу опору в монгольских племенах, одновременно распространявшихся по всей опустелой и сделавшейся безлюдной территории нынешней Халхи. Якутский народ и якутский язык включают многочисленные монгольские элементы. Они, очевидно, были в продолжительном общении с бурятами, часть которых могла с ними слиться и уйти на север. С другой стороны, и буряты не могли не впитать в себя турецких элементов. Так должно было быть и к западу от Байкала и к востоку от него. Предание сохранило воспоминание о переходе

в Бурятию каких-то чужих татарских племен и внедрении их в бурятскую народность. Будет правильнее предполагать, что буряты поглотили местные турецкие элементы.

Итак, наша гипотеза может быть формулирована в следующем виде. *Бурятский народ сформировался, как культурно-национальное целое, в Прибайкалье.* Племена, составившие *основу бурятской народности* и освоившие занятые ими страны, не могли явиться в последние позднее XIV века, с другой стороны, нет исторических данных, которые бы уполномачивали нас относить эти переселения к эпохе, предшествовавшей Чингисхану, и даже ко времени последнего и его ближайших преемников. Всего вероятнее, что это *переселение происходило в первой половине XIV века.* Начало его, с первыми, м. б., неудачными, разведочными попытками, можно отодвигать на полстолетие ранее.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] По гречески, autos—сам, chthon—земля; анологичен терми „аборигены“: это те, кто „с роду“, abirig ne, в данной стране живет.

[2] Бурятский народ распадается на три племенных группы: булагатов, ихиритов (или эхиритов) и хори-хоринцев.

[3] *Сказания бурят*, запис. разн. собирателями. Зап. Вост. Сиб. Отд. Рус. Геогр. Общества 1890, т. 1, стр. 108—111.

[4] *Доп. к А. И.* т. VI, 93, III („Кеген-Хутухта“); т. VII, № 72, III („Кегень“) № 72, VII, № 24 („Тайша Кегень“); т. VIII № 15, XII („Кеген Колдан Контайша“); т. XI, № 53, II („Бушухту-хан“) и др.

[5] Галдан оставил в Минусинском крае и свои „письмена“: это манифесты его к киргизам и тубинцам, начертанные на скалах (т. н. копенская и шалаболинская „писаницы“). О них см. *Н. И. Попова. О памятниках тангутского и монгольского письма в Минусин. крае.* Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О. 1874, т. V, №№ 3 и 4. Подпись Галдана „Галдан-хан Лаб“ толковалась даже как „Галдан-хан-лама“ (на самом деле: „да будет так“).

[6] См. „Князь Иренак“. Сиб. Зап. 1916, № I; *Доп. к А. И.* т. V. № 71.

[7] Ср. *Рашид-Эддин, История Монголов:* „У всех их (т. е. ветвей и племен монгольских) выведенная и ясная родословная, поелику обычай монголов таков, что они сохраняют происхождение предков и дедов своих каждому вновь рожденному дитяти объясняют и растолковывают происхождение его, подобно тому, как другие говорят: „из той де нации“. По этой причине нет никого из них, который бы не знал своего племени и происхождения“. (2-я часть 1-го тома, перев. И. Н. Березина, С.-Петербург, 1868, стр 8). Б. Б. Барадийн передает, что такой обычай сохраняется и у хоринцев. М. Н. Богданов был булагат.

[8] Это, вероятно, йехэ-монголы („йека-монгал“)—„великие монголы“, „велико-монголы“ Плано Карпини.

[9] Каракорумом.

[10] Хойхорцы, ойхор, хойху-уйгуры.

[11] *Иакинф, История первых четырех ханов дома Чингисханова.* Спб. 1828, стр. 37—38 (летопись Ган-му).

[12] *Н. с.*, стр. 33. Названы „тайши-ойрат“, показанные между хэрэ и дурбэт. Ср. *Плано-Карпини. История Монголов*, Спб. 1911, ст. 18: „против Сари Гуйюр (т. е. „желтых уйгуров“), и против земли Каранитов (караитов, хэрэ), и против земли Войрат“, стр. 35 Комана, Тумат, Войрат, Караниты, Гуйюр, Сумонгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр“.

[13] *Иакинф, н. с.*, стр. 41.

[14] *Покотилов, История восточных монголов и период династии Мин (1368—1634).* Спб. 1892. стр. 53—96, 32—40 и др.

[15] Рубрук прямо говорит, что под властью Ун-хана „находился *народ*, называвшийся *Крит и Меркит* и принадлежащий к христианам-несторианам“

(Рубрук, Путешествие в восточные страны. Спб. 1911, стр. 93). Под „Крит" у него разумеется хэрэ, карант.

[16] См. примечание *В. В. Бартольда* в издании *Путешествия Марко Поло*, стр. 92. „Страна *Барц*, т. е. Забайкалье, где жил народ *мерциты*, или *мекриты*".

[17] *Плано Карпини, н. с.*, стр. 16.

[18] *Путешествие Марко Поло*, изд. Рус. Географ. Общ., стр. 92 -93.

[19] „Курыкан" орхонских памятников.

Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Ср. Азии. Спб. 1851, ч. I, стр. 374. ср. приведенное выше сообщение, что древний город Хорин (т. е. Каракорум) принадлежал хойхорцам (уйгурам) девяти поколений (*История первых четырех ханов*, стр. 37—38). Каракорум была столицей кераитов.

[21] *Иакинф. Собр. сведен.*, стр. 373.

[22] См. мою статью *„Туба"* в Сиб. Зап. 1918, № 4.

[23] *Иакинф. История перв. четыр. ханов*, стр. 41, примечание 3-е.

[24] *Иакинф. Собрание сведен.*, I, стр. 439.

[25] *Там же*, стр. 447—448.

[26] Цитир. по *Риттеру, Землеведение Азии, IV.* Спб. 1877, стр. 668—669.

[27] *Рубрук. Путешествие*, стр. 134. В рассказах Рубрука, менее, чем у Плано Карпини и Марко-Поло, имеется примесь фантастического, результат той тенденции мистифицировать иноземца, которая была у русских, уйгурских и др. рассказчиков, снабжавших сведениями монаха-посла. „Отполированные кости", как лыжи, представляют такой легкий налет фантастики.

[28] Якуты и теперь „страстно любят лошадей"; в былинах, сказках лошади играют большую роль (*Серошевский, Якуты*, стр. 264).

[29] *Иакинф. Собран. сведен.*, стр. 139—140. Исследователи турецких наречий языки якутов и сойотов (уриянхайцев, тубинцев) относят к уйгурскому наречию (проф. Катанов и др.).

[30] В VII в. они распространялись, надо думать, до Аргуни, или, м. б., до Хингана. Ср. *Иакинф, Собр. свед.*, I, стр. 248. „Ойхоры уже по переходе на северную сторону великой песчаной степи разделились на 15 владений, от одного корня происшедших. Они заняли длинную полосу земли от Аргуни до Тарбагатайского хребта". В 630 г. один из ойхорских владетелей считал своими земли от Шивэй до Алтайских гор и от Байкала на юг до Дулга. Резиденция его была на р. Дуло. *Там же*, стр. 427—428. Резиденция на Дуло показана в 3000 ли с небольшим от китайской столицы. Это отвечает расстоянию от р. Толы, где теперь Урга, до Пекина.

[31] *Путешествия*, стр. 133—134.

[32] *История монголов*, стр. 16. Нека—нехэ, большой, великий. Возможно некоторое недоразумение в словах Плано Карпини. Это племя могло называться *„ст-монгол"* от некоей реки, а название татар взять по другому поводу.

[33] *Иакинф. История*, стр. 21.

[34] *Там же*, стр. 357, объяснение термина „чаган" на стр. 387. Ср. *Иакинф, Записки о Монголии.* Спб. 1828, стр. 226, татары разделились на

чаган-татар (белых татар) и анци-татар (промышленных татар). Ангху—охотиться, промышлять зверя, рыбу и т. д. Подразумевается охотничий промысел.

[35] Ср. наши русские термины: черные люди, черносошные крестьяне, т. е. „подданные", и „белая кость", „беломестные" (т. е. свободные от обложения) казаки; на Алтае „белые калмаки"; подданные джунгарского контайши —„черные калмыки".

[36] *Рашид-Эддин. История монголов*, стр. 9—11, 142. Большие стрелы, употребляемые для охоты на зверей, в Барге называются „ниру". См. *Баранов, Барга*. Харбин, 1912, стр. 29. Рашид-Эддин объясняет „нирун" как „чистый", в силу того, что предку „нирун" (а следовательно и Чингисхана) приписывалось происхождение из „чистого чрева" матери, не имевшей мужа. Это, очевидно, позднейшая интерпретация.

О „белых татарах" говорит Клавихо. По его словам, по приказаниям Тамерлана, было истреблено этих белых татар более шестисот тысяч в Сирии ([illegible]). Это были осевшие в передней Азии части армий чингисханидов. *Клавихо. Жизнь и деяния великого Тамерлана* (Клавихо—испанец, посол к Тамерлану в самом начале XV века).

[37] Необходимо всегда иметь в виду, что нынешние названия т. н. „родов"—продукт русского административного творчества и стремления всюду применить территориальный принцип к устройству „инородцев", родовой быт которых стоял в непримиримом противоречии с этим принципом. Уже в XVIII веке русская администрация, пользуясь, конечно, и племенными названиями, вводила условные и случайные названия. Такие названия, как Очеул, Тутур, Кулен, очевидно, происходят от местных топографических названий. Имена же „Подгородный", „Черноруцкий" (т. б., черноруцкий)—русского происхождения. Следует восстановить старые названия, соответствующие старому же делению.

[38] *Рашид-Эддин, н. с.*, стр. 66 и сл., 85—86, 142.

[39] *История монголов*, стр. 4.

[40] *Плано Карпини н. с.*, стр. 7—11; *Рубрук, н. с.*, стр. 71—72, 157—161 и др. См. интересные сведения о великом хане Мунке, который ничего не предпринимал, не посоветовавшись с знаменитой бараньей лопаткой, сохранившей свое значение до настоящего времени у бурят-шаманистов. Для пережигания лопаток в ставке Мунке были особые два домика. Он домогался предсказаний и чудес не только от шаманов, но и от буддийских „туинов"—монахов и христианских священников, упрекая их за неумелость. „Вам бог дал писание—сказал он Рубруку—а нам гадателей" (стр. 155—156). Китайская летопись говорит, что Мунке „до безумия верил колдунам и ворожеям; при каждом предприятии призывал их к себе и почти единого дня без них не был" (*Иакинф. История*, стр. 354). То же самое было и при считающемся просвещенным Хубилае. Он был постоянно в сопровождении звездочетов. Марко-Поло астрологам „города Камбалу" (т. е. Хубилаевской столицы) посвящает целую главу (*Путешествие*, стр. 154 и сл. Ср. стр. 122: „Веледствие слов звездочетов народ китайский в подозрении" и др. места).

[41] См. *Мон. Иакинф*, Собр. свед., ч. 1, стр. 480—483.

[42] Его попытка завоевать Японию окончилась катастрофой. Суда, на которые была посажена 100.000-я армия, были разбиты бурей. Японцы взяли в плен 60.000 и перебили 30.000 человек. *Васильевский. Лекции по истории Монголии*. (Литогр. изд.), стр. 60.

[43] *Котвич, Краткий обзор истории и современное политическое положение Монголии*. Спб. 1914, стр. 7.

[44] *Плано Карпини, н. с.*, стр. 50 и сл.

[45] *Рубрук, н. с.*, стр. 105.

[47] *Марко Поло, н. с*, стр. 61—62. Тактика монгольских военачальников осталась неизменной и впоследствии. „Кочевники не делали никакого различия между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми и бесчеловечно вырезали поголовно всех." *Покотилов, н. с.*, стр. 182.

[47] Хубилай закончил покорение южного Китая (1267-79 г.), где царствовала Сунская династия. Это был уже, в сущности, не „великий хан", хотя его так называли Марко Поло и др.. Мировая монархия монголов распалась на ряд самостоятельных государств (Золотая орда, Туркестан, Персия и т. д.). Хубилай был богдоханом Китайского государства, в состав коего вошли Китай, Тибет, Монголия, Манчжурия, Корея.

[48] *Покотилов*, стр., 192—193.

[49] *Там-же*, стр. 196. Автор, более склонный признать умиротворяющее влияние буддизма, чем „торжищ", считает необходимым отметить, что меры, принятые Ван-Чун-Гу, много способствовали („не подлежит сомнению") подъему на границе спокойствия (стр. 197).

[50] *Котвич, н. с.*, стр. 7.

[51] *Миллер, Сиб. История.* Ежемесяч. сочин. 1764, 1, стр. 225: „прославились они тогда частыми к Енисею предпринятыми набегами"; стр. 381: „Брацкие требовали ясак с качинцев".

[52] *Миллер, н. с.*, стр. 227.

[53] *Там-же*, 225; *Фишер, Сиб. Истор.*, стр. 281.

[54] В 1612 г. жители Тулкиной землицы отказались уплатить русским ясак, так как меха уже были отданы бурятам. *Миллер, н. с.*, стр. 205—206.

[55] *Миллер. н. с.*, стр. 225—226, 298—299, 517—518. Миллер передает содержание документа таким образом, что можно думать даже о поселении бурят на Кане. Напечатанный в *„Собрании госуд. грамот и договоров"* (Мо 1822, т. III, стр. 268—269) наказ Ждану Колпову не заключает определенного указания, и фраза в тексте у Миллера: „потому что некоторые из них в вышеобъявленному нападению там остались", есть не более, как догадка самого Миллера, интерполированная в изложение содержания документа.

[56] *Миллер, н с.*, стр. 298—299. Паллас, путешествовавший в 1772 г., примерно по Ие намечает границу степей, пересеченных березняками, и тайга. „Доехав до ручья Кимильтея, снова вступаешь в леса, которые оставил около Оки." Франц. изд. путешествий, Voyages [illegible] M. P. [illegible] P. II[illegible]. IV, стр. 129. С Ии березовые леса сменяла уже дикая глухая тайга. „За Ией и границей Иркутской губернии — тогда Нижнеудинск был еще в составе Тобольской губернии — исчезают очаровательные поля, которые местами перемежают березовые леса. Путь идет по хвойным лесам, очень диким и почти повсюду заболоченным. Они тянутся в длину от Ии почти до р. Кана; в ширину они начинаются в пограничных хребтах и кончаются за Тунгуской. Они изобилуют разнообразной дичью". *Там же*, стр. 131. Этим описанием определяется естественная граница расселения скотоводов-бурят и район обитания их западных киштымов.

[57] В северной части Минусинского края, около села Крюковина, на р. Енисее, есть протока „Ангара". Это несколько измененное название одного из племен „тубалар" — ангара; м. б., аналогичного происхождения название реки Ангары. Название Иркута также может оказаться монголизированным (Ирху) именем Тубинского племени (Ирга, ыргеи, ыргит). В Иркутске есть местность Каштак, как и около Красноярска (Каш-таг?). См. *Пам. Сиб. истор.* XVIII в., т. I, № 59; *Паллас. Путешествие по разн. пров. Рос. импер.*, русск. изд., т. III стр. 526; франц. изд. т. IV, стр. 540—541.

П. П. Баторов и В. И. Подгорбунский.

Из бурятского фольклора.

Изучение исторического прошлого бурят находится в стадии первоначальной работы. Пути антропологического, этнографического и археологического исследования впоследствии дадут базис для уяснения прошлого бурятского народа; пока же приходится констатировать недостаточную изученность данной народности во всех вышеотмеченных отношениях. В жизни бурят наблюдается резкий перелом, обусловленный целым рядом причин, экономического и общественно-политического характера. Постепенно исчезает старина и сглаживаются в памяти народа сказания о его прошлом; недалеко, быть может, то время, когда исследователь не в состоянии будет сделать то, что можно сделать еще сейчас.

Сказаний о прошлом отдельных родов костей (sala) буряг собрано крайне недостаточно, несмотря на то, что они дают богатый материал к познанию истории бурятского народа и способствуют уяснению вопроса о миграции отдельных групп населения в давнопрошедшие времена.

Публикуемая нами легенда, записанная в 1923-м году со слов аларского бурята Дарая Бартанова из кости Ашта-Хонгодор, появляющаяся, насколько нам известно, в печати впервые, дает не безынтересный материал о происхождении рода хара-хонгол или сагут. Сказание о хара-монголах имеет большой интерес в силу тех причин, что с именем хара-монгол связан целый ряд археологических памятников в пределах Иркутской губернии, относящихся к периоду железного века. Несмотря на то обстоятельство, что данные реликты прошлого: каменные стены, городища, могильники обследовались рядом авторов: Агапитовым[1], Петри[2], Хороших[3], все же, на наш взгляд, нельзя определенно решить, какому народу принадлежат они. Лепной орнамент с насечкой, орнамент в виде дуг глиняных сосудов, вырытых в могилах хара-монгол, найденные кожи и разносторонние удила, совпадают вполне с таковыми-же изделиями современных якутов, и, возможно, говорят о принадлежности данной культуры к кругу турко-татарских племен,

живших в пределах нашего края. С другой стороны, способ погребения с трупосожжением, намогильные сооружения из наваленных друг на друга плит, нехарактерные для туркских племен и не обнаруженные пока на севере в долине Лены и в пределах Якутской области, заставляют нас пока воздержаться от признания хара-монгол за турко-татар, констатируя только в их памятниках ряд элементов туркской культуры.

Упоминаемый в приводимой легенде род салгут, судя по литературным источникам живет в пределах Иркутской губернии.

В 1894 году упоминает о первом и втором Хайготском роде, живущем в Тункинском ведомстве, Карл Риттер („Землеведение Азии" СПБ. 1894 г., стр. 498).

То же впоследствии подтверждает нам И. В. Подгорбунский („Бурята". Ирк. Епарх. Вед. за 1909 г. №№ 13, 14, 15, 16, 17), отмечая в числе четырнадцати родов Тункинских бурят два рода „Хойготских" (hoiok). Наконец вполне, аналогичный материал мы встречаем в записи Юмжан Лумбунова „о поколениях Селенгинских бурят" (Зап. Вост.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. Общ. по этнографии, т. I, в. II, стр. 119), упоминающего в числе поколений Закаменской (Тункинской) Инородной Управы поколение Сойсу (Хойго).

В старину в Монголии жил сын Ноин-Нара, по имени Ноин-Бурза; он был не в ладах со своим ханом Амалган-Богдо (спокойный владыка), так как последний постоянно подозревал его в измене, с целью захвата ханского престола, и потому относился к нему неприязненно.

Ноин-Бурза обладал большою физическою и умственною силою, был сильнее и умнее своего хана и имел длинные крепкие ногти, прозванные орлиными когтями (бургаки-хабар). Однажды Ноин-Бурза отправился к своему хану Амагалан-Богдо с товарищем своим (будущим своим зятем), молодым человеком хара-монголом, по имени Даша-батор, которого он оставил недалеко от ставки на вершине одной высокой горы, вручив ему свою шапку и кушак и коня, а сам пошел к хану пешком, для переговоров по своим делам о будущем; при чем наказал Даша-батору смотреть на дом хана; если он сойдется с ханом и помирится с ним, то выйдет на улицу и будет махать рукою (далдалаха). Тогда Даша-батор должен приехать к ханскому двору; если-же он не помирится с ханом, то видно будет две полосы радуги (солонго), красного и синего цвета, выходящих

из дома хана к небу; тогда Даша-батор должен будет, надев шапку и кушак (Амагалан-хана), немедленно отправляться обратно и в одну ночь оповестить—поднять на ноги всех подданных (вернее подчиненных), семь хошунов кости hojrok (сойгутов) и тотчас же бежать с ними на север в пределы русского Батор-саган-хана.

Когда Но|ин Бурза явился к хану, Амагалан-богдо сердито спросил: „его, почему ты ко мне пришел без шапки" (|ендэ малага| убэ ерэбш намда). Тот ответил иносказательно: „мандал тӯро бутэхэн" (жертва закон когда совершится), подразумевая, что он, жертвуя собой, совершит переворот и на вопрос: „почему ты без кушака пришел (бэхэ убэ |ендэ ерэбш)" ответил: „бэлэ тӯро бутэхэн", (т. е. подвеска для ножа закон совершается)—намек на то, что насилием переворот совершится.

Но|ин-Бурза явился с намерением убить хана, если тот примет его недружелюбно, а если примет ласково, то помириться с ним.—Выход красной полосы (солонго), т. е. радуги, означало жизнь (амин) Но|ин-Бурзы, а синей—жизнь хана Амагалан-Богдо. Так как последний проявил к нему неприязненное отношение, то он схватил хана за глотку, стащил с трона, перервал ему глотку своими длинными ногтями, потащил труп к двери, на пороге был сам убит—заколот телохранителями хана. Тогда показались две полосы радуги. Даша-батор, увидев их, согласно завещанию Но|ин-Бурзы, надев на себя шапку, кушак и сев на его коня, поскакал обратно в ставку Но|ин-Бурзы, в одну ночь оповестил население всех семи хошунов хойгоков и, забрав всех их, бежал на север. В числе беглецов была единственная дочь Но|ин-Бурзы, Гурмэ-дангина, невеста Даша-батора. Когда они прибыли в Забайкальскую область, то у них не хватило провизии и они терпели голод; чтобы добыть себе пропитание, хойгоки решили девицу Гурмэ-дангина выдать замуж за сына тамошнего богача, Умдон-баин, и тем добыть пищу в виде калыма, а жениха—Даша-батора убить. Когда Гурмэ-дангина узнала о намерении народа, передала о замысле хойгоков жениху и сказала: „Какими глазами я буду смотреть, когда будут тебя убивать!"—Тогда они оба решили бежать от хойгоков и второпях сели на одного коня (сундулдат) и поскакали на север, к Иркутску. За беглецами хойгоки снарядили погоню. Один из них ехал на жеребце—бегунце Умдон-ба|ина и, опередив всех погонщиков, стал почти настигать беглецов, тогда Даша-батор стал отчаянно и громко кричать—призывать утха спасти его и его невесту (дед его был большой могущественный зарин).—Тогда сразу на небе показалась

с шапку величиною черная туча, грянул гром и убил догоняющего всадника и жеребца Умдон-баина. Остальные погонщики, когда увидели убитых громом коня и всадника, сказали друг другу: „ведь у Даши-батора дед был большой зарин, он поразил на смерть передовика нашего и, пожалуй, и нас всех перебьет". Поэтому прекратили дальнейшую погоню и возвратились обратно за Байкал, где поселились и жили, но между ними появилась горячая болезнь (халуи убуин—тиф), от которой многие умерли, а оставшиеся в живых обратно ушли в Монголию.

Даша-батор с невестою Гурмэ-дангина добрались до местности Бала-стоянка (нынешний Балей) на правом берегу р. Ангары; поселившись там, женились, стали плодиться. На том самом месте и теперь живут потомки Даша-батора и Гурмэ-дангина; род их называется по отцу хара-монгол или по матери Сойгутский род.

Примечания.

[1] Н. Н. Агапитов. „Прибайкальские древности", Изв. Вост.-Сиб. Отд Рус. Географ. Общества. Т. XII, № 4—5.

Б. Э. Петри. „Далекое прошлое бурятского края", Иркутск, 1922 г.

П. П. Хороших. „Исследование каменного и железного века Иркутского края", Иркутск, 1924 г.

Эд. Пекарский.

Предание о том, откуда произошли якуты.

Одним из самых темных вопросов истории якутского народа является вопрос о его происхождении. Какими-либо документальными данными для решения этого вопроса мы не располагаем, и потому исследователь вынужден углубляться в область лингвистики, археологии, антропологии и этнографии, чтобы оттуда извлечь какие-либо указания на происхождение этого даровитого племени, сохранившего, несмотря на крайне неблагоприятные жизненные условия, свой богатый язык и произведения своего духовного творчества и, что всего замечательнее, свой физический тип. Якуты, как известно, не только не ассимилировались с окружающими их народностями, но, наоборот, эти последние сами подвергаются в большей или меньшей степени обякучиванию, часто до полного забвения собственного языка, что наблюдается, напр., у некоторых тунгусских родов Майского ведомства.

Прошлыми судьбами якутского народа исследователи стали интересоваться давно, что доказывается появлявшимися в разное время в печати сообщениями циркулирующих среди якутов преданий об их происхождении. За полным отсутствием достоверных исторических данных, предания должны, конечно, представлять для исследователей якутской старины глубокий интерес. К сожалению, до сих пор появлялись в печати лишь отрывочные сообщения, и только П. Е. Готовцев дал на своем родном языке (якутском) обстоятельно изложенное предание „о жизни якутов до встречи их с русскими", помещенное мною в переводе на русский язык в Сборнике в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина (Записки РГО по отд. Этнографии, т. XXXIV, стр. 145—156[1]. Якутский текст этого предания напечатан покойным акад. В. В. Радловым, с переводом на немецкий язык, в приложении к его труду Die jakutische Sprache in drei Teilbänden

[1] Здесь дан перечень главнейших сообщений, в них приведены легенды о происхождении якутов и данные о их прошлой жизни.

zu den Türksprachen (Mémoires de l' Acedemie 1908, t. VIII, № 7) в котором помещены и другие предания, заимствованные из русских печатных источников.

Ныне, благодаря П. Н. Малыгину, любезно сообщившему мне предание, записанное им в 1907 году со слов 65-летнего якута 5-го Мальжегарского наслега, Западно-Кангаласского улуса (Якут. окр.), Ивана Никифоровича Никифорова, я имею возможность предложить исследователям новый вариант предания о появлении якутов на ныне занимаемой ими территории, любопытный в том отношении, что в нем вполне определенно указывается на турецко-монгольское происхождение якутов, тогда как у П. Е. Готовцева в числе их предков-родоначальников фигурируют одни только буряты.

П. Н. Малыгин сопроводил свой вариант дословным переводом, который приводится здесь почти без изменений с необходимыми лишь редакционными и стилистическими поправками.

Сказание о происхождении якутов.

Из племени киргизов бежали два человека. Об этом впоследствии якуты услыхали от „братских" (т. е. от бурят). Один из этих двух бежавших людей назывался Омогон, а как звали другого—никто не знал: прибыв сюда (в местность, населенную теперь якутами), он вскоре умер.

„Братские" узнали о прибытии к ним этих двух беглецов по начавшимся кражам, которые не прекращались в течение двух лет.

Как-то однажды летом две женщины, отправившись в лес за черемухой, потерялись (не возвратились домой). Пропажу эту „братские" усердно ищут, но женщин не находят; нашли лишь следы двух молодцеватых (судя по следам) людей. По этим следам они прибывают к верховью р. Лены, откуда идет много следов как людских, так и скотских, и вскоре (без особенных трудов) находят местожительство этих двух беглецов. Оказалось, что, прожив в этой местности два года, они соорудили плот, на который забрали весь свой скот и обеих похищенных женщин, и отправились на север, вдоль по течению р. Лены. От дальнейшего преследования их „братские" отказались, видя, что имеют дело с людьми опасными и смелыми.

Таким образом, Омогон и его товарищ, вместе со своими женами, поселились на полянах озера Сайсары, где ныне расположен город Якутск.

Здесь товарищ Омогона вскоре умирает, и Омогон жену его берет себе, как вторую жену. От этих двух жен у него родились двенадцать сыновей и двенадцать дочерей, которые все благополучно выросли.

Один из двенадцати сыновей Омогона оказался шаманом—шаманом добрых духов (т. е. так называемым белым шаманом).

Когда настала пора сыновьям жениться, а дочерям выходить замуж, то они и побрали друг друга (т. е. поженились между собой).

Самую младшую из своих дочерей, очень красивую, Омогон сильно любил. Оберегая эту девушку от своих сыновей, он на ночь запирал ее в чулан. Одна из дочерей была некрасива, и ее никто из сыновей не хотел брать. Женитьба братьев на сестрах не нравилась лишь одному сыну—шаману, который говорил, что это предосудительно (грешно). Таким образом, остались два сына неженатых и две дочери незамужних. Так жили они все вместе, сильно богатея. Талое озеро (недалеко от озера Сайсары) Омогон тщетно старался превратить в молочное озеро; для этого он приказал доить коров и молоко лить в озеро, но как он ни старался, как ни старался налить молоком, молочного озера не получалось. Так они по воле жили.

Между тем, вследствие какого-то бедствия, бегут из племени бурят отец и сын, направляясь по тому пути, по которому бежал Омогон,—полагая, что доберутся до места, где найдут людей, бежавших ранее их. Имя старика было Дархан, а имя его сына Эр-Сотогох-Эллэй (Одинокий Эллэй). С собой они взяли собаку, которую называли Эюгяс.

Дорогою, еще не доходя до местности, где ныне находится город Киренск, старик Дархан заболевает, а потому (чувствуя приближение смерти) выражает сыну свою последнюю волю:

— Я близок к смерти; когда умру, положи меня в висячий гроб (арангас). Ты, дитя мое, хороший человек, зря не пропадешь. Следуя по течению этой реки (Лены), дойдешь до местности, где обитают люди; смерти только не расставься с Эюгясом. Когда будешь идти вниз по течению, постарайся не забыть, как будут впадать с запада речки. Отсюда к южному мысу будет лежать вырванное с корнями и ветвями лиственичное дерево. Ты его подними и спусти в воду, затем раздевься до нага и, сев верхом на дерево, положивши к себе Эюгяса поперек колен и доплывши до середины реки, посмотри в воду на свою тень. Если быть тебе человеком, то тень твоего дерева изобразит табун лошадей, а если не быть тебе добру, то дерево

будет казаться деревом. В последнем случае, взяв тетиву своего лука и выйдя в лес, ты должен повеситься. Если же тень будет изображать табун лошадей, то с радостью продолжай свой путь, а письмена свои со мной вместе положи в висячий гроб.

Выразив таким образом свою последнюю волю, старик Дархан скончался, и сын уложил отца в висячий гроб вместе с их письменами.

После этого Эр-Соготох-Эллей, согласно воле отца, продолжает путь, питаясь добычей. Его собака вспугивает и гонит к своему хозяину разную дичь, которую тот пристреливает из лука.

Дорогою сын вспоминает слова отца и, как сказал отец, у южного мыса одной реки находит лиственичное дерево, вырванное вместе с корнями и ветвями. Согласно наставлению отца, раздевшись до нага, сын берет дерево и бросает вершиною в воду, а сам садится на него верхом и кладет поперек колен свою собаку. Доплывши до средины реки, он стал смотреть на свою тень, и действительно тень дерева (на котором сидел верхом) изображает табун лошадей. Этому он обрадовался.

Затем, желая выбраться на сушу, направляется к югу и приплывает к одному большому острову. Осмотрев его и дивясь величине острова, дает ему название Тогн Ары (Господин Остров). Далее отправляется к северу и доходит до места, где ныне находится Покровская почтовая станция.

Тем временем наступает осень, начинаются холода. Эллей, как не имеющий никакой одежды, думает зимовать; поэтому роет себе яму-землянку. Это время совпадает с обратным перелетом дичи; пользуясь этим, Эр-Соготох-Эллей охотится с луком. Перья от добытой птицы складывает в свою землянку. Так он живет здесь несколько дней. Часть перьев ветром относило в воду и течением воды относило к местности, где проживал Омогон.

Заметили это (т. е. появление перьев на воде) женщины из семьи Омогона, ходившие за водой, но никому не сказали об этом. Когда же на другой день заметили то же самое в большем количестве, чем накануне, то, придя домой, рассказали. Выслушав это, старик Омогон говорит:

— Я видел сон: вероятно, человек прибыл. Отправляйтесь восемь всадников и, если найдете, приведите!

Согласно этому приказанию, восемь всадников, взяв по десяти стрел, отправляются на поиски.

Навстречу скакавшим всадникам, услышав конский топот, выбежала Эллеева собака и стала лаять.

Всадники, увидавши собаку, начали стрелять; выпустили все 80 стрел, но никто не попадал, а потому убить собаку им не удалось. Израсходовав весь запас стрел, лишь тогда заметили, что из землянки выходит дым. Когда они подошли ближе, из землянки выглянул голый человек. Увидав его, всадники очень испугались и потому очень быстро возвратились домой.

Дома они рассказали отцу своему, что нашли человека, у которого имеется какой то зверь, хотя очень маленький, но весьма грозный и обладающий слишком громким голосом.

— Мы старались его убить, но не смогли, так как все стрелы кончились. Подойдя ближе, мы увидели, как из землянки шел дым. В это время оттуда выглянул человек. Мы его очень испугались; к тому же зверек не допустил бы нас к своему хозяину.

Услышав эти слова, старик Омогон очень рассердился на своих сыновей и сказал:

— Плохие вы люди, испугались такого маленького зверя, который называется собакой. Отправляйтесь сейчас же, захватив с собой одежду, и приведите виденного вами человека.

Тогда восьмером опять отправились, взяв отцовскую шубу. Приезжают на прежнее место, но собака не подпускает их ближе к своему хозяину. Поэтому они остановились. Затем видят, как из землянки во весь рост вышел человек. Увидев его, они очень испугались, но, тем не менее, продолжая оставаться на месте несколько поодаль, стали звать нагого человека, махая руками. Это было понято Эллеем, но он, указывая рукою на свое голое тело, дал им понять, что нуждается в какой-либо одежде. Прибывшие за ним люди догадались, чего он хочет, и потому бросили ему отцовскую шубу. Эллей хотел было надеть эту шубу, но она не подошла ему. Тогда он опоясал шубой свое тело и затем, вместе со своей собакой, последовал за всадниками.

Таким образом Эллей прибыл в ту местность, где проживал Омогон. Видит, что домов у них нет, а живут они и летом и зимой в шалашах (урасах), сделанных из коры. В такую-то хижину пригласили его.

Старик Омогон, увидев этого человека, так испугался, что весь задрожал, но, все-таки, не обнаруживая своей боязни, велел накормить гостя и оставил ночевать.

Назавтра, вставши, Омогон пристально всматривается в своего гостя и думает: „хороший человек должен выйти из него, а потому нет желания его убить". Намереваясь сделать из него рабочего человека и предполагая, что он будет усердан, Омогон берет Эллея к себе в работники.

По прошествии одной зимы, когда наступила весна, старик Омогон хочет и на лето иметь при себе этого человека (работником), но жена его не одобряет, говоря: „убейте этого человека!" На это старик замечает:

— Зачем ты находишь нужным убивать такого хорошего и работящего человека?

— Ты каждый раз при виде его боишься, —говорит старуха.

Старик сердится:

— Отчего я стану его бояться?

— Я тебе докажу, что ты его боишься.

— Ну, докажи,—говорит на это старик Омогон.

Тогда старуха сучит нитки из жил, а затем пришивает на спине шубы несколько сборок и после этого дает старику со словами:

— Надень и сиди в ней!

Старик, надевши шубу, сидит. В тот момент, когда Эллей, возвратившись с работ, входил в хижину, лошуми сборки на шубе старика. Этот звук старик услышал и понял, что он действительно боится Эллея. Поэтому советуется с женой: не отдать ли любимую дочь замуж за Эллея, чтобы, сделав своим зятем, уже не бояться его. Так, вдвоем советуясь, решают уложить Эллея спать вместе с дочерью.

Вечером старик Омогон говорит Эллею:

— Ты спи в чулане!

На это Эллей говорит:

— Ужо, потом!

В душе Омогон весьма сердится, но спать ложатся все попрежнему.

На утро, проснувшись очень рано, Эллей выслеживает, как вставшие девушки будут мочиться. И вот видит, что красивая девушка кончила мочиться очень скоро, а некрасивая мочилась долго. Когда девушки вошли в хижину, Эллей идет и осматривает места, где мочились девушки. У некрасивой де-

вушки моча делится на три ручья. Увидев это, Эллей соображает, что эта некрасивая девушка оказывается гораздо лучшей женщиной и, видимо, будет многодетная, а потому много счастливее красивой девушки.

Вечером старик Омогон опять говорит Эллею:

— Спи в чулане!

На это Эллей отвечает:

— Я там буду спать, — и указывает по тому направлению, где спит некрасивая девушка.

Старик Омогон в душе очень сердится, но все-таки махнул рукой в сторону некрасивой девушки и сказал:

— Ну, иди, спи!

На утро Омогон выгнал из дому Эллея вместе с некрасивой дочерью, дав им лишь одну безрогую корову и одну бесхвостую кобылу. С этим они и ушли прочь.

Уйдя, они устроили себе из бересты конусообразный шатер (урасу) и нашили себе очень много берестяной посуды. Затем раскладывают много дымокуров; поэтому скот Омогона постоянно приходит к ним, привлекаемый дымом. Этот скот Эллей вместе с женой систематически выдаивают, а потому накопляют много молочных сосов—кумыса, масла, сливок и молока.

Таким образом Эллей, накопив много молочных продуктов, устраивает праздник молока, называемый ысыах. На этот праздник приглашает своего тестя. Омогон, в ответ на это, сильно сердится:

— Ты издеваешься надо мной,—говорит.—Неужели ты устраиваешь праздник, располагая только молоком от одной бесхвостой кобылы?

Сказав это, выхватывает тупой короткий меч и выгоняет зятя.

Но сыновья и дочери Омогона все приходят на праздник —не пришел только шаман добрых духов.

А жена старика очень желает итти, но муж не пускает.

Эллей, разостлав горечавку (сибирскую траву), кругом рассаживает своих гостей. Затем поднимает вверх кубок с кумысом и маслом сначала к изголовью главной матицы, потом по направлению к востоку и, наконец, в сторону огня и выливает

туда. Тут он весь затрясся и начал шаманить. Речь Эллея (устами которого говорил дух огня) состояла в следующем:

— Ну вот, когда дитя иного племени, придя сюда, устраивает в мою честь праздник, на который Омогон не приходит, черезчур разбогатев и не в меру насытившись,—высоту его понижу, длину его укорочу.

Услышав это, двое из сыновей Омогона очень рассердились и взапуски побежали к отцу; придя, все это рассказали. Тогда Омогон, вскрикнув, выхватывает из-под подушки тупой короткий меч и вместе с сыновьями прибегает к зятю, рея по-медвежьи. Прибежав, берестяные двери берестяной урасы рассекает, намереваясь войти в урасу, но тут у него скрючиваются ноги и руки. Видя это, сыновья Омогона очень испугались и, взяв отца на руки, принесли домой. Собравшийся народ разошелся, не попив кумыса. С этого момента Омогон сильно заболел и умер.

По смерти отца сыновья его опасались, что и они также умрут, а потому ушли с насиженного места.

Так, разбежавшись в разные стороны, стали селиться в тех местах, где кому нравилось. Таким образом, Эллей остался жить один на полянах Сайсары (где ныне расположен город Якутск).

18 октября 1924 г.
Ленинград.

Н. А. Липская-Вальронд.

Материалы к этнографии гольдов.

I.

Беременность и роды.

Работая над изучением языка гольдов и находясь в 1917—1918 г.г. в системе р. Тунгуски-лесного притока Амура—я *попутно* наблюдала и их быт; эти наблюдения, касающиеся беременности, родов и ухода за ребенком, я и привожу в настоящей сводке.

1. Несколько слов о менструальном периоде.

Время наступления первых менструаций колеблется между 12-15 годами; месячные очищения, появляющиеся в период от 18-20 лет, рассматриваются, как запоздалая менструация; какие-либо обрядности при появлении первых регул установить не удалось. Гольдами последние категорически отрицаются. Повторяемость месячных, как и вообще, средним числом—через три недели на четвертую; в продолжительности менструального периода наблюдаются значительные колебания от 2-х дней до 2-х недель, средним же сроком можно считать 3-5 дней. Что же касается гигиены менструального периода, то в это время гольдка употребляет особые тальниковые стружки *сапри*, на описании которых я остановлюсь несколько ниже, и менструальный бинт *хадзю(и)*, который делается обычно из темной материи. Материя эта выкраивается в форме прямоугольника, одна из сторон которого равняется в среднем 30 ст., другая—13, 14 ст. и складывается по длине пополам; внутрь вкладывается кусок сукна *сифу* (в последнее время сукно заменяется ватой); таким образом сложенная материя прошивается по краям; иногда середина *хадзю(и)* украшается различными узорами, чаще всего волнистой или изломанной машинной строчкой. К одной из сторон *хадзю(и)* пришивается пара завязок *хони*, а к другой, противоположной ей, пара петель *сандякани*.

Завязки и петли делаются или из тесьмы или из материи, сложенной в узкую полоску и прошитой по краю. Та сторона *хадзю(н)*, к которой пришиты завязки, одевается спереди, завязки протягиваются над бедрами по поясу, на спине продеваются сквозь петли другой стороны *хадзю(н)* и завязываются обыкновенным узлом. Поверх *хадзю(н)* гольдка накладывает тальниковые стружки *саури* (некоторые женщины вместо *саури* употребляют особые тонкие побеги, покрывающие нижнюю часть ствола тальника, залитого водой) и покрывает их тряпкой *лэбыр*; последняя служит как-бы прослойкой между *саури* и половыми органами женщины, предохраняя последние от трения стружек; *саури* же имеют назначение впитывать менструальные выделения. В зависимости от кровотечения *саури* меняются от 1 до 3 раз в день; использованные стружки закапываются в землю или непосредственно после употребления или складываются где-либо в укромном уголке и уже после окончания менструаций закапываются. Сменой *саури* ограничивается вся опрятность гольдки; мыться или купаться в реке менструирующей женщине считается недопустимым. Только после окончания менструаций наиболее опрятные гольдки тщательно моются, но зато всякая женщина старательно замывает *хадзю(н)* и *хайки* (штаны), которые просушиваются где-нибудь за дровами в отдалении от жилья. „Считается грехом", пишет И. А. Лопатин, „держать в доме или амбаре те штаны, которые женщина имела на себе во время месячных очищений".[2] Нужно также отметить, что женское белье, особенно *хадзю(н)* и *хайки* всегда моются отдельно от мужского.[3]

Что же касается *саури*, занимающих весьма видное место в быту гольдов, то изготовление их следующее: ранней весной гольдские женщины запасают большое количество веток черемухи, ровных, без сучков, длиною около аршина и немного более, толщиною от 1—2 ст. Ветки эти опускаются на некоторое время в прорубь, на ночь же раскладываются где-либо около жилья для промораживанья, чем достигается легкость при скоблении. После того, как прутья достаточно промерзнут, гольдки приступают к изготовлению *саури*. Работница вкладывает черемуховую ветку между носками скрещенных ног, придерживая ветку левой рукой и беспрерывно ее поворачивая, скоблит ее правой при помощи ножа *кото*, который ставится перпендикулярно к ветке. Сначала удаляется кора, а затем уже скоблятся тонкие, длинные, мягкие стружки. И. А. Лопатин[1] находит, что „только гольды умеют приготовлять стружки, тонкие, как волос и мягкие, как вата... Такие волосообразные древесные стружки обладают теми же свойствами, как шерсть или вата:

быстро всасывают влагу и хорошо греют, вследствие плохой теплопроводности". Изготовление *саури* настолько трудно, что у гольдок, занятых этой работой, обычно распухают пальцы на руках. Когда *саури* заготовлены в достаточном количестве, их после окончательной просушки на солнце и ветру, складывают в ящики или мешки и хранят в амбаре. *Саури* приготовляются не только из черемухи, но также из веток дерева *осямки* (к сожалению, не удалось определить *осямки*), эти последние, а также и черемуховые стружки считаются лучшими; худший же сорт *саури* приготовляется из тонких молодых веток белой березы, ивы, липы и тальника. На качество *саури* влияет также время их заготовки, а именно, *саури*, заготовленные весною, считаются лучшими по сравнению со стружками, заготовленными в другое время года.[5]

Выделение менструальных кровей, столь обильное микроорганизмами, подало повод считать женщину в это время *нечистою*, и всякие сношения с нею, особенно половые, строго преследуются гольдами по религиозным мотивам. Возможно, конечно, что боязнь сношений с менструирующей женщиной объясняется отчасти инстинктом самосохранения. Отсюда вытекают некоторые запреты для менструирующей гольдки. „Охотник, укладываясь спать дома в последний раз перед уходом на промысел, не ляжет даже и близко от жены, сестры, матери или дочери, если у них в это время менструации, если они *нечисты*, как говорят гольды". (Из материалов А. Н. Липского). И далее тот же автор пишет: „Мужчина, отправляясь на соболиный промысел, всегда сам укладывает нарту. Если женщина и должна что-нибудь починить или осмотреть, она, сделав что надо, кладет вещь на нары, и уже мужчина укладывает нарту". Женщине—в возрасте, в котором бывают менструации, безусловно запрещается переступать через *сэрми*—лучек-самострел, т. к. *сэрми* не убьет ни одного зверя. То же по отношению копья, остроги и ружья. Женщина не может перейти через след тигра, тотемного животного гольдов. Гольдка не имеет права шить себе *ота* (олочи) из медвежьей кожи т. к. медведь является особо почитаемым животным у гольдов; кожа его идет исключительно на обувь мужчин. Женщине запрещается также садиться на медвежью шкуру и есть мясо с головы медведя. Гольдский обычай предписывает женщине сидеть против огня или с плотно сжатыми ногами или отодвинувшись в сторону; последнее является наиболее желательным.

2. Беременность.

Прежде чем перейти к описанию этого явления, необходимо дать некоторые сведения, касающиеся представлений гольдов о душе.

На небе, в царстве *Олесон-Мама*, растут деревья огромных размеров, имеющие некоторое, весьма отдаленное, сходство с ивой, называются они *омя-мони* или *омя-донкони*. Каждый род *хала* имеет свое особое дерево. В ветках *омя-мони* живут и плодятся души человеческие *омя* в образе маленьких птичек *чока*, которые вьют себе гнезда, выводят птенцов, питаются плодами *тилтикто*, растущими на этих деревьях и пьют воду из близ лежащего озера. Количество *чока*—самок соответствует количеству самцев (самец—красивая пестрая птичка, самка—серенькая, хотя не все гольды согласны с этим определением, некоторая, незначительная, часть их утверждает обратное). Местонахождение *омя-мони* с душами *омя* известно только шаману. Как только *омя* в образе *чока* попадет в тело женщины своего *хала*, последняя становится беременной, но при неприменном условии сожительства с мужчиной, т. к. роль мужчины в зачатии все же не отрицается гольдами, но имеет какое-то второстееенное значение.[6] По представлениям гольдов, каждый предмет должен иметь своего *хозяина*, значит, и тело ребенка, зародившегося в организме матери, должно его иметь. *Хозяин* или душа тела называется *уксики*. По А. Н. Липскому,[7] *уксики*—душа тела будущего ребенка рождается от *уксики*—души тела—матери... *Уксики* живет в человеке до его смерти, а после смерти остается около тела до его уничтожения, а затем в месте погребения живет и после уничтожения тела. В случае, если кости человека будут кем-либо унесены или разбросаны водою, *уксики*, в сильнейшей тоске, плача, бродят, разыскивая их (подробнее в нашей работе „Смерть и похороны гольдов", подготовленной к печати). Отсюда и случаи перенесения костей покойников в другое место, если надвигается угроза воды". Таким образом, утробный младенец имеет *омя*—душу, существовавшую до его зарождения и способную воплощаться безчисленное количество раз, и *уксики*—душу, появившуюся с момента его зарождения; когда же ребенок родится, к нему присоединяется еще одна душа—*фаня(н)*—тень, которая сопутствует человеку во всей его жизни и только после смерти человека сопровождается шаманом в *буни*-царство мертвых.

Теперь возращаюсь к *омя*. Если *омя* покинет тело ребенка в период его утробной жизни—то женщина имеет

выкидыш *боябани*. Если же *омя* покинет тело ребенка в момент родов или в период до 1-го года внеутробной жизни, то наступит смерть ребенка, тело которого, по гольдским воззрениям, нельзя предавать земле.[8] Умершего ребенка обычно заворачивают в лист бересты и камышевую циновку *сакта(н)* и кладут или в расщелину дерева или в дупло, которое наглухо забивается, а иногда просто подвешивают к дереву. Эти способы похорон пока наблюдались в лиственных деревьях, при чем похороны в дуплах замечены и на Амуре в густых чащах древесной и кустарниковой растительности, вообще, в наиболее уединенных местах, куда человеку трудно проникнуть. Люлька и одежда умершего кладутся также на дерево.[9] Поминок по такому ребенку не делают, т. к. *омя* во всех вышеименованных случаях возвращается в образе *чока* в царство *Омсон-Мама*, садится на верхнюю ветку *омя-мони* своего *хала* и спускается вниз по мере освобождения места. По истечении трех лет эта *омя* может вновь войти в тело той же женщины[10] или другой, но обязательно принадлежащей к тому же роду, что и первая: если же ребенок в этот раз умрет в возрасте до 1-го года, *омя* вновь возвращается на *омя-мони* и только через шесть лет может войти в тело женщины своего *хала*. Если же в третий раз последует смерть ребенка, то эта *омя* переходит тогда к женщинам другого *хала* или даже к другой народности: к тунгусам, орочам, но не русским, китайцам или гилякам. Если же ребенок переживает годовой возраст, то *омя* продолжает в нем жить до конца его дней. Возможно, что с этого времени *омя* претерпевает какие-либо существенные изменения, меняет свою форму и название—для меня это пока остается вопросом открытым. Объяснения же И. А. Лопатина по этому поводу кажутся мне недостаточно обоснованными и вот почему. „Душа у человека", пишет упомянутый автор,[11] „по верованию гольдов, бывает трех видов и соответственно этому у них для души существует три названия: *омия*, *эригни* и *фаня*"—и далее, „если же ребенок переживет первый год, то на второй год у него *омия* превращается в *эригни*. Дословный перевод этого слова будет—воробей. „*Фаня(нд)* по мнению того же автора, является душой покойника. На основании же моих записей, *йригни*—означает дыхание (*ми йригиэмби*—я дышу, *ми йригикэй*—я дышал), воробей же называется *сисирй*. Если *оригни* означает дыхание, значит ребенок с первого момента появления на свет, а не со второго года жизни, уже обладает *йригни*. *Фаня(нд)* в переводе означает тень. Естественно, что *фаня(нд)* появляется также с момента рождения, но ни в коем случае не является исключительно душою покойника. Эти представления гольдов о душе ребенка в об-

разе птички *чока* отражаются в снах, которые женщина видит перед беременностью. Очень часто перед зачатием гольдка видит во сне птицу, которая как бы ласкается к ней, садится то на руку то на плечо. Иногда женщине удается распознать пол птицы, таким образом она заранее сможет знать, кто у нее родится. Чаще всего распознать пол своего будущего ребенка удается многорожавшей женщине, которая видит подобные сны почти перед каждой беременностью.

В жизни малокультурных народов вообще, а у гольдов в частности, сны занимают видное место, а в период беременности им придается исключительное значение. Так, например, гольд, *Ганька-Акта(н)ка-Бэльдэй* перед рождением своего первого сына видел несколько раз один и тот же сон, будто вокруг его руки обвилась змея, и он ножем разрезал ее, чтобы освободиться. Вскоре после этого сна у него родился мальчик, а затем и умер. „Видимо, сам я зарезал душу ребенка!" говорил гольд. (Интересно, что в данном случае душа ребенка представлялась гольду в виде змеи). Перед рождением второго сына, ныне здравствующего, этот же гольд видел сон, будто в бурную, темную ночь на руку к нему сел красивый фазан; он его гладил и говорил, что хорошо бы его кормить дома. Подобные сны можно указать из жизни *Гани Удыкан*, *Алхасама(нд)-Акта(ну)ка-Бэльдэй* и пр.

Общая продолжительность беременности равняется приблизительно десяти лунным месяцам, при чем, если последние перед беременностью менструации были во второй половине месяца, то этот месяц не принимается во внимание; если же последние менструации были в первой половине, то этот месяц идет в счет. Гольды замечают разницу в продолжительности беременности мальчиком и девочкой; первые всегда несколько перенашиваются. Конечно, выяснить все эти вопросы весьма трудно, главным образом, из-за естественной для гольдки скрытности и невозможности установить точно время последних перед беременностью менструаций.

Особой одежды в период беременности женщина не носит, только на 5—6 месяцах, когда живот начинает заметно выступать, гольдка подтягивает его или платком или же одевает широкий пояс *хэркапту*,[12] который носит также после родов в течении двух месяцев, а иногда и более. *Хэркапту* имеет вид широкого бинта с ватной прослойкой внутри. По краям *хэркапту* пришиваются две пары тесемок, которые завязываются сзади. Некоторые гольдки украшают середину *хэркапту* узорчатой строчкой. Беременной, *боеду би аши*, не рекомен-

дуется носить унты, сделанные из кожи самки изюбря, т. к. последняя, по наблюдению гольдов, трудно родит. То же можно сказать относительно употребления кожи тайменя, *дили*, который с большим трудом мечет икру.

Пища беременной, вообще, ничем не отличается от пищи окружающих, но, в частности, ей запрещается есть испорченную пищу или кишки щуки, которая ест всякую падаль т. к. в таком случае, по представлению гольдов, будущий ее ребенок будет страдать слюнявостью [13]. Запрещается также употреблять в пищу мозги белки, т. к. ребенок, когда несколько подрастет, будет не в меру шаловлив. Чтобы сообщить зоркость своему будущему ребенку, гольдка иногда, в период беременности, съедает глаз скопы-рыболова *сукса*. В большинстве случаев свойство этой птицы передается ребенку, который в дальнейшем приобретает столь острое зрение, что может даже, по представлению гольдов, видеть на три сажени в глубь воды. Подобному субъекту при переезде через реку завязывают иногда глаза из боязни, чтобы он не увидел „хозяина" воды, что, согласно гольдским *тэлэ(н)гу*—преданиям, для простого смертного недопустимо. К съеданию глаза скопы гольдки прибегают с большой осторожностью, т. к., по представлению некоторой части гольдов, зоркость этой птицы передается только мальчику, девочка же приобретает склонность к воровству; в виду трудности определить пол будущего ребенка, не всякая гольдка рискует прибегать к этому средству.

Беременной женщине запрещается переступать через коромысло *дзямдзя*, т. к. после родов у ней может остаться большой живот. Не рекомендуется за несколько дней до родов починять следующие вещи: *хукуа(н)*—мешок из звериной кожи, *потача(н)*—мешок из рыбьей кожи и *тирэ(н)ку*—подушку, т. к. роды могут быть очень трудными.

Здесь перед нами факт магического отожествления *зашивания* мешков с *„зашиванием"*—преграждением путей для выхода ребенка. Кроме того, за несколько дней до родов беременной не советуется при приготовлении пищи перерубать, например, ногу зверя или оглушать рыбу, предназначенную для варки, ударом молотка по голове, т. к. это отразится на ребенке—он родится или с кривой ногой или с попорченной головой.

Беременность в большинстве случаев переносится легко: гольдка ничем не изменяет привычного ей образа жизни, несет на себе всю тяжелую домашнюю работу, рубит дрова, таскает воду с реки, собирает в лесу хворост и несет его на соб-

ственных плечах домой и пр. Но бывают и случаи тяжелой беременности; женщину изнуряет сильная рвота, истощающая иногда настолько организм беременной, что она имеет выкидыш или хронические запоры, влекущие за собою острые боли и колики в животе. Во всех подобных случаях гольдка предоставлена самой себе, естественным силам своего организма, никакой акушерской помощи она не получает. Чтобы хоть несколько облегчить страдания, беременная прибегает иногда к помощи народной медицины, или к своим и шамана магическим приемам. Так, например, при болях в животе гольдка защемляет кожу на нем между суставами указательного и среднего пальцев и с силой оттягивает ее вверх, достигая этим более усиленного кровообращения (то же, что и банки), или прикладывает к больному месту веточки багульника (Ledum Palustre L.), иногда же настаивает последний в виде чая и принимает внутрь. Если же страдания становятся невыносимыми, то больная прибегает к помощи шамана. Шаман ставит перед ней воду и разжигает багульник; *сэво(н)*[11] шамана, т. е. дух, подчиненный шаману и постоянно находящийся при нем, как-бы окуривает и обмывает мать и ребенка. Шаман же в это время приносит заклинание; если оно не помогает, если беременная чувствует себя все хуже, боли в животе усиливаются и движения плода становятся слишком резкими, так что даже появляется опасение, что *олия*—душа ребенка, собирается улететь, то шаман прибегает к следующему приему: из тальниковых прутьев он делает гнездышко *омони-добдини* и внутрь его кладет что-либо мягкое. По представлениям гольдов, шаману известен пол утробного младенца; если шаман подозревает, что женщина беременна девочкой, то к *омони-добдини* он привязывает нитку с красивыми лоскутьями материи, если же женщина беременна мальчиком, то около гнездышка устанавливает детский лучок *луки* и стрелку *бури*. После этого шаман с помощью своего *сэвон*'а привлекает душу ребенка или материей или лучком (в зависимости от пола ребенка) и уговаривает ее сесть в гнездышко. Как только *олия* в образе *чока* сядет в *омони-добдини*, шаман быстрым движением хватает *олия* и кладет ее в мешок *фотача(н)*, последний крепко завязывает, чтобы душа не улетела и берет ее на хранение. Все лечение шамана направлено к тому, чтобы привлечь душу ребенка и надежнее спрятать ее, т. к. в противном случае женщина может иметь выкидыш. Если душу ее ребенка хранит шаман, женщина будет совершенно спокойной и даже резкие движения плода не будут ее волновать. Если к шаману обращается женщина, имевшая раньше выкидыш, шаман особенно бережно прячет душу ребенка и передает уже *фотача(н)* с душой своему

сэвон'у, который бережет душу, ухаживает за ней и, в случае болезни, лечит. Не всегда, конечно, лечение шамана заканчивается благополучно, и женщина имеет выкидыш *боялани*[15]. Если *боялани* имеет темную окраску—была-бы девочка, если более светлую—мальчик. *Боялани*, как и тело ребенка, умершего до 1-го года, в землю не закапывают, а, завернув в лоскут материи, кладут на дерево. После выкидыша женщина попрежнему несет всю тяжелую работу и даже ходит босиком в сырую, холодную погоду.

Каждая замужняя гольдка стремится иметь детей, т. к. отсутствие их ведет часто к крупным семейным неладам, поэтому бездетная женщина прибегает ко всяким способам, чтобы забеременеть, вплоть до съедания кусочка плаценты, только что снятой с ребенка, которой приписывается магическая сила зачатия (по А. Н. Лискому);[16] если это не помогает, то обращается к шаману. Обращение это бывает, обычно, после благодарственного моления, например, за удачную охоту, т. к. гольды убеждены, что духи, после обильных приношений в виде головы и легких животного и большой чашки крови, наиболее расположены к человеку и удовлетворят его просьбу. Шаман просит *сэвон*'ов[17] помочь забеременеть женщине и не убивать души ее ребенка. Иногда же он особой пляской изображает путешествие в царство *Омсон-Мама* к дереву *омя-мони* и выбирает там красивую птичку *чока*. По словам И. А. Лопатина,[18] шаман перед путешествием к *омя-мони* „делает маленькую зыбку и около нее ставит сэвона Бучен. Затем снова берет бубен и поет, обращаясь к сэвону, песни, в которых просит качать зыбку усердно, чтобы спустившаяся с неба *омя* не полетела обратно". По возвращении из путешествия, шаман, обращаясь к присутствующим, громко кричит в исступлении: „Посмотрите! ребенок лежит в зыбке, пощупайте! он намочил и изгадил подстилку!" По другой же версии. шаман, вернувшись из царства *Омсон-Мама* с душою *омя*, вкладывает ее в женщину; для этого он берет в рот багульник, наклоняется к голове женщины и *вдувает в нее душу ребенка*; при этом он просит кого-либо из присутствующих ударять его по спине и каждый удар наносить выше предыдущего, как-бы помогая этим выгнать *омя* из его тела. После этого шаман быстрым движением накрывает голову женщины шапкой, чтобы *омя* не улетела обратно на *омя-мони*. Затем, обращаясь к *омя*, шаман говорит: „Душа! Ты не бойся! не улетай! люби твоих отца и мать, они ведь здоровы, молоды, красивы!" Чтобы окончательно убедиться, что *омя* покинула его тело, шаман обращается за подтверждением к своему *сэвон*'у. В конце камлания шаман

просит солнце *дагды-сиу(н)* оберегать беременность женщины, в тело которой он вселил *омя*. В большинстве случаев, по мнению гольдов, шаман помогает, и женщина в самом непродолжительном времени чувствует себя беременной, к радости всех окружающих.

3. Роды и послеродовой период.

Гольды приписывают особую зловредную магическую силу родовым, послеродовым, а также и месячным выделениям женского организма, а отсюда, как следствие, запрещение женщине родить в доме,[19] а поэтому специально для для родов делается родильный шалаш *ута(н)*[20]; последний имеет конусообразную форму; строят его из тонких жердей ивы или осины, сверху кроют сеном и засыпают землей, иногда же вместо земли обкладывают кедровой и сосновой корой; в летнее же время поверх *ута(н)* накладываются полотнища бересты. Внутри *ута(н)* весь застилается сеном, а перед самыми родами поверх сена накладываются *саури*, посреди шалаша разводят, обычно, огонь. И. А. Лопатин указывает, что „нередко для роженицы строится не один *цоро*, а два или даже три, в которых она живет попеременно.[21] Бывает, что для роженицы специально раскидывают палатку. среди которой зимою устанавливают железную печку *кэлин*. Вход в родильный шалаш для мужчин строго воспрещается, женщина же по выходе из *ута(н)* должна подвергнуть себя очистительному действию огня;[22] для этой цели около шалаша постоянно поддерживается небольшой костер, в который бросают ветки багульника.

В родильный шалаш гольдка направляется, когда наступят первые родовые схватки, но ни в коем случае не заблаговременно,[23] т. к., по понятиям гольдов, женщина, зашедшая раньше времени в *ута(н)* будет иметь весьма тяжелый и продолжительный послеродовой период; разве только очень молодые, в первый раз рожающие женщины идут в шалаш за несколько дней до родов. Некоторые гольдки рожают совершенно одни, в большинстве же случаев в *ута(н)* собирается довольно многочисленное женское общество; каждая из присутствующих стремится оказать посильную помощь: одни приготовляют пищу или приносят ее из дома, другие подтапливают *кэлин* или поддерживают костер. В промежутках между родовыми схватками роженицу питают горячей пищей и горячей водой для восстановления и поддержания ее сил. Как только у роженицы начнутся сильные потуги и наступит время принимать ребенка, самая опытная в деле ухода за роженицами жен-

щина приступает к исполнению акушерских обязанностей[24], другие же кипятят воду, подают *саури*, с помощью которых останавливается кровотечение и вытирается ребенок. В большинстве случаев роды протекают без всякой помощи, но иногда приходится прибегать к искусственным и магическим приемам; к числу первых нужно отнести сильное надавливание на дно матки, которым достигается более интенсивное ее сокращение, а следовательно и ускорение самого процесса родов, иногда эти надавливания производятся сзади в области поясницы; к числу вторых относятся все приемы, основанные на принципе симпатической магии—подобное вызывает подобное (Analogiezauber. Preuss). Так, например, для ускорения родов роженице дают пить мыльную воду или горячую воду с мелко настроганными *контури* (хоботок или, как говорят, „пятачек" морды) кабана—как кабан быстро роет с помощью *контури* землю, с такой же быстротой должны произойти и роды. Иногда же „берется небольшая обыкновенная лопатка, которой производятся движения от дна матки к низу живота или вниз от поясницы, как бы производящие выскребание младенца" (из материалов А. Н. Липского).[25] Когда наступит время отделить ребенка от матери, то приступают к перерезанию пуповины; для этой цели предварительно пуповина перевязывается в двух местах конопляной ниткой или крапивным волокном, которые хороши тем, что не преют; первая перевязка делается близко от живота новорожденного, немного отступя от первой перевязки пуповину перевязывают вторично, для того, чтобы избежать опасного кровотечения из перерезанной пуповины, и затем уже перерезают последнюю между этими двумя перевязками ножницами, но чаще ножом; но если новорожденный—мальчик, то мужским ножом *гебсй*, если девочка—женским ножом *геригдо*.[26] После выхода последа *хамурани*,[27] пуповина вместе с *хамурани* заворачивается в солому и вешается на дерево, „чтобы привлечь *чока*" (слова Авдотьи Удынкан). Если роженица в конце родов впадает в обморочное состояние, т. е. душа временно покидает ее тело—женщины под самым ее ухом бьют в металлическую или глиняную посуду и громкими криками призывают ушедшую душу[28].

При трудных родах женщины обращаются к солнцу, луне и звездам, как к живым личностям, располагая их молитвой. Держат в дыму багульника *сэво(н)*'ов *Амба* и *Дёнта*, прося их не вредить роженице. Если это не помогает, то обращаются к шаману, который, не входя в *ута(н)* (даже если шаман—женщина) камлает около родильного шалаша. О приглашении шамана пишет И. А. Лопатин: „Одевши полное облачение,

эти жрецы обращаются с молитвой к своим сэвонам покровителям и просят их отгонять злых духов, которые намериваются вредить роженице или хотят похитить душу ребенка. Шаман иногда, как громом, поражает неожиданным разоблачением нарушение супружеской верности. Он во всеуслышанье объявляет, что больная потому не может разрешиться от бремени, что тайно изменила мужу, и ребенок поэтому не является потомком отцовского рода. Чтобы облегчить в таких случаях роды, шаман велит ранить роженицу в грудь ножом. Но часто такие разоблачения ведут к большим ссорам супругов и их родственников. Гольды меня уверяли, что в старинку таких изменниц убивали, не позволив родить.[29] Обычно после трудных родов муж родильницы приносит благодарственную жертву солнцу *дагды-сиу(н)*; некоторые гольды приносят жертву камню *хорольки-хо(н)кони*, находящемуся на Амуре несколько выше Хабаровска. Жертвы приносятся также китайским божествам[30].

По понятиям гольдов, послеродовой период продолжается от 4 до 6 недель, т. е. до тех пор, пока не кончатся послеродовые очищения и весь организм женщины, измененный вследствие беременности и родов, не придет в прежнее состояние, и женщина опять не сделается способной к зачатию и новой беременности. В родильном шалаше женщина живет *maximum* неделю, но ни в коем случае не месяц, как об этом пишет И. А. Лопатин[31]. Обычно же, одевшись во все чистое, родильница возвращается домой после мальчика на 3-й, а после девочки—на 5-ый день, т. к., по воззрениям гольдов, послеродовые очищения обильнее после девочки. Загрязненное белье и тряпки кладутся на дерево. „Сжигать, бросать на землю, мыть это белье или бросать в реку считается большим грехом“[32]. Вернувшись в дом мужа, женщина приступает к исполнению своих обычных занятий, но первым долгом варит рисовую или чумизовую кашу и отсылает ее своим соседям, которые в свою очередь отдаривают родильницу, посылают ей маленькое деревянное ружье, детский лучок, стрелы, мужской нож *гоосо*, деньги—если у женщины родился сын; если же дочь, то—серебряные серьги, кольца, браслеты, материю и пр. Все эти подарки считаются собственностью ребенка и передаются ему, как только он подрастет[33].

После родов женщина усиленно питается, ест суп с козульим мясом, рисовую кашу, хорошо сдобренную медвежьим салом, вообще употребляет жирную пищу[34], при чем вся еда и питье принимаются в горячем состоянии, т. к., говорят гольды, холодная пища неблагоприятно отражается на молоке родиль-

ницы, которое может совершенно исчезнуть. В случае полного прекращения выделения молока гольдка примешивает к пище особый корень *аухахи* или *аухи*, который, кроме того, укрепляет и кости. По наблюдению охотников *аухи* употребляется также медведицами после родов. Обычно, корень этот собирается в конце лета, высушивается, толчется и, в случае необходимости примешивается к пище. Молоко может исчезнуть и вследствие простуды, поэтому женщине в течение первых нескольких дней после родов запрещается мыть руки в холодной воде и ходить босиком. Иногда же исчезновение молока приписывается козням *сэво(н)*'ов *Сайка* и *Донта-адони*.

В течение всего послеродового периода женщина повязывает голову платком, не носит серег, не ходит в гости, все свои естественные надобности исполняет в одном каком-либо определенном месте, куда мужчина не заходит; если последний наступит на послеродовые очищения, то заполучит болезнь ног. Половые сношения с мужем, а также спанье рядом с ним не разрешаются гольдским обычаем. Женщина в это время должна иметь свои особые постельные принадлежности и отдельную циновку *сакта(н)*, на которой она и спит. По истечении 4 или 6 недель женщина моется в горячей воде, в которую бросает ветки багульника, а затем одевается во все чистое, а снятую с себя одежду, как и все то, чем пользовалась в этот период, как, например, посуду, подушку, одеяло, циновку и пр. складывает в амбар до следующих родов.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] (Н) = носовому н (n. nasal).

[2] Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Влд. 1922 г. стр. 173

[3] Мытье белья—явление довольно новое, так как раньше вся одежда гольда изготовлялась из рыбьих и звериных кож и, естественно, не мылась. В силу известной консервативности и одежду из материи стали мыть сравнительно недавно.

[4] ibid, стр. 172.

[5] Низшего качества *саури* изготовляются также мужчинами-охотниками в тайге; приготовляются эти стружки из случайного материала.

[6] Возможно, что с ростом культуры, с проникновением взглядов других народов на естественные условия зарождения детей, гольды стали признавать за мужчиной известную роль в зачатии.

[7] Элементы религиозно-психологических представлений гольдов. Известия Гос. Инст. Нар. Обр. в Чите, 1923, в. 1 стр. 41—44.

[8] По толкованию некоторых гольдов, *омя* ребенка этого возраста настолько слаба, что зарытая в могилу, не может освободиться от земных покровов, чтобы перелететь до дерева *омя-мони*; по тем же причинам ребенка не хоронят за широкой рекой или высоким хребтам—*чока*—маленькая птичка, высокого хребта и широкой реки не перелетит; также матери, потерявшей ребенка в этом возрасте, не разрешается в течении первых трех дней после его смерти переезжать широкой реки, т. к. у ней не будет больше детей Наблюдающаяся в этих случаях некоторая связь *омя*, умершего ребенка, с его телом и матерью, является видимо, пережитком преанимистического периода развития психологических воззрений на природу у гольдов, в который дифференциация понятий о душе *омя* и *уксики* не стояла так высоко, как мы видим теперь.

[9] „Орочи, Сихотэ-Алиня и Тунгусы Амгуни оставляют умершего ребенка в его люльке, при чем последнюю подвешивают на дерево или ставят на высоком пне". А. Н. Липский, ibid, стр. 42.

[10] По мнению гольдов, это можно доказать на опыте—на теле умирающего ребенка сделать какую-либо пометку и если следующий ребенок будет того же пола и с тем же знаком, значит произошла реинкарнация *омя* в ту же женщину.

[11] ibid, стр. 199—201.

[12] К сожалению, я имела в своем распоряжении только модель *хэркапту*

[13] Для того, чтобы остановить усиленное отделение слюны у ребенка, гольдка-мать крадет у своей соседки ее кухонную тряпку *мабо*, которою и вытирает слюну ребенка.

[14] Термин *сэвон* встречается и у тунгусов, произносится как *сывэн*. „Морфология этого слова неизвестна", пишет С. М. Широкогоров, „но распространение его ограничено тунгусскими народностями, исключая собственно манджуров, но включая гольдов. У некоторых тунгусов употребляются также термины савани, савакичан". Опыт исследования основ шаманства у тунгусов, стр. 19.

[15] По представлению гольдов, выкидыш вызывается, между прочим, и следующим — если беременная женщина возьмет чужого грудного ребенка на воспитание и если этот ребенок умрет, то у женщины будет выкидыш.

[16] ibid, стр. 8—9.

[17] Под термином *сэвон* гольды понимают духов, подчиненных шаману и их вместилища.

[18] ibid., стр. 200.

[19] Исключение делается только для чрезвычайно болезненных и слабых женщин. Жене шамана ни при каких условиях не разрешается рожать в доме, т. к. это отразится на здоровье шамана.

[21] И. А. Лопатин называет этот шалаш *цоро* (ibid., стр. 171). Насколько мне удалось выяснить, всякий конусообразный шалаш именуется *цоро*; если же он строится для родов, то получает наименование *ута(н)*.

[22] ibid., стр. 171.

[23] Шаман Владимир Удыкан, в семье которого я жила, после того, как я зашла в родильный шалаш и, по выходе из него, не подвергла себя очистительному действию огня, не ночевал дома, а в амбаре. Этот же шаман, по возвращении своей жены после родов домой, переселился на 10 суток в другое стойбище.

[24] И. А. Лопатин же пишет о заблаговременном уводе женщины в шалаш: „беременную женщину уводят в цоро, и здесь она должна прожить до родов, родить и пробыть все время, пока не кончатся послеродовые последствия". Ibid., стр. 171.

[25] По словам И. А. Лопатина: „ухаживают за роженицей обыкновенно две женщины — родная мать и свекровь". Ibid., стр. 171. Мне же на Урми и Тунгуске пришлось столкнуться с женщинами, у которых во время родов ни мать ни свекровь никогда не присутствовали в *ута(н)*, хотя были том же стойбище, где и роженица (например, Авдотья Удыкан, стойбище Купыты).

[26] С.М. Широкогоров (ibid., стр. 12—13) видит в этом не приемы симпатической магии, а символическую передачу мыслей человека духам: „желательные для человека акты духов вызываются человеком путем символизации действий, аналогичных желаемым... эти действия являются таким образом не действием similia similibus, как это понимается некоторыми этнографами, а, вернее, способом сношений, символической передачей мыслей человека духам, легче понимающим, в виду своих отличий от человека, эти символы, чем обычный способ сношения людей".

[27] Не безынтересно сравнить способ перерезания пуповины у качинцев: „по появлении ребенка перевязывают пуповину, но не ранее выхода последа. Пуповина перевязывается в двух местах, не ближе, чем на два пальца от пупка жилой или сырой ниткой, после чего перерезывается ножем или ножницами, но не иначе, как на дощечке или щепочке, так что при употреблении для этого ножниц, они функционируют только, как нож. Пуповина, следовательно, фактически не перерезывается, а перепиливается". Ф. Кон. Русский Антропологический Журнал, № 4. 1900 г.; стр. 58—61.

[28] *Хаму* в мандж. языке означает—кал, испражнение (Захаров—Словарь стр. 391); *орани*—в гольдском—кал, испражнение; в слове *хамурани* получается интересное сочетание манджурского и гольдского слов с одинаковым значением.

[29] Более подробного описания родов, положения роженицы и пр. пока дать не могу, т. к. во время самых родов в родильный шалаш меня не пустили.

[30] ibid., стр. 171—172.

[31] Так, например, шаман из стойбища Купыты на Урми, Владимир Удынкан, принес в жертву китайским божествам 12 чушек, когда у него родился первый сын. Название и определение некоторых китайских божеств записаны мною со слов жены шамана, Авдотьи Удынкан. После трудных родов приносят жертву во 1) *Дали-Лама* –один из главных богов, олицетворяет небо в целом и ведает ветрами; во 2) *Ляое-Мяу*—господин храма („все равно, что у русских Исус Христос"—сказала Авдотья Удынкан); в 3) *Сян-Си*; в 4) *Нянгня-Мяу*—китайская богородица, соответствует богине деторождения *Тян-Хоу*.

[32] ibid., стр. 171.

[33] ibid., стр. 173.

[34] И. А. Лопатин пишет об особом празднестве на 10-ый день после рождения ребенка, чего на Урми мне не удалось наблюсти. „После 10 дней от рождения устраивается семейный праздник в ознаменование рождения нового члена семьи, похожий на наши русские родины или крестины". Ibid., стр. 176.

[35] Тунгуски верхней Амгуни, по словам А. Н. Липского, после родов пьют оленью кровь и едят суп, сваренный на этой крови.

П. П. ХОРОШИХ

Исследователи Якутии

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

И. И. МАЙНОВА

И. И. Майнов.

Предисловие.

С изменением общих условий русской жизни изменялся, между прочим, и состав исследователей наших сибирских окраин и в особенности Якутской области. Блестящий ряд основоположников сибиреведения, состоявший, главным образом, из академиков или из лиц, командируемых Академией Наук, имел своими последними представителями Миддендорфа, а затем Маака, посетившего край в 1872 году. После того Якутский край в продолжении многих лет изучался преимущественно со стороны его физической географии и его геологии, и наибольшее значение для освещения края имели труды некоторых лиц, работавших именно в этих областях (Кропоткин, Черский, Майдель, Толль и др.). Гораздо больше внимания уделялось в это время самому населению Якутской области. Малочисленность этого населения, слабость его участия в общегосударственной экономической жизни, наконец, малоизвестные, а частью и вовсе неизвестные, языки туземных племен и близкие к примитивным условиям их быта,—все это охлаждало в представителях чистой науки охоту предпринимать трудное путешествие в суровый край и оставаться там целые годы, отрываясь на все это время от обычных трудов. Помимо нескольких случайных авторов, давших небольшие статьи и отдельные заметки, за этот период можно отметить только двух работников в области якутской этнографии, выделившихся при том же не из круга ученых, а из рядов приезжего чиновничества: вице-губернатора Приклонского и прокурора Павлинова, как людей, оказавших ценные услуги делу местных изучений. Однако, оба они по своему служебному положению не могли наблюдать жизни местного населения вблизи и отдаваться делу ее изучения сполна. Их работы основывались на документальных данных (Павлинов), или-же на сообщениях других лиц, более близких к коренному населению и знакомых с местными языками.

В ином положении оказалась другая группа интеллигентных людей, прибывавших в край не в положении начальствующих лиц, а в положении изгнанников. Развивавшееся в России революционное движение было в те годы тесно связано с общим движением мысли, вводившим в сознание русской ин-

теллигенции широкий круг не только политических, но и философских и научных идей, которые имели тогда преобладающее влияние на европейском Западе. В сознании участников движения и демократические программы и социалистические идеалы находились в прямом родстве с позитивизмом в философии, с учением об единстве человеческого рода и предопределяемой естественными условиями эволюции человеческого общества. Основная идея эпохи,—идея „народа", охватывала в понимании русских народников все трудовое население страны со включением обитателей самых дальних тундр. Якуты и тунгусы, башкиры и киргизы, как участники в общей тяготе содержания на своих плечах русской государственности, являлись в их глазах членами русского народа и сохраняли за собой такое же право на внимание к их нуждам, как и тверичи или полтавцы. Культурная работа с некоторой пользой для бурят или якутов составляла для социалистов семидесятых и восьмидесятых годов работу „для народа", обязательную для интеллигента, как его нравственный долг.

Лица такого направления, попадая в ссылке в местности с „инородческим" населением, имели двойное побуждение к тому, чтобы не сторониться брезгливо от жизни туземцев, а наоборот,—присматриваться к ней со вниманием и пытаться ее изучить и понять. Лишенные возможности работать „для народа" у себя на родине, они и тут находили некоторое нравственное удовлетворение в деятельности для обитателей окраины в качестве врачей, учителей, советчиков по всякого рода вопросам, пионеров земледелия или какого-нибудь нового в этом крае ремесла. В такого рода занятиях они естественно сближались с туземцами, овладевали ихними языками, а иногда овладевали и доверием улусных жителей в большей мере, чем это было-бы возможно для грозного, в глазах туземца, чиновника или даже для мимолетом посетившего край заезжего этнографа. Таким образом, внешние условия их жизни слагались для проникновения в чуждый быт и в незнакомую психологию исключительно благоприятным образом. Те из ссыльных, которым довелось пробыть в одном и том-же наслеге подряд несколько лет, получали возможность изучить местную жизнь с полнотой, при иных условиях совершенно недостижимой.

Интерес к этой жизни возникал в них сам собой в виду ее своеобразия, но у многих он расширялся и углублялся в силу тех влияний, под которыми воспитывался их ум смолоду. На первом месте тут следует отметить влияние Герберта Спенсера и Петра Лавровича Лаврова. Общее увлечение людей того времени молодой и неустановившейся наукой социологии

неизбежно связывалось у них с интересом к этнографии, в которой социология коренится и с которой она постоянно соприкасается. В особенности усердно читавшиеся тогда произведения Спенсера, Летурно и экономиста Зибера приучали видеть в этнографии истинный фундамент социологии и рассматривать всякий своеобразный обычай—как ветвь некоторого ствола, часть цельной системы, получающий свой смысл только в связи с общим строем народного быта и народных верований, а последние (т. е. быт и верования)—рассматривать не в их статическом состоянии, а как нечто беспрерывно развивающееся или отмирающее в зависимости от окружающей среды и от ступени достигнутой данной народностью в ее эволюции.

Такие умственные навыки позволяли наблюдателям этого типа не только подмечать и записывать отдельные факты, но доискиваться их взаимной связи и направлять свои поиски систематически, при свете общих идей, установленных к тому времени Тейлором и Леббоком, Баховеном и Морганом в чистой этнографии; Мэном, Ковалевским и отчасти Рудольфом Герингом —в понимании эволюции правовых отношений; Боппом, Максом Мюллером и нашим Потебней—в понимании эволюции человеческих языков; Дарвином, Брока, Топинаром—в понимании взаимоотношения рас и народностей.

Являясь лишь учениками авторитетных вождей тогдашней научной мысли, выходившие из этой среды исследователи народного быта не задавались целью создавать какие-либо новые теории и не надеялись обнаружить факты, неизвестные дотоле в науке, а стремились лишь к тому, чтобы в проявлениях народного духа и в бытовом укладе якутов и тунгусов, юкагиров или чукчей, найти отражение общих законов эволюции, по существу повсюду однородных, но бесконечно разнообразных по их конкретным формам в различных широтах и в различном сочетании условий существования. Такое отношение к исследуемым фактам составляло общую черту, присущую всем, работавшим тогда в Якутской области, политическим ссыльным, и это придает их исследованиям как-бы общую физиономию, которая обнаруживается и в их этнографических, и в лингвистических, и в антропологических трудах.

Другой общей чертой является для всей этой группы работников то настроение, которое имело своим источником гуманитарное течение русской литературы и, в частности, статью П. Л. Лаврова „Цивилизация и дикие племена“ и совокупность работ Ядринцева, порождавшие симпатии к народностям не-арийской расы, как наиболее обездоленным и часто угнетаемым гордыми европейцами. Помимо своего теоретического ин-

тереса, освещение различных сторон материального быта и духовной жизни туземных народностей привлекало ссыльных народников, как предпосылка для разумно направленной деятельности, имеющей целью устранение темных сторон местной жизни и поддержание проявляющихся в ней положительных начал, не наобум, не по прихоти какого-нибудь кабинетного филантропа, а в соответствии с действительными нуждами населения и с его коренными особенностями.

В силу этого рода возбуждений, если не все, то очень многие из исследователей, принадлежавших к кругу ссыльных, не ограничивались одним изучением действительности, но пытались, когда к этому представлялась возможность, активно вмешиваться в ход жизни, содействуя населению в его борьбе со всякими неправдами. Этот жизненный интерес очень явственно отразился на работах Н. А. Виташевского по выяснению якутского обычного права, на работах Л. Г. Леванталя по истории хозяйственного быта якутов и на ряде других трудов, выполненных политическими ссыльными конца XIX века. Авторы этих трудов выступали и как теоретики, пытавшиеся установить внутреннюю связь фактов и, как практики, искавшие в тех-же фактах подтверждения для тех или иных жизненных требований.

Всех лиц этой среды, работавших по вопросам этнографии, языка, антропологии и статистики народностей Якутской области, было не менее двадцати. Работа их охватывала население Якутского, Олекминского, Верхоянского и Колымского округов и распространялась на все племена края, но, главным образом, сосредоточивалась на изучении якутов—как народности, преобладающей по своей численности. Далеко не весь собранный тогда материал опубликован, и часть его появилась на английском языке, не в России, а в Америке, а то, что увидело свет, не совершая кругоморского путешествия, рассеяно в специальных изданиях Ленинграда и Москвы, Иркутска и Казани, и в настоящее время мало доступно для пользования провинциальных работников и широкой публики. В виду этого сжатое изложение хотя-бы одних только важнейших трудов таких авторов, как Ионов, Трощанский, Виташевский и некоторые другие, являлось-бы теперь весьма полезным, тем более, что многое из того, что было живо в обычаях или было цело в архивах тридцать лет тому назад, уже исчезло (например—язык юкагиров и т. п.), и труды этнографов девяностых годов XIX века по отношению к таким невозстановляемым явлениям остаются незаменимыми.

4 января 1925 года. Ленинград.

Пав. Хороших.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЯКУТИИ.

Всеволод Михайлович Ионов.[1]

(1851—1922).

I.

2 февраля 1922 года на станции Буча, в 29 верстах от города Киева, скончался известный исследователь языка, быта и верований якутской народности—*Всеволод Михайлович Ионов.*

Заслуги В. М. в области изучения якутской народности велики, но им еще мало уделено внимания в литературе. Память его отмечена лишь небольшими газетными заметками да докладом Э. К. Пекарского, зачитанным в апреле 1922 г. в заседании Радловского кружка.

В. М. Ионов родился в 1851 г. в Астрахани. По словам жены покойного, М. Н. Ионовой, „предки В. М. были казаки и носили фамилию Слободчиковых. Дед покойного должен был бежать со своим семейством (из Царицына) от нападения разбойников и, переправившись на другую сторону реки Волги, стал называть себя Ионовым". Отец В. М. был почтмейстером.

Образование В. М. первоначально получил домашнее, затем в Царицынской гимназии и некоторое время был студентом Петербургского Технологического Института.

В Петербурге же, еще совсем молодым человеком, начал В. М. и свою политическую деятельность в эпоху „хождения в народ". За свои политические убеждения он впоследствии перенес долговременное заключение в различных тюрьмах России и Сибири.

Живя в середине 80-х годов в Москве, В. М. держал по Садовой улице, на средства одного из своих товарищей, квартиру, в которой происходили частые собрания рабочих разных фабрик и заводов, и тут же среди них распространялась революционная литература. В 1876 г. В. М. был арестован в Москве и судился в июне 1877 г. за пропаганду среди рабочих

и за распространение нелегальных изданий. Приговором Особого Присутствия он был присужден к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 5 лет. Работы эти он отбывал, начиная с 1878 г., в Ново-белгородской каторжной тюрьме (до 13 октября 1880г.), Мценской политической тюрьме и на Карийской каторге, куда он прибыл в феврале 1880 г. В 1883 г. В. М. был отправлен на поселение в Якутскую область.

80 и 90-ые годы особенно пополнили Якутский край политическими ссыльными, большею частью из народовольцев. Эти годы дали Якутскому краю лучших представителей ссылки, которые навсегда оставили по себе память. Имена В. Г. Короленко, Э. К. Пекарского, В. Серошевского, В. Богораза (Тан), Н. Виташевского, Троцанского и многих других говорят сами за себя не только якутам, но и всему просвещенному миру. Это были общественные деятели, писатели, ученые. К числу таких лиц относится и В. М. Ионов.

По прибытии в ссылку В. М. первое время жил в 4-ом Баягантайском наслеге, Баягантайского улуса, Якутского округа, а в конце 1886 г. самовольно перевелся в 2-ой Игидейский наслег, того же Баягантайского улуса, на земельный надел политических ссыльных Н. А. Виташевского и Б. И. Костецского.

Занимаясь хлебопашеством, которое однако при неблагоприятных климатических условиях почти не оправдывало затрачиваемых трудов и средств, В. М. с первых же лет ссылки посвятил себя педагогической деятельности, обучая якутских детей грамоте. Им же был составлен букварь для якутских детей. Одновременно В. М. вел и научную работу, занимаясь вместе с Н. А. Виташевским изучением верований и быта якутов.

В это же время оба исследователя, несмотря на различные препятствия со стороны духовных и гражданских властей, продолжали свою общественно-политическую деятельность, главным образом, среди якутов.

В 1889 г. В. М. для продолжения своих исследований просил дать ему разрешение на разъезды по улусам Намскому и Дюнскому, но, получив отказ, вынужден был работать в пределах Баягантайского улуса. В 1893 г. В. М. женился на местной якутке, найдя в лице своей жены, Марии Николаевны, хорошего друга и помощника в исследовательской деятельности. В том же году он переехал в Батурусский улус, где всецело отдался делу изучения местного края, и основал школу

(нелегальную) для обучения якутских детей грамоте. Эта „Ионовская" школа, по словам Г. Попова, была исключительно популярной и известной среди якутов, сам же В. М. считался лучшим педагогом в крае.[4]

За период 1894—1896 г. г. В. М. участвовал в „Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова", организованной Д. А. Клеменцом. В этой экспедиции В. М-у было поручено исследование дохристианских верований якутов (См. *Обручев.* Перечень трудов и работ участников якутской экспедиций ВСОРГО. Красноярск, 1897 г.).

В 1899 г. В. М. получил разрешение переехать в г. Якутск, где сразу же принял деятельное участие в общественной и педагогической жизни.

С 1900 по 1910 г.г. В. М. состоял оффициально учителем частной начальной школы И. Н. Эверстова. За это время В. М. был неоднократно привлекаем к ответственности за свою революционную работу и за распространение нелегальной литературы.

В 1903 году В. М. принимал участие в Нелькано-Аянской экспедиции, снаряженной Якутской областной администрацией под начальством инженера В. Е. Попова, в качестве исследователя экономического положения тунгусов Майского ведомства Якутского округа. Попутно же ему было поручено собирание этнографических коллекций для Этнографического Отдела Русского Музея в Петрограде. По возвращении из этой экспедиции В. М. вновь отдался педагогической и общественной работе.

За период 1908—1910 г.г. он состоял фактическим редактором газет „Якутский Край", „Якутская Жизнь", „Якутская Мысль", где помещал статьи по земельному вопросу и экономике якутов. Статьи эти не подписаны; было бы очень желательно узнать, какие статьи принадлежат перу покойного.

Много уделял времени В. М. работе в Якутском Отделе О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта, а также в Якутской бесплатной народной библиотеке - читальне. Усилиями его была организована комиссия по приведению в порядок библиотеки; уезжая из Якутска, он пожертвовал в ту же библиотеку свое большое собрание книг, часть же книг роздал своим ученикам-якутам.

Нельзя обойти молчанием и работу В. М. в Якутском Сельско-хозяйственном Обществе, которым в 1908 году при ближайшем участии В. М. была организована в Якутске выставка животноводства и промыслов.

В 1910 г. В. М. вследствие болезни получил разрешение переехать в Киев, откуда в том же году по приглашению Непременного Секретаря Академии Наук С. Ф. Ольденбурга переехал в Петроград, заняв место ученого корректора Академии Наук. В это же время В. М. принимал участие в редактировании издаваемых Академий „Образцов народной литературы якутов".

С момента переезда В. М. в Петроград и начинается его тесная связь с различными научными обществами и отдельными научными работниками.

В. М. вскоре же избирается членом-сотрудником О-ва Любителей Естествозн., Антропологии и Этнографии, членом-сотрудником Русского Географического О-ва по отделению этнографии, действительным членом Якутского Отдела этого О-ва и членом О-ва изучения Сибири и улучшения ее быта.

В Отделении Этнографии Р. Г. О-ва В. М. принимал участие в работах постоянной комиссии по составлению этнографической карты России (в отделе Комиссии Сибири и Туркестана).[5]

В 1915 г. В. М. выступил в Редакционной Комиссии Этнографического Отдела Р. Г. О-ва с предложением создать при журнале „Живая Старина"—особый подвижной орган, главным образом, для сотрудничества провинциальных работников. Свое предложение В. М. мотивировал, как целью привлечения к близкому участию по изучению народностей России лиц, интересующихся той или другой стороной жизни народности, с которой они приходят в соприкосновение, так и целью ознакомления их с приемами исследования и построения научных выводов. С другой стороны, В. М. находил, что нередко как попутные записи исследователей-специалистов, касающихся посторонних для них областей жизни изучаемых ими народностей, так и записи местных собирателей, часто не имеющих никаких связей с центрами, сплошь и рядом бесследно пропадают для науки. В особенности это важно по отношению к тем народностям, которые или вымирают или подвергаются быстрому обрусению, если не в отношении языка, то в отношении культуры, верований, миросозерцания вообще.

Предложение В. М. было принято, и для организации этого дела было образовано особое бюро в составе: М. К. Азадовского, В. М. Ионова и А. А. Макаренко, которое и высказалось за издание отдельных выпусков в виде „Приложения" к „Живой Старине". Под редакцией этого бюро вышло всего 6

выпусков „Приложений". В работах бюро принимали также участие Э. К. Пекарский и А. А. Шахматов.[6]

В это же время В. М. редактировал издания Цитрона.

В 1917 г. (до октябрьской революции) В. М. для поправления здоровья переехал в Киев, откуда, вследствие гражданской войны, уже не смог возвратиться в Петроград. В Киеве, в связи с общими тяжелыми условиями и оторванностью от Академии Наук, откуда В. М. получал ранее пособие, он жил в большой нужде и не имел средств на поправление своего расшатанного в ссылке здоровья.

2 февраля 1922 г. В. М. не стало. Он умер на 72 году своей жизни. Похоронен В. М. на месте своей смерти в с. Буча в Яблоновой роще.

После себя В. М. оставил вдову и двух дочерей, из них старшая—Людмила Всеволодовна, ныне студентка Ленинградского университета, а младшая, Ольга, ученица 2 класса 181-й советской школы; два сына В. М. погибли во время гражданской войны. Вдова В. М., Мария Николаевна, ныне состоит на службе при Музее Этнографии и Антропологии Академии Наук, в качестве младшей служащей. Мария Николаевна была ближайшей сотрудницей В. М., дав ему материал для ряда статей на якутском языке.

Ею же написана одна „сказка действительности", помещенная в 1-ом томе „Образцов народной литературы якутов".

Научные занятия В. М. были направлены в сторону изучения быта, верований, фольклора и языка якутской народности.

Одно из первых мест среди трудов В. М. занимают его исследования в области изучения дохристианских верований якутов. Этому вопросу В. М. уделял наибольшее внимание, и в этой области он является неключительным знатоком и крайне осторожным исследователем.

Из работ В. М. по верованиям отметим: 1. „Дух—хозяин леса у якутов", 2. „К вопросу об изучении дохристианских верований якутов", 3. „Орел в воззрениях якутов", 4. „Медведь по воззрениям якутов" и 5. „Обзор литературы по верованиям якутов".

В первой работе В. М. в начале останавливается на орудиях и приемах промысла, применяемых якутами, и приводит список зверей и птиц, которых дает „дух-хозяин леса". Исследователь устанавливает, что этот дух имеет отношение

только к тому промыслу, при котором применяются пасть, самострелы, петля, т. е. орудия, общие всем туземцам северо-востока. Далее В. М. дает характеристику представлений о духе-хозяине, число и имена духов и приводит призывания к духам перед промыслом, при добыче различных зверей, при постановке самострела и т. д.

В заключение описывается обряд примирения с духом-хозяином леса, с приложением заклинаний. К статье приложен „вариант призывания Баі Баjанаі", записанный летом 1914 г. С. А. Новгородовым, с его же переводом и примечаниями.

В работе *„К вопросу об изучении дохристианских верований якутов"* [8] В. М., указывая. что свой духовный мир якуты „построили по образу и подобию мира земного", приводит интересные данные о том, на какие категории распадается якутский пантеон, как понимается якутами сотворение мира и т. д.

В заключение формулирует главные задачи исследователя верований якутов и намечает программу.

Большой интерес представляет статья В. М. *„Орел по воззрениям якутов,"* [9] состоящая из двух глав: 1. Почитание орла у якутов и 2. Песня о наступлении года.

В основу данной статьи В. М. положен материал, собранный им за время участия в якутской экспедиции И. М. Сибирякова. В верованиях якутов орел играл, несомненно, видную роль, но об этом осталось сравнительно немного воспоминаний, да и этот вопрос мало привлекал внимание прежних исследователей дохристианских верований. В. М., на основании старинных якутских преданий. а также и шаманских призываний, в достаточной степени ясно восстанавливает значение орла, как духа-покровителя, возродителя природы, охранителя женщин и т. п., а также приводит примеры шаманских обращений к орлу и орла к шаманам, случаи наказания орлом обидчика, обряды похорон убитого орла и проч. „Песня о наступлении года" (во второй главе) приведена на якутском и русском языках; в приложении к этой главе, между прочим, приведены интересные календарные сведения якутов.

В работе *„Медведь по воззрениям якутов"* В. М. приводит свои наблюдения, касающиеся культа медведя, сообщает название медведя, говорит об отношении медведя к женщинам при встречах с ними, о промысле на медведя, о магической или целебной силе различных частей тела медведя и пр. Там же приводится заклинание при нечаянной встрече с медведем (на русском и якутском языках), рассказ старика о встрече с медведем и пр..

Наконец, работа *„Обзор литературы по верованиям якутов“* представляет разбор двух трудов В. Л. Серошевского „Якуты. Опыт этнографического исследования“ и „Как и во что веруют якуты“.

В. М., разбирая подробно отделы: „Якутский язык в работах В. Л. Серошевского“, „В. Л. Серошевский о якутской системе родства и о родовом строе“ и „Верования якутов в изображении В. Л. Серошевского“, находит, что: транскрипция в трудах В. Л. Серошевского не соответствует требованиям современной науки, якутская система родства и родовой строй поняты им неправильно, религиозные воззрения якутов запутаны, записи не надежны, терминология не выработана, не ясно, что принадлежит автору, что записано от якутов, отсутствуют поверочные записи и т. д.

В заключении В. М. пишет: „Можно было бы и за это сказать спасибо, если бы автор ограничился опубликованием всех этих записей. Но автор задумал дать больше. Он рисует общие картины, дает выводы, или не давая тех материалов, на основании которых они построены, или опуская якутский текст при наличности таковых и тем лишая читателя возможности проверки... Материал собран богатый, но нет ни одного показания, в точности которого нельзя было бы усумниться. Автор самоуверенно заявляет о своем знании языка, и эта самоуверенность избавляет его от обязанности проверять свои слова, справляться с теми капитальными трудами, которые были у него под руками. Из этих качеств труда В. Л. Серошевского непосредственно и с полной очевидностью вытекает, что на его работах нельзя ничего строить, на них нельзя ссылаться. За неимением программы они могут оказать большую услугу при изучении якутов на месте, при наличности программы они могут служить дополнением“.

Следует добавить, что материал В. М. по верованиям якутов, помимо своего самостоятельного значения, является очень ценной иллюстрацией тех выводов, которые сделал В. Ф. Трощанский в своем труде „Эволюция черной веры у якутов“ и которые в большинстве случаев основаны на устных сообщениях покойного В. М., охотно делившегося с указанным автором результатами своих наблюдений и кропотливых изысканий. Деятельное участие принимал В. М. и в составлении второго труда Трощанского—„Опыт систематической программы по собиранию сведений о дохристианских верованиях“.

Однако не весь, собранный В. М., материал по верованиям якутов, мог быть опубликован, и после смерти В. М. осталось большое рукописное наследие (см. ниже).

Детальное знакомство В. М. с якутским скотозодческим бытом достаточно полно выражено в его первой капитальной работе—„К вопросу о скотоводстве у якутов Якутского округа“, написанной им по поручению Якутского Статистического Комитета. Данная работа заключает в себе шесть отдельных глав: 1. Количество скота в якутской семье, 2. Продуктивность якутского скота, 3. Причины малой продуктивности якутского скота, 4. Оплата корма, 5. Конный скот в якутских хозяйствах, 6. Роль скотоводства в продукции якутов. Кроме того, в данной статье В. М. приводятся весьма ценные сведения и о других промыслах якутов—рыболовстве, зверопромышленности и пр. Ценность статьи заключается в том, что вопрос о скотоводстве якутов, неизбежно соприкасающийся как с экономическими отношениями, так и с бытовыми условиями, совершенно не был освещен в литературе (если не считать мелких заметок),—наблюдения же В. М. представляют результат долговременного и тщательного изучения всех подробностей скотоводческого быта якутов. Покойный Д. А. Клеменц—для краткости называвший эту статью „стародойкой“—говорил, что мимо нее не может пройти ни один исследователь якутского хозяйства, настолько она, при всей своей краткости, казалась ему ценною по своему содержанию“ (Э. К. Пекарский).

Наконец, работа „Поездка к майским тунгусам“ представляет отчет В. М. о его поездке к майским тунгусам в качестве члена Нелькано-Аянской экспедиции инженера В. Е. Попова летом 1903 года. На долю В. М. в этой экспедиции выпало исследование экономического положения этих тунгусов. В отчете В. М. приводит интересные сведения о путях сообщения по р. р. Алдану и Мае, о средствах существования, занятиях и экономическом положении тунгусов, их потребностях и способах удовлетворения их, о перевозке тунгусами чаев от Аяна до Нелькана, а также о процессе объякучивания тунгусского населения и взаимоотношениях тунгусов с духоборами.

Многое сделал В. М. и в области изучения якутского языка. Неустанно занимаясь обучением якутских детей грамоте и подготовлением их в средне-учебные заведения, В. М. стремился выработать наиболее пригодную для якутов систему преподавания русского языка. С этой целью им был составлен учебник русского языка, по особому методу. Этот учебник, названный автором „Оллендорфией“, разошелся в рукописных списках по многим местам Якутии и им пользовались с большим успехом многие учителя и репетиторы, даже не знавшие якутского языка. Только благодаря простому недоразумению, „Оллен-

дорфия" не была издана и продолжала распространяться в рукописи.

По приезде В. М. в Петроград им был составлен якутский букварь, который затем в измененном и дополненном виде был отпечатан в 1917 г. в городе Якутске, на якутском языке по международной транскрипции. Второе издание этого букваря, изданное Государственным Издательством, вышло в 1923 г. Обширный материал по якутскому языку, собранный В. М. в течение многих лет, был передан автору известного „Словаря якутского языка" Э. К. Пекарскому. Этот материал представил настолько существенную часть „Словаря", что автор последнего выставил как на обложке, так и в предисловии имя В. М., как ближайшего участника в его составлении.

Заметка об отступлении от системы знаков акад. Бетлингка, приложенная к вып. 1 „Словаря якутского языка", составлена также, главным образом, В. М.

Сначала в „Записке о словаре якутского языка" (Изв. Акад. Наук, т. XXII, № 2, 1905, стр. 02—08), а затем в предисловии к своему „Словарю" (стр. II—III), Э. К. Пекарский так писал о В. М. Ионове: „в начале 1890 г. В. М. Ионов отдал в мое распоряжение весь материал, который он собирал в течение многих лет. Здесь я считаю необходимым упомянуть, что благодаря г. Ионову я стал понемногу освобождаться от рабского подражания Бетлингку и стал записывать все особенности в произношении якутских слов... Записывая еще в 1886 г. одну сказку (*олонхо*), я постоянно подгонял слова под Бетлингковскую орфографию, тогда как Бетлингку не были известны мульированные д, l, н. Честь установления в якутском языке наличности этих звуков принадлежит г. Ионову".

Далее Э. К. Пекарский пишет, что по совету В. М., он стал обращать внимание на междометия, якутские прозвища и названия местностей, коим ранее не придавал особенного значения.

Оказал В. М. большую помощь и С. В. Ястремскому в составлении и редактировании его якутской грамматики, передав ему свой грамматический материал. С. В. Ястремский, как в предисловии, так и в тексте и примечаниях к названному труду, неоднократно отмечает, что В. М. делился с ним своими наблюдениями никем еще не подмеченных фактов из жизни якутского языка.

Часть материала по языку якутов, собранного В. М. во время Якутской экспедиции, не опубликована.

Наконец, В. М. написано несколько рецензий на различные работы по этнографии и экономике якутской народности. Рецензии В. М. ценны тем, что они, помимо исправления ошибок и неточностей, сделанных тем или другим автором, в значительной степени пополняют новыми сведениями и материалами рецензируемую работу. Из этого ряда работ особенного внимания заслуживают: рецензия на статью *Д. Н. Анучина* „О применении фонографа в этнографии и в частности о записи шаманского камлания в Средне-Колымском округе Якутской обл." и на работу *В. Васильева и Э. К. Пекарского* „Плащ и бубен якутского шамана".

После смерти В. М. остались его многолетние собрания по верованиям якутов (главным образом) и фольклору. Материалы эти писаны по преимуществу по-якутски и представляют собою очень ценный источник для характеристики до-христианских воззрений якутов. Покойный основатель издания „Сборника Музея Антропологии и Этнографии" академик В. В. Радлов, ознакомившись с предназначенными для „Сборника" статьями и с характером остального материала В. М., убедительнейшим образом просил его поторопиться приготовить этот материал к печати. В. В. Радлов предлагал В. М. ограничиться лишь приведением разрозненных материалов в систематизированный, хоть сколько-нибудь, порядок, не заботясь о дальнейшем их усовершенствовании. Материал этот покойный академик обещал немедленно же опубликовать в основанном им издании „Образцы народной литературы якутов". Быть-может, слова В. В. Радлова не остались без влияния на В. М. и имели своим результатом тот сравнительный порядок, в каком мы находим в настоящее время оставленное В. М. наследие.

Большая часть материала сгруппирована в отдельные рубрики, числом 25, относящиеся исключительно к верованиям якутов, затем идут отдельные записи, числом 845 №№, коим В. М. успел составить особый указатель с подразделением на отделы, с подробным перечислением содержания каждого отдела и ссылкой не соответствующий № записи. Остальной, оставшийся после смерти В. М., материал распадается на следующие отделы: 1. Народная словесность, 2. Быт, 3. Словарный материал, 4. Масса выписок (с критическими замечаниями) из литературы о якутах (Серошевский, Приклонский, Костров, Припузов, Ястремский, Худяков, Виташевский), главным образом, касающихся религиозных воззрений якутов, 5. Материалы для якутского букваря и якутской хрестоматии, уже напечатанной и, наконец, 6. Смесь, куда отнесены записи самого разнообразного характера, не вошедшие в отделы выше перечисленные. [10]

Некоторые бумаги В. М. (переписка, документы и пр.) остались, по словам М. Н. Ионовой, в г. Киеве, на станции Буча, у Виктора Андреевича Бурдзинского.

Рукописи В. М., поступившие в ведение Академии Наук, предложены для обработки вдове покойного Марии Николаевне. Заслуги В. М. в области изучения Якутии будут вполне оценены лишь по опубликовании Академией всего оставленного В. М. богатого фактическим материалом наследия.

Приложение I.

Из письма Василия Александровича Ендржеевского к Э. К. Пекарскому.[11]

Многоуважаемый Эдуард Карлович! Часов в 7 утра 2 февраля с. г. умер Всеволод Михайлович Ионов.

Умер покойно внешне, стойко.

За день до смерти Людмила дала ему камфоры, и он говорил, что давно себя так хорошо не чувствует.

Днем занимался с Ольгой, вечером обычно лег спать и ночью, когда уже все спали, позвал Виктора Андреевича, прося поминутно дать ему пить, жалуясь, что не хватает ему воздуха, болит спина, ноги...

Из полудремоты вырывалось: когда же это кончится!

Так прошла ночь до утра 2-го февраля. Утром, когда все домашние встали, Виктор Андреевич пошел вздремнуть; при нем осталась Людмила; в полудремоте началась агония...

Смерть совпала с заносами, поезда не шли, с городом нельзя было сместись. 3 февраля Виктор Андреевич похоронил старика. Выросла на Буче третья могила—два сына и отец.

Так при вычеркнутой простоте и бедности в социалистическом государстве оборвалась жизнь нашего старика, в такой обстановке умер, зарыт в землю социалист, коммунист и революционер, поднявший знамя борьбы с начала 70 годов...

Не в наше время, при другой обстановке, при другом уходе и терапии Всеволод Михайлович еще жил бы; последние годы своей жизни не провел бы с такими лишениями и недо-

статками, но и при всем этом он был верен заветам своей молодости, своим убеждениям; ни на что не жаловался, а следил за переживаемой нами эпохой, оценивал ее сквозь призму своего убеждения и всегда откликался на творчество, созидание.

Он не шел в стан ликующих и для праздно лгущих не был нужен.

И все же он до конца служил народу, обществу—написал азбуку для якутов в последний год своей жизни и до последнего дня учил свою дочь и ребят (у него было 2 урока за 2 бутылки молока!) создавал из них мыслящих людей и граждан спартанской стойкости.

И все же из всей горечи, когда вглядываешься в фигуру старика, рождается не только любовь к нему—растет гордость, воля, 70-ые годы и сегодня венчают себя лаврами!..

12 февр. 1922 г.

Приложение II.

Научно-литературное наследство В. М. Нонова.

1896 К вопросу о скотоводстве у якутов Якутского округа. Памятная книжка Якутск. обл. на 1896 г., в. I; стр. 1—60.

1904 Поездка к майским тунгусам. Извест. О-ва Истор. Археол. и Этногр. при Казан. Универс. 1904, т. XX, в 4—5; стр. 159—174.

1907 По поводу допущенного в „Словаре якутского языка“ отступления от правописания акад. Бетлингка. (Словарь якутского языка, состав. Э. К. Пекарским, т. I. в. I.

1907—1910 Статьи (без подписи) в якутских газетах.

1910 По поводу двух объявлений якутского губернатора. Сибир. Вопросы № 50—52. Подписано Р. Я. М., (т. е. Редакция Якутской Мысли).

Результаты продовольствен. кампании в Якутск. обл.] Сиб. Вопросы, № 50—52; стр. 18—24. (Подписано Р. Я. М.).

1911 Рецензия на работу В. Васильева и Э. К. Пекарского „Плащ и бубен якутского шамана“. Этнограф. Обозрение, 1911 № 1—2. (Подписано В. Михайлович).

1913 Орел в воззрениях якутов. 1. Почитание орла у якутов. 2. Песня о наступлении года. Сборн. Музея Антропологии и Этнографии Росс. Академии Наук, 1913, т. I, в. XVI; стр. V+28.

1914 Обзор литературы по верованиям якутов (разбор работ *В. Л. Серошевского*: 1. Якуты. Опыт этнографического исследования. Т. I. СПб. 1896. стр. XII+719. и 2. Как и во что веруют якуты (этногр. наброски) Сибир. Сборник. Приложение к газ. „Вост. Обозр.“ 1890. В. 2. стр. 116—188. Жив. Старина 1914, в. 3—4.

Рецензия на работу Д. Н. Анучина „О применении фонографа в этнографии и в частности о записи шаманск. камлания в Средне-Колымском округе Якутск. обл.“ Жив. Старина, 1914, в. 1—2; стр. 217—222.

1915 От редакции. (Об образовании Бюро по изданию „Приложений" к „Живой Старине" и о программе „Приложения") Жив. Стар. 1915. Приложение № 1; стр. 01—03.
О сотрудничестве местных работников. Подписано „Бюро". Там же; стр. 03—04.
Предисловие к статье С. А. Новгородова „Дух—хозяин леса у якутов. Там же; стр. 016.
Медведь по воззрениям якутов. Прилож. к № 3 „Живой Старины" за 1915, стр. 051—058.

1916 Дух-хозяин леса у якутов. С приложением варианта призывания Баі Баіанаія, запис. С. А. Новгородовым. Сбори. Музея Антр. и Эти. Акад. Наук,1916, т. IV, в. 1.

1917. Якутский букварь, составленный В. М. Ионовым, изменен и дополнен С. А. Новгородовым при ближайшем участии Н. Е. Афанасьева. Як. 1917; стр. V+39.

1918 К вопросу об изучении дохристианских верований у якутов. Сб. Музея Антр. и Эти. Акад. Наук, 1918, т. V, в. 1; стр. 155—164.
Примечание к статье Н. А. Виташевского „Из наблюдений над якутскими шаманскими действиями". Сбори. Музея Антр. и Эти. Акад. Наук, 1918, т. V. в. 1; стр. 184—188.

Статьи и заметки о В. М. Ионове.

1. *Дейч Л. Г.* 16 лет в Сибири. Изд. „Девятое января". М. 1924 стр. 334.
2. *Деникер И. Е.* Воспоминания. С предисловием и примечаниями Ш. М. Левина. „Каторга и ссылка", 1924, № 4; стр. 36 и 43.
3. *К-в К.* В. М. Ионов (некролог) Автономия. Якутия, 1924, № 26 (423).
4. *Николаев В. П.* Якутский край и его исследователи. В. 1. Якутск 1913.
5. *Осмоловский Г. Ф.* Карийцы. (Материалы для статистики русского революционного движения) II. Биографические сведения. „Минувшие Годы" 1908, июнь, № 7.
6. *Пекарский Э. К.* Записка о рукописях, оставшихся после смерти В. М. Ионова. Протокол заседания Росс. Акад. Наук, по отд. историческ. наук и филологии. 25 окт. 1922, § 18. (Известт. Акад. Наук 1922, Серия VI.)
7. — Записка о словаре якутского языка. Изв. Акад. Наук, 1905, т. XXII, № 2; стр. 05—06.
8. — Предисловие к составленному автором „Словарю якутского языка", в. 1. С.Пб. 1907. Т. 1. Петр. 1917.
9. — Отрывки из воспоминаний. „Каторга и ссылка", 1924. № 4; стр. 98—99.
10. *Приклонский С. В.* Открытое письмо В. М. Ионову. Отд. брошюра. Як. 1908.
11. *Попов Г. А.* Очерки по истории Якутии. Як. 1924; стр. 99, 101—105.
12. *Хороших П. П.* Якуты. Опыт указателя историко-этнол. литературы о якутской народности. Под редакцией и с пред. Э. К. Пекарского. (Посвящен. памяти В. М. Ионова). Изв. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. О-ва. 1924, т. XLVIII, в. 1. Ирк.

Иркутск—Ленинград.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] Биографических данных о В. М. в литературе не имеется, кроме кратких упоминаний в перечисляемых статьях и заметках.

Автор приносит глубокую благодарность проф. М. К. Азадовскому и Г. С. Виноградову за просмотр и дополнения очерка; особенно же автор благодарит Э. К. Пекарского, которым внесено в очерк много дополнений из личных воспоминаний. Благодаря вниманию этого ученого, автор имел возможность, во время командировки в Ленинград, ознакомиться с его домашней библиотекой, с перепиской В. М. и другими документами. Приносит автор глубокую благодарность и супруге покойного, Марии Николаевне, давшей ряд биографических сведений о В. М.

[2] Несколько иные сведения имеем в журнале: „Каторга и ссылка" за 1924, № 4, где указано, что В. М. был заключен в Новобелградскую Центральную тюрьму в 1877 г., откуда в 1882 г. он был переведен в Кару, а 1883 г. вышел на поселение в Якутскую область (стр. 99).

[3] *Г. А. Попов.* Очерки по истории Якутии. Як. 1924, с

[4] *Попов.* Очерки по истории Якутии, стр. 101—105.

[5] „Жив. Старина" 1913, в. 3—4 стр. LI—LV; 1916, в. 2—3; стр. 13—18; Изв. Русск. географ. О-ва, 1916, т. LII, в. 3, стр. 29—31.

[6] Основные свои мысли по этому вопросу В. М. выразил в двух редакционных статьях: „От редакции" и „О сотрудничестве местных работников" (Жив. Старина, Прил. № 1, 1915; 1916, в 1: стр. 5—7. Прил. Журнал заседания Отд. Этнографии).

[7] Статья была представлена в заседании Историко-филологического Отделения Академии Наук 13 февр. 1915 г. Изложена по материалам, собранному В. М. во время Якутской Экспедиции 1894—1896 г. г.

[8] Тема эта в несколько иной обработке была предметом доклада в заседании Отделения Этнографии Русского Географ. О-ва 1 апреля 1916 г.

[9] Доложено в заседании Историко-филологического отделения Академии 16 января 1913 г.

[1] Выписка из протокола заседания Отделения Исторических наук и филологии Росс. Акад. Наук от 25 сентяб. 1922 г. § 185 (Записка Э. К. Пекарского об оставшихся рукописях В. М. Иохел. См. Изв. Росс. Акад. Наук 1922, стр. 140—142.).

[11] Василий Александрович Ендрихевский — товарищ В. М. по Якутской ссылке. Письмо сообщено Эд. Карл. Пекарским. Автор приносит глубокую благодарность Э. К. за сообщение этого ценного документа.

Н. Попов.

Остатки доисторического человека около села Бадай.

В первых числах июля 1920 г. в Иркутский Отдел Географического О-ва поступило от заведующего Бадайским кирпичным заводом письмо о нахождении недалеко от села Бадай остатков доисторического человека. Для перевозки найденных предметов и для производства археологической разведки Географическое О-во командировало в с. Бадай меня.

В 80—85 верстах от Иркутска, по дороге от с. Мальты в Бадай, расположен кирпичный завод, принадлежавший некогда инженеру Тихомирову и теперь еще известный среди местного населения под именем „тихомировского". При постройке зданий для размещения конторы рабочие натолкнулись на остатки человека. Место находки расположено от завода саженях в 50, на высоком крутом берегу реки.

От склона до места залегания остатков человека сажен 10—15. Около самой воды идет узкая песчаная коса. Рельеф местности в общем довольно живописный. Левый берег реки низменный, ровный, покрытый мелким лесом. Правый холмистый и весь распахан. Река Белая, впадающая в реку Ангару вереты на четыре ниже, делает около завода изгиб, образующий много заводей удобных для неводьбы.

Крестьяне-рыболовы говорят, что на реке Белой есть два рыбных места: одно при впадении реки в Ангару, другое против Тихомировского завода.

Климат сухой, суровый с прозрачным чистым воздухом. Для обитания человека место имеет много удобств.

Преобладающей горной породой в окрестностях завода является известняк и кремень. Последнего в особенности много,

при чем отдельные куски кремня отличаются значительной величиной. Почва глинистая. Для изделия кирпичей завод добывает глину непосредственно у себя под боком; это является причиной многих огромных оврагов.

Многочисленные в окрестностях завода оползни дают возможность наблюдать геологическое строение поверхности. За растительным слоем идет небольшой слой глины, за которым начинается узкий слой бурого каменного угля, потом новый слой глины и опять слой каменного угля, затем опять глина и опять уголь и т. д. Некоторые слои глины смешаны с большим количеством извести, другие—с железом. Глина, песчаник, глина, смешанная с песком, глина с кусками кремня, известняк, известняк с глиной или железом,—вот главные элементы, которые в разных комбинациях встречаются в геологических слоях местности, перемешиваясь со слоями каменного угля.

В вертикальном разрезе поверхности, произведенном рабочими при сравнивании поверхности для постройки землянки, пласты расположены следующим образом.

1) Растительный слой, 2) Серая песчаная глина с кремневой галькой, 3) Песок с кремневой галькой, 4) Жирная глина с обломками песчаника и небольшим количеством кремневой гальки.

Остатки человека найдены были в третьем слое—в слое с отточеной кремневой галькой. Найдены были череп человека, несколько позвонков, роговой нож, шило.

Череп сохранился довольно хорошо; черепная коробка оказалась настолько крепкой, что осталась совершенно целой, несмотря на довольно крепкий удар кайлой, нанесенный ей рабочим во время раскопки. Челюсть у черепа отсутствует. Череп длинный, лоб невысокий, сильно развита затылочная часть. Костяной нож, величиной около четверти, сделан из рога северного оленя. Колющая часть его довольно хорошо отточена, противоположный от острея конец немного закруглен. Шило, длиною вдвое меньше ножа, сделано тоже из рога оленя.

Нож и шило, по словам рабочих, валялись недалеко.

Рассматривая образовавшийся вертикальный разрез около места залегания костяка, я заметил, что геологические пласты совершенно целы; нет и следов кровавика, которым древние люди имели обыкновение осыпать своих мертвецов.

Для дальнейшей раскопки мне пришлось очистить поверхность от земли, насыпанной рабочими во время копания. Работа эта, затрудняемая постоянными дождями, отняла у меня много времени и, собственно, на раскопку я мог употребить только часть дня накануне моего отъезда.

Мне удалось прокопать траншейку аршина полтора длиной, около поларшина шириной и четверть аршина глубиной. На этом пространстве я нашел только ощепки. Некоторые из них настолько характерны, имеют так хорошо выраженный ударный бугорок, волнистость и лучистость, что сомневаться в их происхождении от руки человека не приходится.

Человек, выкопанный рабочими, видимо, относится к неолитическому периоду: за это говорят и особенности его черепа (череп длинный, низкий лоб, развитая затылочная часть) и совершенство отделки найденных орудий из рога.

Небольшое количество найденных находок не дает оснований к широким построениям, и о прошлом окрестностей завода можно строить лишь самые общие предположения.

Целость геологических пластов, отсутствие кровавика, нахождение ощепков поблизости костяка и в стороне от него говорят за то, что мы имеем дело не с погребением, а с случайной смертью на обитаемой раньше местности. Трудно было бы предположить, что древние аборигены, боявшиеся покойников и хоронившие их вдалеке от себя, устроили погребение в местности, удобной для обитания и рыбной ловли, и тем самым лишили бы себя возможности бывать там. Скорее, что это какая-нибудь случайная смерть на стоянке людей неолитического периода. Быть может, загадочность смерти, внушавшей ужас остальным обитателям, побудила их покинуть свою прежнюю удобную стоянку, оставив в неприкосновенности и виновника переполоха—умершего, который и дошел до нас, таким образом, лежащим посреди остатков бывшей стоянки.

Пространство между Мальтой и Бадаем было, видимо, сильно обитаемо в древности. Черским найдены около Бадая остатки городища; на берегу реки Белой М. П. Овчинниковым открыто было много обитаемых пещер; следы обитания человека найдены и около теперешнего железнодорожного моста через реку Белую, где М. П. Овчинниковым была открыта писаница, которую постигла печальная участь: при постройке моста она была разломана, и отдельные части ее были употреблены, как строительный материал.

Предположение, что место нахождения стоянки было неолитической стоянкой, подтверждается близостью реки, удобной в этом месте для неводьбы, что для людей неолитического периода, занимавшихся, главным образом, рыболовством, было очень важно.

Этнологическая Секция в 1924 году.

I.

Общий отчет о деятельности этнологической секции.

В отчетном году деятельность этнологической секции была построена на несколько иных началах, чем в предыдущие года. В прошлом—деятельность секции в целом слагалась, главным образом, из работ отдельных исследователей-работников. Соответственно этому и заседания секции были непериодическими, но созывались по мере накопления материала. Вместе с тем не все члены секции были вовлечены в работу.

Главной задачей секции в отчетном году и явилось сплочение всех сил на выполнении тех или иных секционных заданий. Поэтому работа этнологической секции за отчетный период составилась 1) из отдельных исследовательских работ членов секции, соответственно их интересам и 2) работ по заданиям секции.

Таких заданий было два основных:

1) Секция постановила составить и опубликовать ряд программ-инструкций по разным отраслям этнографии и фольклора. Прежние схематические программы-вопросники далеко не всегда удовлетворяли работников на местах и потому не могли оправдать возлагавшихся на них надежд. Необходимо было задуматься над составлением таких программ, которые, на ряду с вопросниками, включали бы в себя как теоретические, так и главнейшие библиографические, указания, а главное—делились бы живым опытом собирателя.

Составление таких программ было поручено М. К. Азадовскому (по устному творчеству), ему же совместно с Г. С. Виноградовым (об отражении революции в современном фольклоре); Л. А. Болдыреву-Казарину (по народному искусству русского населения); Г. С. Виноградову (по детскому фольклору), ему же совместно с П. Я. Черных (по собиранию материалов для изучения сибирского просторечия);

В. А. Малаховскому (по изучению русских говоров Сибири); В. Ин. Подгорбунскому (по археологии); П. П. Хороших (по изучению детского рисунка у туземных племен Сибири).

Некоторые программы уже составлены и опубликованы в печати в специальной серии под названием „Библиотека собирателя" (под редакцией М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова), другие подготавливаются к печати.

2. Другое задание было библиографического характера. Учитывая огромные пробелы в библиографии этнографической литературы о Сибири, секция постановила выполнить ряд работ по библиографии, дополнив труды Межова, Азадовского и Слободского в области библиографии сибирской этнографии.

Были даны следующие поручения:

М. К. Азадовскому—Библиография этнографической литературы в русской журналистике за время 1901—1917 г.г.

Е. Я. Самойлович—Библиография сибирской периодики за годы революции (1918—1923).

В. А. Головщиковой—Библиография этнографической литературы в русских иллюстрированных изданиях.

П. П. Хороших—Библиография этнографических программ.

Кроме того, отдельными членами секции ведутся библиографические работы по отдельным народностям: П. П. Хороших опубликовал работу об якутах; им же готовится к печати работа по библиографии туземных племен Д. Востока.

Занятия секции были периодическими—раз в две недели. Начиная с апреля месяца 1924 года (т. е. со времени избрания нового президиума и возобновления работ секции) и до летнего перерыва состоялось три заседания, после летнего перерыва, с сентября по январь месяц 1925 года—8 заседаний.

Кроме организационных вопросов, сообщений о поездках и порученных работах, на заседаниях секции читались след. доклады:

Подгорбунский В. И.—„Две карты тунгуса с реки Маи".

Попов А. В.—„Новый труд Лопатина „Гольды амурские, сунгарийские и уссурийские".

Азадовский М. К.—Библиографический указатель „Якуты" П. П. Хороших.

Хороших П. П.—„Итоги и задачи изучения образцов изобразительного искусства бурят" (С приложением программы для изучения изобразительного искусства бурят).

Подгорбунский В. И.—„Хамаргаи-джил.—Год переполоха 1849 г".

Кроме того, секцией по согласованию с кружком „Народоведения" при Иргосуне и Союзом Работников Просвещения были устроены три открытых заседания с докладами инструктивного характера:

1 июня 1924 г. Азадовский М. К.—„О собирании памятников устного творчества".

21 июня 1924 г. Болдырев-Казарин Д. А.—„О собирании и изучении народного искусства в Сибири".

19 октября 1924 г. Малаховский В. А.—„Об изучении народных говоров в Сибири".

Работа секции в отчетном периоде смогла также оживиться благодаря полученной ВСОРГО специальной субсидии от Главнауки на научные экспедиции.

Конечно, полученные суммы были крайне недостаточны и могли явиться только частичным подспорьем, но все же ряд поездок мог быть осуществлен благодаря этой поддержке. Поездки были совершены:

1. Веселовым Н. И.—В устье реки Селенги для этнографических и археологичкских обследований.

2. Дебец Г. Ф. —В Забайкалье для археологического обследования.

3. Малаховским В. А.—В Посольский район для изучения русских говоров.

4. Виноградовым Г. С.—В Енисейскую и Акмолинскую губении для этнографических наблюдений.

5. Леоновым Г. А.—В Кузнецкий район для этнографического обследования долины реки Кондомы.

Кроме того, без денежной субсидии была совершена поездка М. К. Азадовским—в с. Усть-Балей для изучения нового быта и Е. Я. Самойлович для сбора материалов по фольклору в с. Марково.

Все перечисленные лица сделали в заседаниях секции доклады о своих поездках.

Издательская деятельность секции выразилась в организации уже упомянутой непериодической серии, под общим заглавием „Библиотека собирателя", под редакцией М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова.

Отчет Этнологической Секции.

Напечатано: М. К. Азадовский—„Беседы собирателя. О собирании памятников устного творчества", Г. С. Виноградов и П. Я. Черных—„О собирании материалов для словаря русского старожилого населения Сибири".

В ближайшее время будут опубликованы еще три выпуска, посвященные диалектологии, детскому фольклору и отражению революции в устном творчестве.

Кроме того, в издании секции, вне серии в ближайшее время появится работа П. П. Хороших—„Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири".

В отчетном году секция насчитывала 25 членов. С апреля до декабря 1924 года президиум секции состоял:

М. К. Азадовский—председатель секции, А. В. Попов—тов. председателя, А. М. Попова—секретарь.

С декабря месяца президиум работает в составе: М. К. Азадовский—председатель, В. И. Подгорбунский—тов. председателя и Ф. Э. Карантонис—секретарь.

Из отчета Г. С. Виноградова о поездке в Енисейскую и Акмолинскую губернии.

Поездка по поручению ВСОРГО для этнографических занятий в Красноярском и Омском музеях благоприятно связалась с возможностью выполнить небольшую полевую работу в русских поселениях, приютившихся около Кокчетавских гор. Наблюдения велись преимущественно над бытом русского населения; жизнь киргиз и татар занимала меня только, как туриста.

„Когда ищешь любимое, дует попутный ветер". Наблюдения начались еще в вагоне. От женщины из Кургана, няньчившей своего ребенка, удалось записать некоторые сведения, относящиеся к *народной педагогике*, и тексты *потешек*.

От Петропавловска путь лежал в Боровое. Лошадей подали с незнакомым мне до сих пор украшением на уздах: „переносья" опушены „барсучьей шерстью". То же самое наблюдалось почти на всех станках „веревочки", тянущейся 235 верст через степь, как у русских, так и у киргиз. Многочисленные опросы показали, что это—средство от волков и от порчи.

Дома, избы, надворные постройки в степи, взаимоотношения русских и киргиз, русских и татар, время поселения рус-

ских, первые насельники, — словом, все, что давало материал для моей основной работы *о судьбах славянского племени в Сибири*, было предметом внимания. Так как остановки в населенных пунктах были непродолжительны, мои записи, к сожалению, не отличаются ни полнотой ни обстоятельностью; к тому же район путевых наблюдений по необходимости представлял собою цепь русских поселений, вытянувшуюся почти геометрической линией.

Длительная (весь август) остановка в поселке Боровом была использована на собирание материалов для *словаря русско-сибирского просторечья*, по *детскому фольклору* и некотор. др. Случайные наблюдения дали возможность пополнить небольшим числом записей несколько лет собираемые мною материалы по той отрасли словесного искусства, которую можно бы назвать *народным прозорским искусством* или, лучше, *народным красноречием*.

Путь от Борового до Омска (320 верст) был совершен в условиях, мало благоприятствовавших наблюдениям.

Благодаря любезности администрации Омского Краевого Музея, я получил доступ к музейным коллекциям, хотя в здании происходил капитальный ремонт. В музее мое внимание привлекли коллекции русского отдела. В продолжение недели я занимался изучением мужской, женской и детской *одежды и украшений* старообрядцев, крестьян и казаков (на такие три группы распадаются коллекции интересующего меня отдела).

Кроме праздничной и будничной одежды, коллекции заключают в себе одежды погребальные (старообрядческие).

Женские рукоделия (кружева, вышивка, брачи, тканье и пр.) представлены многими образцами. Имеются коллекции предметов, связанных с уходом за ребенком в первый год его жизни. Из отделов туземной этнографии я интересовался только *детскими игрушками* (в музее имеются сартские, татарские, остяцкие; русские игрушки представлены слабо).

За время пребывания в Омске удалось добыть некоторые материалы и для *био-библиографического словаря сибирских этнографов*.

Условия для научных занятий в Красноярском музее особенно благоприятны. Десять дней, проведенных там, я считаю весьма плодотворными. Правда, красноярцы в это время тоже ремонтировали здание музея, и я не мог выполнить все намеченные работы; но это обстоятельство, вызвав сокращение программы, углубило ее отдельные пункты. Мне удалось также

и здесь пополнить материалы для *био-библиографического словаря сибирских этнографов;* удалось осмотреть часть интересующих меня этнографических коллекций русского отдела.

В коллекциях имеются, между прочим, предметы, относящиеся к *сибирской ямщине*. Это дало мне возможность набросать несколько новых и, кажется, содержательных страниц для подготовляемого мною к печати этнографического очерка „Сибирская ямщина". Беседы с А. Я. Тугариновым укрепили мою мысль в необходимости и своевременности этой работы, а помощь его в составлении наброска *программы для собирания сведений о ямщине* немало поспособствовала ускорению дальнейшего собирания нужных материалов.

В мое распоряжение был предоставлен карточный каталог русского отдела музея, являющийся ценным источником для *словаря русско-сибирского просторечья*; использовать его на этот раз удалось только частично.

На красноярском *Старом Базаре* в продолжение нескольких дней я находил прекрасных собеседниц—крестьянок из окрестных деревень, от которых записывал, следуя примеру великих учителей, *словарный материал*.

В заключение считаю приятным долгом сказать спасибо ВСОРГО за моральную и материальную поддержку.

Краткий отчет Г. А. Леонова о поездке на р. Кондому летом 1924 г.

Летние месяца (конец июля и август) мною были проведены в этнографической экскурсии в долине р. Кондомы по поручению Этнологической секции В. С. О. Р. Г. О. с целью сбора материалов и сведений по народному искусству.

Р. Кондома протекает по так называемому горно-таежному району юго-западной части Кузнецкого уезда, Томской губ. Местное население занимается г. о. хлебопашеством и пчеловодством; как подсобный промысел существует в незначительных размерах звероловство. Мною были посещены все русские (кроме двух заимок) и туземные поселения по обоим берегам р. Кондомы нижнего и среднего течения, от устья до ул. Усть-Тельбес.

Главное внимание при сборах материалов и сведений обращалось на русское старожилое население. Наибольший материал в этом отношении дали русские заимки, разбросанные в

прикондомской тайге. Собранный материал представляется б. ч. в зарисовках. Собранные материалы распределяются на две группы: 1. материалы по народному искусству и 2. незначительный фольклорный материал.

Добытые материалы по первой группе представляют собою до сотни зарисовок, сведения о народных художниках и по технике нар. искусства. В зарисовках воспроизведены оригиналы:

1. По народному изобразительному искусству: а) раскрашенные прялки с изображением орнамента, цветов и человеческой фигуры, б) тканые узорчатые опояски, в) вышитые каймы полотенец, г) каймы простынь (одна из них с изображением родни вышивальщицы), д) серия цветных половиков, е) детали костюмов и проч.

2. По народной деревянной скульптуре: а) некоторые из вещей хозяйственного обихода (скалки, дуги и проч.), б) резные кнопы, в) зарисовки наличников без окраски и раскрашенных, д) деревянная архитектура (избы, ворота, резьба на постройках и т. п.).

Помимо зарисовок собраны немногочисленные сведения по технике изобразительного искусства и деревянной скульптуры. Имеются опросные данные относительно материала и техники тканья и вышивания, а так же и по крашению.

При совершении экскурсии было обращено внимание и на народных художников местного края. Из таких удалось встретить только одного М. И. Кашникова на заимке Окушкиной. Этот художник сохранил отчасти свою самобытность, любит искусство и мечтает о школе. В области живописи он находится под сильным влиянием старообрядческого быта, а в своем поэтическом творчестве отражает стиль глубокой старины и влияние форм народной лирики. От М. И. Кашникова записана интересная биография и получены некоторые данные о местных художниках и их рисунки, но некоторых из них нельзя отнести к типу чисто народных, как напр. т. Моисеев А. Ф. на Усть-Тульбесе, который кончил художественные классы в Москве.

Помимо этого было обращено внимание на вопросы понимания искусства и отношения к нему и к народным художникам со стороны местного старожилого населения.

Фольклорный материал представлен г. о. записью восьми сказок с сохранением особенностей говора, сведениями о сказочном материале и сказочниках посещенного района (быв. волости Кузнецкая и Кузедеевская). При записях сказок от трех сказо-

чиков взяты биографические данные. Кроме того, произведены немногочисленные фонетические записи говора, записаны некоторые из детских песенок. По народной поэзии записано свыше двухсот частушек, задевающих революционные переживания деревни, бытовые мотивы и проч.

В заключение считаю нужным отметь активную помощь при собирании этнографических материалов со стороны ячейки РЛКСМ села Куртукова и ямщика ямской станции Михайловки, Александра Кавелина. Местное население в большей своей массе относилось к зарисовке вполне доброжелательно; за время разъездов мною ни разу не было получено намеренных отказов в даче тех или иных сведений и объяснений.

Отчет Вс. Ант. Малаховского о диалектологической поездке в село Посольское (оз. Байкал) в августе мес. 1924 г.

В августе месяце 1924 г. по поручению Этнологической секции ВСОРГО я ездил в диалектологическую поездку в село Посольское (оз. Байкал).

Байкальские говоры, вообще, слабо изучены. По словам проф. Селищева („Диалектологический очерк Сибири" Вып. I. Иркутск, 1921.), кое-какие сведения о говорах вокруг Байкала имеются лишь относительно Баргузинского района.

Поездка моя продолжалась немного более двух недель (с 15 VIII—10 IX); на более продолжительную поездку не хватило средств. Ввиду Посольска, послужившего мне главным, центральным местом моих наблюдений, я посетил села: Большеречинское (12 верст от Посольска) и Исток (10 верст от Посольска). Большеречинское расположено по линии Заб. жел. дороги, в четырех-пяти верстах от станции Посольская. Само с. Посольское отделено от станции железной дороги 12 верстами трудно проходимой дороги: по болоту местами, кстати беспорядочно навалены бревна, сообщение по которым, конечно, крайне затруднительно и неудобно: на лошадях по этой дороге ездить невозможно и жители Посольска охотнее пользуются небольшой речкой, впадающей в Байкал около Посольска, по которой и сплавляются от Большеречинска более или менее тяжелые грузы.

Так как целью моей поездки были диалектологические наблюдения, то, естественно, что я, главным образом, обратил

внимание на обычную, разговорную речь жителей. Очень много записей сделано мной во время непринужденной беседы в посольской „патрибилофке“ и в деревенском клубе: на завалинке. По обычаю, вечером, перед сном старики собираются у излюбленной избы и садятся на бревна. Начинается беседа, передаются друг другу последние новости. Кроме чисто диалектологического материала, мне удалось записать от П. К. Кононовой несколько песен „Савцько винаградьи“, „Тюрмну“, „Прагалсну“ и три „Свильбишных“; кроме того, от И. Г. Бельского записана „Сказка о попе, вше и блохе“.

С. Посольское основано в 1681 г. В этом году было положено основание монастырю в память убитого на этом месте „Российского посла“ Ерофея Заболоцкого (1650 г.). Вокруг монастыря, расположенного на высоком холме, выросло село—монастырский посад. Монастырь обнесен высокой каменной оградой с бойницами и башнями по бокам. Памятники старины: церковь и могила Заболоцкого (с выстроенной над ней часовней) разрушаются; в церкви выбиты кое-где стекла, облезла штукатурка, в часовне над могилой Заболоцкого толпятся вокруг черного чугунного креста козы. За сохранением этих памятников следить некому. Архив, бывший в монастыре, частью несколько лет тому назад сгорел во время пожара, частью вывезен в Верхнеудинск, в тамошний женский монастырь. Монастырь сейчас опустел. В нем живут четыре монашки старухи. В таком большом селе, как Посольское, нет даже школы. Одно из монастырских зданий, кстати сказать, прекрасно выстроенное, двухэтажное, высокое, светлое, было отдано под школу, но уже больше года, как школа закрылась: нет средств. Жители занимаются, главным образом, рыболовством, земледелие стоит на втором плане: пахотные земли около Посольска плохие, почвы болотистые. Культурная жизнь идет крайне слабо: есть изба-читальня и кооператив, но культурной работы никакой не ведется. Немаловажный для современной деревни вопрос с самогоном решается просто: „не гоним, нам ни к чему“, —рассказывают крестьяне.—„в Верхнеудинске сколько хошь и спирт и очищенна“. Посольцы тяготеют к Верхнеудинску, который от них, сравнительно, близок.

Окруженный болотами, почти безлесный, Посольск производит грустное впечатление: избушки маленькие, серенькие (отсутствие леса) и только монастырь все задавил своей громадой. Редко, редко около изб торчит жалкое тощее дерево: береза или сосна. Улицы грязны, пыльны. „Гибло наше место—Пасольск“,—сказала одна из жительниц в разговоре со мной.

Говор посольцев по типу похож на средне-великорусский переходный говор: основа этого говора северно-великорусская, но с рядом южно-великорусских особенностей. Интересно отметить, что некоторые жители Посольска говорят, как чистые северно-великоруссы (напр. К. С. Кононов, старик 65 л.), но их немного. Большинство населения говорит по южновеликорусски. Отмечу наиболее основные черты говора: 1) *недиссимилятивное аканье*, т. е. произношение *а* в 1-ом предударном слоге независимо от гласной: пайщут, хазяин, ват'плый, вадаму и пр. 2) *сильное яканье* т. е. произношение неударяемого орфогр. *я, е. и* в предударном слоге, непосредственно перед ударением в виде *я* во всех случаях: пясо́чку, бяр'ти, ряка́, сями (семи), привясьти; но отдельные лица произносят перед мягкими согласными *и*: сими (семи), пачирне́л, пирилижа́л и т. д. 3) *согласные звуки*: звук *л* произносится в конце слов и перед гласными заднего и среднего ряда и перед твердым согласным, как билабиальное *у* неслоговое (обозначается через w): маwы д'тушьки, заwато́й, пашwа, cwятки, но у некоторых этой билабиальности нет: кислый, сп'ла ягода; звуки *з, с* произносятся с очень слабой шепелеватостью: ужес ъ, с ими (семи), з има, з дерева (перед гласными переднего ряда или перед смягченным согласным): аффриката *ц* разложилась на составные элементы: т с—т сь (цень), у некоторых *ч* и *ц* смешиваются: цетыря (четыре), цетьверьть (четверть); *г* взрывной, мгновенный. В области морфологии необходимо отметить наличие стяженных форм: капш (капишь), выделяцца (выделяется); *одевать, поливать* спрягается так: одию, одишь, одим, одите, одеют (полию, полишь и т. д.); слова; *путь* жен. рода: эта путь, матерьй—среднего: како хорошо матерьй; вм. литер. во рту—в р'те, и т. д. В синтактическом отношении говор посольцев мало чем отличается от норм литературной речи; любопытно частое употребление частицы *ко*: „Пусть напр'буютко", „ето я ос'бе завяжу-ко", „а хто их знаит-ко". В словаре интересны: *сакуй*—ледяной нарост на берегу Байкала: „в' какой сакуй намел'"; *столб*—невод (10-ти сажен)—„хорош ст'ли сплели"; *обизорно*—хорошо, уютно; „необизорно у тя в изб'"; *заб'ка*—маленький лесок у края открытого поля: „падъ'хали к самой к заб'ке".

Говор большеречинцев по сравнению с Посольским не представляет особенностей. В говоре Истокцев рельефнее выступают следующие черты: мена *ч* и *ц*; шепелеватость *з* и *с* переходит в шипящие *ж* и *ш*: шéра (сера), жы́зе (жы́же), рашшол (рассол), гушей (гусей), Вашылий (Василий), жемля (земля), ждешь (здесь), вжяшть (взясть).

В качестве примера привожу небольшие отрывки из записей—отрывки из разговоров:

Йиво ни мочат, пад рóсы кладут. Выляжывацца лён-та. Если тéмнай—пириляжал, пачирнéw ат рóсту. Канаплё—тó лучьше бывáт. Ны́нче зáсуха хватиwа, Овошшы, угурцы сóдют. Старики—те замечéют и асенню (осéнью) ни ждýт (рыбу): па вéтру и па вадé узнают—ни с тóй стараны вéтир. С вясны иней хватиw. Пустосвéт дáвит налéву, палиём (поливаем), палиём, а всé налéву нéту, а пустосвéту мнóга. Гибwо мéсто éтат Пасóльск! Сáмо гибwо мéсто, куды худо.

(С. Посольское. А. А. Бельская, 22 л.).

Шем (семь) капеéк тибé на абрáтную путь.—Аддаwá—так пожуцéй-ка. Кто ета ждéwаw тажик-та брáвенькой? Вжвéшим, жапишем, патом придёсь. Где шéра (сéра)? Шéшь гушéй быwа: как выштрелю, ни адной ништáwо. Касю́, касю (кашу), а вше травы мáwо. Ты чо ждешь (здесь) встаw-то?

(с. Исток. Ст. Ив. Пушкарев, 75 л.).

В заключение считаю своим долгом выразить Этнологической секции ВСОРГО благодарность за предоставленную мне возможность совершить поездку.

Отчет Е. Я. Самойлович о летних наблюдениях

среди крестьян дер. Марковой и др., Смоленской волости, Иркутской губ.

Лето 1924 г. мне пришлось жить в дер. Марковой, где я, по поручению ВСОРГО, занялась собиранием этнографического материала.

Небольшая деревня Маркова, до 50 дворов, находится в 11 верстах от Иркутска. Рассказы старожилов утверждают. что стоит деревня более 200 лет.

Целью моих наблюдений, в настоящий момент, было проследить, насколько сохранились старинные обычаи и песни и что нового внесла современность в деревню.

Для сближения с населением, я сначала занялась регистрацией неграмотного населения, чте дало мне возможность свободного входа в каждую избу. Школы в деревне никогда не было, и население в большей его части (70%) неграмотно, остальные малограмотны. В настоящее время замечается огромная тяга к учению.

Наблюдателю бросается в глаза два, резко выраженных типа: одни смуглые, черноглазые, с черными вьющимися волосами; вторые белокурые с голубыми глазами. Большинство крестьян д. Марковой рослые, здоровые. Марковцы редко женятся на односельчанах, а берут невест в соседних деревнях.

Главное занятие жителей хлебопашество и дровяной промысел. Сдача домов на лето в аренду дачникам является подспорьем. Население можно назвать средняцким и бедняцким наполовину. Жалуются на недород последних лет. Разорению способствовала гражданская война. Вспоминая проход каппелевцев, говорили: „все тогда решили у нас“, „с того время и поправиться не можем“, „как саранча прошла“.

Хлеба своего у большинства не хватает на зиму, приходится покупать в городе. На глазах, среди разгара летних работ, везли в город дрова и, продав их, обратно везли муку.

Несмотря на близость к городу, крестьяне деревни Марковой до сих пор жили своими старинными обычаями. Например, свадебный обряд совершался во всей его сложности. В настоящее же время молодежь относится критически, смеются над стариками. Да и сами старики иногда добродушно говорят: „дурности то сколько было“. Но еще многое сохранилось из старого. Как на пример, могу указать на народную свадьбу. Из свадебных мне удалось записать до 25 песенных текстов.

Интересно отметить, что в Марковой и соседних деревнях главным действующим лицом является тысяцкий, а дружка совсем отсутствует. Тогда как все записи предыдущих лет по Сибири отмечают главное участие дружки в свадебной церемонии.

Наряду со сложным выполнением старинного обряда и венчанием в церкви, в соседних деревнях появляются совсем упрощенные свадьбы, ограничивающиеся одной регистрацией в ВИКЕ и вечерней пирушкой.

Отчет Этнологической Секции.

Удалось побывать на крестинах и записать крестинные обычаи. До нынешнего лета октябрины в Марковой не устраивались, а в соседних деревнях уже устраиваются.

Праздники празднуются по старому стилю. В новые праздники все работают. Церковь в 6 верстах от деревни и ходят или ездят только исполнять необходимые требы. Летний пост соблюдают одни старухи.

У врачей лечатся мало. Лечатся своими средствами. Удалось составить список лекарственных трав, а также записать 4 наговора: „от укуса змеи", „от ихтю", „на крофь" и „для обеспечения удачи на суде".

Кроме перечисленного удалось записать песни, поющиеся „на полянке", на вечерках, и песни военные. Наряду со старыми встречаются песни с новым элементом. Для примера приведу отрывок из одной наиболее часто поющейся „протяжной песни"

. . . . Вдруг в кустах раздался шорох,
Вспыхнула, горит,
Молодой красноармеец
Перед ней стоит...

Молодежь поет некоторые песни, поющиеся в городе. Например: По Дону гуляет казак молодой..., Спускается солнце за степи... и др. Излюбленной же является частушка; часто среди пения „длинной" песни, вдруг кто-нибудь резко затягивает „яблочко". Песня бросается, подхватывается частушка и уже к песне не возвращаются. Из песен записаны „игровые", „протяжные", „плясовые"; мелодии пока не записаны.

Побывала на вечерке (в покров). Текстов разных песен мне удалось записать до 70. Частушек записала более 400: частушки бытовые и политические. Все тексты проверялись у разных лиц.

Вечерки теперь устраиваются с разрешения Предкресткома. На вечерках—смесь старинных игр с песнями. Игры перемежаются с городскими танцами, хоть любимой является старинная восьмерка под гармошку.

Летом вечерок не бывает, гуляют только после „помочей", устраиваемых во время покосов и уборки хлеба. „Осеням то начнутся вечерки"—говорили мне.

Сделала кое-какие записи по детской этнографии. Записала несколько игр. Интересно, что современные слова и образы внедряются уже в детское сознание. Дети слышат частушки взрослых и повторяют их. На пример, бежит за бабочкой 4-летний мальчик и поет:

Бабоська, куды котисся,
В гупподвай попадесь,
Не ваётисся.

Дети играют строго обособленными группами. Лет с 3—4 большинство ребят уже бегают по дворам и улице совершенно без призора. Дети старше 11—12 лет являются помощниками в семье. Где нет старших детей, там заставляют водиться малышей лет 4-х. Они качают люльку и играют с младшими, пока те начинают ходить.

Из игр групповых самые распространенные „в прятушки", „палочку-застукалку", „запятнушки", „бабки", „городки", „лошадки" и др. просто импровизированные игры с любым предметом. Девушка из Тальян, (Тихоновской вол., Балаганского уезда, Иркутской губ.) мне рассказывала, что любимой игрой у ребят является игра в красных и бандитов.

Среди других материалов записала 6 детеких считалок.

Предварительный отчет И. И. Веселова о летних полевых работах 1924 г.

Летом 1924 года по поручению ВСОРГО мною была совершена поездка в устье р. Селенги с историко-этнографическими целями. Из Лиственичного, переправившись через Байкал, я высадился в с. Оймуре и берегом через д. Дубинино, д. Инкино, д. Шерашево, с. Кудара, с. Дума, д. Красный Яр, с. Творогово, с. Степно-Дворец и с. Исток проехал в с. Посольск и по жел. дор. вернулся в гор. Иркутек.

Основным заданием моей поездки являлся вопрос о состоянии сельских архивов и запись преданий о первоначальном заселении края. При содействии местных советов мною устраивались со сторожилами беседы, давшие краткие, но не безинтересные записи о заселении некоторых сел дельты р. Селенги и, особенно, Посольска, в былые времена являвшегося центром, из которого шло заселение, не только устья р. Селенги, но и ряда других пунктов по берегам оз. Байкала, в том числе с. Б.-Голоустного.

После обследования архивов пришлось вынести самое безотрадное впечатление о положении архивного дела края. По словам некоторых культурников, во многих древних селениях еще не так давно хранились в амбарах архивы конца XVII-го века. С 1917 года, в течении нескольких лет бумажного голода, все архивные дела были использованы на нужды канцелярии и растасканы, как негодные бумаги: из архивов всех вышеупомянутых селений остался в сохранности только

один архив с. Думы Кударобурятского хошуна. Архив Посольского монастыря погиб в 1917 г. во время пожара архиерейского дома; жалкие остатки этого архива были подобраны игуменьей Фатиной и увезены в г. Верхнеудинск.

При посещении села Дворец совершенно случайно мне посчастливилось в окрестностях села обнаружить следы культуры доисторического человека и собрать коллекцию керамики неолитического и железного периодов.

Открытая стоянка расположена в местности „Бараний Мыс", находится на расстоянии верстах в восьми от берега Байкала, в 600—700 саженях к ССЗ от упомянутого села Дворец. Для того чтобы найти стоянку, необходимо пройти поля, примыкающие к северо-западной части селения и перевалить гряду дюн, ориентированную в направлении с СЗ на ЮВ. За грядой этих дюн расположена ровная площадь твердого серо-коричневого суглинка, частью занесенная песком. В данном месте, среди рассеянных повсюду костей животных и человека, мною были обнаружены угли, несколько кусков шлака, обожженные зубы лошади, грубо ретушированный листовидный наконечник стрелы из желтого кремнистого сланца, железный предмет неизвестного назначения и черепки от толстостенного горшка железного периода с кольцевым и линейным орнаментом по венчику.

Невдалеке от места находок остатков доисторической индустрии, был обнаружен ряд котловин выдувания, расположенный на данной площади песка и суглинка. В одном из таких выдувов было замечено обнаженное ветром погребение, головой на юг. В ногах костяка был найден тонкостенный горшок с круглым дном, покрытый орнаментом: 1) двумя рядами ямочного горошиной наружу, 2)прямой узкой лопаточкой, расположенным перпендикулярно венчику и 3) насечкой по наружному краю венчика.

В смежном выдуве обнаружено второе погребение, видимо, железного периода: тут был найден сильно деформированный естественным путем череп и черепки от толстостенного горшка, с плоским дном, покрытым у венчика, параллельно ему, орнаментом состоящим: из одной линии, на которую был нанесен ряд поверхностных ямочек.

Невдалеке от этого места, в этом же выдуве, были найдены обломки от венчика тонкостенного горшка с орнаментом: 1) вдавления пальцами по внутреннему краю венчика, 2) ямочный горошиной наружу и 3) узко линейный, идущий наискось венчику.

Следует отметить, что находки доисторической индустрии встречены мной не первым в данном районе. Ранее в устье р. Селенги в 1921 году О. И. Толстихина отметила стоянку железного периода в окрестностях с. Творогово и Шигаева.

По сообщению местного населения, помимо данной стоянки, вся площадь селенгинского бара, начиная с д. Красного Яра и кончая с. Посольском, имеет всюду следы пребывания доисторического человека. В местности Красный Яр жители находили медные стрелы, стремена и много костей человека. Несколько лет тому назад крестьянином из Посольска на Бараньем Мысу был найден медный нож и им же в Посольске медный топор. От священника Посольска мною приобретены собранные им в местности „монастырские пашни" в окр. Посольска несколько [illegible], кремневые хорошо ретушированные мелкие наконечники стрел и несколько небольших нуклеусов. Секретарь с. Дворец, Ф. К. Могул, нашел трехгранный наконечник стрелы; наконечник этот передан мной в Иркутский Научный Музей.

Кроме того, мною сделан ряд записей этнографического характера: несколько песен о Байкале, ряд загадок, поверий и образцов местного говора.

11 декабря 1924 г.

Предварительный отчет Г. Ф. Дебеца об археологических разведках в Западном Забайкалье.

В июле и августе 1924 г., по поручению ВСОРГО, мною была совершена поездка с археологической целью в пределы Западного Забайкалья. Работы распределяются по двум районам—в центральной части Троицкосавского аймака и в долине р. Уды в аймаках Верхнеудинском и Хоринском.

В первом районе осмотрены некоторые доисторические стоянки и могильники, собран подъемный материал и произведены подготовительные работы к дальнейшим исследованиям. Почти все осмотренные стоянки открыты и описаны А. П. Мостицем (Проток. Тр.-Кяхт. Отд. РГО, 1884, № 3). Мною были посещены стоянки у с. Номохонова, у с. Усть-Кяхты, в окрестностях Троицкосавска и у с. Дурены по р. Чикою. Находятся все они на выдувах, в т. н. песчанистом лессе Селенгинской Даурии.

Находки состоят из каменных и металлических предметов и керамики. В каменной индустрии замечаются некоторые особенности: находки наконечников стрел крайне редки (в Троиц-

косавском музее их также очень мало со стоянок этого района), преобладание скребков различных типов поразительно; они составляют 75% орудий, а почти все остальные 25% падают на т. н. нуклеусы-скребки (прочие орудия встречаются, как исключение, если не считать lames). Материал для орудий в громадном большинстве темно-серый, почти черный кремнистый сланец. Интересной особенностью является почти полное отсутствие керамики неолитического характера, поскольку такое заключение может быть сделано на основании сравнения сделанных здесь находок с керамикой Приангарья. Большая часть черепков относится к железному периоду. Интересно присутствие в большом количестве, особенно на стоянке у Дурен, открытой П. С. Михно, керамики определенно китайского происхождения со следами гончарного круга и штриховым орнаментом. Из железных орудий заслуживает упоминания найденный у с. Усть-Кяхты небольшой серп.

В долине р. Уды, еще почти совершенно не изученной в археологическом отношении, работы велись в направлении маршрутного обследования края. Результаты его заключаются, главным образом, в открытии и нанесении на карту новых неолитических стоянок. Следуя маршруту, следы пребывания неолитического человека найдены в следующих местах: выше с. Онохой; у ст. Заиграево на правом берегу рч. Брянки; у ст. Илька на левом берегу рч. Ильки; выше с. Новая Курба; ниже с. Старая Курба; на задах с. Верхние Тальцы; выше с. Саномыского; против с. Кульского на правом берегу Уды: на левом берегу ее приблизительно на середине между устьями Оны и Худуна: на восточном берегу оз. Соснового; на том же берегу оз. Малая Еревна у пос. Веселого и Ширинги и, наконец, по рч. Дымшикте у оз. Шиндалай (Глухое).

В физико-географическом отношении все местонахождения имеют приблизительно одинаковый характер. Находки сделаны в выдувах, образованных в толщах аллювиальных слоисто-песчаных отложений, которые покрывают долину Еравнинских озер, среднего и нижнего течения Уды и ее левых притоков. О характере их подробнее—см. у Обручева „Геологические исследования в Забайкалье“ в 1897 г.

Величина выдувов везде ничтожна, за исключением громадной песчаной площади стоянки у с. Новая Брянь, открытой Б. С. Федюшиным и являвшейся до сих пор единственным пунктом нахождения неолитической культуры в бассейне Уды. Культурный слой там, где удалось его найти, имеет мощность в 10-25 см., залегая на глубине 30-50 см. от поверхности.

Незначительность выдувов обусловила немногочисленность находок. Однако, даже на имеющемся материале, можно видеть, что каменная индустрия района отличается значительным разнообразием форм, преобладанием микролитичности кремневой техники, употреблением для выделки орудий, преимущественно, разноцветных яшм, яшмовидных кремней и халцедона. Особенно характерны микролитические орудия, почти совершенно отсутствующие на стоянках приграничной полосы края —в долинах Селенги и Чикоя. Заслуживает упоминания также нефритовый топор, приобретенный в с. Новая Брянь у кр. Яковлева Самсона, найденный в местности Бурхада в 25 в. от села. Топор интересен, как по великолепной обработке, своеобразной форме с суженным обухом и размером (длина 23,3 см., ширина лезвия 12,6 см., ширина обуха 5,2 см., наибольшая толщина 2,1 см.), так и по редкости находок из этого материала в пределах Западного Забайкалья.

Бронзовых предметов почти не найдено—только у с. Онохой поднят кончик бронзового ножа. Работы по изучению бронзового периода в Забайкалье заключались в зарисовке коллекций этого периода в Читинском музее, что вместе с подобными же зарисовками в Троицкосавском музее, составляет значительный, во всяком случае, не безынтересный альбом забайкальских древностей бронзового периода.

Из находок железного века, сделанных у с. Новая Брянь и Онохой, интересны образцы керамики с орнаментом в виде концентрических кругов, а также характерная для района Байкала т. н. подковка для перехода по льду.

Кроме того нанесены на карту четыреугольные могилы, обставленные каменными плитами. Присутствие их в крае было уже отмечено ранее (в ст. Давыдова, Зап. Сиб. Отд. РГО, 1856, кн. II); мною они были найдены в верховьях рч. Березовки, впадающей в Уду у с. Мокрый Калтус, а также по дороге из с. Старая Курба в Тэнгэрибадок. Между с. с. Поперешной и Погромной замечены, по обоим сторонам дороги, круглые земляные кучи около 2-х метров в диаметре и ½ м. высотой, разбросанные по степи в количестве около десятка. По словам крестьян, это—„мунгольски могилы“. Рассмотреть их вблизи я не имел возможности.

Собранный материал, в количестве около 1000 №№, передан, по постановлению Совета ВСОРГО, в Иркутский Научный Музей.

■ ■ ■

КРАЕВЕДЕНИЕ В ЯКУТИИ.

(Из письма Восточно-Сибирскому Отделу Географического Общества).

„Мы при всяком удобном случае пытаемся завязать сношения с краеведческими организациями (так напр с В.-Сибир. Отделом Рус. Геог. О-ва). В общем, картина для нас печальная. Оторванность, изолированность и отсутствие связи. Но, несмотря на это, далекая Якутия работы не бросает.

„В 1922 году, когда наша изолированность была еще большие, в Якутии было организовано Якутское Краевое Географическое Общество, преобразовавшееся в начале сего 1924 года в Якутский Отдел Русского Географического О-ва (путем слияния старого ЯОРГО и Краевед. Г. О-ва). Богата и разнообразна Якутия, но мало исследована и очень бедна культурными работниками. Центр нас забыл. При самых невероятных условиях, мы с 1920 года заложили в Якутии краеведческое дело. Собственными силами, не обладая достаточным опытом,—„домашними" средствами, мы принялись изучать край.

„В 1921 году была снаряжена на Вилюй экспедиция для раскопок найденного мамонта (участники: Г. Попов тогда уполномоченный п отдела исследования Сибири, естественник—преподаватель И. И. Павлов, археолог Е. Д. Стрелов и инженер Н. С. Корякин). Находка была не столь блестяща, но данные от поездки были достаточные. В 1923 году на частные средства была организова поездка по обследованию минеральных озер в Мегинском уез. Якутского округа (участники Г. Попов, И. И. Павлов). Данными местной лаборатории (конечно, далеко не совершенной) было установлено, что озеро сернистого характера (есть отчет); в 1924 году обследования на этих озерах были продолжены (участники—естеств. А. Я. Тарабукин и С. И. Попов). Материалы подготовляются.

„Краеведческая работа в Якутии протекает вокруг местного Музея. Заведывающий Музеем Н. Н. Москвин, местный житель, любитель дела и знающий край. По инициативе ЯОРГО, в качестве обязательного предмета в школах повышенного типа г. Якутска введено краеведение, (преподавателем Г. Поповым). При Якутском же Отделе в период 1923—24 года функционировал кружок „Любителей Природы" из учащейся молодежи школ г. Якутска. Цель кружка подготовить молодых краеведов к практическим приемам исследовательско-

го дела. Лектора—члены Якутского Отдела читали метеорологию, ботанику, этнографию, историю края, археологию, геодезию и пр. В результате, когда наши любители должны были летом практически осуществить свои полученные познания, Якутский Отдел Р.Г. О-ва мог только снабдить их книгами, газетной бумагой для гербаризации!.. Касса его пуста...

„За этот период „сумели" выпустить в свет: 1) Сборник материалов к изучению Якутии. Изд. Научного Отдела НКП—ЯАССР (Научный Отдел теперь не существует), 2) I-й вып. „Известий" Якут. Краев. Г. О. с материалами А. Е. Кулаковского о верованиях Якутов. Ныне летом издана НКПЗ книга Г. А. Попова „Очерки по истории Якутии". Работы ведутся и теперь. Так ботаник, научный сотрудник Музея, А. Я. Тарабукин работает по выпуску определителя Якутской флоры; Г. А. Попов по разборке архивного материала для продолжения трудов по истории Якутии (добыты ценные данные); С. И. Попов (агроном) над данными Мегинских экс. М. И. Шадрин делает этнографические изыскания. Между прочим, Г. А. Поповым для печати приготовлен труд по географии и этнографии Якутии, как учебное пособие по предмету краеведения в школах.

„Членов Географического Общества более 50 человек. *На днях организовано Отделение Г. О. в Олекминске* из среды местного учительства.

Председателем Якутского Географического Общества состоит Г. А. Попов, секретарем П. Е. Барашов, он же библиотекарь научной библиотеки Р.Г. О-ва (помещается в Музее и содержанием досточно ценна).

„Вот в кратких чертах исследовательская работа в Якутии. Средств нет. Материальная поддержка нашего Правительства заключается в отпуске 1/4 оклада библиотекарю Я.Р.Г.О. (он же секретарь). Вот и все. Тут понятно, не приходится думать о поездках, экспедициях, издательстве и т. д. Отсутствие средств—наш больной вопрос. Дело поддерживается исключительно преданностью и любовью отдельных лиц. Кабинетная работа в масштабе г. Якутска, конечно, нас не удовлетворяет, совершать же изыскания и поездки нет средств. Случайные получения сведений от вас и др. мест чрезвычайно нас окрыляют, но увы, их мало и они очень редки. Участвовать на Съездах, для нас, разъединенных астрономическими расстояниями и при отсутствии средств, непосильная роскошь. Единственная надежда, что Центр нас выручит от безвыходного положения. Просить не смеем, а, что есть, говорим прямо...

Е. Я. Самойлович.

Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири.*

Обрядовые песни, как и вообще обрядность русского старожилого населения Сибири, еще очень мало изучены. И то немногое, что сделано в этой области, разбросано по разным изданиям, совершенно не объединено в одно целое и представляет, большею частью, только материалы.

Эта разбросанность материалов, часто по весьма недоступным изданиям, крайне затрудняет дальнейшее исследование и работы в этой области. Очередные задачи сибирской этнографии до изучения еще должны состоять из подведения итогов в области уже сделанного. Одной из первых ступеней к такой работе является составление библиографий по разным отраслям этнографии. Этой скромной задаче стремится удовлетворить моя работа.

Материалы для данной работы пришлось собирать и выискивать во многих изданиях Географического Общества, как Центрального, так и Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского его отделов, в центральных этнографических изданиях и в некоторых сибирских газетах и журналах. Материалы эти самые разнообразные по своему достоинству.

Следует отметить некоторые общие недостатки, встречающиеся в большей части записей. К таким недостаткам можно отнести то, что собиратели не всегда приводят точное название села или местечка, уезда и т. д. Многие записи очень схематичны. Записи не всегда проверяются и часто сделаны через

* Данный очерк является сокращенным извлечением из моей работы „Русско-сибирская свадьба", отдельные главы которой еще не вполне закончены. Беру главу „библиографический обзор", сознавая важность опубликования подобных материалов для справок.

Считаю долгом принести мою глубокую благодарность библиотекарям Нату Стефановичу Романову и Александре Николаевне Кузнецовой за их всегда внимательное отношение по выдаче литературы.

третьих лиц, а не по личным наблюдениям и расспросам самих участников обряда. Некоторые приводят одни песни без описания обряда, тогда как свадебная песня не отделима от свадебной церемонии. Некоторые из собирателей предпринимали специальные поедки для ознакомления со свадьбой на месте и все таки записали одни песни. Например, Д. И. Мишарин пишет: „записаны песни в течение 1911 г., при чем помеченные от 1—10 в селе Чеканском во время девишника, куда с целями ознакомления с ними была предпринята специальная поездка". Следовательно, собиратель имел полную возможность хотя бы важнейшую часть свадебной церемонии—девишник—записать полностью, но почему то этого не сделал. Иногда же, наоборот, встречается описание только свадьбы—без песен. Некоторые, внося песни, часто упоминают только их начало, почему то предполагая, что тексты песен известны. Между тем только непосредственное сличение дает возможность установить, одинаковы песни или нет.

Почти никто не записал мелодий свадебных песен в Сибири. Из литературы видно, что сделана была в этом отношении единственная попытка Протасова. В статье „Как я записывал народные песни" последний пишет: „Географическое Общество в Иркутске дало средства на поездку в Забайкалье, а для более точной записи мелодий был дан фонограф". Среди других видов песен Протасов записал и 8 свадебных. Дальше он добавляет: „Я старался записывать только те песни, которые, по моему крайнему разумению, были более древние и при том обладали более богатым содержанием текста и музыкальных красот".

Таким образом, можно думать, что из-за такой произвольной фильтрации песенного материала много потерялось для науки. Эти песни были частично изданы Песенной Комиссией Русского Географического Об-ва под заголовком „20 народных песен Сибири", в обработке Петрова.

Кроме этих мелодий сибирских свадебных песен, других изданий я не встречала. Только за последнее время вышла работа Г. С. Виноградова: „Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири", изд. в 1923 г., где записана мелодия надмогильного вопля невесты.

Были еще напечатаны Костюриной мелодии проголосных песен в Ежегоднике Тобольск. Губерн. Музея, изд. в 1895 г. Этим, кажется, исчерпывается весь материал по записям мелодий в Сибири.

Многие из записывающих руководствовались часто личным усмотрением. Некоторым, например, казалось, что песни не достаточно старинные, а уже пострадавшие, измененные, и их не записывали. Напр., П. Н. пишет: „танцы чередуются с песнями, которые поются подругами невесты, подруги ходят по комнате взад и вперед и поют. Из всех песен мне показалась самой замечательной следующая: „Ах я молодец, тихой образец..." И больше ни одной песни не приводит.

Эти замечания имеют главной задачей подчеркнуть, что работа по изучению свадебного обряда в Сибири далеко не закончена и должна еще продолжаться с должной энергией.

В библиографии я отмечаю только главнейшие моменты обряда, описанные в той или иной работе. К сожалению, начало песен и более подробное изложение содержания приходится опустить за недостатком места.

№№, отмеченные звездочкой лично мною не проверены, а взяты из других библиографических указателей.

Главнейшие сокращения:

ВСОРГО—Восточно-Сиб. Отдел Русского Геогр. Общ.
Ж. Ст.—Живая Старина.
Ак. Н.—Академия Наук.
Т.—тексты.

1. **Авдеева** (в заглавии книги напечатано . . Ы . . ОЙ). Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен. Москва 1837, стр. 36—52, 95—112, 135—142.

Описание свадьбы в г. Иркутске. Характеристика правов. Сватовство. Рукобитье. Сговор. Расплетание косы. Баня. Девишник. Убранство спальни. День свадьбы. Угощение на дворе. Подарки гостей. Свадебные песни (41 текст).

2. **Азадовский Марк.** Заговоры амурских казаков. Ж Ст. 1914 г. в. III. Прилож. № 1, стр. 05, 06. 2 текста свадебных (перед отправлением поезда).

3. **Азадовский Марк.** Ленские причитания. Чита, 1922 г. стр. 34—37. Поездка невесты-сироты на кладбище.

4. **Арефьев В. С.** Материалы по этнографии Енисейского уезда. Енис. губ. Свадьба в Ангарской дер. Изв. ВСОРГО 1901 г. № XXXII, 1—2; 90 65—84. Без описания обряда. Свадебные песни Казачинской волости (32 т.) и несколько свад. песен Минус. у. записан. Лыткиным в селе Бее (11 т.).

5. **Арефьев В. С.** В низовьях Ангары. Сиб. Сб. 1900 г., в. I, 33. Описание общего характера.

6. **Белослюдов А. Н.** Свадебный ритуал „каменщиков". Зап. Семип. Под. Зап.-Сиб. О. РГО, вып. VII, 1913; 1—13. Краткий оч. свадебного ритуала. Сватовство. Заручение. Свадебная

вечеринка. Баня. Бранье. Продажа косы. Венчанье. Окручиванье. Стол. Запис. в д. Быковой, Змеиногорского у. Томск. г. (15 т.).

7. **Бирюков Я.** Сибирские заговоры. Алт. Сб. т. XI, Барнаул, 1912; г. 8—11. Любовные присушки. Свадебные заговоры.

8. **Богораз В. Г.** Областной словарь колымского русского наречия. Сб. Отд. Р. яз. и Слов. Ак. Н. т. 68, 1901; 227 „Свадебные песни". Без описания обычаев. 15 т. песен из Среднеколымска и 13 т. из Нижнеколымска.

9. **Вагин В.** Нынешняя деревенская песня. Изв. ВСОРГО т. XVIII, 1877; 44. Перечисление юмористических песен непристойного содержания, поющихся на „свадебных гуляниках" (без текстов) и 28 т. свадеб. песен.

10. **Вагин В.** Сороковые годы в Иркутске. Литер. Сб. изд. ред. Восточн. Обозр. 1885; 262. Несколько замечаний о городской свадьбе: второй день, разъезды по поезжанам, музыка, песни, танцы.

11. **Виноградов Г. С.** Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири. Сб. труд. проф. и препод. Ирк. Гос. Ун-та, в V, 1923. Хождение невесты-сироты на могилу матери (стр. 327). Текст причитания и мелодия (стр. 294).

12. **Гребенщиков Г. Д.** Река Уба и убинские люди (литер.-этногр. очерк). Алт. Сб. 1912 г., стр. 23. Браки между белорусами и сибиряками. „Жениханье" на посиделках. Отношение к браку федосеевцев и поморцев. Подробных сообщений о свадьбах нет.

13. **Григорьев С.** Обряды и песни русской простонародной свадьбы в южной части Минус. окр. Сиб. Сб. 1894, вып. I, Ирк., 14—22. Краткие сведения об обрядах. Продажа косы. Выезд к венцу. Встреча молодых. Обсыпание хмелем. Окручиванье. Пир. Испытание целомудрия. Биты посуды. Одариванье.

14. **Гуляев С. И.** Этнографические очерки южной Сибири. Библ. для чтения, 1848, VII. 8.

15. **Даль Вл.** Толковый словарь живого великорусского языка (во всех изданиях). В связи со свадебной терминологией есть материал по сиб. свадеб. обрядам.

16. **Д. Н. Н.** Крестьянские свадьбы в западной Сибири (в Ишим. окр.). Сибирь 1887 г.; №№ 7, 10, 13. Браки сводные. Калым, „кладка". Сватовство. Сговор. Свадебные вечерки. Девишник. День свадьбы. Порча. Выкуп косы. Продажа косы. Одариванье. Свадебный поезд. Обычай „мять солому". Венчание. После венца. Устройство брачного ложа. Пир гостей. Второй день. Невестина рубашка. Пельмени. Встреча родителей невесты. Ритуальные кушанья. Гуляния. Посиделки. Браки „убегом".

17. **Ермолаев А.** Свадебные наговоры дружки в ангарской деревне. Сиб. Арх. 1912 № 8. Ирк.; 586—590. С. Кежма, Енис. губ. Литературный источник наговора (Крестьянская пирушка, Кольцова). Свадебный поезд. Обсыпание хмелем. Одежда дружки. Наговор в д. Ковинской записан Дяткиным а) при сдаче коробьи, б) при выкупе косы, при входе за стол, в) за столом, г) перед отъездом к венцу. Похмельные столы. Кушанье „корабль". Сборы на стряпку.

*18. **Заговоры сибирского крестьянства.** Восточн. Обозр. 1884 г., № 15.

19. **Загоскин М. В.** Ответы на программу РГО для собирания народных юридических обычаев. Ирк., 1891; гл. I, 4—15. Род, семья, наследство. Обычаи свадебные. Ранние браки. Выбор жениха. Сватовство. Рукобитье. Смотрины в день свадьбы. Выкуп косы. Упоминание песен свадебных—без текстов. Приданое. „Порча" свадеб. Приметы. Подклет. Торг.

20. **Зензинов В. М.** Русское устье Якутской обл., Верхоянского округа. Этногр. Обозр. 1913 г.; 225—231. Краткое описание свадьбы. Свобода половых отношений до замужества. „Девьи" дети. Сватовство. Девишник. Подарки. Свадебный поезд на собаках. Венчанье в часовне. Свадебный стол. Ритуальные кушанья. Окручиванье. Танцы. Песни. (12 т.).

21. **Зобнин Ф.** Свадебные обряды и обычаи казачьего населения Усть-Каменогорского уезда (этнографический очерк). Пам. кн. Семип. обл. 1900 г.; 1—28. Бытование свадьбы „беглой" и „согласной". Зарученье. Дары. Девишник. Речи дружки. Подача курника-выгонщика. Подарки. „Переходины". Бранье. Большой и похмельный столы. Баня. Пальба из ружей. Выкуп косы. Подарки певицам. Отъезд к венцу. Благословение при встрече. Стол после венца. Окручиванье. Объявление девственности невесты. „Кладка приданого". Похмельный стол. Блины у тестя. Расхожий стол. 13 т.

22. **Зобнин Ф.** Поездка на Алтай. Описание поездки по Змеиног. ок. Томск.; г. и Устькаменог. у. Семип. обл. Ж. Ст. 1898 III—IV; 278, 279. Упоминание главных моментов свадебной церемонии. Текст юмористического молебна, запис. в пос. Плоском.

23. **Зобнин Ф.** Усть-Ницынская слобода, Тюменского у. Тоб. губ. Ж. Ст. 1898 г. в. I 139—142. Свадебный стол.

24. **Кашин И.** Свадебные обычаи приаргунцев. Вестник РГО. XXX 1860; 148—182. Детальное описание свадебного ритуала. Воровские брачные союзы. Сваха. Сватовство. Рукобитье. Запрос. Вечерки у невесты. Приданое. Расплетание косы. Одариванье певиц. Девишник. Сборы у жениха. Бани. Встреча

поезда у невесты. Приметы и наговоры дружки. Выкуп невесты. Подарки. Места за столом. День свадьбы. Выкуп косы. Куриик. Стол. Похмельный стол. Подарки. Бани молодых. Блины ѣтещи. 45 т.

25. **Клеменц Д. А.** Наговоры и приметы у крестьян Минусинского округа. Изв. ВСОРГО 1888, т. XIX № 3; 43. Молитва для отпущения свадеб.

26. **Кон Ф.** Песни Западной Сибири. Этногр. Об. 1903 г. IV; 114. Приведена одна свад. песня. О месте записи—сведений нет.

27. **Корреспонденция** из Озерно-Кузнецовского. Сибирская Газета 1886 № 16. Предохранение от „порчи" во время свадеб. Краткое сообщение.

28. **Костров Н.** Свадебные обряды Минусинских крестьян. „Иллюстрация" 1861; 176, 177.

29. **Костюрина М. Н.** Крестьянская свадьба в подгородн. деревнях Тобольска. Ежегодн. Тоб. Муз. 1898, в. IX; 1—16. Главные моменты свадебной церемонии. Добровольный выбор женихом невесты. Сватовство-сговор. Калым. Свиданки. Приданое невесты. „Вытье" невесты на заре. Смотрины. Традиционные купанья. Подарки на куриик. Вечерка у невесты. Благословение к венцу. Приезд поезда. Выкуп косы. Отъезд поезда. Торжественная езда свадебного поезда. Благословение у крыльца. Роль дружки. Величанье гостей. Окрученье. Визит к „покоренной" родне. Гулянка. 9 т.

30. **Красноженова М.** Описание крестьянской свадьбы в д. Лапиной. Изв. ВСОРГО. т. XXXVI 1905 г.; 25—30. Краткое описание свадьбы. Сватовство. Торг. Смотренье. Девишник. Бранье. Выкуп косы. Убранство стола. Порядок за столом.

31. **Красноженова М.** Описание свадьбы в дер. Злобиной Из свад. обычаев Енис. губ. Изв. ВСОРГО т. XXXVIII. 1907 г.; 46—60. Деревня Злобина в 17 в. от Красноярска. Сватовство торг. Смотренье. Просватанье. Угощенье певиц. Игры и катанье по улицам. Девишник. Баня. Раздаванье „красоты". День свадьбы. Одеванье к венцу. Запиранье дверей перед. поездом. Приговоры дружки. Передача невесты жениху. Благословение. Отправление поезда. Предохранение от дурного глаза. Шутки дружки. Свадьба. Встреча с веткой белены молодых и осыпание зерном и хмелем. Курица жареная с лентой. Заплетание кос. Приметы. Величанье. Освидетельствование рубашки молодой. Благодарность родителям.

Некоторые обычаи из деревни Овсянки. Дары жениха и невесты. Песни. Исчезновение песен и замена их частушками.

Дружка. Дружка Фокин и его „обычаи". Наговор на воду перед баней. 17 т.

32. **Красноженова М.** Из народных обычаев крестьян д. Погровки. Изв. Краен. Подотд. ВСОРГО т. II, в. 6. 1914 г.; 93—116. Население—переселенцы Минской, Витебской и Курской г. Свадьба. Сватовство. Калым. Просватанье. Традиционные купанья у жениха. Запирание ворот перед поезжанами. Торг у ворот. Прятанье невесты. Поцелуйный обряд. Особый стол с женихова угощением. Величанье поезжан. Смотр двора. Катанье. Приготовление каравая. Катанье вишек. Привоз каравая, обеда и вина поезжанами к невесте. Встреча. Спор свах из-за каравая. Прятанье невесты. Дядька, дружка. Пение песен. Переменные столы. Жених на шубе в переднем углу. Стол у жениха. Выкуп невесты. Расплетание и заплетание косы. Сборы в церковь. Пропускание через огонь свадебного поезда. Пальба. Встреча молодых в шубе. Повивальный обряд. Угощение дружкой. Предварительный осмотр рубашки. Укладывание рубашки. Расстиланье рубашки на полу. Поездка молодых к родителям невесты. Второй день после венца. Разгонный обед. Обнаружение нецеломудрия невесты. Приведены песни—38 т.

33. **Кривошапкин М. Ф.** Русская свадьба с ее обрядами и песнями. Светоч 1861 г. 2.

34. **Кривошапкин М. Ф.** Енисейский округ и его жизнь. Изд. РГО. СПБ. 1865; 48—127. Описание свадьбы в Казачинской и Маклаковской волостях. Подробное описание свадебных обычаев. Смешение обрядов разных периодов. Сватунья. Приметы. Рукобитье. Свечи перед образами. Благословение. Смотренье. Обрученье. Угощенье со стороны жениха. Невеста в кути. Подарки. Обручник. Свадебные чины. Баня. Расплетание косы. Разведки дружки и прибаутки. Встреча поезда. Сборы поезда у жениха. Приговоры дружки. Приезд к невесте. Подарки. Придашник, или постельница. Сборы к венцу. Продажа косы. Очуранье дружкой. Приметы. Подарки приворотнику. Примиренье свах. Продажа косы. Распоряженья дружки за столом. Гусь. Отдариванье. Благословение при свечах. Порядок выезда. Наговоры дружки. Пир. Проводы новобрачных на подклет. Надеванье повойника при свече. Прибаутки дружки. Баня молодых (79 т.).

35. **Логиновский К.** Свадебные песни и обычаи казаков восточного Забайкалья. Зап. Приам. Отд. РГО т. V в. II, Хаб. 1899; 1—94.

Выбор невесты. Кража невесты. Сватовство. Смотрины. Рукобитье. Просватанная девушка. Предсвадебная стряпня. Ко-

сокрашение. Благословение. Вечерка. „Вытье“ невесты. „Спобужденье“. Поездка сироты невесты на могилу. Расплетание косы. Баня. Приготовления у жениха. Куники. Вечеринка у жениха. Порча во время свадебного поезда. Приметы и наговоры дружки во время отпуска. Приезд жениха. Вечеринка у невесты. Подарки. Убранство стола. Величанье гостей. Привоз коробки с туалети. вещами. Приготовление к венцу. Выкуп места. Зарученье. Приглашение столовать. Приезд молодых. Окрученье. Подклет. Наговоры дружки. Похмельные столы. Подарки. Обнаружение нецеломудрия. Приведено 138 т. песен Нерчинского, Нерчинско-Заводского. Читинского, Акшинского заводов. Запись 1899 г.

36. **Майнов И. И.** Крестьянская свадьба по реке Илиму. Ж. Ст. 1914 г. вып. I—II; 45—66. Сватанье. Смотрины или кладево. Девишник. День венчания (44 т.).

*37. **Медико-топогр.** очерк гор. Бийска. Томск. г. 1875 г. Гетеризм. Продажа дочерей.

38. **Мишарин Д. Н.** Свадебные песни. Изв. ВСОРГО. 1916 г. т. 45; 257—272. Без описания обряда приведено 28 т. песен, собраных в Верхоленском уез. Иркутской губ., в Тутурской и Илгинской вол.

39. **Неклепаев И. Я.** Поверья и обряды Сургутского края. Зап. ЗСОРГО. Кн. XXX. 1903; 143—178.

Подробное описание обрядов. Сватовство. Переводины. Дары. Девишник. Баня. „Зарешенные“ через платок. „Вытье“ невесты с подругами. Отдариванье. Величанье гостей. Прощание девушки с волей. Привоз короба. Вечерка у жениха и невесты. Приданница. Угощение на другой день. Тысяцкий. Большой боярин. Сваха и провожаты. Приготовление к венцу. Благословение. У венца. Приметы. Благословение. Обрученье. Пировье. „Подклет“. Осмотр рубашки. Кураж родителей невесты. Обычай „выставлять Сибирь“. Блинчатый стол. Почетный стол. Предложения невест. (17 т.).

40. **Никитенко В.** Верхоленский округ в прошлом столетии. Врачебно- санитарная хроника Ирк. губ. 1916 г. № 10: 29—32. Свадьбы—зимою.

41. **Новоселов А.** Умирающая старина. Записки Семип. Подотд. РГО, вып. X. Семипалат. 1915 г.; 9—12. Краткое описание обряда. Зарученье. Баня. 5 т.

42. **Новый Пимен.** Заметки о некоторых свадебных обычаях Енисейской глуши. Вост. Об. 1887 № 24. Старинные обычаи по тракту между Ачинском и Енисейском. Выкуп невесты. Свадьбы убегом. Кураж родителей невесты.

43. **Овчинников М.** Свадебные песни. Сиб. Арх. 1912 № 10; 778—806. Автор приводит 65 т. разных текстов; большинство из них не свадебные и носят характер частушек.

44. **Овчинников М.** Старинная свадьба в с. Рыбинском Канского уез., Енисейской г. Сиб. Арх. 1912 г. №№ 11, 12; 888—898, 930—962. Сватовство. Рукобитье. Смотрины. Проводы жениха. Приглашенный стол. Дружка. Повестка. Девичник. Подарки невицам. Кушанья. Куричк. Отпуск у невесты. Продажа косы. Накрыть „остожья". Приданое. Встреча молодых. Осыпание хмелем. Увод молодых. Битье посуды. Начательный стол. Маскарад. Переездина.

45. **Осипов Н. О.** Ритуал сибирской свадьбы. Ж. Ст. 1893 г. вып. I; 96—127. Свадебные приготовления. Сватовство. „Калым". Рукобитье. Припевки. Осмотр даров. Девишник. Свадебные чины. Песни. Порядок свадебного поезда. Приготовление к венцу. „Сход свах". Выкуп места у брата. Малые дары. Расплетание косы. Большие дары. Поцелуи. Подарки. Приметы. Кушанья. Постельник. Порядок выезда. Встреча новобрачных. Окручанье. Нашептываньe дружки. Проводы на подклет. Попойка гостей. Опубликованье невинности. Битье посуды. Угощение по другим домам. Свадьбы убегом. Запись сделана в Утякской вол. в Курганском уезде. 1891 г. (6 т.).

46. **Осокин Г. М.** Материалы к этнографии западного Забайкалья. Протоколы Троицко-Кяхтинского музея. 1895 г. На стр. 31—32 о порче молодых и приметах на свадьбе.

*47. **Плотников З. Т.** Этнографические заметки: Крестьянская свадьба в Ялуторовском уезде Тобольской губ. Тоб. Г. В. 1859 г. 5; с. Бронниковское.

48. **Плотников В.** Песни казаков сибирского казачьего войска. Зап. Семипалат. Подотд. ЗСОРГО в. IV. 1909 г. 54—58. Без описания обряда, 9 т.

49. **Пейзен Г.** Этнографический очерк Минусинского и Канского округов Енисейской губ. Из путевого жури. 1857 г. Ж. Ст. 1903; в. III, 339—350. Свадебные обряды. Сватовство. Обрученье. Девичник. Благословение. Уплата брату. Благословение после венца. Порядок за столом. Поздравления. Свадебный стол. Повязывание головы. Проводы в опочивальню. Разувание мужа. Объявление о „благополучии". Пир гостей. Бани молодым. Подарки. Обед. Наказание жены плетью в случае отсутствия невинности. Описание обычаев подробное (21 т.).

50. **Петров Алексей.** 20 народных песен Сибири для одного голоса, из собранных в 1900 г. в Иркутской губернии и Забайкальской области. Н. П. Протасовым. Изд. Песени. Комисс. РГО.

Причети и песни свадебные с мелодиями (8 №№.)

51. **П-Н.** От Верхнеудинска до Хоринской степной думы. Ирк. Губ. Вед. № 48, 1869. (Из путевого журнала). Беглое описание. Пропой невесты. Поездки невесты. Девичник. Баня. Прятание невесты подругами. Посещение кладбища. Расплетание косы. Заплетание. Продажа братом косы невесты. Шопоты дружки. 1 т.

52. **Протасов Ник.** Как я записывал народные песни. Изв. ВСОРГО 1903; XXXVI № 2. Отчет о поездке в Забайкалье. Приемы собирания.

*53. **Путешествие** от Сибирской линии до Ташкента и обратно. 1800 г. Сиб. Вест. 1818 г. № 3.

*54. **Путешествие** по южным Алтайским горам в 1809 г. Сиб. В. 1818 г. № 4; Похищение жен и дочерей у „каменщиков".

55. **Розенбаум С. П. и Арефьев В. С.** Свадьба в Ангарской деревне. Изв. ВСОРГО, т. XXXI, 1900 № 1—2; 79—117. Приангарский край, Енисейской губ., село Кежемское. Просватанье. Подарки. Смотренье. Вечерка. Сбор бояр. Коробья. Подарки подруг. Поездка на кладбище невесты. Баня у невесты, у жениха. Приметы. Приезд бояр. Порядок столования. Куриики. Прятание невесты жениха. Бранье. Плач о красоте. „Пичкалина". Стрельба. Подарки. К венцу. Встреча поезда от венца. Осыпание хмелем. Наговоры дружки. „Окручены". Проводы молодых на ложе. Подарки. Порядок кушаний. Ведение стола дружкой. Стряпкин курник. „Краяно". Подарки. Продолженье гулянки (27т).

56. **Сахаров.** Песни русского народа. ч. III. 1839. СПБ. Русские свадебные песни; 521—528. Тексты взяты из работы Авдеевой (см. № 1).

57. **Свадебные обряды** крестьян Кузнецкого у. Томск. губ. Вед., 1860 №№ 2—3.

58. **С-ой С. М.** Народные суеверия и предрассудки при свадебных обрядах. Ирк. Епарх. Вед. 1869, № 42. Порча. Значение „отпущенников" на свадьбе.

59. **Сватовство** в Мостовке, Ялут. у., Тоб. губ. Сиб. Вест. 1886. Ярмарка невест.

*60. **Серафимович С.** Очерки русск. нравов в Сибири. Отеч. Зап. 1867, 20.

61. **Степанов А. П.** Описание Енис. губ. СПБ. 1835; 110—115. Свадебные обычаи у русских. Краткое описание (см. № 65).

62. **Суворов и Языков.** Илимские свадебные песни. Изв. ВСОРГО. т. XXIX, 1898, № 2; 115—132. Сватовство. Смотренье. Поезд. Поездка жениха или невесты-сироты на кладбище. Бани. Девишник. Порядок за столом. Дружка. Коробья. Поезд

у невесты. За столом. Сборы к венцу. Выкуп косы. Благословление после венца. Столованье. Подклет. Рубашка. Бани. Курник. Домашнее пиво (30 т).

63. **М.-П. И.** Отзыв об Илимской свадьбе Суворова в Изв. ВСОРГО т. XXIX 1898 г. Этногр. Обозр. 1898, № 4, стр. 174.

64. **Суворов И.** Еще об Илимских свадьбах. Изв. ВСОРГО т. XXIX, 1898, № 2—3, 168—174. Краткое дополнение к предыдущей статье. Сватовство. Калым. Просватанье. Подарки. Девишник. Баня. Девья красота. Слезы невесты. Коробки с подарками. Сборы к венцу. Приглашение „гордых“ к столам. Пляска с рубашкой. Песни (8т.).

65. **Терещенко**. Быт русского народа. (Пб. 1848. Ч. II; 601—603 Енис. губ.

66. **Ушаров**. Из путевых записок по Восточной Сибири, Зап. Сиб. О. РГО кн. VII 1864; стр. 229—230: „веселые столы“.

*67. **Швецова М.** Из поездки в Риддерский край. Зап. Зап.-Сиб. Отд. РГО, 1898. XXV; 27; в приложении—песни деревенских обывателей уличные и свадебные

*68. **Швецова, М.** „Поляки“ Змеиногорского окр. Зап. ЗСОРГО. 1899 XXVI, 92.

69. **Шейн, П. В.** Великорусс в своих песнях обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. I. Изд. Академии Наук. 1900 1—833. Краткое описание свадьбы с. Шерагольского Иркут. г. и свадебные песни села Култук и Карлук той же губ., без описания обряда. (48 т).

70. **Шишков Вяч.** Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенск. волостей Киренск. у. Иркутск. губ., распол. по течению реки Нижней Тунгуски в 1911. Изв. ВСОРГО. 1914 г., т. 43.; 78—92. Песни свадебные, без описания обряда (25 т).

71. **Щукин, И.** Быт крестьян Восточной Сибири. Жур. Мин. Вн. Д. 1859 2, 40—41. Сватание.

72. **Эпов, А.** Свадебные обряды и песни Чикойского края в. 80—90 г.г. прошлого века. Изв. Кафедры Прибайкальеведения. 1921; 24—27. Описание некоторых моментов свадьбы. Просватанье. Невестин свадебный период. Девичник. Собственно свадебный момент.

Хронологический указатель.

1818—Путешествие от Сибирск. лин. до Ташкента и обратно в 1800 г.
—Путешествие по южным Алтайск. горам в 1809 году.
1835—Степанов.
1837— .....ы .....ой (Авдеева).
1848—Гуляев, С. И.
1857—Пейзен, Г.
1859—Щукин, Н.; Плотников, З. Т.
1860 Свадебные обр. крест. Томск. Губ. Вед.; Кашин, Н.
1861—Кривошапкин, М.; Костров, Н. Н.
1864—Ушаров.
1865—Кривошапкин, М. Ф.
1867—Серафимович, С.
1869—П-н.; С-ой, С. Н.; Пржевальский, Н.
1875—Медико-топограф. очерк. Томск. Г. Вед.
1884—Заговоры сибирского крестьянства.
1886—Корресподенция из с. Озерно-Кузнецовского; Вагин, В.
1887—Д-и, Н.; Новый Пимен.
1888—Вагин; Клеменц.
1890—Богораз, В.
1891—Загоскин, М. В.
1893—Осипов, И. О.
1894—Григорьев, С.
1895—Осокин, Г. М.
1898—Швецова, М; Зобнин, Ф.; Костюрина; Зобнин, Ф. Суворов И., Языков А.; М-П. Н.
1899—Швецова М.; Логиновский К.; Суворов И.; Арефьев.
1900—Зобнин Ф.; Розенбаум и Арефьев.
1901—Арефьев, Петров (см. Протасов); Богораз.
1903—Неклепаев И. Я.; Кон Ф.
1905—Красноженова М.
1907—Красноженова М.
1909—Плотников В.
1911—Ермолаев.
1912—Овчинников; Гребенщиков,
1913—Зензинов; Белослюдов.
1914—Красноженова М. В.; Майнов И.; Шишков Вяч.; Азадовский М.
1915—Новоселов.
1916—Мишарин Д. Н.; Никитенко В.
1921—Эпов А.
1922—Азадовский М.

Географический указатель (в старых границах).

Иркутская губ.: 1) Майнов, 2) Виноградов 3) Мишарин, 4) Никитенко, 5) Азадовский, 6) Авдеева, 7) Вагин, 8) Загоскин, 9) Шейн, 10) Суворов и Языков, 11) М-н Н., 12) Суворов, 13) Ермолаев, 14) Овчинников, 15) Ушаров.

Забайкальская обл.: 1) Осокин, 2) Эпов, 3) Кашин, 4) Н-и. 5) Логиновский, 6) Протасов.

Енисейская губ.: 1) Степанов, 2) Пейзен, 3) Костров, 4) Кривошапкин, 5) Шишков Вяч., 6) Новый Пимен, 7) Григорьев, 8) Осокин, 9) Арефьев, 10) Розенбаум и Арефьев, 11) Красноженова, 12) Овчинников.

Томская губ.: 1) Красноженова, 2) Новоселов, 3) Путеш. по Алтаю (автор неизв.), 4) Гуляев, 5) Медико-топогр. оч. Бийска. 6) Зобнин, 7) Швецова М., 8) Зобнин Ф.

Тобольская губ.: 1) Плотников, Корреспонденция из Ялут. у. 3) Костюрина, 4) Зобнин Ф. 5) Х. Н. 6) Осипов, 7) Д-и Н., 8) Неклепаев.

Семипалатинская обл.: 1) Плотников. 2) Белослюдов, 3) Гребенщиков.

Якутская обл.: 1) Богораз, 2) Зензинов.

Амурская: Азадовский.

Без точного обозначения: 1) Путешествие от Сиб. лин. до Ташкента, 2) Щукин, 3) Кривошапкин, 4) Серафимович, 5) С-ой С. М. 6) Заговоры сиб. крест. 7) Клеменц, 8) Швецова.

М. СЛОБОДСКИЙ.

ЛИТЕРАТУРА ПО ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ В ЭТНОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЯХ 1901—1917 г.г.

ЧАСТЬ I.
ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.

М. Слободский.

ЛИТЕРАТУРА ПО ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

в этолого-географических повременных изданиях 1901—1917 г.г.

I. Периодические издания Европейской России.

В основу настоящей работы положен библиографический материал, собранный Томским Библиографическим Бюро, состоявшим сначала при Институте Исследования Сибири, а затем при Томском Государственном Университете. Материалы эти были извлечены из периодических изданий, вышедших за период от 1901 до 1918 года. Позднейшие издания не могли войти в картотеку Библиографического Бюро, так как вследствие продолжительной отсталости Сибири от Европейской России они не доходили до Сибири, а затем, когда явилась возможность получать периодические издания, Библиографическое Бюро было закрыто.

Моя работа является отчасти продолжением работы М. К. Азадовского „Литература по этнографии Сибири. Перечень статей в периодических изданиях 1891—1900 г.г.", напечатанной в т. II Сибирской Живой Старины. Дальнейшие задачи сибирских библиографов по этнографии—зафиксировать тот материал, который появился с 1918 г. по настоящее время. Эта задача представляет для сибирского этнографа большие трудности, так как на местах очень большие пробелы в изданиях, вышедших в период 1918—1921 г. г. Выполнить этот пробел возможно только коллективной работой сибирских и российских библиографов. Но как ни трудна эта задача, ее необходимо проделать.

Так как настоящая работа является продолжением названной выше работы М. К. Азадовского, то для единства плана и облегчения пользования настоящим указателем мною были приняты те же условные обозначения и тот же порядок в распределении материала, как и в работе М. К. Азадовского, именно: года обозначаются тремя последними цифрами, номера ежемесячных журналов и тех научных изданий—римскими цифрами, выпуски арабскими; цифры обозначающие количество страниц, отделены слева точкой с запятой. В тех периодических изданиях, где для каждого отдела принята особая нумерация, отдел обозначен. Библиографический материал в каждом отдельном номере расположен в следующем порядке: автор, заглавие статьи, название журнала или научного издания, год, том, выпуск, отдел (где он есть), количество страниц. Все примечания и те заглавия статей, формулировка которых принадлежит составителю настоящего указателя, заключены между двумя косыми линиями.

К работе приложены четыре указателя: 1) указатель племен и народностей, 2) распределение статей по географическому признаку, 3) предметный указатель и 4) указатель собственных имен.

Томск, 8 июня 1924 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

1. Вестник Азии—ВА.
2. Ежегодник Рус. Антропологическ. О-ва—ЕжРАО.
3. Естествознание и География ЕстГ.
4. Живая Старина—ЖСт.
5. Журнал Министр. Народного Просвещения—ЖМНПр.
6. Журнал Министр. Юстиции—ЖМЮ.
7. Записки по общей Геогр. Русского Геогр. О-ва—ЗОГ.
8. Записки по отделу Статистиги Рус. Геогр. О-ва—ЗОС.
9. Записки по отд. Этнограф Русск. Геогр. О-ва—ЗОЭ.
10. Записки Академии Наук—ЗАН.
11. Землеведение—Земл.
12. Известия Академии Наук—ИАН.
13. Известия О-ва Любит. Естеств., Антроп. и Этнографии—ИОЛЕАЭ.
14. Известия Оренбург. Отд. Русск. Географ. О-ва—ИОрОРГО.
15. Известия Отд. Рус. Языка и Словесн. Академии Наук—И2О.
16. Известия Рус. Геогр. О-ва—ИРГО.
17. Русский Антропологический Журнал—РАЖ.
18. Сборник Музея Антропологич. и Этногр. Академии Наук—СбМАЭ.
19. Сборник Отд. Рус. яз. и словесн. Академии Наук—Сб2О.
20. Труды Антропозог. Отдела (О-ва любит. естествозн., антопологии и этногафии)—ТрАО.
21. Труды О-ва Землеведения—ТрОЗ
22. Ученые Записки Казанского Университ.—УчЗКУ.
23. Этнографическое Обозрение—ЭтО.

А. . **Адлер, Б.** Лейпцигский этнографический музей Земл., 901, I-II; 278—286. /Сибирск. коллекции в Лейпцигск. музее/.

2. — Луки и стрелы Северной Азии. РАЖ, 903. 3 и 4; 178—194. /Краткое содержание двух работ Адлера/.

3. — Карты первобытных народов. ИОЛЕАЭ, 910, CXIX, ТГО, в. 2; 1—350. /Карты сибирских инородцев (57—161)/.

4. **Адрианов, А. В.** Аврал в жизни мпусинского инородца. ЗОЭ, 909, XXXIV; 489—524. /Приготовление айрана и его значение в личной и общественной жизни инородца. Словарь туземн. терминов/.

5. — Шаманская мистерия (камлание) ЭтО, 909, I; 138-139. /Перепечат. из Сибирской Жизни (909, № 44)/

6. **Азадовский, М.** Заговоры амурских казаков. ЖСт, 914, III-IV; 05—015.

7. **Алсаханов, Архип.** Легенда о «Дахабари». (Душа умершей женщины). Буряты Иркутского уезда. ЖСт, 916, II-III; 057-058.

8. **Анохин, А. В.** О напевах алтайских инородцев и монголов. ЭтО, 907, IV; 160. /Заметка из «Голоса Томска № 70 и Сиб. Жиз. № 63/.

9. **Анучин, В. И.** Дедовщина в Сибири. (Енисейск. губ.). ЖСт, 908, I; 84—91 (текст 13 песен).

10. — Енисейские остяки. См. № 287.

11 — Очерк шаманства у енисейских остяков. С рисунками в тексте, исполненными художником С. М. Дудиным. СбМАЭ 914, II, в. 2; 1—89.

12. **Анучин, Д. Н.** Ламуты (материалы к антропологии тунгусов). РАЖ, 916, I и II; 83—96 (быт и физич. тип ламутов).

13. — О применении фонографа к этнографии и в частности о записи шаманского камланья в Средне-Колымске, Якутской области. С 11 иллюстрациями в тексте и нотными. Труды Музык.-Этногр. Комиссии, состоящей при Этногр. Отд. О. Л. Е. А. и Э. т. II. 1911 г. ИОЛЕАЭ, 911, CXIV; 269—296. /Рец. В. Понова. см. ЖСт. 914, I-II; 217—222/.

14. **Арсеньев, В. К.** Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический. (Записки приамурского отдела Р. Г. О., т. X, в 1). Хабаровск. 1914. 8 стр. II+203+4. С картами и рисунками. /Рец. Вл. Богданова/. ЭтО, 915, I-II: 152—154.

15. — Наши американоиды. ВА, 916. II-III; 331—335. /Кратк. содержан. сообщения об орочах/.

16. — Орочи—удеhe ЗКСт. 911. II; XII. /Програм. сообщения/.

17. — Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу. ВА, 916. II-III; 335—339. /Кратк. содержан. сообщения об орочах/.

18. — Этнологические проблемы на востоке Сибири (с этно-географич. картой Уссурийского края). ВА, 916, II-III: 50—76. /Народности Восточ. Сибири и Сев.-запад. Америки/.

Б. 19. **Б.** Этнографическая выставка в Петербурге. Земл. 906, III-IV; 143—145. /Коллекции шаманских принадлежностей/.

20. — Этнография на XII с'езде естествоиспытателей и врачей в Москве. Земл 910, I; 94—119. /Краткое содержание докладов: В. Г. Богораза—«К психологии шаманства у народов сев.-вост. Азии». В. Н. Васильева—«Кратк. очерк быта карагасов». Клеменца—«О взаимных влияниях между ламаизмом и бурятским шаманством» и др./.

21. **Б., Вя.** Новый научный дар Дашковскому Этнографическому Музею. ЭтО. 911, I-II; 315—317. /Пожертвования этнограф. коллекций Камчатской экспедиции/.

22. — Экспедиция В. Ч. Дорогостайского в Яблоновый хребет. ЭтО, 915, 1-2; 186. /Сведен. о быте орочон/.

23. **Барадийн, Б.** Из устной и «ламской» литературы бурят. Из быта тибетцев, тангутов и монголов. ЖСт. 916, II-III; 058—060. /Рассказ бурятского монаха Агинского дацана/.

24. **Батурин, М.** Два брата. (Остяцкая легида). ЖСт. 907. IV; 83—87.

25. **Близняк, Е. В.** Заметки о Нижнем Енисее. (От Енисейска до сел. Дудники 69° 24' с. ш., 86° 09' в. д.) ИРГО, 914, I. п. 7; 355—394. /Из быта тунгусов, долган, юраков и самоедов. 8 рис./.

26. **Богданов, Вл.** К заметке г. Капинсто. ЭтО, 912, III-IV; 152-153. /Полемика по поводу ст. «О драматическом искусстве у вогулов/.

27. **Богораз, В. Г.** [illegible] Азии ЭтО, 910, I-II: 1—36. /Женщина в шаманстве. Подготовительный период. Ти[illegible]. Шаманские сеансы и фокусы. Шаманы превращенного пола/.

28. — Областной словарь Колымского русского наречия. Сб20. 901. LXVIII. в. 4; 1—346. /Во вступлении—статистические данные о составе населения. Смешение с инородцами/.

29 — О принятии чукоч в русское под[illegible]. ЖСт 902. II: 147—164.

30. — Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти, находящихся в этнографическом музее императорской академии наук. С XXV таблицами рисунков в конце текста. СбМАЭ. 901, II; 1—65. /Пища. Одежда. Украшения. Жилище. Религия.—Рец. Коропчевского, см. РАЖ, 902, II; 96—99; рец. Максимова, см ЭтО, 902, II: 165-166/.

31. — Религиозные идеи первобытного человека. (По материалам, собранным среди племен сев.-вост. Азии, главным образом, среди чукоч). Земл. 908, I; 60—80.

32. — Чукотские рисунки. (С 24 табл. рисунков в тексте). Земл. 913, III: 143. /Кратк. содержание ст. из «Сборника в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина»/.

33. **Bogoras, Woldemar.** The Chuchee. (The jusup North Pacific Expedition. Memoirs of the American Museum of Natural History, volume VII). Leiden-New-Iork. 1904-1909. (Рец. А. Максимова). ЭтО. 909. II-III; 186-189.

34. The Chukchi of Notheastern Asia. „American Anthropologist". 1901. January-March. (Рец. С. Королева). РАЖ. 901, III-IV; 221-223.

35. **Бравин, Н., Беляев, И.** Указатель племенных имен к статье Н. Н. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения о их численности». [illegible] П. Н. [illegible]го. ЗОЭ. 903. XXVIII; в. 2; 1—42. /Ст. Аристова помещ. в ЖСт. 896. III-IV/.

36. **Брайловский, С. Н.** [illegible] ЖСт. 901. II; 129—216; III—IV; 323—[illegible] (орочей). [illegible], территория, расселение ydehe Физичек. особенности. Экономич. быт. Постройки. Пища. [illegible] Религия Материалы для словоря ydehe Антропометрич. таблицы. 8 табл. рис./.

37. **Булганов, А. И.** Верховья Енисея в Урянхае и Саянских горах. (Очерк путешествия на моторной бензиновой лодке. ИРГО, 908. XEIV. в. 6; 389—447 /Быт сойотов/.

В.

38. **Васильев, В. Н.** Быт иногород[illegible]. ИРГО, 907. XLIII; 33. /Краткое содерж. доклада. Программу см. ЖСт, 907, I. о. V; 6/.

39. — Краткий очерк быта карагасов. ЭтО, 910, I-II; 46—76. /Физич. тип. Характер. Численность. Образ жизни. Жилище. Одежда. Пища. Ремесла. Семейная жизнь. Сватовство. Положение вдов. Верования. 16 рис./.

40. — Образцы тунгусской народной литературы. ЗОЭ, 909, XXXIV; 19—40. /Легенда и 4 сказки, собран. во время Хатангской экспедиции. 1905 г., см. ст. И. Н. Толмачева № 302/.

41. — Тунгусские предания. ЖСт, 908, III: 362—370; 909, I; 90—100. /Текст семи преданий, записан. в Турухан. Крае. с предисл. В. Васильева/.

42. — Шаманский костюм и бубен у якутов. СбМАЭ, 910, VIII; 1—47. /Описание шаманского костюма и бубна и об'яснение его принадлежностей. Рец. А. Никифорова см. ЖСт, 910. III; 263—265/.

43. **В—в, Н.** Игры детей на острове Сахалине и в С.-Петербурге. ЖСт, 906, I, о. V; 13. /Из газ. «Русь»/.

44. **Weule, Karl, dr.** Leitfaden der Voleipzierkunde. Mit einem Bilderatlas von 120 Tafeln und einer Karte der Verbreitung der Menschenrassen. Llag und Wien. Biblogrphisches Institut, 1912г. (Рец. Б. Адлера). ЭтО, 913, I-II; 261-267. (Сведения по Этнографии Сибири).

45. **Виноградов, Г. С.** [illegible] и скотолечение у русского старожилого населения Сибири. (Материалы по народ[illegible] ский уезд. Иркутская губерния. ЖСт.

915, IV; 325—332. Приложение к материалам: словарь и азбучный указатель латинск. названий местных народно-медиц. растений/.

16. **Виноградов, Н.** Вести из экспедиции к Туруханским остякам. ЖСт, 906, II, о. V; 47. /Из письма В. Анучина к А. А. Макаренку/.

47. — Деятельность И. Р. Г. О-ва по отделению этнографии. ЖСт, 906, II, о. V; 42-43. /О докладах по сибирск. этногра[illegible].

48. — Западно - Сибирский Отдел И. Р. Г. О-ва. ЖСт, 906, II, о. V; 44. /Этнографич. сведения из отчета отдела за 1903 г./.

49. — К вопросу об об'якучивании русских. ЖСт, 908, I; 137. /По поводу заметки В. Васильева в № 1 «Спб. Вопр.» 1908 г.: «Угасшая русская культура на дальнем севере»/.

50. — Людоедство в Сибири. ЖСт, 906, II, о. V; 48-49. /Случай людоедства в Колымском округе/.

51. — Мелиоранский, М. П. /Некролог/. ЖСт, 906, III, о. V; 61. (Проф. Каз. Ун-а, киргизовед).

52. — Минусинский Городской Мартьяновский Музей в 1906 г. (По «Отчету...» Канск. 1908 г.). ЖСт, 908, III; 401. /Состав коллекций этнографич. отдела/.

53. — Минусинский местный музей в 1904 г. ЖСт, 906, I, о. V; 23. /Коллекции музея/.

54. — Награды по отделению этнографии. ЖСт, 906, II, о. V; 44. /Труды по этнографии Сибири, удостоенные наградой/.

55. — Национальный Бурятский Музей. ЖСт, 906, I, о. V; 26. /Основание музея на территории агинских бурят/.

56. — Обдорский Этнографический Музей при церковно-миссионерской библиотеке. ЖСт, 908, II; 269. /Из «Православ. Благовестн.» 907, III № 22, кн. 2/.

57. — Общество изучения Амурского края. (Филиальное отд. Приамурск. отд. И. Р. Г. О-ва). ЖСт, 906, IV, о. V; 83. /Краткое содержание докладов Б. О. Пилсудского и К. Д. Логиновского об инородцах Амурского края/.

58. — /О вымирании сибирских инородцев/. ЖСт, 907, IV, о. III; 56. /Из газ. «Речь»/.

59. — /О [illegible] от черной оспы/. ЖСт, 907, IV, о. V; 56-57. /На севере Енисейской губ./.

60. — /О спектакле на якутском языке/—«Олон, хо» (сказка). ЖСт, 906, III, о. V; 70.

61. — Отчет Русского Географического Общества за 1904 г. (Спб. 1905 г.). ЖСт, 906, I, о. V; 15—19. /Поездка А. Макаренко в Енисейск. губ. для изучен. народ. медицины. Сообщение Д. Клеменца о новой религии среди калмыков на Алтае/.

62. — Приамурский Отдел Р. Г. О-ва. ЖСт, 906, I, о. V; 20. /Чтения и коллекции по этнографии в Городском музее/.

63. — Самоубийство целого племени чукчей. ЖСт, 906, II, о. V; 49. /Из «Нашей Жизни», 17 марта/.

64. — Сибирские и дальневосточные коллекции Этнографического Отдела Музея Александра III. ЖСт, 908, III; 399—401.

65. — /Тунгусы Майского вед., Якутского округа/. ЖСт, 906, IV, о. V; 87. /Этнографич. материалы Нельканско-Аянск. экспедиции/.

66. — /Шаманский костюм/. ЖСт, 908, III; 401. /Поступл. от енисейских остяков в Этногр. Музей Ак. Наук/.

67. — Экспедиция на Дальний Восток. ЖСт, 906, II, о. V; 48. /Письмо Ф. П. Рябушинского о предполагаемой экспедиции на Камчатку/.

68. — /Этнографическая коллекция инородцев Ачинского у., Енис. губ./. ЖСт, 906, IV, о. V; 84.

69. — Этнографическая поездка к тунгусам. ЖСт, 908, III; 402-403. /В бассейн р. Хатанги/.

70. — Этнографическая поездка на реку «Хатангу». ЖСт, 907, III, о. V; 36-37. /Поездка А. Макаренка на сред. Тунгуску для изучения быта тунгусов/.

71. — Этнографическая экскурсия. ЖСт, 906, II, о. V; 48. /В Якутскую область/.

72. **Виташевский, Н. А.** Брак и родство у якутов. ЖСт, 909, IV; 38—54. /Глава из соч. автора: «Якутск. материалы для разработки вопросов эмбриологии права»/.

73. — В. Ф. Трощанский. Наброски о якутах якутского округа. Под ред. и с примеч. Э. К. Пекарского. Казань. 1911. Тип.-лит. Казанск. Унив. (Отдел. оттиск

из XXVII т. Изв. О-ва Арх., Ист. и Эти. при Казанск. Унив.). ЖСт, 913, I-II; 218—226. /Обстоятельная рецензия/.

74. — Из наблюдений над якутскими шаманскими действиями. СбМАЭ, 918, V, в. 1; 165—188.

75. — Из области пограничного психоневроза. ЭтО, 911, I-II; 180—228. /Наблюден. среди якутов/.

76. — К вопросу о применении фонографа при этнографических исследованиях. ЖСт, 914, I-II; XXII—XXV. /О переводе на бумагу с фонограф. валика якутск. слов/.

77. — К материалам о якутских сказках. (Восточные сказки). ЖСт, 912, II—IV; 449—466. /Тексты сказок. Общая характеристика усти. творчества якутов. Литература предмета/.

78. — Наблюдения над олекминскими тунгусами. ИРГО, 911, XLVII, в. VII—X; 77—79. /Програм. доклада и прения по нему/.

79. — Особый вид обязательств в первобытном праве: ex donatione. (По Якутским материалам). ЭтО, 909, I; 1-20

80. — Э. К. Пекарский и В. Н. Васильев. Плащ и бубен якутского шамана. (Материалы по этнограф. России. Под ред. Ф. Волкова. Изд. этнограф. отд. Рус. Музея Александра III. т. I С.-Пб., 1910). ЖСт, 910, IV; 342—352. /Рецензия/.

81. — Якутские материалы, собранные в 1883—1897 г.г. ЖСт, 915, I-II; 015—021; 916, I; 015—023. /Быт якутов и тунгусов. 2 рис./.

82. **Владимирцов, Б. Я.** Библиография монгольской сказки. ЖСт, 912, II-IV; 521—528.

83. — Шаманство в с.-з. Монголии. ЖСт, 916, I: 28—32. /Програм. доклада и прения по нему/.

84. **Вогулы** Пермской и Тобольской губернии. ЕстГ, 903, IV: 75-76. /Кратк. содержан. доклада И Г. Остроумова/.

85. **Вымирание** карагасов. РАЖ, 913, III-IV; 133-134.

Г.

86. **Гартвельд.** /Песни каторги/. ЭтО, 909, I; 142—146. /Песни каторжан и сибирских инородцев/.

87. **Глушков, И. Н.** Чердынские вогулы. Этнографический очерк. ЭтО, 910, II; 15—78. /Общая характеристика. Домашняя утварь. Рисунки. Фольклор. Одежда. Пища. Жилище. Занятия. Язык. Религия/.

88. **Головачев, П. М.** Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. Земл, 902, II-III; 53—68. /Буряты, якуты, алтайцы, киргизы, тунгусы, чукчи, самоеды и др. Грамотность. Духовная жизнь/.

89. **Тоже.** /Краткое содержание/. ЕстГ, 902, VII: 63.

90. **Городков, Б.** Река Конда. Земл, 912, III-IV: 172—211. /Остяки и вогулы; их жилища, верования, обычаи и занятия/.

91. **Городцов, П. А.** Азап-юрты. (Зап.-сиб. легенда). ЭтО, 906, I-II; 108—112. /Тексты двух легенд: одна записана у якутов, другая в Тюменск. уезде/.

92. — Западно-сибирские народные легенды о творении мира и борьбе духов. ЭтО, 909, I; 50—63. /Тюменск. у./.

93. — Чудь. (Зап.-сиб. легенда). ЭтО, 906, I-II; 112—114. /Тюменск. у./.

94. **Григорьев, В. Ю.** К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края. ИРГО, 906, XLII, в. 2; 353—486.

95. **Грум-Гржимайло, Г. Е.** Белокурая раса в Средней Азии. ЗОО, 909, XXXIV: 163—188.

96. **Гуркин, С. И.** Алтай и алтайцы. Земл, 914, I-II; 183-184. /Кратк. содерж. доклада/.

97. **Huth, Georg, dr.** Die Tungusische Volkslitteratur und ihre ethnologische Ausbeute. ИАН, 901, XV, в 3: 293-316. (Жалобн. песни. Шаманские заклинания.

Д.

98. **Д., А.** Этнографическая экспедиция на Алеутские острова и Камчатку. ЕстГ, 911, IX; 91—93. (Алеуты, креолы, камчадалы/.

99. **Данилов, В.** Особенности психического мира якутов Колымского округа в зависимости от их культуры. ЖСт, 907, III; 170—180. IV. 226—234. 908,I; 34—49. /Психическ. разряжения, вызванные фактами извне (омерики), разряжения в отсутствии определенного об'екта (меперики); форма бессознательного проявления недовольства обществом людей (ирари)/.

100. **Дельвиг, Б. Н.,** бар. Киргизский народный суд в связи с правовым поло-

жением инородцев Степного Края. ЖМЮ, 910, V; 122—140.

101. **Демич, В. Ф.** О змее в русской народной медицине. (Культурно-этнографический очерк). ЖСт. 912, I; 39—60. /На стр. 45, 51, 52, 57 и 58 сведения, касающ. Алтайского края, Томск. губ. и калмыков/.

102*. **Диваев, А. А.** Баксы. ЭтО, 907, IV; смесь. /Из области киргизских верований/.

102-а. — Заклинание и призыв ветра. (Из киргизских поверий). ЭтО, 910, I-II; 131—133. /Записан. в Сыр-Дарьинской области/.

103*. — Ит-ала-каза. (Поверье). ЭтО, 908, I-II; смесь.

104. — Как 80-тилетняя старуха родила 40 ушей. (Сказка киргиз. Сыр-Дарьинской области). ЭтО, 909, IV; 90—95.

105*. — Как киргизы развлекают детей. ЭтО, 908, I-II; смесь.

106*. — Киргизские афоризмы. ЭтО, 907. III; смесь.

107. — Киргизский заговор против укуса ядовитых насекомых и пресмыкающихся. ЭтО, 910, I-II; 128—130. /Сыр-Дарьинской обл./.

108. — Легенда о происхождении Каракиргизов. (Перевод с киргизской рукописи, добытой в Ташкентском у.). ЭтО, 910, I-II; 134—137.

109*. — Олин. Киргизская любовная песня. ЭтО, 907, III; смесь.

110. — Похищенная царевна. (Сказка киргизов Сыр-Дарьинской обл.). ЭтО, 909, IV; 88—90.

111. — Приметы киргизов во время путешествия. ЗОЭ, 909, XXXIV; 483—488. /Перев. с рукописи киргиза Ташкентского у./.

112. — Сказки киргизов Сыр-Дарьинской области. ЭтО, 912, I-II; 200—208. /Перевод. 3 сказок/.

113. — Этнографические материалы. Киргизские сказки о похождениях трех плешивых. I. Киргизский текст. II. Русский перевод. Вып. XI. Ташкент. 1906 г. (Рец. В. Х—ной). ЭтО, 907, I-II; 231-232.

114. **Дмитриев, С. Е.** Байга у каракиргизов по случаю смерти манапа Шабдана Джантаева в Пишпекском уезде. ЖСт, 913, I-II; XXX. /Программа доклада/.

115. **Дмитриев-Садовников, Гр.** Береста и изделия из нее у остяков р. Ваха. ЖСт. 916, I; 08—014.

116. **Добросмыслов, А.** Салы у киргиз. НОрОРГО, 901, XVI; 33—36.

117. **Дунин-Горнавич, А. А.** Очерк народностей Тобольского севера. ИРГО, 904, XI, в. I-II; 31—77. /Быт и экономическое положение остяков и вогулов, самоедов и зырян. Две карты распределения народностей/.

Ж.

118. **Жамцарано, Ц. Ж.** Оно[illegible] агинских бурят. С 9 рис. на 3 отд. л. ЗОЭ, 909, XXXIV; 379—394. /описание коллекций онгонов (изображений духов)/.

119. — Следы шаманства у агинских бурят Забайкальской области. ЖСт, 906. II, о. V; 42. /Краткое содержание доклада/.

— См. № 217.

120. **Житков, Б. М.** Краткий отчет о путешествии на полуостров Ямал. ИРГО. 909, XLV, в. 8; 479—497. /Кратк. очерк быта и условий жизни каменных самоедов (стр. 493—495). Карта полуострова/

121. — Полуостров Ямал. ЗОГ, 913. XLIX; 1—349. /Быт и фольклор самоедов полуостр. Ямала. Карта полуострова/.

122. **Журналы заседаний** Отделения Этнографии 30 янв., 27 февр., 27 марта и 1 мая 1915 г. и выдержки из протоколов II отдела комиссии по составлению этнографических карт России. (Сибирь и Туркестан). ЖСт. 915, III; 29—38. /Обсуждение проектов изменений карты Сибири/.

З.

123. **Зеленин, Дм.** Пельмени и колдуны. ЖСт, 906, III, о. V; 57. /Об употреблении в Сибири пельменей/.

124. — Уксус у русских крестьян. ЭтО, 907, III; 71—74.

125. **Зензинов, В.** В гостях у юкагиров. ЭтО, 914, I-II; 106—126. /Песцовый промысел. Езда на собаках. Оленеводство. Жизнь в тордохе (палатке). Наружность юкагиров. Занятия женщин и мужчин. Гостеприимство. В тексте карта/.

126. — В Русском Устье. Земл, 913, IV; 7—49. /Русские индигирцы; их быт, обряды, песни, сказки. Промыслы/.

127. — Марковцы и русско-устьинцы. (Этнографич. параллели и сравнения). ЭтО, 914, I-II; 155—161. /Быт верхоян-

ских мещан в Русском Устье и марковцев (с. Марково на Анадыре)/.

128. **Золотарев, Д.** Обзор деятельности постоянной комиссии по составлению этнографических карт России при Р. Г. О-ве (15 окт. 1910 г.—15 окт. 1915 г.). ЖСт, 916. I; XI—XXI. /О составлен. этногр. карт Сибири/.

129. **Зуев, А.** Киргизский народный суд. ЖМЮ. 907, X; 161—208.

И. 130. **Ионов, В. М.** Дух—хозяин леса у якутов. СбМАЭ, 916, IV, в. 1; 1—43. /Культ лесного духа. Тексты и перевод призываний к духу/.

131. — К вопросу об изучении дохристианских верований якутов. СбМАЭ, 918, V, в. 1; 155—164.

132 — Медведь по воззрениям якутов. ЖСт, 915, III; 051—058. /Тексты заклинаний на якутском языке с рус. переводом/.

133. — Обзор литературы по верованиям якутов. ЖСт. 914, III—IV; 317—372. /Якутский язык в работах В. Л. Серошевского. В. Л. Серошевский о якутской системе родства и родовом строе. Верования якутов в изображении Серошевского. 9 таблиц системы родства/.

134. — Орел по воззрениям якутов. 1. Почитание орла у якутов. 2. Песня о наступлении года. СбМАЭ, 913, I, в. 16; I—VI+1—28.

135. **Иохельсон, В. И.** Древние и современные подземные жилища племен северо-восточной Азии. Земл, 908. I; 193—195. /Содержание доклада, рисующего быт остяков, алеутов, айнов, гиляков, камчадалов, чукчей, юкагиров/.

136. — Записка В. И. Иохельсона об оказании ему содействия в обработке и издании собранных им материалов по языкам, народному творчеству и этнографии алеутов и племен крайнего северо-востока Сибири. ИАН, 915, IX, в. 16; 1697—1710. /Приложен список научных работ и статей Иохельсона/.

137. — Из писем В. И. Иохельсона, начальника этнологического отдела Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского. ИРГО, 911, XLVII, в. 1—5, 97—111. /Умнацкие раскопки. Изучение алеутского языка и фольклора. Археологические и этнографические коллекции/.

138 — Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Часть 1-я. Образцы народной словесности юкагиров. (Текст с переводом). Изд. Акад. Наук. (Тр. Якут. экспед., снаряж. на средства И. М. Сибирякова, отд. III, т. IX. Часть III). Спб. 1900 г. /Рец. А. Максимова/. ЭтО, 902, II; 166—168/.

139. — Натуралистический сюжет о происхождении комаров и других гадов в сибирско-американских мифах. СбМАЭ, 918. V, в. 1; 201—204.

140. — Об азиатских и американских элементах в мифах коряков. (Доклад, читанный 23 авг. 1904 г. на XIV интернациональном конгрессе американистов в Штутгарте). /Перевод автора/. Земл, 904, III; 33—41. /Сравнение духовной культуры коряков с сагами обитателей сев.-зап. Америки. Коряцкая мифология/.

141. — Образцы материалов по алеутской живой старине, собранных на Алеутских островах в экспедиции Ф. П. Рябушинского. ЖСт, 915, III; 293—308. /Легенды и сказки/.

142. — Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана. ИРГО, 907, XLIII; 63—92. /Организация, задачи и результаты экспедиции 1900—02 г.г., снаряжен. Американским Музеем Естест. Наук в Нью-Йорке. Аляскинские эскимосы и алеуты. Сравнение американских и азиатских эскимосов. Индейцы сев.-зап. Америки и племена сев.-вост. Азии (чукчи,айны, юкагиры, камчадалы и коряки). Кратк. содерж. доклада см. ЖСт, 907, III; 33—35/.

143. Iochelson, Woldemar. Kumiss Festivals of the yakut and the Decoration of Kumiss Vessels. New-York, 1906 (Рец. В. ЖС.) 907. II, о III; 29-30 (Содержан. работы Иохельона в части, касающейся описания кумысных празднеств у Якутов и орнаментации кумыс. посуды).

144. The Jukaghir and the Jukaghirzed Tungus Part I. The Jesup North Pacific Expedition. Memoirs af the Amerikan Museum of Natural History Vol. IX). New York. 1910 (Рец. А. Максимова). Это, 911 III-IV; 212-214.

145. The Koryak. (The Jesup North Pacific Expedition. Memoirs of the Amerikan Museum of Natural History Vol. VI).

New-york 1905-1908. (Рец. А. Максимова). ЭтО, 908, IV; 140-148.

143. **Исследователи** /английские/ Сибири. ВА, 915, III-IV; 85. /Кратк. сведен. об этнограф. обследовании юраков и тунгусов Енисейск. и Вилюйск. округов/.

К.

147. **Казнаков, А. Н.** Монгольское огниво и способ обделки кремня. С 3 рис. в тексте. ЗОЭ, 909, XXXIV; 261—264.

148. **Каннисто, Артур.** По поводу критики на статью «О драматическом искусстве у вогул». ЭтО, 912, III-IV; 145—152. /По поводу ст. В. Богданова. См. № 26/.

149. **Карта** этнографическая Сибири. ВА, 916, IV, № 40; 36—37. /Деятельность сибирской подкомиссии при Р. Г. О. по составлен. этногр. карты Сибири/.

150. **Катанов, Н. Ф.** О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири. УчЗКУ, 903, IV; 133—158. /Татарский текст и русский перевод/.

151. — Отчет о поездке в Минусинский уезд, Енисейской губ., совершенный по поручению ист.-фил. фак-та Казан. Ун-та летом 1889 г. УчЗКУ, 901, V-VI; 1—57. /Списки населенных инородцами мест. Образцы народной литературы са[illegible].

152. — Предания присаянских племен о прежних делах и людях. ЗОЭ, 909, XXXIV; 265—288. /Абакапские инородцы (бельтиры, сагайцы, качинцы) и инородцы Иркутск. губ. (Карагасы).

153. — Предисловие, примечания и указатель собственных имен и якутских слов к сочинению В. Ф. Трощанского: «Эволюция черной веры у якутов». Казань. 1902. УчЗКУ, 903, IV; I—IV+1—166+1—13.

154. **Киргизы** и их музыка. ЭтО, 909, I; 140—142. /Содерж. доклада С. Е. Рыбакова: «Киргизы Тургайской области и их песенное и музыкальное творчество».

155. **Клеменц, Д. А.** О взаимном влиянии между ламаизмом и бурятским шаманством. ЭтО, 909, IV; 25—31.

156 — Из впечатлений во время летней поездки в Алтай в 1904 г. ИРГО, 905, XLI, в. 1; 155—159. /Религиозн. движение у алтайских калмыков под влиянием проповеди Чет-Челпанова/.

157. **К—ов, С.** Из сибирской народной сатиры. ЭтО, 905, IV; 118-119. /Сатира на сибирск. монахов/.

158. — **Кожевников, М. Я.** Природа и люди Колымско-Чукотского побережья. Земл, 912, I-II: 276. /Краткое содержан. доклада/.

159. — Природа и люди на крайнем севере Сибири. Земл, 908, I; 186—191. /Танцы тунгусов Туруханского края/.

160. **Коллекции** предметов этнографии сибирских инородцев, приобретенные этнографическим Музеем Казанск. Университета. УчЗКУ, 916, X-XI; 113.

161. **Кинематографическая** коллекция Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского. РАЖ, 913, III-IV; 133.

162. **Комаров, В.** Два года на Камчатке. (Ботанический отдел Камчатской экспедиции Ф. П. Рябушинского). Земл, 911, I-II; 144—188. /Население Камчатки. Селения, постройки. Промыслы. 3 рис. из быта камчадалов/.

163. — О русском населении Камчатки. РАЖ, 912, II-III: 100—136. /Геогр. располож. поселков. Постройки. Промыслы. 41 рис./.

164. **Кон, Ф. Я.** Из песен западной Сибири. (Песни игровые, хороводные, свадебные). ЭтО, 903, IV; 99—114.

165. — Исследования Ф. Я. Кона в земле урянхов. РАЖ, 902, IV; 116—120. /Деление сойтов на административн. и родов. единицы. Археологич. и антропологич. данные. Отношение к русским. Верования. Жилища. Семейный быт. Свадебные обычаи. Похоронные обряды/.

166. **Косыгина, Ек.** Обычаи тункинских бурят при отправлении на охоту. ЖСт, 915. I-II; 024-025. /В тексте 1 рис./.

167. **Красноженова, М. В.** Семь сказок русского населения Енисейской губернии. (Сибирско-русские сказки). ЖСт, 912. II—IV; 319—350. /Тексты/.

168. **Кузнецова-Ярилова, А. А.** Два рассказа о шаманах. ЗОЭ, 909, XXXIV; 141—144. /Тексты/.

169. **К этнографии** бурят-буддистов. ЭтО, 903, I; 160. /О выставке этюдов Ф. М. Белкина. Один из отделов посвящ. религиозным верованиям бурят-буддистов/.

Л.

170*. **Ларионов, М.** Зырянская и русская свадьба в Обдорске (Тобол. губ.). ЕжРАО, 904, I; 327—354.

171. **Логиновский, К. Д.** О быте казаков восточного Забайкалья. ЖСт, 902, II, о. II; 182—200. /Инородческ. влияние женщин. Постройки. Одежда. Увеселения. Припевы, плясовые песни. Бирки и сельские деревянные календари. Чертежи календарей/.

172. **Людоедство** в Сибири. ЕстГ, 906, III; 87-88. /Из быта юкагиров/.

М. 173. **Майнагашев, С. Д.** Жертвоприн. небу у бельтиров. СбМАЭ, 916, III; 93—102. /Описан. жертвоприношн. Текст молитвы на бельтир. и русск. языке.

174. — Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края. ЖСт, 915, III; 277—292. /4 табл. рис. .

175. — Из материалов по шаманству у сагайцев и соседних племен. ЖСт, 913. III-IV; 49—50. /Програм. сообщения/.

176. — Сказка о купеческом сыне и боярском сыне. ЖСт, 915, III; 045—050. /Записана у сагайцев Минусинск. у. Сагайский текст и русск. перевод/.

177. **Майнов, И. И.** Крестьянская свадьба по реке Илиму (Иркутской губ.). (Запись К. К. Кокоулина). ЖСт. 914, I-II; 45—66. /Свадебные обычаи. Тексты песен/.

178. — Общественный и хозяйственный быт якутов Олекминского округа. ИРГО, 911, XLVII, в. 7-8; 93. /Содержание доклада/.

179. — Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. ЗОС, 912. XII; 1—357. /Состав крестьянского населения. Оседлые инородцы. Скопческие селения. 16 рис. и 3 табл./.

180. — «С. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен». Изд. Акад. Наук. С.-Пб. 1911. Стр. 210, 8°. ЖСт, 911, II; 312—317. /Рецензия имеет характер самостоят. статьи/.

181. — **и Пекарский, Э. К.** Программа для исследования домашнего и семейного быта якутов. ЖСт, 913. I-II; 117—135.

182. **Макаренко, А. А.** Две сказки русского населения Енисейской губ. (Сибирско-русские сказки). ЖСт, 912, II—IV; 351—386. /Опыты издания сибирск. сказок. Характеристика сказателя Е. М. Кокорина. Тексты сказок/.

183. — Канун по сибирским селениям. (Восточная Сибирь, Енисейск. губ.). ЖСт, 907, IV, о. 1; 181—199. /Обычай крестьян варить «канун» накануне местных праздников. Способы варки пива и кануна. Принадлежности варки/.

184. — Краткий отчет о поездке к тунгусам бассейна р. Катанги летом 1908 г. ЖСт, 908, IV; 533-534.

185. — Новогодния ворожба по деревням Енисейской губернии. ЖСт. 901, III-IV; 122—126.

186. — Сибирские песенные старины. ЖСт. 907, в. 1; 1—20; в. II; 25—44; в. III, 55—68; в. IV; 88—95.

187. — Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губ. С 32 иллюстрациями. ЗОЭ, XXXV, 1913; VIII+293. (Рец. Вл. Богданова. ЭтО, 914, I-II; 213—216.

188. — Сибирско-русская народная песенная старина. ЖСт, 906, II, о. V; 43. /Содержание доклада/.

189. **Максимов, А.** Групповый брак. ЭтО, 908, III; 1—48. /Чукчи, алеуты, эскимосы, гиляки/.

190. — Из истории семьи у русских инородцев. ЭтО, 902, I; 41—76. /Брак у юкагиров, чукчей, коряков, камчадалов, курильцев, киргизов, тунгусов, бурят, якутов, гольдов/.

191. — Об одном свадебном обряде. ЭтО, 908, IV; 127—133. /У камчадалов и кораков/.

192. — Ограничение отношений между одним из супругов и родственниками другого. ЭтО, 908, I-II; 1—77. /У юкагиров, енисейских остяков, киргизов, якутов, качинцев, минусинских татар, алтайских калмыков, телеутов, башкир, монголов, бурят, остяков. Рец. А. Макаренко см. ЖСт, 908, IV; 501/.

193. — Превращение пола. РАЖ, 912, I; 1—19. /Палеазиаты Сибири и индейцы Север. Америки/.

194. **Малиновский, И. А.** Начальная страница из истории смертной казни. (Кровавая месть). ЗОЭ, 909, XXXIV. 189—210. /Воззрения на кровавую месть и смерти. казнь у якутов, монголов и бурят. .Литература вопроса/.

195. **Малов, С. Е.** Остатки шаманства у желтых уйгуров. ЖСт. 912, I: 61—74. /3 табл. рис./.

196. — Рассказы, песни, пословицы и загадки желтых уйгуров. ЖСт. 914, III-IV: 305—316. /Характеристика уйгурской [illegible]. Рус. [illegible] образцов/.

197. — Сказки желтых уйгуров. ЖСт. 912, II—IV, 465—476. /Текст пяти сказок/.

198. **Малышев, Н. Н.** Положение киргизской женщины по обычному семейному праву киргизов (по адату). ЖМЮ, 904, II: 128—151. /[illegible] съезда киргизских судей/.

199. **Манизер, Г.** [illegible] (Материалы В. И. Васильева [illegible] Г. Манизера. ЕжРАО. 913, VI: 1—48 [illegible] /34 таб. рис./.

200*. **Миллер, В. Ф.** [illegible]

Мелиоранский, П. И. См. № 288 [illegible] И. Гулкина. ЖСт. 911. III-IV: 445.

201. — [illegible] Сибири. [illegible] I: 1—79.

202. — Исторические песни русского народа XVI-XVII вв. СбОРЯС 915, XCIII. I—VIII, 1—704. /[illegible] записанные в Сибири/.

203. — К былине о Добрыне и Василии Казимировиче. ЖМНПр. 908, IV: [illegible] /[illegible]/.

204. — К сказкам об Иване Грозном. ИзОРЯС. 909, XIV, к. 2: 85—104. /[illegible] сказки, записан. в Сибири (с. 91—93)/.

205. — [illegible] ЭтО. 911, I—II: 185—196. [illegible] калмыков и киргиз/.

206. **Михайлов, В. А.** Заметка по поводу [illegible] ЖСт. 913, I—II: 181—182.

207. — [illegible] ЖСт. 913, III-IV: XXXVIII. /[illegible]/.

208. **Моллесон, М.** Троицкосавско-Кяхтинский Музей. (Русские этнографические музеи и собрания). ЖСт. 913, III-IV; 371—377. /История возникновения и развития музея. Содержание отделов/.

Н.

209. **N., N.** Жизнь в Уссурийском крае. ЕстГ. 911. V: 88—91. (Быт и нравы населен. Уссур. края. Орочи, гольды, удэхэ/.

210. **«Народы** России—художественно-этнографический альбом, под редакцией Ялтуша. М. 1905 г.». Рец. Л., Е. Земл, 906, I-II: 211—217.

211. **Наседкин, Н.** Корейцы Приамурского Края. ЖМНПр. 904, III: 1—61.

212. **Наумов, А. А.** Приложение к труду В. Ф. Трощанского: «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов». Казань. 1902 г. ИзОАИЭКУ. 903, IV: 176—181. /Верования и суеверия якутов/.

213. **Неуступов, А.** Народные рассказы [illegible]. ЖСт. 907, III, в. V: 50-51.

214. **Николаев, В. В.,** свящ. Общественное [illegible] у бурят. (Письмо со станции Оловянной, Забайкальской ж. д.). ЭтО. 902, III: 141—144.

215. **Никольский, Д. П.,** д-р. Программа для собирания сведений о спиртных напитках среди инородцев. ЖСт. 916, I; 021—026.

216. **Новгородов, С.** [illegible] ЖСт. 914, III-IV; 016—020. [illegible] якутский текст с рус. переводом. Предисловие В. [illegible]/.

О.

217. **«Образцы** народной литературы якутов. Кн. I. 1908 г. Под ред. Э. К. Пекарского и А. Д. Руднева». Рец. В. Б. [illegible] 909, IV: 87—94.

218. **Овчинников, М.** Пережиточные формы погребения у якутов. ЭтО, 905, I; 172—176.

219. **О вымирании** сибирских инородцев. ВА 916, II-III: 174-175.

220. **Ольденбург, С. Ф.** [illegible] ИАН. 917, XI, в. 4: 281—286. /[illegible]. Род. 1849 г., ум. 30 ноября 1916 г./.

221. **Остатки** [illegible] в Саянах. Зем. 904, III: 131-132.

222. **Отдел Комиссии** по составлению карт Сибири и Средней Азии. ИРГО, 915.

LI. в. 8; 36–40; в. 10; 86–92. ЖСт. 916, I, о. III; 19—25. /Выдержки из протоколов 1913—1915 г.г./

223. **О трудах Э. К. Пекарского** по Якутскому фольклору. ЭтО. 907. III; 152-153. /Отзыв Залемана/.

224. **Отчет о деятельности** Отделения Этнографии и состоящих при нем постоянных комиссий за 1911 г. ЖСт. 912. I; XII—XX. /Научн. доклады на сибирск. темы. Издан. «Сибирского народного календаря» А. А. Макаренко. Присужд. медалей за труды по Сибири/.

225. **То же** за 1912 год. ЖСт. 913. I-II; XXI—XXVII. /Доклады на сибирск. темы. Присужд. медалей за труды по этногр./.

226. **То же** за 1913 г. ЖСт. 914. I-II; I—VIII. /Проект учрежден. при Ком. по [illegible]/.

227. **То же** за 1914 год. ЖСт. 915. I-II; I—VIII. /Деятельность Сибир. Отдела/.

228. **То же** за 1915 год. ЖСт. 916. I; I—X. /Деятельность Сибирск. Отдела/.

229. **Отчет по** Отделению Этнографии Р. Г. О-ва за 1908 год. ЖСт. 908. IV; 525. /Есть сведен. по этногр. Сибири/.

230. **То же** за 1910 год. ЖСт, 910. IV; 356—360. /О докладах на сибир. темы/.

231. **Очиров. Б. Д. и Шагдаров. С. Б.** Игры и увесел. аларских бурят. ЗОЭ, 909. XXXIV: [illegible]—482.

П. 232. **П., Э. К** материалам по народной медицине. ЖСт, 909, I; 126-127. [illegible] в «Якутскую Жизнь» за 1908 г., № 87/.

233. **Павловский. В.** Вогулы. УчЗКУ. 907, VI—VII; 1—229+I—VIII. /Основн. типы, характер, быт и нравы вогулов. Религия. Рец. П., Вл. см. ЭтО, 910, III-IV; 231—234/.

234. **Патканов, С. К.** О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Изд. Ак. Наук. СПб, 1911 г. Рец. Б., Вл. ЭтО, 911, I-II; 275—278.

235. — Тоже. Рец. [illegible]. ИРГ, 911. VII; 78—81.

236. — Тоже. Рец. Н. [illegible]. ЖСт. 911, II; 312—317.

237. — Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. С 3 племенными картами [illegible]. ЗОЭ. 906. XXXI. ч. I. в. 1-2. ч. II. в. 1. /Географ. распространен., численность, прирост племен: орочон, собственно тунгусов, [illegible] Амур., Примор., Якутск., Сахалин. Рец. Э. Пекарского см. ЖСт. 906, III, о. III; 44-46. ЖСт. 907, I, о. III; 4-5/.

238. — /О составлении племенных карт Сибири/. ИРГО, 915, LI. в. 10; 49. /Содержан. сообщения. См. также ЖСт., 916, I, о. III; 12/.

239. — Проект составления племенной карты России. ЖСт., 915, III; 217-241. /[illegible]/.

240. — Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. (На основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.). Том III. Иркутск. губ., Забайкальск., Амурск., Якутской, Приморск., обл. и о. Сахалин. Зос. 912, т. XI. в. 3; 434—999.

241. — Тоже. Рец. Б., Вл. ЭтО. [illegible]

242. **Пейзен, Г.** Этнографические очерки [illegible] нала 1857 г.). ЖСт, 903, III; 297—357. /[illegible] Образование поселений. Московский [illegible] казаков и ссыльно-поселенцев. Язык. Характер. Увеселения. Образование. Жилища. Одежда. Пища. Песни, сказки, предания. Свадебные обряды. Обычаи, поверья, предрассудки, приметы, пословицы и загадки [illegible]/.

243. **Пекарский, Э. К.** Библиография якутской сказки. ЖСт, 912, II—IV; 529—532.

244. — Из преданий о жизни якутов [illegible]. ЗОЭ, 909. XXXIV. [illegible] о происхождении якутов и их историческом прошлом/.

245. — Из якутской старины. ЖСт [illegible]

Докдусе, по данным М. Овчинникова, М. П. Андросовой и А. А. Наумова/.

246. — Из якутской старины. Об образовании Баягантайского улуса. ЖСт, 907, IV, о. II; 96—96.

247 — Из якутской старины. (Старые писатели о якутах). ЖСт, 908, IV; 495—500. /Извлечение из старин. книги Хвостова и Давыдова «Путешествие в Америку» (стр. 127—138): Домашняя жизнь якутов Одежда. Пища. Свадьба. Шаманство. Суеверия/.

248. — Н. Н. Войнаральский о вымирании якутов. ЖСт, 915, I—II; 03—06.

249. — Подробное содержание якутского спектакля «Олон-хо». ЖСт, 906; IV, о. II; 202—204.

250. — Чачахан. Якутская детская сказка. ЖСт, 906, II, в II; 118—122.

251. — **и Майнов, И. И.** См. Майнов, Н. Н.

252 — **и Цветков, В. П.** Очерки быта приамурских тунгусов. С 4 карт. и 1 табл. (СМАЭ), 913. II, в. 1; 1—128. /Промыслы. Матер. быт. Итоги хозяйств. жизни. Кочевки. Состав населения. Семейн. быт. Верования и нравы. Самоуправлен. и по- [illegible].

253 — **и Цветков, В. П.** Приамурские тунгусы. ЖСт, 911. II; 219—232. /Статистико-этнографич. очерк/.

254. **Передольский, В. В.** По Енисею. Быт енисейских остяков. С рис. по фотографии автора Спб. 1908. (Рец. Б., Вл., ЭтО. 908, IV; 170—172).

255. **Песни** русских сектантов-мистиков. [illegible] в 2 [illegible]. Собрание составл. Т. С. Рождественским и М. Н. Успенским. ЗОЭ, 912, XXXV; 1—872. /Четыре песни перепечатаны из книги Г. Н. Меньшенина: «Поэзия и проза сибирских скопцов». Томск. 1904 г./.

256. **Петри, Б. Э.** Бурятская игра бекэр (кушаки). ЖСт, 916, II—III; 060—062.

257. — Орнамент кудинских бурят. (СМАЭ), 918. V, в. 1; 215—252. /Плотничные, кузнечные и шитье работы. «Солнце», «луна», «бараний рог» и их комбинации. Геометрич. орнамент/.

258. — Селение, двор и юрта кудинских бурят в связи с некоторыми особенностями семейно-родовых отношений. ЖСт, 913, III—IV. /Програм. сообщен./.

259. **Пилсудский, Б.** На медвежьем празднике айнов о. Сахалина. ЖСт, 914. I—II; 67—162. /Культ. медведя. Текст песни. 10 рис./.

260. **Познанский, Н.** Обзор русской этнографической литературы за 1914 год. Великороссы. ЖСт. 915. I—II; 172—216. /Указана литерат. о Сибири/.

261. **Покровский, Ф.** Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году. П20. 913. XVIII, в 4; 257—304. /Быт киргизов по записям 1616 г.: их религия. одежда; быт царей (стр. 272—281)/.

262. **Полевой, И. И.** Жизнь на крайнем Северо-Востоке Сибири. Анадырский край. Земл, 913. IV; 162—168. /Русские марковцы, чукчи, чуванцы. ламуты. юкагиры/.

263. **Попов, В. В.** О жертвоприношении у якутов. (Приложение к труду В. Ф. Троицкого: «Эволюция черной веры (шаманства) у якутов»). УчЗКУ. 903, IV; 182—185.

264. **Попов, Е. П.** Некоторые данные по изучению быта русских на Колыме. ЭтО. 907. I—II; 159—181. /Старины, любовные и сатирические песни русского населения. Реп. Э. Некарского см. ЖСт, 907. III, о. III; 37—38/.

265. **Потанин, Г. Н.** Здунай-ю, Здунай сын Иванович. ЖСт. 901. I; 126—128. /Текст былины, записан. в Енисейск. г./.

266. — Казак—киргизские и алтайские [illegible]. ЖСт, 916. II—III; 47—198. /Собраны в Кокчетавск. уез. Послесловие и примечания написаны Потаниным, указатель собствен. имен—А. Н. Самойловичем/.

267. — Поездка в среднюю часть большого Хингана летом 1899 года. ИРГО. 901. XXXVIII, в. 5; 355—482. /О бурятах Агинск. степи/.

268. — Сказка с двенадцатью персонажами. ЭтО, 903. I; 1—24. II; 1—37. III; 1—26. IV; 28—54. /Аналогичн. мотивы в рус. и инородч. сказках/.

269. **Пруссан, А.** Былина, бывальщина и три песни, записанные в Иркутском у., Иркутской губ. ЖСт. 915. III; 038—041.

Р. 270. **Ровинский, П.** Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаев. Потанина с портретом, 7 отдельными таблицами, 5 рисунками в тексте, нотами и картой. Спб. 1909 г. и 8°, VIII+668. (Изд. Р. Геогр. Общ.). Редактировал д. чл. А. Д. Руднев. ИЗО, 910, XV, в. 3; 314—333.

271. **Родевич, Вс.** Урянхайский край и его обитатели. ИРГО, 912, XVIII, в. I—V; 129—170. /Исторические сведения о сойотах. Домашний быт и характер. Религия. Административный строй. Монгольское и русское влияние. Кратк. содерж. сообщения и прения по нему см. ИРГО, 911, XLVII. в. I—V; 34, 23—24/.

Рождественский, Т. С. См. № 255.

272. **Руденко, С. И.** Инородцы Нижней Оби. (Этнографический очерк). С приложением маршрутной карты с обозначением всех посещенных поселков и названий вогульских, остяцких, самоедских поселков и др. пунктов, имеющихся на маршрутной карте. ТрОЗ, 1909—1913, III; 28—44. /Образ жизни. Промыслы. Пища. Одежда. Утварь. Увеселения. Религия. Медвежий праздник. 1 табл. рис. и 1 карта. Рец. Вл. Богданова, см. ЭтО, 914, III—IV; 197—198; рец. В. Таганцева—ИРГО, 915, LI, в. II; 88/.

273. **Руднев, А. Д.** Заметка о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губернии. СбМАЭ, 905. V; 1—15. /На отд. листе рисунок: «Бурятский иконописец»/.

274. — Мелодии монгольских племен. ЗОЭ, 909, XXXIV; 395—430+01—028. /Литература по музыке монгольской народности. Тексты песен на монгольском языке в русской транскрипции. В тексте 1 рис. и ноты/.

275. — Плут у восточных монголов. ЖСт, 911, II; 301—302. /Из диссертации Руднева: «Материалы по говорам Восточной Монголии» (Изд. Фак. Вост. Яз. № 30. Спб. 1911 г.). В тексте 3 рис./.

276. — Царевна-безручка. (Бурятская сказка). ЖСт,, 912 II—IV; 437—448. /Записана в Верхнеудинск. у. Перевел А. Руднев/.

— См. № 217.

277. **Рычков, К.** Поездка в северо-восточные тундры Туруханского края из с. Дудина. Земл, 914, IV; 94—123. /Быт долган, самоедов, тунгусов, якутов, русских крестьян/.

278. — Тунгусские племена. Очерк. ВА, 917, III; 1—16. /Территория. Деление на племена. Численность. Образ жизни. История. Физ. тип./.

279. **Рябушинский, Ф. П.** Письмо об организуемой им научной экспедиции на Камчатку. ИАН, 906, XXIV, в. 1 и 2; I—II.

С. 280. **Савельев, А. А.** Сказка из Енисейской губ. (Сибирские сказки). ЖСт, 912, II—IV; 387—388.

281. **Савенков, Ив.** К вопросу об эволюции шахматной игры. (Сравнительно-этнографический очерк). ЭтО, 905, I; 1—128. /Шахмат. игра у сойот, калмыков, монголов, бурят, тунгусов, самоедов, якутов. Заимствование шахмат. игры русскими. Програм. для собиран. сведен. о шахматн., шашечн. и др. играх. 2 табл. рис. сойотских шахмати. фигур/.

282. **Самойлович, А. Н.** Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины. (Посвящается памяти В. И. Ламанского). ЖСт. 915, I—II; 161—168.

283. — Из казак-киргизских материалов М. Чокаева. ЖСт, 916, I; 05—07. /Заговор-шутка от блохи. Скороговорки/.

284. — Материалы по киргизской и татарской музыке. (Собран. Всев. Шнитниковым). ЖСт, 913, III—IV; 400—416. /Тексты, русск. перевод и мелодии песен семиреченских киргиз и татар. Исправление текста и перевод сделаны Самойловичем/.

285. — Сказка «Сорок небылиц» по туркменскому, узбецкому и киргизскому вариантам. ЖСт, 912, II—IV; 477—481. /Следы сказки у турок Енисейск. губ./.

— См. № 265.

286. — «Сборник в честь Г. Н. Потанина». ЖСт. 907. IV. /Есть статьи по фольклору сибирских инородцев/.

287. **Синельников, Н. А.** Енисейские остяки, по наблюдениям и измерениям В. И. Анучина, обработанным Н. А. Синельниковым. С 13 рис. Под ред. проф. Д. Н. Анучина ТрАО, 911, XXVIII (НОЛЕАЭ, CXXIV), в. 1; III-IV+1—29.

./Есть сведен. о происхожении, быте и религиозн. понятиях енисейск. остяков. Рисунки типов остяков/.

288. **Сихота-Алин.** Земл. 905, III-IV; 168—170. /Тунгусские племена/.

288-а. **Сказание** об Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежащей Ч. Ч. Валиханову, издал проф. И. М. Мелиоранский. ЗОЭ. 905, XXIX; 1—23 (прилож.). /Рец. см. ЖСт, 906, I, о. III; 9/.

289. **Сиворцов, Е. Ф.** Ленско-колымская экспедиция 1909 года . ИРГО, 914, L, в. 7; 401—428. /Русские, якуты, юкагиры, тунгусы; их быт и взаимные отношения. 10 рис./.

290. **Смирнов, А. М.** Систематический указатель тем и вариантов русских народных сказок. И20, 911. XVI, в. 4; 95—124. 912. XVII, в. 3; 131—175. 914. XIX, в. 4; 103—130. /Есть сведен. о сказках Енисейск. и Томск. губ./

291 — Схематический перечень вариантов сказок Архива Русского Географ. Общества. ЖСт. 911. I: 97—104. /Сказки Енисейск. и Тобольск. губ./.

292. **Соколов, Д. В.** Русский Сахалин. Земл, 912, I-II; 80—162. III-IV; 47—112.

293. **Сокольников, Н.** Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре. ЭтО. 911. III-IV: 71—172./

294. **Составление** этнографических карт России. ВА. 916, II-III; 177. /Деятельность Сибирск. Отд. Комиссии при РГО/.

295. **Статистика** населения России. РАЖ. 905, III-IV: 237—239. /Количество сибирских инородцев по переписи 1897 г./.

296. **Строжецкий, Ян.** Фонографическая запись одной якутской «былины» (олонхо), снятая с валика А. Л. Масловым. Тр. Музыкально-Этнограф. Комиссии, сост. при Этнограф. Отд. О. Л. Е. А. и Э., 911. II (ТрЭО, XVI); 269—296.

297. **Суворов, Е. К. Из** поездки на Командорские острова. (Читано в общем собрании Р. Г. О. 30 марта 1911 г.). мандорские острова. ИРГО, 911, XLVII, в. 6; 237—264. /Алеуты; их быт и экон. состояние. Демографич. данные. Вымирание. Програм. сообщен. см. ИРГО, XLVII, 911, в. 7—10; 88/.

Т. 298. **Теплоухов, С.** Сойотская сказка об Охчизоле. ЖСт, 915, I-II; 07—014. /Рус. текст/.

299. **Термен, А. И.** Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. (Рец. Б. Э. Петри. ЖСт, 915, III; 309—313).

300. **Тиандер, К.** Культовое пьянство и древнейший алкогольный напиток человечества. ЖМНПр, 908, XII, о. II; 203—257.

301. — Матиас Кастрен—основатель финнологии. ЖМНПр, 904, V. о. II; 1—68. /Описан. сибирского путешествия Кастрена. Исследования его в области этнологии/.

302. **Толмачев, И. П.** Заметка по поводу «Образцов Тунгусской народной литературы» в пересказе В. Н. Васильева. ЗОЭ, 909, XXXIV; 41—44. /О тунгусских рассказчиках Даниле и Николае Харагирах/.

303. — Чукотская сказка. ЖСт, 912, II—IV: 495—502.

304. **Толоконский, Н.** Якутские пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, легенды и др. /Рец. Н. Виташевского/. ЖСт. 916, II-III; 231—234.

305. **Трощанский, В. Ф.** Наброски о якутах Якутского округа. Под. ред. и с примеч. Э. К. Пекарского. Казань. 1911 г. Типолит. Казан. унив. /Рец. Н. Виташевского/. ЖСт. 913, I-II; 218—226.

306. — Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов. ЖСт. 911, II; 247—292.

307. — Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. С 10 рис. на отд. листах, 4 приложениями и алфавитным указателем. Посмертное издание, редактированное Э. К. Пекарским, дополненное примечаниями Э. К. Пекарского и Н. Ф. Катанова и снабженное приложениями Э. К. Пекарского, А. А. Наумова и В. В. Попова. Казань 1902. УчЗКУ. 903. IV: I—IV+1—208+1—13. /Рец. А. Сержнутовского см. ЖСт, 907, I, о. III; 5-6/.

308. — Якуты в их домашней обстановке. (Этнографический очерк). ЖСт, 908, III; 332—346. IV; 433—445. /Отрывок из посмерт. труда Трощанского «Наброски о якутах Якутского округа». Жи-

лище. Культ огня. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь. Типы якутов/.

309. **Трубецкой, Н. С., кн.** К вопросу о «Золотой Бабе». ЭтО, 906, I-III; 52—62. /Есть сведен. об инородцах Зап. Сибири/.

310. **Тюшов, В. Н.** По западному берегу Камчатки. (С 38 рис. и 1 карт. на отд. листе). ЗОГ, 906, XXXVII, в. 2; 1—151. /Быт камчадалов/.

У.

311. **Унтербергер, П. Ф.** Приамурский край. 1906—1910 г.г. Очерк. (С 6 к., 21 табл., 55 рис.). ЗОС, 912, XIII; 1—428. /Быт чукчей и коряков Камчатск. области. (Главы IX-X)/.

Успенский, М. И. См. № 255.

312. **Ухтомский, Д., кн.** Жировые лампочки у приполярных народов. ЕжРАО, 913, IV; 151—158. /Эскимосы, алеуты, чукчи. 13 рис./.

313. — Чукотские стрелы. ЕжРАО, 913; IV; 103—122. /В тексте 8 рис. Рец. А. Макаренка см. ЖСт, 913, I-II; 215—218/.

Х.

314. **Харузина, Вера.** К вопросу о почитан. огня. Введ. в программу для собирания сведений о почитании огня у русских крестьян и инородцев, с приложением программы. ЭтО, 906, III-IV; 68—205. /Рец. Э. Пекарского см. ЖСт, 907, II; 21—23/.

315. — Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни. ЭтО, 911, I-II; 1—78. /Наблюдения среди алеутов, камчадалов, гольдов и гиляков/.

Ц.

316. **Цветков, В. П.** Очерки быта приаянских тунгусов. См. **Пекарский, Э. К.**

317. — Приаянские тунгусы. См. **Пекарский, Э. К.**

Ч.

318. **Чеканинский, Ив.** Енисейские старины и историч. песни. (Этнограф. материалы и наблюдения по реке Чуне). ЭтО, 915, I-II; 81—112. /Быт крестьян с. Выдрина. Текст песен с сохранен. лингвистическ. особенностей. 6 рис./.

319. — «Об Илье Муромце». (Сказка Енисейск. губ.). ЭтО, 912, III—IV; 110—113.

319-а. — Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по реке Чупе в Енисейск. губ. ЭтО, 914, III-IV; 61—80.

320. **Черман, Л. К.** Кзыл-кенчь (Киргизская легенда). ЗОЭ, 909, XXXIV; 211—218. /О развалинах близ Каркаралинска/.

321. **Чубинов, Г, Н.** Эволюция функций сибирского шамана. ИРГО, 916, LII, в. 6, о. II; 48—53. /О докладе Чубинова. Прения по докладу. См. также ЖСт, 916, II-III, о. III; 11—17/.

322. **Чукотские коллекции** И. А. Гондатти. Земл, 902, I; 172.

Ш.

323. **Шагдарон, С. Д.** Игры и увеселения агинских бурят. См. **Очиров, Б. Д.**

324. **Шараид, Ц. Ж.** Бурятская сказка о том, как русский Фомка надул двух попов. ЖСт, 906, II, о. II; 115—117. /Записана в Верхоленск. уезде/.

325. **Шахматов, А. А., акад.** Владимир Иванович Ламанский. ИАН, 914, VIII, в. 18; 1339—1352. /Основатель «Живой Старины». Портрет Ламанского/.

326. — Всеволод Федорович Миллер. Некролог. (Читан в засед. Общ. Собран. 7 дек. 1913 г.). ИАН, 914, VIII, в. 2; 71—92. /Прилож. портрет Миллера/.

327. **Шнитников, Всев.** См. **Самойлович, А. Н.**

328. **Штернберг, Л. Я.** Античный культ близнецов при свете этнографии. СбМАЭ, 916, III; 133—189. /Культ близнецов у гиляков, айнов и камчадалов. Приложена статья: «Культовые домики близнецов у гиляков». 6 рис./.

329. — Гиляки. (Из сообщений в Географ. Обществе в 1900—1 г.г.). ЭтО, 904, I; 1—42. II; 19—55. IV; 66—119. /Территория гиляков. Язык. Происхождение. Тип. Внешний быт. Система родства. Брак. Религия. Род и его механизм. Междуродовые отношения.

330 — Идея избранничества в шаманстве у гольдов. ИРГО, 916, LII, в. 6, о. II; 47—53. /Программа доклада и прения по нему/.

331. — К методологии орнамента. Орнамент из оленьего волоса и игл дикобра-

за. Зем, 910, I; 119. /Кратк. содержан. доклада/.

332. — Культ «инау» у племен айну. (2 табл. рис.). ЕжРАО, 904, I; 288—308. /Инау—пучек стружек, предмет поклонения у сахалинск. айнов. Кратк. содерж. доклада см. РАЗК, 904, I-II; 234/.

333. — Орел в сравнительном фольклоре. ЖСт. 913, III-IV; L—LIV. /Прения по докладу в Отд. Этнограф.: Орел в верованиях сибирск. инородцев и в частности в якутской мифологии. Сближение орла с шаманом/.

334. **Щухов, И. Н.** Из отчета о поездке весною 1914 года к казымским остякам. СбМАЭ, 916, III; 103—112. /Домашний быт и культ остяков. Промыслы. Орнамент. Медвежий праздник. В тексте карта р. Казыма и 4 табл. орнаментов/.

Щ. 335. **Щеголев, Ир.** Через Становой хребет. (Изыскание Нелькан-Аянского тракта). Экспедиция 1903 г. ЕстГ, 906, I-II; 40—68. /Есть сведен. о быте тунгусов алданских и майских/.

336. **Щенников, К. В.** Меры протяжения у киргизов Акмолинской области. СбМАЭ, 916, III; 190.

Э. 337. **Эдельштейн, Я. С.** Природа и люди Сихота-Алина. ИРГО, 903, XXXIX, в. 6; 632—634. /Содерж. докл./.

338. — Северный и Средний Сихота-Алин. (Предварительное сообщение). ИРГО, 905, XLI, в. 2; 195—233. /Бы и характер орочей и кинка. 3 рис./.

Я. 339. **Языков, Д. Д.** Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. 12 выпуск. Сб20, 912, LXXXIX, в. 8; 118-119. /Труды по этнограф. остяков и бурят/.

340. **Яковлев, Е.** «Бывальщины» минусинских инородцев. ЖСт, 902, I, о. I; 97—101. /Рассказ качинца о богатырях времени прихода русских в Енисейск. губ./.

341 — Пять сойотских сказок. ЖСт, 902, II, о. II; 237—244.

342. **Якутский музей.** ЭО, 913, I-II; 338-339. /Коллекции музея/.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

Аддер, 2.
Андросов, М. И. 245.
Апучин, В. И. 46, 287.
Апучин, Д. И., проф. 32, 287.
Аристов, Н. Н. 35.
Багауддин, шейх 150.
Белкин, Ф. М. 169.
Богданов, В. 14. 148. 187, 272.
Богораз, В. Г. 20.
Валиханов, Ч. Ч. 288-а.
Василий Казимирович, богатырь 203.
Васильев, В. И. 20. 49. 80. 199. 302.
Виташевский. Н. 304. 305.
Войнаральский, Н. Н. 248.
Волков, Ф. 80.
Гондатти, Н. Л. 30, 322.
Гуляев. С. И. 200.
Давыдов 247.
Джантаев, Шабдан 114.
Добрыня (богатырь) 203.
Дорогостайский, В. Ч. 22.
Доодус, якут 245.
Дудин, С. М. 11.
Елигей 288-а.
Жамцарано, Ц. Ж. 217.
Зальман, К. Г. 220, 223.
Здунай (богатырь) 265.
Иван Грозный. 204.
Илья Муромец (богатырь) 319.
Попов. В. В., 216.
Иохельсон. В. И. 136, 137.
Каннисто. А. 26.
Кастрен. Матиас 301.
Катанов. Н. Ф. 307.
Клеменц, Д. А. 20. 61, 206.
Кокорин. Е. М. 182.
Кокоулин, К. К. 177.
Кон. Ф. Я. 165.
Ламанский. В. И. 282. 325.
Логиновский. К. Д. 57.
Майнов. Н. Н. 236, 251.
Макаренко, А. А. 46, 61, 70, 192, 224, 313.
Максимов, А. 30, 138.
Манизер, Г. 199.
Маслов, А. Л. 296.
Мелиоранский, проф. 35, 51, 288-а.
Меньшенин, Г. И. 255.
Миллер, В. Ф. 326.
Наумов, А. А. 245, 307.
Никифоров, А. 41.
Овчинников. М. 245.
Остроумов. Н. Г. 84.
Охинзол 298.
Очиров, Б. Д. 323.
Патканов, С. 180.
Пекарский, Э. К. 73, 80, 223, 237, 264, 305, 307. 314. 316, 317.
Петлин, Иван 261.
Петри, Б. Э. 299.
Пилсудский, Б. О. 57.
Попов. В. В. 307.
Потанин, Г. Н. 266, 270, 286.
Рождественский, Т. С. 255.
Рудиев, А. Д. 217. 270, 275, 276.
Рыбаков, С. Е. 154.
Рябушинский, Ф. Н. 67, 137, 141, 161, 162.
Самойлович, А. Н. 265. 284. 327.
Серяпутовский, А. 307.
Серошевский, В. Л. 133.
Сибиряков Н. М. 138.
Спиридонов, Н. А. 287.
Татаринов, В. 272.
Тектамыш 288-а.
Толматов, Н. Н. 40.
Троицкий. В. Ф. 73. 153. 212. 263. 308.
Успенский. М. Н. 255.
Хангалов, М. Н. 206.
Харагиры, Данило и Николай, тунгусск. рассказчики 302.
Хвостов 247.
Х—на (Харузина), В. 113.
Чет-Чеманов 156.
Чокаев, М. 283.
Чубинов, Г. Н. 321.
Шинтяков. В. 284.
Янчук 210.

УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕН И НАРОДНОСТЕЙ.

Айны—135, 142, 259, 332.
Алеуты—98, 135, 136, 137, 141, 142, 189, 297, 312, 315.
Американоиды—15.
Башкиры—192.
Бельтиры—152, 173, 205.
Буряты—7, 20, 55, 88, 118, 119, 155, 166, 169, 190, 192, 194, 206, 207, 214, 231, 256, 257, 258, 267, 273, 276, 281, 299, 300, 323, 324, 339.
Вогулы—26, 84, 87, 90, 117, 148, 233, 272.
Гиляки—135, 189, 199, 315, 328, 329.
Гольды—190, 315, 330.
Долгане—25, 277.
Енисейцы—см. остяки.
Зыряне—117, 170.
Индейцы—193.
Инородцы абакан.—152.
Инородцы алтайск.—8, 88, 96.
Инородцы Амура—57.
Инородцы Ачинск. у.—68.
Инородцы Зап. Сиб.—150, 309.
Инородцы Минусин.—4, 94, 340.
Инородцы сибирские—3, 17, 160, 215, 219, 268, 286, 295, 333.
Инородцы Тобольск. севера—117.
Инородцы Туруханск. края—38.
Калмыки—61, 101, 156, 192, 205, 281.
Камчадалы—98, 135, 142, 162, 190, 191, 310, 315.
Карагасы—20, 39, 85, 152.
Кара-киргизы—108, 114.
Качинцы—152, 192, 205.
Кинака—337, 338.
Киргизы—51, 88, 100, 102, 102-а, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 116, 129, 154, 190, 192, 198, 205, 261, 266, 282, 283, 284, 288-а, 320, 336.
Китайцы—14.
Корейцы—211.
Коряки—140, 142, 145, 190, 191, 311.
Креолы—98.
Курильцы—190.
Ламуты—12, 88, 262.
Монголы—8, 23, 82, 147, 192, 194, 217, 274, 275, 281.
Народности Вост. Сиб.—18.
Народности Сев.-Восточ. Азии—20, 27, 31, 135, 136.
Народности Сев.-Зап. Америки—18, 140.
Орочи—15, 16, 36, 209, 337, 338.
Остяки—22.
Остяки—10, 11, 24, 46, 66, 90, 115, 117, 135, 192, 205, 254, 272, 287, 334, 339.
Палеазиаты—193.
Русские—см. в конце.
Сагайцы—151, 152, 175, 176.
Самоеды—25, 117, 120, 121, 221, 272, 277, 281.
Сойоты—37, 165, 271, 281, 298, 341.
Тазы—см. орочи.
Тангуты—23.
Татары—102, 284.
Телеуты—192.
Тибетцы—23.
Тунгусы—12, 25, 40, 41, 59, 65, 69, 70, 78, 81, 88, 97, 146, 159, 184, 190, 205, 237, 252, 253, 277, 278, 281, 288, 289, 302, 316, 317, 335.
Тюрки—35, 174, 285.
Удэхэ—см. орочи.
Уйгуры—195, 196, 196.
Урянхайцы—см. сойоты.
Чалканцы—262.
Чукчи—29, 30, 31, 32, 33, 34, 63, 88, 135, 142, 189, 190, 262, 303, 311, 312, 313, 322.
Эскимосы—142, 189, 312.
Юкагиры—125, 135, 138, 142, 144, 190, 192, 205, 262, 289.
Юраки—25, 146.
Якуты—12, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 80, 88, 91, 99, 130, 131, 132, 133, 134, 143, 153, 178, 181, 190, 192, 194, 205, 212, 216, 218, 223, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 263, 277, 281, 289, 296, 304, 305, 306, 307, 333.

РУССКИЕ.

28 (Колымск. окр.); 45 (Нижнеуд. окр.); 49 (Якут. обл.); 88, 89, 91—93 (Зап. Сиб.); 101 (Алтай); 123, 124, 126—127 (Якут. обл.); 157, 163 (Камчатка); 164 (Зап. Сиб.); 167 (Енис. губ.); 170 (Обдорск); 171 (Забайкалье); 177 (Ирк. губ.); 200, 201, 202, 203 (Барнаул); 204, 213, 232 (Охотск. окр.); 242 (Енис. губ.); 255 Сектанты); 260, 262 (Анадыр. край); 264 (Камчат. край); 265 (Енис. губ.); 268, 269 (Иркут. губ.); 277 (Туруханск. край); 280 (Енис. губ.); 281, 289 (Калмык. край); 290 (Енис. и Томск. губ.); 291 (Енис. и Тобольск. губ); 292 (Сахалин); 293 (с. Марково на Анадыре); 314, 318 (Енис. губ.); 319 (Енис. губ.)

Распределение статей по географическому признаку.

Абаканский край—152.
Агинский дацан—23.
Азия Северная—2.
Азия Северо-Восточ.—20, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 63, 135, 136, 142, 262, 312, 313, 322.
Азия Средняя—95, 222.
Акмолинская обл.—336.
Алеутские острова—98, 141.
Алтай—8, 96, 101, 156.
Америка Северная—193.
Америка Северо-Запад.—18, 140, 142.
Амурский край—6, 57, 211, 237, 240, 311.
Анинский уезд—68.
Барнаул—263.
Баягантайский улус—246.
Вах, р.—115.
Верхнеудинский уезд—276.
Верхоленский уезд—324.
Вилюйский уезд—146.
Гродеков—62.
Дальний Восток—67.
Енисейск—25.
Енисейская губ.—4, 9, 10, 11, 25, 59, 61, 66, 68, 151, 167, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 242, 254, 265, 280, 285, 287, 290, 291, 318, 340.
Енисейский уезд—146.
Забайкальская обл.—55, 119, 171, 214, 237, 240, 273, 299.
Иим, р.—177.
Иркутская губ.—152, 166, 177, 237, 240, 269, 299.
Иркутский уезд—7, 269.
Казым, р.—334.
Камчатская обл.—98, 161, 162, 163, 137, 279, 310.
Канский уезд—242.
Каркалинск—320.
Катанга см. Хатанга.
Кит[illegible]—261.
Кокчетавский уезд—266.
Калымский уезд—28, 50, 99, 138, 158, 264, 289.
Командорские острова—297
Конда, р.—90.
Майское ведомство—65.
Марково, сел. Камчат. обл.—127, 293.
Минусинск—52, 53.
Минусинский уезд—4, 94, 151, 174, 175, 176, 242, 341.
Монголия—82, 83, 261, 275.
Обдорск—56, 170.
Обь Нижняя—272.
Олекминский уезд—78, 178.
Охотский уезд—232.
Пермская губ.—84.
Пишпекский уезд—114.
Приамурский край—см. Амурский край.
Приморская обл.—189, 191, 237, 240, 252, 253, 315, 328, 329, 330, 335.
Русское Устье—126, 127.
Сахалин—43, 237, 240, 250, 292, 332.
Саяны, горы—37, 221.
Семипалатинск. обл.—320.
Семиреченск. обл.—114, 326-а.
Сибирь Восточн.—190.
Сибирь Западная—91, 92, 93, 150, 164, 309.
Сибирь Северо-Восточ.—262, 312, 313.
Сихота-Алин—288, 337, 338.
Средне-Колымск—13.
Становой Хребет—335.
Степной Край—100.
Сыр-Дарьинская обл.—102-а, 104, 107, 110, 112.
Ташкентский уезд—108, 111.
Тобольская губ.—26, 84, 117, 170, 291.
Томская губ.—290
Троицкосавск—208.
Тургайская обл.—154.
Туркестан—122.
Туруханский край—38, 41, 46, 159, 277.
Тюменский уезд—91, 92, 93.
Урга—273.
Уранхайский край—37, 165, 271.
Уссурийский край—14., 18, 209.
Хатанга, р.—69, 70, 184.
Хинган Большой—267.
Чердынский край—87.
Яблонов. хребет—22.
Якутск—60, 342.
Якутская обл.—13, 42, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 178, 179, 181, 212, 216, 218, 237, 240, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 263, 304, 305, 306, 307, 308.
Якутский уезд—65, 73.
Ямал, полуостр.—120, 121.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Администрат. устройство—165, 271.
Айрон (напиток)—4.
Альбом этнографич.—210.
Антропология—12, 36, 39, 165, 193, 199, 233, 237, 242, 271, 278, 287, 308, 329.
Афоризмы—106.
Байга—114.
Библиография—36, 77, 82, 133, 194, 243, 260, 339.
[illegible]—293.
Брак—36, 72, 189, 190, 329.
Бубен шамана—42, 80.
Былины—см. старины.
Быт—12, 20, 22, 23, 25, 37, 38, 39, 70, 81, 117, 120, 121, 126, 127, 135, 162, 174, 209, 233, 251, 254, 261, 262, 264, 277, 278, 287, 289, 297, 310, 311, 316, 329, 335, 338.
Быт домашний—125, 181, 247, 271, 308, 334.
Быт материальный—30, 252.
Быт религиозный—см. религия.
Быт родовой—133, 165, 192, 258.
Быт семейный—36, 39, 165, 181, 190, 252, 258.
Быт социальный—178.
Быт экономический—36, 88, 117, 178, 252, 297.
Быт юридический—см. право.
Верования—39, 90, 102, 131, 133, 165, 169, 212, 252, 306, 333.
Ветеринария народная—45.
Вымирание инородцев—58, 59, 85, 180, 219, 234, 235, 236, 237, 248, 297.
Выставки этнографич.—19, 169.
Гадания—185, 304.
Говоры—275.
Грамотность—88.
Дети—105, 315.
Женщина—см. положение женщины.
Жертвоприношение—173, 207, 263.
Жилище—30, 39, 87, 90, 125, 135, 165, 242, 308.
Загадки—196, 242, 304.
Заговоры—6, 107, 283.
Загробная жизнь (верование)—174.
Заклинания—102-а.
Занятия—30, 87, 90, 125, 237.
[illegible]—94.
Зурначины (художник монгольск.)—273.
Игра шахмати. (история)—281.
Игры—30, 43, 231, 256, 323.
[illegible]—118.
Изделия—115.
Иконография—273.
Имена племенные—35.
Имена собствен.—153, 266.
Инвентарь—308.
Искусство—26, 148.
Исследования—36, 76, 146, 165, 181.
История (народност.)—190, 245, 246, 247, 271, 278.
Календарь народн.—171, 187, 224.
Камлание—5, 13.
Карты географич.—3, 14, 120, 121, 125, 222, 270, 272, 334.
Карты этнограф.—18, 44, 117, 122, 128, 149, 222, 226, 238, 239, 294.
Коллекции этнограф.—1, 19, 21, 30, 52, 53, 62, 64, 68, 118, 137, 160, 161, 322, 341.
Кочевка—252.
Кровавая месть—194.
Культ близнецов—328.
Культ ипау (пучек стружек)—332.
Культ медведя—132, 259, 272.
Культ огня—308.
Культ религиозный—см. религия.
Культовое пьянство—300.
Культура—140, 147.
Ламаизм—20, 135.
Лампочки жировые—312.
Легенды—7, 24, 29, 40, 91, 92, 93, 108, 141, 244, 266, 304, 320.
Литература народн.—23, 40, 151, 217, 302.
Людоедство—50, 172.
Мебель юрты—308.
Медицина народн.—45, 61, 101, 232.
Мелодии—274.
Меры протяжен.—336.
Мифы—139, 140, 333.
Моление—см. религия.
Музеи этнографич.—1, 21, 30, 33, 52, 53, 55, 56, 62, 64, 66, 80, 142, 144, 145, 160, 208, 341.
Музыка—154, 274, 284.
Напевы—8, 13.
Напитки—4, 143, 183, 215, 300.
Народы России—210.

Население—162, 163, 179, 242, 252.
Ноты—270, 274.
Нравы—209, 233, 252.
Образование—242.
Обряды—126, 304.
Общество—57, 61.
Обычаи—90, 166, 242.
Обычаи вотяцкие.—165, 205, 218.
Обычаи свадебные—165, 191, 242.
Обычаи юридические—см. право.
Одежда—30, 36, 39, 42, 66, 80, 87, 171, 242, 247, 261, 272.
Оленеводство—125.
Онгоны—см. идолы.
Орел в фольклоре—134, 333.
Орнамент—143, 257, 331, 334.
Орудия—30.
Оружие—2, 30, 313.
Охота—166, 206.
Песни—9, 86, 97, 109, 126, 134, 164, 171, 177, 186, 196, 242, 255, 259, 264, 269, 274, 284.
Песни историч.—275.
Пища—30, 36, 39, 87, 123, 124, 242, 247, 272.
Поверия—102-а, 103, 242, 304.
Повинности—252.
Поговорки—51.
Поездка—см. экскурсия.
Положение женщины—39, 198, 282.
Поселки—см. селения.
Пословицы—51, 196, 242, 304.
Постройки—36, 162, 163, 171, 258.
Посуда—143.
Почитание огня—314.
Поэзия народная—196.
Право обычное—72, 79, 100, 198.
Праздники—143, 183, 259, 272, 334.
Предания—41, 152, 242, 244, 266.
Предрассудки—см. поверия.
Приметы—111, 242.
Программа—181, 215, 306.
Промыслы—125, 126, 162, 163, 251, 272, 334.
Психоневроз—75, 99.
Раскопки—137.
Рассказы—23, 168, 196, 213, 340.
Рассказчики—302.
Религиозное движение—156.
Религиозные войны—150.
Религия—17, 30, 31, 36, 39, 61, 87, 118, 130, 143, 169, 214, 216, 233, 237, 261, 271, 287, 315, 329, 334.
Ремесла—36.
Рисунки инородцев—32, 87.
Родствен. отношен.—72, 133, 329.
Сады—116.
Самоубийство—63.
Сатира народная—157.
Свадьба—170, 177, 247.
Селения—151, 162, 163, 242, 258, 272.
Сказания—288-а.
Сказания—182.
Сказки—40, 77, 104, 110, 112, 113, 126, 141, 167, 176, 182, 197, 204, 250, 266, 268, 276, 280, 285, 290, 291, 298, 303, 319, 324, 341.
Сконцы—179, 255.
Словарь (материалы)—4, 28, 36, 45.
Смертная казнь—194.
Старина—см. история.
Старины—186, 188, 200, 203, 264, 265, 269, 296, 318.
Статистика—28, 35, 39, 180, 234, 235, 236, 237, 240, 241, 252, 253, 278, 297.
Стрелы—313.
Строй общественный—252.
Суд народный—100, 129.
Суеверия—212, 247.
Танцы—159.
Творчество народное—136, 154.
Территории этнографич.—36, 278, 329.
Тракт Московский—242.
Увеселения—60, 171, 231, 242, 249, 272, 323.
Украшения—30.
Утварь—30, 87, 272.
Фольклор—87, 121, 137, 138, 223, 286, 333.
Фонограф в этнограф.—13, 76, 296.
Шаман—см. шаманство.
Шаманство—11, 17, 20, 27, 42, 66, 74, 80, 83, 97, 119, 155, 168, 175, 195, 207, 212, 247, 263, 307, 321, 330, 333.
Экономическое состояние—см. быт экономический.
Экскурсия—69, 70, 151, 184, 267, 277, 297, 334.
Экспедиция—21, 22, 40, 46, 65, 67, 71, 98, 137, 142, 144, 145, 161, 162, 279, 289, 335.
Эмбриология права—72.
Этнология—18, 36, 49, 88, 142, 271, 289, 301, 329.
Язык—51, 87, 133, 136, 137, 138, 237, 240, 241, 242, 274, 329.

Посвящается
Старейшему Сибирскому Краеведу
Алексею Кирилловичу
Кузнецову.

ПЕРВЫЙ ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СЪЕЗД

11—18 января 1925 г.

ОБЗОР РАБОТ
ТЕЗИСЫ
РЕЗОЛЮЦИИ

Краткий обзор работ Съезда.

Настоящий обзор отмечает крупное событие в краеведческой жизни Восточной Сибири: 1-й Восточно-Сибирский Краеведческий Съезд.

Обширный край впервые привлек общественное внимание в этой форме, которая наиболее плодотворно может обеспечить углубленное и всестороннее его изучение.

Осуществив этот Съезд, мы не отстали от общей краеведческой жизни Республики. Мы сделали первый подсчет силам. Попытались ориентироваться в произведеных и производящихся работах о крае. Попытались организоваться и кинуть краеведческие ростки на места.

Сказано и сделано пока самое нужное, самое очередное. Каковы же результаты? Выявить их в сжатой конспективной форме тезисов и резолюций и призван настоящий обзор.

Подробнее в будущем—в „Трудах“ съезда. Полную картину выполненной коллективной работы необходимо будет развернуть и для будущего 2-го В.-Сибирского Краеведческого Съезда, который, надо думать, не повторит допущенных промахов и соберется при большем и дружном участии краеведов с мест.

Обратимся к нашему, только что закончившемуся, Съезду.

Он открылся при наличии 97 участников с правом решающего голоса и происходил в течении 8 дней (11—18 января 1925 года) публично при участии гостей (иркутян и приезжих).

Бурятия дала 14 делегатов, места Иркутской губернии—12, Забайкалье—1-го. Остальных дали иркутские организации. За дальностью расстояния не смогли прибыть представители северных уездов (Киренск и Бодайбо) и еще более далекой Якутии. Краеведы и профорганизации последней прислали теплый привет Съезду и выразили сожаление о невозможности приезда своих представителей за отсутствием средств.

Краткий обзор работ Съезда.

Среди участников Съезда были представители Государственных планирующих органов, научные работники Иркутского Государственного Университета, члены ряда научных краеведческих организаций: В. С. О. Р. Г. О., Троицсосавско-Кяхтинского Отдела Р.Г.О., Забайкальского Отдела РГО, Бурят-монгольского Научного Общества имени Д. Банзарова, Иркутского Биолого-Географического Института, Научных музеев г.г. Иркутска, Верхнеудинска и Троицкосавска, архивоведческих, геологических, гидрографических, метеорологических, агрономических и др.; представители учреждений народного образования и политико-просветительной работы, городского и сельского учительства, профсоюзов, студенчества... Высоко квалифицированный работник, и самоучка практик, и начинающая юная сила—составили коллектив Съезда.

Президиум Съезда был избран в лице следующих его участников: т. Золотарев (Завгубоно), т. Плис (Предгик'а), т. Трелин (Предкомвнуторга), проф. Бушмакин (Ректор Университета), Казаринов (Председатель ВСОРГО), Зицерман (декан Педфака), проф. Козьмин (представитель Бурятии), проф. Цибиков (представ. Бурятии), т. Кожиков (представитель Бурятии). В состав президиума вошли также председатели секций и выставочной комиссии. Председателями секций стостояли: общего краеведения—проф. Азадовский, ист.-этнологической—проф. Маннс, экономической—Черкунов (Завгубстатбюро), биологической—проф. Дорогостайский, и физико-географической—Шостакович (Зав. Метеорологической обсерваторией). Председателем выставочной Комиссии—Ходукин (зав. Научным Музеем).

Работы Съезда проходили в пленуме и секциях. Заседаний Пленума было 7, в которых было заслушано 7 докладов, 1 содоклад и сообщения мест. На пленум выносились наиболее важные и в то же время разнообразные вопросы. Они касались: очередных задач краеведческой работы, наиболее животрепещущих сторон экономики края, районирования, краеведческой проблемы в школе, организации краеведческих сил края. Доклады с мест делались представителями: Верхнеудинска, Троицкосавска, Верхоленска, Н.-Удинска, Куйтуна. Иркутские организации с докладами не выступали за отсутствием времени.

Съезд разбился на следующие секции: Общего Краеведения, Экономическую, Физико-географическую, Биологическую и Историко-этнологическую.

Секция *Общего Краеведения*, при 7 заседаниях заслушала 13 докладов; из них вопросам школьного краеведения было посвящено 7 докладов; политико-просветительной работе—3; организации и практике краеведческой работы—3.

Краткий обзор работ Съезда.

Секция *Экономическая* в 4 заседаниях имела 10 докладов по след. вопросам: полезные ископаемые и горная промышленность, сельское хозяйство, торговля, кооперация, электрификация, промысловые звери и растения, пчеловодство и борьба с самогонокурением.

Секция *Физико-географическая* в 5-ти заседаниях проработала 17 докладов по вопросам: гидрографии и гидрологии, геологии, сейсмографии, минеральных источников, климатологии, картографии, земного магнетизма.

Секция *Биологическая* при 5-ти заседаниях имела 7 докладов по биологии (краеведческие задачи в ней), зоофауне, ихтио-фауне, о вредителях сельского хозяйства, и о лекарственных растениях.

Секция *Историко-этнологическая* в своих 23 докладах в течении 7 заседаний коснулась вопросов этнографии, фольклора и диалектологии русского населения Восточной Сибири, изучения быта и истории туземных племен В. Сибири, археологии края, истории революционных движений (в частности, вопроса о декабристах в ссылке) и вопросов организационных.

Кроме того, после Съезда состоялось совещание музейных работников, имевшее 1 заседание, на котором был зачитан и обсужден доклад „О музейном строительстве".

Этот беглый и формальный перечень лишь характеризует разнообразие затронутых Съездом вопросов и их практический уклон, но, конечно, не вскрывает существа проделанной работы.

Указанные итоги свидетельствуют о том, что дело краеизучения бьет горячим ключем во всех областях знания и во всех областях практики. Этот же наплыв тем и материалов оказался и на краеведческой выставке, спешно организованной к Съезду. Обзор выставки изложен особо.

Одновременно со Съездом была выставлена краеведческая литература в Библиотеке Государственного Университета и в библиотеке ВСОРГО.

Таковы общие контуры работы. Нельзя не отметить, что Съезд тепло был встречен Государственными учреждениями края и Советской общественностью. Это сказалось в тех приветствиях, которые были получены и выслушаны Съездом.

В числе этих приветствий были: от Сибирского Отдела Народного Образования, от Иркутского Исполнительного Комитета, от представительства БМАСС Республики, от краеведче-

ских и научных учреждений Сибири, от профорганизаций, от студенчества, от хозяйственных организаций, от Советской прессы (газета „Советская Сибирь“) и от отдельных краеведов из разных пунктов Республики.

В свою очередь Съезд отметил своими приветствиями ряд учреждений и лиц. Среди последних было принесено приветствие старейшему сибирскому краеведу А. К. Кузнецову, накануне его 80-тилетия.

В заключение должно указать, что выдержать единообразную тезисную форму докладов при печатании в настоящем сборнике не представилось возможным: некоторыми докладчиками вместо тезисов даны схемы, некоторыми вместо тезисов доставлены доклады, и редакции пришлось самой их конспектировать. Эти отдельные недостатки, думаем мы, не отразятся существенно на общем характере обзора, имеющего целью дать лишь сжатое представление о Съезде.

М. Е. Золотарев.

Речь на открытии краеведческого съезда.

Нам известно, что еще в дореволюционное время вопросы краеведения занимали в русской, а также, в частности, сибирской общественности громадное место. Наличие такой организации, как Русское Географическое О-во с его филиалом в г. Иркутске свидетельствует о тех формах, в которые объединялись наши краеведческие силы.

Однако не наша вина, а наша беда, что мы не могли, не смотря на наличие этих краеведческих сил, до сей поры собраться и обменяться своими мыслями по интересующим нас вопросам.

Действительно, эпоха империалистической войны, а потом гражданской, когда рабочим и крестьянам приходилось доказывать своим врагам, что только они являются доподлинными хозяевами своего государства, никак не могла содействовать созыву какого-либо съезда.

В это время надо было напрячь все силы. чтобы удержать фронт против наседавших сил буржуазии.

Но вот война окончилась. наступили другие дни. Надо было разрешить вопросы хозяйственного строительства, без чего никак нельзя было мыслить мощь и крепость пролетарского государства.

И только тогда, когда мало-по малу-жизнь налаживалась, возможно было подумать о вопросах культуры созидательного творчества. Мы должны были заняться тем творчеством, которое является делом всей народной массы. Здесь уже не работа отдельных лиц или групп, а целых масс. Здесь не работа тех или иных центральных органов, а доподлинная деятельность всей периферийной массы рабочих и крестьян. Ведь, смысл советской общественности таков, что она никак не может существовать без самодеятельности массовых ячеек,—именно, здесь сосредоточивается центр тяжести работы. Это есть самое демократическое построение нашей общественности. Наше государство есть сумма этих децентрализованных ячеек.

Подобное построение нашей государственности сугубо выдвигает вопросы краеведения. Не зная своего края, мы не можем правильно поставить его хозяйства, мы не в состоянии понять задач, стоящих перед нами в различных областях.

Это же невольно побуждает нас смотреть на вопросы краеведения, изучения жизни малых народностей, не сквозь призму культуртрегерства, не методом насаживания на булавку той или иной букашки, но приступать к этому с широко и глубоко продуманным планом, основанным на потребностях края и его народонаселения.

Мы, конечно, менее всего рассчитываем, что настоящий Съезд до конца разрешит тот ряд вопросов, который ставится современным краеведением. Мы рассчитываем на более скромную задачу: произвести поверку краеведческим силам, которые имеются в настоящее время, начиная нашими крупными центрами и кончая самой глухой периферией.

Сделав этот клич, нужно наметить вехи нашей ближайшей работы и прощупать тот пульс, который является пульсом сегоднешнего дня.

Наконец, последний момент, это установление тех организационных форм, в которые должно вылиться наше краеведческое обследование. То оргбюро, что было, имело узкую задачу собрать съезд. Съезду надлежит укрепить эту работу.

Будем надеяться, что Съезд исчерпывающе проработает намеченную программу и станет тем фундаментальным камнем, который послужит дальше для здания краеведения.

П. К. Казаринов.

На новых путях краеведения.

К итогам работ 2-й Всесоюзной Конференции по краеведению.

(Речь при открытии 1-го Восточно-Сибирского Краеведческого Съезда).

Товарищи по изучению края! Мы собрались на новых путях краеведения, под знаком движения, мощно разлившегося в С.С.С.Р.

Давно ли было то время, когда наши силы считались единицами, когда одна—две дюжины стульев были вполне достаточны для любого общего собрания, когда редкие издания о крае в серых обложках „Записок“ или „Известий“ находили крайне негостеприимное отношение на книжном рынке...

Общественное равнодушие мертвым кольцом окружало работу краеведов. Были ли виновны наши отцы и деды по этой работе в своей замкнутости и, если хотите, академичности? Вряд-ли... *Вне* краеведческих организаций лежали те тяжелые условия, которые не позволяли краеведению вырасти в научно-общественное движение.

Мы помним до-революционную школу, где, как уже указывалось сегодня, тщательно изучалась одежда римского воина и не давалось никакого представления о своем крае; мы помним прежние внешкольные учреждения, заботившиеся о надклассовой морали и не сумевшие воспитать даже небольшого краеведческого интереса, хотя бы возле наших библиотек; мы помним те ядовитые испарения невежества населения, которые делали невыносимой для пионеров краеведения исследовательскую работу на местах...

Миновали эти условия. Революция открыла новые пути краеведчества.

Но та самая черта, которая отличает краеведение сегодняшнего дня, была присуща и до-революционному краеведению.

Эта черта—*коллективизм работы.* Она прирождена этой работе. Краеведение—не наука, а путь рабочего исследования. В его основе лежит разделение и сложение, кооперация исследовательского труда. Там же, где труд кооперируется, является естественное стремление уравновесить его слагаемые, выработать условия взаимозависимости частей. Если здесь отстали физико-географические исследования, то на этом проигрывают все остальные: тормозится труд изучающих хозяйство и население края. Правильная постановка статистических работ возможна лишь при полном предварительном учете материала, добытого этнографами или экономистами о данном крае и пр.

Деятели до-революционного краеведения, слагая и разделяя свой труд, не имели возможности построить его по определенному плану и урегулировать ход отдельных изучений. Этих деятелей, во-первых, было мало, и мобилизация их была случайна, диктовалась лишь личной склонностью работающих и отсутствием общественных стимулов к работе. Во-вторых, они, эти работавшие группы, были разобщены, разрознены, расселены. Поэтому, мы имеем крайне пеструю картину обследованности нашей страны. Разным исследовательским дисциплинам по-разному была и удача. Страна была изучаема звеньями, клочками. Создавалась краеведческая чересполосица. Работа групп оставалась внутри их, она не могла разжечь движения, она не была пропагандирована школой, она не культивировалась прессой, топившей живое дело в болоте „местной жизни", *она не была поставлена в условия общественного развития.*

Внутри же работавших групп, характеризовавшихся постоянством своего состава, шла глубокая и настойчивая работа. Сибирская ссылка и сибирское учительство дали нам не мало активнейших краеведов. В этих группах выросли подлинные ученые, вышедшие из трудового населения, как русского, так и туземного. Университет был один на всю Сибирь и высшая школа не могла играть существенной роли в жизни краеведческих групп огромной Сибири.

Говоря о наших доморощенных и недипломированных ученых краеведах, я воспользуюсь примером, приводимым в одной из своих статей участником нашего Съезда, Н. Н. Козьминым: „Покойный ботаник, учитель Прейн, был не профессор, не имел ученой степени, это был ученый сибирского масштаба, но. когда по вопросам систематики растений или сибирской флоры обращались к академику Коржинскому, авторитетному европейскому ученому, он отсылал к Прейну, как более его компетентному знатоку".

А Агапитов? А бурятский народный учитель Хангалов... Их много, к нашему счастью, этих замечательных имен. Они вспоминаются сегодня, и наше советское краеведение их еще вспомнит с великой благодарностью, как революционный народ не забыл своих старых до-революционной поры вождей и мучеников.

Необходимо отметить и вторую черту, характеризующую как прежнее, так и современное краеведение. Это преимущественно *добровольческий характер работ и прекрепление их к свободным ассоциациям.* Ведомственное и академическое краеведение в прошлом были совершенно незначительны. В настоящее время они также не характеризуют краеведческого движения, и его рост направлен не в сторону создания новых ведомственных ответвлений или новых академических пунктов, а в сторону привлечения новых добровольческих сил и наростания их ассоциаций.

Перейдя за грань революции и унеся за эту грань здоровую и жизнедеятельную краеведческую работу прошлого, мы быстро освободились от старого наследия, не дававшего расти и развиваться этой работе.

Едва минула полоса экономической разрухи, как всюду началось оживленное движение по изучению края. Прошло всего два года с тех пор, как мы залечили важнейшие болячки былой разрухи, и за эти два года можно было убедиться, что пореволюционное краеведение выросло до неузнаваемых размеров. Итоги этому росту были подведены на 2-й Всесоюзной Конференции по краеведению (9-14 декабря 1924 г.).

В 1924 году было созвано (до дня конференции) 31 краеведческий съезд на местах и везде, как и у нас, в Восточной Сибири, каждый съезд был „первым съездом".

Цифра краеведческих очагов (научных обществ, музеев, краеведческих кружков, биологических станций) к началу 1924 года достигла 790. Из них 81% падает на РСФСР, 10% на УССР, 4% на БССР, 5% на ЗССР. За истекший 1924 год цифра эта несомненно возросла и возрастает с каждым днем.

Сибирь в общем деле имеет пока еще слабый най: мы даем всего 6% участия, но и другие, густо населенные, районы пока еще не богаты краеведческими очагами. Уральская область—5%, Поволожье—4%, Северная область—5%. Не по примеру других богата лишь Центрально-Промышленная область, дающая 27% краеведческих организаций и спаянная общим краеведческим фронтом.

П. К. Казаринов.

Нам нужно спешить. Отдаленность, окраинность, слабая населенность — здесь не помеха. Эти же самые качества не помешали Северо-Восточной области с центром в Архангельске деятельно работать в данное время над созывом уже 2-го областного Краеведческого Съезда и вместе с тем 1-ой конференции по изучению производительных сил области. Архангельцы уже успели выйти из тех агитационных форм работы, которые мы проходим на первых шагах своего объединения, и собирают планово-отчетные сведения о состоянии каждого района своей области.

Успех нашего краеведческого движения происходит, главным образом, потому, что оно направило свои работы на изучение базиса нашей государственности и общественности—производительных сил экономики. Раньше эти изучения отставали и давали слабые результаты. Сейчас—это авангард краеведческой работы. Краеведение, вступив в организационно-плановые формы своих исследований, стало делать работу в первую очередь для государства и для всех нас, стремящихся к экономическому и хозяйственному устроению и укреплению нашего союза Республик.

Это первая и основная черта современного нам краеведения.

Выполняя, как эту основную, так и все другие свои задачи, наше краеведение должно будет развернуть широкий и деятельный фронт. Для этого нужен низовой аппарат, нужна периферия, гнезда краеведчества в толще трудового населения.

Эта периферия еще весьма слаба, хотя и энергично создается.

Вот примеры: „О-во изучения родного края в с. Коприне, Рыбинского уезда, Ярославской губ.. имеет своими членами 2000 человек, т. е. чуть ли не поголовно все население. В с. Ново-Ушинском, Вятской губ., население объединено вокруг музея. Уездная краеведческая ячейка в с. Никольске, Северо-Двинской губ., имеет ряд филиалов в глухих углах уезда. В Софьинской волости, Сергеевского уезда, Московской губ., все школы тесно объединены между собою и ведут совместную краеведческую работу и печатают на гектографе журнал „Наш Край". „Создаются краеведческие ячейки, при ряде фабрик например в с. Нижне-Тагильском, Екатеринбургской губ., в Орехово-Зуеве и др.". Рязанская, Иваво-Вознесенская, Екатеринбургская и др. губернии имеют также хорошую сеть ячеек.

Возрастающий интерес населения к краеведению выражается прежде всего в увеличивающейся посещаемости музеев. Нет возможности привести обильные цифры в подтверждение

этого. Укажу на Шадринское научное хранилище, особо приветствовавшееся на конференции. „В 1923 году оно было открыто 301 день и посещено 38000 человек“ *.

Для нас, сибиряков, еще непочатый угол работы с созданием краеведческой периферии. Мне приходилось уже указывать в печати на весьма характерный отзыв одного из наших УОНО Иркутской губ., который на анкетный запрос прислал к этому нашему Съезду следующее сообщение: „В нашем уезде нет краеведческих объединений и лиц, изучающих край в какой-либо отрасли. Местный музей находится при УОНО, но он ни в какой мере не отражает местного края“.

Несомненно, мы должны создать периферию и этим самым фундаментировать наш краеведческий аппарат, но здесь нас может ждать в будущем другая опасность—увлечься количеством призрачных достижений и краеведческое движение превратить в модное увлечение, понизив его значение и ценность. Краеведческое движение ценно до тех пор, пока оно не утратило присущих ему и необходимых черт *научного* движения.

Краеведение наших дней учло применимость и значение в работе по изучению края простейших форм научного наблюдения. Краеведческая периферия, обычно лишенная высококвалифицированных работников-исследователей, будет призвана, преимущественно, к осуществлению простейших форм научного исследования. Для этого осуществления нужен активный и действительный инструктаж со стороны краеведческих органов, располагающих силами, годными для руководящей работы. Такими инструкционными пунктами в наших условиях могут быть краеведческие объединения в губернских и областных центрах.

Связав между собою крепкими узами звенья краеведческой работы и организации, мы получим непрерывную цепь краеведческих пунктов: взаимозависимых и взаимозаинтересованных.

На помощь нам идут школьные программы, на помощь нам идет применение краеведческого метода, как педагогического приема в школе. Участники нашего Съезда—школьные работники расскажут нам об этих достижениях и о том пути, идя по которому они сами становятся нашими сотрудниками по краеведению. От школы 1-й ступени и до ВУЗ'ов ** протянута краеведческая нить.

* Поставленный в ковычки материал заимствован из доклада Н. А. Дорогутина на конференции: „Краеведческое дело в СССР“.

** Ряд ВУЗ'ов, как это указывалось на Всесоюзной конференции по краеведению, объявил дипломные работы на местном материале.

Эта нить протягивается от первой книжки—букваря до ученого трактата о крае. Она протягивается от интересов возле взращивания картофеля до изучения производительных сил края.

На помощь нам должен притти политпросвет, в учреждения которого энергично проникает краеведение, хотя здесь его успехи пока еще не так велики, как в школе.

Краеведческий уклон еще мало привит нашей библиотеке, клубу, народному театру, лекционному репертуару. Первой раскрыла двери краеведению изба-читальня через сельско-хозяйственные темы.

Итак, современное нам краеведение, пересмотревшее свои организационные формы, расширившее и обогатившее приемы своих работ, приобрело новые черты. Оно отличается планомерностью и производственным уклоном своих работ. Оно широко применяет формы простейших наблюдений и создает периферию, внедряясь в широкие массы населения, как движение по преимуществу добровольческое. Оно стремится в качестве педагогического приема, к проникновению во всякую просветительную работу школьного и внешкольного характера. В то же время оно влияет на характер нашей литературы (в широком смысле слова), насыщая ее своими темами и своим колоритом. Во имя сохранения единства коллективной работы—оно крепит свои инструкционные и организационные центры и превращается в сеть научно-исследовательских учреждений страны. Оно, наконец, создает свою мощную издательскую продукцию и ведет широкую просветительную работу.

Такое понимание новых путей краеведчества было выявлено на 2-й Всесоюзной Конференции, где многолюдно были представлены все союзные республики и провинции РСФСР, в том числе и Сибирь. Я не имею целью дать подробный отчет о конференции и намерен воспользоваться ее работами лишь в подтверждение тех мыслей и положений, которые высказаны уже мною для характеристики нашего движения.

Центральных и характерных моментов в работах конференции было несколько.

Первый момент—это декларация Советского Правительства, в лице Наркомпроса, о внимательном положительном его отношении к работам и нуждам центрального и поместного краеведческого аппарата и возможной помощи ему.

Нарком по просвещению, А. В. Луначарский заявил, что „делу краеведчества Наркомпрос придает колоссальное значе-

ние. Мы только что начинаем разбираться—что такое наша страна". „Идет полоса борьбы классовой и экономической. В этой борьбе опорой нам может послужить знание того, чего нам не хватает, чем мы должны быть сильны". Знание же о стране и ее рессурсах может дать краеведение.

„Программы ГУС'а останутся оторванными от жизни, если они не будут опираться на местный материал. Школа нуждается в вашей помощи. Одним из лучших помощников вам должен явиться школьный учитель".

Вот еще две фразы—афоризмы А. В. Луначарского, лаконически вскрывающие задачи современного краеведчества:

„Труд—орудие краеведа. Нужна рационализация этого труда и уточнение его задач".

„Нужно, чтобы краеведческая работа была притерта к нуждам государства".

Эта декларация об основном утилитарном уклоне краеведческих работ и об уточнении ближайших задач—нашли полный отклик конференции, ответившей рядом докладов с мест и резолюциями по основным докладам.

Эти доклады с мест и декларации о характере и организационных формах краеведческой работы были вторым характерным моментом конференции. Общие контуры краеведческого движения были даны в докладе Н. А. Дорогутина „Краеведческое Дело в СССР", в котором докладчик, рассмотревши положительные и отрицательные условия жизни и роста поместных органов краеизучения, пришел к следующему выводу: „мы имеем аппарат, на который могут оперется Госорганы".

Об увязке работ по изучению края добровольческих организаций с органами государственными и планирующими, хозяйственными, просветительными и советской общественностью свидетельствовали в той или иной мере все выступавшие с сообщениями с мест. В каждом сообщении приводились факты роста краеведческого дела и искания новых путей его проведения.

Кратко отмечу выступление докладчиков, близких нам по Сибири, хотя наш край и не был характерен, так как Сибирь еще недостаточно организовалась и не создала надлежащей периферии.

Представитель Уральского Областного Съезда и Уральского Бюро Краеведения дал картину интенсивной жизни крае-

ведчества в Уральской области. Облбюро объединило 20 краеведческих организаций и 20 музеев и координировало работу ведомственных органов. Областной краеведческий съезд явился учетом сил и наличной краеведческой работы. Им разрешен ряд организационных вопросов и избрано областное бюро краеведения. Было весьма отрадно констатировать, что давний очаг изучения Северного края—Тобольск (Музей изучения Тобольского Севера и О-во изучения Северного края) деятельно проявляют свою работу. Регулярно издается общедоступный и хорошо поставленный журнал „Наш край". Уральское О-во Любителей Естествознания (в Свердловске) выпускает после длительного перерыва 39-ый выпуск своих „Записок". Губземуправление издает бюллетени метеорологических наблюдений (по декадам). Губстатбюро издает обзоры Уральского хозяйства по кварталам и „Статистический Ежегодник" (вышел за 1924 г.). Урал-план издает технико-экономический сборник „Урал", имеющий краеведческое значение.

В Перми деятельно ведут краеведческую работу университет, о-во краеведения (издает свои сборники) и музей. Окружной Исполком ежемесячно выпускает журнал „Экономика" с краеведческим уклоном. В Тюмени работают краеведческое о-во и музей. Таким образом. Урал внутренне организовался в областной район с значительной краеведческой сетью.

Западная Сибирь распалась на три краеведческих гнезда: Омске, Н.-Новониколаевске и Томске—от каждого из них были представители на конференции. В первом из этих городов деятельно работает Сибирская Сельско-хозяйственная Академия, имеющая три отделения по специальностям. Издано 5 книжек „Трудов". Организован ряд подсобных учреждений. Западно-Сибирский Отдел Р. Г. О. непрерывно продолжает исследовательские работы и, после затишья, с 1922 года возобновляет свое издательство, выпуская том „Известий " с работами весьма актуального значения и том „Трудов".

Для Томска были отмечены работы: Госуниверситета, Краевого Музея, Археологического Музея, О-ва Естествоиспытателей и врачей, Экскурсионного Бюро при Губполитпросвете и Сибгеолкома.

По Н.-Николаевску были отмечены работы по изучению края: О-ва Мироведения, Музея, Методического Бюро при Губоно, Музея в г. Камне. Принимает участие в краеведческой работе и кооперация.

Западная Сибирь имеет быть объединена на съезде, назначенном на 10 февраля 1925 года в Томске, который будет

посвящен вопросам: организационным, методическим и подведению итогов научно-исследовательских работ.

Приенисейский и Семипалатинский районы не были представлены докладами на конференции. Краеведческая работа в этих районах, как нам известно, оживлена не менее, чем в соседних.

В докладе по Восточной Сибири мне пришлось охарактеризовать краеведческую деятельность прежде всего учреждений имеющих В.-Сибирское значение, таковы: ВСОРГО, Научный Музеей, Государственный Университет с Биолого-Географическим Институтом, Метеорологическая обсерватория, Партия по исследованию рек Лено-Байкальского бассейна, Восточно-Сибирское Бюро Геолкома. Далее были указаны краеведческие работы, осуществляемые иркутскими учреждениями: Губпланом, Губстатбюро, Губархивом Губземом, Тулуновским О-м изучения местного края. Краеведческая периферия Восточной Сибири должна быть заложена настоящим Съездом, особенно вами, товарищи с мест.

Содокладом была обрисована краеведческая работа в Бурятии, концентрированная в Бурят-Монгольском Научном О-ве имени Банзарова— в В.-Удинске и в Троицкосавско-Кяхтинском Отделении Р. Г. О-ва. По Бурятии намечен план организации аймачных краеведческих ячеек и предприняты шаги к осуществлению этого плана. Орган Госплана „Жизнь Бурятии" является в то же время органом краеведения*.

Якутск отсутствовал на конференции и для доклада не было материалов.

Чита имеет активное краеведческое гнездо в лице Читинского Отдела РГО и Музея имени Кузнецова. Докладчик от этих учреждений отметил налаженную связь с учительством и развивающуюся работу. Отражением этого служит возобновившееся издательство Читинского Р.Г.О., выпустившего сборник „Изучайте родной край". Конференция имела среди своих участников старейшего в данное время в Сибири музееведа и основателя читинских краеведческих гнезд, А. К. Кузнецова, который прибыл в числе читинских представителей.

* Национальные группы повсюду в СССР откликнулись на краеведческое движение созданием ряда организаций, изучающих этих народности. Это было отмечено в докладах Н. А. Дерюгина и академика Н. Я. Марра.

Вот некоторые из этих организаций; О-во изучения Карелии, тоже Коми края, Чувашского края, Абхазское научное О-во, ассоциация горных народностей, О-во изучение Киргизского края, О-во изучения и обследования Азарбейджана, Центральный Музей Армянской Республики и др.

Приморская краеведческая группа была охарактеризована докладом владивостокского представителя, который дал сведения о работе Владивостокского Р. Г. О. и музея при нем, Университета, Исследовательского Института, Геологического Комитета, Метеорологической Обсерватории, Южно-Уссурийского Отдела РГО и Хабаровского Музея.

В этой области еще не было общего Краеведческого Съезда, но происходил местный Съезд краеведов в Никольско-Уссурийске. Характерным в этом сообщении было известие о том, что ранее существовавший Владивосткский Отдел РГО и затем оттесненный О-вом изучения Приамурского края—в настоящее время вновь возник к деятельной жизни, внутренне реорганизовался и активно стал на новые краеведческие пути, собрав вокруг себя живые краеведческие силы.

В Сибири Отделы Географического О-ва во всех областных центрах характеризуют краеведческое дело, революция влила в них свежие силы и сделала их созвучными своими задачам и своему движению.

Я лишен возможности в настоящем своем сообщении более подробно остановиться на докладах сибирских представителей. Впрочем, и самые эти доклады были сжаты и крайне общеобзорны, так как на трибуну стремилась вся краеведческая СССР—сказать о сделанных достижениях и формах краеведческого бытия.

Отмечу наконец отчетный доклад представителя новой московской организации по вопросам Сибиреизучения „О-ва изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока". Это О-во еще развертывает свои работы. Помимо исследовательских задач—оно стремится оказывать содействие поместным краеведческим организациям Сибири: „быть толкачем". О-во приступило к изданию своего органа „Северная Азия", страницы которого открыты для сибирских краеведов.

По заслушании отчетных и программных докладов и сообщений с мест конференция подвела итоги и выразила свое к ним отношение следующей декларативной резолюцией.

„Вторая Всесоюзная конференция по краеведению:

1. С удовлетворением констатирует, что, как явствует из отчетных докладов ЦБК и с мест, краеведческое движение на местах в своем основном содержании строится именно в указанном ими направлении всемерного содействия делу хозяйственного и культурного строительства нашего союза, и привело на местах к ряду значительных достижений в указанной области.

2. Предлагает местным краеведческим учреждениям в дальнейшем отдать максимум своей работы именно этому делу всемерного разностороннего содействия хозяйственному и культурному подъему страны, отмечая при этом, что правильное разрешение огромных и сложных проблем строительства требует организации всестороннего изучения различных мест страны в настоящем и прошлом, их природы и населения.

3. Отмечая важность краеведной работы на местах, несомненную значительность достигнутых ею при трудных общих условиях результатов, обращается ко всем правительственным, партийным, профессиональным и кооперативным учреждениям на местах с призывом о всемерной поддержке этой работы".

Вот тот диагноз, который был дан Всесоюзным консилиумом нашему поместному Краеведчеству.

Третьим по важности и волнующим моментом, врывавшимся через регламентные рамки даже в вопросы програмные и отчетные, был вопрос организационный.

Он был поставлен в докладе академика А. Е. Ферсмана—„Структура краеведческого аппарата" и содокладе Завглавнаукой т. Петрова.

Остановлюсь на первом докладе. Он был весь проникнут декларированием бережного и внимательного отношения к особенностям поместного краеведческого аппарата, к их самобытным формам. Рост краеведческого движения протекает в местных бытовых особенностях. Поэтому тесные организационные формы могут пагубно отразиться на жизни добровольческих объединений. Организационная схема должна быть построена так, чтобы достигалась максимальная самостоятельность и самобытность местных ячеек. Центральный же орган краеведения должен носить не административный, а методический характер. Важны не столько вопросы организационно-административного характера, сколько вопросы планомерности и стройности самой научно-исследовательской деятельности. Отсюда вытекает: схемы поместных (низовых) организаций дать нельзя. Можно лишь говорить о схеме областных организаций или местных Бюро Съездов и о центральном Бюро Краеведения, состоящем из двух отделений—Московского и Ленинградского.

Завглавнаукой т. Петров в своем содокладе и последующих выступлениях развил несколько иную схему. Низовая сеть краеведческих ячеек должна быть планомерно организована и внедрена в толщу трудового населения. Основная краеведческая единица должна быть на фабрике, заводе, в волости. Сле-

дующее объединение в уезде и губернии, где происходят губконференции и создаются выборные Бюро. В центре РСФСР создается ЦБК, как самостоятельное учреждение в ведении Главнауки (не при Академии Наук) с единым аппаратом в Ленинграде. „Главнаука до сего времени не считала краеведческий вопрос актуальным и не подошла к работе ЦБК, так как были другие неотложные вопросы, хотя бы—чинили школьные крыши, спасали Эрмитаж от наводнения“.... Краеведение выросло в движение и приобрело общественный интерес. Главнаука должна обратить на него в данное время особенное внимание и прислушаться к голосам с мест. Эти данные будут использованы, на основании материалов Съезда будет строиться законодательство по краеведческому делу.

Конференция учла положение обоих докладчиков и вынесла резолюцию, которая в первой части касается конструкции ЦБК: оно организуется в качестве самостоятельного органа в ведении Главнауки в составе 28 лиц от Ленинграда и Москвы и представителей от областей и губерний (по 2 от каждой области или губернии: от объединений и от низовых ячеек).

Вторую часть резолюции я приведу полностью:„ Конференция считает нужным предложить ЦБК нового состава разработку организационной схемы краеведческого движения на основе нижеследующих положений:

а) Организационная схема краеведческого движения должна строиться на трех группах элементов, а именно: 1) низовых краеведческих организаций, 2) уездных, губерниских и областных, 3) ЦБК, как органа Республиканских съездов.

б) Краеведческие организации, пользуясь имеющимися примерными краеведческими уставами, должны строиться в зависимости от бытовых особенностей края и специфических особенностей самой организации, тесно и органически связываясь с соответственными хозяйственными, профессиональными и общественными учреждениями“.

Общие организационные вехи поставлены, но твердой схемы местам не дано. Творчество мест, выявившееся до сего времени в большинстве случаев здоровым и надлежаще направленным, не стеснено. Можно быть уверенными, что советское краеведение успешно разрешит эту задачу.

С этим вопросом столкнемся и мы, краеведы Восточной Сибири, на этом съезде. По пути стихийного строительства мест идет жизнь и она разорвет рамки наших резолюций, если они окажутся построенными узко и неумело.

Отмечу в работах конференции и еще один, последний, момент: это организованное участие в ней московского и украинского студенчества.

„Пролетарское студенчество,—гласит один из тезисов заслушанного конференцией доклада, может дать государству целую армию энергичных активных исследователей края, работников для привлечения населения к краеведческой работе. Студенчество является носителем и распространителем краеведческих идей в широких массах населения".

Это организованное выступление и декларация означают начавшийся приток молодежи к краеведческому делу. Мы еще не богаты здесь этими силами, они еще не захлестнуты движением в Сибири, но они идут там далеко за горами и границами нашего края. Силы эти будут и у нас.

Я изложил существенные моменты общей работы конференции. Само собой разумеется, что конференция не ограничилась этим. Плодотворно работали секции и все работы, вместе взятые, составят весьма нужную для нас книгу.

Из этих более частных вопросов я не могу не отметить одного, касающегося нашей деятельности. Иркутские краеведческие издания, занявшие большую витрину на выставке краеведческой книги и не поместившиеся в ней, привлекли общее внимание. Это значит—мы не отстали от товарищей по краеведению. В резолюции же об издательстве краеведческой литературы признано, между прочим, желательным „издание областных краеведческих изданий типа „Север", „*Сибирская Живая Старина*", „Вятская Жизнь".

Это же издание „Сибирская Живая Старина" отмечалось и в докладах на пленуме и в секциях.

Обзор мой закончен.

Мы стоим на новых путях краеведения и коним, множим силы. На этом съезде мы найдем новых друзей и новых попутчиков. Пока мы переживаем стадию краеведческой агитации, и настоящий съезд с его программой ориентирован в этом направлении.

Нужно надеяться, что будущий 2-й Восточно-Сибирский Краеведческий съезд не будет нуждаться в проработке многих общих вопросов, которыми мы занимаемся сейчас. Дорога будет проторена и ясна и можно будет всецело заняться наблюдением самого края и его ресурсов. К будущему съезду бу-

дет готовиться не только Иркутск, но и места, будут готовиться наши разветвления по городам и селам; будут готовиться наши участники по Восточно-Сибирскому Краеведческому объединению.

С этой уверенностью в успехе нашего краеведческого дела—начнем очередные работы по 1-му Съезду краеведов Восточной Сибири.

Речь Зампредседателя ГИК'а—
т. Мельникова.

(Печатается по записи в протоколе).

В качестве заключительного слова о работе Съезда президиум ГИК'а констатирует, что период военного коммунизма не дал возможности проявить свои силы научным работникам. Это время прошло; группировок, не доверяющих Советской власти, теперь нет среди работников науки. Задача по изучению местного края—содействие Советской Власти.

„Учет", говорит В. И. Ленин, „форма социализма". Восточно-Сибирский Краеведческий Съезд проделал большую работу, здесь каждый активный член Съезда заложил камень укрепления Советской Власти. Понятно желание объединить краеведческую работу здесь, в Иркутске—научном, культурном, экономическом центре Восточной Сибири. Но нельзя навязывать своих мыслей. В процессе работы Якутия и Бурятия помогут нам, но пусть сама жизнь увяжет эту взаимопомощь в организационную форму. Указывая на это, ГИК отмечает также, что работе ВСОРГО придается громадное значение и ему оказывается со стороны ГИК'а посильная материальная поддержка. Прекрасно осознается ГИК'ом и вся важность Съездовой выставки. Отмеченные здесь ошибки—исправляются. Учительство отзывается на краеведческий призыв Съезда. Край несметно богат; возможностей—масса; работы хватит всем и об антагонизме не может быть речи.

В заключение, тов. Мельников от имени президиума ГИК'а заявил, что следующий Краеведческий Съезд смело может рассчитывать на материальную и моральную поддержку ГИК'а. Стоит только обратиться за помощью ГИК'у и он сделает все, что сможет, так как краеведческой работе он уделяет больше внимание, чем кто-либо другой. (Дружные аплодисменты).

— —

I.

Тезисы докладов Пленума.

Проф. К. Н. Миротворцев.

О районировании Сибири.

1. В дореволюционное время обоснованные попытки районирования России не распространялись обычно на Сибирь. Деление Сибири (Семенова, Менделеева, административное) на Западную, Восточную или Среднюю и Дальний Восток или Приамурскую окраину не было мотивировано ни основаниями естественно-историческими ни экономическими. Точно также почти ничего не было сделано для специального в научно-познавательных целях районирования. Исключение составляют лишь попытки Берга (морфологические и ландшафтные области), Глинки (почвенная карта) и нек. другие.

2. Работы по районированию послереволюционного времени, как в целях научно-познавательных (распределение растительности Комарова, Крылова,—сельско-хозяйственные районы —Чубакова), так и в целях административно-хозяйственных (работы Госплана, Сибплана и Дальплана) стремятся обосновать то или иное деление серьезными соображениям, но в своих попытках сталкиваются с недостаточной обследованностью Сибири и с хаотически разрозненными материалами.

3. Распределение Сибири на административно-хозяйственные районы по первоначальному проекту Госплана в дальнейшем потерпело значительные изменения, благодаря критическим замечаниям мест. Но и на местах еще нет полного единства и согласия, что ясно из различных взглядов на границы районов, высказывавшихся в Сибплане в марте 1923 г. и в последнем проекте 1924 г.; в тезисах Дальплана о включении Забайкальской губ. в Дальний Восток, решении Читинского съезда в феврале 1923 г. о включении Забайкалья в Лено-Байкальскую

область и последнем решении Дальревкома и Читинского Губплана о присоединении опять к Дальнему Востоку.

4. В настоящее время наиболее трудным является вопрос о создании района, включающего Иркутскую губернию, Бур-Моног. авт. республику и Забайкальскую губернию, так как между тремя этими организациями обнаружилось полное расхождение во взглядах на создание Лено-Байкальской области. Иркутская губ.—за организацию области в границах проекта Госплана; Бурят-Моног. республика—за существование своей республики в виде самостоятельной области и Забайк. губ.—за присоединение своей территории к Дальнему Востоку.

5. Отказ от организации Лено-Байкальской области неизбежно должен вызывать пересмотр всего районирования Сибири, так как черезполосность Бур.-Монгольской территории и географическая незаконченность границ Иркутской губ. и Забайкальской губ. не дают возможности создания новых областных образований без изменения границ соседних районов. Простое присоединение Иркутской губ. к Западно-Сибирской области не может быть решением вопроса в виду крайней растянутости территории Зап.—Сиб. области и очень резкому различию Иркутской губернии от Западной Сибири в природном и экономическом отношении.

6. Для достижения ясности и точной обоснованности различных взглядов на организацию Лено-Байкальской области или на невозможность такого образования необходимо более углубленное изучение вопроса, основанное на собирании всех имеющихся материалов, касающихся природы, истории и экономики края. Для того, чтобы собранные материалы были сравнимы и равноценны, желательна выработка единого плана и программы работ, постоянный обмен мнениями и материалами и сводка материала в единое целое. Такая работа должна быть признана срочной.

— —

Проф. Н. Н. Козьмин.

О проекте Ленско-Байкальской области.

(Основные положения).

Область, по идее нового районирования, должна представлять не только территорию, выделенную в удобствах админи-

стрирования. Она должна быть самостоятельно хозяйствующим комплексом, с определенной базой. Область должна иметь свой бюджет, построенный на местных финансах. Последние же должны опираться на местное областное хозяйство, достаточно сформированнсе, определившееся, с возможностью широкого развития.

Этих данных у проектируемой области нет. Ленско-Байкальская обл. составляется из заведомо дефицитных частей. И по хлебу и по мясу она не производящая, но потребляющая область. Ввоз потребного продовольствия должен составить до 50%. Развитой добывающей или обрабатывающей промышленности—нет. Восточная Сибирь, а может быть и не одна Восточная еще не достачно созрела для обособлений.

Неудобство такого объединения вскрывается и с других точек зрения. Вхождение Бурреспублики в качестве округа в проектируемую область не спасет от чрезполосицы, округ не сможет сохранить силу автономных учреждений,—получается смесь из учреждений разных масштабов.

У Бурреспублики есть свои определенные задания и культурно-хозяйственного и политического характера. Советская власть дает монгольским племенам возможность культурно и хозяйственно подтянуться. В этом направлении производится огромная работа Бурреспубликой. Радикальная перестройка нарушит начатую работу и сделает перебой в намеченной центром системе осуществления национальной политики, представляющейся одним из крупнейших достижений Соввласти.

Дефицитность Бурреспублики вполне понятна: она получила тяжелое наследие от старого шовинистического режима. Ликвидировать эти последствия помогает Советская власть. Бурятия подтягивается.

Задачи более крупного масштаба, чем губериский или респуоликанский, кр-ые ставятся при образовании новой области, заставят на задний план отодвинуть задачи хозяйственного возрождения Бурятии. Войдя в состав нового образования, Бурреспублика будет, если не в силах, то с большими затруднениями, выполнять те задачи крупного и ответственного характера, кр-ые она выполняет теперь.

Вопрос о Ленско-Байкальской области, по меньшей мере, не назрел достеточно для практической постановки и разрешения.

— —

Проф. К. Н. Миротворцев.

Сельское хозяйство в Сибири.

1. Территория Восточной Сибири или Средней, если разуметь под этим именем область от Енисея до Амура и Станового хребта, может быть разделена по природным условиям, рассматриваемым с точки зрения влияния их на сельское хозяйство, на четыре крупных района: 1) земледельческий (лесостепная и лесная часть Енисейской и Иркутской губернии приблизительно на север до параллели Усть-Кута, 2) скотоводчество-земледельческий, где земледелие страдает от недостатка влаги и тощих почв (Минусинско-Хакасский район и Забайкалье), 3) Северный, где земледелие возможно не везде и в нешироких размерах, не удовлетворяющих местные потребности и 4) приполярный в тундрах и высокогорной области Саян, где земледелие почти невозможно и существует только оленеводство.

2. Вся Средняя Сибирь, за исключением неземледельческих районов, была охвачена с.-хоз. переписью только в 1917 г., более поздние данные имеются лишь по той или иной части территории; учет посевных площадей и учет скота текущей статистикой неизбежно страдает многими дефектами и не везде производится аккуратно; границы административных районов неоднократно менялись в течение последних лет, многие стороны с.-х., вообще, еще не подвергались серьезному изучению,— все это делает неизбежным некоторую схематизацию в наших представлениях о сельском хозяйстве всей Средней Сибири.

3. Посевная площадь за время с 1917 г. по 1922 г. уменьшилась и к 1924 г. несколько повысилась, не достигнув еще размера 1917 г. Произошли изменения в составе культур и в распределении посевной площади между хозяйствами.

4. Учет скота особенно труден, однако имеющиеся данные позволяют отметить сильное падение животноводства до 1922 г. и улучшение в последние два года.

5. Общее заключение: сельское хозяйство в В.Сибири в деле развития зерновых культур ограничено размерами местного спроса; возможно и желательно более интенсивное животноводство, которое вызовет изменение соотношения посевов в сторону увеличения кормовых хлебов, сеяных трав и корне-

плодов; вполне рентабельным обещает быть разведение текстильных растений—льна и конопли.

6. Что касается крайнего севера, то он нуждается в изучении. По тем же сведениям, которые о нем имеются, там имеются широкие возможности к развитию оленеводства, если будут приняты меры к сохранению оленей (ветеринарная помощь) и будет налажен сбыт продуктов оленеводства (кожи, языки, мясо в консервах) по примеру Норвегии и Аляски.

7. В установлении более точных данных об урожайности, нормах потребления, продуктивности животноводства и т. п, могли бы быть полезными краеведы на местах, связанные с объединяющим центром (напр., в Иркутске).

— —

М. П. Соколов.

Задачи краеведения и всесоюзная перепись 1926 года.

1. Всесоюзная перепись должна стать базой для работ Союза во всех областях его жизни. Она укажет, чего мы достигли и тем самым укажет, что следует делать дальше всей стране.

2. Наши переписи по своему содержанию все более и более приближаются к типу переписей С.-Американск. Центров, охватывая экономическую, социальную и духовные стороны жизни государства. Предполагаемые составные части переписи 1926 года: 1) демографическая перепись, 2) сельско-хозяйственная, 3) земельная, 4) промышленная и 5) торговая.

3. Предполагаемые статистические исследования должны учесть и отразить все своеобразные особенности каждого переписываемого района, почему единые для Союза программы и план должны обладать известной эластичностью, гибкостью и схематичностью, позволяющими уложить в их рамки все многообразное содержание хозяйственной действительности Союза.

4. Во многих частях таких окраинных районов, как В.-Сибирь, строгое разделение переписей, разделенное проведение их не осуществимо.

5. Районы обитания малых народностей: карагасов, тунгусов, ламутов, юкагир, чуванцев, чукчей требуют особой органи-

зации исследования; отсутствие учета этих народностей в прежних переписях—вызвано общим единым планом переписи для всей России; невозможность проведения там работ в обычные сроки переписей и соблюдения критического дня диктуют неизбежность частичного изменения календаря переписей для отдельных районов. Необходимость организации особых экспедиций зимою в период зимних сугланов инородцев и особой экспедиции весною в северные округа Якутии—Верхоянский и Колымский.

6. Изучение мелких народностей вызывается не только научными интересами, но в то же время и больше всего насущными экономическими интересами всего Союза республики.

7. Взгляд „Комитета помощи малым народностям Севера": громадные богатства приполярных стран становятся нам доступными только посредством рук аборигенов этих мест.

8. Тяжелое экономическое положение малых народностей и главные отрасли их хозяйств, подлежащие обследованию: оленеводство, рыболовство, пушной промысел, собачье хозяйство. Полная необследованность всех этих отраслей хозяйства.

9. Особенности хозяйственного быта нормальных обжитых районов Сибири и неприемлемость российских подворных карточек для Сибири.

10. Крестьянский двор — единица учета в хозяйственных переписях. Помимо своеобразных форм земледелия в Восточной Сибири сплошь и рядом зерновое хозяйство и скотоводство не является экономической основой предприятия. Целые районы основой своего благосостояния считают не земледелие, не скотоводство, а совсем другие отрасли экономической деятельности: пушной промысел, рыболовство, кедровый промысел и т. д. Необходимо учесть эти особенности в подворном бланке. Необходимо создание подсобных формуляров и добавочных отделов в поселенном бланке.

11. Необходимо организовать пушную статистику, как основную, так и текущую, и перепись должна положить начало этому.

12. Кустарная промышленность играет в некоторых районах значительную роль. Изучение ее также должно быть приурочено к переписи 1926 г.

13. Особого внимания заслуживает земельная перепись. Помимо учета всех земельных ресурсов края, необходимо обратить внимание на изучение своеобразных форм землепользования в Сибири, в особенности в инородческих районах, где

отразилась борьба азиатского начала—полного господства родоначальнических семейств—со славянской общинностью.

14. Не должны уйти из поля наблюдения вопросы расслоения сельского населения. Развитие района в инородческих районах и кулачества в русских селениях.

15. Вопросы подготовки персонала к переписи и участие краеведов в подготовительных работах и в самой переписи.

— —

И. Ф. Молодых.

Северный Морской Путь в снабжении севера Восточной Сибири.

1. Современное состояние снабжения севера Восточной Сибири—т. е. бассейнов р. Лены, Яны, Индигирки, Колымы и других рек бассейнов морей Лаптевых и Восточно-Сибирского, заставляет считать разрешение этого вопроса одной из ближайших и основных задач нашего хозяйственного строительства Восточной Сибири.

2. Существующие ныне, как наследие от старых времен купеческой эксплоатации, варианты снабжения р. Лены через Иркутск по т. н. Якутскому и Илимскому трактам, вследствие, во-первых, крайней необеспеченности и необорудованности этих трактов, во-вторых, выхода Якутского тракта в несудоходную часть р. Лены и, в-третьих, благодаря крайне высоким фрахтам и слишком длинному периоду времени оборота капитала—не смогут считаться сколько нибудь удовлетворительными даже в случае приведения их в более или менее нормальное состояние. Обмеление верхней Лены, вследствие ежегодной вырубки значительных площадей леса на постройку карбазов для сплава грузов, решает вопрос об Якутском тракте, а Илимский тракт, для выполнения им всего грузооборота в 3—4 миллиона пудов, должен быть оборудован 50-ю тракторными поездами.

3. Намеченные в последнее время, после открытия ценных золотоносных площадей в системе верхнего Алдана, варианты снабжения Якутии с линии Амурской ж. д. по рекам Олекме и Алдану, также большего значения иметь не могут, ибо пройдут по совершенно пустынной, таежной местности и едва ли

смогут быть оборудованы должным образом в ближайшее время, даже для зимнего передвижения.

4. Уже давно намеченный Аян-Нельканский тракт, соединяющий бассейн Лены с побережьем Охотского моря,—может решить вопрос только при постройке железной дороги.

5. Все современные пути снабжения севера,—сколько-нибудь удовлетворительно разрешатся лишь при постройке Ленской жел. дороги по одному из намеченных вариантов.

6. Наиболее удовлетворительной является северная дорога со ст. Тайшет—Бр. Острог—Б. Мамырь (р. Ангара)—сел. Усть-Кут (р. Лена).

7. Однако, в современной действительности, постройка Ленской жел. дороги—вопрос более или менее далекого будущего. Между тем даже настоящее положение вещей, не предрешая нормального, все усиливающегося развития значения севера, как богатейшей кладовой неисчислимых ценностей—заставляет на ближайшее же время изыскать путь, хотя бы частичного снабжения бассейна р. Лены и его промыслов (особенно тяжеловесным оборудованием промыслов), особенно же смежных с Леной бассейнов северных рек.

8. Таким путем должен явиться Северный Морской путь через Берингов пролив. Данные экспедиций Нансена, Толля, Норденшельда, Неелова, особенно экспедиции Вилькицкого и последних работ Бюро исследований Иркутского Рупвода в 1919, 20, 21 гг. под начальством Ф. А. Матиссена и Н. И. Евгенова, а также Амундсена в 1922 г. дают солидные основания, чтобы считать этот путь достаточно безопасным.

9. История всех проведенных до сих пор научных экспедиций и имеющихся изучений, а также практические опыты ленских пароходовладельцев, заставляют прийти к выводу о целесообразности на первое время комбинированного обслуживания побережья восточным вариантом Сев. Мор. пути.

10. Рейсами дальнего плавания должно снабжаться устье р. Колымы из Владивостока или иных портов Тихого океана. Дальнейшее обслуживание побережья, впадаемых рек и р. Лены должно, как будто, производиться местным каботажем от устья р. Колымы до устья р. Лены, при чем для этой цели должно быть снаряжено специальное судно, в задание коему кроме коммерческих целей должно быть поставлено и изучение навигации, опись побережья, изучение законов движения льда и т. п. и устройство наблюдательных пунктов по побережью.

Этим каботажем, снабжающим реки Яну, Индигирку, Лену, Колыму и др.,—будет выполнено и изучение дельт этих рек.

11. При этом, в виду определенных выводов экспедиций 1919, 20 и 21 гг. о невозможности прохода морских судов через дельту реки Лены,—ленские грузы будут завозиться лишь в бухту Тикси, в заливе Борхая, откуда грузы будут доставляться уже на речных судах через протоку Быковскую на Якутск и далее.

12. Лензолото уже в ближайшее время полагает перебросить купленные в Америке драги этим морским путем через устье р. Лены. Начинание Лензолото послужит первым практическим опытом и залогом дальнейшего процветания этого дешевого, естественного водного пути. Первой задачей в его нормальном использовании будет надлежащее изучение условий навигации в Сев. полярных морях, еще весьма мало изученных.

13. Удача же в обслуживании далеких, оторванных, неприступных северных районов приблизит их к нам и даст возможность краеведению проникнуть в доныне почти неведомые, хотя и издавна принадлежащие нам, районы.

— —

М. П. Соколов.

Некоторые черты по экономике Якутии.

1. Обширность территории, разнообразные условия быта населения затрудняют дать исчерпывающий краеведческий материал, относящийся к ЯАССР, в кратком докладе.

2. Главнейшие и капитальнейшие обследования Якутии относятся к прошлому столетию или к периоду политической ссылки в Якутию, которая дала много ценных работ. Последние десятилетия очень бедны литературой в особенности в области экономики. Таким образом, все данные в этой области являются не новыми.

3. Якутия представляет исключительно благоприятные условия для экономического развития. Суровый климат не является препятствием для земледельческой культуры в 3-х южных округах Якутии. Скотоводство имеет все условия не только для своего существования, но и дальнейшего развития. Помимо рогатого скотоводства на всей территории Якутии существует оленеводство, которое дало начало Аляскинскому оленеводству.

На крайнем севере разводятся лучшие в мире ездовые собаки. Реки и озера изобилуют ценными породами рыбы, исключительные пушные богатства издавна привлекали всеобщее внимание к себе, горные богатства колоссальны. Но существует общая причина, угнетающая рост края—изолированность его, отрезанность от культурного и экономического воздействия районов с более развитой жизнью.

4. В виду изложенного обозрение и характеристика путей в Якутию в прошлом и настоящем составляет главную задачу доклада.

5. Пути движения русских по Восточной Сибири шли значительно севернее нынешних заселенных пространств Сибири. Старая Мангазейская морская дорога способствовала морскому плаванию по Ледовитому океану и у берегов Якутии. Закрытие морского пути и передвижка хозяйственной жизни на юге убили плавание по Студеному морю.

6. Путь по реке Лене, как главнейший в условиях современности.

7. Возрождению старого пути Хабарова на Амур по Олекме и Тунгиру на Амур и движение в настоящее время грузов в обратном направлении ст. Могочи Амурской ж. д., а также с разъезда Невер на Тимптон.

8. Значение для Средней Якутии портов Охотска и Аяна. Путь Аян-Нелькан и возможность его в случае проведения здесь жел. дороги стать выходом Якутии на мировой рынок.

9. Исключительная оторванность Колымского Округа. Сухопутные пути из Якутска. Волоки от Оли и Гижиги в верховья Колымы и пользование этими путями. Морской путь Владивосток—Устье Колымы, как разрешающий проблему сношений с Колымским краем. Неудача рейса нынешнего года.

10. Ожидаемое возрождение морского пути от устья Лены до Яны и Колымы; постановление совещание кооператива „Холбос“ об этом.

11. Экономическое развитие соседней с нами Аляски преимущественно на базе горной промышленности должно обратить наше серьезное внимание на север.

12. Тяжелые условия мелкой золотопромышленности, стеснения неудачным горным законодательством частной инициативы также препятствуют экономическому развитию края. Так наз. „проспекторы“ в американских владениях, деятельность которых поощряется американскими законами и которые при-

знаются там проводниками культуры, у нас называются „хищниками“ и преследуются законом. Для индивидуальных золотопромышленников открыт единственный путь—„золотничников“, „старателей“, главным образом на пользу и на наживу арендаторов приисков и предпринимателей, являющиеся истинными хищниками в золотопромышленном деле.

— —

П. В. Зицерман.

Школа и краеведение.

1. Старая школа была безжизненна и игнорировала природу ребенка; она не развивала в нем любознательности и пытливости. Она была безлична. Стержнем школьной работы был учебник однообразный, общий для всей России. Учащиеся старой школы только объект воспитания.

2. Новая школа в противовес старой—ставит своей задачей подготовку к реальной жизни, развитие активности учащегося, самодеятельности, социальных инстинктов и навыков совместной работы. Новая педагогика рассматривает ребенка, как прирожденного исследователя, учитывает его интересы и воспитывает на окружающем.

3. Краеведческий метод в школе является логическим следствием требований новой педагогики. Он учитывает психологические, дидактические и социально-политические предпосылки и соображения трудовой школы. Он требует не столько приобретения учеником знаний, сколько обладания методом, способом приобретения знаний в процессе наблюдения и исследования.

4. Краеведческий метод учитывает интересы государства и общества; он создает активных работников, знающих свой край, разбирающихся в условиях действительности.

5. Предметом изучения в краеведческой школе являются—жизнь природы, человека и общества. Основой изучения в этой школе должна быть трудовая деятельность людей—и краеведение должно принять определенно общественно-прикладной характер.

6. В краеведческой школе необходима индивидуализация программы сообразно требованиям возраста учащегося и местности. Схема ГУС'а должна быть заполнена местным конкретным материалом.

7. Роль учителя в краеведческой школе чрезвычайно важна и трудна. Он должен уметь сочетать руководство с самодеятельностью и активностью учащегося. Учитель должен знать свой край и владеть краеведческим методом. Он должен конкретизировать программу.

8. На помощь учителю должны притти методические Бюро УОНО и ГубОНО, Педагогическая школа (Педфак, Педтехникум). В помощь учителю должна быть дана соответствующая научно-популярная литература (обзоры, сборники, посвященные той или иной волости, уезду, губернии; методические руководства и пр.). Необходимо устройство групповых экскурсий; курсов по краеведению.

9. Сам учитель новой школы не должен быть чуждым исследования местной жизни. Ему необходимо проявить активность в насаждении кружков и обществ краеведения—сельских, волостных, уездных, губернских.

10. Между школой и местным обществом краеведения должно быть самое тесное сотрудничество.

11. В образовательном и воспитательном отношениях полезно втягивать школьников в краеведческую работу; организовать массовые наблюдения и сбор материалов. Эта работа будет полезна и в вопросах общественно-хоз. обследования и естественно-научного изучения края.

12. Материалы, собранные школой в целях систематизации и научной обработки, следует направлять в центральные общества краеведения и Педагогический Музей.

— —

П. К. Казаринов.

Организационная структура краеведческого аппарата Восточной Сибири.

1. Следует иметь в виду, что вопросы поместного строительства краеведческого аппарата не получили определенного разрешения на второй всесоюзной Конференции по Краеведению и ЦБК нового состава должно, по поручению этой конференции, разработать организационную схему устроения мест, при чем последние будут не стеснены и в отклонениях от этой схемы применительно к местным условиям и особенностям.

2. В данное время всякая организационная схема может быть только временной. Для создания постоянных организационных форм нет указаний центра и незначительно представлены на нашем съезде уезд и деревня, еще не организованные по краеведческой линии.

3. Восточно-Сибирский Краеведческий Съезд должен высказаться прежде всего по вопросу о целесообразности Краеведческого объединения в Восточно-Сибирском масштабе, включая сюда Иркутскую губернию, Бурятию и Якутию (если краеведческие организации последних в дальнейшем изъявят согласие на объединение), и следует обсудить вопрос о присоединении к Восточно-Сибирскому объединению Читинского района, имеющего более тяготение к Прибайкалью, чем к Д. Востоку, и запросить о точке зрения на это Читинских краеведов.

За необходимость Восточно-Сибирского объединения имеются следующие основания:

а) наличность научно-исследовательских аппаратов Восточно-Сибирского значения, каковы Иркутский Государственный Университет, ВСОРГО и др.; отсюда создается необходимость увязки их исследований с работами всего остального исследовательского аппарата Восточной Сибири.

б) укрупненные краеведческие районы приняты повсюду в РСФСР (Уральский район, Северо-Восточная область, Центрально-промышленный район (и др.)

в) немногочисленность периферийных краеведческих организаций в В. Сибири, тем более говорит за необходимость связи в укрупненном районе, иначе при большей дробности объединение не будет достигать полностью своих задач.

4. Восточно-Сибирское объединение должно быть прежде всего органом съездов и вести работу по учету, организации и инструктажу мест, а также по связи исследовательско-краеведческих пунктов и координации их работ. Объединение не преследует целей административно-регулирующего аппарата.

5) Создание Восточно-Сибирского объединения нельзя себе мыслить, как междуведомственную организацию, не связанную с жизнью какого-либо исследовательско краеведческого пункта Восточно-Сибирского значения. Таким органом, с которым должна быть увязана работа объединения, может явиться ВСОРГО, уже уполномоченный 5 сессией Центрального Бюро Краеведения на представительство этого Бюро по Восточной Сибири и по почину которого созван настоящий съезд.

6. Функции Восточно-Сибирского Краеведческого Бюро необходимо возложить на существующее организационное Бюро

по созыву настоящего Съезда. Следует иметь в виду, что это Бюро тесно увязано в своей организации со ВСОРГО и его секциями, с Иркутским Государственным Университетом, с музеями и другими научно-исследовательскими учреждениями, а равно с государственно-планирующими органами губернии, с органами народного образования, работниками просвещения, профсоюзами и государственно-хозяйственными и кооперативными организациями.

Необходимо закрепить в организационных формах связь бюро с центральными краеведческими аппаратоми Б.М.А.С.С.Р., Я. А. С. С. Р. и Забайкалья (если эти районы примкнут к объединению).

7. Существование Восточно-Сибирского Краеведческого Бюро не уничтожает и не стесняет существование автономных краеведческих центров в Бурятии, Якутии и Забайкалье, каковые центры сами обслуживают свою периферию, и увязывает с собою их работы лишь для методического взаимообщения, учета сил и работ, создания общего плана работ, созыва Вост.-Сибирских съездов, совместного осуществления заданий съездов и вообще для осуществления взаимосогласованной координации научно исследовательской деятельности. Восточно-Сибирское Бюро непосредственно обслуживает и инструктирует лишь периферию Иркутской губернии.

8. Центральные Краеведческие аппараты Бурятии, Якутии и Забайкалья сами избирают формы своего представительства и участия в Восточно-Сибирском Краеведческом Бюро: посылкой своих представителей (постоянных или периодических) постановкой одних и тех же вопросов на последовательную проработку у себя на месте и в Иркутском Бюро и пр.

9. Выработать в данный момент схему строительства на местах: в уезде, волости, деревне—нет возможности, так как места организуются стихийно и в зависимости от наличия инициативных и рабочих сил.

10. Следует учесть опыт центрально-промышленной области, декларировавшей на 2-й Всесоюзной конференции по краеведению о том, что ставка на волостную краеведческую сеть пока преждевременна и надо выравниваться на создание уездной сети. Следует признать первоочередность организации районной краеведческой сети и создать ячейки в крупных селах промышленно-экономического значения, а равно и в рабочих районах городов.

11. Необходимо призвать к организационной деятельности, к строительству краеведческих ячеек на местах все живые и потенциально-краеведческие силы: деятелей школы, политпросвет работников, студенчество, комсомол, кооперат. работников и др.

II.

Секция общего краеведения.

Проф. Н. Н. Козьмин.

Методы и формы краеведческой организации и работы.

1. Главнейшие моменты истории краеведческого движения. Постепенный исторический переход к формам краеведческой работы. Примеры Франции и России.

2. Отрицание программой новой советской Государственности искусственных основ построения прежних губерний. Органическая самостоятельность каждой хозяйственной единицы. Необходимость учитывания местных ест.-географ. и культурно-хозяйственных условий роста этого организма.

3. Краеведческий характер науки в эпоху областничества, режионизма. Основной момент при построении краеведческой работы—требование учета и увязки с естест.-историческ. и хозяйственными районами. Необходимость для краеведения опираться на географические и экономические (хозяйственные) районы.

4. Второй методический вывод: краеведение, как система, не может быть построено только снизу. Нужна работа и сверху, нужна комбинированная работа обоих факторов.

5. Роль краеведения при составлении хозяйственного плана и районирования. Основная задача краеведческого строительства: широкое привлечение к работе всех слоев населения. Необходимость связи краеведч. организаций с государственными, профессиональными, партийными и научными организациями.

6. Основы организационного плана соответственно намеченным выше положениями вверху: областные, затем—окружные, еще ниже—районные и, наконец, низовые ячейки в школах, заводах, клубах, кружках и обществах.

7. Необходимость согласования плана работы ведет к установлению необходимости организующей работы центра.

8. Схема краеведческих организаций может быть представлена в следующем виде: вверху—областная краеведческая организация, с входящим в ее состав научным обществом, плановой комиссией, кружками и пр.; далее районная организация (музеи, кружки и пр.); внизу школьные, фабрично-заводские и пр. организации.

9. Необходимость опоры областных и районных организаций на государственные и партийные, профессиональные организации. Привлечение к делу краеведения молодежи (комсомол). Местный производственный уклон методов краеведч. работы этих организаций.

10. Задачи верховых краеведческих организаций: составление объединяющего плана, учет и концентрация научных сил, учет средств и запросов, комбинирование работ с соседними организациями. Учет и введение в общую сеть работ низовых ячеек.

11. Место и значение этнографических, археологических и пр. изучений в построении общего краеведческого плана. Согласование их с общим направлением работы, которое мыслится главным образом, как изучение хозяйственно-производственной жизни края.

12. Необходимость моральной и материальной помощи краеведческим организациям со стороны советской государственности. Необходимость создания в первую очередь областных издательских, музейных и экскурсионных фондов, музейных и книжных складов, экскурсионных баз и пр.

13. Отсутствие особых краеведческих методов, отличных от общеисследовательских. Краеведение—не метод, но принцип, отсюда необходимость знакомства и пропаганды научных исследовательских методов среди краеведов.

— —

Р. С. Бурштейн.

Краеведение и политпросветработа.

2. Внешкольное образование до революционного периода, ставившее своей задачей гармоническое развитие личности, было доступно лишь немногим избранным; широкие трудящиеся массы были лишены возможности повышения своего культурного уровня.

2) Внешкольное образование, как и школа, служила целям классового господства буржуазии, готовила защитников буржуазного общества, покорных рабов, „чиновников".

3) Ставя себе такие задачи, внешкольное образование не могло стремиться к развитию самодеятельности народных масс, привлеченных к делу строительства жизни, и базировалось на совершенно отвлеченных предпосылках.

4) Октябрьская революция привела к власти пролетариат в союзе с крестьянством, открыла трудящимся новые горизонты, поставила перед ними новые задачи создания своими силами социалистического общества и выдвинула тем самым новые формы внешкольной работы, получившей название политико-просветительной.

5) Политико-просветительная работа осуществляет комвоспитание трудящихся, путем поднятия их культурного уровня и вовлечения в активную общественно-политическую жизнь.

6) Для выполнения этих задач политико-просветительная работа должна строиться на основе задач, выдвигаемых в каждый данный момент партией и Советской властью.

7) Восстановление промышленности нашей страны—необходимость развития сельского хозяйства, и вообще, производительных сил страны, настойчиво выдвигают задачу изучения местного края.

8) Таким образом, краеведение и политпросветработа получают тесную увязку по своим целевым установкам.

9) Краеведение, вышедшее за пределы узкого круга любителей, переставшее быть научной дисциплиной из ряда чистых наук для науки, привлекшее внимание широких трудящихся масс, становится неотъемлемой частью политпросвет. работы.

10) Политпросветучреждения школьного типа (лнкпункты, школы малограмотных, школы взрослых) постепенно переходят к работе на краеведческих началах, ибо это дает наибольшую активность учащихся, повышает их интерес к работе и, как нельзя лучше, отвечает основным принципам работы со взрослыми.

11) Политпросветучреждения деревни не завоюют симпатии крестьянского населения, если не построят своей работы на материале, близком крестьянину, связывающем его с хозяйством, дающем ему ряд положительных практических достижений в его личном быту, т. е. на краеведческом материале.

12) Большое значение в деле привлечения крестьянства и особенно молодежи к культурной жизни может сыграть изуче-

ние бытовой стороны деревни: обычаев, поговорок, песен, загадок, пословиц, суеверий, предрассудков и т. п., для того чтобы использовать этот материал, переделать его на современный лад, взяв из старого, то что окажется нужным, внедрять таким образом в деревне новый быт, помочь сформироваться новому лицу деревни.

13) Клубы, библиотеки не могут также в своей работе обойти краеведческие начала. Поднятие производительности труда, разрешение ряда хозяйственных задач, организация, наконец, массовой культурно-просветительной работы должны в современном клубе основываться на изучении действительности на том, что близко, понятно рабочему.

14) Наконец, существование музеев в сети политико-просветительных учреждений, организаций ведущих специально краеведную работу, ясно говорит о глубокой связи между краеведением и политпросветработой.

15) Наблюдающийся за последнее время поворот в работе музея в сторону расширения сферы их деятельности и превращения музеев из кунсткамеры хранителя древностей в лаборатории научно исследовательской мысли, широко вовлекающих в свою работу трудящиеся массы, дает основание говорить о развитии и углубления краеведения и политпросветработы, как единых методов системы комвоспитания.

— —

В. А. Малаховский.

Комплексная форма преподавания и краеведение.

1. Основными элементами комплексной системы преподавания являются: а) *концентрация* предметов школьного преподавания вокруг *изучения* окружающей ребенка действительности и вытекающая отсюда *локализация* преподавания, превращающая ребенка в активного исследователя-краеведа в первом году обучения лишь небольшого круга явлений (семья и школа), постепенно расширяющегося к четвертому году обучения до объема СССР и мира; б) *активный*, исследовательский характер этого изучения, выдвигающий на первый план необходимость применения научных методов в школьной практике;

в) марксистский характер всей системы, стремящейся воспитать активного, сознательного гражданина Сов. Республики и марксиста-ленинца.

2. Проработка новых программ возможна лишь при одном условии—учитель должен стать исследователем своей деревни, своей волости, своего района. Приобретение краеведческих знаний путем активной краеведческой работы единственный путь к переходу школы на новые программы Гус'а.

3. Неприспособленность учителя к краеведческой работе выдвигает перед краеведческими организациями и методическими бюро следующие неотложные задачи: а) организацию краеведческих кружков, ячеек, обществ изучения края и пр., с широким привлечением в них учительства, при чем задача объединить и координировать работу этих организаций необходимо возложить на Педмузей, как центр, объединяющий работу, как школьных краеведческих организаций, так и специально-научных, вроде университета и биолого-геогр. института; б) в школе должны быть созданы, построенные по определенному плану кружки краеведения и, по мере возможности, городские, сельские, губернские и областные их объединения, при чем к этой работе необходимо привлечь организованное студенчество и объединения юношества вроде РЛКСМ и пионеров; в) краеведческие организации должны тесно связаться со школой, прислушаться к ее нуждам и составить применительно к ее потребностям свой исследовательский план на ближайшее время; г) центральные губериские краеведческие объединения должны принять меры к созданию инструкторского кадра для местных краеведческих организаций; д) Губ. Метбюро, совместно с губ. объединениями краеведов должны включить в свой план составление краеведческих справочников, сборников, библиографических пособий, инструкций, школьных хрестоматий, учебников и пр.; е) кроме распространения краеведческих знаний путем печати, необходима организация постоянно действующих губерн. и местных справочных бюро, организация краеведческих компаний, выставок, экскурсий, съездов и пр.

4. При проведении в жизнь всех этих мер в первую очередь необходимо учесть основные ударные темы комплексных программ Гус'а, направляя главное внимание на изучение трудовой деятельности населения данного района, природных богатств края и его производительных возможностей.

— —

И. П. Кожиков.

Формы краеведческой работы в школе.

1. Поскольку общие вопросы краеведения в школе освещены в предыдущих докладах П. В. Зицермана и В. А. Малаховского—настоящий содоклад имеет узкое задание—наметить практические формы, в которые может вылиться краеведческая работа в школе.

2. Вопрос этот имеет большое значение для низового учительства, которое в своей повседневной школьной работе не всегда правильно применяет на практике новые педагогические методы, выдвинутые теорией последних лет на первый план („экскурсионный", „исследовательский", „лабораторно-кабинетный", „кружковая" работа и пр.).

3. Поэтому весьма желательно на основании теоретических предпосылок трудовой школы и практического опыта местных школьных работников наметить несколько, хотя-бы и общих, руководящих положений, которые помогли бы на местах осуществить требования Гус'а вообще и, в частности, в отношении того же придания всей школьной работе краеведческого характера.

4. Теоретическими предпосылками в данном случае являются преимущественно же выводы, которые дает нам новая отрасль научного знания—наука о детях, педология.

„Самые общие выводы, сделанные из изучения развития детей можно формулировать в двух главных положениях: 1) психофизическая организация ребенка сильно отличается от организации взрослого; 2) нормальное развитие ребенка идет не непрерывно, а с известными остановками. Эти остановки или задержки в развитии закономерны и наблюдаются у всех детей в определенные периоды их жизни.

Поэтому можно сказать, что развитие детей идет периодически. Оба эти положения относятся как к физическому так и духовному развитию ребенка". (Н. Румянцев „Педология" стр. 48).

5. Прилагая эти теоретические предпосылки к установившейся практике школьной работы на местах, в частности в той же области. Проведение краеведческого начала в школе,—мы видим, что школьные работники применяют новые педаго-

гические методы, (как экскурсия, кружковая работа и т. д.), без разграничения их в соответствии с периодами психофизического развития детей, в чем нередко и лежит причина неудач экскурсии и пр., и через то вообще пессимистическое отношение некоторых школьных работников—практиков к этим новым методам.

— —

П. В. Зицерман.

Студенчество и краеведение.

1. Крайне слабое развитие краеведения в России, следствием чего является неисследованность страны, в частности Сибири, и невозможность использовать наши колоссальные природные богатства.

2. Одной из важнейших причин слабого развития у нас краеведения являлась и является академичность наших научных и общественных краеведческих учреждений и оторванность их от народных масс. Необходима демократизация краеведения и вовлечение самого населения в краеведческую работу, необходима самая широкая пропаганда краеведческой идеи и ее популяризации.

3. Краеведение не только должно быть приближено к массам, но и удовлетворить насущнейшим современным задачам государства: вопросам производительности труда, восстановления и поднятия хозяйства; оно должно принять определенный общественно-прикладной уклон.

4. Пролетарское студенчество может оказать огромную услугу государству в деле изучения страны и исследования. Оно может явиться лучшим агентом популяризации и пропаганды краеведения среди народных масс и послужить основным ферментом в деле организации местных краеведческих обществ и кружков.

5. Для умелого выполнения этой работы студенчество само должно получать краеведческие знания и овладеть краеведческим методом, С этой целью преподавание в высшей школе должно строиться на местном материале, должно быть пропитано краеведением, а в высшей педагогической школе должны существовать кафедры краеведения или даже целые краеведческие отделения.

С целью популяризации и пропаганды идеи краеведения студенты во время экскурсий, летней практики должны выступать с лекциями, докладами пред населением по вопросам краеведения; они могут и должны принять участие в составлении справочной литературы, архивных материалов, инструктировать население в краеведческой работе; должны содействовать организации местных сил в деле краеведения.

6. Необходимо вхождение студентов членами-сотрудниками, как местных, так и центральных обществ изучения края.

— —

Я. Е. Грошков.

Школьные краеведческие музеи.

1. Краеведение есть основа программ ГУС'а.

2. Каждая школа, разрабатывающая план триместровой и годовой работы по схеме ГУС'а, должна ориентироваться на изучении окружающего ребенка труда, природы и общественных взаимоотношений.

3. Без изучения своего села, деревни или города нельзя работать в современной трудовой советской школе, поэтому каждая школа есть основная краеведческая ячейка.

4. Каждый ученик советской школы есть маленький краевед, учитель—систематизатор материала.

5. Изучаемый и добываемый школой материал не должен пропадать, а должен быть положен в основу школьного музея, но не только, как отразитель работы школы и ее достижений, а и как результат исследовательской деятельности учащихся.

6. Согласно программы ГУС'а, объектом изучения должен служить не только ближайший к школе район, но и более отдаленный, как волость и т. д., что уже не под силу одной школе, поэтому вся краеведческая работа объединяется сначала около районной школы района; УОНО уезда и Губоно и Губметбюро губернии, для чего все дубликаты материала должны доходить до последней инстанции.

7. Все экспонаты массовых школ Губоно направляет в Центральный Педагогический Музей, где они обрабатываются, систематизируются и использовываются для педагогическо-краеведческой работы.

8. Центр. Пед. Музей, как объединяющий Губоно, Иргосун и ГСПС, должен быть центром школьного краеведения, объединяя всю работу через постоянную выставку, участвуя в работах Метбюро и разрабатывая все вопросы школьного краеведения.

9. Педмузей ведет непосредственный деловой контакт с научным музеем Губоно, ВСОРГО и пр. научными организациями и работает с ними в полном согласии.

10. В виду огромного значения в деле изучения края первичных ячеек-школ, имеющих непосредственную связь с массами необходимо поручить Педмузею в срочном порядке разработать циркулярное письмо-инструкцию с планом работы и опросником и через Губоно и Губметбюро связаться с местами с целью организации школьных музеев.

11. При Педмузее должно быть немедленно сорганизовано консультационно-справочное бюро, объединенное со всеми аналогичными бюро в Иркутске.

— —

Л. И. Петри.

Краеведческие школьные и внешкольные экскурсии.

1. Экскурсионный метод школьной и внешкольной работы на краеведческом принципе вполне отвечает текущей задаче государства по поднятию производительных сил страны—исполнение которой возможно при условии знания края.

2. Экскурсионная работа на краведч. принципе обусловлена известными рамками, из которых не должна выходить экскурсия краеведческого характера.

а) экскурсионный материал должен быть доступен активному восприятию для данного возраста и развития, б) этим же определяется и тема, в) экскурсии должны быть планомерны и вытекать из школьного курса, г) связаны друг с другом.

3. Основными положениями, характеризующими всякую краеведч. экскурсию, будут:

а) всякая экскурсия исследует явление в его движении развитии, б) выясняет причины, обуслов. его развитие, с) целе-

сообразность, д) выгодность для края, е) связывая явление с причинами, изучает характерные черты его, ф) ищет наиболее характерные черты влияния данного явления на окружающую среду.

4. Этими положениями определяется и личность руководителя педагога-культурника—не узкого специалиста, а *краеведа*.

5. Разбивая экскурсии на группы, необходимо руководствоваться при проведении различного рода экскурсии следующими соображениями:

а) естественно-исторические:

Учитывать умение ориентироваться в местности по некоторым признакам—следам: следопытческий элемент; изучать явления природы, руководствуясь сезонами; применять не только количественную, но и качественную характеристику природы; экскурсии проводить, по возможности, с практическим подходом.

б) При проведении производственных экскурсий учитывать особенно экономические и социальные элементы. Выделяя особо чисто технические экскурсии, лучше выбирать производства, обставленные более примитивно, что имеет значение для школьников I ступ.

с) При проведении культурно-исторических экск. выбирать эволюционные темы, связывая ряд экскурсий в одно целое и всюду выявляя влияние внешних факторов на развитие культуры в данном крае.

6. Экскурсии для внешкольников стоят несколько особо и смотря по составу экск.—красноармейцы, рабочие, технические служащие—необходимо обращать внимание на тот или другой характер производственных экскурсий и пр.

— —

И. П. Копылов.

Краеведение в детском рисунке.

1. *Впечатлительность детей. Свежесть и глубина детского* впечатления.

2. Широта охвата детьми впечатлений от внешнего мира: они вбирают в себя, как губка, все.

3. Искусство взрослых не сможет в такой мере охватить весь комплекс жизни: оно ищет и дает только „типичное".

4. Взрослый-графически неграмотный—не умеет смотреть, не умеет „видеть“ тем более изображать наблюдаемое.

5. Особенность мышления детей и взрослых: первые собирают материал, вторые—его уже перерабатывают (образование понятий, идей, умозаключений).

6. Кроме того у детей воображение репродуктивное, у взрослых комбинирующее: отсюда разница в ценности даваемого материала детьми и взрослыми.

7. Взрослый постепенно отвыкает собирать материал, живет старым и при темпе современной жизни многое теряет и забывает. Дети помогут нам и собрать необходимый материал и сохранить его. Доступность материала.

8. Графическое выражение тем более важно, что оно охватывает максимум всех впечатлений от внешнего мира (75%).

9. Важность графической формы выражения испытана при изучении всех первобытных культур: огромное число выводов было возможно сделать только через изучение первобытного творчества.

10. Детский рисунок заслуживает самого серьезного внимания краеведа. Детский рисунок нужно собирать и тщательно хранить.

11. И если мы сами не сможем достаточно оценить его то смогут сделать это исследователи будущих поколений.

— —

П. К. Казаринов.

Краеведческие задачи сибирской библиотеки.

1. Краеведческий метод работы библиотеки—является надежным средством усиления ее активности, так как он основан на конкретных и жизненно-необходимых запросах самого читателя. „Американизм“ в библиотечном деле в наших условиях может быть плодотворно заменен краеведческими приемами в работах библиотеки.

2. Библиотечное районирование (библ. сеть), сопутствуя административному районированию, основано на производствен-

но-экономическом базисе. Отсюда библиотечный район идентичен производственно-экономическому району края. Это облегчает применение в библиотеке краеведческого метода.

3. Краеведческая неграмотность наших библиотекарей и их весьма слабое участие в краеведческом движении являются значительными затруднениями в деле поднятия библиотечной активности. Эта неграмотность должна быть ликвидирована.

4. Краеведная основа прежде всего должна быть заложена при комплектовании библиотеки книгами (в том числе и передвижек). Необходимо использование сибирской журналистики, сибирских газет, краеведческих изданий, географических карт, краеведно-ведомственной литературы.

5. Краеведческие запросы читателя могут быть обслужены лишь при наличии в библиотеке библиографической литературы о крае.

6. Осознана необходимость создания библиографического пособия по изучению края применительно к нуждам библиотеки.

7. Справочная работа библиотеки, применение рекомендательных каталогов, книжные плакаты, книжные выставки и др. виды политико-просветительной работы библиотеки должны стоять в тесной связи с краеведческим методом работы. Громкая читальня выиграет при вдумчивом использовании краеведной литературы; желательно составление списка литературных произведений на сибирские темы, пригодных для этого использования, или же составление хрестоматий для сибирской громкой читальни.

8. Целесообразность выделения в каталоге библиотеки краеведческой литературы. Желательность создания особого каталога этой литературы.

9. Необходимо, чтобы проводимые библиотекой читательские анкеты были направлены и в сторону изучения краеведческих запросов читателя.

10. Отражение краеведческого метода работы на дневнике библиотекаря.

11. Связь библиотек с местными краеведческими организациями при проведении краевед. методов работ станет неизбежной.

12. Производство краеведно-библиографических работ исследовательского характера в научных и губернских библиотеках превращает эти библиотеки в живые очаги краеведчества. Организация центрального (губернского или областного) спра-

вочно-библиографического бюро вызывается давно к жизни. Необходимо это осуществить.

13. Постановления 1-го Всероссийского Съезда библиотечных работников и конференции научных библиотек РСФСР коснулись вопросов о роли краеведения в библиотеке и ими в общих чертах признана необходимость рассматриваемого нами метода.

— —

П. К. Казаринов.

Итоги и перспективы сибирской библиографии.

1. Работы по сибирской библиографии делятся на три периода: до 1891 г. („до Межова"), с 1891 г. до 1917 г. и с 1917 г. по наши дни. Наиболее беден библиографич. работами второй период.

2. Появление библиографических гнезд (последнее десятилетие) в Якутске, Томске, Красноярске, Иркутске, Верхнеудинске, Владивостоке, а также организация сибирских библиографических сил в Москве. Продукция этих гнезд: работы, появившиеся в печати и приготовленные к печати.

3. Следует различать библиографию местной печати и библиографию литературы о крае. Для краеведов наибольшее значение имеет второй вид библиографических работ, но необходимо учесть и важность изучения книжной продукции края.

4. До сего времени книга, изданная в Сибири особо, не библиографирована, за исключением периода в несколько лет работ по отдельным вопросам.

Журнальные статьи (и в научных периодиках) о Сибири подлежат библиографированию с 1917 г., каковая работа начата лишь частично.

Газеты почти не обследованы и ждут этой работы, хотя бы в виде библиограф. обработки важнейшего статьевого материала о крае. Исключение составляют существующие немногие библиогр. указатели к старым сибирским газетам.

5. Необходимо создание сибирского библиографического центра для увязки всей сибирской библиографической работы.

Желательно создание этого центра (сибирское библиографическое бюро) в Иркутске (где получается обязательный экземпляр от Книжной Палаты).

6. В каждом областном или губернском пункте Сибири желательно создание при краеведч. организациях местного библиографического бюро для организации местных библиограф. сил и работ. Организация библиографических работ желательна и в более мелких краеведческих пунктах.

7. При взаимоучете труда и при руководстве со стороны сибирского библиографического бюро необходимо приступить к библиографическим работам, руководствуясь при этом очередностью работ, указанной по данному вопросу в резолюции 2-ой Всесоюзной конференции по краеведению.

8. Необходимо приступить к составлению библиографии восточного и западного Прибайкалья по типу б-фии Приенисейского края.

9. Необходимо составление и издание библиографического справочника по Восточной Сибири для целей общеобразовательных и для общего ознакомления с краем.

— —

Проф. М. К. Азадовский.

Издание краеведческой литературы.

1. В настоящее время в издательской деятельности в области краеведения господствует в полном смысле анархия. Не пытаясь ставать на путь регламентации и тем ограничивать инициативу отдельных исследователей и отдельных научных обществ, Съезд тем не менее должен наметить такой план издательской деятельности на ближайшее время, который мог бы считаться цельным с точки зрения краеведч. съезда, и выполнения которого он был бы в праве требовать от организаций и учреждений, ведущих эту работу.

2. В одну из первых очередей должно заняться изданием сводного сборника, посвященного местному краю, охватывающего все стороны народнохозяйственной жизни.

3. Такой же сборник должен быть издан в меньшем масштабе, доступный по изложению и цене любому деятелю низовых краеведческих организаций.

4. Широкое издание краеведческой учебной литературы (методических пособий, программ изучений, учебников, хрестоматий, посвященных местному краю).

5. На ряду с этим крайне необходимо издание сборников по отдельным, наиболее актуальным вопросам современного краеведения и местного быта.

6. В качестве базы для усиления исследовательской и издательской деятельности необходимо усилить работу и издание в области библиографии местного края.

7. В виду частых случаев разрозненности и несогласованности в работах краеведов, необходимо издание информационных бюллетеней о деятельности и успехах местного краеведения.

8. В качестве одной из очередных задач следует признать также издание всевозможных указателей, придав им краеведческий характер, справочников и т. п. Необходимо, чтобы такие издания были изъяты из рук частных, иногда спекулянтских, организаций и перешли в руки краеведческих организаций.

9. Считая, что издание популярной и сводной литературы немыслимо без параллельного широкого, научного и всестороннего исследования края, необходимо продолжение и усиление местных научных изданий, как „Сибирская Живая Старина“ и „Сборники секции землеведения“ с усилением в последних экономического отдела.

10. Одновременно с этим широкое издание брошюрок, листовок, посвященных как практическим, так и теоретическим вопросам краеведения, и предназначенным для нужд культ.-уголков, изб-читален и т. п.

— —

Я. Н. Ходукин.

Охрана памятников старины и искусства.

1. Культурное наследие прошлого — базис, на котором должна строиться новая жизнь. Завет В. И. Ленина—„Если хотите стать культурными, вы должны взять из прошлой культуры все, что в ней есть хорошего“.

2. Несмотря на ряд мер, принятых Советской властью для охраны памятников седой древности, все еще наблюдаются

случаи гибели памятников старины: расхищаются архивы, уничтожаются старые здания, старые церкви; раскапываются неумелыми руками курганы, могильники; жгутся старые иконы; взрываются каменные „бабы", писаницы; вырубаются сады, „палы" уничтожают заповедники, исчезают ценные породы птиц, зверей и т. д. и т. д.

3. Немного лет—и от культурного наследия предков не останется и следа; не откуда будет „взять, что в ней есть хорошего".

Необходима срочная, безотлагательная работа по охране памятников старины, искусства и природы; работа, обреченная заранее на неудачу, если за нее не возьмутся краеведы с мест.

4. Охране подлежат: стоянки доисторического человека, курганы, старые могильники, старые кладбища; каменные „бабы", писаные камни, старинные мосты, старинные колокола, пушки, крепостные стены, монастырские стены, башни, ворота, старые пожарные каланчи, памятники, старинные дома, остроги, этапы, старинные монастыри, старинные церкви, старинные иконы, стенная и наружная живопись церквей и монастырей, скульптурные украшения, заповедники, старые сады, уголки природы с пережитками первобытности, нетронутости ее, ценные птицы, звери и т. д. и т. д.

5. Работа краеведа с мест: немедленное исследование своего района, фиксирование и учет всех имеющихся на лицо памятников старины, искусства и природы; зарисовка, фотографирование, подробная опись и обмер памятника, запись всех имеющихся о нем данных, как архивных, так и со слов старожилов.

Учреждение должной, при содействии местных властей, охраны взятых на учет памятников; немедленое оповещение Отдела охраны, находящегося при Иркутском Научном Музее, о проделанной работе.

6. Памятка краеведу: 1) раскопки могут производиться только лицами, *имеющими открытые листы, выдаваемые Отделом по делам Музеев Главного Управления научных учреждений Академического Центра Народного Комиссариата Просвещения.* 2) Старинные здания, церкви, монастыри, башни, крепостные стены и т. п. *не могут быть ремонтируемы, перестраиваемы без разрешения Отдела по делам Музеев Главнауки.*

7. Широкая популяризация необходимости сохранения памятников старины, искусства и природы, широкое привлечение к этой работе масс—залог успеха.

Проф. В. Ч. Дорогостайский.

Охрана природы края.

1. Желательна регистрация, описание и изображение (в фотографиях, рисунках и т. п.) наиболее интересных памятников природы в крае (скалы, лесные насаждения редкого типа, источники, водопады, лежбища и стоянки редких зверей (нерпы, изюбри и др.) и пролетные станци, птиц (устья рек, озера).

2. Введение сведений по охране природы в программы школ I и II ступеней и образование школьных кружков по охране природы.

3. Организация природо-охранительной комиссии.

4. В целях охраны природы и ее обитателей желательно:

а) Восстановление отведенных в 1912 г. заповедников (Баргузинского, Саянского, Байкальского и др.) и учреждение новых,

б) Учреждение временных заказчиков дичи местных и др.,

в) Введение правильного местного и охотничьего хозяйства в районах крестьянского землепользования,

г) Борьба с лесными пожарами,

5. Взятие под особую охрану закона редких животных (соболя, изюбря и др.) и ценных технических растений (бадана, кедра и др.).

5. Пропаганда идеи охраны природы путем издания соответствующимей литературы, устройством лекций, бесед, выставок и проч.

— —

П. В. Зицерман.

Проект лингистико-краеведческого отделения на Педфаке Иргосуна.

1. Преподавание современной школы базируется на местном материале. Высшая педаг. школа, готовящая преподавателей этой школы также должна пропитать все преподавание локальным моментом и сообщить будущим педагогам систематич. знания о своем крае и вооружить их краеведческим методом,

для чего в Пед.-ВУЗ'ах должна быть организованы краеведческие кафедры и целые краеведческие отделения.

2. Особенно это важно и необходимо для Пед.-ВУЗ'ов, находящихся в центре малокультурных туземных племен, к каковым относится Ирк. Педфак, находящийся в центре Бурятии, близкий к Монголии и Якутии.

3. Приведенными соображениями диктуется необходимость организации на Педфаке Ирк. У-та краеведческо-лингвистич. отделения. Отделение это мыслится Педфаку в составе трех циклов: 1) бурят-монгольского, 2) якутского и 3) цикла родного языка.

4. Основной задачей преподавания на всех этих циклах является подготовка учителей родного языка для школ русского населения и для школ туземных племен Сибири.

5. Но, кроме того, в виду необходимости, будущему педагогу вести огромную и ответственную рботу культурно-общественного характера, второй задачей преподавания на циклах является подготовка педагога-культурника для работы среди туземных племен Вост.-Сибири.

6. Схема учебного плана должна выразиться в следующем виде: Программа 1-го курса носит общеобразовательный характер и строится по тому плану и типу, как это принято для всех отделений Педфака. Специализация начинается также со 2-го курса и заключается в подробном изучении по циклам соответствующих языков, литературы, а также в ряде дисциплин, имеющих чисто краеведческое значение (общее краеведение, история края, экономика края, этнография и др.).

На краеведч. отделении, как и на других отделениях факультета сохраняются колонки: „Обществоведение“ и „Школа и объект воспитания“.

Колонка „Производство и его организация“ изменяется согласно принятому для Педфака Иргосуна сельско-хозяйственному уклону и в связи со специфическими местными требованиями.

Проф. Г. Ю. Маннс.

Краеведческий элемент в учебном плане факультета права и местного хозяйства Ирк. У-та.

1. Реорганизация Фона Ирк. У-та в факультет Права и *Местного* Хозяйства настоятельно требует пересмотра учебного плана и программ читаемых курсов с целью усиления в них краеведческого элемента.

2. Так как факультету ставится задача подготовить работников для Сибири, хорошо знакомых с ее экономическими, правовыми и бытовыми особенностями, а не вообще юристов и хозяйственников, то необходимо, наряду с усилением краеведческого элемента во всех преподаваемых предметах, включение в учебный план нескольких новых предметов, посвященных специальному изучению Сибири.

3. Специальные предметы должны быть включены в первую очередь в учебный план хозяйственного уклона факультета, так как особенности края играют значительно большую роль в сфере экономики, чем в области права.

4. В качестве предметов, обязательных для обоих уклонов хозяйственного и учебного, должны быть включены в учебный план следующие предметы: 1) этнография туземных народностей Сибири, 2) экономическая география Сибири, 3) национальное и советское строительство в Сибири. Кроме того, в учебный план хозяйственного уклона должны войти: 1) торговля и рынки Сибири, 2) народное хозяйство Якутии и Бурятии, 3) основы кооперации и современное кооперативное строительство в Сибири и 4) вопросы колонизации Сибири, а в учебный план судебного уклона: „Местное право туземных народов Сибири".

— —

Я. Н. Ходукин.

Музейное Строительство

1. Музей хранитель человечесной культуры; центр, объединяющий вокруг себя все научно-исследовательские местные силы; лаборатория, в которой вырабатывалась и вырабатывается общественная и личная инициатива.

2. Музей—научный работник, научный исследователь, популяризатор.

3. Дореволюционный музей частично лишь выполнял свою задачу: случайность возникновения, случайность содержания, отсутствие типа, отсутствие единства плана в работе, каста „избранных"—причины, мешавшие музею осуществить его прямое назначение.

4. Музей Октября—музей не только „избранных", но в своей основе—достояние масс. Это учреждение, иллюстрирующее массам вопросы, необходимые и в общем развитии и в повседневной жизни. Книга, всем доступная, всем понятная, даже неграмотным. Отсюда строго научная работа с одной стороны и популяризационная с другой.

5. Музей—краевед и хранитель краеведческих достижений. Он должен вобрать в себя все из окружающей его природы, охранить памятники человеческой культуры; организовать массы для краеведческой работы; он должен будировать краеведческую мысль, роняя в массы новые мысли, новые лозунги.

6. Краеведческий музей ставит в основу своей задачи—изучение предметов и явлений из жизни окружающей его природы и жизни человека во всех его многообразных проявлениях. Он выбирает—живую и мертвую природу; памятники прошлых культур; предметы быта, материального и духовного, населяемых обслуживаемую музем территорию народностей. Природа и человек—объекты его изучения и хранения*.

* Настоящий доклад прочитан не в секции, но в совещании музейных работников членов Съезда, состоявшемся после закрытия Съезда.

III.

Экономическая секция.

Гор. инж. В. В. Ковригин.

Краткие сведения о современном состоянии промышленности в Иркутском Горном Округе.

(Краткое содержание доклада).

1923-24 операционный год—шаг вперед в деле развития горного промысла: а) оживление золотоносных районов; б) Черембасс-трест сделал большие достижения на пути повышения производительности труда и снижения себестоимости; в) Иркутский солеваренный завод стал на твердые ноги. Роль треста „Русские самоцветы".

Современная карта Иркутского Горного Округа. Переход в пределы Б-М. А. С. С. Р. ценных горных богатств. 1) Подробный обзор с цифровыми данными, диаграмма каменно-угольной промышленности (Черембасс-треста, Бархатовских копей, копей близ с. Александровского) добыча, сбыт, техническое усовершенствования.

2. Железная промышленность (Лучихинский чугунно-плавильный завод. Николаевский железоделательный завод). Железные рудники, обслуживающие эти заводы.

3. Добыча огнеупорной глины (каолина). Спрос и добыча каолина.

4. Разработки слюды. Месторождение слюды и роль р. Бирюсы.

5. Разработки ляпис-лазури. Месторождение ляпис-лазури обследования треста „Русский Самоцвет".

6. Золотопромышленность. Два главных золотопромышленных района (система р. Би-рюсы и район Южного Байкала). Добыча золота в цифрах.

7. *Соляная промышленность.* Добыча солина Иркутском Солеваренном заводе (с. Усолье и солеварница при усольском курорте). Методы извлечения крепких обогащенных рассолов. Ёмкость восточного рынка для Ирсользавода.

Заключение—горное дело в Округе имеет все данные для своего процветания. Крайне необходимо наличие свободных капиталов.

— —

М. А. Добкин.

Электрофикация Иркутской губ.

1. Постройка силовой станции на излучине реки Иркута (Куличий Нос) гарантирует низкую стоимость установленной лошадиной силы.

2. В связи с наличием огромных лесных богатств в районе р. Иркута, совершенно неиспользованных, необходимо остановиться на мысли переработки этой древесины в древесную массу и целлюлозу.

3. По довоенным расценкам постройка станции на 25000 лош. сил вместе с устройством для производства древесной массы в количестве около 6 миллионов пудов в год—потребуется приблизительно 7 мил. руб.

4. Так как по характеру своему такое предприятие потребует сравнительно короткого кредитования, то если не представится возможности найти средства внутри страны, необходимо ходатайствовать о разрешении привлечь иностранный капитал.

5. Надо считать, что стоимость древесных матер. обойдется около 75 к. за пуд. При такой расценке, смело можно ожидать пользы 25 к. на пуде. На годовую операцию это составит около полутора миллионов рублей.

6. При наличии мощной электростанции на р. Иркуте, в дальнейшем можно будет распространить производство древесной массы по всей Иркутской губернии, заимствуя силу в отдельных районах губернии от Иркутной станции.

7. Таким образом, можно вполне ожидать, что впоследствии богатая лесами Иркутская губерния станет поставщиком древесной массы на мировом рынке.

— —

Ф. Ф. Шваб.

К вопросу об учете полезных ископаемых В. Сибири.

Содержание доклада.

Район деятельности Вост. Сиб. Бюро по учету полезных ископаемых. Задачи его работы: собирание, строгая систематизация, критическая обработка материалов, планов, таблиц и карт, а затем составление полных характеристик месторождений.

В первый год существования Вост. Сиб. Бюро не могло уделить значительного времени окончательной обработке учетного материала (составление характеристик).

Схема—таблица работ Вост. Сиб. Бюро за 10-ти месячный период.

Общая характеристика отдельных месторождений и районов полезных ископаемых (Николаевско-Заводский район, Олекминско-Витимский, Майско-Чуйский, Хахарейский).

Горные богатства Бур.-Монг. АССР и Якутской АССР. Значение сотрудничества краеведов в деле учета и выяснения ископаемых богатств страны.

— —

И. Ф. Щепетунин.

Бадан и его возможное значение в промышленности России и экономике края.

1. Бадан (Saxifraga crassifolia) типичное растение сибирской тайги, горной флоры Алтая, Восточной Сибири и Забайкалья, особенно северных склонов Байкальских гор.

2. Обилие зарослей, скорый рост, легкость добычи и содержание до 22% дубильных веществ заставляющих признать за ним большое техническое значение и будущую роль в русской кожпромышленности в деле освобождения от заграничных дубителей.

3. В 1911 г. в Россию потребовалось ввоза из заграницы дубильных экстрактов—1.008.000 пудов, квебрахового дерева—4.315.000 пудов, прочих дубильных материалов—2.520.000 пуд. или всего в пудах—7.835.000.

4. Современная потребность в дубителях определяется в 100% танниде суммой в 1.250.000 пудов. Покрывается получением из-заграницы экстрактов—300.000 пудов таннида, продукций своих экстрактовых заводов—60.000 пудов таннида, местными растениями и корами—890.000 пудов таннида, что при среднем их содержании в 68% определит ежегодный расход в 12 миллионов пудов.

5. Сокращение ввоза и усиление потребления местных кор и растений грозит скорым истощением рессурсов Центральной России.

6. Русская экстрактовая промышленность, работавшая прежде в большой мере на привозном квебраховом дереве, содержащем—18-24% дубильных веществ, работает теперь почти исключительно на древесине дуба, дающего—3-4%; потребляя ежегодно—2.800.000 пудов ценной древесины, уничтожила в некоторых местах запасы на 25 л. вперед. Встает вопрос о ее ликвидации или переброске в другие районы на более доступное и богатое содержанием сырье, скорым ростом обеспечивающее дальнейшие запасы.

7. Бадан отвечает всем требованиям сырьевой базы для руских заводов дубильного экстракта, он может покрыть ежегодно 55% потребности кожпромышленности в дубителях мирного времени и 100% современного, обеспечить все экстрактовые заводы и послужит к возникновению новых.

8. Благоприятные результаты применения бадана и большие возможности обязывают заняться вопросами изучения методов экстрагирования, облагораживанием экстракта, вопросами утилизации, быть-может, более ценных петаннидов, которых извлекается водой тоже 22% выработкой методов дубления разных сортов кожи.

9. Данные возможности применения бадана в других отраслях промышленности говорят о возможности для него новых горизонтов.

10. При массовых заготовках, определяемых потребностью в 7 миллионов пудов, сбор его приобретет большое экономическое значение для населения, живущего большою частью только сезонными промыслами, сбором орех, рыбной ловлей и охотой.

11. Рациональное использование этого растения требует всестороннего его изучения. Требует правильной организации сборов, охраны и опытов по культуре. Бадану, возможно, суждено играть роль не только в экономике местного края, но и всего союза Республик.

12. Увеличение процентного содержания таннида в баданном экстракте до 60% , при наличии дешевых водных путей и Северного морского пути, откроются пути сбыта в Европу.

— —

А. Н. Черкунов.

Самогонокурение в Иркутской губ. по данным статистических анкет Губстатбюро.

1. Самогонокурением в Иркутской губ, занято 36,6% всех хозяйств губернии или конкретно 33.537 из 91.451.

2. Гонят самогонку все группы сельского населения почти в одинаковой мере.

3. Самогонокурение носит „полупромышленный" характер („для себя и на продажу").

4. Наиболее „производственными" уездами: и по количеству выгоняемой самогонки и по ее потреблению являются наши уезды, Тулуновский и Зиминский.

5. Время производства самогонки совпадает с годовыми праздниками, а также моментом реализации урожая (октябрь, ноябрь).

6. Пьют самогонку 73,53% хозяйств или 67.243 хоз.

7. Всем сельским населением выпивается в год 292.643,2 ведра, что составляет 0,56 ведра на душу или 2,34 ведра на пьющую душу (3,9 бут. в месяц).

8. Все население губернии (сельское и городское) потребляет 331.732,32 ведер.

9. В губернских средних выводах—население теперь пьет самогонку меньше, чем пило до войны водку.

10. Процент недовольных распространением самогонки чрезвычайно незначителен—18,7%.

11. Само население мер к пересечению самогонокурения не принимает (77,2% показаний).

12. 63,7% показаний говорят, что меры, принимаемые милицией в борьбе с самогонкой, не действительны.

13. Уничтожение самогонокурения, по мнению корреспондентов, будет достигнуто: 1) введением свободной продажи казенной водки (45,6% показаний), 2) распространением просвещения (17,5%), 3) усилением мер наказания (27,5%), 4) удешевлением стоимости изделий винтреста и открытием лавок винтреста в деревне (4,4%) и, наконец, 5% показаний, не рекомендуя никаких мер, говорят, что употребление спиртных напитков вывести нельзя.

— —

Проф. Г. Ю. Маннс.

Самогонные дела и алкогольная преступность в Иркутской губ. с 1922 по 1924 год.

1. Число преступлений, совершенных в состоянии опьянения в Иркутской губ. с 1922 по 1924 г. в несколько раз меньше, чем в годы, предшествовавшие мировой войне.

2. Уменьшение алкогольной преступности объясняется сокращением потребления спиртных напитков: слабостью самогона по сравнению с водкой и допущением к продаже только напитков с низким процентным содержанием алкоголя.

3. Характер алкогольной преступности остался прежний: больше всего преступлений в состоянии опьянения совершается против личности и порядка управления.

4. Развитие самогонокурения должно оказать самое пагубное влияние на рост алкогольной преступности.

5. Сокращение алкогольной преступности в 1924 году по сравнению с 1922 г. и 1923 г. является, повидимому, результатом усиленного преследования самогонщиков, начавшимся во второй половине 1922 г., но с безусловной точностью этого установить нельзя, так как цифровой материал для этого слишком невелик.

6. Самогонные дела играют в Иркутской губ. особенно видную роль в женской преступности; % самогонных дел к

общей женской преступности повышается с каждым годом, при чем это повышение резче, чем соответствующее повышение, наблюдаемое у мужчин.

7. Возраст самогонщиков сильно колеблется, но максимум за все три года приходится на возраст 30-40 лет.

8. Время совершения самогонных преступлений—преимущественно зимние месяцы (декабрь, январь, февраль) и апрель.

9. Настоятельно необходимо энергично продолжать борьбу с самогонщиками и самогонокурением, так как самогон, равно как другие виды спиртных напитков, подрывает экономическую силу широких масс населения и является причиной совершения многих преступлений, уступая в смысле интенсивности влияния на преступность только водке.

— —

В. М. Бородкина.

Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края.

Читканско-Горячинский район.

Содержание доклада.

Общие сведения о районе: длина р. Баргузина, история ее заселения, тунгусы, буряты, первое появление русских в крае, образование Читканской и Горячинской волостей. Занятия русского старожилого населения: хлебопашество, землепользование и землевладение, история межевания, земельный вопрос в крае в настоящем.

Апрель-июнь—начало полевых работ. Способы обработки земли, искусственное орошение. Хлеба, засеваемые в крае. Огородничество. Овцеводство. Приготовление пара под посев будущего года. Подготовка охотников на нерпу и рыболовов к „весенним операциям". Выезд нерповщиков в море. Снаряжение артели. Условия и способы охоты на нерпу. Очистка шкуры нерпы и способы выделки. Употребление сала, мяса и шкуры нерпы. Ловля неводом хариуза. Возвращение охотников и рыболовов домой. Сбыт продуктов охоты на нерпу и рыбу. Подготовка к отплытию на Байкал для ловли рыбы. Рыболовные места на Байкале в районе Горячинской волости. Баргузинский и Чивыркуйский заливы. Выезд рыбаков. Устройство

невода. Картина неводьбы. Примерный улов рыбы. Возвращение промышленников к периоду сенокоса. Охота на изюбря. Выделка шкуры и ее употребление.

Июль-август.—Сенокос. Жатва. Сбор ягод. Молотьба. Осенний лов рыбы на Байкале, реке Баргузине и озерах.

Сентябрь.—Урожай овощей. Сбыт продуктов огородничества и заготовка их на зиму. Подготовка к осенним и зимним операциям охотников и рыболовов. Съезд промышленников на соболя в г. Баргузин для распределения „подлеморских" рек. Начало „водопольного" промысла.

Октябрь.—Охота на белку. Места охоты. Снаряжение охотников. Охота на соболя. Маршрут собольщиков. Условия и способы охоты. Рассказы промышленников. Промысловые животные и птицы Баргузинского края. Охота на кабаргу, медведя, лисиц, волка и зайцев. Домашние работы в октябре.

Ноябрь.—Окончание „водопольного" промысла на Байкале и начало последнего в Чивыркуйском заливе, реке Баргузине. Домашние работы. Молотьба хлеба.

Декабрь-март.—Домашние работы. Сборы и поездка на Лену. Значение Верхоленского района Ирк. губ. для баргузинцев. Обмен продуктов на муку. Типичный пример обмена. Маршрут при поездках „за море". Заготовка дров. Лесные пожары в крае.

Е. Я. Мухин.

Пчеловодное дело в В.-Сибири.

Содержание доклада.

1. Возрождение пчеловодства в Сибири.
2. Дальнейшее его первичное развитие.
3. Более широкое его распространение в связи с переселением из Европейской России в Сибирь.
4. Культурное распространение пчеловодства в Иркутской губернии при инструкторе пчеловодства Измайлове.
5. Мертвая полоса или застой в пчеловодстве по обстоятельствам военного времени с 1917 года по 1925 год.
6. Состояние его за это время.
7. Общий вывод о пользе пчеловодства в Иркутской губ. и стремления населения к занятию таковым.
8. Конкретные предложения мероприятий к развитию этого дела в губернии.

IV.

Историко-Этнологическая секция.

Г. С. Виноградов.

Русское население края и его изучение.

1. Необходимо видеть в населении Сибири пеструю массу, составленную из представителей разных культур, представителей разных эпох и разных этнических групп. Главными группами русского населения, которые, по соображениям методологического порядка, нужно выделить для изучения, являются: 1, крестьяне, 2, особняком живущие т. наз. старообрядцы, раскольники и сектанты, 3, казачье население, 4, переселенцы, 5, ясачные, 6, обособленные группы: нищие, дурачки, убогие и пр.; не следует оставлять за пределами этнографических наблюдений и городское население.

2. Краеведные этнографические работы должны вестись в двух направлениях—в подведении итогов старых изучений и в накоплении новых материалов.

3. В программу краеведческих работ по этнографии должны войти темы и вопросы, охватывающие *все стороны народной жизни.*

4. В целях осуществления такой широкой программы докладчик считает насущными работы по составлению—1. библиографических указателей по вопросам этнографических изучений, 2, описаний этнографических источников (музейных коллекций, архивов и пр.) 3, истории этнографических изучений русской народности в Сибири, 4, программ-руководств для собирания сведений по разным вопросам наших изучений, 5, в виду недостаточности средств на издание программ и руководств и на организацию краеведных съездов в областном или губернском масштабе, следует поставить задачей осуществление поездок представителей руководящего органа на места—на районные краеведные съезды. 6. В виду того, что в задачи крае-

ведных работ входит не только собирание материалов, но и их разработка—необходимо обеспечить исследователям доступ к накопляемым материалам, отсюда потребность создания при руководящем краеведном учреждении этнографического архива, 7, к числу весьма желательных краеведных этнографических работ следует отнести составление монографий об отдельных *селах* и *памятниках деревянного зодчества* (храмовые здания, башни). 8, сообразуясь с уровнем наших знаний о русской народности в Сибири, при изучениях должно преследовать задачу—вникнуть не в общие черты жизни и быта сибиряков, а в отличительные особенности их по отдельным районам.

5. Отсюда необходимость создания этнографических монографий, касающихся обособленных сибирских провинций (Илимский край, Междуречье Оки и Ангары, Чунский край, Тункинский край, Баргузинекий край и т. д.).

— —

Проф. М. К. Азадовский.

Задачи изучения устного творчества в Сибири.

1. Огромное значение устно-народного творчества (общественное, научное, эстетическое, педагогическое) требует продолжения и усиления, как собирательской, так и исследовательской деятельности в этой области.

2. Особенное внимание должно быть обращено на изучение современного устно-народного творчества в связи с изучением отражений в фольклоре событий последних и недавних лет.

3. Изучение этих отражений не мыслимо без широкого и всестороннего изучения фольклора во всем его объеме.

4. В сибирских условиях (в связи с крайне недостаточным и случайным изучением фольклора русского населения в прошлом) эти работы выдвигаются в одну из первых очередей этнографо-краеведческих изучений.

5. Современные условия и задачи изучения фольклора выдвигают и новые методы собирания. Всецело господствовавший до сих пор метод экспедиционный должен быть отодви-

нут на второй план; изучения должны вестись, по преимуществу, путем стационарным.

6. Стационарный метод наиболее соответствует духу краеведческого изучения фольклора; только этим путем возможно изучить творчество любой ячейки (села, волости, хутора и т. п.) во всем объеме, при чем изучение памятников устного творчества не будет оторвано от его носителей и окружающей обстановки. Вместе с тем стационарный метод дает возможность производить длительные наблюдения над жизнью фольклорных памятников, учитывая их малейшие изменения.

7. Наилучшей формой такого стационарного изучения является организация ряда „фольклорных станций"; такие „станции" должны организоваться, главным образом, при школах и избах-читальнях. Последнее является особенно важным и желательным, так как дает возможность втянуть в работу собирания широкие слои местного населения.

8. В этих же целях желательна организация кружков по изучению фольклора и при городских рабочих клубах и культ-ячейках. Таким путем могли бы быть подготовлены кадры собирателей-рабочих.

9. На ряду с отдельными поездками собирателей-исследователей и стационарным изучением на местах должен быть выдвинут и третий путь—коллективные экспедиции. Этот метод имеет, по преимуществу, значение педагогическое; такие экспедиции желательно организовывать при ВУЗ'ах и педтехникумах и сочетать с культурно-просветительной деятельностью в деревне.

10. Для облегчения работы на местах, а также и для пропаганды фольклорных изучений необходимо развить широкую деятельность по изданию программ по различным отраслям устного творчества; при чем желательно, чтобы эти программы не являлись только сухими и схематическими вопросниками, но включали в себя главнейшие теоретические и библиографические указания, а также и факты живого опыта собирателей.

11. Для более планомерной и всесторонней организации фольклорных изучений необходимо провести анкету о бытовании устного творчества в крае.

12. Невозможность опубликования собранных материалов в значительной степени понижает энергию собирателей на местах, поэтому должны быть приняты энергичные меры к усилению издательской деятельности, посвященной этнографическим, в частности, фольклорным изучениям.

— —

И. С. Хромовских.

О народной песне.

1. Песня текуча, как сама жизнь, которую она, до известной степени, отображает. Одни песни отмирают, сходят со сцены, другие нарождаются.

2. Необходимо сохранять песню, как культурную ценность.

3. Старинная „проголосная" песня особенно заслуживает внимания собирателя. Она богаче и формой и содержанием, чем песня новая.

4. Для того, чтобы собирание песен было планомерным и более продуктивным, необходимо: а) объединить собирателей, б) обеспечить возможность собирания с материальной стороны пособиями, руководствами, техническими материалами.

— —

Г. С. Виноградов.

Детский фольклор.

1. Изучение устного творчества детей вызывается соображениями не только теоретического, но и прикладного характера.

2. В общефольклорных изучениях детское словесное творчество должно найти определенное место в виду того, что в нем мы имеем дело с наиболее простыми оголенными формами и приемами творчества в слове, поддающимися непосредственному наблюдению во всех стадиях его развития.

3. Детский фольклор должен быть оценен, как непринужденное самораскрытие детской психики, как подлинное самовысказывание детей о самих себе.

4. Одним из немаловажных поводов к изучению детского фольклора должно считать попытки к планомерному и широкому использованию его в школьных занятиях родным языком и словесностью.

5. Полевое краеведение, должно включить в число важных очередных задач и внимательное собирание материалов по детскому фольклору.

6. Органы, руководящие делом изучения края, выполнят дело большой важности, издав руководство—программу для собирания нужных материалов.

В. А. Малаховский.

Народные говоры Сибири.

1. Диалектонические изучения могут быть правильно организованы лишь при условии широкого распространения и популяризации общих принципов языкознания, т. к. обычное определение языка, как средства общения, мешает осознать собирателям для чего нужно это изучение.

2. Язык является самым беспристрастным свидетелем прошлого народа, его истории и таким образом диалектические изучения имеют огромный историко-культурный интерес, не говоря уже о необходимости диалектических изучений для целей школьного преподавания.

3. С каждым днем диалектические различия под влиянием книги, борьбы с безграмотностью, общей культуризации Сибири все более и более нивеллируются, потому диалектическое изучение Сибири—дело не терпящее отлагательства.

4. Для организации диалектических изучений необходимо инструктирование собирателей путем издания программы и инструкции по собиранию особенностей языка и словаря русского старожилого населения Сибири.

5. Эта инструкция должна заключать в себе краткий очерк истории изучения русских говоров в Сибири, итоги этого изучения, краткую характеристику основных диалектических групп в Сибири, инструкцию по собиранию диалектического материала.

6. С этой стороны необходимо привествовать появление „Библиотеки собирателя“ (изд. Этнологической Секции ВСОРГО), в состав которой входят вопросы диалектологии.

— —

П. Я. Черных.

Итоги и задачи изучения русского языка в Сибири.

1. Диалектологическое изучение Сибири вступает в период научно-организованного движения. Начало этому движению было положено проф. Григорьевым (Томск) и особенно проф. Селищевым, работавшим в Иркутске. До этого времени изуче-

ние русско-сибирских говоров носило любительский и случайный характер.

2. Вопрос о „сибирском наречии", как отдельной русской диалектологической группе, был поставлен Далем и оказался несостоятельным.

3. Мнение, высказанное впервые Е. Болховитиновым в письме к Кеппену в 1820 году и упроченное Словцовым, о русско-сибирских говорах, как сплошь сев.-великорусских окающих, оказывается неверным. Значительная часть русско-сибирских говоров относится к акающим на сев-великорусской основе. Только говоры „семейских" за Байкалом и, по-видимому, „поляков" на Алтае относятся к южно-великорусским.

4. Многие особенности (фонетич. и, гл. обр., словарные) русско-сибирских говоров объясняются влиянием инородческой языковой стихии.

5. Главная задача сибирской диалектологии—всестороннее научное описание русско-сибирской речи (старожилого населения) в отдельных ее представителях—русско-сибирских говорах.

6. Изучение старинных (XVII, XVIII ст.) письменных памятников русского языка в Сибири составляет также одну из задач сибирской диалектологии.

7. Влияние войны и революции на язык в последние годы также должно быть учтено диалектологами Сибири.

8. Составление диалектологической карты русского языка в Сибири и хрестоматии по русско-сибирской диалектологии может значительно способствовать дальнейшей разработке сибирской диалектологии.

9. Разработка сибирской диалектологии не может не находиться в связи с распространением и популяризацией лингвистических знаний в Сибири.

— —

В. П. Гирченко.

Архивное дело в Бурятско-Монгольской Автономной Советской Республике.

(Краткое содержание доклада).

1. Состояние изучения архивов и местной истории в прошлом. Гибель архивов Восточной Сибири. Перечень архивов, сохранившихся в Бур. М. А. С. Р. Вопрос об охране архивов на территории Б. М. А. С. Р. Неблагоприятные условия работы уполномоченных по охране и разработке архивов (бесплат-

ность работы, отсутствие техническ. аппарата и т. п.). Деятельность Кафедры Прибайкальеведения при Народном Университете в Верхнеудинске (1921—1922) по охране и разработке местных архивов.

2. Гибель архивов в последнее время: в Бичуре—по истории Сибири с XVIII века, а также и по истории партизанского движения и борьбы с семеновщиной; в Троицкосавске и Кяхте по истории рус.-китайских торговых сношений.

3. Значение архивов Прибайкалья для истории революционного движения в Сибири и на Востоке.

4. Архивное дело в период советизации Д. В. 1922—1923. Организация архивных бюро. Недостаток средств для реорганизации мероприятий бюро. Отсутствие помещения для работ бюро.

5. Организация архивного дела при правительстве Бур. М. А. С. Р.

6. Организация работ по изучению пребывания декабристов в Прибайкалье. Изучение дел о севастопольских бунтовщиках-матросах Черноморского флота, сосланных в Петр. Завод в 1830 г.

7. Отчеты волост. правл. Верхнеуд. уезда за 40 годы XIX века и их значение для местной истории.

8. Анкета о выяснении числа и состояния архивов на территории Бурреспублики—и результаты ее. Меры по охране архивов на местах.

9. Борьба с уничтожением и гратой архивных материалов.

10. Количество архивных фондов, состоящих на учете Центр. Арх. Управления (состоит 46 фондов, из них в актохранилищах 39).

11. Обзор некоторых работ, созданных на основании разработанных архивных материалов Бурреспублики.

— —

А. Г. Бажин.

Памятники пребывания декабристов в Прибайкалье.

(Краткое содержание доклада).

Задачи сибирских учреждений в предстоящем юбилее декабристского восстания. Необходимость создания сводного труда, посвященного пребыванию декабристов в Сибири. Постановление Бур.-монг. о-ва имени Д. Банзарова о собирании материа-

лов о декабристах в Прибайкалье и организация специальной комиссии при нем.

Перечень декабристов, живших в Прибайкалье и Забайкалье после отбывания каторги. Перечисление вещей, связанных с декабристами, и находящихся ныне в музеях Троицкосавска и Верхнеудинска. Организация избы-читальни имени Ник. Бестужева в домике, принадлежащем ему, в Селенгинске. Сведения о стариках, еще помнящих декабристов в Прибайкалье. Книги, принадлежащие Мих. Кюхельбекеру в Баргузинской Библиотеке. Архивные материалы о декабристах, находящихся в ведении Центр. Арх. Глав. Упр. Бурреспублики.

— —

Б. Г. Кубалов.

Крестьяне В. Сибири и декабристы.

1. В 20-30 г. крестьянство втягивается в круг всероссийских интересов и своеобразно преломляет в своем сознании исторические факты: кончину Александра I, восстание декабристов, их жизнь и ссылку в Сибирь.

2. Особый интерес к декабристам среди крестьянства бессознательно поддерживался самим правительством.

3. Декабристы умело подошли к крестьянству со стороны коренных интересов—крестьянского хозяйства.

4. В вопросе о наделении декабристов землею из общинных земель крестьянство охотно шло им на встречу, исключая кулаков-мироедов выступавших с протестом.

5. В лице декабристов крестьяне увидели людей, которые вместе с народом—пахарем поднимали новь в суровом краю, делили с новоселом его редкие радости и мыкали с ним горе—неудач и разочарований, щедро приносившиеся ему природой.

6. Декабристы принесли с собою в деревню искреннее желание быть пионерами приютившему их краю, принявшей их среде.

7. Улучшение системы земледелия, огородничества, садоводства.

8. Декабристы кровно роднились с крестьянством; женясь на крестьянках, они бросали вызов сословности, разрушали классовые перегородки.

9. Близость декабристов к крестьянам была не понутру сельской власти, с злоупотреблением которой боролись декабристы.

10. Декабристы способствовали росту гражданского развития и сознания человеческого достоинства крестьян.

11. Декабристы были народными учителями.

12. Память о декабристах среди крестьянства.

— —

Проф. Н. Н. Козьмин.

Об изучении туземных племен.

(Основные положения).

Когда речь идет о туземцах, то подразумевать надо те народности, которые не получили автономного устройства и за которыми не закреплено государственной территории. Это преимущественно северо-сибирские племена остяков, самоедов, юкагиров и т. д. Для Иркутской губернии, Бурятии и Забайкалья имеют значение, главным образом, тунгусские племена (ороченъ) и отчасти турецкие (сойоты, карагассы). В линиях советского строительства они еще не имеют устройства. В настоящий момент в центре пришли к сознанию необходимости мысли возвратиться к старой мысли создать нечто в роде *попечительств* над такими племенами. Туземные комитеты и туземные инспектора для туземных округов. Вместе с тем поставлен и вопрос об их изучении. Мы думаем, что туземцев чрезвычайно долго и чрезчур много изучали без всякой пользы для них. Есть очень почтенные и для своего времени почти исчерпывающие труды о них. Их мало кто читает и с ними не справляются. Пора, не дожидаясь новых изучений, перейти к практическим мерам. Путь в этом отношении ясен и один—это путь советского строительства. Значение последнего, его смысл—в вовлечении самих трудовых масс в дело строительства своей жизни.

Никакие опекуны и патроны не устроят и не облагодетельствуют туземцев. Только своими руками они создадут для себя сносные условия жизни. Говорят, что их мало и что у них нет своей интеллигенции. Но в аналогичных условиях Советская власть умела найти выход. Когда она входила в новую область, где не было еще сов. общественности, достаточно советизированных элементов, создавался ревком, ядро которо-

го составлял данные сверху опытные и надежные члены, а к ним привлекались местные элементы; таким образом создавалась и прочная связь с местами, открывался путь для постепенного перехода к нормальному советскому строю „от ревкома к исполкому". Нужно так же действовать и среди тунгусов, делая ставку на них самих, на туземный активный элемент.

Ответственные работники, данные в состав адм. органов туземных округов, вместе с туземцами займутся хозяйственным и культурным строительством, в котором и нуждаются туземцы: создадут школы, больницы, торговые пункты—лавки, наладят сбыт продуктов охоты и рыболовства.

По ходу этого строительства и для его нужд понадобятся дополнительные и специальные изучения. Их и поставит по требованию местных деятелей и при их участии. Это будет деловое изучение, непосредственно нужное для самих туземцев.

Пока же имеется много старых трудов, которые надо подобрать, изучить, систематизировать и дополнить. Во всяком случае надо твердо сказать, что никакие новые исследования не могут служить поводом, чтобы откладывать практические мероприятия, а последние должны быть в линиях общего советского строительства, имеющего достаточно практического опыта за собой.

— —

Проф. Цибиков.

Основные проблемы национально-культурного строительства Бурятии.

1. Монгольская нация, состоявшая из трех главных племен собственно—монголы, ойрат-монголы и бурят-монголы представляли с самого начала своей исторической жизни вполне самобытную культурно-национальную единицу среди народов Востока.

2. В начале XVII века на судьбу монгольских племен начинают оказывать свое влияние две культурно-политических силы с С.-З. и Ю.-В. Силы эти—Россия и маньчжуро-китайцы, вследствие чего монгольские племена начинают терять свою политическую самостоятельность.

3. Озеро Байкал являлось естественной границей сферы культурного влияния двух миров Запада и Востока на жизнь монгольских племен.

4. К моменту Великой Октябрьской Революции эти два культурных влияния успели настолько глубоко захватить жизнь бурят-монголов, что они оказались почти потерявшими свою прежнюю культурную самобытность.

5. Только Октябрьская Революция положила предел дальнейшему процессу культурной денациональности бурят-монголов.

6. Язык является основным признаком национальности и без языка нет национальности.

7. Язык является величайшим культурным достоянием народа и могучим орудием приобщения его к общечеловеческой культуре.

8. Несмотря на самые неблагоприятные условия развития языка, бурят-монголы сумели сохранить свой национальный язык и письменность.

9. Бурят-монголы, за исключением незначительной части в лице западных бурят, по сравнению с другими мелкими народами Сибири, не имеющими своей письменности, является в национально-культурном отношении наиболее сильной народностью, благодаря своей письменности и вполне установившейся литературной традиции.

10. В языковом отношении бурят-монголы до настоящего времени распадаются на две группы: западную и восточную, из коих первая не имеет еще родной письменности, чем главным образом можно объяснить то обстоятельство, что говоры этих двух групп сильно дифференцировались и теряли свою устойчивость и богатство.

11. Главной очередной задачей национально-культурного строительства Бурятии является литературно-языковое объединение западных и восточных бурят путем национализации школы и других культурных мероприятий.

12. Достижения в области национализации школ и пр. за годичный период осуществления Бурреспублики выражаются в следующем: организация Буручкома и Буриздата, открытие в этом году Бурпедтехникума и Бурсовпартшколы в г. Верхнеудинске.

Во всей Бурятии:

Национал.	Шк. I ст.	Семилет.	Шк. II ст.
Бурят	178	2	3
Русских . . .	186	2	4
Смешанных . . .	10	1	1
Нацмен	6	—	—
	380	5	8

Если к этому добавить, что бурятский язык, как язык преподавания, применяется только в 70 школах I ст. и в 1 школе II ст., то будет ясно, как еще далеко строительство национальной школы до полного перехода на родной язык.

13. Культурно-национальное строительство Бурреспублики, как и самое существование Бурятии, как национальной Республики имеет огромное политическое значение по отношению к соседней Монголии и др. странам Индо-Тибетской культуры, так как Бурятия по географическому положению и культурной родственности является естественным преддверием к этим странам со стороны СССР. Этот политический момент уже сейчас обнаруживает свою притягательную силу для монголов и тибетцев, молодежь которых обучается теперь в столице Бурреспублики пока в количестве 10 человек.

14. Вследствие громадного значения национальной культуры для самих бурят-монголов и политического значения Бурреспублики для значительной части Востока, перед научными и краеведческими организациями Бурреспублики, в лице Буручкома и Научного О-ва имени Доржи Банзарова, стоят чрезвычайно важные задачи всестороннего изучения своего края, языка, быта, хозяйства и всех культурных ценностей бурятского народа.

15. Наиболее успешное выполнение задач по культурно-национальному строительству Бурятии возможно лишь при условии материальной и моральной поддержки со стороны, как Центра, так и соседних культурно-научных организаций.

— —

Проф. Б. Э. Петри.

Собирание преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами.

1. Для бурят Прибайкалья архивные данные простираются только до времени утверждения русской государственности в их стране. Задачей момента является охрана архивов Бурятии.

2. Монгольские летописи относятся к бурятам лишь постольку, поскольку данные об всем народе могут относиться к одной из его ветвей. Северная ветвь монголо-бурятов — не принесла с собой в Прибайкалье письменности.

3. Зато изустные предания бурят весьма богаты и сохранились в народной памяти очень свежо. Особенно четко сохранились родословные и предания о переселениях, которые совершились в сравнительно недавнее время, и даже могут быть названы „воспоминания о переселениях".

4. Благодаря тому что, буряты пришли в Прибайкалье сравнительно недавно. они принесли с собой ту же культуру, которая отчасти держится и сейчас в улусах, а отчасти относится к самому недавнему прошлому народа; буряты закончили собой доисторический период и их культура относится к позднему железному веку. Поэтому археологические раскопки не смогут пролить много света на прошлое бурят.

5. Архивные материалы и археологические предметы могут подождать, но не будут ждать изустные предания, т. к. их хранители—старики уходят из жизни, не завещая подрастающему поколению веками накопленную мудрость, а молодежи, призванной к новому строительству своей республики, в огромном большинстве случаев не до сказаний о прошедших временах.

6. Самым насущным в смысле исторических изысканий для данного момента является производство записей родословных и преданий о приходе первых колонистов-бурят и заселении края.

7. Для получения однородного, хорошо поддающегося обработке, и полного материала, необходимо вести записи, руководствуясь единой, специально разработанной инструкцией.

8. Предлагаемая программа—инструкция после обсуждения и исправления в секции должна быть широко распространена среди бурятской интеллигенции.

Собранные по ней сведения могут быть использованы, как материал, при составлении истории заселения Прибайкалья бурятами.

— —

Проф. Г. Ю. Маннс.

Программа по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях туземных народностей Сибири в области уголовного права и суда.

1. Знакомство с народными воззрениями и юридическими обычаями туземных народов в области права, в частности уголовного права и процесса, представляет не только большой

теоретический интерес, но имеет также огромное практическое значение, особенно, в такие переходные периоды, как переживаемый нами, так как законодателю крайне важно знать, какие правовые отношения и взгляды сохранились у народа при происшедшей коренной ломке экономических и правовых отношений и какие новые отношения и взгляды зародились под влиянием происшедшей ломки.

2. Собирание материалов не должно иметь случайного характера и должно производиться планомерно по специальной программе, вопросы, которой охватывали бы возможно полнее всю область обследуемых явлений, при чем эта область не должна быть слишком широкой. Желательно составление не одной общей программы по собиранию юридических обычаев вообще, а нескольк программ: 1) по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях в области уголовного права и суда, 2) в области брачного, семейного и наследственного права, 3) в области имущественных отношений и т. д.

3. Программа может преследовать задачи собирания материала о народных воззрениях и юридических обычаях, существовавших в прошлом и существующих в настоящее время. Материал, освещающий прошлое, важен в первую очередь для исследователя, желающего восстановить картину прошлых правовых отношений, картину культуры умершей или исчезающей. Материал о современных правовых воззрениях и юридических обычаях народа важен в первую очередь для политика и законодателя в целях подлежащего учета правовых и национальных особенностей данного народа при практической работе в области законодательного творчества. Принимая во внимание, что переживаемый нами переходный период настойчиво выдвигает на первый план задачи практические, задачи законодательства, а также то, что прошлое туземных народностей Сибири уже освещено рядом работ по обычному праву этнографов и юристов, необходимо фиксировать при составлении программы внимание не на прошлом, а настоящем, необходимо построить ее так, чтобы ответы на вопросы говорили о том, *что* есть и *что* зарождается, а не о том, *что* уже умерло.

4. Особенно важное значение имеет собирание материала в области уголовного права и суда, так как изучение его дает ответ на вопрос, каковы современные взгляды туземцев Сибири на преступление, наказание, суд и его функции, что крайне важно учесть при законодательных дополнениях к действующим на территориях туземцев Сибири общереспубликанским кодексам (Угол. и Угол.-процессуального).

5. При составлении программы особенное внимание должно быть уделено вопросам, преследующим цель выяснить, какие деяния, не предусмотренные Угол. Кодексом (напр. прелюбодеяние, скотоложство) считаются преступными и какие деяния, признаваемые кодексом преступлениями, туземцами не считаются за таковые.

— —

Я. Н. Ходукин.

Комитет содействия народностям северных окраин.

1. Годы разрухи, вызванные империалистической и гражданской войнами, тяжело отозвавшиеся на хозяйственно-экономической жизни Республики, в более сильной степени отразились на жизни туземных племен, менее приспособленных, менее стойких и более слабых экономически в борьбе за существование.

2. Культурная, хозяйственно-экономическая и правовая жизнь туземных племен почти совершенно не исследована. Имеющиеся в этих областях труды носят случайный характер и в значительной мере устарели. Необходимость тщательного, сплошного научного исследования диктуется суровой необходимостью: вымирание туземных племен—неопровержимый факт.

3. Такой же необходимостью является и немедленная реальная помощь этим племенам.

4. Комитет Содействия Народностям Северных Окраин в своей работе может рассчитывать на успех лишь в том случае, если вовлечет в работу на местах широкие массы туземного населения.

5. Учреждения, имеющие вести работу среди туземного населения, должны быть приближены к местам. Излишняя централизация здесь вреднее, чем где либо.

6. Конституция административных органов не должна быть точной копией конституции общереспубликанских, а должна исходить из правовых норм, присущих туземному населению, опираться на данные его обычного права.

7. Долгосрочный кредит, снабжение предметами первой необходимости, отвод достаточной территории тайги, с которо-

рическим запрещением соседним народностям пользоваться правом охоты на этой территории, культурно-просветительная работа—вот те срочные, безотлагательные мероприятия, что стоят в виде первоочередных задач пред Комитетом.

— —

В. И. Подгорбунский.

Итоги и задачи археологических изысканий в пределах В. Сибири.

Содержание доклада:

Малоизученность В. Сибири в археологическом отношении. Значение археологии с точки зрения современного момента. Краткие данные по истории археологических исследований в пределах нашего края.

Вопрос о палеолите в пределах В. Сибири и недоказанность наличия его.

Обзор главнейших мест находок орудий, относимых некоторыми исследователями к палеолиту (Рабочий дом, Глазково). Культура Верхоленской горы; обзор находок на данной стоянке, неизученность ее в геологическом отношении. Невозможность датировать данную культуру эпохой Мадлен, вероятность отнесения ее к переходному времени от палеолита к неолиту.

Неолит в пределах края, синхроничность неолитической культуры, культура бронзы Минусинского края. Общность неолитической культуры для пределов Якутии, Иркутской губернии и Забайкалья. Обзор погребений неолита в пределах края.

Попытки классификации неолита на основании раскопки стоянки Уланхада.

Культура бронзы в пределах В. Сибири. Наличие орудий Минусинских форм в границах В. Сибири. Теория Мергарта и Г. П. Сосновского о северном районе бронзы и границы такового.

Культура бронзы в пределах Забайкалья и возможность выделения его в отдельный район, на основании нахождений орудий оригинальных форм, (ножки с продольным желобком на рукоятке, котлы с прорезами на подставке) наряду с нахождением орудий Минусинского типа.

Культура железного века. Источники к познанию ее: летописи, изучение культуры и антропологии современных туземных племен Сибири, данные археологического характера, изучение географической номенклатуры.

Принадлежность культуры древне-железного века к кругу турко-татарских племен и доказательства данного положения. Обзор способов погребений железного века.

Настоящее положение дела, археологического исследования в пределах В. Сибири. Обзор работы отдельных научных учреждений в деле археологических изысканий. Необходимость концентрирования археологических материалов в стенах областных и губернских музеев.

В чем может выразиться работа краеведа в деле изучения доистории края: а) охрана памятников старины, б) сбор археологического материала.

— —

Г. Ф. Дебец.

Итоги и задачи палеоэтнологии в Западном Забайкалье.

1. По своему географическому положению Западное Забайкалье представляет собой „коридор" из Монголии в среднюю Сибирь.

2. В отношении ландшафта местности, это — переход от монгольской степи к сибирской тайге.

3. Находок палеолитического периода в крае пока сделано не было. Некоторые данные позволяют на таковые надеяться.

4. Естественным образом, единственной пока задачей изучения палеолита являются разведочные работы.

5. Неолитический период изучен значительно лучше и первый этап работы—составление карты распространения неолитических стоянок—для значительной части края уже пройден.

6. Собранный материал обработке почти не подвергался. При осмотре коллекций, происходящих из южной части района, намечаются, в сравнении с северной его частью и долиной р. Уды, некоторые различия в каменной индустрии и керамике.

7. Назревшей задачей изучения периода является углубление работы путем раскопок стоянок.

8. Это не значит, что дальнейшие разведочные работы и собирание подъемного материала совершенно бесполезны; они могут быть использованы для: а) расширения карты распространения неолита; б) картографирования типов орудий, орнамента и пр.; в) изучения орудий с минералогической стороны.

9. Другим родом памятников неолитического периода являются могильники, которых найден пока только один.

10. На отыскание и раскопку их должно быть обращено особое внимание, в виду специального интереса, который они представляют.

11. Вопрос об образе жизни человека неолитического периода остается, если рассматривать его специально, в условиях Западного Забайкалья, совершенно открытым.

12. По бронзовому периоду имеются коллекции подъемного материала, типологический анализ которого доказывает существование в крае особого очага бронзы или сильное влияние такового.

13. Необходим дополнительный материал, как для проверки типологического анализа, так и для применения картографического метода, которым сейчас пользоваться невозможно.

14. Кроме типологического анализа необходимы работы в направлении анализа химического, а также изучения распространения и характера медных и оловянных рудников края.

15. Что касается более определенных выводов, то они могут быть сделаны только после раскопок; по установлении залегания бронзовых предметов на стоянках и по изучении могильников этого периода, которых пока еще не найдено.

16. Железный период края изучен лучше всего, гл. обр., в отношении раскопок могильников.

17. Типов погребений установлено пока еще шесть, выявление культурных комплексов проведено в достаточной мере, хотя в некоторых случаях и необходим дополнительный материал.

18. Следующая ступень работы — установление последовательности культур может быть частично проведено в отношении могильников. Можно установить, что в крае сменилось большое количество различных народностей, из которых некоторые находились под сильным культурным влиянием Китая.

19. Задачей изучения в этом случае является не углубление, а наоборот, расширение знаний путем картографирования могильников.

20. Намечаются следы земледельческих культур, связь которых с могильниками того или иного типа пока не ясна.

21. Также невозможно распределить в хронологическом или ином порядке находки со стоянок, для чего необходима раскопка их, установление характерных типов и сравнение их с могильниками.

22. Многие предметы со стоянок указывают на черты сходства с культурой раннего железного периода Сев. Прибайкалья.

23. В отношении железного периода можно наметить задачи, выходящие из пределов палеоэтнологии, т. е. увязку с данными истории.

V.

Биологическая секция.

Проф. В. Ч. Дорогостайский.

Краеведческие задачи в области биологии.

1) Сравнительный обзор сведений об естественной истории края.
2) Наиболее крупные экспедиции, положившие начало изучению биологии края.
3) Научные учреждения и организации, занимающиеся биологией края.
4) Наиболее интересные задачи в области научной зоологии.
5) Вопросы прикладной зоологии:
    1) Зоотехния и ветеринария.
    2) Охота и пушной промысел.
    3) Рыбоведение и рыбоводство.
    4) Пчеловодство.
6) Флора края и очередные задачи научной ботаники.
7) Вопросы прикладной ботаники:
    1) Леса края и их изучение.
    2) Культурные растения края.
    3) Лекарственные растения.
8) Байкал, как самостоятельный объект изучения.
9) Лимнология края и ее задачи.
10) О методах биологического изучения края. Роль школы в краеведении.

— —

Проф. В. Ч. Дорогостайский.

Промысловые звери Иркутской губернии.

1. В промысловом отношении Иркутская губ. занимает одно из первых мест в Сибири. Общая продукция равна приблизительно 6 милл. беличьих единиц.

2) Фауна промысловых животных ее крайне разнообразна: белка, соболь, медведь, рысь, колонок, хорек, горностай, барсук, волк, лисица, россомаха, изюбрь, лось, косуля, кабан, заяц и др.

3. Главнейшим объектом промысла является белка.

4. Большое значение имеет соболь.

5. Уменьшение количества промысловых зверей, вследствие хищнической охоты, лесных пожаров и др. причин.

6. Необходимость развития промышленного звероловства (чернобурые лисицы, соболь, песец и марал).

— —

К. Н. Пантелеев.

Рыбные богатства Байкала.

1) Сокращение рыбных запасов в Байкальском бассейне идет усиленным темпом.

2) Необходимо принятие экстренных мер по сохранению существующих запасов и увеличению их.

3) Так как одни административно запретительные меры положительных результатов дать не могут, необходимо в виду достигнутых успехов по искусств. разведению омуля, практическое осуществление разведения его в Байкальск. бассейне.

4) В виду малой изученности промысловых рыб и др. жив. (нерпы) оз. Байкал в биологическом отношении секция считает крайне необходимым всемерную поддержку экспедиции Гос. Академии Наук, намеченной на ближайшие годы, начиная с 1925.

5) Для правильной постановки рыбного хозяйства в Байк. бассейне секция считает необходимым объединение административных функций в одном органе.

— —

Проф. А. М. Скородумов.

Чума и тарабаганий промысел в Забайкалье.

1. Тарабаган (Arctomys Bobac Pall) встречается в Забайкалье в трех разных местах и принадлежит повидимому к 3-м разным видам: в скалистых горах Баргузинской тайги, в равнинах реки Витима, севернее города Нерчинска и южных степях Забайкалья.

В отношении чумных заболеваний исследованию подвергался тарабаган, бутаны которого расположены в Борзинском уезде и отчасти в смежных с ним уездах Забайкальской губернии.

2. В этом районе производится охота на тарабаганов петлями и ружьем благодаря особенной ценности этого грызуна: шкурка его хорошо поддается имитации под другие, более ценные меха; мясо употребляется в пищу бурятами и отчасти русским населением, а сало, как обладающее хорошими мягчительными свойствами, имеет большой спрос в домашнем хозяйстве. Среди других грызунов, населяющих степь, являются суслик, бурундук, белка, из семейства мышиных: мышь домовая, пасюк, хомяк, из семейства тарабаганчиков скачущих: тушканчик, из семейства двузубчатых: сеноставка.

3. Все эти грызуны не являются предметами охоты, так как не имеют никакого хозяйственного значения. Тарабаганий промысел развит сильно в указанном районе: около миллиона ежегодно отправляется за границу, что составляет около миллиона рублей, поэтому тарабаганий промысел имеет огромное экономическое значение, являясь большим подспорьем для степного населения, с другой стороны тарабаганий промысел является и опасностью для населения в смысле источника чумных заболеваний. Тарабаган легко заражается чумой, является хранителем чумного вируса в природе и передает заразу через насекомых и непосредственно другим тарабаганам. Чумные тарабаганы, попадая в руки охотников, заражают их при съемке шкурки или при рубке мяса, а также, вероятно, через блох, вшей, а может быть и клещей, сравнительно долгое время остающихся в шкурке после смерти животного. Благодаря различным манипуляциям с убитым тарабаганом (съемка шкурки, рубка мяса и др.) может развиваться бубонная или легочная чума.

4. Тарабаганьи бутаны являются весьма подозрительным местом, где может храниться чумный вирус и должны быть предметом тщательного изучения. Покрывая в обильном количестве степь, они не все заселены тарабаганами, так в районе Соктуя 15% их являются заселенными.

5. Изучение тарабаганьего бутана в эпидемиологическом значении еще не доведено до конца и требует дальнейших исследований. Биология тарабагана также недостаточно изучена.

6. Шкурка чумного тарабагана, как показали исследования д-ра Сукнева, благодаря прижизненной чумной септицемии, долго хранит в себе вирус и может быть передатчицей заразы, то же относится к подкожному салу тарабагана.

7. Проводимая дезинфекция шкурок формалином, не достигает цели, так как газ не проникает в глубину ткани шкурки

и не обезвреживает ее. Вопрос о дезинфекции тарабаганьих шкурок имеет большое значение и недостаточно изучен.

8. Мелкие грызуны, живя в соседстве с тарабаганом могут заражаться от него чумой, но в какой мере, не выяснено. Зараженость этих животных экспериментальным путем, повидимому, не абсолютна (до 20% по Этмару). Являются ли они носителями чумного вируса в степях и благодаря значительным передвижениям не распространяют ли заразу, вопрос остается не выясненным. Антагонистами тарабагана в степях являются собаки, кошки, барсуки, хорьки, орлы-тарабажины, коршуны, соколы, луни и вороны. Среди них орлы-тарабажины служат санитарами степей, собирают и уничтожают всякую падаль. К чуме они, повидимому, не восприимчивы. Не малую роль в эпидемиологии чумы м. т. играют и разные насекомые: жуки, сороконожки, личинки, находимые в норах тарабаганов (д-р. Этмар).

9. Необходимо дальнейшее изучение биологии тарабагана и других вопросов, связанных с жизнью тарабагана, имеющих эпидемиологическое значение. К этому изучению должны быть привлекаемы специалисты различных областей естествознания: ботаники, биологии, зоологии, энтомологии для полного и всестороннего освещения вопросов, которые осветили бы и способы распространения чумной инфекции и дали бы возможность выработать рациональные методы борьбы с нею.

— —

С. В. Верхозин.

К вопросу о лекарственной и токсической флоре Иркутской губернии.

1. Годы войны и революции всколыхнули большой интерес и дали первый опыт в деле изучения и практического использования лекарственных, токсических и технических растений нашего края.

2. Опыт сбора, хотя и не вполне удачный, в 1920—1921 г.г. показал, что сбор довольно многих лекарственных растений по Иркутской губ. вполне возможен и должен быть производим для нужд края и вывоза.

3. Настало время систематического, всестороннего изучения лекарственных, токсических и технических растений Сибири вообще и нашего края в особенности.

4. Первые шаги университета на пути к систематическому изучению лекарственной и токсической флоры нашего края, как со стороны обследования места, возможности сбора и условий произрастания, так и со стороны их фармакодинамики.

5. Иркутский Университет и В. Сибирская Фармшкола-будущий Фармацефтический институт В. Сибири, должны стать во главе исследования затронутых вопросов.

6. Краеведческие организации, как в культурных центрах В. Сибири, так, особенно, и на местах в ее далеко разбросанных, глухих уголках есть новый, могущественный фактор в деле изучения лекарственной, токсической и технической флоры Восточной Сибири.

— —

Потапов.

Биологический метод борьбы с осотом.

1. Засоренность сибирских пашен ведет к непроизводительной трате почвенной влаги, что имеет огромное значение в земледельческой полосе Сибири, где количество осадков и без того очень близко к минимуму, при котором возможно земледелие.

2. Общие условия земледелия Сибири не дают основания надеяться на уничтожение сорняков путем применения обычных полевых методов и требуют выработки специальных методов борьбы с ними.

3. Степень ценности избираемого метода определяется независимостью его действия от личного участия земледельца в его применении.

4. Этому общему принципу наиболее удовлетворяет метод биологический, имеющий в основе создание неблагоприятных условий жизни сорняка силами самой природы.

5. Частным случаем применения биологического метода в борьбе с сорняками является искусственное их заражение паразитирующими на них грибами, с целью создания очагов естественного распространения болезни до размеров повальной эпидемии.

6. Попыткой технической разработки этого метода является настоящая работа, в которой описан способ искусственного за-

ражения полевого осота (Cirsium arvense) ржавчинником Puccinia Snavedens.

7. Она установила, что температурный оптимум прорастания споржавчинника Puccinia Snavedens лежит при 10° С.

8. Наилучшая и наиболее простая среда, благоприятствующая проростанию спор—чистая вода.

9. Жидкость для заражения готовится промыванием в воде 10-20 экземпляров осота, покрытого уредоспорами, зрелость которых предварительно испытывается пробой на прорастание.

Этого количества спор, размешенного в двух ведрах воды, достаточно для заражения 2-2½ тысяч экземпляров осота.

10. Опрыскивание необходимо производить вечером при высокой влажности воздуха и температуре, близкой к оптимуму прорастания споржавчинника, и при помощи распылителя с приспособлением для перемешивания жидкости.

11. Экземпляра осота с телейтоспорами, собранные осенью позволяют произвести наиболее ранее заражение весной следующего года, но при условии хранения материала на воздухе в течение зимы.

12. К осени искусственно зараженные экземпляры осота дают новое зимнее спор и тем увеличивается вероятность повторного весеннего самозаражения.

13. Применение биологического метода борьбы с другим сорняком требует предварительного изучения биологии их и их паразитов, связанного с изучением общих условий возникновения паразитических отношений с целью отыскания наиболее благоприятного их сочетания для развития и распространения паразита.

VI.

Физико-географическая секция.

И. Ф. Молодых.

Исследования рек Восточной Сибири.

Началом планомерных исследований рек Восточной Сибири нужно считать 1911 год, когда была создана Партия по исследованию рек Ленского бассейна, с заданиями исследований рек системы Лены, как водных путей сообщения, выяснения их режима, основных элементов гидрометрии и гидрологии.

С 1915 года в круг исследований Партии входят и реки Ангаро-Байкальского бассейнов.

Партия по исследованию рек Ленского бассейна, претерпев ряд видоизменений в виде Бюро исследований Ленско-Байкальского Округа Путей Сообщения, Иркутского Руповода и т. д., с 1923 года была реорганизована в Партию по исследованию рек Ленского и Байкальского бассейнов, в каковом виде Партия и существует в настоящее время.

В течение периода с 1911 по 1924 год работы не прерывались, и в результате имеем, хотя и рекогносцировочно, обследована большая часть рек Восточной Сибири.

Исследовательские материалы состоят из инструментальной и маршрутной описи рек в масштабе от 25 до 500 саж. в 0,01 сажени, из наблюдений на водомерных постах в ряде пунктов, из работ гидрометрических станций (3—в Ленском и 2—в Ангарском бассейнах) и, наконец, из общих экономико-статистических данных, собранных при выполнении исследований удаленных бассейнов.

Таким образом обследованы: р. Лена на всем эксплоатируемом протяжении в 4700 верст, р. Витим на 1400 в., Олекма—1300 в., Алдан—1500 в., Мая на 640 в., Тунгир—250 в.,

дельта Лены и протоки Быковская, Оленекская и Трофимовская. В Ангарском бассейне планомерных работ выполнено меньше; если не считать работ прошлого столетия, носящих или специальный характер или проведенных недостаточно планомерно и ныне технически не увязываемых, то точным материалом по Ангаре нужно считать лишь данные описной Партии 1920 г., когда было пройдено течение Ангары от истока до Иркутска 70 верст по фарватеру. В Байкальском бассейне рекогносцировочно обследованы р. Верхняя Ангара (1919 г.) и Баргузин (1909 г.), в Селенгинском бассейне—русская Селенга, Хилок и Чикой обследованы работами Партии кнж. Старицкого в 1905—1909 гг.; однако данные этой работы сильно устарели и вследствие перемывания дна реки планы неувязаемы на местности, имеют, однако, громадное научное значение; Монгольская Селенга пройдена в 1919, 23 и 24 гг., когда удалось обследовать все течение Селенги от места образования—948 верст; Эдер—320 в., Толгтир-Мурин—120 в., Орхон—350 в. и Толу—750 в.

Все материалы этих исследований сохранились и ныне находятся в архиве Партии по исследованию рек Ленского и Байкальского бассейнов. Часть материалов до сих пор не обработана и находится лишь в виде полевых данных.

Главное внимание при обработке обращено на плановые материалы, литературные же по экономико-статистическому обследованию районов—в большей части не обработаны.

Издания выполняются, главным образом: плановых материалов в виде навигационных карт, в масштабе от 250 саж. до 5 верст в 0,01 саж. Таким образом издания карт по большей части обследованных рек.

Общая сводка части картографического материала дана в „карте территории Якутреспублики", изданной „Партией" в 1924 году в Ленинграде в масштабе 25 кил. в 10 мм с отдельным описанием.

Описания ныне изданы лишь по Монгольской Селенге и частью по Лене.

В течение последнего периода работ (23—24 г.) изданы атласы рек Селенги в Монголии, Маи и Алдана (Ленский бассейн) Олекмы (порожистая часть), Лены от Витима до Якутска, статья по вопросу об исследованиях рек Восточной Сибири, с перечнем произведенных исследований (78 номеров), добытых материалов и местонахождение этих материалов, а также вышеуказанная карта территории Якутии.

Ныне необходимо усилить издательскую часть в отношении опубликования экономическо-статистического материала по исследованным районам, каковые материалы по удаленным бассейнам системы р. Лены могут дать значительный географический и экономический материал.

Программой работ будущих лет явится продолжение рекогносцировочно-маршрутных исследований до ныне совершенно неведомых рек, во-первых, и уточнение данных рекогносцировок прошлых лет по системам, значение коих в экономической жизни страны побуждает к необходимости их эксплоатации. К первым работам относятся системы Вилюя, Колымы, Яны, Индигирки и второочередных притоков Лены, ко вторым работам отнесены намеченные инструментальные работы по р. Алдану.

В своих работах Партия по исследованию рек Ленского и Байкальского бассейнов увязывается с работой научных организаций и учреждений гор. Иркутска и удаленные исследования старается сочетать и с общим обследованием районов, приглашая представителей Биолого-Географического Научно-Исследовательского Института, Географического Общества и др.

— —

А. С. Герасимов и И. Ф. Молодых

Итоги Картографии Восточной Сибири.

1. Географическая карта—необходимое пособие при изучении края; она служит канвой, на которой наносятся результаты исследований.

2. Полнота разработки программ и точность заданий для успешного выполнения многих работ зависит от полноты и точности карт.

3. Значение географической карты при огромных и мало исследованных пространствах Сибири. Острая нужда в подробной карте в настоящее время для всякого, интересы которого охватывают более или менее значительные пространства.

4. Краткий исторический обзор картографии Сибири, начало топографических и геодезических работ в Восточной Сибири. Результаты этих работ.

5. Все географические познания о В. Сибири в 1884 г. находят свое выражение на 100-верстной карте Военно-Топографического Отдела. Значение и популярность этой карты.

6. Постройки Сибирской жел.-дорожной магистрали и колонизация Восточной Сибири дают богатый картографический материал. Второе десятилетие XX столетия расширяет этот материал на ведомственных картах: Главного управления земледелия и землеустройства, Амурского управления водных путей и шоссейных дорог, Ангаро-Байкальского Округа Путей сообщения и др.

7. Переход к новому государственному строительству обострил нужду в новых географических картах. Карта 1924 года территории Якутской Республики. Метод ее составления и условия, в которых производилась ее издание. То же о карте Бурят-Монгольской Республики.

8. Задачи карты Якутии увеличивают внимание к созданию общеобзорной карты территории Восточной Сибири. Положение по составлению этой карты в настоящий момент.

9. Условия текущей жизни страны вынуждают стремиться отказаться от создавшихся традиций в картографическом деле. Использование всех существующих картографических и литературных материалов. Накопление географических сведений о стране при помощи анкет.

10. Исключительное по своему значению участие в этом деле краеведов при исполнении поставленных в широких размерах геодезических и топографических работ.

— —

Проф. С. Н. Лаптев.

Донный лед и его образование на р. Ангаре.

Положения к докладу.

1. Донный лед—явление в природе повсеместно распространенное, свойственное всем рекам, которые покрываются ледяным покровом, а также тем, у которых температура воды в зимний период падает до десятых, сотых или тысячных долей градуса ниже ноля.

2. Там, где образование донного льда слабо выражено, оно не производит впечатления и мало известно. Образование на р. Ангаре донного льда резко выражено. Вот почему оно рано

обратило на себя внимание и проникло в литературу (см. Щукин — „Образование льда на дне реки Ангары и др. рек В. Сибири“ — „Отечественные записки 1846“, том X, IX, отдел VIII, ст. 15; Шварц — „Наблюдение над образованием грунтового льда на р. Ангаре“ — „Вестник Р. Г. О-ва 1857 года, часть 21-я, стр. 78). Названия местные для донного льда: шуга, яснец, жужга, сало, шерешь и т. д. Слово „яснец“ — синоним донного льда встречается в актах Сибири конца XVII в. (См. Титов — „Сибирь в XVII веке“, М. 1890). На западе впервые указание в литературе о донном льде встречается в XVIII в.

3. Образование донного льда не стоит в прямой зависимости от облачной, ясной погоды, давления воздуха, направления и силы ветра и пр. Донный лед образуется на р. Ангаре при понижении всей толщи воды до $^1/_{10}$, $^1/_{100}$ или $^1/_{1000}$ доли градуса ниже 0 и ни в какой зависимости не стоит с температурой, почвы в частности с „вечной мерзлотой“.

4. Для образования донного льда в реке Ангаре не требуется открытая, без ледяного покрова поверхность воды. Здесь донный лед образуется в течение всего зимнего периода и всякий раз, как температура воды падает ниже 0°, последняя совпадает с низкими средними температурами воздуха.

5. Донный лед на р. Ангаре является в течение зимнего периода всегда „новообразованием“ и отнюдь не „наносным“ или „первичным“, оставшимся от времени ледостава реки.

6. При образовании донного льда выделяется скрытая теплота образования твердого тела, и вследствие этого температура воды в реке повышается до $+0{,}2°$, $+0{,}3°$.

7. Образовавшийся донный лед исчезает в высокой температуре воды, на что указывают „изеденые“ формы его кристаллов и в конце концов их полное исчезновение.

8. В течение зимы несколько раз образуется донный лед под ледяным покровом р. Ангары, что совпадает с низкими температурами воздуха, отрицательными температурами воды в реке, повышением уровня последней, вследствие уменьшения живого течения, образованием наледей, ибо вода, выходя из трещин, которые образуются вдоль берегов реки от поднятия ледяного покрова, затопляет последний.

9. Донный лед представляет пластинчатые формы кристаллов, соединяющихся в ненарушенном состоянии под углами, характерными для гексогональной системы (повидимому, класс дигексогональной бипирамиды).

10. Дисковидные формы пластинок донного льда, коль скоро река покрывается ледяным покровом, переходят в зернистые, а последние стремятся к правильному ограничению, образуя сложные формы.

11. Причина возникновения зернист. форм в настоящее время остается пока не выясненной. Однако опыты Альтберга над образованием донного льда в закрытом сосуде дают некоторое право думать, что зернистые формы есть следствие образования ледяного покрова реки, каковой является той же крышкой, которой прикрывался сосуд во время опыта (см. опыт № 8.)

12. Теории образования донного льда М. Кеевер-Вальдеа, Гей-Люссака, Lascher'а являются не состоятельными. Процесс образования донного льда несомненно кристалический. Поэтому на более верном пути, повидимому, стоит теория Лейко и подход к решению этого вопроса с точки зрения кристаллизации, по предложению Тишкина надо считать вполне правильным.

13. Значение донного льда, как фактора геологического.

14. Значение донного льда, как фактора биологического.

Перспективы основания в Иркутске Астрономической Обсерватории и ее специальные задачи.

— —

Проф. С. Н. Лаптев.

Исследование системы р. Селенги в пределах Монголии и работы в этом направлении экспедиции 1924 г., организованной Партией по исследованию рек Ленско-Байкальского бассейна.

1) Историческая справка об исследовании рр. Монголии, в частности Монгольской р. Селенги.

2) Значение р. Селенги, как водного пути из С.С.С.Р. в Монголию.

3) Исследовательские работы по системе р. Селенги в 1919 г. и пробный пароходный рейс 1923 г., доказавший полную пригодность для судоходства Монгольской Селенги.

4) Организация Партией по исследованию рек Ленско-Байкальского бассейна экспедиции для исследования рек Толай и Орхона летом 1924 г.

5. Задачи и цели экспедиции 1924 г. по исследованию рек Толай и Орхона; обследование бассейна этих рек в экономическом отношении.

6) Состав экспедиции: заведующий экспед. старш. техник В. Д. Бусик, уч. гидролог проф. С. Н. Лаптев, младш. техник Г. И. Притупов, художн. и фотогр. А. В. Овчинников и четыре человека рабочих.

7) Маршрут экспедиции: Иркутск—Верхнеудинск. по жел. дор.; Верхнеудинск—Усть-Кяхта на пароходе; от Усть-Кяхты до г. Урги по грунтовой дороге; в г. Урге, построив плавучие средства, спуститься сплавом по р. Толай в р. Орхон; от устья р. Толай подняться по Орхону до дороги, идущей в Ванге-Хуре и затем спуститься вниз по р. Орхону до впадения его в р. Селенгу, производя исследование судоходно-сплавных свойств.

8) Гидрометрические, гидрологические и проч. работы, выполненные экспедицией.

В течении 51 рабочего дня экспедицией проведено 220 верст верхами и 1150 вер. сплавом по воде буссольной съемкой. На всем протяжении произведено: барометрическая нивелировка, метеорологические, гидрологические наблюдения; определено 9 расходов воды, установлено два водомерных поста и сделаны за все время наблюдения на сплавном водомерном посту. Кроме того, собраны материалы по геологии, археологии долин рек Толай, Орхона, произведены зарисовки и фотографии мест интересных в том или ином отношении. По всему маршруту экспедиции произведено корректирование карт, т. к. в большинстве случаев общеобзорные карты, имевшиеся в распоряжении экспедиции, не отвечали действительности.

Выяснена: 1) полная возможность судоходства по реке Орхону на расстоянии 250 верст от устья до впадения в него р. Толай; 2) возможность сплава по р. Толай и 3) полная невозможность сплава по р. Орхону от Ванге-Хуре до устья р. Толай, без производства руслоочистительных работ.

10) Очередные задачи в работе Партии по исследованию рек Ленско-Байкальского бассейна—издание лоцманской карты реки Орхона и описания системы Монгольской реки Селенги.

— —

Проф. В. Ч. Дорогостайский.

Генезис прибайкальских озер.

1) Озера, входящие в состав бассейна оз. Байкала, по своему происхождению принадлежат к самым разнообразным типам.

2) Наибольший интерес представляют озера ледникового происхождения, а из последних—оз. Фролиха.

3) Котловина оз. Фролихи представляет из себя две горных долины, запруженных конечными моренами.

4) Значительное участие ледников оказывается на современной котловине оз. Косогола, которая, однако, представляет из себя типичный грабен.

5) Интересны, с точки зрения генезиса, котерные озера Тункинского края.

6) Характерны для Байкальского бассейна т. н. „соры" самого оз. Байкала, как типичные логуны.

7) В связи с генизисом озер Прибайкалья стоит и состав их фауны и флоры; однако, влияние чисто байкальской фауны и флоры на связанные с ним озера весьма ничтожно.

Реликтовых форм животных байкальского типа в озерах мы не находим. Их фауна и флора геологически более молодые, чем таковые же Байкала.

— —

Проф. А. Г. Франк-Каменецкий.

Дорониское содовое озеро в Забайкалье.

1. Для основания в В. Сибири химической промышленности является насущно-необходимым скорейшее возникновение содовой индустрии, создание которой явится краеугольным камнем для развития разнообразных видов химической промышленности в крае.

2. В. Сибирь располагает громадными запасами глауберовой соли. Эти запасы сосредоточены в разбросанных по всему Забайкалью горькосоленых озерах. Месторождения и размеры

природной глауберовой соли в В. Сибири еще совершенно не выяснены и не изучены. Глауберова сол, находя обширное применение в стекольном производстве, для получения силиката, сульфатной целлюлозы, сернистого натра и пр., является также исходным материалом для производства соды по способу Леблана. Там, где есть природная глауберова соль, способ Леблана по своей простоте едва ли заменим другими. Таким образом Восточная Сибирь в деле получения искусственной соды имеет все данные стать классической страной Лебланов-ского способа производства соды.

3. Недостаточно выяснены и изучены также месторождения и размеры природной соды в В. Сибири, как с качественной, так и с количественной стороны. Наличность природной соды делает искусственное ее получение излишним, так как эксплоатация природных содовых богатств всегда обойдется дешевле искусственного приготовления этого важнейшего продукта химической промышленности тем или иным способом. Как ни велики поддающиеся проверке данные о количествах природной соды в В. Сибири, они достаточны для заключения, что при налаженной добыче вся Сибирь надолго была бы обеспечена содой, так как всякое месторождение природной соды, как самосадочное, так и находящейся в растворе, можно рассматривать, как неиссякаемый источник получения соды.

4. Из источников природной соды в В. Сибири Дороninское содовое озеро с его запасами до 15 мил. пудов соды, должно быть систематически и планомерно обследовано в первую очередь. Необходимо изучить условия равновесия растворов солей, озера и осаждения этих солей в различные периоды года. Должна быть изучена фауна и флора, география и геология озера. Должны быть проверены запасы соды озера, выяснены и изучены условия рациональной ее добычи.

— —

И. Ф. Молодых.

Гидрографические исследования рек В. Сибири.

1) Границы района и перечень рек, входящих в гидрографическую сеть.

2) План исследования водных путей сообщения В. Сибири и в связи с ним план исследования рек.

3) Главнейшие варианты связи рек Ленского и Енисейского бассейнов и выходы из Ленского бассейна к внешнему миру.

4) Организации, выполнявшие исследования с 1911 года по 1924 г.

5) Описание произведенных исследований; а) Селенга; б) Байкал с Баргузином и В. Ангарой; в) Ангара; г) Лена; д) Витим; е) Алдан с Маей и Учуром.

6) Общие достижения и результаты; недостаточность произведенных исследований.

7) Состояние полученных материалов и степень их обработанности и опубликования.

8) План работ на пятилетний период.

9) Ближайшие перспективы и план на 1925 год.

— —

А. В. Львов.

„Вечная“ мерзлота, как геологический фактор.

1) Первое знакомство с „вечной“ мерзлотой почвы и понятие „вечная“ мерзлота.

2) Влияние климата на образование „вечно“ мерзлого слоя почвы.

3) Виды мерзлоты: мерзлая почва, почвенный лед, сухая мерзлота скальных преимущественно грунтов (болотная мерзлота, перелетки enesu).

4) Южная граница „вечно“ мерзлого слоя в В. Сибири и средняя толщина его в Иркутской губ., Забайкальской, Амурской и Якутской обл.

5) Непроницаемость „вечно“ мерзлого слоя почвы для инфильтрации дождевых вод в глубину и особый режим рек и ключей в районах сплошного распространения „вечной“ мерзлоты почвы (разработка долин в ширину, летние паводки, промерзание огромного большинства рек до дна зимой).

6) Постоянно действующие ключи зимой, пробивающиеся через „вечно“ мерзлую почву, обладают значительным дебитом

и по происхождению своему относятся или к минеральным-ювенильным источникам, поднимающимся из недосягаемой глубины, или к карстовым и артезианским ключам, получающим питание в пределах мерзлоты.

7) „Вечная" мерзлота, как экономический фактор—влияние вечной мерзлоты на каменные постройки и железнодорожные сооружения. Разрушение церквей, построенных на „вечной" мерзлой почве вследствие теплопроводности фундамента, разрушение читинских главных мастерских, вокзала на ст. Куенга Амурской ж. д. и мастерских на ст. Зилово по той же причине, построенных без всяких предосторожностей, считая „вечно" мерзлый грунт за скальный. Мельница в Чите 1-я, возле читинских мастерских, построенная на деревянном помосте (растворе) под фундаментом, не разрушенная трещинами до настоящего времени. Обвалы некоторых тоннелей на Кругобайкальской ж. д., проложенных в „вечно" мерзлом грунте после оттаивания последнего по пробитии хода тоннеля. Пучение насыпей и поломка каменных труб в мерзлых грунтах. Непрерывное сползание выемок, проложенных в „вечно" мерзлых грунтах после его оттаивания; т. наз. грязная выемка под Читой на Яблоновом перевале.

8) Неудачи с оборудованием водоснабжения на Забайкальской и особенно Амурской ж. д. вследствие „вечной" мерзлоты почвы, с которой не хотели считаться инженеры при изысканиях и во время постройки.

Дорогие каменные плотины на Амурской ж. д., устроенные для водоснабжения, и полная их непригодность на практике; разрушение и занос илом прудов, образование нескольких слоев льда в запрудах зимой по мере израсходования воды и устройство деревянных эстакад для поддержания провисающего льда, чтобы воспрепятствовать образованию нескольких слоев льда и промерзанию воды. Разработка мерзлых грунтов подогом.

9) Общий перерасход Забайкальской и Амурской ж. д., благодаря „вечной" мерзлоте, до 50 миллионов рублей. Дорогая добыча золота в золотоносных районах Амурской и Якутской обл. по той же причине.

10) Влияние „вечной" мерзлоты на растительный покров (преобладание лиственицы) и земледелие.

11) Искусственное понижение горизонта „вечной" мерзлоты торфяных болот и уничтожение сфагнума и выжиганием лесов и кустарников.

12) Общие выводы: необходимость всестороннего изучения „вечной" мерзлоты почвы путем собирания анкетных сведений повсеместно по особой установленной программе, так как мерзлота является важнейшим экономическим фактором в Восточной Сибири, незнакомство с которым или нежелание считаться легло тяжелым бременем на государственные расходы. Предложение переиздать программу по собиранию сведений „вечной" мерзлоте почвы, составленную референтом, в большем числе экземпляров и разослать ее в различные районы В. Сибири с просьбой ответить на предложенные вопросы, каковую анкету автор взял бы на себя смелость обработать к следующему Краеведческому Съезду.

— —

Проф. С. А. Арцыбашев.

Радиактивность источников и горных пород и методы радиактивных исследований.

1) Добыча радия и других радиактивных элементов в настоящее время является делом государственной важности. Иркутск расположен около района, который, по мнению академика Вернадского и знатока местной геологии А. В. Львова, представляет особый интерес с точки зрения радиактивных ископаемых.

2) Начатые в физическом кабинете университета исследования образцов слюдянских минералов сразу дали интересные результаты. Оказалось, что некоторые орбиты содержат до 6% тория, а выветривание части кристаллов даже 20%.

3) Необходимо продолжить работы Академии Наук, начатые в 1914 г. в районе Слюдянка. Возможно, что удастся открыть руды промышленного значения. И если бы это и не удалось, все-таки был бы собран ориентировочный ценный материал, который значительно облегчит работу будущих больших экспедиций.

4) Необходимо в этих работах заинтересовать местное население. Предварительные грубые определения по электрическому методу доступны всякому толковому человеку. Нужный прибор легко приготовить самому с самыми ничтожными приборами.

— —

Проф. Т. П. Кравец.

Прибайкалье, как сейсмическая область, и организация массовых сейсмических наблюдений.

(Краткое изложение доклада).

История вопроса показывает, что землетрясения составляют в Прибайкалье обычное явление: за 150 лет их отмечено здесь около 300. Наиболее сильным было землетрясение 31 декабря 1861 г., при котором на Байкале образовался новый залив „Провал". С точки зрения геологии сейсмичность Прибайкалья вполне естественна, так как эта горная страна сделалась такой в сравнительно недавнюю эпоху. В синклиналях молодой складчатости обычно наблюдаются землетрясения. Для изучения сейсмичности области в ней существуют две станции: I-го класса—в Иркутске и II-го—в Кабанске. Современная сейсмология умеет по записям своих приборов определять расстояние до очага сотрясения и направление сейсмических волн. Из наблюдавшихся в 1924 г. 28-и прибайкальских землетрясений большинство группируется вокруг 3-х главных центров на расстояниях ок. 50 км. (Култук?), 120 км. (устье Селенги) и 300 км. (Баргузинский залив). Огромное подсобное значение для определения очага землетрясения имеют неинструментальные данные, собираемые путем анкет. Постоянная сеть корреспондентов при Сейсмической Станции из местных краеведов является настоятельно необходимой.

— —

А. Ю. Педдер.

О вековом ходе магнитного склонения в Иркутске.

1. После максимума солнечных пятен в 1905—1907 г. г. в Иркутске происходило редкое для данного места земной поверхности явление в жизни земного магнетизма, а именно началось ускоренное движение магнитной стрелки к меридиану (со скоростью 5′ в год вместо 1 2).

2. Сопоставление данных векового хода склонения в Иркутске с данными некоторых европейских обсерваторий заставляет думать, что указанное явление носит мировой характер и тесно связано с деятельностью солнца.

3. Необходимо подробное изучение этого явления по данным магнитных обсерваторий всего мира, что может хоти отчасти объяснить это загадочное явление.

— —

А. Ю. Педдер.

О географическом распределении и годовом ходе северных полярных сияний в Сибири.

1. Изохазма наибольшей повторяемости (105 в год) идет вдоль северных берегов Сибири приблизительно по параллели 72°—75°.

Этот максимальный пояс обнаруживает перемещения, связанные с одиннадцатилетним периодом солнечной деятельности, в годы максимума солнечной деятельности этот пояс сдвигается несколько к югу, а в годы минимума—к северу.

2. В годовом ходе полярных сияний, наблюдаемых в средних широтах, можно ясно подметить два максимума (март, октябрь, т. е. после равноденствий) и два минимума (июнь, декабрь, т. е. во время солнцестояний). Для высших широт наибольшая повторяемость—зимою, наименьшая—летом.

3. Многолетняя периодичность обнаруживается в существовании 11-летних периодов, совпадающих с периодичностью солнечных пятен. Максимум повторяемости сияний совпадает с максимумом пятен и обратно.

4. Суточный ход полярных сияний в высших широтах мало выражен. В средних широтах максимум видимости сияний получается вообще в первую половину ночи, все более запаздывая по мере увеличения широты.

5. В настоящее время наиболее вероятной теорией полярных сияний является теория Биркеланда—Штермера (потоки электрических частиц в верхних слоях атмосферы).

Необходима количественная проверка целого ряда следствий, вытекающих из этой теории. Для того следует организовать систематические наблюдения над полярными сияниями.

— —

М. Н. Стоилов.

Перспективы основания в Иркутске Астрономической Обсерватории и ее специальные задачи.

1. Положение Иркутска в центре материка Евразии.
2. Гравитационные наблюдения.
3. Изменение широты.
4. Изменение долготы.
5. Желательность поддержки местных организаций в осуществлении постройки Обсерватории.

— —

В. Б. Шостакович.

Толщина льда на восточных водоемах Сибири.

При сравнительно малом количестве культурных сил, при чрезвычайно большой территории края и при отсутствии достаточных материальных средств, первым этапом для изучения края является анкетный способ, который при умелом пользовании им может дать очень хорошие результаты.

В качестве иллюстрации докладчик остановился на случаях личного применения анкетного способа для изучения толщины льда на реках Восточ. Сибири и для обследования грандиозных лесных пожаров 1915 г.

1) Результаты сводки отмеченных наблюдений над толщиной льда на водоемах Восточной Сибири за 21 год (1897—1916). Собранный материал охватывает 692 отдельных случая наблюдений и относится к 262 пунктам, расположенным на 94 реках.

2) Толщина льда Восточ. Сибири колеблется между 22 и 280 сантим. Решающее влияние на мощность льда имеет тол-

щина слоя снега, защищающего лед от сильного охлаждения. Промеры на озере Байкале (профиль поперек озера общей длиной в 34 километра) показали следующие соотношения между толщиной снега и подстилающего его льда.

Толщина снега	Тольщина льда
0 сант.	100 сант.
5	85
10	81
20	78
55	63

Толщина льда на Селенге под 52 с. ш. при средней зимней температуре—2—13.5 и при средней толщине снега в 4 сант. достигает 116 сант., в то время как на р.р. Киренге и Турухане под 55 и 66 с. ш. и при значительно низшей зимней температуре в—20.0 и—23.0, но при средней толщине снега в 23 и 30 сант. мощность льда доходит только до 86 и 90 сант. Предельное развитие льда, определяясь прежде всего температурой воздуха, зависит еще от толщины снежного покрова, раннего или позднего замерзания данного водоема.

При этом, в районах малоснежных раннее замерзание, способствуя быстрому образованию на поверхности льда толстого снега, предохраняет водоемы от глубокого промерзания. Так, средняя толщина льда на озерах около Дудинки (Низовья Енисея) доходит до 97—100 сант., в то время как толщина льда на Енисее у Дудинки достигает 166 сант.

Толщина льда на р. Турухан, замерзающей в среднем 30 сентября, доходит до 86, толщина же льда Енисея у Туруханска (замерзает 29 октября)—до 130 сант. Выпадающий здесь в большом изобилии снег покрывает замерзающие при первых морозах озера и небольшие реки толстым слоем, защищает их от промерзания. Сравнительно поздно образующийся на больших реках лед подвергается действию более сильных морозов при меньшей защите снега.

Толщина льда в тех местах, где, из-за малого количества снега, снег почти не играет роли, зависит, главным образом, от продолжительности действия холода, и здесь водоемы, раньше замерзающие, обладают более толстым льдом. Так, средняя толщина льда р. Селенги при ее устье (впадении в Байкал) 124 сант., толщина же байкальского льда у устья Селенги только 109 сант. Толщина льда на оз. Байкал достигает 100 сант. и колеблется в довольно больших пределах: от 65 до 139 сант.

В одну и ту же зиму лед в различных частях Байкала достигает различной толщины. Заслуживает внимания обнаруженный наблюдениями факт, что осенью лед, достигший около 30 сант., представляет уже вполне надежный покров, который более не взламывается, между тем, как весною вскрытие озера происходит при средней толщине льда в 60 сант.

— —

В. Б. Шостакович.

Лесные пожары в Сибири в 1915 г.

Обработка анкетного материала, собранного при посредстве Иркутской Обсерватории о свирепствовавших летом 1915 г. лесных пожарах, охватившихся значительную часть Средней Сибири. Пожары продолжались все лето (главным образом июль и август) и наблюдались на пространстве от 52 с. ш. до 70 с. ш. и от 68 до 112 в. д. Общая площадь, где развивались пожары, достигает 1.600.000 кв. верст, т. е. равна приблизительно одной пятой всей Европы.

Образовавшийся от пожаров дым почти все лето покрывал небо над Сибирью. Анкетой отмечены три степени плотности дыма:—1 окрестности покрыты сильным дымом, предметы часто не видны на расстоянии большем 50 саж. 2—предметы не видны на расстоянии 50—11 сажен и 3—предметы не видны с расстояния 10—2 сажен.

Дымом вообще была покрыта площадь в 6 миллионов кв. верст, почти равная всей Европе; дым первой степени занимал 2.5 миллиона, второй 1.9 и третьей степени 1.6 миллионов кв. верст. Площадь истребленного пожаром леса достигла 125000 кв. верст. Такое развитие пожаров находилось в зависимости от общих климатических условий лета—сильнейшей засухи, охватившей среднюю Сибирь. Местами выпало только 2—15% нормального летнего количества осадков. Наблюдалось два периода засухи, когда на захваченной пожарами области не выпало дождя в продолжении 26 и 30 дней. Дым отразился на записях гелиографов: в июле зарегистрировано только 85, а в августе всего 65% нормальной продолжительности солнечного сияния. Эти грандиозные пожары уничтожили массу таежного зверя и птицы и вызвали значительные передвижения в животном мире; наблюдались массовые переплывания различных животных через крупные реки, служившие границами распространения пожаров.

В. Б. Шостакович.

Метеорологическое дело в Восточной Сибири.

1. Областным метеорологическим центром для Восточной Сибири, прежних губерний и областей: Енисейской, Якутской, и Забайкальской, охватывающих площадь приблизительно в 7.000.000 кв. верст, была до войны 1914 года и осталась ныне Иркутская Магнитная и Метеорологическая Обсерватория, основанная в 1886 году.

2. За все время империалистической и гражданской войн Иркутская Обсерватория не прерывала своей работы, но пережитый тяжелый период отразился на ее состоянии и, главным образом, на состоянии сети ее станции, обнимающей столь большой район, вызвав сокращение и расстройство последней, особенно острое в 1921 и 1922 годах, когда связь между Обсерваторией и метстанциями почти совершенно прервалась. К этому времени число станций II-го и III-го разрядов из 157, действовавших в 1914 году, сократилось до 30.

3. Вполне естественно поэтому, что с восстановлением хозяйственной жизни Республики, основной и главной задачей Иркутской Обсерватории, на которую было устремлено все внимание ее за два последние года, было дело восстановления сети станций, и в настоящий момент можно считать задачу эту выполненной, так как сеть станций прогрессивно увеличивается, доходя в некоторых частях области до масштаба довоенного времени.

4. Особенно тяжелым было и остается положение Якутской области, ныне Якутской Автономной Социалистической Советской Республики и Забайкалья. Вследствие малой населенности Якутии и сравнительно низкого культурного уровня, весь контингент метнаблюдателей всегда состоял из пришлой интеллигенции—политически ссыльных. С революцией контингент этот распался; гражданская же война и бандитизм, не прекращавшиеся до последнего времени, повели к тому, что из 9 станций, работавших в 1917 году, осталось две.

5. Сложная ситуация Забайкалья, образование в 1920 году Дальне-Восточной Республики, совершенно прервало связь метстанций Восточного Забайкалья с Иркутской Обсерваторией. В настоящее время, после слияния Дальне-Восточной

Республики с Р.С.Ф.С.Р., восточная часть Забайкалья все же остается пока без активного объединяющего метеорологического центра. Метдело находится в ведении трех организаций: Забайкальского Губземотдела, Управления Читинской Железной Дороги и Амурского Областного Метеорологического Бюро. Контактирование метработы этих учреждений еще не налажено. К увеличению сети станций принимаются все меры, и осенью этого года окончательно установлена связь с Бурято-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республикой, обнимающей часть Забайкалья, связь, дающая возможность увеличения числа станций в ближайшее же время.

Как особый минус с научной точки зрения, надо отметить прекращение работы одной из старейших опорных станций Восточной Сибири, Нерчинского Завода (Забайкалье), непрерывные наблюдения в которой производились с 1839 года.

6. Представление о состоянии сети станций района Иркутской Обсерватории дает следующая таблица:

Область	Число станций 1917 г.	1924 г.	Восстановление сети в %
Якутская . . .	9	2	22
Енисейская . .	28	19	70
Иркутская . . .	37	32	86
Забайкалье западн.	12	4	34
Забайкалье восточн.	26	6	23

7. Что касается наблюдений самой Обсерватории, то метеорологические наблюдения велись ею все время в полном объеме и не прерывались. Следует отметить, что с 1925 года расширены наблюдения солнечной радиации: в настоящее время Обсерватория обладает двумя актинометрами Михельсона, актинометром Онгстрема, актинографом Савинова и его же полосатым приемником.

Приборы в конце 1924 года сверены с нормальными в Павловске. Директором Обсерватории привезены из Главной Геофизической Обсерватории электрометр Бендорфа, наблюдения по которому начнутся в ближайшее время. Работа Магнитного отделения, приостановленная с июня 1922 года, вследствие полного отсутствия средств и личного персонала, с 1924 года восстановлена полностью. Наконец, несмотря на скудость средств, в конце 1924 года изданы „Выводы из наблюдений Обсерватории за 1916—20 г.г." и сети станций за 1916-17 г.г., являющиеся непосредственным продолжением прошлых

изданий, обнимающих наблюдения по 1915 год включительно. Таким образом, заполнен пробел нескольких лет и дана возможность широкого использования результатов работы Иркутской Обсерватории по 1920 год.

В виду отсутствия в распоряжении Обсерватории специальных кредитов на издание наблюдений крайне желательно, чтобы Съезд высказался за необходимость оказать поддержку издательской деятельности Обсерватории из средств местного бюджета.

VII.

Краеведческая выставка.

Я. Н. Ходукин.

Предварительное сообщение о краеведческой выставке.

Стремление дать прибывшим на Съезд краеведам и местному населению наглядное предетавление о той работе, которая велась и ведется в данный момент в области изучения местного края, поставило Организационное Бюро по созыву I краеведческого съезда пред необходимостью организации краеведческой выставки.

Выставка эта, по мысли устроителей, должна носить отчетно-пропагандистский характер. Отсюда ее экспонаты должны отвечать на вопросы:

1. Что сделано в области изучения, исследования края?

2. Что надлежит в этой области сделать в ближайшем будущем?

3. Как была проделана работа?

4. Как надлежит повести эту работу в будущем?

Это задание в целом могло быть выполнено при условии широкого участия в выставке всех местных научно-исследовательских и хозяйственных организаций. К сожалению, в полной мере привлечь эти организации не удалось.

В то время, как научно-исследовательские учреждения охотно пошли на призыв Организационного Бюро, хозяйственники остались глухи к этим призывам, несмотря *на многократные* обращения к ним и через печать и через личные переговоры.

Нашлись среди них даже и такие смельчаки, что открыто заявили, что им нет никакого дела до выставки и до съезда и ни в малейшей степени это им не нужно...

Участниками выставки были: Губернский Отдел Народного Образования (с нео Соцвос, Политпросвет), Государственный Университет (все факультеты), Биолого-географический Институт, ВСОРГО, Научный Музей, Музей Революции, Сейсмическая

станция, Метеорологическая обсерватория, Лено-Байкальская партия, Статбюро, Губземотдел, Станция защиты растений, Тулунская станция, Соцстрах, Сибкрайиздат, Губиздат, Художественная студия, Сибкрайсоюз, Расо и Сибгосторг.

Блистательно отсутствовали: Сибторг, Губторгпром, Отдел Местного Хозяйства, Губсоюз, Сельсоюз, ЦРК., Кедропром, Кустари и др.

Выставка помещалась в доме Иргосуна и занимала 8 больших комнат.

Экспонировались: научно-исследовательская работа Иргосуна, ВСОРГО, Биолого-географического Института, Научного Музея, Лено-Байкальской партии; работы по краеведению городских школ и двух уездных—Нижнеудинской и Куйтунской; диаграммы Статбюро, Соцстраха; диаграммы, семена, коллекции вредителей-сельхозтехникума, тулунской станции, станции защиты растений; пушнина Сибрайсоюза, Расо и Сибгосторг; издания Иргосуна, ВСОРГО, Статбюро, Бурреспублики; книги по краеведению Сибкрайиздата и ленинизму—политпросвета.

Особенное внимание обращали на себя экспонаты Иргосуна вообще, в частности Биолого-географического института. Достаточно полно охватывающие край, они оживали при объяснениях профессоров-руководителей.

Довольно обширный Отдел Губоно хорошо говорил о том сдвиге, который произошел в нашей школе. Окружающая школьника жизнь нашла яркое отражение в выставленных экспонатах. Здесь и „Дьячий остров" и „Старый Иркутск", но в то же время—„Пимокатная фабрика", „Кожзавод", „Электрическая станция", „Ц. Р. К.", „Наши птицы", „Как живет и работает крестьянин" и т. д. и т. д.

На редкость интересны были экспонаты Куйтунской и Нижнеудинской школ, близкие к научно-исследовательской работе. Первая выставила таблицы по народной медицине, суррогаты чая и мыла, „наши краски", смертность детей до 1 года, диаграммы по обследованию головни, по обследованию грамотности, „краеведческую страницу" из стенной газеты. Вторая естественно-исторические коллекции, результаты обследования Нижнеудинской пещеры с прекрасно выполненным планом пещер, впервые дающим полное представление о пещере, маршрут.

„Малограмотные" с Ликпункт'ов в своих подчас неуклюжих работах говорят о том, „как добывают железо", как работает „Лучзавод" и здесь же рядом „домна" с „Лучзавода". И хоть не ладно скроена, зато крепко сшита.

До 600 экспонатов дала Художественная студия—26 серий детских рисунков. Интересная сама по себе работа, она еще горячо пропагандировалась на выставке руководителями, что **еще больше влекло к ней посетителей.**

Прекрасные альбомы—Нижней Тунгузки, Лены, Витима, Маи, Селенги; карты—Охотского побережья, бухты Диксон, протоки Оленека, дельты Лены, Восточной Сибири (100 и 300 верст), бассейна Селенги, Байкала, Лены, Якутреспублики—дала Партия по исследованию рек Ленского и Байкальского бассейнов.

Успешно посещался отдел Станции защиты растений и Тулунской ст. Тут „Головня хлебов", „Повреждения огородными вредителями", „Зерновой червь", коллекции насекомых, вредящих огородам, „цикадки", „хлебной блошки", семена, гербарные таблицы и т. д. Край в его цифровых данных был представлен Статбюро художественно-выполненными диаграммами и целым рядом трудов своих сотрудников.

Диаграммы Соцстраха привлекали к себе большое внимание посетителей своим интересным содержанием.

Отдел Сибкрайиздата больше бы выиграл, если бы полнее представил методологию краеведения: был бы заполнен пробел **местного краеведения.**

Научный Музей дал результаты своих археологических раскопок в крае, богатый материал по бурятскому и русскому орнаменту, детскому рисунку и детским игрушкам. Особо выделен **старый Иркутск.**

ВСОРГО представило достижения своей издательской работы, пользовавшейся вниманием на центральных выставках—в Москве и Ленинграде—и здесь также эти издания пользовались **большим и заслуженным успехом.**

Посещаемость выставки, продолжавшейся 10 дней, выразилась цифрой 10500 ч. Главный контингент посетителей—учащиеся и красноармейцы; затем идут рабочие и, наконец, служащие. Меньшая посещаемость рабочих и служащих объясняется отнюдь не малой заинтересованностью их, а случайными причинами. По независящим от организаторов обстоятельствам, выставка открывалась с 9 ч. утра до 4 ч. дня, т. е. в часы, когда и рабочие и служащие заняты своей повседневной работой.

Всех экспонатов на выставке было 5100.

Мнения посетивших выставку преимущественно таковы:

„Выставка произвела очень хорошее впечатление".

„Хорошее впечатление оставляет педагогический отдел".

„Впечатление очень хорошее. Видна большая работа".

„Выставка представляет большой и интересный материал".

„Очень меня заинтересовал отдел школ и рисунков".

„Наконец то школа стала на правильный путь".

Есть и недовольные: „Плохая сторона—нет возможности всего пересмотреть". Несколько записей говорит о недостаточности руководителей-объяснителей, об отсутствии русских названий (коллекций Иргосуна).

В общем же—отзывы благоприятные.

Шестнадцатая выставку англичанка записала: „Как англичанка, поражаюсь богатством страны".

Можно, не погрешая против истины, уверенно говорить о том, что несмотря на досадные пробелы, неизбежные для *первой* выставки этого рода, не менее досадные промахи,—все же выставка оказалась удачной. В то же время она достигла и своей основной цели пропагандировать идеи краеведения. За это говорит число посетивших ее.

— —

П. Ф. Требуховский.

Приложение.

Тезисы пояснительных лекций, читанных на краеведческой выставке в отделе Педфака Ирк. Госуд. Университета по графпрактикуму.

Задачи и цель выставки.

1. Первой задачей ставилось *показать ценность детского рисунка, как сырого краеведческого материала.* Детский рисунок должен быть постоянным объектом внимания и изучения этнографа и краеведа, как материал, отображающий всю совокупность условий и явлений, происходивших и протекающих в данной местности края: жизнь природы и человека (домашний быт и предметы обихода; игры и спорт; жизнь рынка, улицы, реки; события общественно-политического значения; учреждения и предприятия; достопримечательности, охота и промысел, работа в поле и на огороде; животные домашн. и дикие и проч.). Этот материал, при внимательном к нему отношении, дает исследователю возможность сделать правильное представление и объяснить те или иные явления.

2. Второй задачей ставилось *показать методы графпрактикума, как учреждения ВУЗ'а, который сам по себе является крупной величиной по использованию научных методов, а потому должен быть объектом внимания краеведа.* В текущий момент, когда единая трудовая школа ставит своей задачей ликвидацию неграмотности, а целью — гармоническое развитие личности, ВУЗ должен стать впереди этого движения: *должен указать пути движения и методы работ.* Сейчас, наряду с общей безграмотностью, существует (совершенно независимо от образования и культурности) особая *графическая безграмотность*, представляющая чудовищную величину, охватывающую до 90% всего взрослого населения. Графически безграмотные взрослые также идеовластично и схематично выражают графически свои зрительные восприятия и представления, как дети раннего возрастного периода. Графпрактикум, имея своей непосредственной задачей графическое образование студентов Педфака, наряду с этим ведет, как плановую работу, занятия со школьными работниками по ликвидации графической безграмотности учителей.

3. Третьей целью ставилась *пропаганда среди широких масс (особенно среди родителей и воспитателей) графического способа выражения*, являющегося 90% населения недоступным.

Значение использования графического способа выражения для каждого человека огромно, т. к. графический способ выражения есть фиксирующий способ зрительных восприятий, представляющих 75% всех восприятий (не считая мускульн. чувства) и способ выражения всех наших представлений. Чтоб всякий мог грамотно графически выражаться, необходимо создать для каждого человека нормальные условия графического развития от дошкольного периода вплоть до ВУЗ'а. И это возможно, т. к. ребенок раннего возрастного периода (2—6 лет) начинает раньше и более легко выражаться графически, чем словесно.

Только тогда возможно признать человека гармонически развитым, если он, кроме общего образования и культуры, имеет еще графическую культуру, т. к. признано, что графически неграмотный человек не может использовать равномерно, гармонически связно всех психических способностей, участвующих в процессе зрительных восприятий и выражений.

Резолюции.

I.

По Пленуму.

По докладу П. К. Казаринова „Организационная структура краеведческого аппарата Восточной Сибири“:

Заслушав доклад П. К. Казаринова „Организационная структура краевеческого аппарата Восточной Сибири“, Съезд **постановляет:**

1. Признать целесообразным существование Восточно-Сибирского Краеведческого объединения в составе краеведческих органов Иркутской губернии, БМАССР, ЯАССР и Забайкалья, выразив одобрение деятельности ВСОРГО, осуществлявшему по заданиям 5-й Сессии ЦБК его представительство для Восточной Сибири и проведшему в жизнь настоящий I-й Восточно-**Сибирский Краеведческий Съезд.**

2. Восточно-Сибирское Краеведческое Объединение имеет своей задачей методическое взаимообщение участников. Учет сил и работ, создание согласованных планов исследовательских работ, совместное осуществление заданий Восточно-Сибирских съездов, подготовку и проведение этих съездов, издательство работ съездов и программно-методических материалов, создание баз подсобного для краеведческой работы инструментария и средств экспедиционного снаряжения, организацию краеведческих выставок и, наконец, осуществление общей увязки краеведческой работы в объединяемых районах.

Не имея никаких административных функций и не ведя непосредственной исследовательской работы, Восточно-Сибирское объединение стремится лишь к проведению планомерности научно-исследовательской деятельности в Восточной **Сибири.**

3. Создание объединяющей в Восточно-Сибирском масштабе краеведческой организации, ее состав и функции должны быть дополнительно установлены краеведческими организациями Иркутской губ., БМАССР, ЯАССР и Забайкальской губернии.

Все подготовительные работы и отношения с соответствующими краеведческими организациями Съезд просит взять на себя существующее Орг. Бюро по созыву 1-го Восточно-Сибирского Краеведческого Съезда.

В случае получения полномочий от краеведческих организаций Якутии и Бурятии в порядке текущих работ и установления форм их участия названное Орг. Бюро может принять на себя функции В. Сибирского Краеведческого Бюро и до созыва следующего Съезда.

4. На существующее Орг. Бюро по созыву 1-го Восточно-Сибирского Краеведческого Съезда возлагаются функции Краеведческого Бюро Иркутской губ., которые оно имеет осуществлять в районе губернии, применительно к задачам, изложенным в п. 2 настоящей резолюции.

5. Не вырабатывая в данный момент схемы строительства краеведческих ячеек на местах, Съезд признает первоочередность организации районной краеведческой сети, соответствующей хозяйственно-географическим районам края, и создания краеведческих ячеек в крупных селах промышленно-экономического значения, а равно в рабочих районах городов.

6. Съезд признает в организационной деятельности и строительству краеведческих ячеек на местах все живые и потенциально-краеведческие силы как то: работников школы, политпросветработников, студенчество, пригрработников, комсомол, кооператоров и др.

— —

По докладу М. П. Соколова „Вопросы краеведения и перепись 1926 года“:

1. Перепись в губерниях Восточной Сибири, являясь неразделимой частью всесоюзной переписи, должна отразить в себе все своеобразие особенности обследуемого края.

2. Перепись должна иметь исчерпывающий характер. Малые народности севера, которым угрожает вымирание, но которые, при сохранении их, могут способствовать экономическому расцвету края, обязательно должны быть обследованы этой переписью. Краеведческий Съезд обращается с просьбой к „Комитету помощи малым народностям Сибири“ поддержать ходатайство Съезда о выделении особых сумм на исследование малых народностей, в связи с переписью, считая, что это диктуется не филантропическими побуждениями, а подлинными экономическими интересами всего Союза Республик.

3. Съезд считает обязательным участие в работе по выработке программ переписи, составлению окончательного плана ее, местных исследователей, знакомых со всеми особенностями края.

4. Помимо обсуждения программ на Всесоюзном Съезде статистиков, в общесоюзном масштабе, Краеведческий Съезд Восточной Сибири полагает необходимым организацию областных статистических съездов для внесения в программы вопросов местного значения.

5. Съезд приглашает местных краеведов принять серьезное участие в подготовке к переписи; эта помощь будет особенно полезна при составлении списков населенных мест, где часто официальные названия пунктов не соответствуют местным, внося этим значительную путаницу в работы, а также при составлении планов экспедиций по обследованию бродячих туземцев. Очень важную роль местные краеведы могут сыграть в картографическом отношении в виду неизученности края. Наконец, они должны взять на себя популяризацию переписи в широких массах, в целях создания для работ обстановки доверия и сочувствия статистической работе. Непосредственное участие их в переписи районов, им известных, дает серьезные гарантии достоверности результатов работы.

По докладу К. Н. Миротворцева „Сельское хозяйство в Сибири“:

1. Сельское хозяйство в большей части В.-Сибири не имеет экспортных возможностей в отношении зерновых культур, но может быть развито в направлении улучшения животноводства и некоторых технических культур (льноводства и коноплеводства).

2. В виду недостаточного изучения некоторых вопросов сельского хозяйства, как то: урожайности, норм продовольствия и корма и проч., Съезд считает необходимым участие краеведов в изучении вопросов сельского хозяйства на местах и оказание содействия органам, собирающим статистико-экономические сведения.

По докладам К. Н. Миротворцева и Н. Н. Козьмина „О районировании Сибири“:

1. Для районирования В. Сибири необходимо собрание и соответствующая обработка всех уже имеющихся материалов и производство в необходимых случаях новых исследований

как для характеристики районов в естественно-историческом отношении, так и для учета всех экономических ресурсов Такую работу необходимо вести одновременно во всех административных единицах, составляющих В. Сибирь. Для того, чтобы полученные материалы и результаты исследований были сравнимы между собою, необходимо, чтобы была выработан однообразный план и программа работ, что наиболее хорошо может быть достигнуто при организации общего для В. Сибири, объединяющего всю работу органа вроде особого Бюро с представительством в нем всех заинтересованных частей территории.

2. Работы по районированию Съезд считает очередными и весьма важными.

3. Участие всех краеведов в работах по районированию Съезд считает обязательным и наиболее гарантирующим правильный подход к трудному вопросу организации областей и проведения границ между ними.

— —

По докладу М. П. Соколова.—„Некоторые черты по экономике Якутии“:

Заслушав доклад М. П. Соколова, являющийся в осуществленной своей части систематизацией сведений о путях сообщения, связывающих Якутию с внешним миром, Съезд считает, что в развитии их заключается возможность экономического роста обширного края. Скорейшее присоединение к Сибирской магистрали главнейшей дороги в Якутию р. Лены с ее многоводными притоками, рельсовый путь Аян-Нелькан и дальнейшее оборудование восточной части северного морского пути должны остановить на себе внимание общества и правительства. Эксплоатация горных богатств, особенности, развитие промышленности края тормозится неудачным горным законодательством, препятствующим развитию мелкой золотопромышленности и проявлению личной инициативы, так необходимых в условиях края. Угрожающая американизация северо-востока Сибири заставляет спешить с принятием решительных мер к налаживанию тесной экономической связи с остальной Сибирью и Россией и поднятию хозяйственного уровня обширщавшей окраины.

II.

По секции общего краеведения.

По докладам: Р. С. Бурштейн „Краеведение и политпросветработа“ и П. К. Казаринова „Краеведческие задачи Сибирской библиотеки“:

1. Признавая, что использование политпросветучреждений в краеведческой работе является колоссальной силой краеведческого просвещения, необходимо указать на желательность скорейшего перехода политпросветучреждений к новым методам работы, для чего необходимо в первую очередь, а) пропитать методы политпросветработы краеведческими методами, б) создать гнезда краеведения внутри политпросветучреждений в виде кружков, музеев и пр., в) связать работу отд. видов политпросветучреждений путем корреспондентекой и других видов связи, г) принять меры к созданию вспомогат. пособий для политпросветучреждений, в виде хрестоматий, учебников. справочников и пр., построенных на краеведческой основе.

2. В частности, необходимо обратить внимание на повышение краеведческой грамотности наших библиотекарей и на усвоение ими краеведческого метода работ в библиотеке, а также на связь библиотеки с гнездами краеведчества.

Краеведная основа прежде всего должна быть заложена при комплектовании библиотек книгами (в том числе и периодикой). Каждая сибирская библиотека должна широко использовать существующую сибирскую журналистику и краевые (и местные) газеты. Следует повысить интерес к краеведческим изданиям, краеведно-ведомственной литературе и местной кооперативной литературе. За появляющимися краеведческими изданиями и рецензиями о них прежде всего должны следить местные библиотечные объединения, выделив для этого библиографические бюро или комиссии. Этими бюро должна выбираться для библиотечного употребления краеведная книга и дореволюционного периода, поскольку она созвучна нашему времени и не устарела. Желательно распространение по библиотекам географических карт Сибири и ее районов.

3. Необходимо составление библиографического пособия по изучению края применительно к нуждам массового читателя.

4. Справочная работа библиотеки, применение рекомендательных каталогов, книжных плакатов, книжных выставок, а равно и др. виды политико-просветительной работы библиотеки должны быть проникнуты краеведческим методом. Громкая читальня выиграет от вдумчивого использования краеведной литературы; желательно составление списков литературных произведений на сибирские темы, пригодных для использования громкой читальней или же желательно составление хрестоматии для этой читальни. Для облегчения читателя необходимо в каталогах библиотек выделение краеведной литературы. Учет применения краеведческого метода в работах библиотеки необходимо провести через читательские анкеты, регистрацию книжных отказов, дневник библиотеки и по статистике читаемости книг.

5. Научные библиотеки Вост. Сибири должны примкнуть к осуществлению исследовательско-библиографических работ о крае, указанных в особой резолюции по докладу „Итоги и перспективы сибирской библиографии".

— —

По докладу Н. Н. Козьмина „О методах и формах краеведческой организации и работы":

Секция присоединяется к положениям, высказанным докладчиком, что в основу краеведческой организации должна быть положена увязка с естественно-географическими и хозяйственными районами, выделяемыми в результате работ по административно-хозяйственному районированию, а не случайно существующими административными границами; краеведческая работа должна быть увязана и согласована в целом с хозяйственно-плановым строительством, как местным, так и обще-республиканским; задача краеведческой организации—вовлечение широких масс и советской общественности в дело планового и всестороннего изучения края и использования добровольческого труда; так как сов тская общественность представлена организованными массами трудящихся, необходимо участие соответствующих профессиональных и партийных организаций, как в строительстве краеведческой работы, так и в построении основных планов, в тех формах, которые будут отвечать местным условиям; методы краеведческих изучений являются общими научными методами, необходимо принятие мер к образованию кадра научно-подготовленных исследователей и широкой пропаганде научных методов среди краеведческих работников; краеведческие организации должны быть эластичны и рассчитаны на вовлечение

самых различных групп краеведов, независимо от предмета их интереса и степени подготовки; должны быть приняты меры к созданию краевых и районных складов научных пособий и экскурсионных баз, издательских фондов и т. п., учреждений для содействия деятельности низовых краеведческих организаций; структура и характер краеведческих аппаратов, учреждений и предприятий должны быть согласованы с местными условиями и ни в каком случае не должны представлять шаблонных форм.

— —

По содокладу Б. Э. Петри „Методы краеведческой работы"—резолюции не вынесено.

— —

По докладам: В. А. Малаховского „Комплексное преподавание и краеведение". Н. Н. Кожевкова „Формы краеведения в школе", Я. Е. Грошкова „Школьные краеведческие музеи". А. И. Петри „Экскурсии школьные и внешкольные", М. И. Союзова „Две краеведческие экскурсии" и по докладам П. В. Зайцермана „Школа и краеведение" (заслушанного в Пленуме съезда) и „Студенчество и краеведение":

1. Проработка новых программ ГУС'а возможна лишь при одном условии — учитель должен стать исследователем своей волости, своего района. Приобретение краеведческих знаний путем активной краеведческой работы единственный путь к переходу школы на новые программы.

2) Неприспособленность учителя к краеведческой работе настоятельно выдвигает организацию краеведческих кружков, ячеек, обществ изучения края и пр., с широким привлечением в них учительства, при чем задача объединить и координировать работу этих организаций по линии школьного краеведения необходимо возложить на Метбюро и его подсобный орган Губерн. Педаг. Музей, как органы объединяющие работу школьных краеведческих организаций и научно-педагогических учреждений в лице Педфака и Педтехникума.

3. Изучаемый и добываемый материал должен концентрироваться в школьных музеях и через опорные школы, Уоно, Губоно и Губметбюро доходить до Центр. Педаг. Музея, где обрабатываться, систематизироваться в целях использования при школьной работе.

4. Педмузей должен войти в непосредственный деловой контакт с научным музеем, ВСОРГО, Губстатбюро и прими-

организациями, ведущими в том или ином виде краеведческую работу.

5. В виду крайней важности инструктирования массовой школы по линии краеведения, поручить Педмузею в срочном порядке разработать циркулярное письмо-инструкцию с планом работы и опросником и через Губоно и Мотбюро связаться с местами с целью организации школьных музеев.

6. При Центр. Педаг. Музее необходимо организовать справочное консультационное бюро, которое должно работать в непосредственном контакте с аналогичными учреждениями при других краеведческих организациях.

7. При школах необходимо организовать, построенные по определенному плану кружки краеведения учащихся, имеющие целью массовые наблюдения и сбор материалов и, по мере возможности, городские, сельские, губернские и областные объединения, причем к этой работе чрезвычайно важно привлечь РЛКСМ и организации юных пионеров и научные студенческие кружки.

8. Пролетарское студенчество может оказать огромную услугу государству в деле изучения страны и исследования. Оно может явиться лучшим агентом популяризации и пропаганды краеведения среди народных масс и послужить основным ферментом в деле организации местных краеведческих обществ и кружков.

9. Для умелого выполнения этой работы, студенчество само должно получать краеведческие знания и овладеть краеведческим методом. С этой целью преподавание в высшей школе должно строиться на местном материале, должно быть пропитано краеведением, а в высшей педагогической школе должны существовать краеведческие отделения или, в крайнем случае, кафедры краеведения.

10. Необходимо вхождение студентов частями сотрудниками, как местных, так и центральных обществ изучения края.

11. Краеведческим организациям и Центр. Педаг. Музею надлежит тесно связать свою работу со школой, прислушаться к ее нуждам и составить применительно к ее потребностям свой исследовательский план, при чем в первую очередь необходимо учесть основные ударные темы комплексных программ, направляя главное внимание на изучение трудовой деятельности населения данного района, природных богатств края и его производственных возможностей.

12. Губметбюро, совместно с губ. объединениями краеведов должны включить в свой план составление краеведческих сборников, справочников, библиографич. пособий, школьных хрестоматий и пр.

13. При построении плана летних Губ. курсов по переподготовке работников просвещения Губ. Метод. Бюро необходимо включить в этот план вопросы методики краеведческой работы и пропитать всю работу курсов краеведческим уклоном.

14. Считая экскурсионный метод школьной и вне школьной работы наиболее жизненным, отвечающим задачам краеведения, Секция рекомендует широко пропагандировать экскурсионный метод путем устройства экскурсий с краеведческим уклоном для педагогов, красноармейцев и пр.

15. Для связи и урегулирования экскурсионного дела, Съезд считает необходимым организовать Центральное Сиб. Экскурс. Бюро, связав его с работой отдельных экскурсионных кружков при рабочих клубах и школах.

16. Принимая во внимание крайнюю необеспечен. учительства, отсутствие культурной обстановки, и вследствие этого стремление последнего в более крупные центры, Съезд считает необходимым отметить, что указанные обстоятельства являются одним из крупных препятствий в проведении краеведческой работы на местах и желательно по возможности их устранение.

17. По частному сообщению М. И. Союзова: признавая громадное воспитательное значение за летней подвижной школой, каковою является длительная дет. экспедиция, считая, что этим путем быстрее формируется юный исследователь-краевед и принимая во внимание, что развитая речная сеть В. Сибири позволяет во многих местах совершать такие недорогие по материальным затратам сплавы, Съезд считает опыт плавания двух экспедиций Центр. Детдома в Чите летом 1923 и 24 г. г. *удачным* и предлагает товарищам педагогам в тех местах, где позволяют условия времени и места, продолжить начинание сотрудников Центрального Детского Дома в г. Чите.

— —

По докладу П. К. Казаринова: „Итоги и перспективы сибирской библиографии“:

1. Признать необходимым для учета, организации и увязки всей сибирской библиографической работы, разрозненной и раскиданной от Владивостока до Москвы, создание центрального сибирского библиографического бюро в г. Иркутске, где

получается обязательный экземпляр от Книжной палаты и имеются другие условия для организации библиографических работ. Деятельность бюро должна быть увязана с Центр. Книжной палатой, Сибиротделом Народн. Образования и на месте—с Иркутским Госуд. Университетом и ВСОРГО. Съезд ходатайствует перед Сибирским Отделом Народного образования о передаче Сибирскому Библиогр. бюро функций Сибирской Книжной Палаты, с оказанием ему материальной поддержки и с передачей ему права приема и распределения дополнительных экземпляров печатных произведений Сибири, получаемых от сибирских типографий.

2. Призвать краеведческие организации Восточной Сибири к установке и к планомерным работам по краевой библиографии под руководством сибирского библиографического бюро (в случае его создания), руководствуясь при этом очередностью работ, указанной по данному вопросу в резолюции 2-й Всесоюзной конференции по краеведению, по докладу Н. В. Здобнова.

3. Необходимо приступить к составлению библиографии Восточного и Западного Прибайкалья по типу „Б-фии Приенисейского края".

4. Необходимо составление и издание библиографического справочника по Восточной Сибири (желательно и для всей Сибири) для целей общеобразовательных и для общего ознакомления с краем.

— —

По докладу И. Л. Копылова „Краеведение в детеком рисунке":

Принимая во внимание ценность детского творчества для краеведения (рисунка и ваяния) как материала, охватывающего жизнь края со всех сторон, секция постановляет: 1) детский рисунок заслуживает самого серьезного внимания краеведа, 2) детский рисунок нужно собирать и тщательно хранить; для этого—3) создать совместными усилиями специалистов-краеведов и художников-педагогов инструкцию для работников на местах; 4) наметить план создания Музея детского творчества.

— —

По докладу М. К. Азадовского „Издание краеведческой литературы":

Заслушав доклад М. К. Азадовского, Съезд одобрят издательскую деятельность ВСОРГО (см. тезисы доклада) и признает необходимым выполнение намеченной им программы.

Но, отмечая, что выполнение этой программы во всем объеме непосильно для местных краеведческих организаций, Съезд считает необходимым привлечь на помощь в деле издания различные хозяйственные организации.

— —

По докладам: Я. Н. Ходукина и В. Ч. Дорогостайского „Об охране памятников старины и природы“:

1. Признавая неотложную необходимость охраны памятников старины, искусства и природы. Съезд обращается к краеведам с просьбой немедленно: а) приступить к учету и регистрации памятников старины, искусства и природы; в) описать эти памятники, зарисовать, сфотографировать, снять подробные планы и т. п. с) приступить к восстановлению и образованию заповедников, заказников и пр.

2. Съезд обращается к Губоно с просьбой в срочном порядке подать через ГИК обязательное постановление соответствующего характера.

III.

По экономической секции.

1. По докладу инж. М. А. Добкина „Электрофикация в Иркутской губернии“:

Вопрос о постройке гидроэлектрической станции на реке Иркуте в целях эксплоатации прилегающих лесных богатств для изготовления древесной массы и в связи с постройкой станции для возможной постепенной электрофикации Иркутской губ. имеет чрезвычайно крупное значение в хозяйственно-экономической жизни губернии: 1) использование совершенно неэксплоатируемых древесных богатств Иркутской губ. при дефицитности губернии даст новый источник дохода; 2) постройка станции и дальнейшие работы по изготовлению древесной массы дадут возможность привлечь тысячи безработных, разгружая губернию и в этом отношении; 3) капитал, затраченный на постройку и оборудование станции в ближайшие годы компенсируется реализацией древесной массы. Принимая все это во внимание, Съезд полагает, что всестороннее изучение этого вопроса во всех его деталях должно в ближайшее время привлечь внимание органов местного хозяйства и государственной власти для возможной реализации проекта.

— —

2. По докладу Е. Мухина „Проект мероприятий к развитию рационального пчеловодства в Иркутской губернии“:

Принимая во внимание, что возможность введения пчеловодного хозяйства в отдельных районах Иркутской губернии с достаточной убедительностью доказана докладчиком, Съезд **считает нужным:**

а) обратить внимание „Комитета содействия сельскому хозяйству“ при ГЗУ и кооперации в лице Губсоюза на необходимость оказания соответствующих мер содействия начинающему развиваться в губернии пчеловодному делу;

б) обратиться с призывом к местной прессе, в лице редакции „Красного Пахаря“, более интенсивно пропагандировать идею пчело-промысла, как отдельно самостоятельной отрасли с.-х. деятельности, и хотя бы в виде небольших периодических

заметок и описаний, принять на себя информацию—инструктаж, а в качестве отдельных приложений, выпускаемых по частям, издавать популярные брошюры по пчеловодству.

— —

По докладу М. В. Бородкиной „Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края“:

Признавая, что работа М. В. Бородкиной, представляющая собой описание не только хозяйственной, но и бытовой стороны жизни населения Читканско-Горячинского района, может быть интересной не только для краеведов-экономистов, но в равной мере для краеведов-этнографов, а с другой стороны, в виду того, что по способу построения и методам исследования может быть принята в качестве временно программной работы для начинающих краеведов на местах, Секция находит, что доклад этот было бы полезно повторить в объединенном заседании Секций этнографической и туземной.

— —

По докладу А. М. Вейсбрайт „Пушное дело Восточной Сибири“ и докл. В. Ч. Дорогостайского „Промысловые звери Ирк. губ.“:

По вопросу о пушном деле в Вост. Сибири Съезд констатирует, что несмотря на то, что пушной промысел занимает в бюджете государства одно из первых мест, а в бюджете местного населения в большинстве случаев является основным, а иногда и единственным источником дохода, вопрос этот до сих пор остается не изученным ни в экономическом, ни в биологическом отношениях и никаких радикальных мер к поднятию падающего промысла не принимается. Краеведческий Съезд считает неотложным:

1. В целях всестороннего изучения данного вопроса в первую очередь организовать статистическое обследование пушного промысла путем привлечения к этому делу всех заинтересованных ведомств и учреждений и, в частности, использовать для сего предполагающуюся в 1926 году подворную перепись.

2. Признать необходимым изучение экономики промысла и биологии промысловых зверей и птиц.

3. Для сохранения пушных богатств и поднятия промысла:

а) приступить к восстановлению учрежденных до войны заповедников (Саянского, Козырсукского, Баргузинского и др.) и образованию новых; б) к устройству частичных заказников; в) к насаждению промышленного звероловства в крае; г) к под-

нятию охотничьего образования путем учреждения специальных кафедр по охотоведению в Вузах, организации популярных кружков, лекций и пр.

4. В виду того, что поднятие пушного промысла связано с устранением наблюдающихся в настоящее время хищнических способов охоты, и часто одними административными мерами зло это изжито быть не может, признал необходимым:

а) поднятие значения и деятельности Союза Охотников.

б) Установление обязательного для всех охотников выбирания охотничьих билетов на право охоты из Союза.

в) Участие государства в культурных мероприятиях по охоте и охотничьему промыслу путем отчисления от существующего охотничьего налога не менее 33⅓ и такого же процента от местного налога, взимаемого с каждого охотника.

5. Согласовать охотничье законодательство с данными науки.

6. Настоятельно рекомендовать заготовителям пушнины, чтобы они ни в коем случае не принимали шкурок зверей, убитых в незаконное время и незаконными способами.

7. Вменить в моральную обязанность заготовителям пушнины материальное участие в культурных мероприятиях по поднятию промысла, в котором они лично заинтересованы.

— —

По докладам—А. Н. Черкунова „Самогонокурение в Иркутской губ.“ и Г. Ю. Маннса „Самогонные дела (ст. 140 У. К.) и алкогольная преступность в Иркутской губ. с 1922 г. по 1924 г.“ По заслушанным докладам предложено две резолюции:

Первая: Заслушав доклад А. Н. Черкунова и профес. Г. Ю. Маннса, Экономическая Секция I-го Восточно-Сибирского Съезда, констатируя на основании докладов, что вопрос о самогонокурении и связанным с этим развитием преступности настолько врос в хозяйственно-экономическую и бытовую сторону жизни населения, что необходимость всестороннего изучения этого вопроса приобретает характер первоочередной работы. Связь этого вопроса с хозяйственно-бытовым укладом жизни так велика, что изучение его так же неотложно, как неотложно изучение всех других хозяйственно-экономических и бытовых вопросов крестьянского обихода. Помимо этого, секция констатирует, что вопрос о размерах экономического

ущерба, наносимого населению самогонокурением и его сравнение с затратами населения при нормальном винокурении остается невыясненным на основании того материала, который представили докладчики. Секция поручает краеведческим органам продолжить и углубить тот интересный опыт исследования этого вопроса, который в результате дал возможность представить погубернский ориентировочный материал.

Вторая: Заслушав доклады А. Н. Черкунова и проф. Г. Ю. Маннса, Экономическая Секция I-го В. Сибирского Краеведческого Съезда считает себя обязанной указать на необходимость энергичнейшей борьбы не только с самогонокурением, но и вобще с распространением спиртных напитков в широких массах населения, так как развитие пьянства, как показал опыт дореволюционной царской России, не только подрывает экономическое благосостояние населения, но и является кроме того еще мощным фактором преступности.

По вопросу о том, наносит ли самогон населению бо́льший материальный и моральный ущерб, чем водка в дореволюционной России, Секция считает необходимым указать на необходимость всестороннего и детальнейшего изучения этого вопроса, но вместе с этим отмечает, что материал, представленный в двух заслушанных докладах, не дает оснований для такого заключения.

Большинством голосов принята первая резолюция. Эта же резолюция принята и Пленумом Съезда.

— —

По докладу А. В. Черных. „Об открытии торгового музея в г. Иркутске“:

Признавая чрезвычайно важное значение торговых музеев в торговой, промышленной и экономической жизни края, как организаций, дающих в наглядной, доступной широкому пониманию форме информацию о торговле, промышленности и экономике края, а с другой стороны осуществляющих в самой лучшей форме рекламу, Экономическая секция считает необходимым открытие такого музея в г. Иркутске, при чем полагает, что соответствующие экспонаты краеведческой выставки должны были бы послужить началом для создания такого музея.

— —

По докладу В. В. Ковригина „Краткие сведения о современном состоянии промышленности в Иркутском горном округе“ и Ф. Ф. Шваб „К вопросу об учете полезных ископаемых Восточной Сибири“:

Экономическая секция I-го В.-Сибирского Краеведческого Съезда отмечает исключительно важную для местного края роль золотой, каменноугольной, соляной и железной промышленности (последней в ближайшем времени, когда через район Братского Острога пройдет Сев. жел. дорога).

Видимо, одна горная промышленность способна в ближайшем будущем перевести нашу Иркутскую губернию из дефицитной в доходную.

К сожалению, отсутствие свободных капиталов, путей сообщения и естественность существующего законодательства ставят тормазы для быстрого развития этой промышленности.

Идя на встречу вышесказанным пожеланиям докладчиков, Съезд со своей стороны, признавая всю важность учетной работы, призывает краеведческие организации, отдельных краеведов и все местное население в интересах учета полезных ископаемых края и борьбы с хищничеством, давать сведения в В. Сиб. Бюро учета полезных ископаемых (г. Иркутск, Набережная р. Ангары, 38(1) и в Иркутский Горный Округ (тот же адрес) о местных полезных ископаемых и о всех случаях хищнической разработки недр земли.

По докладу И. Ф. Щепетунина „Бадан и его возможное значение в промышленности СССР и экономике края“:

1. При общем недостатке во всесоюзном масштабе дубильных веществ для кожпромышленности и необходимости их приобретения заграницей, бадан, содержащий значительное количество дубильных веществ и по своей стоимости более дешевый, чем все другие равнозначущие вещества, приобретает особое значение не только в кожевенной промышленности Сибири, но и во всей кожевенной промышленности Союза.

2. Колоссальные пространства, занятые баданом, по своему географическому и почвенному положению непригодные для земледельческой эксплоатации должны быть рационально использованы, при чем лучшим способом использования было бы устройство экстрактовых заводов, которые в настоящее время бездействуют в Европейской части Союза за отсутствием в месте их расположения необходимого сырья.

3. Одновременно с началом эксплоатации бадана необходимо его всестороннее изучение, как с экономической, так и с биологической стороны и в связи с изучением—установление таких способов использования, которые гарантируют от вымирания бадана.

4. Помимо этого Съезд констатирует, что произведенные опыты дают возможность установить, что применение бадана не исчерпывается только получением из него дубильных веществ, но может иметь применение и в других отраслях химической промышленности (окрашивание тканей, получение таннина и др.) Съезд считает необходимым производство дальнейших опытов в этом направлении.

5. Отмечая работу химика И. Ф. Щепетунина и его работу по всестороннему обследованию бадана, Экономическая секция Съезда, принимая во внимание экономическое значение бадана и полное отсутствие литературы по этому вопросу, находит необходимым полностью зафиксировать в трудах Съезда доклад И. Ф. Щепетунина и затем издать его отдельным оттиском.

IV.

По Историко-этнологической секции.

По докладу Г. С. Виноградова „Русское население края и его изучение“:

Признавая важность этнографического изучения, как в практическом, так и в теоретическом отношении, Секция считает необходимым рекомендовать местным краеведческим организациям обратить внимание на изучение всех сторон народной жизни, специально выделив область народных знаний (способы время исчисления и геодезические приемы, представления в области анатомии, физиологии, ботаники, технологии, самоврачевания и пр.), область культовой жизни, религиозных воззрений, область частной и общественной этики (в связи с вопросами изучения обычного права) и, наконец, область народного искусства, включив сюда, кроме формообразующих искусств, народную музыку, танцы и народное ораторское искусство, при чем в целях инструктирования собирателей необходимо издание программ, руководств, поездки инструкторов на места.

— —

По докладам: М. К. Азадовского „Задачи изучения устного творчества в Сибири“, Г. С. Виноградова „Детский фольклор“ и И. С. Хромовских „О народной песне“:

1. Учитывая огромное, как научное, так и общественно педагогическое значение устного творчества, Секция указывает на необходимость усиления работ по собиранию и изучению памятников устного творчества во всем объеме, при чем необходимо стремиться, чтобы дело собирания не было уделом только специалистов, но к нему должны быть привлечены глубокие народные массы.

2. Признавая стационарный метод наиболее соответствующим духу краеведческого изучения фольклора, Секция наилучшей его формой считает организацию фольклорных станций, которые должны быть организованы, главным образом, при школах и избах-читальнях.

3. В этих же целях желательна организация кружков по изучению фольклора при городских рабочих клубах и культячейках.

4. Кроме стационарных изучений на местах и на ряду с поездками собирателей-исследователей, должен быть выдвинут метод коллективных экспедиций, особенно в ВУЗ'ах и педтехникумах.

5. Для облегчения работы на местах, а также и для пропаганды фольклорных изучений необходимо развить широкую деятельность по изданию программ по различным отраслям устного творчества, типа издаваемой Этнологической Секцией ВСОРГО, „Библиотеки Собирателя".

6. Для более планомерной и всесторонней организации фольклорных изучений необходимо провести анкету о бытовании устного творчества в крае.

7. Невозможность опубликования собираемых материалов в значительной степени понижает энергию собирателей на местах, поэтому должны быть приняты энергичные меры к усилению издательской деятельности, посвященной этнографическим, в частности фольклорным изучениям.

8. В частности, в области фольклорных изучений особенное внимание должно быть обращено на изучение детского фольклора.

9. Полагая, что изучение народной песни со стороны мелодической также должно стать одной из задач этнографических изучений, секция считает необходимым особенно приветствовать собирательскую работу Хромовских.

— —

По докладам: В. А. Малаховского „Народные говоры Сибири" и П. Я. Черных „Итоги и задачи изучения русских говоров в Сибири":

1. Диалектологическое изучение Сибири в настоящее время вступает в период научно-организованного, планомерного движения. Необходимо содействовать этому направлению.

2. Дальнейшей разработке сибирской диалектологии может в значительной степени способствовать издание а) диалектологической карты русского языка в Сибири, б) хрестоматия по русско-сибирской речи, в) инструкции и программы по собиранию особенностей языка и словаря русского старожилого населения Сибири.

3. Работа школы по собиранию особенностей языка должна быть объединена в местных краеведческих организациях, которые должны составить план собирания.

По докладу Н. Н. Козьмина „Об изучении туземных племен“:

Секция, констатируя, что не смотря на обсуждение способов наилучшего устройства и возрождения туземцев, не получивших национального самоопределения и соответствующих органов в течении не одного десятка лет, до сих пор не было принято решительных мер к действительному обеспечению их быта и возможности культурного их развития, и полагая, что не на путях патроната и опеки туземцев сверху в каких бы то ни было формах следует проэктировать необходимый цикл мероприятий, высказывает следующее свое мнение:

1. Дальнейшие общие изучения и исследования жизни, быта и хозяйства, имеющие практическое значение, но не преследующие цели обоснования определенных мероприятий, являются бесцельными и задерживающими переход к практическим мерам.

2. Что улучшения материального и культурного характера мыслимы лишь в условиях общих культурных мероприятий в местах обитания туземцев, как то устройство путей сообщения, рынка, обмена продуктов, торговых факторий, больниц, ветеринарной сети и т. д.

3. Устройство туземцев должно итти при строгом учете особенностей их национального быта и хозяйства в основных линиях советского административно-хозяйственного строительства.

4. Ни в каком случае нельзя делать исключительную ставку на действительную роль губерских, уездных или иных верхних органов, удаленных от мест.

5. Необходимо создать низовые органы с участием в них самих туземцев, оставив за верхними аппаратами лишь значение контролирующих и руководящих.

6. Главное усилие должно быть направлено на создание культурных и хозяйственных учреждений, обеспечивающих их от вымирания и обнищания, сопутствующих кабальным отношениям, в которые обычно попадают охотничьи и рыболовческие племена.

7. Обязательной предпосылкой и условием всех мероприятий, направленных к улучшению быта и культурному развитию туземцев, должно считать закрепление за ними определенных территорий, гарантированных от захватов и дающих уверенность в беспрепятственном развитии и улучшении хозяйственного быта.

По докладу проф. Г. Ц. Цыбикова „Основные проблемы национально-культурного строительства Бурятии“:

1. Признать одной из главных задач национально-культурного строительства Бурят—объединение говоров в один литературный язык с письменностью и обще-монгольским алфавитом.

2. Выразить пожелание—ввести в Иркутский Государственный Университет обязательное изучение бурят-монгольского литературного языка для студентов бур.-монг. национальности.

— —

По докладу проф Г. Ю. Маннса „Программы по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях туземных народностей Сибири в области уголовного права и суда“:

Историко-этнологическая Секция вполне присоединяется к мнению докладчика, что изучение народных воззрений и юридических обычаев туземцев Сибири в области уголовного права и суда представляет не только большой теоретический интерес, но имеет также огромное практическое значение, давая законодателю весьма ценный и необходимый материал для надлежащего учета при законодательной работе местных национальных и правовых особенностей туземцев Сибири. Секция признает желательным составление соответствующих программ для собирания материала о народных воззрениях и юридических обычаях, также и по другим отраслям права.

— —

По докладу проф. Б. Э. Петри—„О собирании устных преданий об истории заселения Прибайкалья“:

Секция признает за массовой и систематической записью родословных бурятских родов и семей и семейных преданий о переселениях большое и очередное значение и приглашает краеведов обратить особое внимание на закрепление и сохранение этих памятников живой старины, имеющих большую ценность для осуществления темных вопросов происхождения и расселения бурятских племен.

По докладу М. В. Бородкиной—„Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края“:

Секция высказывает пожелание, чтобы такие обследования были произведены и в других отдельных районах по плану, выработанному М. В. Бородкиной.

— —

По докладам: Б. Г. Кубалова „Архивное дело в Крае“ и В. П. Гирченко „Архивное дело в Бурятии“:

Секция признает необходимым пропагандировать важность ознакомления школьных работников со значением архивов в советском строительстве и считает за нужное просить, чтобы материалы, имеющие краевое значение, не препровождались в Центр, так как краеведная работа вследствие этого теряет свою базу.

Довести об этом до сведения съезда архивных деятелей и просить Б. Г. Кубалова передать приветствие Краеведческого Съезда Съезду архивных деятелей.

— —

По докладам: Б. Г. Кубалова „Крестьяне и декабристы“ и А. П. Бажина „Памятники пребывания декабристов в Западном Забайкалье“:

Секция постановляет принять меры к охране и поддержанию памятников, связанных с пребыванием декабристов в Восточной Сибири, с этой целью просить Главнауку и др. организации оказать в этом направлении всемерное содействие. Секция считает необходимым, в связи с предстоящим юбилеем декабрьского восстания, в ряде публичных лекций и докладов осветить роль и значение декабристов в росте общественного самосознания населения Сибири.

— —

По докладу С. Е. Фридман „Проблески революционного настроения среди бурят в первую революцию“:

Секция постановляет приветствовать доклад, как одну из первых попыток осветить революционное движение бурят по архивным данным, и высказывает пожелание, чтобы имеющиеся по этому вопросу материалы в Губархбюро были бы использованы в большом масштабе.

— —

По докладам: В. В. Попова „Из прошлого якутов“ и Н. С. Романова „Старый Иркутск“:

Заслушав доклады, Секция признает своевременным появление попыток осветить далекое прошлое таких центров, как Якутск и Иркутск, и высказывает пожелание, чтобы работа в этом направлении продолжалась.

— —

По докладам В. И. Подгорбунского „Задачи археологических изысканий в пределах Восточной Сибири“ и Г. Ф. Дебеца „Итоги и задачи археологических исследований в пределах Зап. Забайкалья“:

Принимая во внимание значительную неизученность Сибири в археологическом отношении и необходимость вовлечения краеведов с мест в исследовательскую работу, Секция считает желательным: 1) продолжение изысканий по доисторической археологии края, объединение археологов, историков и этнографов в изучении прошлого населения Сибири, 2) необходимость обращения особого внимания краеведов на охрану памятников старины.

— —

По докладу проф. Г. Ю. Маннса „Краеведческий элемент в учебном плане Факультета Права и Местного Хозяйства Ирк. Гос. Университета“:

Историко-этнологическая секция 1-го Вост. Сиб. Съезда Краеведения приветствует усиление краеведческого уклона в учебном плане Факультета Права и Местного Хозяйства, одобряет разработанный факультетом план, находя, что им в полной мере учтены местные особенности и нужды края, высказывает пожелание, чтобы он получил в скорейшем времени утверждение.

— —

По докладу П. В. Зицермана „Открытие краеведческого отделения при Педагогическом факультете Иркутского Ун-та“:

Заслушав сообщение декана педфака П. В. Зицерман о преобразовании существующего лингвистического отделения педфака в лингвистико-краеведное, секция постановляет: учитывая отсутствие в стране кадра работников-культурников для туземных племен, а также недостаточное развитие краеведческих знаний, считать крайне существенным для развития краеведения в стране организацию такого отделения, потребность в котором давно уже остро ощущается, и ходатайствовать от имени Съезда пред Главпрофобром о скорейшем его открытии.

V.

По Биологической секции.

1. По докладу проф. В. Ч. Дорогостайского „Краеведческие задачи в области биологии“:

Съезд находит необходимым, в целях развития краеведческой работы, в первую очередь издать ряд брошюр и определителей, составленных для рядового краеведческого работника, а также популярные книжки сводного характера с указанием литературы и тех рядовых работников по краеведению, которыми собран первичный материал.

— —

По докладу Г. М. Винокурова „Борьба с вредителями и краеведение“:

Биологическая секция выносит резолюцию, чтобы краеведческие организации приняли самое широкое участие в изучении, регистрации и обследовании играющих в экономике сельского хозяйства В. Сибири очень видную роль вредителей и болезней растений. В этих целях необходимо самое тесное сотрудничество краеведческих организаций и Станции защиты растений от вредителей, которая берет на себя инструктирование работников на местах и оказание им в этой работе посильного содействия.

— —

По докладу К. Н. Пантелеева „Рыбные богатства оз. Байкала“:

1) Съезд констатирует, что сокращение рыбных запасов в Байкальском бассейне идет усиленным темпом и считает необходимым принятие энергичных мер по сохранению существующих запасов и увеличению их.

2) В виду того, что одни административно-запретительные меры положительных результатов дать не могут, Съезд считает неотложным практическое осуществление разведения омуля и др. рыб искуственным путем, базируясь на достигнутых успехах первоначальных опытов по разведению омуля в Селенге и хариуса на р. Ангаре.

3) В виду малой изученности промысловых рыб и др. животных (нерпы) оз. Байкала в биологическом отношении, Съезд считает крайне желательным всемерную поддержку, Экспедиции

Академии Наук, предполагающую работать в ближайшие годы на Байкале.

4) Для правильной постановки рыбного хозяйства в Байкальском бассейне, Съезд считает необходимым объединение административных функций в одном очаге.

По докладу проф. А. М. Скородумова „Чума и тарабаганий промысел в Забайкалье“:

Тарбаганий промысел в Забайкалье имеет громадное значение и служит большим подспорьем для благосостояния населенных районов.

Вместе с тем, в виду распространения среди тарабаганов чумных эпидемий с переходом на людей с развитием чумных заболеваний, тарабаганий промысел может быть крайне опасным в особенности в районах, наиболее пораженных чумой (Баргузинский уезд Забайкальской губ). В целях продуктивной борьбы со страшной инфекцией, постоянно угрожающей на Востоке Союзу республик, необходимо глубокое изучение лоймологии чумы, а также географического расположения на Востоке Сибири тарабаганов и др. грызунов, распространение среди чумных и др. эпидемий. Отмечая научную работу Иркутского противочумного Центра, Съезд считает необходимым, в виду более глубокого изучения биологии тарбагана, методов борьбы с чумою, установление тесной связи с одной стороны со специалистами разных областей естествознания, с другой же с местным населением. Для чего признается необходимым: 1) организация противочумным центром экспедиций, имеющих в своем составе и биологов, 2) распространение соответствующей анкеты среди населения местностей, обитаемых тарабаганом.

По докладу С. И. Верхозина „Лекарственная, токеническая и техническая флора Иркутской губ.“:

Съезд считает изучение лекарственных растений края весьма важным, как с научной, так и с практической точки зрения. В целях лучшего изучения лекарственных и технических растений, необходимо завязать тесные отношения со школами и краеведческими организациями на местах, особенно в деревнях, снабдив их соответственной популярной литературой и анкетами.

В частности по вопросу о бадане, Съезд находит, что необходимо весьма осторожное отношение к этому важному техническому растению, дабы запасы его не были истрачены в самом начале его применения в технике, вместе с тем Съезд считает желательным устройство опытных участков по разведению лекарственных и технических растений.

VI.

По Физико-географической секции.

По докладу В. Ч. Дорогостайского „Генезис Прибайкальских озер“:

Признать желательным и необходимым обследование мелких озерных бассейнов Восточной Сибири, доступное с небольшими средствами и обещающее ценные результаты в геологическом и биологическом отношениях, важные и с практической стороны.

— —

По докладам Т. П. Кравца „Прибайкалье, как сейсмический центр и организация сейсмических наблюдений“, С. А. Арцыбашева „Исследование радиактивности сибирских минералов и минеральных источников и организация простейших радиактивных наблюдений“; С. Н. Лаптева „Донный лед“; А. В. Львова „Вечная мерзлота, как геологический фактор“ и докладов В. Б. Шостаковича.

Признать неотложной задачей отчасти восстановление, а отчасти образование вновь сети корреспондентов любителей в целях освещения края в отношении сейсмологии, распространения радиактивности, климата, донного льда, вечной мерзлоты и др. В частности, по отдельным из указанных докладов признано также необходимым: а) отпуск средств сейсмической станции для восстановления ее деятельности в полном объеме; б) сосредоточение данных по радиологическому обследованию при биолого-географическом институте, где им уже положено начало, и об отпуске для этой цели средств; в) переиздание в переработанном виде программы А. В. Львова по обследованию распространения вечной мерзлоты.

— —

По докладу А. Г. Франк-Каменецкого „Доронинское содовое озеро“:

Съезд признал необходимым всестороннее обследование Доронинского озера, с его запасами до 15 миллионов пудов соды; должны быть изучены география, геология, флора и фауна озера, проверены его запасы и выяснены условия их рационального использования.

— —

По докладу А. Ю. Педдер „Наблюдения полярных сияний в Сибири“:

Съезд признал желательным планомерное изучение явлений полярных сияний, согласно разработанной докладчиком инструкции, каковая должна быть размножена в двух видах: для более вооруженных станций и для менее снабженных любителей.

— —

По докладу М. Н. Стоилова „Организация астрономической обсерватории в г. Иркутске“:

Съезд признал желательной организацию в Иркутске астрономической обсерватории, прежде всего, в целях службы широты и долготы и изучения солнечных притяжений, для каковых целей Иркутск представляет удобство исключительного значения.

— —

По докладу С. Н. Лаптева и И. Ф. Молодых „Гидрографическое и гидрологическое исследование бассейна реки Селенги в пределах Монголии“:

Считать всестороннее обследование бассейна Селенги в пределах Сев.-Зап. Монголии чрезвычайно важной и первоочередной задачей.

— —

По докладу И. Ф. Молодых „Гидрографические исследования рек Восточной Сибири, общая сводка достижений и план дальнейших работ“:

Признать выполненную работу по исследованию рек Восточной Сибири значительной и имеющей крайне важное научно-экономическое значение в области изучения и использования водных путей Восточной Сибири, как единственных путей связи окраины Восточной Сибири с культурно-экономическим центром; б) выполняемая ныне программа работ Партии по исследованию рек Ленского и Байкальского бассейнов является совершенно своевременной и дающей большой краеведческий материал; в) признать необходимым усилить издательскую деятельность Партии в области обработки и опубликования литературного и описательного материала, добытого работами последних лет; г) особое внимание обратить на срочность обработки и опубликования материала по Севморпути в устье р. Лены и Алдано-Майскому району; д) в области новых работ намеченные маршрутные исследования системы Вилюя и продолжение исследований системы р. Селенги в Монголии—счи-

тать своевременной и первоочередной задачей гидрографических изучений Восточной Сибири.

— —

По докладу А. С. Герасимова и И. Ф. Молодых „Итоги картографии В.-Сибири“:

а) выполнение и издание Партией по исследованию рек Лено-Байкальского бассейна карты Якутской Республики масштабом 25 клм. в 10 мм. признать своевременным и отвечающим основным вопросам краеведения; б) намеченное Партией расширение той же карты до пределов р. Енисея на запад желательно выполнить в самом ближайшем времени, при чем Съезд считает необходимым поддержать ходатайство Партии об оказании ей материальной поддержки.

— —

По докладу В. Б. Шостаковича „Климатическое исследование В. Сибири“:

а) В возобновлении и развитии метеорологического дела в Восточной Сибири признать вполне правильным выдвинутое Иркутской Обсерваторией в первоочередную задачу восстановление, укрепление и расширение сети метеостанций и работу, выполненную ее в этом направлении за короткий срок и в тяжелых условиях, признать безусловно успешной и имеющей важное научно-экономическое значение; б) имея в виду, что экономической базой РСФСР является сельское хозяйство, климатические же условия предетавляются важнейшим фактором, определяющим продуктивность сельского хозяйства и лежащим в основе рациональной постановки сельского хозяйства, направленной к максимальному увеличению продуктивности его, признать срочно необходимым скорейшее издание обсерваторией вполне подготовленных ныне ею выводов из наблюдений, обнимающих период 1920—24 г. г. и, таким образом, восполняющих пробел последних лет в этой области, для чего поддержать ходатайство Обсерватории о финансировании из местного бюджета издательской деятельности ее.

— —

По докладу С. А. Арцыбашева:

Заслушав тезисы доклада С. А. Арцыбашева, и вполне соглашаясь с ними секция постановила: Ходатайствовать об отпуске средств в распоряжение Биолого-Географического Института на производство предварительных изысканий в районе Слюдянки.

■ ■ ■

Резолюция

Совещания музейных работников по докладу Я. Н. Ходукина „Музейное строительство“:

Совещание высказывается за необходимость развития музейного дела в В. Сибири, как в крупных культурных центрах (городах), так и по периферии, признавая желательным придание музеям местного края следущих функций:

1. Музей, как краеведческая организация, в первую очередь должен отражать быт населения, природу и богатства местного края, поэтому внимание при комплектовании и пополнении его должно быть обращено на экспонаты местного значения.

2. Экспонаты музея должны быть распределены и выставлены по отделам так, чтобы давали возможность наиболее доступного обозрения их широкими народными массами, а также школьными и внешкольными экскурсиями, не нарушая научных требований классификации.

3. Признавая желательным широкое развитие музеев местного края, как пунктов краеведческой работы, но учитывая современное материальное и культурное положение Республики совещание считает, в настоящих условиях необходимым укреплять существующие музеи, не *подавляя и руководя* инициативой мест.

4. Признать желательным при снаряжении экспедиций, организуемых музеями, придание им функций собирания и пополнения коллекций музея новыми материалами краевого значения.

5. Научные коллекции, собираемые обществами, учреждениями и музеями и не имеющие узко специального характера, а также не служащие целям преподавания, но характеризующие край, *должны быть* передаваемы в местный музей.

6. При концентрации в одном городе или местечке нескольких музеев должно быть из представителей их соорганизовано особое музейное Бюро, которое и регулирует их взаимоотношения и распределяет сферу деятельности.

7. Отмечая особые задачи Педагогического музея, как единственного на территории края, поручается правлению при-

нять экстренные меры к развитию его деятельности и совещание со своей стороны обращается с просьбой к Губисполкому, Г.С.П.С. и Губоно поддержать его материально и путем отвода подходящего для его работ помещения.

7. Экспонаты Музея—выставочные и магазинные. Все типичное, характерное должно быть выставлено, без загромождения подробностями, для обозрения и научно популярных работ. Остальное хранится в магазинах на предмет научной обработки.

8. Работа Музея: а) лаборатория, научная, исследовательская; б) научно-популяризационная—экскурсии музейные и показательные, доклады, рефераты, лекции.

9. Музей имеет ряд вспомогательных учреждений: аудиторию, библиотеку, препаровочную, лабораторию, фотографию. реставрационную.

10. Музейная сеть: губернский музей, уездный, укрупненой волости крупного центра (идеальная). Возможная в данный момент—единый губернский музей: карликовые музеи дробят и силы и средства.

В. И. Смирнов.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА САПОЖНИКОВА.

Уже более полугода, как не стало Василия Васильевича Сапожникова. В печати успели появиться заметки и статьи, посвященные памяти этого крупного человека. в которых авторами освящена его кипучая деятельность, сделана оценка его заслуг перед обществом и наукой и выявлены по отношению к нему чувства глубокой симпатии и уважения. И все же даже до сих пор как-то не можешь в такой мере почувствовать, что Василия Васильевича уже нет. Слишком еще живо и сильно в памяти впечатление той полноты жизненных сил, которая всегда так чувствовалась в В. В—че. как при непосредственных сношениях с ним, так и вдали, когда приходилось только слышать о его работе. Приходилось бывать на докладах Василия Васильевича, случалось иногда бывать на его лекциях, читавшихся студентам Томского Университета, приходилось слышать речи и видеть его секционную работу при открытии в 1919 году Института исследования Сибири, приходилось встречаться в собраниях и на экскурсиях тесного кружка томских ботаников. его помощников по преподавательской деятельности и соучастников в научной работе; и всегда удивляла в этом человеке громадная сила, которую. казалось, ничто не могло сломить, которой, казалось. могло бы хватить на все. И действительно, этой силы В. В—чу хватало на многое.

Василий Васильевич был профессором, умевшим заронить в своих учеников искру любви к науке, как на своих блестящих. читавшихся всегда с большим подъемом, лекциях, так и при руководстве студенческими работами и научными работами молодых помощников в лаборатории и на экскурсиях, где уже ничто не мешало проявляться в полной мере свойственным Василию Васильевичу и товарищеской простоте отношений к молодежи и уменью своими интересными и живыми беседами заставить работать с увлечением.

Искру любви к родному краю и к изучению его природы В. В—ч старался заронить не только в тесной аудитории высшей школы, но и в широких кругах культурной публики. И в Томске и в других уголках Сибири хорошо известны его блестящие публичные лекции, в которых перед слушателями в красочном изложении В. В –ча одна за другой проходили величавые картины горных стран Азиатской России. Эти лекции были понятны и интересны для всех. Здесь впервые отчетливо формулировались для широкой публики идеи краеведения.

Печатью талантливости отмечена не только преподавательская деятельность В. В ча, но и научная. Первые научные работы его посвя-

щены темам из области физиологии растений. За период времени между 1884 и 1896 годами в печати появились две крупных его работы: «Образование углеводов в листьях и передвижение их по растению» и «Белки и углеводы в зеленых листьях, как продукт ассимиляции», работы, давшие В. В—чу известность ученого и степень доктора ботаники. Напряженная работа в течение этих двенадцати лет нисколько не ослабила энергии В. В—ча. Произошло как будто бы обратное. Оставив проторенную уже им дорогу для работы в сфере физиологии растений, он находит силы резко переменить направление своей научной деятельности и со всей мощью своей энергии отдается обще-географическому и ботаническому изучению горных стран Азиатской России и смежных с ней владений, Монгольского и Русского Алтая и Семиречья, уделяя вместе с тем некоторую долю времени и поездкам в другие районы, лежащие как в пределах, так и вне пределов России.

За период времени от 1895 г. до 1923 года включительно, В. В—ч сделал более двадцати экспедиций. Какой колоссальный труд был положен им на это, хорошо может понять только тот, кто хотя бы один раз предпринял поездку в глухие горные районы наших азиатских владений. К этому нужно добавить, что большинство маршрутов В. В—ча было направлено не просто в горы, а к верхней черте растительности, к ледниковому поясу высочайших районов Тянь-Шаня и Монгольского и Русского Алтая, мало доступных и к тому же мало изученных в то время. Результаты работ, произведенных В. В—чем, за эти путешествия учтены пока что далеко не полностью. Многое осталось еще не опубликованным и хранится в виде рукописей; значительная часть богатейших ботанических коллекций еще ждет обработки, которая потребует много времени и труда от специалистов, так как помимо огромности коллекций, несомненно, им придется здесь иметь дело с немалым числом еще неописанных форм растений. Но и того, что было учтено уже при жизни В. В—ча, слишком достаточно, чтобы можно было хорошо понять ту громкую, мировую известность, которую он стяжал себе, в особенности, как талантливый, неутомимый и отважный исследователь ледникового пояса многих высочайших горных районов Азии. Капитальные труды В. В—ча: «Катунь и ее истоки», «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо», «Растительность Зайсанского уезда», «Очерки Семиречья», известные не только специалистам, но и широким кругам образованных людей, ярко отражают в себе и крупные достижения, сделанные В. В—чем, и все те трудности, которые пришлось преодолеть ему на этом пути.

В этих немногих строках, посвященных памяти В. В—ча Сапожникова, я вовсе не пытался дать сколько-нибудь исчерпывающую характеристику личности и деятельности этого ученого и общественного деятеля-краеведа. Такая полная характеристика, конечно, не замедлит появиться в печати. Мне хотелось просто лишь присоединить свой голос к голосу тех, кто за это время в печати или в беседах, в той или иной мере, выявили свои мысли и чувства, вызванные потерей В. В—ча.

Новая программа по музыкальной этнографии.

В области нашей музыкальной этнографии сравнительно давно привлекла внимание исследователей народная песня. К ней был проявлен большой интерес, и в изучениях ее сделаны значительные достижения. Совсем недавно этим изучениям подведен итог *А. В. Финагиным* в его работе „Русская народная песня“, 1923, изд. Academia (обстоятельная рецензия дана К. В. Квиткой в журнале „Музика“ 1924, 1—3, стр. 44—49).

Но уже этот итог показывает, что не все вопросы, касающиеся народной песни и пения, в достаточной мере не только не изучены, но далеко не полно освещены собранными материалами. Достаточно указать на то, что в этнографической литературе очень мало данных для суждения об условиях бытования песни и пения в недалеком прошлом и текущем настоящем, о народных певцах, образе их жизни, певческой школе, репертуаре и т. д. и т. д.

Если принять во внимание, что область музыкального искусства не сводится к пению и песне, что, кроме части вокальной, в эту область надо включить и часть музыкальную в узком понимании этого слова, то придется указать, что здесь сделано и того меньше. В этой части работа, можно сказать, едва только начата. Правда, для собирания материалов по разным вопросам музыкальной этнографии выработаны программы (Маслова, Воробьева), но, при многих их достоинствах, они далеко не во всем и далеко не всем могут оказаться полезными. Имеющиеся программы, прежде всего, не охватывают всех вопросов, которыми можно было бы исчерпать область народной музыки. В них лишь попутно и потому мало уделено внимания певцам и музыкантам, их быту, организации и пр. Главное внимание обращено на очень важные вопросы, касающиеся, напр.. способов записи мелодий (способы обозначения темпа, высоты, в которых исполняется песня, знаки в ключе, и т. д.). Изучение народной музыки без таких записей, конечно, невозможно. Такую

работу могут выполнить только лица музыкально образованные, на которых, в сущности, и рассчитаны названные программы. Но много ли таких лиц насчитывают этнографы в своих рядах? Большинство этнографов-собирателей, понимая свое бессилие в работе по записыванию мелодий, не используют программы и в той части, где может оказаться полезным и музыкально-неграмотный собиратель: по собиранию материалов для изучения условий бытования, умирания, для уяснения роли личности, участия коллектива, влияний... Эта часть не является доминирующей в программах, на нее там нет специальных указаний, и она затеривается среди других вопросов. А между тем она имеет тоже очень важное значение в музыкально-этнографических изучениях. Поэтому необходимо, всемерно помогая чем можно работе музыкально подготовленных этнографов - по имеющимся программам, внимание этнографов музыкально-неграмотных направить в сторону изучения мало затронутых и мало освещенных фактами тоже очень важных вопросов музыкальной этнографии, снабдив их особыми программами. Пути к использованию сил таких собирателей мало-по-малу открываются.

В минувшем году Украинская Академия Наук опубликовала работу *Климента Квитки*—„Професіональні народні співці й музиканти на Україні. Програма для досліду їх діяльности й побуту". 1924. Збірник Історично-Філологічного Відділу. № 13, вип. 2.

Книга открывается предисловием, занимающим 11 страниц, в котором кратко изложен взгляд на необходимость изучения „діяльности й побуту" народных артистов и указана главнейшая литература вопроса—русская и иностранная, как старая, так и новейшая (1923 и 1924 г. г.). На последущих 103 страницах изложен обстоятельный вопросник, с краткими пояснениями, разбивающийся на десять разделов. Первый раздел относится к разным формам „артистичной діяльності" кобзарей, лириков и старцев-певцов. В следующих разделах речь идет о торбанистах, скрипачах, цимбалистах, дударях, музыкантах иных, позднейших типов, наконец, о музыкантах „з чужини" (румыны, итальянцы, чехи, словаки, цыгане) и др.

Потребность в таком руководстве ясна до очевидности. Программа К. Квитки должна найти себе радушный прием у этнографов не только на Украине, но и за ее пределами. Русские этнографы с успехом ее используют для изучения жизни и музыкальной деятельности деревенских *скрипачей*, играющих на свадьбах, *гармонистов*, *балалаечников*, танцоров и *певцов-цыган*, приглашаемых на гуляния, для изучения (теперь и в

Сибири угасших) *хоров ямщиков*, музыкантов и певцов на городских базарах, деревенских *пастухов*, изумляющих слушателей игрой на дудке.

Труд Кл. Квитки имеет немаловажное значение и для этнографов, ведущих работу среди русского населения Сибири. Не говоря о том, что он—в несколько измененном, так сказать, приспособленном, виде—может оказаться весьма полезным при изучении вопросов музыкальной этнографии старожилого населения страны, следует иметь в виду, что и не подвергаясь какой-либо переработке, программа эта *может (и должна) быть использована сибирскими этнографами.*

Выселенцы с Украины, занявшие в средине прошлого столетия степные места в южной части Акмолинской области, до последних дней сохраняют многое из культурного наследства, принесенного с родины, в том числе и музыкальное творчество. Сколько известно, никто из этнографов еще не ставил себе задачей изучение судьбы „хохлацкой" народной музыки и пения у этой довольно значительной количественно группы населения, оторванной от родной почвы в продолжение трех четвертей столетия.

То же справедливо сказать об украинском населении Амура и Приморья.

Среди сел и деревень старожилого населения Средней Сибири немало оазисов, занятых 20—30 лет назад тоже выселенцами из Малороссии. В этих оазисах уклад народной жизни тоже претерпевает свою судьбу, вместе с ним—и музыкальное творчество.

О важности изучения судеб культурного наследства, занесенного ветвью славянского племени на новую территорию, в новые условия, конечно, нет необходимости говорить. Говорить можно только о спешности работ в этом направлении и о путях, облегчающих их.

К сожалению, работа К. Квитки издана литографским способом и при том не безукоризненно в отношении исправности. Впрочем, технические недочеты издания не могут помешать плодотворному использованию столь внимательно и умело выполненной и столь своевременно появляющейся программы, доступной не только музыкально образованным этнографам, но и деятелям в области этой науки музыкально неграмотным.

Георгий Виноградов.

Заметка об изучении народного ораторского искусства.

Ораторское искусство народов, для которых все еще не изжито бессодержательное определение „некультурные", давно нашло себе достойную оценку. Вот авторитетное свидетельство, касающееся одного туземного племени Северной Америки. „Все европейцы, имевшие возможность познакомиться с внешними сношениями и внутренней жизнью ирокезов, отдают должную дань проницательности, мудрости, благородству, политическому такту и *ораторскому искусству* представителей лиги ирокезов. Докладчикам союзного совета нужно было обладать особым даром слова и дипломатическим тактом, чтобы привести к одному знаменателю различные мнения пятидесяти советников. При заключении договоров с Соединенными Штатами или с Канадским правительством ирокезские делегаты поражали американских чиновников своим красноречием" (Иохельсон).

Такая оценка не является неожиданною даже для людей, источники знакомства которых с областью народоведения не выходят за пределы романов Густава Эмара, Фенимора Купера и т. п., содержащих образцы красноречия описываемых ими племен, и популярной этнографической литературы (Короичевский, Берлин), дающей сведения о туземцах Америки, достигших высокого искусства в ведении споров и произнесении сильных речей.

Литература о туземцах Сибири тоже дает интересные сведения по затрагиваемому вопросу. Как прекрасный образец ораторского искусства, можно привести речь сахалинского айна, произнесенную во время религиозного торжества, на котором убивают медведя. „Ему (медведю), покидающему земных своих приятелей, предстояло услышать их прощальное слово",—пишет наблюдатель (Пилсудский). „Старик должен был произнести речь, стоя лицом к солнцу. Вся толпа стала полукругом; ближе к оратору подошло несколько человек средних лет, прислушивавшихся затем жадно ко всей речи... Интересно было любознательным людям услышать речь славившегося своим умом и пользовавшегося большим весом старика из Тарайки, редкого здесь гостя".

Немного приседая и подымая и опуская „іпау“ * при каждых двух-трех словах, старец говорил обычным для молитв и важных бесед прерывистым речитативом. Дрожащий, но отчетливый голос разносился среди сомкнутой кучки людей, застывших в гробовом молчании. Речь же (в переводе) была такова: „Мой прекрасный внук, мы тебя хорошенько выкормили. Больше двух лет мы жили с тобою вместе. В этот новый день, сделав твои мысли легкими, женщины и мужчины провожают тебя с сожалением. Мы для тебя приготовили „іпау“, для твоего удовольствия развесили сабли, поставили вилообразный столб; длинный кончик вил стоит ближе к солнцу, а короткий немного ниже. Твоего „сінта“ ** верхушки касаются лучей солнечных. Усевшись внутри, возьмешь с собою лучи, идущие от свежих „іпау“ и от повешенных драгоценностей. Привязав себя к „сінта“, ты вспорхни вверх. Мужскою тучкою поднимись к облакам. А в это самое время из-за высоких гор светлый туман спустится вниз и будет выглядывать навстречу тебе. А над горами барашковое облачко будет подниматься все выше. Всматриваясь в это зрелище и скользя на своем „сінта“, ты спустишься на склон горы, поросший лиственным лесом, и пойдешь по дороге, указанной нами. Будет у тебя на спине, ближе к шее, ноша с „іпау“, а ближе к хвосту—ноша сабель. Нагнувшись от тяжести, медленно пойдешь ты, пошатывая всем туловищем. В это время птицы-дяди (т.-е. вороны), которым ты несешь угощение, со всех сторон тебя окружив, будут кричать. Так ты пойдешь, а по дороге увидишь след животного: большого следа ямки парные и меньшего следа тоже. Придерживаясь их, ты пойдешь дальше по этой дороге, ведущей к восходящему солнцу. Эта новая дорога сделана только-что перед твоим приходом твоей матерью. Дорога же, что ведет к заходящему солнцу, которою идут умершие,—опасная дорога. Идя по первой, ты дойдешь до своего дома. Придя к нему, прежде чем туда зайдешь, ты запрыгаешь от радости. Ласково встретит тебя твоя мать-старуха. Потом ты вспомнишь то место, где ты рос, где люди-деды издавна живут и тебя кормили. И в то же село, на другой год, взамен себя, ты пошлешь похожего на тебя. Этого только мы выжидать будем“.

Сказав это, старик спокойно прошел в сторону. Слово было сказано, по мнению всех, прекрасно...

---

* „Заструженные палочки, служащие украшениями и жертвоприношениями“ (Пилсудский).

** „Предмет, на котором в героических сказаниях богатыри чудодейственной силой переносятся за сотни верст“ (он же).

Чтобы понять все значение, всю силу и красоту этой прощальной речи, надо ближе знать все условия, при которых она сказана,— с внешней обстановкой и внутренними переживаниями людей, совершающих торжественный акт (интересующихся хочется отослать к статье Пилсудского. *Живая Старина*, 1914, I—II). О приемах и стиле торжественной речи можно судить по приведенному отрывку.

Гораздо меньше знаем мы о красноречии русского народа, все еще скрытом в одном из „темных участков русской этнографии", о которых говорил В. И. Ламанский. Об этой способности русского народа говорят многие наблюдатели, но говорят попутно, не уделяя ей особого внимания.

У населения, в подавляющей массе неграмотного, были и остаются своя гражданская жизнь и свой общественный быт. Отсутствие „книжного" образования не послужило препятствием к их зарождению и развитию, а только придало им некоторые особенности, положив в основу взаимообщения *устное слово*. В области словесного творчества—устная „светская" песня, устная похоронная песнь-вопль; во взаимном общении—из уст в уста получаемые формы приветствий, неписаные юридические нормы,—словом, во всех сношениях—живое слово. Нет ничего неожиданного в том, что это единственное орудие передачи мыслей и чувств должно было получить и получило большое развитие. При исключительном пользовании устным словом должны были выделиться исключительные по своей силе ораторские дарования. При надлежаще поставленных изучениях должны выявиться и привлечь внимание исследователей эти дарования—привлечь на тех же основаниях, на каких заняли в научных изучениях определенное место сказочники, певцы, исполнители былин.

Работы, посвященной народному красноречию, как ораторскому искусству, в нашей литературе, кажется, не имеется. Для изучения этого ответвления словесного искусства еще не предложено ни методики наблюдений, ни методов разработки, ни программ для собирания материалов.

Беря на себя смелость дать в этой заметке небольшой набросок программы по собиранию необходимых материалов и сознавая все недочеты своей попытки, я задаюсь целью, во-первых, облегчить собирание интересующих меня материалов и, во-вторых, в меру возможностей способствовать появлению в нашей литературе программы, составленной лицом, более меня компетентным в данном вопросе.

Георгий Виноградов.

Произведения ораторского искусства, как сказано в Галичевой „Теории красноречия", „назначаются для изустного предложения, или для провозглашения,—на тот конец, чтобы или 1) научить и убедить, или 2) тронуть и потрясти, или же 3) соединением обоих сих целей произвести тем сильнейшее впечатление".

Говоря о народном красноословии, следует различать речи *торжественные* (речи-стихи дружки на свадьбе; пожелания на крестинах, на свадьбе; речи-напутствия, речи-уговоры); речи *дипломатические* (напр. речи свах); речи *пародические*, или шуточные (перед выпивкой на гулянках и проч.); особенно деловые речи: *судебные*, *политические*; нужно иметь в виду и ***духовное красноречие***.

Изучение народного красноословия, или ораторского искусства, должно вестись в двух направлениях: 1) уяснение и оценка того, что мы имеем в этнографической литературе по затронутой теме, и 2) систематическое собирание новых материалов.

Небольшие материалы по затронутой теме содержатся в этнографических работах, посвященных описанию крестьянских сходов (Чарушин и др.), волостных судов (Чарушин, Чудновский и др.), в некоторых работах о так наз. сектантах и раскольниках (более других известны Пругавин, Бонч-Бруевич), встречаются замечания у писателей-юристов (Кони).

Сочинения указанных (в качестве примеров) авторов составляют весьма незначительную часть того, что подлежит исследованию с точки зрения изучающего народное ораторское искусство. Теперь трудно сказать, что может дать в результате такая работа; одно несомненно: работа не будет бесплодной. Правда, в большой части сочинений, которые следует использовать в наших целях, приводятся речи не целиком, а лишь в отрывках (ср. статьи Пругавина, Чудновского). Но если использовать только эти отрывки, и то можно иметь суждение о темах, складе речей и проч... Пренебрегать отрывками речей не следует уж по одному тому, что многие из них записаны в невозвратимом прошлом, для которого более безупречных источников уже не найти. Специалисты в области изучения античного ораторского искусства дорожат и речами, дошедшими только в отрывках.

Внимательное изучение имеющихся памятников устного творчества (в особенности былин, сказок, афористических произведений) дает интересный материал, освещающий народные взгляды на красноословие, на его силу, на его значение и т. д.

Новый материал может быть получен, прежде всего, из старых источников. Архивы волостных судов, судного стола

духовных консисторий и т. д. и т. д. должны дать—судя хотя бы по работам Чудновского, написанным на основании архивных данных,—богатые материалы. Можно полагать, что в записях показаний обвиняемых, свидетелей и пр., хранящихся в судебных делах, речи не всегда записаны дословно и не целиком приводятся; но все же (пусть далеко не во всех случаях) и такой материал дает возможность судить отчасти о построении речи, о приводимых доводах, об использовании тех или иных приемов и т. д.

В до-революционное время волостные суды разбирали некоторые преступления и проступки в крестьянской среде, руководствуясь не писаными законами, а народными обычаями и понятиями; эти суды давали возможность слышать образцы судебного красноречия, когда выступали и судьи, и обвиняемый, и обвинители, и свидетели из крестьян. Выдвигали ораторов, достойных внимания изучающих народное красноречие, земские собрания; то же можно сказать о „сектантских" и „старообрядческих" съездах и молитвенных собраниях.

С наступлением революции возможности изучать народное ораторское искусство не оскудели. Многочисленные собрания, созываемые по разным поводам, участие в них то—в качестве слушателей, то в роли ораторов—заметно обогатило темы речей, лексикон ораторов, упрочило приемы; красноречие приспособилось к развивавшимся с каждым месяцем потребностям и указаниям практики.

Собиратель материалов по народному ораторскому искусству найдет для себя богатую жатву на собраниях, связанных с выборами должностных лиц, где даются оценки кандидатов и пр.; на митингах, где иногда можно записать политические речи мужиков-ораторов; на судах; на приходских собраниях христиан, где нередко представляется возможность слышать мужицкие образцы духовного красноречия, речи по тем или иным случаям и обстоятельствам жизни церковной общины; на молитвенных собраниях так наз. сектантов. Посещение собраний, устраиваемых в целях антирелигиозной пропаганды, как и посещение религиозных диспутов, надо считать особенно желательным, так как сюда сходятся люди разных взглядов, разных возрастов, разного опыта, разных культур.

Недавнее прошлое, можно опасаться, осталось не использованным для записи любопытных *дипломатических речей*, какие можно было слышать в разгар гражданской войны, когда партизанские отряды воюющих сторон должны были вступать по тем или иным поводам в переговоры.

Вот, в общих чертах, те возможности, какие следует использовать для собирания материалов по изучению народного ораторского искусства широкого общественного значения.

Есть другая область, область, так сказать, семейно-общественных отношений, дающая тоже богатый материал для изучения народного красноречия, и уже привлекшая внимание этнографов. На свадьбах—торжественные речи-пожелания, дружкины речи-стихи; в тех и других немало вариаций, где много простора для проявления индивидуального творчества, но канва и известная доля материала уже даны. Перед свадьбой—сватанье; там при счастливых обстоятельствах можно услышать *дипломатические речи* сватов. На крестинах—различные пожелания; на праздничных гуляньках—речи-шутки (напр.. перед тем, как выпить рюмку водки); при различных обстоятельствах—речи-приветствия и речи-напутствия (перед отправкой в дальнюю дорогу, напр.; сюда же можно отнести устные завещания перед смертью); при необходимости „счунять" (усовещевать)—речи-уговоры (напр., старец утешает родственников умершего).

Речи этой категории, хотя „по самому назначению не требуют всей обширности ораторских речей", как говорится в одной старой реторике, но заслуживают большого внимания.

Всякое изучение предполагает отсутствие у наблюдателя какой-либо тенденции. Он должен строго следовать указанию Демосфена—„отдалить от себя всякое предубеждение и с равной благосклонностью слушать обе стороны"... Наблюдатель, в качестве искателя *документов* для изучения ораторского искусства, не распространяет своих оценок на слушаемые речи; он берет на себя единственную роль—роль стенографа и объективного наблюдателя, которого интересуют цель высказывания оратора, средства его, построение, украшения речи.

Невозможно правильно подойти к изучению записей, если они не будут сопровождаться обстоятельными указаниями, касающимися *поводов и обстоятельств*, по которым произнесена та или иная речь; необходимо также описывать *обстановку*, в которой она была сказана.

Запись речи должна быть дословной. Только располагая точными записями, можно иметь обоснованные суждения о народном красноречии и о народных ораторах. В случае невозможности записать *всю речь* дословно, необходимо отмечать, какая именно часть записана точно, буквально и какая — в передаче. Желательно иметь несколько речей каждого оратора, чтобы определеннее мог вырисоваться его внутренний облик.

Крайне полезно при ближайшей возможности установить, какой репутацией он пользуется у населения, выяснить, в какой мере суждения или утверждения оратора опираются на действительные факты и пр. Такие сведения необходимы, чтобы судить, имеем-ли мы дело с оратором из числа тех, для которых не существует „ограды конкретного случая", или перед нами оратор, „крепко привязанный к фактической почве" разбираемых вопросов.

В хороших записях, как на фотографическом снимке, виден и оратор с даром насмешника, и оратор, в речах которого нет места юмору или иронии, а во всем сквозит или светлая простота или сказывается сильный темперамент: слышится гнев, негодование или страстный призыв; у одного оратора наблюдаются только фейерверки остроумия, у другого—целые потоки его; один оратор говорит деловито, но сухо, другой—берет краски из поэтических образов народной словесности, обнаруживая художественное чутье и неплохое знание психологии массы, к которой обращена его речь.

Чтобы уловить все характерные свойства, особенности оратора, не следует упускать его из поля зрения по возможности ни на минуту, пока длится наблюдение. Нужно обратить внимание на то, как оратор держится перед выступлением (сидит задумавшись; курит...); как заявляет о своем желании сказать; просит ли слово или врывается; сидя говорит или стоя; где говорит: выходя из толпы или с места; к кому обращается с речью.

Наблюдатель поступит вполне целесообразно, сделав портрет-характеристику оратора; затем следует приложить усилия к тому, чтобы добыть хотя-бы краткие биографические данные о нем. Без них нет путей к объяснению многих особенностей записываемых речей. Многие замечания опытных наблюдателей о свидетелях, выступающих на судах, с вполне достаточными основаниями можно отнести вообще к ораторам из народа. „На медлительное созерцание северянина наибольшее впечатление произведет смысл действия обвиняемого, которое и будет охарактеризовано кратко и точно; живая натура южанина скажется в образном описании действия. Точно также влияют на показание и бытовые особенности, род жизни и занятий. Каждый, кто имел дело со свидетелями в Великороссии и Малороссии, несомненно, подметил разницу в форме, свободе и живости показаний свидетелей, принадлежащих к этим двум ветвям русского племени. Показания великоросса обыкновенно носят описательный характер,—в медлительно и

неохотно данном показании малоросса зато гораздо чаще встречаются тонкие и остроумные определения. Рассказ простой великорусской женщины, „бабы“, обыкновенно безцветнее мужского; рассказ хохлушки, „жинки“, всегда ярче, полнее и решительнее рассказа мужчины. Нужно ли говорить, что горожанин и пахарь, фабричный работник и кустарь, повар и пастух, будучи свидетелями одного и того же события, в своих воспоминаниях непременно остановятся на том, что имело какое либо отношение к их занятиям и роду жизни, а для других прошло, совершенно не возбудив внимания. Простой человек, хлебнувший городской культуры, старается выражаться витиевато и употребляет слова в странных и неожиданных сочетаниях, но свидетель из простонародья говорит обыкновенно образным и сильным в своей оригинальности и сжатости языком“ (Кони).

Очень важно описать внешность оратора, обратить внимание на его одежду и пр. Без таких подробностей трудно поддаются объяснению многие факты, связанные с изучением интересующего нас вопроса. Напр., сведения о наличии жестов или их полном отсутствии мало исследователю скажут, если наблюдатель не сообщит некоторых данных об одежде оратора в момент произнесения речи: жесты могли отсутствовать *только потому*, например, что оратор был в тяжелой, неудобной одежде́ и т. п.

Наблюдатель сделает большое упущение, если пренебрежет описанием жестов оратора. Описывая их, надо указывать, с каким моментом речи они связаны, чтобы была возможность судить в каждом отдельном случае, прибегает ли оратор к уподобляющему или иллюстрирующему жесту, не находя сразу нужного слова, или жест его является только сопутствующим, используемым в целях увеличения силы или наглядности словесного выражения чувства и т. д. и т. д.

Следует делать указания на манеру говорить (тихо, отчетливо, громко, медленно и пр.). Обратить внимание на интонацию произносимой речи, т. е. в соответствующие моменты речи отметить усиление и ослабление голоса, повышение и понижение, ускорение и замедление темпа.

Многие особенности речей зависят, между прочим, от *возраста* ораторов: речи стариков и пожилых людей в некоторых отношениях отличны от речей молодежи. Поэтому наблюдатель должен обратить внимание и на возраст. Следует, далее, указывать, часто ли выступает данный оратор и где преимущественно он говорит (на религиозных диспутах, на приходских собраниях и т. д.); знают-ли его присутствующие.

Наиболее интересные для наблюдателя ораторы—или совершенно неграмотные или т. наз. малограмотные даровитые люди. При записях необходимо отмечать относительно малограмотных: где и когда учился, умеет-ли читать и писать или только читать; что читает.

Обыкновенно в речах ораторов из народа не чувствуется подготовки к выступлению. Чувствуется, что фонд обиходных знаний и все, происходящее на собрании, дает ему живой материал, влияет на его впечатлительность и заставляет творить слово „на разу“. При его построении оратор производит эстетическую оценку и старательный отбор в пределах доступных и возможных выражений мысли. Но при желании сразу схватить и передать набежавшие и скопившиеся мысли часто получается не во всех частях стройная речь. В ней заметно вольное или невольное пренебрежение к отделке отдельных частей, наблюдается не один раз возвращение к определенному моменту в произносимом слове,—к тому, что оратором рассматривается как самое ценное, самое важное.

Но в отдельных случаях можно говорить и о подготовке к речам. Кому необходимо говорить на суде, в качестве ли обвиняющего или в качестве оправдывающегося,—сколько раз он обдумает и факты, и доводы, и форму: как складнее, убедительнее изложить их, какими средствами растрогать судей и т. д. Сваха иная, особенно малоопытная, перед тем, как идти к кому нибудь в дом „с добрым делом—со сватаньем“,—„падрипичитца“, „придумыват“, сходит к кому-нибудь опытному посоветоваться, „как и чо гавареть“... Было-бы в высшей степени желательно, чтобы наблюдатель обеспечил себе возможность побеседовать с оратором, с его домочадцами, разузнать, готовится-ли он к публичным выступлениям, в чем состоит подготовка и пр.

При изучении словесного искусства вообще и ответвления его, о котором идет речь, недостаточно обращать внимание на хранителей и исполнителей словесных произведений; жизнь этих произведений, условия бытования, их действенное значение для общества,—все это может быть понято в том случае, когда наблюдатель расскажет не только об исполнителях, но и об условиях, в которых происходит исполнение, и об *аудитории*, к которой обращено словесное произведение при его исполнении.

Поэтому наблюдатель не упустит из виду, как ведет себя собрание, как оно реагирует на выступление оратора, в какие моменты речи и как выражает одобрение или неодобрение, делает замечания, подает реплики и т. д. и т. д.; как на это реагирует, в свою очередь, оратор.

Необходимо собрать возможно больше фактов, способных осветить вопрос об отношении наблюдаемой группы населения к человеку, обладающему даром слова; при этом надо разузнать, как называют в народе мастеров слова, в каких формах и выражениях характеризуют их, как ораторов („наречистый", „говоркой" для одних; для других—„звонарь", „заливала" и пр.), как, в каких выражениях оценивают выступления их и манеру говорить; как называют произносимые речи (разных категорий: на религиозном диспуте, на выборах, на суде и пр.) сам оратор и его аудитория; какими выражениями пользуются для обозначения выступления с речью („высказывать речь" и др.). Нужно записать *дословные* показания стариков, пожилых людей и молодежи относительно того, что заставляет народ стекаться на суды, на антирелигиозные диспуты, собрания верующих и т. д.

Полезно собрать среди населения воспоминания о прежних ораторах-мужиках, уже „отошедших".

Записывание речей с соблюдением кратко изложенных здесь требований не является делом очень простым. Для удачного выполнения такой работы нужны, кроме интереса к ней, навыки, приобретаемые постепенно в процессе работы. Труд значительно облегчается, когда он ведется вдвоем или втроем.

Наблюдения народной жизни и записи их должны непрерывно освещаться сознанием, что за всякое неверное сообщение этнограф-собиратель отвечает своим добрым именем.

Собранный материал имеет определенную ценность лишь в том случае, когда к нему открыт доступ для изучающих. Доступными их можно сделать, если не путем опубликования, то путем отправки в какое-либо научное учреждение. Для Восточной Сибири таким учреждением является Восточно-Сибирский Отдел Русского Географического Общества в Иркутске.

Пав. Хороших.

Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири.

Вопрос о детском рисунке туземных племен Сибири в этнографической литературе затронут очень мало. Нам не приходилось встречать в литературе специальных статей по данному вопросу; об этом виде детского творчества возможно отметить лишь несколько кратких упоминаний [1]. Однако уже наметился интерес к детской этнографии [2] туземных народностей Сибири, и за последнее время опубликован ряд работ и программ по изучению разных сторон детского быта [3].

Значительно более освещен в этнографической литературе вопрос о рисунке взрослых. В этой области мы имеем ряд специальных работ Иохельсона [5], Богороза [6], Шадгородского [7] и др. Но исследования рисунка взрослых более коснулись северных туземных племен. Что же касается изучения туземных племен южной полосы Сибири, то хотя способность к рисованию у них и отмечена некоторыми исследователями, но специальным изучением еще никто не занимался [8].

В виду этого мы считаем не лишним поделиться своим опытом в области изучения детского рисунка у бурят Ольхонского края, Иркутской губ., и вместе с тем предложить попытку составления программы изучения детского рисунка.

Этнологические исследования среди ольхонских бурят производились мною в 1921, 1922 и 1923 г.г. по поручению Иркутского Научного Музея и Восточно-Сибирского Отдела Географического О-ва. [9]

Остров Ольхон находится на севере озера Байкала и является до сего времени одним из мест, мало тронутых современной культурой и сохранившим многие образцы глубокой бурятской старины и древние религиозные воззрения. Поверхность острова преимущественно гориста и бедна растительностью. Население острова состоит из 9 бурятских родов, живущих улусами и имеющих летники и зимники. Занятия бурят —скотоводство, рыболовство, нерпичий промысел, охота; зем-

леделие находится в зачаточном состоянии. Преобладающей религией является шаманизм, а за последнее время среди бурят стал распространяться ламаизм. Сравнительно недавно на острове построен дацан. Соседями бурят являются: на юге—русские крестьяне, на севере—кочевые тунгусы. Несколько поселков русских расположено среди улусов бурят.

Интерес к изучению детского рисунка бурят возник у меня совершенно случайно.

Во время поездки для археологических изысканий мною было устроено несколько школьных экскурсий на места раскопок доисторических стоянок. В этих экскурсиях принимали участи исключительно ученики местных бурятских школ. Производя съемку и зарисовку различных памятников древностей, часто приходилось отмечать необыкновенный интерес бурятских детей к черчению и рисованию.

Обыкновенно дети становились вокруг планшетной доски, следили за составлением плана и зарисовкой и выспрашивали все подробности. Такой глубокий интерес к рисованию привел меня к мысли заняться изучением художественного творчества бурятских детей. Вскоре было организовано несколько групп, в возрасте от 7 до 15 лет, из мальчиков и девочек. В занятиях приняли участие дети бедных и обеспеченных родителей, в числе их один мальчик из семейства шамана.

Все дети никогда не занимались рисованием, и наши занятия были первыми уроками художественного творчества. После предварительной беседы о рисовании вообще ученикам была роздана бумага и карандаши и предложено было что-либо нарисовать. На первое время ученикам была предоставлена полная свобода в выборе сюжетов. Это делалось с целью вызвать в них максимум самодеятельности, наблюдательности, а также и с целью определить, на чем сосредотачивается интерес детей.

Принимались все меры ограждения детей от какого-либо вмешательства, подражания книжным рисункам, открыткам и т. д. Большее количество рисунков было сделано в присутствии автора, так как пришлось совершенно случайно установить вмешательство и исправления в рисунке родителями детей в тех случаях, когда дети рисовали дома.

Когда дети несколько освоились с приемами рисования, и уже ясно выяснился круг их интересов, мы перешли к рисованию на заданную тему, в форме простого рисунка предметов домашнего обихода: посуды, трубок, столов и т. д., предоставляя детям полную свободу в выборе того или иного предмета.

Так постепенно в занятиях мы перешли к рисованию с натуры, сначала простых предметов, а затем и объектов более сложных. Делались рисунки с натуры и во время наших полевых экскурсий на доисторические стоянки. Наконец, детям были розданы цветные карандаши, которые особенно привлекли внимание детей.

В целях уяснения степени развития детей в рисовании иногда им предлагалось повторить рисунки на те темы, которые уже выполнялись ранее. Наблюдения показали, что повторные рисунки стали осложняться изображением предметов, не относящихся непосредственно к заданной теме. Напр., дана была тема „лошадь на утуге", а нарисовано было „лошадь и жеребенок на утуге" (см. таб. 3, рис. 1), или тема „лес",—нарисовано „лес рубят" и т. д. По окончании занятий все рисунки раскладывались по сюжетам, и в присутствии самих исполнителей велись собеседования, но не с целью критики рисунков, а с целью показать, как можно и в таких простых рисунках передавать свои мысли, изображать сцены из бурятской жизни и т. п.

Такой коллективный просмотр был одним из любимых моментов в занятиях детей, и часто приходилось отмечать оживленный обмен мнений по тому или иному рисунку среди самих юных „художников".

Часто во время таких собеседований приходили и родители детей и также принимали участие в обмене мнений. Нужно отметить хорошее отношение родителей к занятиям детей рисованием; были, и неоднократно, случаи, когда пожилые буряты приходили сами со своими внучатами и сыновьями и просили „поучить" их детей „порисовать".

Таким путем в течении трех поездок удалось собрать большое количество бурятских рисунков, различных по сюжету и исполнению.

Собранные рисунки можно разбить на несколько групп.

1. *Домашние животные.* Из этого вида рисунков количественно преобладают рисунки лошадей, быков, коров, овец, коз и баранов. Лошади (м о р и н) изображены в самых разнообразных видах и позах: стадом (а д у г у), гуляющими в одиночку в поле, стреноженными, в запряжке (см. таб. 1 рис. 1.), со всадниками (м о р т о і х у н) или просто привязанными к столбу. Несколько рисунков изображают бегунцов (х у р д а н м ори), иноходцев и др. Быки (у к ы р) изображены также стадом, в одиночку, в упряжи (см. таб. 1, рис. 2.), со всадниками верхом, в момент их ловли и т. д. Коровы (унэн)—в большинстве изображены в одиночку, или в момент доения. Бараны (х у с а),

овцы (х о н и н), козы и собаки (н о х о і), менее привлекали внимание детей.

Вообще же животные изображены в самых разнообразных позах, при чем детьми ясно передавались все характерные признаки и привычки, свойственные тому или иному виду животных. Хорошо соблюдена и пропорция частей тела животных. Объяснение такой верной передачи особенностей и привычек домашнихживотных нужно видеть в том, что скотоводство является основой хозяйства бурят, и со скотом у бурят связана вся жизнь, все их интересы. Образ жизни бурят заставляет часто сталкиваться их с теми или иными особенностями жизни животных. Эта постоянная связь бурята со своим скотом ясно выявляется и в их фольклоре, играх, игрушках, она отражается и в их культе и, наконец, как мы видим, отразилась и в детских рисунках.

2. *Дикие животные.* Из зверей в рисунках детей мы видим белку, медведя (х а р а г у р о г х э н) и волка. С волком (ш о н ӧ) бурятским детям приходится часто сталкиваться, и потому это животное в рисунках детей передано очень верно. Детьми хорошо усвоены все привычки и характерные признаки этого животного (хвост, лапы, уши и т. д.; см. таб. № 1, рис. 3.). Из птиц внимание детей привлекли только чайки, которые в большом количестве водятся на острове Ольхоне. Некоторых из птиц, напр. лебедя (с а г а н - ш у б у н), орла (и х э - ш у б у н), ласточку (х а р а с а г а j) дети не рисуют по мотивам религиозного характера (они считаются священными птицами).

Орел, по воззрениям бурят, был первым шаманом на земле. Он же считается „сыном“ хозяина (еж̄ін̄а) острова Ольхона, Хан-утэ-бабая, в честь которого буряты приносят кровавые жертвы. Ласточка почитается потому, что она, по воззрениям бурят, принесла на землю огонь. Лебедь также почитается бурятами, и они, увидя лебедя, всегда брызгают ему чаем или молочными продуктами. Не рисуют дети также и „посвященных“ животных[10].

Интересно отметить, что в рисунках, изображающих животных, голова животных обыкновенно обращена влево. Это явление, насколько нам известно, свойственно вообще всем детским рисункам. Объяснение такому преобладанию некоторые исследователи (Джемс, Сюлли и др.) видят в том, что при рисовании слева направо рисовальщик лучше может следить за движением острея карандаша и за изображаемыми линиями, а так как дети, как и вообще не художники, начинают рисовать человека и животных с головы, то изображения с лицом, на-

правленным влево, преобладают. Однако, мы должны сказать, что в массовых сценах иногда не замечается такого преобладания.

3. *Человек.* Изображение человека заметно в большинстве рисунков и при том человек изображен в самых разнообразных позах и в различные моменты. Часто человек изображен в сообществе с различными животными (преимущественно с домашними). Современная мода и военная форма также нашли отражение в детском рисунке, но во многих рисунках переданы с большой ясностью и точностью особенности традиционной бурятской одежды (см. таб. 2, рис. 2 и таб. 3. рис. 4).

4. *Постройки.* Из построек внимание детей привлекли, как национальные бурятские жилища—юрты, так и русские дома. Рисунки юрты (см. таб. 3, рис. 3.) делаются учениками с большим вниманием, и обыкновенно рядом с юртами всегда изображаются или человек или какие-либо животные (собака, привязанная лошадь, быки и т. д.), над крышей юрты изображается дым, а выше—солнце и луна. Часто перед юртой изображаются моменты варки тарасуна—напитка, приготовляемого из молока (см. таб. 3. рис. 4). В изображении русских домов чувствуется некоторая доля фантазии и стремление покрыть стены дома, крышу, заборы и ворота разнообразным орнаментом и резьбой. Чувствуется стремление изобразить некоторые дома (в особенности крыши) по образцу ламайских дацанов, с завитками на концах крыш. Такие же завитки наблюдаются и на наличниках окон и на воротах.

Приведем один интересный случай. Одному мальчику 7 лет, не бывавшему в городе и не знакомому вообще с городскими постройками, была дана тема „трехэтажный дом". Мальчик так справился с заданием: нарисовал дом с завитками на концах крыши, на крыше—второй дом, несколько меньшего размера, и на крыше второго дома—еще один дом, также с завитками на концах крыши. С каждого этажа дома вниз опущены лестницы, не доходящие до земли, а между вторым и первым этажом изображены петухи.

Объяснение этого рисунка нашлось вскоре. Оказалось, что мальчику приходилось видеть ламаитский дацан; архитектура дацана, видимо, и побудила юного художника передать таким путем трехэтажный дом. Теми же причинами следует объяснить и наличие завитков на концах крыши. Петухи замечены мальчиком у русских.

5. *Промыслы.* Из рисунков, отражающих охоту и промыслы бурят, мы видим: охоту на медведя, охоту на белку, но нан-

большее внимание детей сосредоточено на изображении рыбной ловли. В то время, как рисунки, изображающие сцены охоты, дают известный простор фантазии,—рисунки второго вида (рыбная ловля) поражают своей наблюдательностью. Объяснение этому можно искать в том, что в охоте на диких зверей дети не принимают непосредственного участия, и такие рисунки (к тому же выполненные дома и по собственному желанию детей) сделаны на основании рассказов их родителей—охотников. Рыбная же ловля очень близка детям; поэтому в этих рисунках и отражены все мелочи и детали рыбной ловли: отправление рыболовов, забрасывание невода, вынимание его, отдельно стоящие рыбачьи лодки и т. д. Изображены самые продукты рыбной ловли—омуль, харнус, сиг, при чем на некоторых рисунках изображено даже движение рыбы в воде и у невода (см. табл. 2, рис. 6).

6. *Предметы домашнего обихода.* Из предметов домашнего обихода в рисунках детей преобладают: посуда, сундуки, шкатулки, аппараты для варки тарасуна, столы, стулья, трубки и т. д. Этот вид предметов дети охотнее изображают цветными карандашами.

7. *Средства передвижения.* Все главнейшие средства передвижения: двухколесные арбы, сани (см. таб. 3, рис. 2, таб. 2, рис. 5), волокуши, беговые санки (абахай шарга) и др., нашли ясное отображение в рисунках детей. Изображены и способы запряжки лошадей, быков (см. таб. 1, рис. 2). Большой интерес представляет рисунок „Начальство везет", исполненный мальчиком 7 лет (см. таб. № 1, рис. 1).

8. *Лес и растения.* Наблюдательность детей сказалась и в рисунках, изображающих лес. По рисунку сразу можно узнать, какую породу леса стремился передать художник. Хорошо передан лес порубленный, валежник, лес из смешанных пород и т. д. Рисовать цветы и травы дети избегали.

9. *Сложные сцены.* Не проходили мимо наблюдений детей и различные явления улусной жизни: бега, скачки (уруулдан), свадьба (хорим), пляска (ехор), игры (надан), борьба (барилдан), отдельные сцены молений различным духам, сцены общественного религиозного праздника (тайлага) и частного жертвоприношения „хырек". Такие рисунки по большей части исполнены учениками старшего возраста (10—15 лет), при чем „свадьба", „игры", „танцы" исполнены девочками, остальные—мальчиками. Этот вид рисунков оказался настолько интересным и ценным, что помог мне впоследствии обратить внимание на многие стороны бурятской жизни, которые только в силу тон-

кой наблюдательности детей стали очевидны и выявились наружу. Не прошли мимо наблюдений детей и явления природы: солнце (наран), луна (гхара), дождь идет (борошахіна), мелкий дождь идет, радуга (тенгэри сорго) и т. д.

В рисунках, изображающих луну, мы находим отображение общераспространенной легенды о похищении луной земной женщины. В круге изображена человеческая фигура с веткой в руке. Эта фигура, по воззрениям бурят, является „женой" луны.

Считаем необходимым отметить, наконец, склонность бурятских детей и к картографии.[11] Мною делались опыты с целью узнать, в какой степени дети разбираются в географии своей местности. Для этого давались детям темы: „Байкал", „Малое море", „остров Ольхон", „Ольхонские ворота" и др. Оказалось, что дети без особого труда изображали (в плане) озеро Байкал, отделяя его проливом (Ольхонские ворота) от Малого моря, наносили некоторые бухты, мысы, а также снабжали картины изображением плавающих рыбачьих лодок, в большинстве под парусами и т. д. Правда, очертания берегов озера Байкала и Малого моря не совсем соответствовали действительности, но факт зачаточного состояния картографии—на лицо. Рисунки моря детьми в большенстве случаев выполнялись цветными карандашами: синим цветом—море, зеленым и коричневым—берега.

Вопрос о картографических способностях туземного населения Сибири имеет большой интерес. *Б. Адлер* находит, что на картах различных первобытных народностей можно проследить те же стадии развития рисунка, какие мы наблюдаем в детских рисунках. Он говорит, что при внимательном рассмотрении карт часто замечается прежде всего на краях или у начала чертежа сеть беспорядочных, запутанных линий, не имеющих никакого отношения к карте; линии эти доказывают неумение рисовать вообще и нерешительность, с чего начать рисунок. В этих чертах отражается известная стадия детских каракулек. Затем рисовальщик уверенно проводит главную ориентирующую линию (обыкновенно реку, реже—горы), к которой уже приплетает и притоки, и наносит разные контуры. И в этом сказывается сходство приемов рисования детей. Перед нами проходит вторая стадия детского рисунка: наносится главная линия (срав. в рисунках детей—изображение человека: конечности, причлененные прямо к голове, голова, приставленная прямо к ногам и т п.), к которой уже причленяются беспорядочно другие части.[12]

Необходимо отметить и любовь бурятских детей к орнаментике.

Выше уже указывалось, что дети при рисовании русских домов разукрашивали фасады разнообразными узорами, в большинстве заимствованными с предметов домашнего обихода. Таким же орнаментом (в виде линий, пересекающихся ромбов, треугольников, кружков, завитков и т. д.) дети покрывают и прочие рисуемые ими предметы: трубки, столы, посуду, одежду и т. д.

Когда дети узнали о моих сборах рисунков [13], они почти каждый день стали приносить тот или иной предмет (чулки, унты, одежду, рукавички и пр.), на которых они замечали орнамент. Своим интересом к орнаментике дети в значительной степени облегчали поиски многих старинных вещей.

К сожалению, не представилось возможным изучить еще многие стороны детского художественного творчества, как-то: детскую скульптуру, детскую архитектуру, игрушки и т. д.

Придавая большое значение изучению детского художественного творчества туземных племен Сибири, мы ниже предлагаем опыт программы для собирания детских рисунков.

Программа эта составлена как на основании собственного материала, так и на основании обозрения коллекций, хранящихся в Русском Этнографическом Музее, в Музее Этнографии и Антропологии Академии Наук, Румянцевском Музее и в некоторых сибирских музеях, в том числе и Иркутском Научном Музее.

Программа не претендует на полноту поставленных вопросов, так как ближайшей ее целью является только постановка вопроса о необходимости и значении собирания и изучения детского рисунка туземных племен Сибири; вместе с тем следует наметить и главные вопросы, на которых было бы крайне необходимо остановить внимание наблюдателей.

Собирание и изучение образцов художественного творчества детей не должно идти случайно, но должно протекать планомерно. Лучше всего для занятий выбрать небольшую группу мальчиков и девочек различного возраста и различной материальной обеспеченности.

Во время занятий необходимо оберегать детей от вмешательства взрослых в их творчество, не допускать заимствования детьми форм, сюжетов и т. д. из каких-либо иллюстрированных изданий, проследить, в каких условиях проходит воспитание детей и в какой мере условия жизни детей мешают или благоприятствуют правильности занятий рисованием.

Если в процессе занятий с детьми будут продолжительные перерывы, то указать причины этого и выяснить, не связаны ли эти перерывы с летними, весенними и др. работами, когда дети помогают взрослым. Нужно использовать такие перерывы, раздав детям бумагу и карандаши и попросив их в часы досуга зарисовывать различные моменты работ.

Исследования детских рисунков показывают, что в процессе художественного творчества детей замечаются определенные периоды [1]. Первой ступенью развития художественного творчества детей является период чистого увлечения процессом рисования. В это время дети не представляют себе цели рисования, содержания рисунков и т. д. Затем наступает второй период, когда дети постепенно приобретают навык, изучают явления, приобретают координацию движений и в своих рисунках начинают усматривать тот или иной предмет, благодаря силе работы воображения. Но здесь не исключена и случайная комбинация линий. Далее наступает третья ступень, которая является *смешанной*, отчасти не сознательной, отчасти сознательной и, наконец, наступает период чисто сознательного рисунка. Однако такая постепенность развития рисунка не всегда является обязательной, бывают нарушения. Причины к этому самые разнообразные; к ним можно отнести: вмешательство, влияние среды, условия жизни детей, физико-географические условия, формы хозяйства, степень наличия графических способностей детей и т. д.

Поэтому особое внимание необходимо уделить тем случаям, когда рисование протекает в первой степени их знакомства с художественным творчеством, т. е. когда собиратель сталкивается с детьми, никогда еще не занимавшимися рисованием.

В таких случаях мы бы настоятельно рекомендовали собирателю вести дневник наблюдений, куда необходимо записывать весь процесс развития художественного творчества детей, условия их работы и т. д. Такие дневники могут оказать большую услугу исследованию и вместе с тем помогут поставить на правильный путь рисование в трудовой школе.

На первое время занятий с детьми лучше всего предоставить им полную свободу в рисовании, раздав им бумагу и предложив нарисовать, кому что захочется. Когда дети несколько освоятся с приемами рисования и употребления рисовального материала, можно перейти к занятиям на заданную тему, потом и к рисованию с натуры. Во всех случаях лучше всего начать рисование с несложных предметов. Здесь было бы интересно проследить возраст, когда замечается преобладание интереса к рисованию по представлению и с натуры.

Что касается выбора тем при рисовании с натуры и по памяти, то к этому вопросу необходимо подходить как можно осторожнее, так как непосильной темой можно сразу оттолкнуть детей. В начале необходимо выяснить интерес детей к той или иной теме, к тому или иному предмету, дав полную свободу начинающему в выборе тем, а также и рисовального материала (карандаш простой, карандаш цветной, краски, уголь и т. д).

Вообще роль руководителя или собирателя детских рисунков, на первых ступенях занятий с детьми, должна сводиться лишь к углублению самостоятельности и наблюдательности детей, их изобретательности, но отнюдь не вмешательства в их творческую деятельность. Если мы не будем соблюдать этого принципа, то мы не сможем проследить весь процесс детского художественного творчества; не следует также стремиться к ускорению правильных навыков в рисовании.

Интересно было бы проследить, к каким средствам иногда прибегают дети, будучи лишены возможности иметь необходимые рисовальные принадлежности—карандаши, бумагу и пр. Не применяются ли в подобных случаях детьми в качестве рисовального материала какие-либо вещества, приготовляемые ими самими (напр. известь, кирпич, древесный уголь и т. д.), а в качестве фона—камень, береста, кора, доски, песок и т. д.

Не отмечено ли, что в данной местности дети часто для рисования используют гладкие стены скал. Описать тогда способ зарисовки на таких скалах, проследить сюжеты рисунков. Не делается ли детьми предварительно чертеж посредством древесного угля, кирпича и т. д., и не наносится ли уже рисунок позже краской. Указать состав краски. Нет ли в таких местностях поблизости на скалах древних изображений (писаниц), и не заимствуют ли с этих писаниц дети сюжеты и формы рисунка, или же такие писаницы являются запретным местом для посещения детьми. Не почитаются ли такие древние писаницы местным населением и не считаются ли твореннем духов

При рисовании изображений животных и птиц необходимо проследить: наиболее излюбленные объекты рисования животных (домашних, диких и др.) и сопоставить это с занятием и формой хозяйства местного населения; отметить наиболее любимое положение и позу животного (бегущее, стоящее, сидячее, плавающее, летящее и т. д., в какую сторону в большинстве направлена голова животного, переданы ли и как отличительные признаки животного (хвост, голова, лапы, клюв, уши, цвет шерсти, оперение и т. д.), соблюдена ли пропорция частей тела; очень важно проследить, любят ли дети изображать животных

или птицу изолированно или группой: совместно с каким-либо другим животным или предметом (напр. лошадь с собакой, лошадь в упряжи, олень в упряжи, собака на привязи и т. д.); нет ли какого-либо излюбленного предмета или животного, который бы присутствовал на всех рисунках; важно проследить, дают ли дети качественное определение тому или иному животному (напр. лошадь красивая и т. д.); каких животных и птиц дети избегают рисовать и не связано ли это с почитанием данных животных местным населением: записать попутно легенды и предания о почитании животных и птиц.

Крайне интересно было бы проследить, при охоте на каких зверей и птиц дети принимают непосредственное участие; в чем выражается участие детей в охоте или промысле, любят ли это дети или избегают, и как отражается это явление в их рисунках.

При изображении деревьев и растений необходимо проследить, насколько дети охотно рисуют растения и деревья; какие цветы и растения наиболее привлекают внимание детей и не связано ли это с чисто местными условиями или же здесь играют роль трудности передачи форм и особенностей цветка и дерева; как детьми улавливаются отличительные признаки, свойственные той или иной породе дерева или виду растений (напр., лес хвойный, лес лиственный, горелый и т. д.); какие деревья и растения дети избегают рисовать вообще и не связано ли в данном случае это с почитанием этих деревьев и растений. Отметить, какие из видов лесного промысла наиболее развиты в данной местности, принимают ли в лесном промысле участие дети; в чем выражается их участие и не отражается ли это в их рисунках.

В рисунках, изображающих человека, необходимо проследить: привлекает-ли внимание детей рисование человеческих фигур; наиболее излюбленные позы человеческих фигур (мужчин и женщин); изображается-ли человек один или вместе с каким-нибудь животным, сопровождающим человека; какие животные чаще или реже изображаются вместе с человеком; отражаются ли в рисунках явления повседневной жизни туземного населения (уход за скотом, полевые работы, занятия, промыслы, празднества и т. д.); проследить в рисунках отражение современной культуры на быт туземного населения, новую моду и т. д.; соблюдается ли в рисунках пропорция частей тела человека; дается ли качественное определение изображенной человеческой фигуре (напр. красивая девушка, старая баба и т. д.). Наконец, любят ли дети украшать одежду на изображаемой человеческой фигуре и т. д. и т. д.

Затем следует остановиться на следующих вопросах: проявляют ли дети интерес к иллюстративному рисованию, и установить, насколько дети способны передать в своих рисунках отдельные сцены из туземного фольклора (сказки, легенды, предания).

Обратить внимание, в какой мере проявляются в рисунках детей элементы юмора, насмешки и т. д.

Следует также уделить внимание вопросу о детской орнаментике. Этот вид художественного творчества детей еще мало привлекал внимание исследователей, между тем склонность детей к орнаментике очевидна. При изучении этого вопроса крайне желательно проследить, обладают ли дети способностью орнаментивно украшать тот или иной рисунок или предмет вообще, с каким интересом они это делают и откуда дети почерпают орнаментивные формы (заимствуют ли они их из природы, или это продукт личного творчества). Соблюдается ли симметрия. Указать любимые цвета орнаментики, подбор цветов и т. д. Основные мотивы детской орнаментики. Не наблюдается, что ли художественные формы передаются от старших молодому поколению и что родители знакомят своих детей со старинными художественными формами, переходящими из рода в род. Строго ли соблюдается это детьми и допускаются ли ими какие уклонения, добавления, стилизация и т. д. Нет ли каких причин или влияний, побуждающих детей делать такие отступления от старинных художественных форм. Не заимствуют ли дети новые формы от своих соседей, от своих товарищей, побывавших в культурных центрах; нет ли заимствований из книжек, открыток и т. д. Проследить развитие орнаментики необходимо в отношении детей обоего пола и постараться отметить разницу во вкусах, развитии и т. д. Не приходилось ли наблюдать собирателю, что иногда рисование сопровождается пением, и нет ли таких детских игр, где применяется рисование. Описать эти игры и приложить образец такого рисунка или снять копию.

Пособием для изучения детских игр мы можем рекомендовать программу по изучению народных детских игр у бурят, составленную Г. С. Виноградовым [15].

Когда материал уже предназначен для отправления специалисту, то при рисунках, помимо дневника наблюдений, необходимо приложить сведения общего характера.

Фамилия, имя и отчество собирателя, его адрес. Профессия собирателя. Время сбора рисунков (год, месяц, число). Продолжительность сборов. Местность, где производился сбор ри-

сунков (наименование улуса, поселка, стана, урочища, на какой реке, у озера и т. д.). Краткое описание природы. Расстояние от крупного населенного пункта (хошуна, аймака, округа, города, торгового села и т. д.). Национальность населения. Занятие населения (скотоводство, рыболовство, оленеводство, земледелие, охота и т. д.). Преобладающая форма хозяйства. Образ жизни (кочевой, оседлый, бродячий).

Как давно живет население в данной местности. Ближайшие соседи. Религиозные воззрения населения и соседей. Степень грамотности населения. Формы построек. Домашние животные и птицы, употребляемые местным населением.

Крайне полезно было бы к посылаемым материалам прилагать фотографические снимки и зарисовки местности, а также снимки с детей. Необходимо, чтобы надписи на рисунках делались самими детьми, и только в случае их неграмотности надписи делать самому собирателю; желательно, чтобы надписи имели перевод на местный туземный язык.

Отметить на каждом рисунке возраст детей, что рисовано с натуры, что по памяти, что на заданную тему, что по выбору самих детей. Интересно было бы отметить продолжительность зарисовки того или иного рисунка, а также, что рисовано при непосредственном наблюдении в присутствии собирателя и что рисовано детьми дома.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1] См. *Серошевский В.* Якуты. (Опыт этнограф. исследования) С.-Пб. 1896, т. I (глава: Дети); *Лопиновский К.* Игры бурят Восточн. Забайкалья (Зап. Читинского Отделен. Приамурск. Отдела Р. Г. О-ва, 1887, в. 2); *Маак Р.* Вилюйский округ Якут. области. СПб. 1887, ч. 3; *Адлер Б. Ф.* Карты первобыти. народов (Изв. О-ва Люб. Ест. Антроп. и Этн. 1910, т. CXIX) и др.

[2] Термин. „детская этнография" нами заимствован из работ Г. С. Виноградова.

[3] *Мелкова И. А.* Игры киргиз (Труды Оренб. Отд. О-ва изучения Киргизского края, 1921; в. I); *М. Астахов и Н. Бадмаев* Детские игры (Сборник калмыцких и русских игр для калмыцкой школы. Изд. Калмыцкого Областного Отд. Народн. Образования) Астрахань, 1922; *Виноградов Г. С.* К изучению народных детских игр у бурят. Изд. Отд. Народного Образов. Бурят-Монг. Автон. Обл. Ирк. 1922; *Петри Б. Э.* Народное искусство в Сибири (Вопросы собирания и изучения). Ирк. 1923. (Глава о детском рисунке и игрушках); *Хороших П. П.* Задачи изучения изобразительного искусства у бурят (Жизнь Бурятии 1925 г. VI); *Лопатин И. А.* Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские. Владив., 1922 и др.

[4] Этнограф. Бюллетень ВСОРГО, № 1. 1922.

[5] *Иохельсон В.* По рекам Ясачной и Кордону. Древний и совр. юкагирский быт и письмена (Изв. Р. Г. О-ва, 1898, т. XXIV. *Его-же.* Предварит.

отчет об исследовании Колымского и Верхоянского округов. Изв. ВСОРГО, 1898, XXIX, № 1; Waldemar Iochelson. Material Culture and Social Organization of the Korjak. New-York 1908, V. X. II.

[6] *Шадгородский С.* Об юкагирских письменах (Землеведение, 1895, II, № 2—3).

[7] *Богораз В.* Чукотские рисунки (Сборн. в честь семидесятилетия проф. Д. Н. Анучина М. 1913). *Его-же.* Очерки материального быта оленных чукчей (Сбор. Музея Антр. и Эти. Наук. 1901, т. 2). Краткие сведения о способностях к рисованию других племен севера Сибири встречаются в работах: *Рычков К.* Береговой род юраков (К материалам по изучению Енисейск. самоедов) Зап. Зап-Сиб. Отд. Р. Г. О-ва. 1916, XXXVIII. *Шухов И. Н.* Из отчета о поездке весною 1914 г. к казымским остякам. (Сбор. Музея Антр. и Этн. 1916, т. 3). *Слюнин С.* Среди чукчей (Землев. 1895 IV); Ежегодник Тобольск. Губ. Музея за 1905, в. XV и 1906, в. XVIII.

[8] Краткие сведения о художественных способностях гольдов находятся у *Лопатина И.* Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские Вл. 1922. *Кюнер Н. В.* Дальний Восток и Приамурский край за минувшие 20 лет в связи с развитием деятельности Вост. Института. 1920. Влад.; о киргизах — *Карутерс Р.* Среди киргизов и туркменов; о гиляках — *Шренк Л.* Об инородцах Амурского края СПб. 1903; о бурятах *Петри Б. Э.* Орнамент Кудинских бурят (Сборн. Музея Антр. и Эти. 1918, в. IV), *Турунов А. Н.* Буддийское влияние в народн. орнаменте (Эти. Бюллетень № 1, 1922). *Руднев А. Д.* Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астрахани (Сборн- Муз. Антр. и Эти. Акад. Наук, 1905, т. V); *Лопиновский К. Д.* Игры Забайк. бурят (Зап. Читинск. Отд. Приамур. Отд. 1897, в. 2); *Сверкунов И.* Буддийское искусство в Агинском дацане (Зап. Забайк. Отд. Р. Г. О-ва 1924 в. IV). *Хороших П. П.* Задачи изучения изобразительного искусства бурят (Жизнь Бурятии. 1925, VI).

[9] *Хороших П. П.* Исследования каменного и железного века Иркутского края (Остров Ольхон) Изв. Биолого-Географ. Научно-исследовательского Института за 1924, т. 1, в. 1.

[10] *Хороших П. П.* Посвящение лошади (Этнограф. Бюллетень, 1922, № 1)

[11] Вопрос о картографии туземн. племен Сибири разработан в известном труде *Б. Адлера.* Карты первобытных племен. (Изв. О-ва Люб. Ест. Антр. и Этн. 1910, т. CXIX); сведения о картографии тунгусов приведены в работе *В. И. Подгорбунского.* Две карты тунгуса с реки Маи (Изв. ВСОРГО, т. XLVII 1924).

[12] *Адлер Б.* Карты первобытных племен, стр. 52.

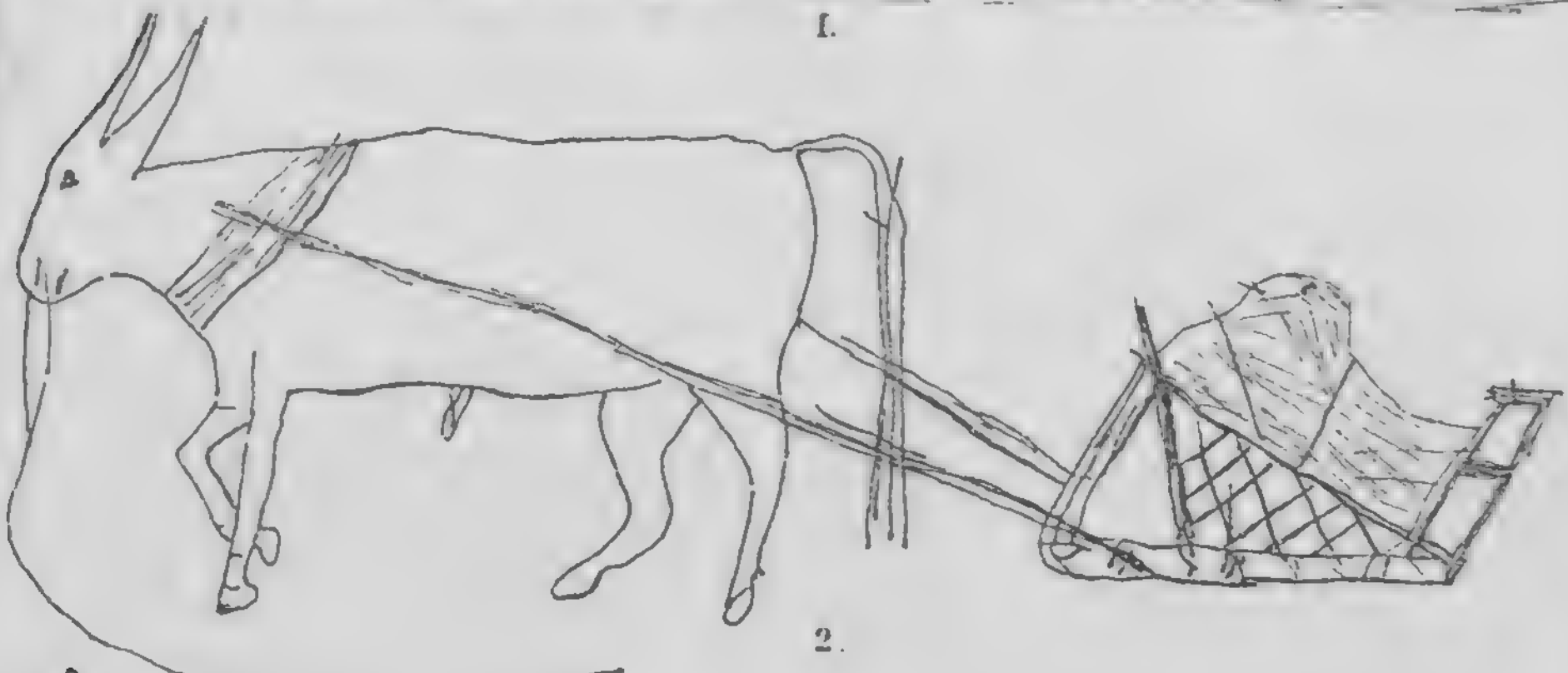
[13] Образцы орнамента Ольхонских бурят демонстрировались автором на трех выставках: „Выставка образцов изобразительного искусства монголобурят", устроен. в 1922 Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О-ва, на Всесоюзной сельскохозяйствен. и кустарно-промышлен. Выставке в Москве в 1923 г. и на Краеведческой Выставке 1-го Вост.-Сибир. Краевед. Съезда в 1924 году.

[14] О детском рисунке, как материале для изучения ребенка, см. в работе *Флериной Е. А.* Детский рисунок. Изд. „Новая Москва", 1924. Некоторые вопросы из этого труда включены в нашу программу. Общие сведения о художественном воспитании помещены в трудах *Лепилова К. М.* Рисование и лепка в начальной школе, Петерб. 1922; Школьники-иллюстраторы, Петр. 1924 и др.

[15] *Виноградов Г. С.* К изучению народных детских игр у буряг. Изд. Отд. Народ. Образов. Бурят-Монг. Автон. Области. Ирк. 1922.

Табл. 1

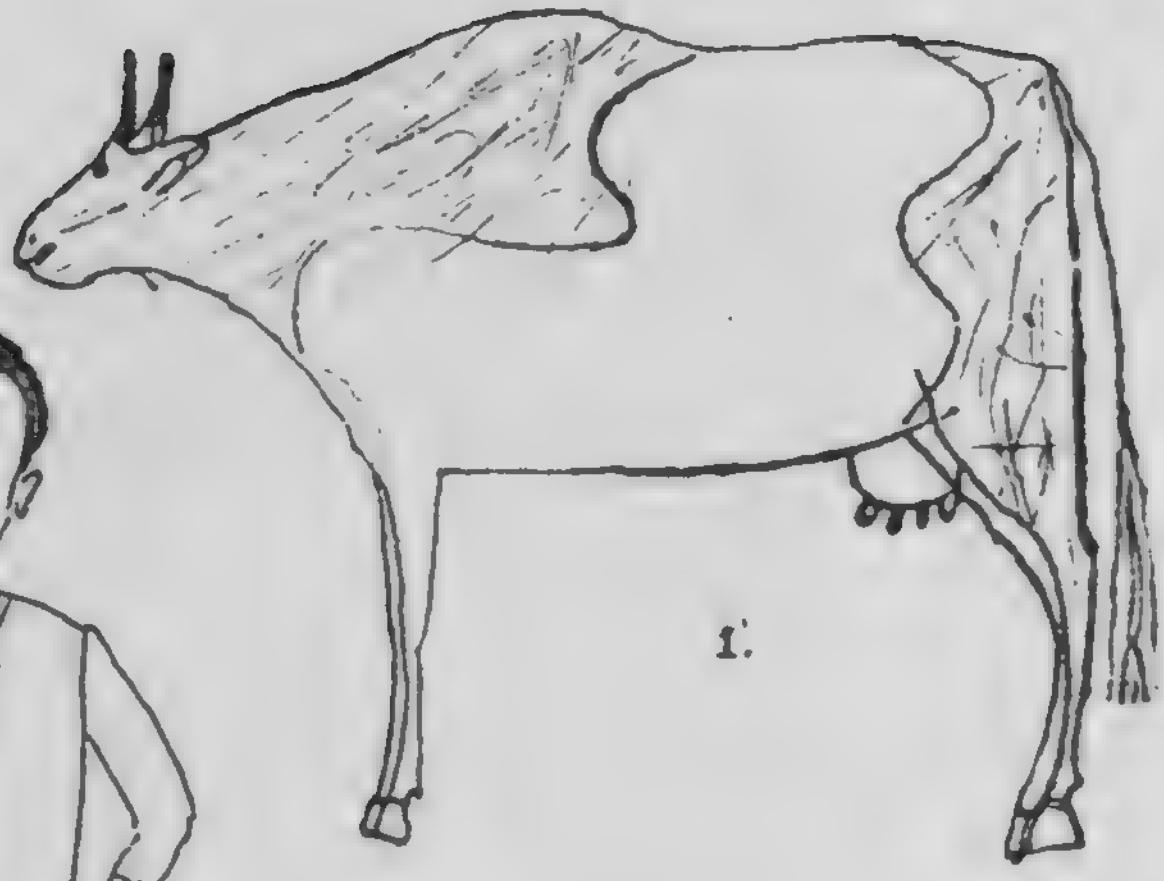
1.



2.

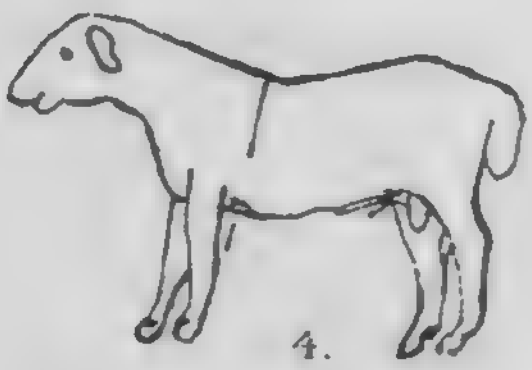
3.

Табл. 2 [illegible]

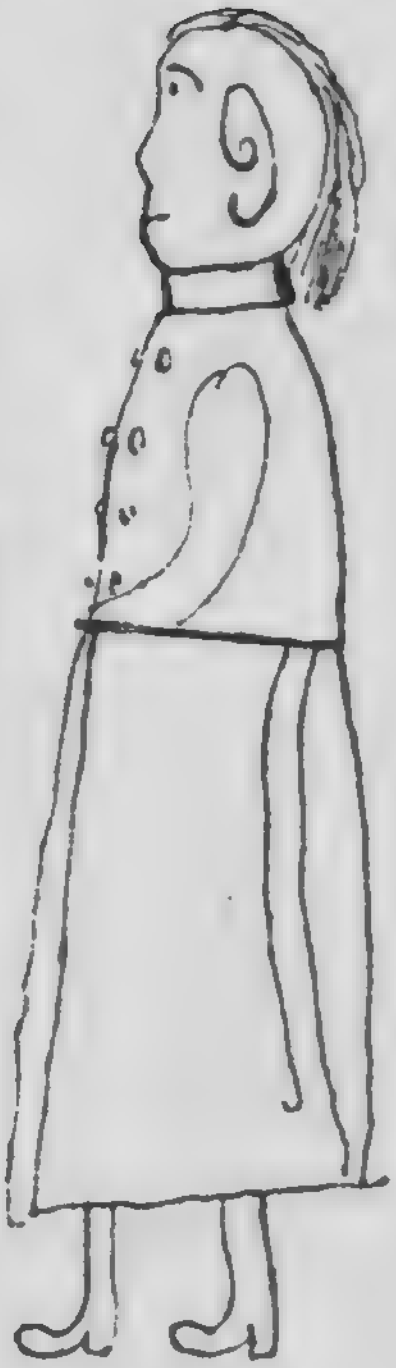


1.

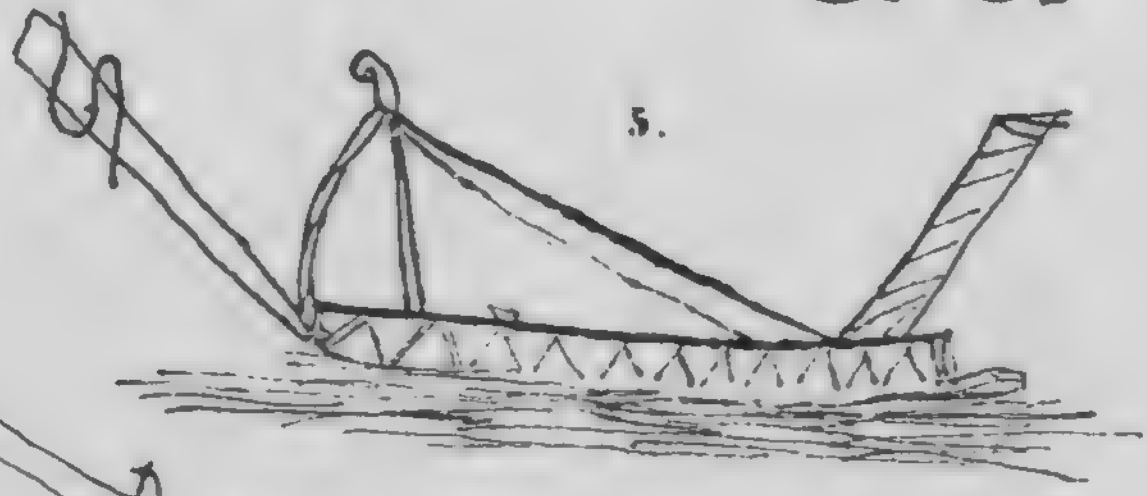
3.



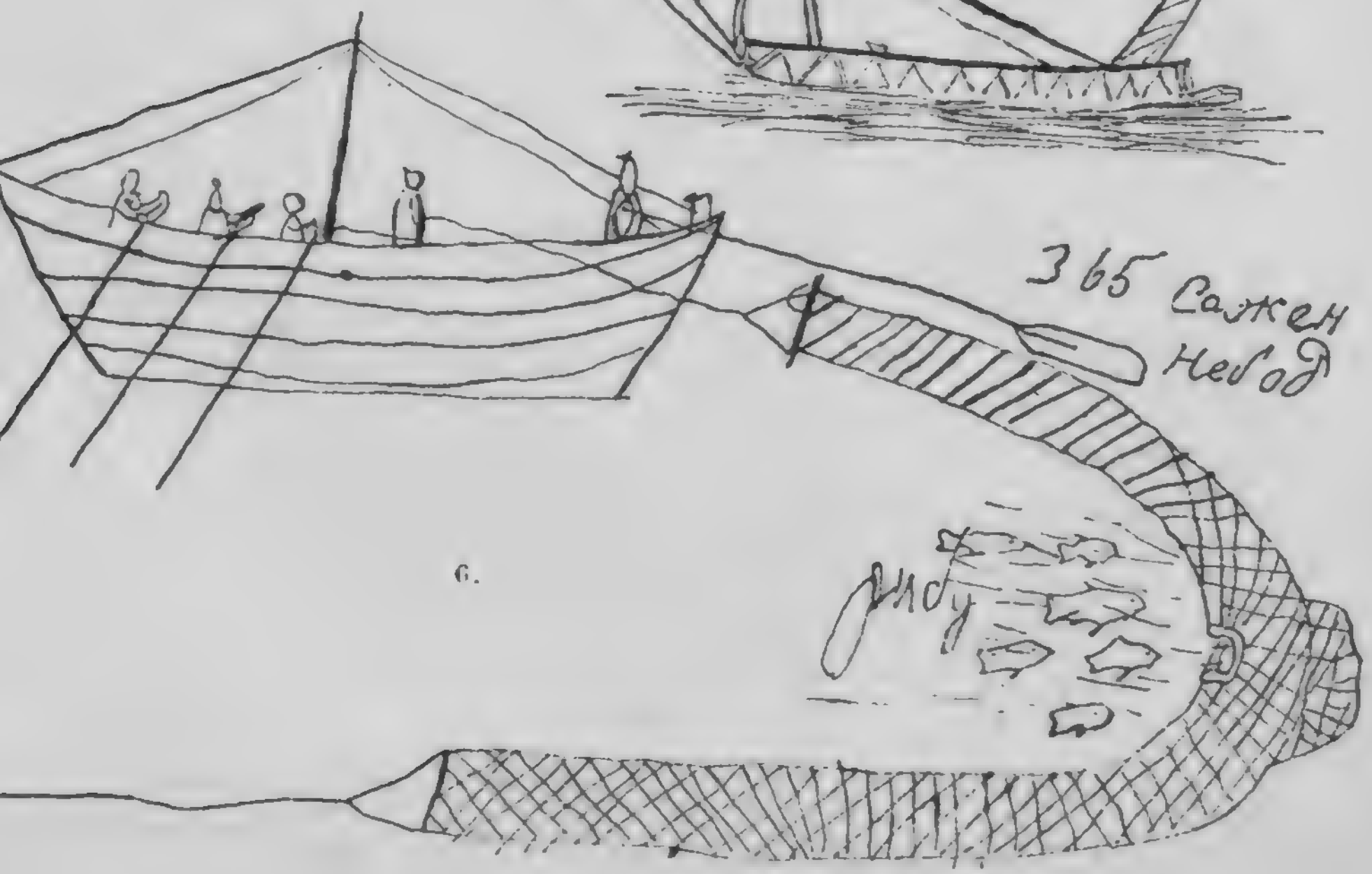
4.



2.

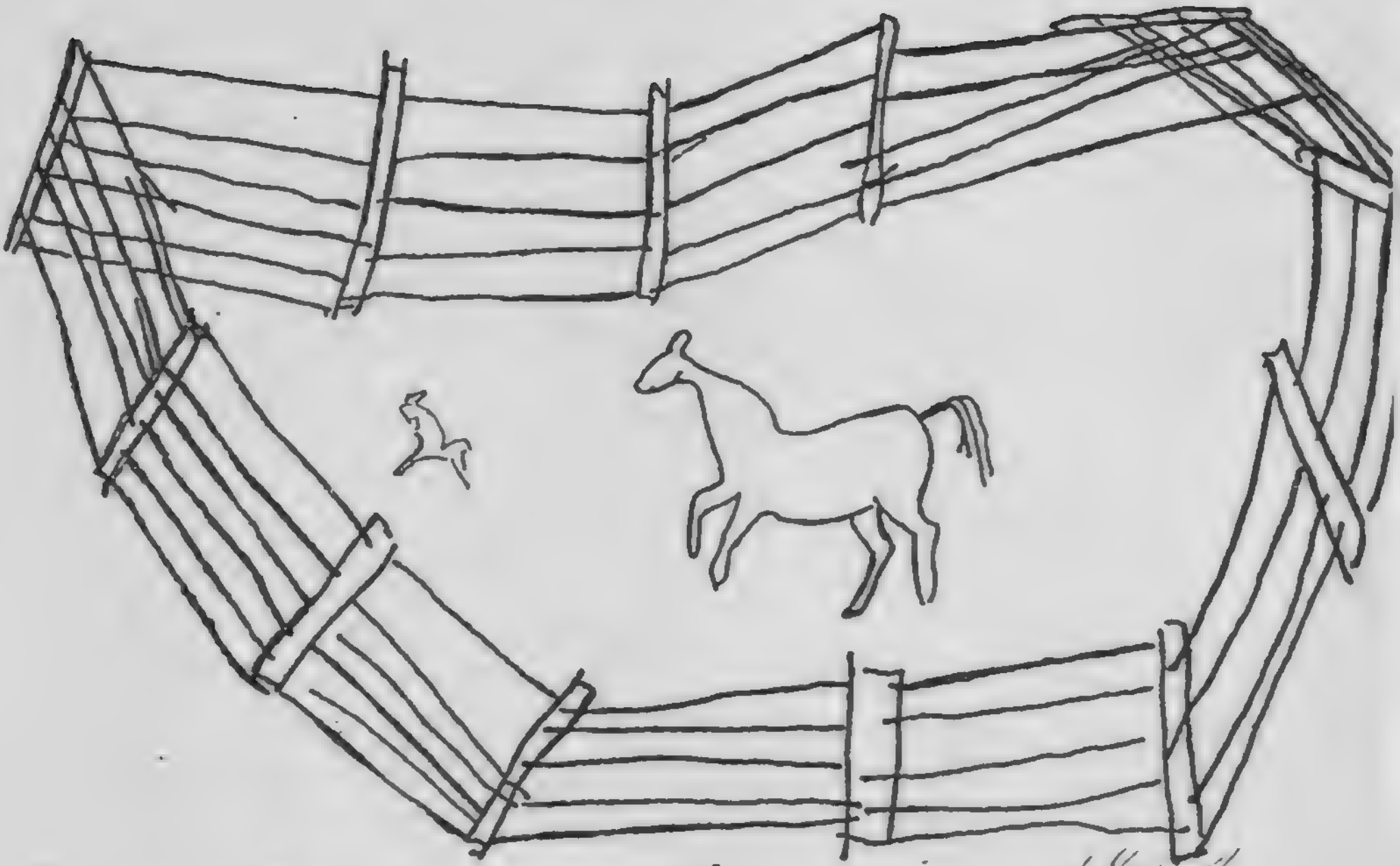


5.

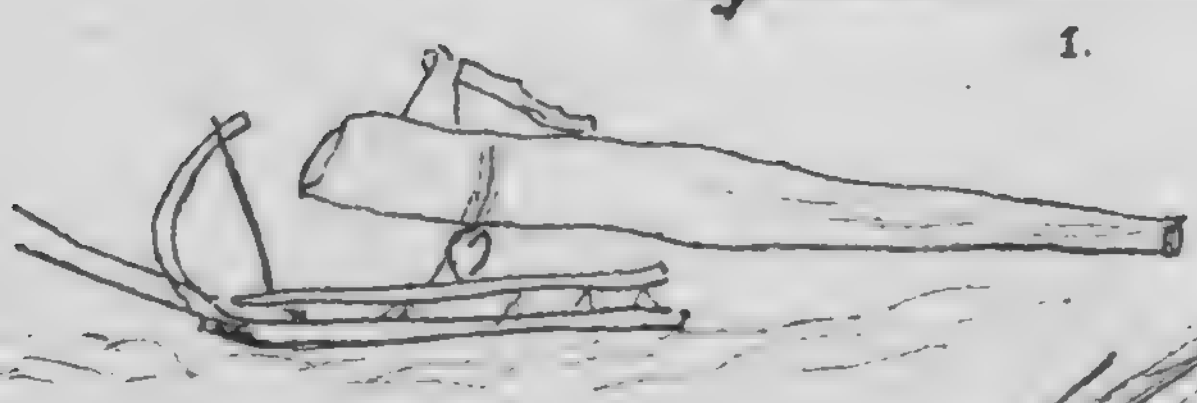


6.

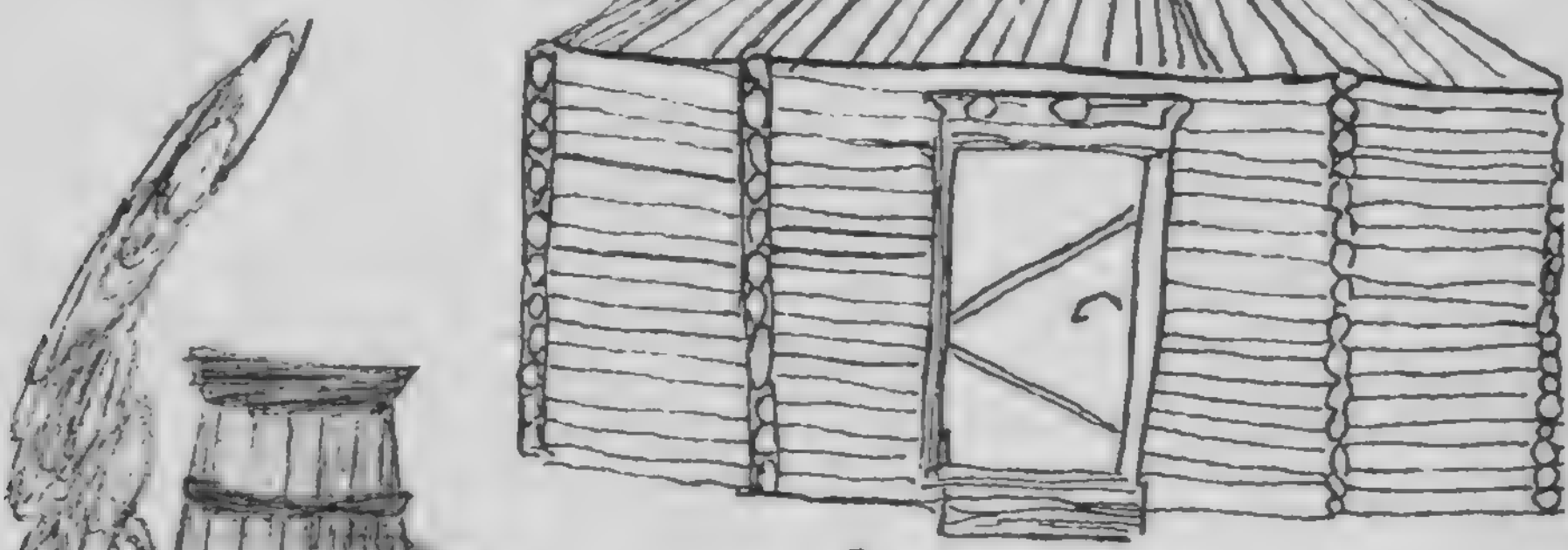
Табл. 3te.



1.



2.



3.

4.

МАРК АЗАДОВСКИЙ

СКАЗКИ ВЕРХНЕЛЕНСКОГО КРАЯ

Наталья Осиповна Винокурова

с внучатами

10. [Мудрая жена].

Жили были три брата, багочи страшныя. Как атец помер, ане взяли и разделились, два остались вмести, а старшева атделили. Вот старший брат жил там год аль два, помер. У нево астался мальчишко лет пети, да жана вдовия. Вот ана етова мальчишку, как ни бедно живёт, старатца изо всех сил доучивать ево, штоб был он человек. Вот уж как он лет 16—17 стал, выучилса он. Как дяди ево вместе живут, каждое лето плавают с таваром на караблях. Как вдова сибе здумала: „што же ето нигде он у миня ничево не видал, пайду я к дядям, пускай он с имя поплават.“—Пусь в прикашиках служит, а денег не вазьмёт.—Идёт к деверям сваим: „вазьмите Ванюшку, пушай обмастярит около вас. Мне же, ведь, за ево плату не надо. Пусь без платы послужит. Только мне, штоб он привыкал к народу. А вы уж настуйте ево, блюдите!“ — Адин дядя сулитца взясть, а другой говарит: „да, ведь, он ишо малодой, будит тасковать“.—„Ну, памучитца, да научитца. Вазьмите ево, дяди“.—Решились дяди взясть. Вот как мать начала ему бельишко гатовить, сабирать в путь-дарогу, начали отправлятца в чужи земли, в чужи города. Дала ему мать на дарогу сто рублей.—„Ну, пажалуста, воли не давайти“.

Ну, поплыли ане, приплыли в чужия земли, стали тарговать. Прожили ане ниделю, либо две там, Ванюшке ихому скушно стало. Сидит—задумалса.—„Дядюшки, отпустите миня по граду погулять“.—„Куды же ты, малодой, падёшь? Мы постаре тебя, помногу тут живели, да и то мало тут прохаживалися. Можно ли по незнакомому городу малодому человеку гулять“.—„Ну, хотя не далёко. По сваёй пристали похажу“.—“Ну,

вот, говарил тибе: не надо брать—заскучает. Вот и как знашь с ём".—„А ты пади да долго не хади, только по пристали похади".

А Ванюшка уж патрепал по самому середине горада. Идет сибе адин. Нихто ево не абгонят и стречу не пападат. Идёт сибе и думат. „Вот так город. В нашим бы гораду сотни бы стречу папало, да двести бы обагнало."—Неоткуль взелся старичок, идёт ему настречу, ведёт девушку. У девушки руки связаны, а глаза завязаны.—„Здрастуй, дедушка!"—„Здрастуй, здрастуй, малодой юнош!"—„Што же ты, дедушка, ведёшь девицу? И за какой приказ ей руки и глаза завезал?"—„А тибе какое дело?" спрашиват: „на што косатца спрасить?"—„А я купить, дедушка, у тебя иё хачу".—„Када надо, так купи".—„А сколько вазьмёшь?"—„Только сто рублей".

Выдёргиват из партманетишки сто рублей, падаёт старику, взял у старика ету девку, руки ей развезал, а ета девка ему говарит: „ежели на тибе крес есь, надевай на меня скарс, еже хошь со мной жить".—Скидават с себя парень крес да на иё. Девка ево побладарила. „Маладец парень!".—„Ну, теперь падём к нам на карабль, у миня там дяди. Уж поздо".—„Зачем мы падём к тваим дядям на карабли, рази мы сваи не сумем с табой нажить, чем же на дядиных жить".—„Да дяди меня патиряют и заругают".—„А кады ты дядех баисся, зачем же миня покупал?".

Пашли, выпрасились у богатово мужика во флигель начивать, так што паужнать у их у абоих нечем. Выпрасила ана у хазяина остаткох поужнать. Как утром ана стала рано и будит ево. „Ну, ставай, Ваня, нековда спать".—Даёт ему денег, с утра у ей уж деньги поевились.—„Вот што, купи сотню лапатов и сотню кайлов".—Ваня поехал, купил, приежжат. Ана покарьмила ево и отправлят снова.—„Вот, Ваня, тебе памятна книжка, иди найми сотню рабочих, кажново записавай имя и фамилию и присылай ко мне. И кажнаво обзадачивай сотней рублей".—Пашол Ваня, нанял сто душ рабочих. Сабрались ане. Как ана их накарь-

мила, „пиреначуйте“, говарит: „утро вечира мудринсе, завтре за работу будим приниматца“.—А Ваню уж и по частям и везде дяди *и*шшут. Утром стала, завтрак *имя* наварила и будит всех. Пора уж на работу отправитца. Накормила, пашли на работу. „Как же вы будете у миня работать Падённо али на отряд?“.—„Ну ладно, будим работать падённо“.—„Ну-ка, Ваня, иди-ка атмерь сто с*а*жен г л и н н и к*у* и педесят ширины, и пускай ане рубят ету землю, в глубину капают“.—Ну, сто человек поч*а*ли, земля только летит, работают.

Во время абеда, идёт адин рабочий к ей с известием.—„Не вышло сто саж*е*нь в г л у б и н*у*—некуды капать. Докапались мы до чугунных двирей“.—„А, малодцы, то-то мне и надо! Ну, бросьте работу, идите абедать“.—Как абедом накарьмила, уложила их атдыхать.—„А ты, дарогой, паде́м со мной вместе“.—Как пашла ана, бирёт сваи ключи, атмыкат, а он двери атворят. Там двенацать подвалох, одинацать подвалох с капиталом всяким, зл*а*том полны, драгоценностями—всяким капиталом.—„Ну“, говарит: „а в етот в двенацатой я адна зайду“.—„Ты матри“, говарит: „не подглядавай ни в шелочку и дверей не отваряй“.—А в етим подвале иё брат, трехглавой змей, он тоже закл*я*той. Заходит ана, здароватца с братом. „Ну, здрастуй, дарогой мой братец!“. Брат на иё громко р а с к р и ч а л.—„Пачиму ты рано пришла, я ишо курс не отсидел“.—„Мне-ка тибя ждать н*е*чево. Давай-ка, брат, разделим капитал поравну“.—Брат не решатца ровно капитал делить.—„Давай валшебное кольцо делить. Коли мне валшебное кальцо, всево капиталу решусь“.—На то ане решилис—поставить на стол тарелку и в тарелку перстень. И кто раньше ухватит, таво и перстень будит, и капитал таво будит.—„И пускай тот идет, за каторово ты взамуж идёшь“.—Вот ана вышла из подвалу; „Ну“, говарит: „Ваня, как я сейчас дверь р а с х л о б *ы* с н у, так на столе стоит тарелка, а в ей п*е*рсень, имай ево напиреть змея. Не бойся змея, как ты напиреть паймаешь, мы счислив*ы*

будим, а как не успешь, змей ево зловит, будим тада обчия работники, чужия".—Решилис, наказала ему твёрдо, дверь расхлобыснула—успел Ваня схватить, только змей иму все воласы опалил.

Приходют ане в етот флигель, где ане живут. И будит ана рабочих.—„Ставайте", говарит: „на рашшот подёмте, да отправляйтесь, где каму надо".—Стал рабочий народ. Павела ана к падвалу рашшитыватца. Аткрыла падвал.—„Чо каму надо, то, ребята, и несите!"—Ну, рашшитала, народ зрадовалса, кто сколько мог, тот столько и унёс. Ушли рабочи. Легли ане спать. Как Ваня не знат не заботы не работы, лёг уснул. Ана выходит, как палночь на дворе стала глухая, со сваим валшебным перснем на двор, перебросила ево с руки на руку, выскочело 12 малодцох. „Што угодно вам?"—„Да, мне угодно, штоб на етой пристали, в етую ночь был пастроенной карапь, и штоб был устроенной всяким златом, серебром, и штоб из етих подвалох весь капитал был выгружен. И штоб сидели на ём птицы райския, штоб пели песни царския. И, говарит: „штоб какая небожжа милось будет путём дарогой, мог бы он на дну плыть".—„Малися Спасу, да лажися спать, к утрию будет всё гатово".

Паутру дяди стали: „што такое! Какой шикарной карапь приплыл! А наш карапь то рядом с ём, как какая-то стайка. Вот карабли так карабли, стоят капиталу".—Так же и Ваня стал.—„Што ето за, душечка, какой карапь приплыл, и весь блестит, какой шикарной!".—Ана ему говарит: „ето нам с табой".—Он ей не верит. Откуль, мол, в єдную ночь взелса такой карапь. А дяди с ёднишнаво числа отправляютца дамой. Он ей и говарит: „вот дяди то сёдни дамой отправляютца. Надо бы и нам домой".—„Пушай плывут, поспешь".

Как уж дяди полмесеца есь отправились домой, отправилса и Ваня домой с жаной. Ну, скаре сказать, пловёт етот Ваня за дядям.—„Што такое етот драгоценный карапь в наш город бежит. Што ему делать в нашим гиблым городе. Вить, ето не простые люди

в етим карабле пловут".—Патом вдруг узнали, што ето Ваня их плов'т. Вот имя показалось противно.—„Где он мог такую достачу достать. Мы сколько уж плавам, а таково карабля не нажили, а он с таким капиталом из дому ушол. Нам, вить, будит совесно против ево".—И решились: „давай, карапь растрелям!"—и давай и карапь стрелять.—Ана сечас свой волшебный персень перебросила и ка дну он пашол. А ане думают, што карапь утонул.—„Слава богу", говарят.

Кароче сказать, приплыли дяди домой. Ну мать што же, таво разу бежит.—„Как то ма' дитетко, ладно ли, здарово ли?"—Приходит мать, спрашивает.—„Ну знали бы, не брали тваво Ваню, он два дня только с нам прожил. Все твои деньги проматал, с распутной девкой какой-то свезалса. Да нагишом каким то там бродит".—Мать заплакала, домой пошла. Приходит домой, плачет, плачет. А пагодя немного и ане приплыли. Ана перстень с руки на руку перебросила, прикрула карапь худеньким бризентом, и сами выределись в плахую ад'жду, и идут к материному дому. А мать сидит, плачет; навалилас на акно, акно пало.—„Пусти нас пиреначивать", просятца у ей.—„Я не пускаю прахожих. У меня сва'во горя много."—„Да, пусти же, мамаша, я есь твой сын".—Мать пушше завыла. „То-то. сын, едак ты ко мне и евился. Я тибя по доброму ждала, а ты видишь каким евилса. Где шатался, туды и иди".—„Ну, сделай милость, мама, пусти, нынче и чужих пускают".—„Ну, пади в старым флигеле начуй, где индюки да утки жили".—Вот ане заходют с ей в старый флигель. Он ей и говарит: „да не будим тут начивать. А то в етаком страму спать, пад'м на свой карапь спать".—Ана и говарит: „да, нельзя же, Ваня, где мать благословила, тут и надо первую ночь начивать".

Взяли ане лапатку атскребать етот навоз, лякчи где сибе. А в етим флигиле адни кирпичи, да говны гусячьи. Бир'т кирпич под голову сибе и ему клад'т и легли ане сибе. Он сразу уснул, а ана в полночное врем', вышла на крульцо, перебросила сва' валшеб-

ное кальцо с руки на руку, вышло двенадцать малодцох.—„Што угодно вам?“—„Да мне угодно, штоб вот на етим мести, где етот флигель, штоб был выстроин к утрию дом, лутче царсково дварца, и штобы от нево до нашево карабля был бы стирлиновый мост, и штоб под мастом была Волга река, и по етой реке была рыба, и штоб по масту итти было, видать ету рыбу, и с нашево карабля штоб сдёрнут был чорный троур и на етим масту коло нашево дому стаяла тройка коней златогривых з залотой коретой, штоб на ей было маёму Ване в храм ездить. Штоб всё было гатово: и дом, и мост, и река, и рыба!“.

Вот, настало утро. На карабле птицы поют. Народ стал и ужасно удивилса. Ето чо, в ночь магло зделатца? Ето што откуль в ночь магло взятца? Мать в етот флигиль побежала у сына прашчения прасить. Как Ваня приехал ат абедни, пашол у их пир и дядей етих в гости пригласили, и всех сваих радных и знакомых угошшают. А на бирягу народу, народу наехало! Все собрались глазеть на их дом, на их карапь. Народу тако сабралось, што тма. А Ваня, как гости отбеседовали, к акошечку сял и така на его таска—скука напала. Ана падходит к ему,—„Аб чом ты, Ваня, задумалса? Чево тибе недостает? Али я тибе не мила?“—„Сам не знаю, дорога, кака меня скука одолела“.—„Тада, сядём в лёгонькую шлюпочку, катайся по морю. Люди на нас посмотрят, а мы на людей. Посматри, кака людей тма“.

Как ани по морю стали кататца в лёгонькой шлюпочке, а над нимя два голубя увиваютца. Схватили иё и понесли. А это атец иё, как был страшной валшебник, дачиталса до книгах, где ана, и послал етих духов—ани иё и уташшили. Ваню оттаво скука-то и долила. Так што приплыл он к бирежку, пришол домой и нешто ему не мило стало. Решилса итти иё искать. Уговаривала ево мать, все родныя—„куды же ты пайдёш, да почево, да где ана?“.—Решилса итти. Не смотрит ни на чево. Всё бросат сваё именье, и пашол искать.

Ну, скаре сказаватца, долго ли коротко ли он шол, приходит в чужу землю, в город, и видит; стаит в гораду дварец, абнесёной честоколом вкруг, на сколько сажон там в абширности. И на кожной тынинке всё по человеческой по галове. А на адной нету.—„Ана, тут то маёй галове и быть, што адна тынинка простa!"—И надпись: „все ето иё жанихи". Заходит к имя прямо во дварец. Стречаит ево грозной атец.—„Што сватать пришол?"—„Точно так".—„И полутче тебя сваталис—да не могли взясть".—„Может и посватаем".—„Ну, вот, андахни, да будим задачи решать".—Ну, переначивал, андохнул. На завтриё: „Ну, на каких средствах ты у миня сватать будеш? „Вот", говарит: „я тебе три задачи дам. Исполниш—твая нивеста, не исполниш—видиш. сколь тычинок: на кажной по галове—адна пуста,—там твая будит. И задача тибе—три раза прятатца. Не найду, получиш нивесту, а найду—твая галова на тынинках."—

Вышел он, стаит. Куда же он, как человек чужестранный, пойдёт. Чо он знает. Ну, слятела с неба жар-птица.—„Жалко мне тибя, Ванюша, садис, я тибя на небеса подыму".—Ну што, он на завтре сваи волшебныя книги снял:—„вынаси", говарит: „жар-птица, а то тибе то же будит". Вынесла ево жар-птица.—„Иди, снова прячься!"—Ну што же, пашол он, стаит. Вышел к рике. Паевилса рак-рыба. „Дай я тебя снесу на жолтыя песка". На завтре он валшебные книги снял:—„Вынаси", говарит: „рак-рыба, а то тибе то же будит." Вынесла ево рак-рыба.

Адин раз ему асталась прятатца. Вот ночью лёг он спать, как этой девке жалко ему стало—сделалась мухой, сяла на ухо ему и шопчит: „жалаш миня взясть?"—„Как ни жалать. Если б я не жалал, не страдал бы, сюда не шол.—от скольких драгоценных предметов ушол".—„Ну", говарит: „я тибя научу, куды спрятатца, и он тибя не найдёт. Вот, как ты прятатца будиш, ударьса об землю, и зделасся мухой. И не залетай ни в акошко и ни в адвери. А в трубу залитай. Как куфарка трубу атворит, и залети, сядь за ево за

бальшое за валшебное зерькало. И патом он будит тибя искать в книгах и омманывать. Будит говарить: „выхади, Иван-купеческой сын, твая нивеста будит“. И так два раза валшебныя книги перебирёт—а ты не выхади, не поддавайся, покаль книги в пече не сажгёт, бальшо зерькало об пол не разобьёт. Тыжно, как ето зерькало бросит, разобъётца ано, и ты ударься об пол и зделайся малодцом“.—Вот он ударился об земь, сделалса мухой и в трубу залетел. Стал он ево искать. Не может никак найти. „Ну, ладно“, говарит: „всё равно, выхади, Иван-купеческой сын, твая нивеста будит“. А тот всё сидит. Знат, што омманыват.

Тогда сжог валшебник все книги. „Выхади, Иван-купеческой сын, книги я сжог“.—Ну, он всё сидит. И рассердилса и об пол зерькало бальшое! Ну, тыжно он ударился об пол и сделалса малодцом. „Ну, сумел взять Иван-купеческий сын, хитре ты меня“.

Ну, што делать, заручил сваю дочь, ондал за ево. И как ана знала часть по етому—сяли на воздушную лодку и прилетели по облаку к матери. Всё у них сохранно, и дом, и карабль,—пашла у их свадьба, свадьба атошла, попили, погуляли. Стали жить да поживать, да дабра наживать.

II. [Чудесное кольцо].

У старухи был адин сын, ну и шол он на ярманок, давала ана ему сто рублей, он у ей спрашиват: „чо купить?“ Ана ему отвечат: „чо полюбитца, то и купитца“. Он по базару хадил, хадил, ничево ему не понравилось, пашол с базару так. Патом идёт дамой, стречу мужик пападает, идёт маленьких катяток тапить.—„Куда, мужик панёс, их?“. —„Тапить“.—„Продай мне аднаво. На тибе за ево сто рублей“.—Ну, ондал сто рублей за катёнка, принёс дамой ево. На другой раз апеть ему даёт мать сто рублей—пашол он на базар, тоже на базаре ничево, не купил. Стречу идёт мужик с маленьким шенчишком, тоже идёт ево тапить. Ну, и „продай мне“, говарит: „мужик, ету

сабачку". Тоже сто рублей за ету сабачку. Ну, и принёс дамой.—„Карьми, мама, ката и сабаку". И третей раз мама дала ему сто рублей. Пашол он на базар, тоже ничево он не купил на базаре, мужик апеть ему пападатца веритёшко нисёт. Он и ему сто рублей дал. Как веритёшко взял в руки, образовалась перед ём голая девушка. Называт ево: „ох, Иван-царевич, из каково ты несчасья миня выкупил."—Снимат с сибя, с руки, залото кальцо, дает ему и говарит: „вот ето калечко будит тибе в счасьи и в несчасьи, дарю тебе за ето, што ты миня выкупил".

Ну, и приходит домой и посылаит мамашу сваю к гасударю в сваты. Мать нейдёт, плачит: „Как же ето можно осмелитца; мысленно, штоб за нас, за бедных, гасударь ондал сваю дочь!"—Ну, он всё-таки сваё, што посылат: „иди!"—Пашла мать. Ну, гасударь сказал етой старухе: „ежли вы выстраите такой же дварец, как у миня, то я ондам за вас маю дочь". Старуха и пришла домой и еще ташней таво плачит. „Гасударь сказал, што если выстраиш такой же дварец в адну ночь, то он ондаст дочь сваю". Сын говарит: „ложись, мама, спать, утро разумней вечира". Сын вышел вечиром и говарит: „с кальца два молодца!" Малодцы к ему подскочили: „чево, Иван-царевич, изволишь?—„А я жалаю, штоб в ночь маёй избушки не было, а был построин дварец лутче царскаво".—

Утром стали—такой же дом стаит, как и царской. За ночь устроилса. Апеть сын посылаит в сваты к царю. Гасударь велел пастроить в ночь мост, ат дварца царёва до ево дварца: масничченка залотая, масничченка серебреная. Ежли в ночь не устроитца, галова долой. Старуха ешшо, сильнее плачит. Мысленно ли ето устроить. Сын говарит: „ложися, мама, спать, утро разумней вечиру!". Сын вышел вечиром и говарит: „с кальца два малодца!"—Малодцы подскачили: „Чево, Иван-царевич, изволишь?"—„Я жалаю, штоб в ночь был выстроин мост от царёва дварца и до маёва дому: масничченка залотая, масничченка серебреная".

На третий раз апеть посылают к царю сваты. Пришлось царю ондать. Ну, лягли спать, ана у нево и спрашивает: „Как ето вы, муж мой возлюбленый, в двое суток всё ето сделали?“—Ну он ей и сазналса: „*у* миня такое калечко есь: што я захачу, то из ево сделаю“.—Ана ево у нево папросила: „дайте мне паносить, памерить“.—Он и дал ево. Ана как залучила ето калечко к сибе, вышла вечиром на улицу и говарит: „С кальца два маладца!“—Малодцы, к ей подскочили. „Што изволите, прекрасная царевна?“—„Мне угодно, штобы я ложилась спать с етим мужем, а проснулася за море с другим (называт ево), а етова дворца штобы не было ни пылу ни дыму. Как стаяла плохая избушка, так и есь!“

Ну, и стаёт он сваей избушке, апеть по старому. Мать ево плачит: „теперь смерть нам“. Ну што, гасударь забрал етова зятя сваё ево. Устроил в чистом поле столб из кирпичу, и посадил ево туда, только вверху устроил продушину гля воздуху. Ну, а котик и сабачка знали, што он там сидит и кто бы им крошку не дал—ани всё туды тащут ему наверху. Сабака тоже не может залезть на верх, а кот залазит, свой хлеб забросит, да и сабакин утащит. Наносили ему едак они много правизии, и сами отправились царевну искать за море. Ну, через море плыли—плыли, сабака то быстрее плывёт, а куток уже тонет совсем. Говарит собака на ката: „садись, братец, утонешь ты, пиревезу тибя“. Ну, и нашли, где ета царевна сидит. Царевна увидала их и абрадавалась.—„Што ето, точно такой же котик и сабачка, как у мово мужа были“.—Взяла котика сибе в спальну, а сабака так питалась, в диревне. Ну, и котик шибко услужничал, мышей давил.

Все-таки царевне захотилось спать, а котик поймал бальшую серую мышь. Намачил иё и уташшил в таз и с мокрой мыши соскачил царевне на морду. Ана, как калечко было у ей на руке, рукой со сна махнула, калечко и упала, укатилась в угол, котик поймал, схватил ето калечко, сабаку нашол и атправился

домой. Ну, и патом с сабачкой пришли к морю, сабачка и просит у ево: „ондай мне, котик, калечко". Нет, не ондам, ты то питался по диревне, атдыхал, а я все хлапотал, штобы калечко выручить".—И как раз по сиредке моря тонет котик. Сабака просит: „ондай мне, котик, калечко, а то утонешь .—„Нет"—говарит, а патом видят, уж дело плохо, стали друг другу калечко изо рта пиредавать, и упало калечко в море.

Ну, перевез он ево все-таки, выплыли на берег, сяли сба на бирегу и плачут об калечке, об етим. Сидят на бирегу и плачут оба. Ну, и кто бы то с моря не показалса: рак ли. рыба, лягуша, все ане давят, ищут, нет ли калечка Выполз бальшой, страшный рак.—„Што ето". говарит „: каторую сутку вы тут сидите и нашу животную портите?"—Ну ане обсказали. што вот мы обранили сваё калечко и ищем ево.

Ну, етот рак бальшой сказал имя: „больше никово не давите и не портите, я вам приташшу ево".—Спустилса в море и нашол ево и приташшил. Сабака ухватила ето калечко. Коток как ни просил, сколько ни молил, не даёт сабака ето калечко. Побежали ани оба к етаму сталбу, где хазяин. Ну, и што же, сабака не можит залезть туда, на столб. Так и так, придетца котку отдавать. Ну, отдал котику, тот запев на столб, заскочил, бросил в ету продушину хазяину. Ну, он вечера даждал и говарит: „с кальца два малодца!".—Малодцы к ему падскачили: „чево Иван-царевич, изволиш?"—„Я изволю, штобы етова сталба не было. ни пылу ни дыму, а как мой дварец был, так и есь!"—Ну, все ето развели, случилса апеть дварец, стал он в сваим дварце, приезжат гасударь к ему. Удивился: „ето што такое, как ето магло быть?—Ну, и раскажи мне, зять дарогой, што такое, ето как магло случитца?"—Он ему сазналса, „што есть у миня такое калечко, каторое в счасьи и в несчасьи. Што дал я ево жане и ана сделала так то".

„Нельзя бы", говарит: „жану достать сюда", царь говарит. „Пачиму не так—можно".—Взял он кальцо, апеть, значит, „с кальца—два малодца, и предоставь-

те ночью жану сюда!". Ну, те иё предоставили. Гасударь, который иё за етова отдавал, на конския хвосты разарвал иё, а младшую дочь повенчал за ево. И живут до сих пор, поживают, дабра наживают.

---

12. [Двенадцать молодцов из табакерки].

Как служил службу салдат. Служба ранешная была чижолая, двадцать пять лет. Шол, шол путём дарогою и сибе думает: „ех, я салдат, салдат, дурак! Служу столько лет и царя в глаза не видал, пайду—посматрю!" Шол, шол он и с дароги сбилса; блудит день, блудит два по лесу. Пападатца ему сабачка небальшая, чорненька. Снимат он с сибя ружьё убить ету сабачку. Хочит только убить сабачку, а ана была да нет, как растаяла. Пашол он по сабачкиному следу и доходит до избушки. Заходит в избушку и залез в подпечек спать. Слышит, приходит старуха со стариком и дочь. И дочь начинат старикох ужной карьмить. Как дочь старикох ужной накарьмила, старики спать легли, а дочка посуду прибрала, залезла на габец спать, и слышит, кто-то у их под печкой храпит. Ана слезаит с печи етой, добыват агня, идёт под печь сматреть. Видит, там салдат спит.—„Ека, прахожай, вылазь аттуда!"—Салдат выходит из под печи, садитца за стол. Девка приносит графин водки, закуски, угошшат салдата. Как салдат закусил харошо, ета девка и говарит: „палезай на габец спать".—Улез салдат на габец спать. Девка убират пасуду за салдатом. Девка пасуду убрала, к салдату же на габец. Салдат думат: „ана сшалела, старики то встанут, меня убъют".

Ну, так ане проспали до белаво дня. Старуха будила, будила дочь, не добудила, соскачила сама.—„Ой, старик, старик, нам бох зятя дал!"—Тада наварили чаю, закусок, будят малодых чай пить.—„Вставайте!"—„Ну, вот-то, галубчик, топеря не уйдёш от нас. Вот, оставайся у нас в избе, всё подмети, подбери, а мы на ахоту пайдём, все трое".—Астался

сын, провадил их, а на уме думат: „чо я тут буду делать, я сам за вам“.—Пиривёл ето умом сваим, взял ружьишко и пашол по лесу, целай день плутал. Убратца не убралса, и уйти не ушол. Как не падёт, все к етой избушке.

Пришли с ахоты: у нево не подмитёно и не поскрибёно и не ужны—ничево не сварёно.—„Что жо ты тут, красавчик, делал? Целай день брадил по брадяжеству, поди? Да, видь же, тибе сказано, што ты от нас не уйдёш. Ну, перва вина тебе прошшона, а если завтре так сделаш, строго *зи*шшем“.—Принуждён завтре падмёл, подскрёб, ужну поставил, а патом побрёл.—„Все-таки“, думат: „уйду“.—И апеть не мог убрести. Приходют—апеть: „а, галубчик, апеть ты брадил! Завтре, ты ступай на ахоту, худо домовничаш.“

Паутру стали. —„Вот, ступай к такому-то озеру, там увидишь грабли. Ты ети грабли бери и в озери *лави*. Чо уцепишь, то и на берег клади, в паленицу складавай.“—Как он пашол, и апеть ему ета сабачка настречу. —„Погади, я тибя бить не буду, я лутче приласкаю тибя“, умом думат. Ну вот, сабачку ету приласкал он, и сабачка навела ево на дарожку и пач*и*стили ане, забыли и етот промысел. Пашли с сабачкой.

Сабачка доводит ево до агромнаво дома, бальш*у*шшева, в лесу—заводит в вароты. Атворила двери, пехнула ево, а сама дверь закрыла, и он не знат, в избе ли он, либо где. Никакой ни стенки не можит ушшупать, не ошарить ничо, так*а* темнота. Тода в етой тме праговарел ему кто то человеческим нежным голасом: «даржи пушш*е* влево, тут ушариш ты столик».—Вот, как салдат пос*л*ушал, доржал всё по леву сторану, ушшупал столик, а голос апеть ему отвечает: «в етим столике ишши яшшичик, там есь спички и свечки».—Добыл салдат агня, зат*е*плил свечку—свечка воскова, патом салдат абсмотрелса: абширный сарай, как есь: ни акошок ни чево, и сереть етова сарая весится сырая зашитая кожа и в етой коже

раздаётца голос.—«Вот што, служивай, спаси сам сибя и миня спаси. Вот тибе три ночи будут страшныя. Если ты высидиш, и миня спасёш, и сам счисливай будиш. Вот тибе евандиль-книжка, зачерьти сибе круг и сиди в етим кругу у столика, читай евандиль, только сматри: тибя смушшать будут, назать не оглядавайся. Ето смушшенье будет, привод». Начинат салдат читать, на дворе уж стаёт ночь. Первым долгом являтца имя етот старик со старухой, где он в избушке етой домовничал.—«Куды ты ушол, вернись к нам, ведь ты дочь у нас взамуж взял». Потом, втарительно, царь пришол: „вот ты хател маю личность видать: «ну-ка, здрастуй, брат!»—Как ане с ём не бились, и лаской и устрахом, ничо не магли поделать, пропел петух и все ушли.

Патом из етой кожи голос: «типеря спи, служивай, нехто тибя не потрогат».—А у ней из кожи по калена ноги видать стало. Патом, кароче сказать, настала и вторая ночь, ешшо страшнее стало и дёргали ево и ласкали и смушшали и так то и етак—не магли салдата смустить. Петухи запели, живой салдат астался. Апеть ему из кожи—«Спи типеря», а девушку то до грудей стало видать из кожи. Ну, третья ночь наступила: и валосья ему зажигали, и таскали на стуле по сараю. Ну, сидит сибе—крепкий был салдат—не магли смустить ево нехто. Пропел петух.—«Лажись, служивай, отдахни», а девушка из кожи вся вышла.

Как рассветало, ондахнул салдат, и пошли ани из етово сараю степенно.—«Ну, што же ты, служивай, с чем же я тибя за ету услугу атбладарю. Вот ты бы к маёму атцу пришол, там бы тибя отбладарили. Ну, да чем багата, тем и рада. Вот у меня есь две салфеточки заветны. Вот, полутче тибя подарю, похуже сибе аставлю. Вот, што тибе надо, ты салфетку раскинь, всё тибе будет». Вот растались ане, салдат пабладарил, и пашол. Девка сваёй дорогой и салдат сваёй.

Вот, как салдат за город вышел. нет терпения у салдата, развернул салфетку—«ну-ка, давай, паись!» И сейчас развернула салфеточка—царь такой пишши не едал. Весьма он рад, довольный, закусил, и апеть салфеточку свёртыват.—«Ну», думает—радый: «теперя добилса я». Падошол немножко, апеть сял, закусил. Идет он, стречу воспадин на верьхавой карей лошаде. «Хлеб да соль, вашей «милости!»—«Милости просим!»—Сял закусывать, он с ём. «Ты мне, служивай, продай ету салфетку.»—«Што ты, за ништо!»—А хто то под уху шопчит салдату «ты не прадавай, а меняй; мы ишшо тибе пригадимся».—«Давай-ка, служивай, на табакерку сменям».—Променял на табакерку салдат, пашол. «Дай ка, я», думат: «посматрю хош на ниё».—Только аткрыл, выскочило двенадцать малодцох.—«Што угодно вам?»—«Да, вот, променял салфетку вашему воспадину!»—«А ты нас кармить будишь? А то тот мошенник нас замарил савсем. Если карьмить будишь, будим тибе верой-правдой служить».—«Што, вы, канешно, буду. Што сам буду ись, то и вас буду карьмить».—«Ну, ладно, он нас замо-
рил машенник в табакерке етой. Сечас дагоним, адбирём.» —Побежали, догнали бывшево хазяина, атабрали салфетку, и коня атабрали, да ишшо в затылку наклали.—«Вот мы тибе ишо, воспадин хазяин, коня атабрали—что ты будешь песший итти». Раскинул салдат салфетку.—«Садитесь, ребята, еште!»—«Вот дак, хазяин, вот дак хазяин, чем он нас кормит! А тот мошенник нас замарил савсем,—будим тебе верой правдой служить».

Вот, как паели, салфетку он сложил, табакерку в карман, и приехал в Питербур и идет к царю на лицо. Там чесовые долажили, што вот, «редовой салдат хатит вас, царь батюшко, видеть».—Царь приказал пропустить. — «Зачем я вам нужон стал?» «Так-то батюшко царь, служил я у вас двадцать пять лет и вот с паловины путей вернулса вашу личность посмотреть».—«Не стоило было с паловины путе варачаватца. Какой же антирес вам

мая личнось?» — «А как же антирес, когда мы всю молодось провели за вашей службой».—Вот, царь ево и спрашиват: «што же, вы, типеря на родину хочите или здесь будите жить?» — «Мне, царь батюшка, везде харошо». Царь и говарит: «пакарьмите салдата!» — «Батюшка царь, я вас прежде угощу».—Царь думат, што ето, стаит салдат с пустым рукам. Чем же ето он угастит. «Ну, да садись, када тибе говарят».—«Царь-батюшка, тибе миня с народом не накарьмить».—«Как так, када я все полки кармлю, а тибя с народом не накармлю. Ты што, заспорил за мной?» — «Так тошно!».

И поднялся тут у их крик, спор. «Харошо, сколько же у тибя семейства?» — «Двенадцать рабочих, тринадцатой я!» Царь рассмехнулса: «полка кармлю, а тут тринадцать человек не накарьмить».— А салдат на сваём стаит.—«Ну, давай, царь-батюшка пароль даржать!»—Ну и ударили об заклад: салдату голову ссечи и рабочих царю андать, а ежли царь проиграт, полцарства андаёт салдату. «Ну, дак, када же мы с табой, друг к дружке на абед падем?» — «Царь-батюшка, я хош сёдни гатов. Исправны ли?» Царь думат: «што за залевала!».

Ну, решили к салдату пойти, а царю трое сутки дали: заготавляют правизию, колят там, запасаютца. И решили абед на астраву устроить. В сколько часох у их был назначен, приходит салдат: «Ну, царь-батюшко, пожалуйте на абед с войсками». Сабрал царь все войска, палки, пастроил шеренком и павёл к салдату. Как салдат папросил салфетку—раскинул ё по всиму астраву. Так царь тут ужаснулса, всево довольно: и кажному то, што сам царь ест. Никакой отмены нет, всем равная закуска. И все тут перепились, наелись досыту. Двое сутки шол абед у салдата. Ну, и все довольны астались, пабладарили салдата, завтра придут к царю. Царь на площшеде:—там корвиги возют, варят, пекут, возами возют. Посылат царь посланника по салдата. Повестил посланник салдата, тот идет и с ём двенадцать малодцох из табакерки. Идут все вместе, приходят, садятца за абед. Кри-

Ленский Пейзаж

чат: тот— налевай! тот—«прибавляй», да «ишшо дай!».—Ну, нехто не наелса, кричат: «галодныя!» — Царь стал занимать у грахох, у князей, свазили всё — сваим салдатам к ужне ничево не асталос. А те ишо галодны: пашли, кричат, тюкают. Ну, праспорил царь, атписал, сколь было условлено.

---

13. „Г о р е".

Вот, жили были два купца. Вот, у их жоны в адно число и в адно време адна принесла сына, друга дочь. Вот ане в церкви вместе съехалис крестить И „давай", ане говарят: „давай заключим на их маленьких. Если живы-здаровы будим, тибе штоб нигде не брать и мне штоб никуда не выдавать".—Ну, и абязались гумагам. Вот, растут ане: мальчик и девушка, ондали в школу, учатца ане вместе, и так, кароче сказать, им года подашли, можно уж и свадьбу делать. А нивестин атец што то немножко победне стал. Жениху как што-то вроде не надо стало ету нивесту. Ну, все-таки, атец мать уговарели — „Нельзя же етова делать, мы вас ишо маленькими заключили". Сделали ане свадьбу. Как ат венца приехали, выпили, закусили, побеседовали и легли малодым на спакой, в андельную комнату. Как слышат: никаво нет, а кто то спрашиват, а никово не видать.

„Што", говарит: „вам, новобрачные, горю привязатца сызмоладу али под старось лет?" Стали ане, двери заперли.—„Ето нам привидилось привиденье како!" Вторично дверь отварилась, апеть таким же побытом спрашивают их Апеть стали, закрыли дверь и саветуют: „што такое над нам случилось?" — Кароче сказать, в третей раз дверь атварилась и с сурьёзом их спрашивают: „Я докуль к вам буду хадить, а то сечас же вас в живых не будет!"—Начали ане саветыватца межу сабой Он и говорит: „Пушай же под старось горе привяжетца, мы хоть с моладу с табой покрасуемся, а под старось, как бох велел".—

А ана ему говарит: „нет, пушай. сызмалоду будит. Сызмалоду мы с тобой заробить можим, а под старось куда дениш'.—Решили сказать. что сызмалоду привя зывайся, горе. Тагда объяснили ане ето всемя родным. Имя не поверил некто.—„Померешшилось ето вам, да приснилось".

Вот, как после свадьбы не стало имя счисливить: то то, то друго. Склады. мангазины погарели. Савсем плохо, бедно стали жить. Асталась у их кабыл•нка фуденькая. жилой дом и тот згорел. Тагда он стал ей говареть: „вот што. мая дарогая, как у нас нет тут ни дому ни имушесва, под•м в другой город, а то тут даже совесно". -Запрегли ане сваю худую кабы л•нку и поехали. Сколько на ей поехали, под гору кабыл•нка побежала шибко. упала, раскатилас, и ле• сверпула, зашиблас.—„Ну, што же. дарогая мая. давай хош збрую собир•м: до диревни донис•м, хошь прададим".

И повезли ети сани и збрую на сибе Вот ане везутца. на сибе везут санки и збрую Пападатца имя мужичок. купил у их ето все. Пашли ани прастыя, Вот ани идут пут•м-дарогою. Видят шист•рка лоша-дей пр•тца на стречу, пылкая, с екипажом: павер-стались против их. и астанавливаютца. -„Вот што. паслушай. ты мне продай жану: у тибя и так горе". Атвечат ему: „горе да вдвоем. Вдвоем веселее. Пашто я тибе жану продам?" -- „Все равно, не продаш. и так увезу. и не дагонишь ты меня, не узнаш. А так по крайности деньги получишь".—Забират жану. содит в екипаж. — „А ты, послушай-ка, дэржи шапку". — Насы-пал ему полну шапку золата за жану, а сам сял и уехал.

Хоть он и золото получил, но не лесно ему ано. Жана то лутче бы была. Шол, шол с золатом.—„Дай же я хош сяду, посматрю".—Только присел, шапку поставил круг сибя, не откуль взелса ворон, ухватил шапку золата у ево. Асталса не при чом он. Прихо-дит в город. И наймыватца к адному воспадину в двор-ники. Нанялса. живет он месец. живет он другой. И так живет он харошо, отрадно у нево на душе. „Как

из постройки, из всево всё на наше находит, бытто я дома".—Кароче сказать, до году уж астаётца адин месец. А у их, у етова воспадина, у спальной перед акном вырос агромной дуб.—„Пади-ка, да ссеки, дворник, етот дуб, свет весь он загородил у спальни у нас".—Как дуб падрубил, свалил, видит: под етим дубом ево шапка с золатом лежит, катору ворон унес. „Вот, воспадин хазяин, я сваю находку нашол, са знаюсь вам под вашим дубом. Мая шапка с золатом". —„А где же ты мок взясть столько золота?" — „А вот", говарит: „у меня была жана, и како-т гасподин насильно уташшил ие от меня и шапку золата насыпал. Не от радости я ие взял, и патом ету шапку ворон уташшил". — „Ну, раз твая, так владай!" — Кароче расказать, уж вот ему расчот завтра, год завтра. Как он начал рашшитыватца с им, а етот хазяин спрашиват: а што же ты тапериче-б павиделса бы с жаной, аль нет?" — „Да мало бы чево я хател, да где взять?" — Тада он приказал иму жану привести, ана у нево на третьим етажу сидела. „Вот ето самое, твае горе, и есь!"

—„Вот, живите тут счесливо, а типерь горя больше нет".—И живут ани счесливо: горе то на адин год к имя привязывалось.

---

14. [Иван-Царевич, Серый Волк и Елена Прекрасная].

Вот жил был князь Енислав Андреич. И у ево было три сына: Коля, Митя и Ваня, всех младше. Патом все дети уж у ево выросли бальшия—их жанить надо. И был у ево сад великолепнай. Батюшки-светы какой великолепнай сад! И стал кто-то сад ево пахишшать, дарогие яблоки варовать. Так што князю стало жалко свой труд—сад. А он дале и боле похишшатца. Не можут никакия караулы уследить пахитницу. Тагда царь пиристал уж пить и ись,

по настаяшшому затасковал. Дитям атца жалко стало, што савсем атец плахой стал Ани, дети ети, стали развеселивать — Дарогой наш папаша, отчиво вы стали такой пичальный? Дарогой наш папаша, лутче мы станем сами преследовать пахитчика только ты не печалься".—Так што отец обрадавалса, как дети побешшали сад стерекчи.

Ну, вот как старшой сын абъяснятца: «папаша сёдни мая очередь Я пайду сад караулить". Отправился Коля сад стерекчи. Сколь он ни похалил с вечиру, никаво не видал, сял на мяхкую траву, припал да и уснул. Утром атец пасылат за им посланника.— Не видал ли што харошево? Ну ка, не обрадуешь ли меня чем? Не видал ли каку пахитницу? «Нет, родимай мой батюшка, всю ночь не спал, глаз с глазом не сашолса, а никово не видал.» Прежде старово атец призадумалса.

Также, короче сказать, и Митя Таким же опытом ему ответил. И также он спал всю ночь. Наступило младшево брата стерекчи итти сад. Как пашол Иван-царевич, меньший брат, сад отцов стерекчи и даже баитца присести, не то што прилякчи Как ево сон задолит, он расой с травы умоитца, а не ложитца—все пасёт сад. Паловина ночи так што ему чудитца, в ево саду асвешшатца чо то. Все светле и светле становитца Как видит, жар-птица прилетела, и сяла на ихи залотые яблоки Как Ваня тихо приташса подполз ко древу тихим образом и поймал птицу за хвост Как птица сильная, двинулась ана- осталас у ево в руке адно перо хваста.

Как приходит меньший сын к отцу, без посланнихох, сам, и атец спрашиват: «Ну, што, дарогой мой Ваня, не видал ли ты каво пахитницов!»— Ну, хош дарогой батюшка поймать не поймал, а хош проследил, кто наш сад сушит Ето просто, батюшка, не мушшина и не бабка. Вот батюшка, от пахитницы знак памяти вам принес. Ето батюшка, жар птица!» Вот царь как обрадовалса, вся печаль, вся тягось сле-

зла. С той поры стал пить и ись—и не стал никакой печали не знать, и сад перестал сохнуть у ево

В адно прекрасное время царю занутрило об етой, об жар-птицы.— Вот што, дарогия дети, вы бы поймали по добраму коню и паездили, места паузнавали, не натакались ли где на ету жар птицу. —Дети весьма атца побладарили и атправилис в путь-дорогу, все трое.

Вот как самай младшай сын, долго ли коротко он ехал и доежжат он до трех дорог. На сталбе надпись. Как Иван-царевич надпись прочитал: «по правую сторону ехать самому живому не быть, по средней дороге ехать—конь пахититца—каня серой волк съест. В леву сторону ехать—сам холодён-голоден будешь Так што Иван-царевич целай час стаял, думал: „на катору же мне дорогу решитца ехать. Дай же решусь по средней дароге, де уж коня серой волк съест".

Едит он по средней дароге Не откуда взелса, волк бежит. «Ну Иван-царевич, слезай с добраво сваево коня, нечево пенять ведь, ты надпись виден-читал». — Принуждён Иван-царевич слазить со сваево добраво коня, и при глазах же ево растарзал серой волк коня на мелкия части Призагорюнилса Иван-царевич и пашол пешком Ну скоро ли долго ли, каротко ли он шол и устал до смерточки. Как он песший не привычин хадить, сял на мяхкую траву и призагорюнилса сидит: «чо я топерь буду делать». — Не откуль взелся бежит к ему серой добрый волк.— «Што же ты, Иван-царевич сидиш, призагорюнилса так?» — «А как же мне не пичалитца, колды я остался без сваево добраво коня».— „А куды же ты на сваим добрым кане путь доржал? Скажи ка мне всию правду».—И расказал все ему патробно.— «Фу, фу, ты бы во веки веков на сваем добром кане не нашол бы жар-птицы. Я адин про ие знаю, где ана живет. Так как я тваево каня растарзал, то буду служить тибе верой и правдой На тваим на добрым кане ты бы жар птицу в три года даехал а я

тибя в три часа приставлю туды, говарит.— «Ну, уж не брошу же тибя, Иван царевич, буду тибе служить верой и правдой. Садись-ка на миня, доржись ка за миня!»

Вот, кароче сказать, прибегают ане в ту крепось, где ета жар птица сидит.— Вот те, Иван царевич, матри же, какой я тибе наказ буду наказавать. Ты слушай миня, не забывай. Вот крепось то высокая, ты ступай через ету крепось—и там в клетке сидит жар птица. Сичас как раз хароший час—часовые спят. Только, матри, с клеткой ни не бери. Как Иван-царевич перилез через крепось, бирет жар птицу—на ево счасье все караульные спят. Жар-птицу взял, и посматрел на клетку. Серце ево разгарелося. «ах кака залота да драгоценна! Как же таку не взясь!»—И забыл наказ волка Только до клетки дотронулса, пашол звук: периведены были струны, барабаны забили—саскочила вся дворня. Паймали тут Ивана царевича. Представили ево к царю Афрону на дапрос.—«Чей ты, откуль?»—«Я—Иван царевич!»—«Ай ай канфуз какой! Царской сын да пашол варовать. Каким глупостям заниматца. Как простой мужик!»— А што же ваша птица летала в наш сад?»—«А я как знаю тваво радителя, ты бы пришол ка мне, и из совести папрсил—я андал бы ни тибе из уважения к твайму радителю. А топеря я по всем гарадам и Масквам прапушшу нехорошой звук об вас. Ну, вот саслужи мне службу—так прашшу я тибя. Вот в таким то гораде, в такой-то земле, у царя Кусмана есь конь златогривэй. Приведи ево мне—и я андам тибе жар-птицу с клеткой». (Сам же варовать отправляет).

Загорунилса Иван-царевич, идет к сераму волку.—«Я же тибе говарел, што не шевель ты клетку. Пашто не слушал мой приказ. Ну тагда садись на меня».—Падъезжат к етой крепосте, где етот конь златогривой, ко князю Кусману. Даехали ане до етой крепосте.—«Ну полезай в крепось, дворня спит. Да матри уздечку не шевель!»—Как перешол через кре-

пось, поймал коня златогривово Иван-царевич и по-
зарилса на уздечку—ана вся в бирлянтах убрана
—только в етой уздечке етаму коню и гулять. Толь-
ко датронулса до уздечки, и пашол звук по всей кре-
посте. Донесли князю, стала вся дворня Павели Ива-
на-царевича на дапросы: «Чей-ты, аткуль?» «Я—
Иван-царевич!»—«Эка, какиим глупостям взялс
ты, Иван-царевич! Каня варовать—ето прастой мужик
не согласитца. Вот—говарит я колда тибя прашш.
Вот у князя Далмата есь Елена Прекрасная. Приве-
ди ис ко мне Я подарю тибе каня и с уздечкой».

Загорюнилса Иван царевич, пашол к серому вол-
ку. «Вот, Иван-Царевич, не слушали мой приказ Ето
только мне, серому волку, хлопоты, а ты только напа-
стиш». «Ну, прасти же ты, прасти, серой волк, ради бо-
га, меня».—«То-то, прасти. Садись на меня! Взял-
са за гуж, уж не говори, што не дюж!» Папёрлись к
князю етому, к Далмату. Приезжают к князю Далма-
ту, к етой крепости, к саду ево А в етим саду толь-
ко Елена Прикрасная с нянюшкам, с мамушкам гу-
лят у ево. «Ну, да вот я уж тибя в сад не пушшу—
я лутче, сам пайду» серой волк ему говарит. «А ты
ступай-ка лутче абратно—я тибя достигу где-на-
бить Как Иван-царевич отправилса обратной пу-
тёй, серой волк через крепось да в сад.- Не допу-
тил уж он ево. Засял за кус. Только што видит,
Елена Прикрасная вышла со сваим горнишным гулять
в сад. Серой волк видит ето. И вот как ана немнож-
ко приотстала от сваих нянюшках, серой волк при-
ухватил Елену Прикрасную, и прямо на спину сибе.
Настигает Ивана-царевича. Иван-царевич весьма об-
радовалса, што серой волк с Еленой Прикрасной на-
стигает ево. «Ну, садись скарэ, Иван-царевич, как бы
за нам погони не было!»

Как Иван-царевич сибе мечтат: «Как же я ра-
станус с такой красотой? Как же я на каня ис ме-
нять буду?»—Серой волк спрашиват: «Чо же ты,
Иван-царевич, пригорюнилса?»—«Да как же мне, се-

рой волк. не печалитца? Как же я растанус с таким сакровишшом?» — Серой волк ответил: «Да не бросю я вас, не разлучу с такой красотой!» — Как даезжают до князя Кусьмана, надо вести ему Елену Прикрасную, а каня брать.— «Вот што, Иван-царевич, Елену Прикрасную спрячем здесь где-набить, а я сейчас перекурнус кумельгой и сделаюсь Еленой Прикрасной, а ты меня веди и получим каня».—Серой волк перевернулса и сточь—в точ сделалса Еленой Прикрасной. Павел Иван-царевич. Вот князь Кысьман весьма обрадовалса, ведут ему Елену Прикрасную. Елену Прикрасную взял, каня с уздечкой подал Ивану-царевичу и побладарил ево ишо.

Как Иван царевич вывел златогриваво каня с уздечкой, и сяли на златогриваво каня и паехали. Долго ли коротко ли ане ехали: «Об чом же ты задумалса, Иван-царевич?»—«Как же мне не думать, растатца с таким сакровишшом—канём златогривом. На чом же я паеду с Еленой Прикрасной?»—«Не печалься памогу».—Вот доезжат до князя Афрона.—«Вот я сечас же в етот раз, обращус в каня златогриваво, а етаво каня ты спрячь с Еленой Прикрасной, а меня веди к Афрону».—Павел Иван-царевич ево к князю Афрону. Как принял князь каня златогриваво, побладарил и падаёт ему клетку вместе с жар-птицей. Как усялись на златогриваво каня с Еленой Прикрасной с жар-птицей и паехали путём дарогою.

Ехали ани долго ли коротко ли, доганят их серой волк.—«Ну, Иван царевич, давай папрашшамса. Вы уж даежжаете до грани, до границы сваёй»—Иван-царевич слезаит с каня, и кладёт ему три раз паклон до земли. С уважением отблагодарил серано. Серой волк сказал: «шибко не прашшайся—што я тибе пригожусь.» Он думат сибе на уме: «куды же ты ишо пригадисся? Всё жаланье маё исполнёно»

Так уж ани нидалёко уж от сваих краях. Вздумалос ему паполдневать, раскинули шатёр и легли ондохнуть. Как Иван-царевич заснул крепко. Подъезжают к ему братья те. Как ани ездили по другим

землям — тоже искали жар-птицу. И решилис на адин савет. «Давай убъём брата, а добыча вся будит наша. Ето как мы к атцу приедем, у нас ни адной добычи нету, а у ево и жар-птица и конь златогривой и Елена Прикрасная. Решилис и убили брата, даже растарзали на куски ево. И патом сяли на добраво коня, взяли жар-птицу, посадили Елену Прикрасную и устрашили иё: «не сказавай дома ничево».

Не откуль серой волк прибежал к ево кускам, к етим расторзаным. А над ём уж вароны летают. И поймал серой волк варонёнка. — «Ты пашли ка сваёв варонёнка. Пусь живой и мёртвой воды достанёт. А ежли не пашлёш, всё ваше паколение выведу воронское!» — Полетел ворон. А серой волк стал Иван царевича кусочки слаживать. Прилетат ворон с живой и мёртвой водой. Как серой волк спрыснул Ивана-царевича етой водой — апеть стал живой. — «Как же я долго мог спать?» — «Да, приятно ты спал», серой волк сказал: «ты уж был на куски расторзанай. Кабы не я, ты бы тут век таскалса. Тебя же, ведь, радныя братья пабедили и всю тваю добычу увезли. Ну-ка садись на миня». — Сял Иван-царевич на сераво волка — настигают братьех, отабрали у их всею добычу.

Усадил серой волк Ивана-царевича на златогриваво каня со всёй добычей и сам спрашиват Ивана-царевича: «ну што тваих братьех съись, расторзать или прастиш их.» «Ах, серой волк, я прашшаю — прастить ль вы?» — Ну, побладарил сераво волка и прастилис ане тут навечно. И паехал Иван-царевич сваим путём дорогою к атцу сваёму.

Как атец обрадавалса, стретил Ивана царевича, пашол у их пир, пашло весельсво, пашла свадьба. И Ивана-царевича повенчал с Еленой Прикрасной. Царём стал, сдал ему царь царство за заслугу ево.

---

15. [Марко богатый и Василий].

Жил был в адной диревушке хрисьянин. Он был лосман. Первеющший лосман был. Все ево богачи знали. П том жана ево биременна была в тягостях; в адно время к имя пришол человек прохожай, нишший, начивать. Начивать стал он праситца. А жана стала говареть: «не надо Я в тех порах кажу. Можит чолибо случитца, неловко будит.—А муж говарит: «ну, глупая, дак што же, завсе бох. У нас есь анделыная комната.—Все-таки пустили ани етова старичка.

Патом вечиром, как уж стемнело, приезжат купец. А етот купец - Марко багатый. Ну, канешно, как он образованый человек был, принимат ево Обхождение он знал, положил ево в переднюю комнату к заборочке, а нишшево в задню, к той же заборочке И легли спать. Той же ночью, у етова хазяина абъягнилась авца в хлеву. Принесла барана, и в ту же ночь жана сына радила у ево, как на фарт, на этих на гастей.

Ну, патом, ночью Марка багатый слышит: нишший у дверей с кем-то шопчитца. А етот нишший был светой, только што ево не сазновали за светово, за нишшево сочтили. И прилители к ему два ангела и тайный разговор ани шопчутца с етим стариком. А Марка багатый етот разговор слышит — Вот што, господи, у етова хазяина абъягнилась авца Етова егненка, каким наделить счасьем, штобы хазяин ему пользовалса, аль пахититца он чем-набидь? — Пушай на волка растёт! — А вот мальчик у их же седнишной ночи родилса. Ево чем наделить? А старичок сказал: «ево наделите, етова мальчика. Марки багатова счасьем!»

А он слышит, он тут же само Ево за ретиво то уж задело. Ему не спитца до утра то. Мечтами пошло у нево в галове.—Неушто же ето правда! Ма то счасье, да этому ребенку отдатца. Не можит

быть, што мае счастье етому перейдёт! —Жалко ему сваё счаесье.— Погади, думат: я ето испытаю сичас же. До утра бы только.—И развеселят сам себя: «неправда, ето всё».

Вот как утром стали ани, аделса он, поправился, и давай хазяина спрашивать етот купец: Нет ли у вас што из молодятчинки мне к чаю пригатовить? Ну хозчин: Ах, говарит: нету, адна авца всево абъягнилась И нельзи калоть егнёнка. он только што радился.— Ничево зарежьте сединшнаво.— Да, вы же не будите, ево ведь равно нельзя ись: он парной ешо. Нет, говарит: пажелуста, што стоит будит, заплачу.—Ну, угомарел хозяина, закалол етово егнёнка и затолкали в печь. Купец сибе ходит по комнате и думат: А, ето все неправда. Вот егнёнка, говарили, волк съел, а уж егнёнок в печи. А хазяин ето ничо не знат. Только егнёнок етот зажарилса, докладывает ему: воспадин купец, вам готова зикуска! —Как купцу вынули ету зикуску, приказал он ие поставить на окошко. Пушки остынит, патом я закушу.—А сам взял, окно атворил.

Вдруг неоткуль евилса из зартья волк, прямо в окно и схватил етова егнёнка, прямо из латки. Патом Марку за ретиво задело.—Вот, как сказали, волку нарекчи так и вышло Неужель также и мае счасье уйдет стаму ребёнку? Неприятно ему кажетца, етаму Марке багатому. Стал думать: пагоди, я етово ребёнка буду в дети прасить. Што ребенок будит у миня и счасье будит у миня —В спадин хазяин, давай седни новарождёнаго крестить Я кресная буду.—Хазяин: Ну да што, говарит: вам беспокоитца. У нашево брата и сваи примут Што же вы будёте день прадолжать из-за нас. А купец адно пристал.— Нет я жалаю принять.—Патом как хазяин с жаной перетолковали.— Што же, давайте крестить! — Ну, и паехали крестить.

Акрестили и дали ему Васильем имя Патом Марка багатый стал у ево в дети прасить етово парнишку.

Сыновей у меня нету, адна дочь, как я кресный - ан-

дайте мне ево, у меня ему худобы не будит. Капиталу хватит: я вам за ево тышечу рублей жертвую». —«Ну, да чо же», стали тут ево радные говареть: «чо же тибе не андать ево.—Стали саветы хазяину давать. Решилса хазяин андать ему, етому купцу, ребёнка. Взял ребёнка поехал путём-дарогой домой. А за младенца аставил тыщу рублей имя. А как выехал несколько вёрс и бросил за город ево в абраг, в сумёт. «Вот тибе счасье и не мае!» И уехал домой Марка багатый.

А опосля ево идётъ транш[illegible]рт товарох ево же, Марки багатово, и паверстались колу етово абрагу и главный прикашшик увидал, што из етово абрагу идёт пар. Кому тут нельзя быть? Посылат ямшчикох пасмотреть, што тут за диковина. Ямшики подашли к абрагу, видит младенец сидит и кругом ево все абтаяло уж и светки росвели. Прикашшик весьма обрадовалса: «а у меня дитей нету буду ево ростить, будит ето у миня сын». И павёз домой. Приезжат домой, андаёт жене ребенка—и жана обрадовалас. «Вот што бох дал! Ето нам счасье бох дал!»—А сам идёт к хазяину купцу. Первым долгом спрашиват купец: «Ну, каково хадили, как съездили?»—Прикашшик атвечат. «Счисливый выход мой! Вот што я вам харошенькаво раскажу. Вот в таким то в таким то месте ребёнка в абраге нашли. Мыслейно-ли такому маленькому спастись тайно в абраге». Марка багатый тово разу дагадался, што ето он бросил, и стал прасить прикашшика: «андай мне етова ребёнка!»—И так прасил и на спуск уж у их пошло. Прикашшик и говарит—«да быть бы бальшие убытки, ты бы с меня зыскал, а вот прибытки сибе берёшь».—Марко прикашчику закладыват три тыщи.—«Андай мне етова ребенка!»—Ну прикашшик решилса андать.

Патом ево ему деть некуды, засмолил в бачонок, и бросил ево в Ангару. А етот бачонок принесло к монастырю. Поутру монахи по воду пошли, бачонок у монастыря плават. И младенец кричит, слышат. Пашли к архирею.—«Можно ли етот бачонок брать? Не

смущает ли нас ето хто тут? — Архирей разрешил взять бачонок. Взняли: там дитё. Апеть стали иё крестить И апеть же имя Василий дали Ну и начали ане ево ростить в монастыре Монашки вадитца с ём стали. васпитывать, как дитю. Растет онъ у их так лет с 8. Ане ево ондали учить. Идет в грамоте он харошо. Как уж, кароче сказать, он уж лет 15 стал у их в монастыре

Вот Марка багатый етот же самый праезжат и вздумалос ему в галове сослужить в етом монастыре абедню

Заходит, саслужил абедню, и так ему етот мальчик пачравилса задушевный, прямо лег у серца А он уж клюшником. Он стал у манахох ево прасить А манахи ево ему не ондают, говарят, што мы сами взростили, и расказавают, што в бачонке взяли. Марко апеть же дагодалса, што ето тот самый юноша. Марко прильнул к ими Ну вот ондайте да ондайте, а манахи свай, што он имя гля себя нужон Он даже с усердием просит, што бальшия тыщи заложиват. Манахам делать нечево. Пашли далаживать архирею, што вот такой то купец просит Спрашивают Васю што же, Вась, падёшь к ему? «Воля ваша, а я не знаю» — «Ну куды же мы ети тыщи, што за тибя бальшой капитал заложивают? Куды же еги деньги, скажи». — Вася сказал: «воля ваша, а только мой савет, паловину вам за ваши труды, паловину в приклад на монастырь на поправку» — Васин савет ладен был

Привозит Марко домой етово парня, Васю, а с жаной разговаривает: «што я топеря буду с ём делать, вот беда привязалась На воде не тонит, в авраге не мерзнит» — Жана стала Марке саветы давать: «Ну да што ты ево ненавидишь, када счасье твае у ево, так и даржи у себя абоим вам хватит. Сталобыть так богу надо Вот луче, как годи у нас дочири падхожия и у ево года падхожия, давай павенчаим их». — А Марко на жену сурьёзным голасом: «Ах ты такая сякая, што я буду ненависнаво мне в

свой капитал вводить, я ево изведу.—Воспылал на жану, а Вася живёт у ево, ничево етово не знат Как у етово Марки багатаго, как он был багатый, были всякия мангазины, заводы сваи, посылат он ево —Как ты теперя есь у меня сын, принимайся за дело, надо-ка на мыльной завод Понаблюдай за делом, понистуй.—А сам на мыльной завод тилеграму дал, што вот таково то числа, кто на мыльный завод первай человек будит, сразу ево в катёл. А сам васе письмо даёт, што вот как мальчик заявитца сразу ево в катёл

Как Вася отправилса путём-дарогой на мыльнай завод. Васе попадатца стречу древной старичок.— «Здрастуйте, малодой человек!» Здрастуй, дедушка!» «Куда же вас бох панёс?» «Да вот как у маёва названаво папаши есь мыльнай завод, он меня отправил посматреть там – последить Да вот письмецо передать имя несу».—«Ну-ка, покажите мне письмо». Показал Вася старичку письмо. Старичок взял ево письмо и перепичатал другомя «Вот Вася ты пади в такой-то монастырь, саслужи абедню, тада пади на мыльнай завод». Как Вася покиль абедню служил, старика послушал, время много прошло, а ему казалос мало. Марка багатый напереть ево на завод евилса. Ево уж терпения не стало. Как Марко не утерпел, ко времю далжон атвет быть. Как ане до сих пор не даносют. Затолкали ли ево в печь? Сам же напиреть и приехал, ане ево сулгали, да в катёл было— он все таки атговарелса, што я сам хазяин, што я вам другова велел И Вася евилса в етот же самай завод. Свидились ане тут с Марком.

Тогда Марка багатый осталса тут на заводе, а Васю послал с письмом к жене, штоб непременно ево извела. Ну, на том же месте апеть же ему старичок попалса. «Зайди же, Вася, вот тут новый сабор, саслужи абедню».—Ах, дедушка, мне некода, папаша немедлено поспешить дамой велел».—«Ну-ка кажи у тибя письмецо с чем?» Дедушка у Васи спрашиват. Етот дедушка посматрел на письмецо, дунул, на сваём, пе-

репичатал ево другомя, што и Васе не взаметку.— «Ну все-таки, Вася. зайди в храм саслужи абедню».— Зашол Вася в храм, саслужил абедню, патом домой приходит, и падаёт сваёй матери письмо—етой купчихе. Как мать письмо прочитала — Што такое? Ни-пременно до маёво приезду, поспешай ево обвенчать». (Он то не ето писал, а там старичок ето сладил) То незнавидел, а тут венчать велит. Зарадовалась Ну живо повенчала. Марко багатый дамой едит, радуитца. Думат: «теперь ненависника у меня нет. Убрала жана раньше миня». Марко дамой заезжаит, а зять с дочерью стречают ево. Он усумлилса: «Ето што же живой, да еще в зятья папал!»

Кагда Марко приходит к жене в спальню и зачинат ругать жану.—«Я рази тебе ето велел сделать, што жанить. Я прикрыть тибе велел ево скарее».— Как жана кажет письмо Марке—«Вот што я от вас получила».—Марко гледит: што такое. «как рука мая, а я же не ето писал. Што тут даспелося?»—Патом Марко стал думать в сваёй галове. «Где ж я ево пахичу—ништо ево не бирет».—Тада как живет он у Марки с палгода в зятях, а Марко всё ненавидит ево И то не так, всё не по ём А тёшша и жана весьма любят ево Тагда Марко придумал: погади, пашлю я ево к трёхглавому змею. Съест же он ево, пади. Вот што, дарогой мой зять, как ты типеря у меня в хазяивх, ступай-ка ты, у меня за трёхглавым змеем долг старинай Зыскивай-ка ево! Как тёшша и жана заплакали. Што уж не вазратитца Вася, знают уж, аттудова.

Тада атправилса Вася путём-дарогою. Вот идет Вася там, можит, ниделю, али две. Вот стаит дуб качатца, маица. Нагнётца, наклонитца, без утыша качатца. Вася подходит к етому дубу: «Ах, старый дуб, как мне тибя жаль! Человек может вреди сделать, а ты, древо, никаму не можишь вреды сделать!»—Дуб ево спрашиват человечьим голасом: «Куды же ты пашол»?—«Я», говарит: «пашол к трёхглавому змею».—

«Так вот, пажалуста, Вася, не забудь: спраси у трехглавово змея, долго ли я буду стаять маятца. Он про ето знат».—«Ладно, спрашу».

Апеть падходит Вася к рике. Через ету реку лежит рыба. Мясо у ней сбито до рёбер. Што по ей и песший и конный ходют. Вроде мосту ета риба лежит. И Васе приходитца через ие же итти. Как Вася пошол по рибе и сибе же умом—думат — «Бидняжка риба, за что же ты тут тиранисся, лежишь?» Как Вася через рибу перешол, рибу пажалел, риба спрашиват Васю: «а куда же ты пашол?» —«Я пашол к трёхглавому змею тестеву дань зыскавать». Риба с бальшим поклоном к ему: «спраси, Вася, докуль я тут буду лежать. Съели у меня всё мясо».

Патом Вася приходит к абширной рике. Тут перевоз-плашкот. И тут перевошшик. Сял он на паром и стал тут Вася у ево спрашивать — «А куды же ты пашол?» Спрашиват ево перевошшик. Апеть Вася также ответил. —«К трёхглавому змею тестеву дань прасить». —И ему перевошшик с паклоном: «спраси, Вася, докуль я тут буду перевозить».

Заходит он, где трёхглавай змей живет. Тут сидит на цапе девушка. Девушка праговарела: «Ой ой, Вася я то по неволе суда попала, што он мене украл. Но ты то как сюда попал. На сваих ногах в ето проклятое место пришол». Удевлятца. «Ну дарогая красавица», говарит: «и я не по сваёй воле зашол».— «Видь, скоро змей прилетит. Он тебя съест». —«А куды же ты мене спрячешь?» —«Вовсе некуды. Вот уж безо всякой совести лезь ко мне под платье, садись безо всякаво конфуза. Больше некуды».—Патом, как ей Вася расказал про дуб и про рибу и про перивоз. Успел всё с етой девкой переговареть. Змей летит—вся изба дражит. А Вася уж под платье залез. Змей прилетел, прямо ей на калена упал. —Паишши ка мне в галове! Фу», говарит: «што то Русью пахнет от тебя». —Змей спрашиват красавицу —«Што же откуль ту могла русь взятца. Вы сами по вольному духу летали, и руся запаху наимались».— Как

Ленский тракт

Тракт вблизи Верхоленска

ана ему стала голову перебирать и говарит: «вот што, душечка, какой мне сон пригрезилса».—Он обратно: «раскажи ка».—«Битто я где то по абширному лесу хадила и вот дуб то склонитца то расклонитца, и бытто етот дуб и говарит: докуля я буду качатца?» Он же ей сказал—змей: «да-ведь, и вправду, дуб есь, стаит качатца».—Ну ана ему несмело сказала: «а, правды он будет долго качатца!» —«А вот до у. алово. Под ём Марки багатово долг стаит. Кто сталкнёт ёво, да залото вазмёт, дотуль и будет качатца». «И патом битто я пришла до абширной реки, и лежит тут риба, до достей пробито все ёё мясо, вроде мосту ета риба лежит».—А он ей: «да ведь, вправду, такая риба есь лежит».—«А долго ета риба будет лежать?» «А вот ана съела Маркины двенацать карабльёв. Вот, до удалова и будет лежать. Как он заставит ёё выхаркнуть, так ана и пайдёт живая».—Патом и про пиреез расказыват, што перевошшик спрашиват, долго ль я буду перевозить. Он говарит: «Кавда Марка багатово дождётца. Марка багатый вместо ево перевошшиком будет».

Ну, тагда захрапел змей у ёё на каленах. Крепким сном заснул. Выходит из-под платья етот Вася, берет ево меч и снёс ему голову. Кагда как снёс голеву, спустил с цепи ету девушку и пошли ане с ей путём дарогою. А Марко дома радуитца. «Ну живово ево теперь съел змей».—Тада доходют ане до перево-за, ну и перевошшик спрашиват: «Ну што он сказал?» —«А вот как пирееду, так скажу». -Как переехал, начинат Вася расказывать: «вот как Марка багатово дождёсся, дай ему в руки весло и будет он вечно владать пиревозом». Тада даходют ане до рибы с етой девушкой. Риба спрашиват: «Ну што, спрашивал у змея обо мне?» -«Спрашивал».-«Ну што, он сказал?

«Погади, перейду, тада скажу. Вынирни», говарит: «Маркины карабли двенацать из себя, тада и пайдёшь». Принуждёна рыба, выхаркнула рыба двенацать карабель, стрепенулась рыба—не стали по ей ни хадить ни ездить, ушла на сваё место риба. Вася доходит до ду-

бу. Прямо дубу навалилса и сталкнул, и давай ето золато на карабли нагружать. А девушка пошла сваим путём, а Вася на караблях тестю долг павёз.

Как Вася приплыват к тестю, жана и тёшша увидали, што он живой, от радости не могут, куда деватца. А Марку зло задавило, што он живой осталса. Недоволен етому, што пришол он с долгом, а сейчас думат: «поеду к змею, распоряжуся с ём. Зачем атпустил зятя, а не съел ево?» -Как паехал Марко туда, доехал до перивоза и посадил ево етот перевошшик на перивоз, сунул ему весло и стал Марко перевошшиком. И дома не побывал и зятя не видал. Так и стал вазить на етим перевозе. Вася стал жить пожи вать. Так-таки и стал на Маринном счастье.

---

16. [Жена-оборотень].

Жил был адин купец с жаной. У их был единственый сын. Звали ево Васей. И Вася тарговал у их в мангазине. Так недалеко от дому, дома за три-четыре. Был он ласкательный, образованный, приемный—и народ к ему так и валит. Всех и привадил к сибе. Ну, как он уж был лет 17—18, заболел у ево атец сильно. И пречуствовал смерти сибе, што уж канец, не стать, мне ка боль, и призыват к сибе жану.—«Вот што, дарогая мая, уж стало быть, мой канец пришол. Пошли за Васей. Я пока ль силы-мочь чуствую, раскажу, как вам жить без меня». Послала она прислугу за Васей. Вася мангазин скрыл и пришол домой. Берут по стулу и садятца к атцовой койке слушать приказ, как он будет ими наслеждение давать.— «Вот што, жана ты дарогая, как я умру—в долга за бедным книгу похерьте,— а с богатых взышшите». И патом он говарит: «В год три раза миня харошо поменяйте. Сделайте горячай абед сичас, в полгодье и как год дойдет. И позавитс, штоб все были сыты: и старый, и малый, и нишший и бога-

тый. И раздайте, єколь там надо, бедным. Ну, и до палгода мангазин не распечатавайте, не торгуйте, штоб никакой тарговли не было»,

Ну, и похаранили атца. И сделали все, как есь, по приказу атца. И уж до палгодья адин месец остаётца, мангазин запечатан. и на Васю навалилась страшная скука—некуда ему от скуки деватца. Куды он не пойдет, всюду скука ему. И начал он мать переспрашивать: «Давай, мама, откроем мангазин. Ну, хошь не для тарговли, а для веселья, а то от скуки магу захварать». Ну, матерь и распечатать баитца, и сына жаль. Ну, решилас, што бох даст—решилас распечатать. Повалил к Васе народ массой, и спрашиват ево народ: «Што же ето тибя. Вася, не было нигде не видно?»

Ну, несколько дён прашло—на мать така же скука навалилас. Вот Вася приходит к матери на абед—мать и говарит ему: «Вот, Вася, мне такая скука навалилась. Вы бы хоть жанились. а то я все адна да адна» —Ну, как ане с Васей друг друга уважали,— «Вот, магу, мама, жанитца, только в том, мама, я выясню, штоб нивесту мне самому искать».—Не притесняла штоб мать. Дает мать сыну правую руку, што «бох благословит, я етим не препятствую». Ну, как Вася заставил кучера запрекчи екипаж, и поехал нивесту искать. Как Вася все екал, невзаметным образом очутилса в бальшим хребте, в лесу, у харошево дому. И подъехал он к етому дому. Приходют ево три красавицы стречать Он и духом не чуствует. «Боже мой, така красота в лесу очутилася!» И стречают ево, приглашают в дом, содют за закуски. Выпил он, закусил, как у их за сталом, и на красоту их весьма раззарилса. и объяснилса имя: «Я не в гости к вам приехал, а вот посвататца хачу». —Ане абисняют ему: «Из двых любую бери, а третья замуж не пойдет—она хазяйка у нас». И решилса Вася на адной тут нивесте. Установили число. Апеть к дому приехал, и не знал, покуль уехал, летел—очутилса у самово дому. Мать с радосью Васю стретила, заходит

он в дом, ана и спрашивает: «Ну, как ваше дело, Вася?»—«Слава богу, мамаша. А не знат, где сказать--у ково, аль как. Ну, мать сама не хатела абидить—не стала долго спрашивать.

Давай к свадьбе приготавлятца, созыват поварох, и начали гатовить к свадьбе. Дашло число, собрали шаферох и поехали по нивесту. Ну, приводит и нивесту. Пашол у их пир, он весьма рад. убиватца, рассыпатца там--пашли танцы. Сколь ни потанцовали, побеседовали, надо на спакой ижя. Как он заходит в сваю спальну, разделса, сял на кровать ево дарогая жана налеват ему стакан вина или там квасу. «Выпей, мой дарогой Вася, на сон грядушший». —И не помнит, как он пил, и как лег—и слышит уже утром: народ уже стали, ходит, а он спал, как убитый и жану не видал. Вот он встаёт, жана ему ласкатца, а ему совесно: «Какой я синнья перед жаной доспелса». А ана перед им, как ласточка убиватца, одеват ево, обуват, застёгиват. Ну, как оделись ане, вышли—приглашат он малоду жану завтрекать—ана ничево ихово в рот не бирёт, а он всё думат, што жана абидилась. «Ничо не ес, што я етак в ночь па подлому доспел».

Ну, и так день прошол, не взила ана ихово крохи в рот. Только не дать смиётца. Как ани ни не поштуют—у них ля не наварено, не наготовлено, ничо не бирёт. К завтрему Вася уж распорядилса из самых дарогих ягод первюшший салат сделать. Ну, и каро-чё сказать, апеть же у них ночь таким манером прошла. Как стакан ему поднесла, выпил и апеть уснул. Вот на завтре всё пригатовили, наставили повары—и апеть же ничево не ес у их. Патом Васю мать отзыват в атхожую комнату сваю, и разговаривают с Васей тайно, «што же ето ана у их ничо не ес, как жить ана будит. Патом он матери и выяснятца.—«Вот, мамаша, втарую ночь наместо мёртвов лежу и жану не знаю, была ана ли нет со мною, лежала нет ли, ничо не помню». Мать ево и спрашиват: «Не оскорбитесь, Вася, что я у вас спрашу, как вы с ей ложитесь спать--в каких парядках?»

Он ей и объяснятца: «Вот», говарит: «какой то настойки или квасу подас, и не помню сам сибя, из чуствох выбъю, и не знаю, как ночь проходит».— «Вот што, Вася, веть, у вас спальня с фортачкой. Как ана стакан подас, ты вазьми, да попроси у ей цигару. Ана отвернётца, штоб цыгару тибе подать, ты стакан выплесни в фортачку--а сам притворись спяшшим. и цыгару не бери, а сматри, приметь, што будит делать».

Вот он так и сделал, притворилса, бутто уснул, и стакан из рук повалилса' И смотрит, што ана будит делать. Вот ана одеялом ево укрыват, да приговариват: «Спи, мой залотой, спи, мой дарогой». Патом, как одела, укрыла, надеват на себя лёхкие тухли, и долгой спальной халат. И пошла шшоголять. Вася, как иё опустил, тоже халат да тухли надел и за ей --только невзаметно. Ну, и пашол за ей скорым шагом, следить за ей--по тени пашол А ночь была мешшная (месячная). А как кладбишше было у их недалёко— заходит ана в кладбишшо, и Вася за ей тайным образом. На кладбишше была крапива бальша –сел за крапивой Вася, и смотрит, што ана будит делать.

Приходит к ей сотана ужашное, бальшое, обздоровались с ей, обнелись, поцаловались. Васю ужась объяла. Сотана спрашиват: «Што ты у их не ела, што ли? --«Нет,што ты, в рот ничо не брала». Патом начинают ане с сотаной свежую могилу разрывать, сотана бух в магилу, подаёт ей свежой труп. ана примат оттуль И садятца оба в ряд. и пашол у их костей только хруст, как ане зачили жрать. Нежрались, остатки стали брасать в магилу--и магилу заливать назать. Вася скорей тайным образом, скорым шагом домой, штоб до ней. Прибежал домой, и свернулса на кровать, как будто и спал. Прибегат ана. ложитца на кровать, только вздихиват, пыхтит. Чо же нажралась.

Вася едва свету дожлалса. Приходит утро, он умылса, оделся, приглашат иё закусавать. Вася стал покрупнее с ней разговаривать. Тада ана вынимат из

карману серебрену уховёрку, и три крупинки поддела. Гости все у их. Свадьба то ишшо стаит. Как ана етих трёх крупинок наелась—Вася и говарит: «Ты и с сотаной лутче костей, набыть, наешься, чем наша загатовка». Вот ана на Васю вскрыкнула громким голосом, вынимат из кармана плётку, ударила ево и он доспелса бальшим меделянским кабелём (как все ане были страшные валшебки, и ево магнитом то к лесу и притенуло— за непочитание атца, значит). Народ весь ужахнулса, а ана ево плетью ешо наказывает. Ну, што же, он визжел, визжел, да и бросилса на дорогу из ограды—и побежал, а ана напустила на ево диких сабак, и побежали те ево рвать. А мать чо же, в постели уж лежит, тоже испугалась ана.

Патом бежали, бежали за кабелем ети сабаки, а в гораду жил месник, Иван Иванович, ну, и напротив етой лавки, рвут ети сабаки кабеля. Он в окошко поглядыват. И жалко ему стало етово кабеля — Что же такой прелесный кабель и ево сабаки рвут .— Взял палку, отбил етово кабеля, а на ем адне клочья астались—все побили, искусали. И заносит етаво кабеля в дом. Вот говарит—сказыват сваей жане — Што же ето за кабель, жаль мне ево . Стал за ём ухаживать, мазью примазавать, кабель через месец стал кадить. В течение месецу кабель выздаровел. И кроме супу, да жареново—ничо не ес. Сыровэ никак не будит. И он удивлятца: «Што же ето за сабака—умная, жак человек!»

Потом, в етим же гораду жила дочь с матерью, тоже принцесса была, и пашла ета дочь к меснику мяса купить. «Иван Иванович, звешайте мне первейшево мясу 10 фунтох .—А сама всё на сабаку глядит. —Што ето за сабака такая, и спрашиват: откуль ето у тибя така сабака? Он ей все патребно рассказал, где взял, каким путем, што над ей было.— «Иван Иванович, продайте ие пажалста. Што хотите, за ие берите, только продайте ие . —«Избави боже, я сабакам тарговать буду: я двадцать лет в етим городу перед начальством, перед всемя на виду—да буду

сабакам тарговать .—Ну, ана пристала ета фрелина. Тада он говарит: «Нет, тарговать я етим не магу, но из уважения так ондам». Вот ета фрелина забират сабаку, а Ивану Ивановичу, все-таки кладет двадцать пять рублей: «Ето не продажу, а за ваши труды, што вы об ей беспокоились».

Приходит ана домой к матери, подает ей мяса и говарит: «Вот он где, Васька - то!» Мать: «Ну, што ты, какой Васька? — А вот гледи-ка, из нево Ваську сделаю». Наливат в чашку воды, нашоптала там чо-то. Он как бул человек, так сделалса человек. Ну, патом, стала ета фрелина ему выговаривать: «Вот не хотел ты из нашево гораду брать жану. Вот же и наказанье! Ну, што же ты, Вася, подешь к жене сваей? — Избави, Боже, всему попушшусь», говарит. «Нет, поди!» —Посылат ево ета фрелина. Налеват ему способие во хлакончик, и говарит: «Иди, только вызбу не ходи, ана на тибя выбежит, ногам затопат и побежит ана к калодцу по воду. Ана как павирнется-ца, ты ей на спину вадицы из хлакону и плесни, и скажи «Не магла жить малодицей, так будь же ты кабылицей!»—Так он и сделал.

Как ана зделалась кабылица, имат он ее на узду, становит в конюшню, дает ей ушат вады и меру пшаницы. А принцесса ета велела опосля всево явится к ней. И ана ево учит: «Вот шесь утров проезжай по форталу, и лупи не плетью, изорви все и в клочья. И лупи, покаль народ на ярмонке торгует». Вот Вася приходит домой.— Мамаша, буди миня раньше завтра .—Мать разбудила ево, он сел на кабылу, взял ету плеть, и поехал по форталу. А на ярмонке народ весь ужахнулся—што такое, какой малодой всадник! Кабыла и так, как картина, а он ее плетью наяривать!

И исполнилос пять утров, он на ней проезжал. Уж на кабыле ничо не осталось. Источал ее так, што кожа лахмотьям болтатца Ну, и как доспело шестое утро, народ збиратца, говарит: «Што ето такое, данести надо на таково. Изорвал животно в клочья,

безвинно, беспричинно .—Ну, и отправились к царю, даносят на ево «Ваше Царское Величесво, вот ездит малодец и привал животну, не знай за што, без всяких причин, так што жалко на ие сматреть. Царь спрасил их в то время: —«В какой время он проезжает? — Вот утром по солнышку, покиль народ торгует». — Ну, я сам завтра там буду»—посулился имя. Пришол и царь на плошшеть на шестое утро. Едит етот самый садник апеть на вороной кабыле, напротив царя поверстался, ишо пушше того, по етим ласкутьям бьёт, мясо то на ей так и трепышшет. Жалко сматреть. Царь сказал: за што же ты так нака зываешь животину? А Вася ему обратно: Етто, Ваше Царско Величесво, так не допрашивают. Я сам к вам на дварец приеду».

Как Вася приехал дамой, выпил, закусил, поехал к царю, на етой кабылице же, на дапрос Патом царь собрал там карапех, граков и делат дапрос «За што же ты ету животную так разорвал?» «Ваше Царское Величество, ето не кабыла, а жана мая. Я ей плачу абратно долк». Царь на нево взорвалса: «Как ето так ты говаришь? Рази может быть, штоб животное тебе жаной было?» — А ето магло так получитца», отвечал Вася: «штоб из человека кабель получилса, два месеца изорванный был». Царь спрашиват: «А кто можит уверить, што ты два месеца кабелем был, а ана твоя жана?» —«Есь таки люди—могут предоставить. Первым долгом достать сюда Ивана Иваныча месника». Пришол Иван Иваныч, месник,—стал ево царь допрашивать: «Случалось с табой так то вот, отбивал ты кабеля от сабак? — Действительно было, отбил и занес ево в комнату. Весь он в ключьях, ласкутьях был. И я целой месец, за ём ухаживал и такой прелесной кабель был, зачем только не говарит. И патом у меня така то и така то фрелина увела». Послали за етой фрелиной. Фрелина подходит.—«Именно я взела етово кабеля, што это не кабель был, а Васютка, и жаль мне ево стало, што он так страдал». —«Так вы», говарит, «с кабеля сделали Васютку, но-

жете из етой кабылы сделать женщину?» —«Магу».— Взела серебрену чашу, пошоптала над вадой, и обкатила иё. Как была баба, так бабой и сделалась. И вся изорваная, истёганая, патом царь ужахнулса.— «Што же ето такое магло над имя даспетца, што так страмсвовали. И тот бегал кабелём, и ета была кабыла?» —А Вася все расказал, и повенчалса с етой фрелиной. И стал жить чесь-чесью благородно А ету отправили домой: «де ты жила, там и живи, не путай православных душ!»

Как приходит ана домой, сестра, иё хазяйка, начинат ругать.— «Покуль же ты будешь людей портить? Сколь раз уж замуш выходишь, целый подвал сабак назапирала и всё мало. Славно, што нашолся такой малодец, который тебя исхлестал»! Ну, те обе сестры обешшаютца, што больше таких приведениех делать не будут. «Ну, ежли вы, сестрица, замуж не подёте, гля нашево житья давайте вечер состряпам».—Как ушла хозяйка на базар, ети стали убиратца налаживатца, комнату подметать Набрала ета хазяйка целую корзину тягосную всяких закусок, а по городу всякой журлябий много. Подбегат один ношшик— «Позвольте корзину нести». «Несите, я заплачу». Ну, идут ане с корзиной. Ана и говарит: «Зайдем ишо в питейное, я вина вазьму». Заходют ане в монапольку. Ана требует от цаловальника: «подай мне четверть вина». Ана вынимат из кармана кошилех золот», подаёт ему. Он говорит: «Ах, барышня, у меня на ево здачи не будет».—«А я», говарит: «здачи не беру, сразу по кошельку плачу». Цаловальник даже ужахнулса, што такое, думат. Идут ане с ношшиком. Ана спрашиват ево: «Ношшик, граматный аль нет». Ношшик звание скрыл. Подходят к дому, у них вывеска на воротах - литери напечатаны: «Кто высунет напереть нос, будит курнос». А он на вывеску смотрит, уставился, бутто ничо не понимат. Заходит в дом, и забыл, што у ево корзина на плечах, на красоту ихую обзарилса Подскакават к ему, корзины у ево сымают, а хозяйка кинулась к шкафчику, подаёт

ему мешочик с золотом.—«Извините, дарога красавица, што я у вас спрашу. Што у вас севодня тако будит заключатца?» а у них видит всё набрано, прикалочено к балу пригатовлёно.—«Ето у нас будит заздравный вечир».—«Вот што, дарога красавица. мне бы не надо етово кашелька. а дозвольте мне етот вечер посматреть. Зрос я в бедном паложении, николи етаково не видал».—Сестры отвечают: «он ваш, вы-хазяйка». —«Ну так, тада оставайся. а кашелёк всё-таки возьми».—Вот подашол вечир, зажгли ани електричесво, садятца все и ношшика садят в угол Он и думат: «Што же ето за вечир. Только три сестры и чо же ане могут сделать?» А говареть баитца. надпись-то читал. И вот завели ане тонкую, тихую музыку. И налевают четыре бокала и подают ношшику и сами выпивают. «Ну», говарит: «во здравье вашей красоты выпъю!»— Вот ане выпили, закусили, завели тонкия. нежныя песни. магниты пустили повсюль - слышно. кто-то стучит к имя в ворота.—«Поди-ка, сестрица, кто стучит». —«Сестрица, прахожие заблудились. просятца».—Заходют в избу два салдата: адин из их кривой. Садят с собой в конпании выпивать, закусывать. Черес полчаса апеть в ворота стучат. Апеть посылат сестрицу спрашивать. Апеть заходит два салдата апеть адин кривой. И оба кривы на адин глаз Тоже принели их за стол, выпивают, закусавают. песни нежныя пускают, и в ето время царь с графом прохаживались по гораду и притенуло их тоже магнитом туды. Тоже стучатца в ворота к имя. Ну. выпивали. закусавали, танцы у их нежныя. Царь и думат: «вот где красота то скрыватца, надо их привести во дварец».—Патом хазяйка распоряжатца: «ну-ка, сестрицы, приносите долгую скамейку. Приносют, и становят попирёк залы. «Ну-ка аткрой потайную дверь, да клади сабаки оттуль!» Собаку приводют (а ето все жанихи ихи были напеханы) кладут вдоль скамьи и давай с обоих старон плетью жарить. Жарили, жарили. патом другую также. Как третью сабаку стали бить. царь воскрикнул: «Гля чево же вы их так наказываете?»—Воспылала

ета хазяйка на ево и кричит: «ты, незваный человек, пришол, сял так и малчи. Сестрицы, ташите бальшой кавёр, а то етим падлецам голову рубить будим —так штсб пол не запачкать!» Наладили кавёр, поставили стулья, приказала ана етим гостям садитца на стулья, ношшик как приглашонный, сидит на свае мести.—«Ну, сестрица, заркайте 6 казаков с шашкам голову секчи!» Пришли казаки с шашкам стали над имя уж голову рубить. Патом, как взглянула, видит: два кривых.—«Стойте!» говарит: «я спрошу, отчево ане кривые стали». Как адин то кривой был хитрой, другой нет. Вот ана нехитрово спросила: «Отчево ты кривой?» —«Я в лесу был, лес валил, мне суком глаз выбило» —А другой сидит и говарит: «Не ври, сукин сын! Вот, лутче я вам раскажу, отчево он кривой стал».—Он уж понял, што к валшебникам попал, и по часам приспоравливат, штсб затенуть дело до петухов.—«Так ты, галубчик, напереть про себя раскажи».—И вот он начал, сидит, сидит да и залеват. Там-то я был, тем-то бывал, ей расказ пригленулса, а он, знай, плетёт. Патом только расказ кончил, начал про ево расказавать, петух запел—казаки разбежались (черти же были) и ане ничь упали, все вскочили, убежали, а ношшик стоит дожидатца, покуль ане проснутца. Как ане проснулись, пашол у их промеж сабой спор, крик, рев. Ана на етих, а ане на иё. А ношшика рашшитали и отправили домой. Ну, и царь еле-еле домой пришол. Оборвалса, испужалса, еле домой пришол.

---

17. [Солдат и мертвец-помещик].

Вот, жил был памешшик, и такой грабитель, никакой кресьянам пашшады он не давал. И у етово памешшика был племяник. Ну сколь он не жил, кресьян не грабил, памёр етот памешшик. Осталос у ево напиталу, масса денег, у етова памешшика. Как пле-

мяник ево схаронил, ну всё адинсвенно: хош он ево схаронил, он имя спакою не даёт. Кажну ночь ходит, стукат, брякат. Так што племяник вышел из етова дома, баитца. Забил етот дом и скрыл

В адно время у племяника случилса какой-то бал. именины. И шол солдат со службы, уволилса со службы дамой и заходит к етому проситца начивать, к племянику. — Да я бы вас пустил, служивай, да у мичя седни будут гости, негде. И сваево народу у миня будит много. — Да где набить анделькево флигелька нет ли у вас? — Да нет же, все заняты .— «А пашто у вас все заняты? Вон, напротив, каки харомина стоит пустая». — «В етой харомине ничо, ты служивай, не начуишь, мы сами из ние выкачивали: ана шибко пугат». — «А я не боюс, што пугат. Етаво пугинья я не понимаю». Ето все ваш привод — я пойду да начую». — Ну так служивай, не жалуйся на меня. — Я абъясняю, што тут наш дядя, памешшик, кажную ночь ходит закованой, стучит, бренчит. Я так думаю, што ты живой не уйдёш». — Я сказал, што не боюс! — Ну ковды не баисся на ключи начуй! А вы унесите ему туды паисти!»

Так как прошол салдат, накушалса, паужнал, лажитца спокойно спать Слышат в ночнсе время идет стукаток, брекаток. Стукат, брякат в избе етой. Служивай спрашиват: «кто тут пришол?» — «Я, сам хазяин избе, етыму дому». — Как стал служивай, зажог агня, вздил ему чесь. — «Вот, служивай, сколь тебя гадох жду, едва даждался. Вот што, служивай, я вас прашу. Как вы пришли в мой дом — не боялис, и похарони миня! Я уж замотался кадить скованый, весь связанай Меня хош племяник пахоранил, да мать сыра земля не примат. А патому не примат, што вышел я капитал свой приделить У меня денег полон чулан лежит. Я сазнаю, у меня капитал не трудам нажит. Хресьянской капитал. А вот што, служивай, вот похарони меня, и мой капитал раздай по всем бедным — и себе грошу ево не бери». — «Слушаю ваше приказание!» — «Вот дарю я тибе мой перстень.

Мой перстень и по синотам известен и по разным мангазинам. И я тебе даю ево в знак памети. И патом, как ты меня пахороншш, из етова капитала ни синь волас не тронь. А вот в передним углу. в падполке шкатулочка, туе шкатулочку тибе за труды хватит. В ей бальшия тысечи лежат. Те, по крайности, трудовы. А ети, как у меня набраты с кресьян, так и андай по кресьянам .—И сял, ему сваим рукам записку написал памешшик.

Распростилса салдат с памешшиком и леr спать. Поутру салдат пиреначивал и идет в тот дом завтрекать к племяннику. Племяш ужахнулса, што жив. Салдат объяснят, што вот доверпось мне дал ваш дядя пахоронить ево. Так, кароче сказать, пахоронил салдат памешшика

Как пахоронил салдат памешшика, а племянику стало жалко, што салдат будит управлятца над дядиным капиталом. Как племяш поехал к разным попам. генералам, да по начальсву, объяснят ето дело. Што вот, салдат евилса учисником в етим деле.

—Ну, какой тибе шут ему давать. Ты вот лучче, сделай троеденной обед, да мы к тибе сабиремса да покартежим, да побеседуем, помянем ево, а остатки тибе»—ето духовенсво, начальники ему советует:—«а салдат, кто тут пришол?»

Так приезжат племяш дамой, начинают пекчи, варить: заготовка вечеру в ево дому, в памешшиковом. а салдат тут же стаит, малчит. Так што приготовил все к вечиру. Ждут гастей: вот-вот съежжатца будут. Съехались гости. Только што усялис пировать, а салдат стаит на адной паловичке у забору, не садитца с имя, не закусыват и не выпиват. Не вникает в иха дело.

Беседуют, закусавают и разговор ведут: «вот то любо устроил, —по крайности побеседуем, помянем!» —Вдруг слышат: идет памешшик в дом сибе апеть. Те даже за столом оммертвели сидят гости. Памешшик приходит прямо к салдату.—«Я тебе как го-

варел? Ты зачем не исполняш?» — «Ах, барин, воля не мая. Не дают мне тут воли в тваим капитале».

Как идет памешшик в свой старый заветный подвал, и салдата с сабой ведёт и из подвалу нисёт свой старый гамерный столб и ставит ево черес залу. Патом с салдатом идут круг етова столба, ставят стулья. И патом памешшик содит за стол первым долгом попох, племяника также и саветникох племяшовых, кто саветовал, а посторонных лиц — кто так без савету пришол — памешшик распорядилса: «Выдите отцель! А ты, салдат, как стаял на каторой паловичке, так и стань на ие!» — Как памешшик падходит к стал*у*, ударил сваёй рукой магучей по стал*у*, — провалилса стол етот и с поп*ам* и племяш*ом* и с саветникам в тартарары

А салдат, как стаял на адной паловичке, так и астался, не провалилса. Тогда и памешшик распростилса с салдатом, ушол на спокой, а салдат определять капитал стал, как памешшик велел. Апределил капитал, шкатулку взял и пашол в сваё царсво.

---

18. [Купеческая дочь и кучер].

Ну, у аднаво памешшика была адна дочь. И жила ана в андельной комнате. Как родил*ас*, иё никаму не казали. Ана ране по белу свету хадила, а патом не схатела никово из мусково полку видеть. Кур*с* сваи кончила — училас ана всяким там наукам етим потребовала андельную комнату. И преставлена была у ей адна горнишна. Лет 10 у ей ана живёт.

В адно время ана с горнишной поссорилис. Горнишна заходит прямо к памешшику, к папаше — «Рашшетайте меня, я жить», говарит, «не магу у вашей фрелины». Кароль стал примечать даже к ей, што такое, любопытно ему, пачиму магли рассоритца. — «Дело иё приказать, а тваё сделать». — Горнишна ему и говарит — «Да, кабы», говарит, «кабы дело да

дело, а то ана меня за Банькой-писцом бегать замарила. Вот ана как живёт без мусково полку».—Памешшик рассердилса на горнишну. «Ты», говарит, сиди, а я буду за дочерью преследовать. Иё в тёмну посадил. Если я за дочерью прослежу, тибя вознагражу, а не прослежу, тибя в остроге изгною», горнишной сказал. Горнишну посадил и у горнишной спрасил, ковды к ей писец ходит. Горнишна говарит: «Кажну ночь и за обедом с занятия сойдёт»

Патом, ковды писцы на абед разойдутца, памешшик идет проверить, все ли нет абедают. Десвительно, на каторово ана указыват, ево никовда нет. А он дня три проспедовал. Как за абедом посматрел, ево нет, пашол к дочере в палату. Только увидела в бальшом зеркале – атец идёт. — Куды я тебя дену? Из сандука одежу—а ево в сандук, сандук заперла, и сама на койку легла. Атец похадил по комнате, ана распрогневалась, в гнев вошла. «Почему вы, папаша, ко мне пришли, почему вы меня прослежоваете. Если какия непорядки, вы должны, папаша сказать». Сколь атец у ей ни побыл, ана с испугу уснула на койке и спала долгоё время.

Как разбудилась, в сандук кинулас. Он уж не живой—задохса. А горнишная живёт у ей свежая У етово же памешшика был кучир—из расейских он. звали ево тоже Иваном—было ему 60 лет. Посылат ана ему горнишну звать етово Ваньку кучира к сибе в палаты. Кучир закричел на ету горнишную.— Чо ты, нигодяйка, какой падвод мне делаешь. Када к ей не томо кучир, вышши лица в палату не ходют!» Прогнал иё. Вторично, послала горнишну—со слезами просит Ивана к сибе да и только. Решилса Иван пойти. Што будит, то и будит. Заходит Иван ей в палату. Здороватца, или што не здороватца сыспугу—ана ему ноливат бокал харошево вина и кладёт тыщу рублей.—«Пей, Иван, да бери деньги». Иван сказал: «Я вольново вина харошево пью, и денег у меня есь сваи». (Што же 20 лет служит—денег шибко скопил).

«Надо же, знать», говарит, «за што водку пить, и за што деньги взять».—Атворят сандук, кажет иму работу.—«Я 20 лет живу, у вашево папаши служу—подласти не делал и не хачу етово убирать».—Стала из милости, со слезам праситъ.—«Убери, Иван, пожалуста, атведи меня от беды». Иван сказал: «Не надо мне ни денег ни водки, а вот, если буду в месец два раза к тибе хадить»—тогда убирёт.—А у ево борода до колена—решилас ана на ети дела Иван сказал: «Нет, ты дай мне расписку и персель свой именной с руки».—Решилас андать, и расписку дать Ивану.

Иван вечиром тело убрал, и гастит погашшиват к ей. Мил не мил, а ходит. Пришла масленка, атгулял весь народ. В чистой понедельник, все, говарят, кучира-деревня гулят. С чистово понедельника уволилас вся дворня гулять, ездить в собрание как-то тамо-ка. И Иван поплёлса туды же. Первый вечир побеседовали, разошлися. И второй вечир, как выпили харошо, захвасталися межу сабой.—«Я там еканомку занимаю».—«А я нянюшку».—«Я горнишную». И все расхвастались, у каво есь кака мадам. А Иван старик сидит и малчит сибе. Над нём все затюкали: «Ах, Иван, так извековал, никакой мадамы ни баришни не мох приобрекчи! Што ты так изжил?»

Ну, и разожгли ево. А он был уж пъянай.—«Эх, вы», говарит: «стану я с разными там знатца; я с самой памешшиковой дочерью дело имею».—Тут все в ладоши захлопали: «Врешь, врешь, куды тибе! К ей и из вышшеву свету нехто не ходит».—Дело пушше таво разрослос—стали за Ивана залоги класъ.—«Вот, давай, завтре пусь кажный сваю приведёт. А каторый сваю мадаму на ету биседу не приведёт, таму—сто рублей с ево, и сто плетей дать».

Патом фрелина увидала, што Иван не в сибе ходит. «Што такое с ним, тумной, не в сваих чуствах, Спрашиват та ево: «Што ты, Иван, в перемене? Не иначе мной похвастал там?».—Иван отвечат:

«Виноват, барышня», и обсказал:.— «Ну, што тогда, едим—куды девацца?»

Часы назначены, ковда ехать. Ана велела часы назначить пазнее. А те уж лапочут, што не приедет он. где-же. Врёт ён. Евлятца Иван со сваёй барышней-фрелиной. Тут имя даже не только смешно, но ужасно показалос. Ну. и в вароний круг попала, давай по вароньи каркать Давай беседовать, выпивать; што те делают, то и ана.

Патом, на расходе иха бал. — „Ех», говарит; „Иван, неси-ка, я забыла угасьтить. У меня есь в павозке сиребрена рюмка и водка. Неси-ка!“ И давай из сваих рук потчивать всех. Каторы тут были. налеват—угошшат. Испили ане, и кто где стаял, тут и стал. Кто где лежал, тут и лежит. И Ване сваёму подала, и выходит ана из собрания, садитца на сваих лошадей адна. Несколько саженей отъехала, навела зажигательно стекло, и сожгла ето собрание, штоб не было даже и звука никаково.

Ну, приехала в пакой—ушла к сибе, а на завтре разговор: „Хто-хто сожог?“—„Хто столько народу погубил?“ Ну, а на иё и думушки никаму нет. Ну, стала ана на последней неделе, ета фрелина, постится. и расказала попу все, как есь, грехи, сваи, Расказала, как собрание сожгла. Ну. знамо дело. поп не с терпением пришол домой: „Матушка-матушка, знашь, кто сожог собрание?“ — Ну а матушка харошай сваёй куме: „Девка, уж ты не сказавай никаму“.— Ну и пашло, и разрослос дело по всиму гораду, и все разазнали. Ну, и што же-батюшку растригли, а иё в каторгу, а горнишную выпустили—и памешших ей всё наслество оставил.

---

19. [Верная жена].

Вот адин купеческой сын, подашло ему времё жаницца и не мог нигде нивесты подыскать, ни в гораде и нигде ему не по душе. Искал-сватал—нигде ему по серцу нету. И скоро он загоньшиков рас-

сылал по иным горадам, карточки ему посылали. 77 карьточкох снял с нивестох из иных гародов. И никатора карьтинка ему от души не подходит. В адно время разложил он все ети карьточки. Надо же решитца —«Докуль буду я адин жить?» Из 77 на 3-х карьточках решилса. «Ну, поеду: ту ли, другу ли, третью вазьму».

Патом в адно времё пришла к имя адна нишшая на куфню прасить кусок хлеба, и прошла мимо ихово дома. А нишшая ета была двадцати пети гадох девушка. Он в акошко кинул зор на иё. Вот припала к душе ета нишшая. Велел прислугам варотить. Прислуги иё огаркивают: «Варотись, мол, скара». Та спужалас.—«Што такое—я ничо, видь, у вас не украла, вы мне подали, я и пошла . Варотилас ета нишшая с горьким слезам, напужалас. Для чево ворачивают?—«Ничево не брала, не украла, и приступления никаково с имя не делывала».—Распарядилса етот Иван купеческой сын: «Прямо в палату к нему пушай идёт! Принуждена ета нишшая девушка клась свой мешок и итти к нему на лицо.

Патом распарядился етот Иван купеческой сын над прислугам подать имя вина и закуски, содит иё за стол, налеват ей—как видит: ана с ыспуганым лицом —стакан вина харошево. Ну, выпила ана же ету рюмачку, и у ей красочка пирименилас, ишшо ана полутше стала, пукуратние. И стал он сватать за сибя иё. Ана ему говарит: «Што же вы ето смиётесь надо мной, вы уж полутше себя каво ишшите, да и подсмейтесь, а то надо мной-то чо смиятца,—миня и так бох осмеял!» А он всей душой к ей припал: «никак нет—не смеюсь», снимат со сваёва пальца именное кальцо, надеват ей на руку, и приказал кучиру запрекчи лошадь, выспросил: «где ты живёшь?»—А ана за самым за ихим за горадом в землянке живёт. И мать слепа живет. Ана с мешкой ходит—мать прокарьмливат. И кучиру наказал тайном образом: «Привези иё—слушай невзаметным образом, што ана будит говареть, и правду ли у ей мать слепая».

Ну, повёз ие кучир, привозит к етой землянке, а сам спрятался и слушат. Как та зашла в землянку, так прямо и говарит: «Мама, ка мне жаних сватацца! Мать говарит: Какой же ето жаних над табой сватацца? —Ана и говарит: таково-то купца сын. Мать и говарит: «Што ты, девка, вить он ето фигурит над табой! — Да, како же, мама, смех? Вить, он из сваих рук подал мне именной персень—и вот сто рублей денег».—И патом мать ей не верит: Ты денибить хадила, польстилас украла. Униси обратно, палож!»—«Што ты, мама, вот кучир уверит!»—А кучир все ето слушал, повернул лошадь и расказал барину.

Барину ета речь старухина очень пондравилась. Патом приезжат к имя сам Иван-купеческой сын, в ихую землянку. И решили ане, свадьба катораво числа. Обул, одел ие и решили, ковда венчатца. Ну, как ето число дашло, приехал венчацца—велит он старуху в палаты сваи вести, а землянку зажкчи. Ну, и так па ево и сделали. Как ане позенчались, пашол у их пир-пированье. Ну, как подвыпили, все фрелины, ковалери тонцуют, а ево на смех подымают.— Чо жо ты со сваей малодой не тонцуешь?»—А он баитца ие спрасить, может ана абидитца—где же ей, с мешкой хадила, поди не умет. И посылат горнишну спрасить, умет ли ана тонцовать. Та отвечат: «Пошто не магу —магу! Ну, и пошли тонцовать, ана даже всех фрелинох подгадила—те супротив ие не могут.

Ну, и стали после свадьбы жить ане по харошему, по благародному. И ане живут души адин адному не чуствуют, и он нарадоваца ей не можит: Ето мне господь послал такую жану». Подашол май месец, зацвели цветы в садах, пошли ане с ей в сад розгуливатца, вот он в саду гулял, гулял, да здохнул чижело. Ана к нему пристала:—«Чо жо ето ты здохнул в неудовольсвии, чем ты недоволен? Ну, он, да так сибе тамо-ка. А потом и говарит: Вот што, душечка, как был я халостой, в ето время всегда налаживал карабли и плову. А сечас мне и скушно стало.—Ну што, душечка, плови, я тибя не держу.

Ступай с богом, я не воспрешшаю вас плыть.— «А мне», говарит, «сумление вас оставить».—«Дак што же вы мне не верите? Так памолимтес богу, потеплим свечи, и заклинёмся, што ни ты другу не поимешь, ни я другово не вазьму—вот и вверимся. друг другу—и ты с надеждой попловёшь, и я останус». Ну и пришли ане в дом, затеплили свечи, помолилис богу и заклянули друг друга на адной точке стаять. Ну, и стала ана мужа в путь-дорогу собирать, и проводила чесно-благародно, и стала домашнось править, жить без мужа.

Ну, приехал он в чужия земли, в чужия города, ну, и там, значит, как приплыл—сабака сабаку по лапе знат—приходит там в трахтир, где все багачи собираютца. Сяли закусавать, выпивать, карьтёжить. Патом из их адин, малодой афицер, сказал: — Мы то выпивам, закусавам—чо-то наши жоны дома делают?» А етот же самай сказал, который клёлса: —«Да чо же делать? Чесь-чесью живут, живут в предовольсвии. Чо имя делать?» Етот же афицер сказал: «Э, ане чесь-чесью проживут, найдут ковалерох, да парней, вот и всё!» Ну, етот купеческой сын с им за спор схватилса, што мая жана харошо проживёт. А афицер с им за спор, голову закладават, што он к ево жене приедет, и, чо хош, сделат. Патом до таво дело у их дашло, што больши тыщи заложил против ево галовы и афицер отправлятца.

Афицер етот и говарит ему: «Ты отправь тилеграму жене, што гось к ей приедет». Ну, он принуждён был тилеграму ей отбить, што гось приедет. Жана получила, ужахнулась. «Что ето за скоростешная тилеграма, какой такой гось?» И как у ей в галове было, ана сразу стрекинулась: «Должно какой спор был у их». Ну, евлятца к ей етот гось. Принела ана ево чесно, благародно и за закуску. Што же гось—так гось. Вот как он выпил, закусил, и стал он к ей лабзитца, дерския слова говареть, а ане в комнате были двое. Она—«боже избавь, штоб я ето дело сделала!» Отовлекатца от ево. Он вынимат из карману леворверт—вот, дескать, всё равно с душой

растанисся. Ана ужахнулась—говарит: «Сичас же мы оба адеты, неудобно, вот ночь придёт, мы и распаложимся в ночное время». Он и решилса ночи ждать.— «Только будим ето дело без агня делать. Я и замуж выхадила, решилас с мужем—штоб ети глупости при агне не делать». А он и думат: «ладно, я кальцо (он приметил у ей ево) с тебя ночью сыму, мужу указ привезу».

Как ане поужнали, приказыват ана горнишной постель в спальне пригатовить Ну, и как ана, хазяйка, отлучилась, и горнишну заговарела: «Начуй с етим гостем, и я тибе тыщу рублей дам. А я тибя надушню, адену», говарит, и персень свой с руки ей дала, ана и согласилас. На спакой легли ета горнишна и афицер. Ну патом, уж как ставать надо, он ладит кальцо с пальца ташшить. А ано туго былс—не идёт. Он не долго думал, взял да и отрубил кальцэ с пальцем. Горнишна встала—ну, и хазяйке с абидой: «Што он надо мной даспел—палец отрезал». Хозяйка иё уговарият: «Ну, ничево, я тибя не абижу, как ты за миня пострадала, будишты на век наша участница». Потом хазяйка горнишну ету спрятала—а сама руку на темляк повесила, и заматала бинтом, бутто у ей отрезано. Патом, как стал етот афицер, сяли ане завтрекать закусавать. Ана и говарит: «Вот какую вы подлость сделали, у сонной у миня палец отрезали». Он стал ей казною: —«Што вот я столько то тибе дам! Ана с ево капейки не взела. Отправилса с иё гось—отправилса к иё мужу. Радый такой.

Ана после етово госьтя сичас в палицию, в церкву и приказала лёхку шлюпку сичас в пагоню за ним- вместе с горнишной к мужу, узнавать, как он там. Смекат, што не зря етот гось приезжал. И аделась в муску адёжу, волосы астригла, приезжат, и идёт в ту же гастиницу. Тут сидят тоже, карьтёжат —и увидела госьтя етово, каторый начивал у ей. И спрашиват: «Чо у вас тут харошеньково, какой торг, чо пачом?» И ано иё спрашивают. Так идёт у их биседа. И отвечат ей афицер: —«У нас сёдни будит

новинькое: адново вешать будим, за жану вручал шибко». Та спрашиват: «Пачиму так?» Он абъясняца, и говарит: «Вот, значит, никада нельзя на жану приставать». Долго ана тут биседовать не стала, пашла по палициям по разным, со всем бумагам. К надзирателю пашла,—«не магу ли я ево увидать? Надзиратель говарит: «Как ристантох в баню поведут, перед вешальницей мыть—тут ты ево и можишь видеть, а больше нельзя никак, не можим допустить». Ну, как повели в баню, идёт ана к етой бане—караульны иё не пропускают туды. Ну, ана сунула там имя, пропустили иё на четверть часа. Патом ана имя обсказыват: «Товарищш мой был самый задушевнай—хачу проститца с ём». Заходит ана в баню. —«Ах, галубчик, до чиво достукалса», говарит. Он с испугу прямо матерным словом: «Убирайся, мне не до таво!» Ну, ана ему призналас, што «я твая жана. Не бойся ничево, я тибя спасу». Видит, пальцы то у ей все целы — «Ты не к вешальнице падёшь, а как к куме на имянины».

Ну, приходит ана к вешальнице—ане привели всё начальство—и доказала, вот кто, мол, в ей ночь начивал.— Ты не со мной был—востёр да не подточинай, вот у каво пальца нет! Ну, и мужа то оправдали, а афицера то повесили. А сколько было капитала у етово афицера в залоге, на горнишну перевели, а ево повесили за околчание. А ане вернулись, и стали жить-паживать, дабро наживать.

---

20. [Купеческая дочь и разбойники].

У адново купца была дочь. Дитей асобинных не было, но была разъединая дочь. Звали иё Маней. Ну и лилеяли ане, ласкали иё без концу. У нашево брата и то дитю приздревам, а у богатых то, чо и говареть. Ну, так как стала ана лет 18-19 ета Маша, и был у иё кучир и тройка лошадей—андельно от папаши Куды захочит, так без задору, без задёржи поедит. Ну, и ана придобрая была, ета Ма-

шенька, гля адной старушки. А ета старушка жила на краю города в ветхлой избёнке, и ета Машенька иё наблюдала. К празднику, али што, всё где чонабидь принисёт.

Ну, и патом случилса у аднова енирала вечир. Атец—матерь одеваютца, приглашают иё с сабою, ана не едит.—«Я, папаша», грит: «астануся дома на спакое»—Патом двенацать чесох вечеру, ломитца к ей разбойник. Ломитца по сактиру, бирёт ана шашку али там кинжал и идёт в етот сактир. А разбойникох етих шайка сорок человек. Он, как голову в дыру или в чо сунул, ана ему хряк етой шашкой. Он туды и упал, а прочие думают, што он туды добровольно вскачил. И спрашивают: «Што, схайной ход туды?»--Ана отвечат: «Хароший!» Ну, ане заметили всякай женскай голос, нежный пали на коней и далой от их. А ана с ыспугу легла, в постель и атец с матерью приехали с балу, ана дозавтра спит до десятова али до двенацатова часу с ыспугу. Как ане аб ей беспакоились хорошо, будит уж у них терпения больше нет.—«Нет ты, Маша, ставай!» Встала ана с ыспуганым лицом. Ну, и атец и мать спрашивают: «Што ж ты, Маша, захварала што-ли, што над табой случилос?»—Видят, ана в перемене бальшэй. Ана выиснятца имя. «Как же: папаша, вечор я душу погубила!»—Выспрашивают: как да што? Ана абеснят. Атец-мать успакивают: «Што ты, Маша, сабаке сабачья смерть. Ты спасла весь дом» — Ну, развеселели, разгаварели иё. Ана савсем стала другая.

У етаво папаши невдалеко жил брат багатый, дяди будто иё. Чересь несколько времени приезжают к имя гости, к дядя Машиному, 39 человек, купечества. Принел их дядя хорошо. Ане обсказали, таково то из гораду - голасти. Угастил их етот дядя Ане просютца: «нельзя ли у вас переначивать и составить вечир. Мы за ваши убытки всё заплотим сторицею, побеседуем.--Как открылса вечир, завут и брата, и Маша идёт туды, к дяде. Ну, и патом некто так не тонцует, как ета Маша с главным управителем, из

етих купцох. И так ане влюбились друг в друга хорошо. И стали на стим же вечиру, стали Машу сватать за сибя взамуж. Как ане посваталис, утром и дело решили. Свадьбу уложили, каково числа по ие ехать, свадьбе быть.

Ну, и как число находит ето, за три дни до венцу, поехала Маша кататца. Поехала на край города, выходит ета старушка, каторую Машенька наблюдала, и останавливат Машу и просит ие зайти в ие ветхлую келью.—«Маша», говарит: не постесняйся, зайди на пару слов.—Маша была серцом гля всех уважительна и пашла к етой старушке в дом. Старушка абеснят ей: «Я слышала, што вы замуж выходите, извините, спрасю вас без стиснения. Ну, Маша, я тибе не предлагаю за их взамуж итти, по тваёй добрадетели. Аткройся мне, Маша, всёй душой, убила аль нет ты душу?»—«Правда, бабушка, был грех: в ночное врем̈е разбойники ко мне лезли, ссекла адному голаву».—«Да вот», говарит: Маша, гля вашей добрадетели сказоваю я вам: ети самыя и есь разбойники. Хочут ане над табой типере за товарища гилитца, по жиле в день даже тенуть».

А Маша ей не верит, ана не можит даже тот час дождатца, когда свадьбе быть.—«А ежели, Маша, не вериш, я магу тибе указать, где ихо состаяние. Съездите посматрите Завтрешново числа их дома не будит. Вот, ты ступай до светy, со сваим Ванькой кучиром. У их 12 ворот и 12 сабак у кажной по сабаке, и ты вазьми 12 кускох мяса. Абратный путь, если жива будиш, ты и так подеш. До ихаго дома 3 версты не доежжая есь густой осинник, ты там остав Ваньку кучира, а туда иди пешшая. Ежли не слушаш маево савету, так мне не веришь».—Ну, не уверила Маша на иё слава, решила ехать С вечиру приказала кучиру лошадь карьмить, наладила етой самой правизии, ну и решилас утром до светy ехеть с Ванькой кучиром. Расказала кучиру, куды ехать в дремyшший лес. Жалко ей попустицца женихом. Ну, и отправилась до светy в путь. Доезжат, кароче сказать, до етаво осинника, спрятала там

Ваньку кучира, и пашла сама пешшая, ну и шибко так три версты проходит, видит: стаит бальшушший дом, в ём двенацать варот, у кажных варот по сабаке и кидат всемя имя по куску. Сама пашла в иху избу.

И не задолго время у етаво дяди потирялась дочь, сестреница Маши, Алёна. И неизвесно, где потиряласа. безызвесно куды. Ана заходит в избу и сразу же увидела сестреницу Алёнушку на койке не живую. И обашла иху харомину всиё. И верно, 39 коек у их и все помяты-спаныя, а 40-я стоит свежа, запушнёная. Ета таво, катораво ана убила. Как ана похадила-похадила, была ана смелая. Дай же, я в печке, посматрю, што у их в печке гатовитца гля маёй свадьбы. В пече стаит три латки жарково. Вот ана их вынула: в первой стаят женския груди—жарятца; во второй—пальцы человечьи: в третьей—носа. Только латки в печь содвинула, едут разбойники. Ей детца некуда, и ана под койку, под напушненую—простыня у ей до полу—ана туды и залезла

Как ане вошли в избу, атаман даёт им работы—каму коней карьмить, каму абед гатовить, наказыват, штоб скоро—Патом, усялись, пообедали. Атаман наказават дале, каму коней убирать, а каму ету падлу убирать—указыват на Анисьюшку—«Завтре другую привизём. Груди и пальцы отрежте—а остальное сабак карьмите. Завтре другую привезём—не етак галитца будим. Ета безвинная, а туе будем в день по пальцу отрезать, да по жиле тенуть. Ана нашево брата нарушила». А та ети речи слышит. Патом, как зачали ету Анисьюшку резать, не могут никак залото кольцо снять—затекло с пальцом. Атаман на их закричел.—«Што ж ево скидавать, рубите с пальцом!» Наконец, палец отрубили. Палец пригнутой под койку и закатилса, где ета Маша лежит. Ане стали по полу искать. Атаман закричел: «Што вы ищете, время проваждаете? Завтра мести будите—найдёте! Карьмите лошадей—да поедем за етой падлой!» Маша не аробела, да етот палец в карман паложила.

Патом, как управились, легли андыхать, а лакей лёг на парог галовой.—«Мне», говарит: «на койке жарко».—Маша, как слышит, ане в первом сне шибко зашапели, приутихли, вылазит ис под кровати выходит, пашла из ихово дому. и наступила етому Ваньке лакею на руку. Тот спрасонку думат, из ихих ето пошол, из ихой братьи. Ждал, ждал абратно—нихто не идёт. Давай будить всех, сваю канпанью. И спрашивает: «хадили вы, хто на двор?»—«Нет, не хадили нихто».—«У нас, братцы, хто-то был в нашей харомине!»—«Да, врёш!»—Божитца имя, што хто-то был.—«Мне на руку наступил».—Верили, не верили ну, всё равно.—«Спускать сабак да бежать в пагоню!» Маша не успела до кучира добежать. Некуда детца, слышит пагоня жистокая за ней. Залезла в гарёное, дуплинатое дерево. На иё же фарт сабаки етова дерева и нюхать не стали. И стали етова лакея супротив етова дерева наказавать». Во сне ето тибе всё, дураку, приснилося!»

Патом вернулися ане абратно, А ана, как их с глаз провадила, апеть к Ваньке кучиру сваёму побежала. До Ваньки кучира добегла—время уже поздо. Пала в сваю карету.—„Гани скорей коней—сколько выбежиш, ладно!“ Доезжаит до самово дома, кони пали у ей, запалила их. Ваньку кликнула, штоб однюдь ничево несказовал. „А кони—не твая печаль“—А сама с ыспугу с удару, улеглася спать. Спит—а по ие уже поезд: жанихи приехали.

Свадьба приехала. Подходит к ей атец.—„Вот“, говарит: „Маша, пришлос тибя будить, вставай—нареченной твой жаних приезжал, с поездом“. А Маша с ыспугу, как ана нетково лица, стать на ноги не может. (Когда же ана столько пешком исхадила—у ей ноги то опухли). Вторично, атец пошол будить.—„Ну, подаждут“, Маша говарит: „я их 19 лет ждала—ане миня 19 минут подаждут».—Стала, умылас, оделас, поздоровалас с имя и с женихом етим И говарит: «Вот, не перешибайте мой сон, и тогда я пойду к венцу одеватца. На день венца мне пригрезился сон, и пазвольте ево расказать гля антиресу».

А сама поставила тайный караул.— «Не хочу так ехать», а сама сяла сон расказовать. Штоб не перешибать ей сон.

— «Вот быстро я встала, оделась и была в разбойничьим даму. И зашла я в разбойнискай дом и как наша Аниса систрёница на койке лежит». Жанихи слушают. «И зашла в дом, там три латки стоят». И все ето обсказала. Жанихи слушают. «И только латки содвинула—едут бытто разбойники, мне детца некуда —я под незаспаную койку и залезла. Вот, атаман бытто над ими распоряжатца, каму абедать, каму кокней опускать Патом стали ане ету Анисьюшку разбивать и дробить. Залото кальцо снять не можут. Атаман бытто вскричел—рубите с пальцом! А палец упал прямо мне под койку». Патом жаниха за ретиво задело. Перешиб ие сон «Оставте, Маша, до следушшова разу» говарит Патом ана прямо вынимат— и вынимат етот палец. «Теперь», говарит, «забирайти их всех!» Тут сейчас же всех и ристовали.

Вот тебе и жанилса.

«Ето»—говарит, «я у вас была—не умели взясть». А ету старушку ана привезла и до самой смерти не доверила горнишным—сама за ней хадила. А ихо имение в пух и прах разарили.

---

21. [Министрова жена].

Жил был купец, у ево единственый был сын Вася. Ну и так он тарговал чесно, благародно Никуды же с таваришшам, ни с барышням, ни в сад он никуды-никуды. И тарговля всё в гору идёт. Вот уж так он лет 19 стаёт—двадцати. Атец с матерью и талкуют: «Вить, Васю то жанить пора, а ево нехто не знат. Не то што в других странах, а ево и в сваём граду не знают. Надо же, штоб он познакомилса с кем-набить. Надо же ево разважать как-набить».— «Ну, Вася, што же ето, ни с каким ты барышнём не знакомай, ни с каким таваришшем, и никово ты не знаш, и вас нехто не знат, а пара

надашла жанить. Ты бо по киятрам похадил, хош бы што». Вот Вася как вечир даждалса — дай, думат, «пайду в питейное завидение». Раз схадил, два схадил и пондравилос ему. Патом вот не можит вечира дождатца Скаре бы мангазин скрыть и итти куды-набить. Так хорошо признакомилса и таварищех стал знать.

А у етово Васи был мелошник знакомай. И Вася ему ход давал. Ране он на три рубля тарговал, а патом все боле боле, и у ево мангазин стал. Вот как Вася стал пить, чересь палгода у Васи ни товару, ни денег, ни далгов, ничо не стало. Атец с матерью стали говареть: «Дело плахо выходит, избалавилса савсем парень!» Ничево Вася ихово не панимат. Боле и боле шалет. В адно время атец рассердилса. Как он был в адним пинжаке, взял и выгнал. «А куды же я пойду? Ах, где то есь у миня адин милашник знакомай. Как я ево выручал, так и он миня не бросит в пичальном паложении».— Приходит к милошнику. Милошник принял ево харошо. Патом Вася и сказыват: «Ты не знаш, дедушка Абрам, чо надо мной доспелася? Миня вить, атец то выгнал».— «Ну, будет шутеть»,—посылат ево. «Нет, иди паклонись атцу, может и памилует».— «Нет ни за боже мой, камфузно мне, нет, не пайду к атцу. Я жалаю, дедушка Абрам, у вас решаюс астатца, и тада на старую точку стану я». А баба милошнику говарит: «Э, он тибя поставит апеть с яшшиком хадить, разарит—не бери!»— «Ну, што ты, жана, говаришь? Ну, разорит, бох с ем. От нево же ето нажили. А куда же ево денишь?

Стал Вася у их жить, стал тарговать чесно благародно, пашла тарговля, на гору злезатца. Бросил пить, бросил гулять. Пришла же весна.— «Дядюшка Абрам, у нас астанитца три карабля, уволь ты миня в разныя города сплавать. У атца я никуда не атлучалса, никово и нигде не знаю решительно». Жана заела етово мелошника.— Вот разорися, вот разорися!» А мелошник карабли ладит Васе. На бабу не гледит. Сабрал, отправил Васю чесно-благародно плыть. Приплыл в чужи земли, в чужой горад. Пристал, таргуит

ниделю и две. Тарговля харошо идет. Сам сабой Вася великалепный красавец был.—«Што ето я другу нинелю тут таргую и по гораду не прайду. Дай пагуляю». Пашол по гораду Вася.

А в етим гораду жил министер старый Лет 70 ему. А взял он за себя принцессу 19 лет, живет с ей. Вот как Вася идет по гораду, прогуливатца. Сидит ета министерша - ана была страшная красавица—на третьим етаже, увидела Васю и слезно всплакала.—«Вот люди, так люди! Вот так красата! А я за ком прападаю!» Как Вася вечира два прашолса по ихому гораду, ана ево посматрела, прямо захварала. Не знакома, ни чево,—об етим Васе все думат. И пишет записку на етот карапь: «Можно ли нет с вам пазнакомитца, приходите к нам в гости». Он ей атписалса: «Покаль меня сам хозяин не пригласит в гости, ни за боже мой не приду». Вот ана стала министера сваево самушшать.—«Вот как тут новы карабли пришли, я пойду посматрю, не зандравитца ли ей чево. Вот приехали ане там или пошли с етой министершей. Потаму как он иё тоже лелеял, баловал. Вася принел их чесно, благародно, угостил, и тавары Васины ей пондравились, побрала ана кой чево. Ну как с министером домой приехала, савсем с ума сошла, не идет ей Вася с ума.—«Ну што же. сами гастили, надо же заемно отгашшать».—Ей уж надо ево в гости зазвать. Ну што ж, посылат, прибыл Вася к имям в госьти, ну и стал Вася чашше погашшивать. И пазнакомились ане с етой министершой. До таво Вася догастил, што министер стал сердитца, не надо уж ему етово гостя. Стал Вася уж и тайно госьтить, и стала ана уж к ему гасьтить.

Вася уж продалжат в етим гораду больше году тарговать. Мелошник уж патирял ево. Ну и министер стал смечать. дело плахое с етим Васей, стал министершу крепко доржать. А Вася уж срежатца ету министершу к себе на карапь атправить. С Васей каторо купечесво уж тут признакомилос харошо. Патом ета министерша удумала: «Вот што, Вася. сделам: каторый ево министерской кастюм, каторый

он надеват в гадовые празники, и точь с тем такой же сделам». И купил таково же сукна и таки же пугавицы, и тому же мастеру дали. Исправил Васе. Как у Васи стал костюм гатовый,—«вот завтре, Вася, празник, надевай етот костюм, и иди в церковь и стань против ево прямо на самыя глаза! —Вот министер сколь богу не молитца, а на Васю гледит.— Ах, мошенник, до чево догастилса. Как есь мая тройка на ём, украл, видь!» Едва абедню отстаял министер, как Васю знакомо купечесво на стакан чаю приглашат, а министер са сваим растроеным серцем бирёт ево за грудь, подскакават к ему: «Ты машенник, вор!» При всем народи. Тут министера купечесво унимат. «Ты чо ошалел што ли!» —Ну тот сваё. стырит с имя. Как Васе тут очень бесчесно показалось. Пашол у их тут залог бальшой.—«Ежели твая тройка на мне, ты мне голову руби, а не твая, -я тибе!» И решили на етим при народе при всем.

Пришли к министеру с понятым, с палицыей сматреть там. Министер задыхатца, патыкатца, летит во весь упор, впирёд всех Кричит: «Соня, Соня, тройка то мая дома ли?» За ним всё купечесво, понетые. Аткрывают гардирсб, а там как весилас тройка, так и висит. А дело решено было, значит, надо голову снимать министеру. Тада Вася же сказал «што я тибя прошшаю, што ты миня стара, и што чин у тибя бальшой. Да впиреть не аскорбляй».—И порешили, министровы карабли на Васину присталь перегнать. И стало у Васи шесть караблей.

Тада решилась министерша отправитца с Васей в путь-дарогу Заказала ана сшить деревенское плтьицо. Не дарогсе и не фарсистое. Как куфаркино. Как ушол министер к абедне. надеват министерша ето платье. само прасто, диревенское, и атправлятца с Васей в церковь. Как министер в церкви стаит и гледит:— «неужели же ето мая Сонюшка?»- Не может признать. Падходит к купцу: «Скажи, пажалуста, мая ли нет ето жана стаит?» -- «Да, пачиму же ана твая? Твая рази в еку адёжу аденеца? Видишь, ето прастая диревенская». -Как министер не посматрит, апеть ми-

нистер к купцу идёт. «Нет, нако мая!» А купец апеть ему сказал: «Спомни тройку, как ты решался об тройке. Также спорил, горечилса, што тройка мая». Покаль министер богу молилса, весь ево капитал на Васины карабли выгрузили, и Соня с Васей уплыли. Министер от досады повесилса, не мог пирьнести. А Вася к етому мелашнику на шести караблях с жаной прибыл и стал жить, паживать, да дабра наживать.

---

22. „Про Перфила".

[Солдат четырех попов хоронит].

Жил был старик со старухою, старик занималса сапожничесвом, а ана прела пряжу. Он был пъяница. Кака грош—капейка завидетца, што заробит, то и пропъет. Вот в адно время сидит он, шъёт, а старуха пряжу предет, и смикнул он дело, што у старухи есь шесь гривен денег и умсвует: «как мне их вывести у старухи?» Вот сидел, шил, шил, брасат чирок, ругатца, по избенке забегал. «Работай, работай, не поись, ни што!» — «Ну, што ты, старик, сшалел, заругалса?» — «Да, што, то-ли захварал, то-ли отташшал, ись хачу, а ись нечево. Дай-ка, старуха, у тибя де-то 6 гривен есь, пайду ка на базар, куплю што-набидь поись». — «Ну да так то тибе и дала! Подёш в кабак, да пропъешь!» — «Тибе говарят, не пропъю, а куплю што-набить. Давай!» Старуха дастала 6 гривен сваи, подала. — «Ну, ты, старуха, тут ладь гаршок, я сичас приташшу живо».

Побежал старик на базар. Забегат в кабачоч — «Ну-ка, воспадин цаловальник, налей шкалик вина!» — Падаёт ему двадцать капек. — «А ети я ишо вам аставлю в абратну выпить». Пашол, и апеть, кароче сказать, в кабачок, в другой уж, забегат и падаёт двадцатку. — «Вот тибе за шкалик, а ети в абратнай путь». Также и в третий кабачск. Пабежал с пустым рукам на базар: три шкалика он выпил, шапчонку скрючил, и бегат по базару, как ошалелый, как ево пъяницы все знали.

Ну, как он побежал дамой, едет их же батюшка дамой —«Ей, садис. Перфил, я тибя подвезу!» Сял Перфил с папом, паверсталса мимо кабачка — Эх, батюшка, стыд сказать, грех утаить. Мне, вить, выпить надо зайти». —«Ну, свет, и я зайду, у миня тут дело есь». Ну, как заходит Перфил:— «Ну-ка, скарей воспадин цаловальник!» Цаловальник живком налеват крючок, падает ему. Перфил выпил, шапочку на галове вскинул.— «Ну, што, мы в рашчоте, воспадин хазяин?» — «В рашчоте». А батюшка на деньги выпил. И так ане во все три кабачка заезжали.

Из третьево то кабачка вышли, сяли, поп и спрашиват: «Ето пачиму, Парфил, так? Я во всех кабаках по гривне уплатил, а ты без денег выпил?» — «Ах, батюшка, вы сичас и сметили». — Ну, скажи же, Парфил, мне всие правду, пашто ты без денег пил водку?» — «У миня, батя, шапочка ета. Ты не гледи, што ана плаха, а где што куплю, шапочку вскину, вот и в рашчоте. Я шапочкой живу». — «Поедем-ка, Перфил, ко мне чайку попить в гости!» — «Нет, батюшка, спасибо, неколда мне». — Ну, да батюшка: «поедем».

Привозит сибе Перфила в дом. «Ну-ка, матушка, нам закусить скарее ладь», а прислугу отправили за дьяконом, да за причотником.— «Скарее!» Приходит дьякон, приходит причотник. Батюшка на стол графин становит, а дьякона и причотника отазвал секретныя речи говареть.— «Давай Перфила самушшать. купим у ево артелью ету шапку. Вот уж, на маих глазах, в трех кабаках пил и денег не платил».— «Прадай, Перфил, шапку нам!» — «Ах, батюшка, извините, што я вам скажу. И верно говарят, што паповские глаза завидушшия. Увидал у голова волова и выманиваете».—Ах, да нет, Перфил, выпей ишо!» Поят и выманивают: «Продай, да продай, Перфил, шапку. Ну, сколько, Перфил, вазьмешь за шапку?» — «А для вас, батюшка, за сто рублей андам». И дали, сложились ане аргелью, дали Перфилу сто рублей.

Бежит старик домой, пъяный и с деньгам. Старуха из акна увидала, заругалас: «налил глаза и апеть бежиш!» — «Ну, не ругай, старуха, вот тибе деньги».

В верховьях Лены

Верхнеленцы

—«Ах ты пъяница, плут, украл где-набить, тибя завтра ишо пасадят за них!»

Ну, вот как батюшка говарит: «Завтра я напиреть поеду тавары покупать». Надел Перфилову шапку и паехал в мангазин. Тут ево стретили: «Прахадите, батюшка, пажалуста». Ну и спрашиват тот, не наши злыдни, таво и етова, набрал там на тысечи и снимат шапочку: «В расчоте, гаспадин прикашчик! Прикашчик улыбнулса сперва, думал, што он шутит. Патом видит, што поп бирёт уж всё.—«Да вы што, батюшка шутите!» Он адно. етой шапкой трисёт—«В рашшоте!»

До таво ане поспорили, што прикашчик заходит с прилавку, отбират тавары и папи в талчки выбрасават. Поп не знат, куды глаза деть, а на уме думат: «Пагоди же, пусь не адному мне будит совесно, скажу дьякону и причотнику, што все благопалучно». Итак, кароче сказать, все трое ездили, ничево не получили, аднаво только канфузу нажили.

Перфилка купил некорысную сибе кабыленку, и патом разменил там пятитку, в ажидании, как папи придут. И кабылу ету загнал под сарай. И в навоз свежай натыкал ети деньги, сиребро. Как видит, папы идут, налил вады в чашку, рукава заскал, и побежал под сарай. Приходят папи к старухе —«Де, бабушка, Перфил твой?»—«Што-то под сарай делать побежал». Поп под сарай к ему. Вот, Перфил закрыл етот навоз чашку тряпкой. Ане залезли к ему под сарай, папи ети.—«Чо, Перфил тут работаш?»—Да, не што, так батюшка!—«Ну-ка, чо, чо? покажи».—Атталкиват ево. «Да вот, батюшка, кабыленку купил некарысну, а ана вот сиребрушкам с...т». Да адин шивяк разлсмат—там гривеник, да в другом—двугривенай «Ана бы ишо больше с...а, да вот, карьмить нечем».—«Ты продай, Перфил, нам ету кабылу».—«Ах, батюшка, так вам и продавать. Вы вот шапочку купили, да я слышал, у вас неудачно вышло. А вы у пъянаво миня купили, да не спрасили, с каким наговаром надо дело делать».—«Ну, не разгаваривай, Пер-

фил, сколько вазьмешь за кабылу?» — «Да што уж с вас, двести рублей вазьму». Папы абрадавались, увели кабылу.

Поп говарит: «я, рибята, напиреть иё вазьму». Вот загнал иё в хлев, насыпал ей авса, сена, пшаницы, навалила ана тут ему целы пошевни. Встаёт поп, идёт, рукава засыкат, по лакоть руки выгадил в кале, а больше ничево. Бежит дьякон по кабылу. «Сутки выдержал, типерь мне давай! Ну как, батюшка, какава дастача?» — «Да ничево, ладная». Кароче сказать, также и дьякон и причотник.

Апеть к Перфилу бегут. Перфилу делать нечево. Он сбегал на базар, купил бычий пузырь и налил ево полон крови и подвезал под мышку старухе. — «Старуха, папы придут, ты сиди, предм. Я скажу, ставь самавар, ты сиди малчи. Раз скажу, два скажу, ты сиди. В третей раз я тибя нажом ударю, ты и упади». Идут папы к Перфилу — «Ну, што же, Перфил, каку кабылу ты нам продал? Мы никакой достачи из иё не достали!» — «Ну, што, батюшка, я наваливал иё вам што ли, вы сами иё у миня выманили. Кабылу-то взяли, а с радостей взяли, апеть нагавор не спрасили. Старуха, став-ка самавар, гости пришли!» Раз сказал, два сказал, три сказал, бирет нежик, бац старуху в пузырь. Старуха упала, полна комната крови. — «Ты што же ето, Парфил, наделал?» — «Не ваше дело, батюшка, без вас абойдетца». Вгситца у ево плётка. — «Ну-ка, плетка-живулька, оживи маю жонку». Раз стегнул, старуха вскачила, побежала за самаваром.

Папы друг на дружку взглёнули — «Ето што, рибята, у Перфила надо купить. Купимте, ребята, от Перфила ету плетку. Наши жоны нас ни в чом не слушают. Прадай нам ету плетку». — «Што вы, батюшка, старуха толды миня слушать не будит». А старуха просит потихоньку: — «купите, батюшка!» Ну, и взяли плетку у ево за педесят рублей. Приносят дамой, и кароче сказать, пахитили жон. — «Иди-ка, матушка, по грибы», та не идет, он иё бац нажом. Патом давай плёткой бить: бил, бил, — ну чо же, не встаёт. Кароче сказать, также и дьякон и причотник пахитили своих

жон. А Перфил в ажидании папов купил хароший леворверт и ушол в пригон под сарай етот.

Папы прибегают. «Де-ка, баушка, Перфил твой, путальник?» — «Чо-то под сараем делат». — «Пади-ка, атец дьякон, зави ево сюды!» Дьякон только под сарай забегат — бац е-о, удёрнул сибе, сидит. Ждали, ждали, долго нет дьякона. Пасылат апеть причотника. — «Иди, зави ево, апеть чо-то там таргуит у ево». Таким же порядком апеть ево придёрнул к сибе. Пашол поп сам, и то же получил. Поправилса Перфил с папами со всеми. Попадьев нет и папов нет!.

Вот стали народ праговариват: «де же у нас папы, де батюшка, весь причот потирялса?» А Перфил сидал папов и сидит. Лежат день у ево, лежат два. Вот в адно время забегат к Перфилу салдат. — «Можно ли у нас пирьначивать?» — «Начуй, служивай, начуй. Ну-ка старуха, вари скаре ужну!» Как сяли ане ужнать, Перфил становит на стол графин водки. Падает салдату стакан и другой. Салдат на уме думат: «Вот то в рай я папал!» Выпаил всею бутылку, весь графин салдату спаил.

Как салдат весь в паре стал хадить. Как салдат ево выхвалят: — «Какой ты, дедушка, добрай!» Он под ето число и гаворит: — «Я хош и беднай, да миня все люди знают, даже и хароший люди ко мне гастят. Вот нонче то у миня была старуха имениница. Ну, и кое-каторые люди ладно посабрались. Ну, и — говарит — приезжай батюшка ко мне на именины, заехал. Подвыпили мы тут харошо. И вот, мой же грех: он на двор ушол и там, серцо у ево плакае, то ли чо, упал да и умер, а я баюсь ево шивелеть». — Ну, дак чо, сташшил ево в Ангару и все тут. Хош я снису?» — «Пажалуста, служивай, я тибе заплачу». — Ну-ка, неси ево на крыльцо, я сечас мундер надену, да поташшу ево в Ангару».

Взял салдат папа на плечо, да и отправилса. Перфил в ето время вынимат другово папа, облил вадой и поставил у крыльца, а сам ушол в избу. Как салдат папа на плечо взвалил, идет мимо апвахты, спрашивают: «Тут кто идёт?» — «Чорт!» — Каво ни-

сёшь?»—«Папа!»—«Куда несёшь?»—«Тапить!» Бросил папа в Ангару, варочатца, видит: поп мокрый у крыльца стаит.—«Што тако, да ты ране миня дамой вернулса? Ну нет, погади»,— схватил, снова поташшил. А Перфил тем времем третьево поставил и вадой облил. Со втарым идет мимо апхвахты, апеть же ево спрашивают:—«Кто идёт?»—«Чорт!»—«Каво несёш?»—«Папа!»—Куда несёш?—«Тапить!» Бросил папа Ангару. Приходит дамой, тут третей наготав. Он ево баяьшой матушкой, схватил, павалок.

Как мимо гапвахты с астальным папом побежал, чесовые то и говарят: «Вот где папов то таскают! Надо нашему батюшке сказать, штоб бирёгся», да и идут к сваёму папу с дакладом:—«Батюшка, бирегись, чорт третьево папа унёс!»—«О, батюшки, я лутче на фатеру иду». Стал, сваю шубу долгу надел и шкатулку под пазуху. Только батюшка направилса чересь дарогу, а салдат тут и есь.—«Ты долго надо мной шутеть будешь?» : ассерчал, схватил на плечо, да в Ангару. Тот кричит, молит, никаких резонов не примат салдат, притаскиват, привязыват камень к шее, и култых в воду,—а шкатулку сибе забрал.

А Перфил смекнул, што долго где-то салдат. Прибегат салдат к Перфилу.—«Вы как ето долго?»—«Да изволь радоватца, он—калдун! таки четыре раза я бегал. Четвёртай то раз он сухой был, да в шубу аделса». А Перфил думат: «што такое, пачиму четыре раза, калда у миня всево три папа было? Да и заметил у ево под мышкой шкатулку.—«Ну-ка, старуха, ташши скаре графин! С придатку падать салдату!» Налеват ему стакан.—«А, служивай, ето у вас тут што такое? Ты сматри, дома ли у нас шкатулка, не украл ли и у нас поп?»—Ну, што кричита, вот же шкатулка!» Шкатулку Перфил атамкнул, там денег шесь тысеч. Салдату дал адну тысечу. Ну, а Перфил разбагател, живёт багато.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Несколько заключительных замечаний. По первоначальному плану, как, вероятно, помнит читатель из предисловия, за сказками Н. О. Винокуровой должны были последовать прочие, записанные мной, сказочные материалы Верхнеленского края: сказки ангинских сказителей — Е. Ананьева и Ф. Аксаментова, сказки П. Большедворской (из с. Житова) и др. Но, к сожалению, за тот, почти в пятнадцать месяцев, промежуток, что отделяет настоящие строки от даты предисловия, первоначальным планам и намерениям пришлось существенно измениться.

Прежде всего, вследствие материальных и технических затруднений пришлось отказаться от мысли опубликовать сборник сохранившихся текстов целиком. Приходится ограничиться только текстами Н. О. Винокуровой, и выпускаемый сборник является, таким образом, только выпуском первым. И трудно сказать, удастся ли в более или менее недалеком будущем осуществить мысль об издании второго и следующих выпусков.

Вместе с тем отпал и ряд других первоначальных предположений и намерений. Отпала (надеюсь, все же временно) статья о говоре, отпал ряд предполагавшихся сопроводительных приложений, пришлось отказаться и от таких, существенно необходимых для исследователя, материалов, как предметный указатель, указатель главнейших сюжетов и вариантов и т. п. Единственное, что удалось осуществить — опубликование словарного материала.

Пользуясь случаем, считаю необходимым сделать несколько дополнений и к тому, что было сказано в предисловии.

В предисловии не было упомянуто о том, соответствует ли порядок расположения сказок в сборнике тому порядку, в котором рассказывала их Н. О. Должен указать, что и план первоначального распределения материала сборника подвергся неожиданно вторжению некоторых внешних обстоятельств, в которых не повинны ни автор ни редакция; в результате — при-

шлось прибегнуть к чисто искусственному делению, отнеся в первую часть сказки фантастические, а во вторую сказки новеллистического характера. Порядок же, в котором рассказывались сказки Н. О., был следующий: в первый день она рассказала четыре сказки—сказку о купеческой дочери и кучере (№ 18), о верной жене (№ 19), о купеческой дочери и разбойниках (№ 20) и о чудесном сыне—сюжет Царя-Салтана (№ 2). Следующий день был начат сказкой о колдуне и его ученике (№ 4); далее сказки следовали в таком порядке (указываю только №№ моего сборника): 6, 1, 21, 16, 15, 8, 9, 10, 5, 11, 13, 12, 22, 14, 3, 7, 17.

Кроме того, она сообщила мне сказку о Иване-Кудряше и две бывальщины, которые в настоящий сборник не вошли. Помимо этого материала в репертуар Н. О. входят еще следующие сюжеты: «про квакушу» («царевна-лягушка»), «семь Симеонов», «три брата Иван-дурак», «два солдата одно счастье искали», «нужда», «солдат страсть искал», «слепая старушка на мосту», «О Тилине и Костылеве». Записать их мне не удалось по разным причинам.

Особо следует остановиться на сказке 16-й «Жена-оборотень». Это—несомненно, отзвук слышанной каким то образом Натальей Осиповной (вероятно, во время житья ее в городе), сказок из 1001 ночи. Она соответствует рассказам Шахерезады: «Молодой царь и черные острова», «Носильщик, три багдадских женщины и три царских нищих», рассказам трех царственных нищих и пр. (рассказы от половины третьей ночи и до половины восемнадцатой). [1]

Текст Н. О. Винокуровой временами очень близок к тексту 1001 ночи. Усыпление мужа и ночное путешествие жены, оборотничество и, особенно, вечер у трех красавиц в присутствии носильщика. Сохранились даже и такие детали, как приход кривых, наказывание собак—заколдованных женихов и т. д. Но в то же время рассказ Н. О. отнюдь нельзя назвать простым изложением или пересказом. Ее вариант—в полном смысле творческая переработка, где эпизоды и темы Шахерезады послужили только опорными пунктами.

[1] По изданию *Тысяча и одна ночь. Рассказы Шахерезады*. Полный перевод с позднейшего исправленного и дополненного английского издания Л. Шелгуновой. Иллюстр. изд. И. Д. Сытина. М. 1904, т. I; стр. 65 и след.

При чем, верная своему художественному методу, она отбрасывает буйную и пеструю фантастику восточной сказки, но с особенной любовью и тщательностью задерживается на моментах бытовой обстановки, по своему воспринимая и осмысливая их. Если, напр., носильщик Шахерезады просит разрешения принять участие в пирушке следующими словами: «Вы одни и с вами нет мужчин, которые могли бы занять вас своим разговором... женщины же не могут веселиться по настоящему без мужчин» и т. д., то аргументация, которую вкладывает в уста носильщику наша сказительница, совсем иного характера: «...дазвольте мне етот вечир посмагреть. Зрося в бедном положении, николи етаково не видал». Не буду останавливаться на других деталях.

В заключение—одна поправка. Я указал в предисловии, в качестве одного из существенных факторов в жизни и развитии русско-сибирских сказок, влияние фольклора туземных племен. Но, при этом я добавил, что в записанных мной текстах и материалах этих влияний я не смог обнаружить. Приходится сознаться в поспешности последнего замечания. Дополнительные изучения приводят меня к необходимости признать следы этого влияния и в записанных мной текстах, в частности, и в сказках Н. О. Винокуровой. Впрочем, этому вопросу намереваюсь я посвятить особую статью.

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВА
в сказках Н. О. Винокуровой.

При пользовании словарем нужно иметь в виду, что далеко не каждое из приводимых слов является областным в тесном смысле этого термина, т. е. в смысле того, что оно широко распространено в данной местности и известно каждому верхнеленцу. Многие из слов, приведенных в настоящем словаре, являются индивидуальным достоянием сказительницы, принадлежат только ей и очень часто найдены и изобретены ею в процессе рассказывания и творчества («на разу досңеты»).

Для нее также характерно употребление слов не в том значении, какое они, обычно, имеют, напр., *поспешность, попечение, противно* и др. Конечно, и в словаре в таких случаях указаны также только разовые значения слов. Напр., *противно* приведено со значением *досадно;* но это же слово употребляется Н. О. и в его прямом значении. То же можно сказать о слове *совет*, которое на стр. 91 употреблено ею в смысле *решение*.

Наконец, в речи Н. О. не мало слов городских, культурных, также в своеобразном и оригинальном применении: напр., в сказке о чудесном сыне— [illegible] погреб *по подзорной трубе*.

Цифры при значении слова указывают страницу, на которой данное слово упоминается. Если слово встречается несколько раз, оно отмечается все равно только один раз. Слова, при которых нет указаний на страницу, заимствованы или из ненапечатанных текстов или из речи Н. О.

Абвахта, апвахта	гауптвахта 133
Абраг	овраг 91
Абратну (в абратну)	в обратный путь 129
Адинсвенный	единственно 20
Адной ночи	в одну ночь 21
Азерко	озерко 39
Андельный	отдельный 33
Асобинный (в выражении: дитей асобинных не было) 120. Нам известно такое слоупотребление в Тулуновск. у. Ирк. губ. [illegible] Только [illegible]	
Астальной	последний 10
Аставилас живая	осталась в живых 45
Астрав	остров 14
Атношение	см. отношение
Атхожая	см. отхожая
Балгатырь	богатырь
Балхон	балкон 8
Безразличны	неотличны, неотличимы 21
Бесмерной	бессмертный 6
Билотка (?)	болотце? 41 (возможна ошибка при записи)
Бирлянт	бриллиант 56
Блюдить	наблюдать, заботиться 34
Бок, возле бок	около, сбоку 23
Бульён [illegible] 12 [illegible] откормленным. В тюремном жаргоне— означает «толстая, откормленная морда»	
Валхитка	волшебница, колдунья 16
Ветхлая	ветхая 7
Вешальница	виселица 120
Взняться	подняться 43

Взорваться — вспылить 106
Возле бок — см. бок
Возворотить — вернуть, придать прежний вид 28
Волшебное — волшебство 35
Воспрешшаю вас — запрещаю вам 118
Воспылать — вспылить 18
Впередс — вперед, впереди 37
Вреда — вред, плохое (у миня ему вреды не будит 97
Вручать — приставать (за жану вручал шибко) 125
Всякой — какой-то 125
Втарительно — снова, повторно 80
Вторичный — (в выражен.: вторичные корабли пловут 125)
Вцелу — целиком 30
Выбить из чувствох — лишиться чувств 103
Выкачивать — переселиться 115
Вынасивать — выносить (сор из избы), болтать 110
Вынирнуть — выхаркнуть 99
Вынять — вынуть 95
Выяснять (в таких выражениях: ана выяснятся имя 121: только в том я выясню, штоб инвесту мне самому искать 100)
Галиться — надеваться 122
Гамерной столб — ? 113
Глаз с глазом не сашолса — глаз не сомкнул 86
Глинника — в длину 69
Гля — для (встреч. многокр.)
Гнусина — мошка, комары, а также всякие «нечистые» животные: мыши, кроты, крысы 59
Гордячлив (в выражении: дак вот вы не гордячливы сазнались сами)
Двам, двых — двум 52, двух 14
Диковина — чудо 17
Дитишшо — детище 36
Дно (в выражении: будет он на дну плыть) 70
Доброжелательно, доброжелательный солдат — добровольно, солдат-доброволец
До (в выражении: дочиталса до книгах, т. е. в книгах) 72
Довести без куска — оставить без куска, довести до последнего куска 61
Достукаться — дойти до ч-нб. 1.0
Другомя — по другому, иначе 97
Дуплинатое — дуплистое 121
Дурнось — глупость, дурь 30
Дым — см. ныл
Евандиль-книжка — евангельская книжка, евангелие 80
Еденый — початый 40
Единственный (в выражении: я единственнаго атца дочь) 44
Едно, едный — одно 18, один 70
Еже — если 68
Ему — вм. его (етой девке жалко ему стадо) 73
Ересница — колдунья, ведьма 13
Женская — женщина
Жив (в выражении: только хател не жив упасть) 4
Живком — живо 130
Журлябия — жулики 107
Заблудяюшши — заблудившиеся 11
Завечивать сны — загадывать сны 19
Заглазье — по за глаза 55
Задне (он тибе и про задне и про пиредне всё расскажет) прошлое (он тебе и про прошлое и про будущее расскажет) 16
Задержь — задержка, препятствие 120
Задор — см. задержь 120
Заёмно отгошшать — соотв.: отдать визит 127
Заклётый — заклятый 3
Заключать — сделать условие 83
Закурпетить — замазать 32
Замор — истощение, голодная смерть 47
Зандравиться — понравиться 127
Занутрать — сильно захотеть 87
Запушнёная (койка) — пышная, взбитая 123
Заркать, зъаркать — вскричать 109
Зартьё? 93
Заскать — засучить (рукава) 131
Заслуга — услуга (доволен ты моей заслуге) 10
Заслуга — награда (стали ему большие заслуги делать)
Затылка — затылок (в затылку наклали) 81
Зачать — см. почать
Заунывно — печально 41
Зашанеть — засопеть 124
Захлобыснуть, захлобыснуться — захлопнуть, захлопнуться 43
Звук пропустить — пустить слух, ославить 124
Зирнуть — взглянуть 50
Земовейка — зимовье 40
Згрибёной — сгребенный 61
Зор — взор, взгляд 116
Извительник — злой на язык, подстрекатель 65
Изменать меня — изменить мне 52
Имя, с имя — им, с ними
Инный — иной, другой 20
Истегнуть — истегать 51
Источать — первонач. значение: истыкать 105
Источаться — истощиться 60
Ихой, ихо — ихний, ихнее

Кабель кобель 104
Камфузно конфузно 126
Касатца см. косаться
Конь (в выражении: адна конь) 61
Корвига коврига 82
Корона царство (посадили на корону) 65
Косаться (в выражении: на што косатца спрасить?) 68
Край (в выражении: недалёко от своих краях) 90
Крючок шкалик 130
Кумельга клубок, комочек 90
Куток котик 76
Лабзиться подлаживаться, лезть 118
Ласкательный ласковый 100
Ласкотка ласка 80
Любезный дорогой? (такое любезное кольцо) 56
Мангазин магазин
Масничёнка мостовина 75
Мелашник мелочник, торговец мелким товаром 75
Мёртвов (в выражении: наместо мертвов лежу) 102
Мечта мысль (мечтами нашло у нево в галове) 92
Мрачение морока 22
Муской мужской
Мыслейно мыслимо 94
Набидь частица нибудь (в выражениях: как-набидь, што-набидь и т. д.)
Набыть должно-быть 104
Надойти подойти (тибе года надашли) 13, надашла пора жанить) 126
Надушнить надушить, опрыскать духами 119
Назывные братья (названные братья) 5
Намеренье намеренье 33
Наместо вместо 102
Наперть наперед 7
Напосидеть (в выражении: трапоршик посидел—напосидел) 57
Напушнёная койка взбитая постель 123
Нарушить убить, погубить 123
Наслеждение наставление, завещание 100
Настовать ухаживать, заботиться 67
Находить походить 85
Находит число подходит срок 122
Небожжа милось божье попущение 70
Невдалеко недалеко 121
Невзаметку, невзаметно, невзаметным образом незаметно
Невзоружоны безоружны, не вооружены 37
Недвижимый (в выражении: ничем уж недвижимый лежит) 11
Незаспаная койка несмятая постель 125
Незнавидеть ненавидеть 96
Нельзя (в выражении: кому тут нельзя быть?, т. е. кто тут может быть) 91
Неслух-сын непослушный сын 4
Неткий (в выражении: как ана неткова лица, т. е. как на ней лица нет) 131
Неучь (што я за неучь такая!) 11
Обзадачивать дать задаток, связать кого-нибудь задатком 64
Новой иной, некоторый 68
Обмастярить приучаться 67
Обчий (в выражении: будим обчия работники) 70
Околчание околачивание 120
Олдья ладья 10
Оментательно моментально 16
Основано окутано? (в етим гораду всеосновано чорным трауром) 14
Особа отличие (особы никакой не нашол) 57
Остальной последний
Отбить (в выражении: отбить тилеграму) 118
Отношение (в выражениях: стала ана жить в нехорошим в атношении 31, ...што я не живу с ним в таких атношениях 34)
Отовлекаться отделываться, отнекиваться 118
Отхожая комната отдельная комната 101
Охроняться оберегаться 7
Подхоже подходяще 60
Пападок, в пападок пить пить припав к воде ртом 39
Папечение (в выражении: пиридает все ето сваё папечение наменшику) 33
Пароль доржать пари держать 82
Паследние, в паследние на последки 22
Паспешность удаль, прыть 38
Паследствие (в выражении: нельзя дарёные вешши штоб гибли без последствия) 56
Патребно как следует 41
Патрепать (в выражении: патрепал по самому середние горада) 68
Патробно подробно 32
Патроски потроха 62
Пахитить извести 36
Пахитница пахитительница, губительница 85
Передне см. задне
Перешибать (рассказ) перебивать 121
Песчий пеший 43
Пёсшая пешая 122

Плак плач 45
Плант план 57
Плантовать планировать, обдумывать 57
Плахо плохо 126
Плесненый заплесневелый 10
Побыт, таким же побытом образ, таким же образом 29
Подгадить подвести, выставить в невыгодном свете (а на всех фрелинох подгадила) 117
Подзорная труба выводная труба? («и по подзорной трубе куды-то отправила в погреб») 13
Позать позади 28
Поздо поздно 124
Покаль пока, покуда 100
Полк муской пол мужской 8
Помакчи помочь 21
Понастовать последить, понаблюдать 96
Поправ поправка 60
Попуститься лишиться («жалко ей женихом попустицца») 122
Посабчи пособить 21
Постановить (на чт-нб) поставить 51
Почать расчинать 47
Праведлив справедлив, правилен 25
Преследовать следить 113
Промышлёнцы охотники 51
Предовольсвие полное довольство 118
Преже (в выражении: преже старова атец задумалса) 86
Пречуствовать силу ощутить силу 35
Пречуствовать смерти предчувствовать смерть 100
Привидение (в выражении: таких привидениех делать не будут
Привод обман 80
Придаток (в выражении: с придатку подать салдату!) 131
Приделить определить 111
Приёмный гостеприимный 100
Приздревать призревать
Приказ, за какой приказ по чьему приказу 68
Приклаживаться прикладываться 65
Приступление проступок (никаково приступления с имя не делывала) 116
Прикруть прикрыть 71
Припала к душе поглянулась, приглянулась 116
Присталь пристань 6
Приспоравливать приурочивать 109
Причина (в выражении: ето все с причины даспелося) 7
Провлянт провиант 3
Продолжать (в выражении: што же вы будите день продолжать из-за нас) 93
Проследовать, прослежовать следить 113
Проступка проступок 8
Проступление преступление 31
Противно досадно 71
Пустоплесье не застроенное, пустое место 26
Путальник путанник 133
Путь (в выражениях: по какой путе 49, с паловины путей 81, обратной путей 89 какой путью 53
Пух-прах (в выражении: отправил на пух-прах) 11
Пыл (в выражении: штоб не было ни пылу ни дыму) 76
Пылкая (шестерка лошадей) горячая 84
Разазнать разузнать, разведать 38
Разбивать разрубать 125
Разважать развлекать 125
Развеселивать развеселять 56
Ракобитье рукобитье 23
Ранешный прежний 78
Раскричать закричать 69
Растарзать растерзать 17
Растервиться остервенеть 37
Рицарь рыцарь 7
Расхлобыснуть растворить махом 69
Расторзать см. растарзать
Ристовать арестовать 125
Савет решение (решилис на адин савет) 91
Самоговор (кот-самоговор) 16
Сандук сундук 113
Сваячица свояченица 13
Свежий новый (горнишная у ей свежая) 113
Светы цветы 9
Секретные речи тайные речи 130
Середина (в выражении: по самому середине города) 68
Сереть посреди
Сестреница двоюродная сестра 123
Сказнённая наказанная, преданная казни? 45
Сказнить наказать, казнить? 20
Скороспешный экстренный (скороспешная тилеграма) 118
Скрыть закрыть (магазин скрыл 100
Скрючить (шапчонку) примять, надеть на бекрень? 129
(Смаготно) не смаготно невмоготу 6
Смушшенье соблазн, испытанье? 80

Совесть стыд (вот уже безо всякой совести лезь ко мне под платье) 98
Совет см. савет
Содвинуть сдвинуть 125
Сознать сознаться 17
Состоянье имущество, достояние 122
Сочтать счесть, считать 92
Спаная постель постель, на которой спали, помятая 123
Спасобие лекарство, средство 105
Спасобы средства
Спуск уступка 91
Средство условие (на каких средствах сватать будеш) 73
Стада (в выражении: пастух пасет стаду, чья стада пасете) 49
Стирлиновый стеариновый 72
Страмсвовать скитаться, бродяжить 10
Страшенная страшная 14
Стрекинуться спохватиться, опомниться 30
Стречу навстречу 28
Строк срок 20
Стырить спорить 128
Сулгать схватить, зажать 96
Сутка (в выражении: каторую сутку людей давите) 17
Схайной удобный 121
Схитряться ухитряться 8
Сшалеть ошалеть 79
Так как вот как 91
Тайном образом тайно 116
Танцыя танец 8
Тёмна темница 113
Течение (в выражениях: много ли время течение и кто тут настроил? 15, не в течение год ничут 53
Тигра-зверь тигр 13
Тма тьма, темнота 79
Токмя, томо токмо 45
Точка положение (на старую точку стану) 126
Точь с тем, с точь в точь точь в точь 90, 128
Трапоршик прапорщик 53
Троедённой трехдневный 111
Троур траур 41
Тумный печальный, грустный 104
Тягосный (корзина тягосная) тяжелая 107
Уверить увериться (не уверила на не снова) 122
Ужась (в жен р) страх, ужас 103
Ужна ужин 78
Указ доказательство 119
Умсвовать размышлять 55
Унистожить уничтожить 18
Упор мочь, сила (кричит на весь упор) 26
Условие дать взаимное обещание 5
Устрах испуг, устрашенье 80
Устрашшивать стращать 19
Утре утром 25
Утыш передышка 97
Ухо (в выражении: под уху шопчит) 81
Учасница компаньонка, товарищ? (будеш на век наша учасница) 119
Фигурить насмехаться, издеваться 117
Фуденькая худенькая 84
Худоба дурное («у меня худобы ему не будит») 91
Число (в выражении: он под сто число и говарит) 133
Чихайз цейхгауз 58
Шаг (в выражении: пашол на бальшие шаги) 51
Шарлоп пещера 16, 49
Шеренк шеренга 82
Шибкое место быстрое место (в реке), быстрина 57
Шпат кусок 10
Шутка проделка (а старуху решили за шутки её) 19

Главнейшие из замеченных опечаток.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Следует:
XIX	10 сн.	«мотив приюта прохожего»	мотив «приюта прохожего
XXIII	12 сн.	царечич	царевич
XXVI	11 сн.	eingeileitet	eingeleitet
„	22 сн.	описанием, движений	описанием движений
XXXIII	7 св.	(№ 30):	(№ 30)
„	„	жена) муж	жена): муж
XXXIV	1 сн.	намететь	наметить
„	4 сн.	наперить	напереть
XLI	11 св.	частыми	частым
XLII	20 св.	незлобивее	незлобив ее
„ 24	2 сн.	Отец	Атец
„	16 сн.	молады	малоду
28	4 сн.	возворотить	возворотить
65	3 сн.	защетились	засуетились
69	14 св.	капать	капать
77	8 св.	пиредавать	перидавать
86	3 св.	развеселивать	развеселивать
92	6 св.	Я	я
95	8 сн.	аврате	абрате
115	24 св.	грехи, сван,	грехи сван.
120	9 сн.	кабачо	кабачок

Оглавление.

Предисловие . . . . . V—XIV.
1. Орел—царевич и его сын . . . . . 3— 11
2. Чудесный сын . . . . . 11 — 19
3. Микитко . . . . . 16— 25
4. Колдун и его ученик . . . . . 25— 33
5. «Сын от цаловка» . . . . . 33 — 39
6. Обещанный сын . . . . . 39— 46
7. Заклятый сад . . . . . 47— 52
8. Освобождение царской дочери солдатом . . . . . 52— 60
9. Утка с золотыми яйцами . . . . . 60— 66
10. Мудрая жена . . . . . 67 — 74
11. Чудесное кольцо . . . . . 74— 78
12. Двенадцать молодцев из табакерки . . . . . 78— 83
13. «Горе» . . . . . 84— 85
14. Иван-Царевич, Серый Волк и Елена Прекрасная . . . . . 85— 91
15. Марко богатый и Василий . . . . . 92—100
16. Жена оборотень . . . . . 100—109
17. Солдат и мертвец-помещик . . . . . 109—112
18. Купеческая дочь и кучер . . . . . 112—115
19. Верная жена . . . . . 115—120
20. Купеческая дочь и разбойники . . . . . 120—125
21. Министрова жена . . . . . 125—129
22. «Про Перфила» . . . . . 129—134
Послесловие . . . . . 135—137
Областные слова в сказках И. О. Винокуровой . . . . . 138—142
Главнейшие опечатки 143

ПЕРВАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОЛИТОГРАФИЯ
П. Г. О. М. Х.

имеющая 15 скоропечатных типографских машин, 3 литографских и 2 наборных машины и штат высококвалифицированных рабочих.

ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ

НА ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ТИПОГРАФСКИЕ

РАБОТЫ:

как-то: газеты, журналы, книги, бланки, афиши, плакаты, объявления, чековые, талонные, квитанционные книжки и др., а также всевозможные переплеты конторских, гражданских книг, художественных альбомов, записных книжек, блок-нотов, брошюровку, тиснение золотом и всевозможную линовку бумаги.

При типографии имеется мастерская каучуковых штемпелей, меди. печатей, факсимиле и штампов.

ХРОМО-ЛИТОГРАФИЯ

ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ РАБОТЫ:

как-то: художественные в красках плакаты, портреты, обложки и книжки, картинки с текстом, карамельные, винные, пивные, квасные, минеральных вод и др. этикеты, счета, визитные карточки, меню, аптекарские сигнатуры, разные чертежи и прочие работы.

ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ АККУРАТНО и В СРОК.

На складе типографии имеются разные сорта бумаги.

Получены новые шрифты.

Адрес: 1-й ГОСТИПОГРАФИИ—ул. К. Маркса, № 19,
ЛИТОГРАФИИ—уг. ул. Набережной и Свердлова (Басн. № 42-2)

ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

СИБКРАИЗДАТА

принимает подписку на журналы на 1925 год:

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Сибирский Педагогический ЖУРНАЛ

Орган Сибирского Отдела Народного Образования.

Журнал посвящен учету опыта педагогики и практики просвещения в Сибири и ставит себе задачей педагогическое и методическое инструктирование на основе сибирского материала.

Журнал выходит 11 раз в год. Подписная цена: на год—6 р.; на полгода—3 руб. 25 коп., на 3 мес.—1 руб. 65 коп.

СИБИРСКИЕ ОГНИ

Художественно-литературный и научно-публицистический журнал.

В журнале даются лучшие произведения сибирских писателей и поэтов, ряд статей о былом Сибири, статьи о современной литературе, подробная библиография.

Выходит один раз в два месяца.

Подписная плата на весь год 6 р. с пересылкой, на полгода 3 р. 25 к.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

(ЕЖЕМЕСЯЧНИК)

Задачей журнала является объединение книжных и библиотечных работников Сибири, разработка форм и методов книжно-просветительной работы, вовлечение в дело распространения книги учителей и политпросветработников, пропаганда книги среди широких масс населения, рабочих библиотек, изб-читален, ячеек РКП и РЛКСМ.

Подписная цена с пересылкой: на 1 год—3 руб., на подгода—1 руб. 60 коп., на 3 месяца—35 коп.

Ежемесячный иллюстрир. литературн. журнал „СИБИРЬ“

В журнале, кроме литературно-художественного материала, помещается ряд статей по вопросам советского строительства, быта, богатств Сибири, промысла Сибири, сатира, шахматы.

Журнал богато иллюстрирован.

Подписная цена с пересылкой: на год—4 руб., на полгода—2 руб., на 3 мес.—1 руб. 10 коп. Цена отдельного номера 40 коп.

Большой выбор книг по краеведению.

Принимаются заказы на подбор библиотек по краеведению.

Дальне-Восточно-Сибирское

Акционерное Общество

„Книжное Дело“

книгоиздательство, книжная и писчебумажная торговля, оптовые склады.

Агентства: в Москве и Ленинграде.

Отделения: в Иркутске, Чите, Благовещенске, Владивостоке и Харбине.

Издательство во Владивостоке.

Издательство
приступило к изданию краеведческой литературы (свыше 30 названий), посвященной Сибири, Дальвостоку и смежных с ними стран.

Приглашаются
литературные силы для совместной работы с изд-вом.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ новые книги:

Проф. А. А. Половинкин.
Физическая география Дальнего Востока.

В. Глуздовский.
Экономическая география Дальнего Востока.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

М. И. Целищев.
1) Экономические очерки Дальнего Востока.
2) Сборник. Советское Приморье за год.
3) Сборник. Дальний Восток за год.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
и имеются в продаже:

ДАЛЬИСПАРТ. Сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Кн. I и II.

СОВЕТСКИЙ Дальний Восток. Сборник.

Изд-вом издается еженедельная газета **„Просвещение на Дальнем Востоке“.**

АПТЕКАРСКИЙ
МАГАЗИН

Фармацевтического

Управления Губздрава

ул. Карла Маркса, 39.

Имеется в большом выборе полный ассортимент:

Парфюмерии,
Косметики,
Мыл медицинских и туалетных.

Приобретена через Карскую экспедицию большая партия товара:

Аптекарского,
Гигиенического,
Хозяйственного,
Перевязочного.

Какао Ван-Гутен.
Мука Нестле и проч.

Цены на все товары значительно снижены.

Госучрежд. скидка и кредит.

Магазин открыт с 10 утра до 11 вечера.

ВСЕРОССИЙСКИЙ
СОЮЗ
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
КООПЕРАЦИИ
„СЕЛЬСКОСОЮЗ“

Правление:

Москва, Б. Дмитровка, 4.

Представительство для В. Сибири

Иркутск, ул. Ленина, № 4.
Телефон 67.

Агентства: Иркутск, Чита, В.-Удинск.

Тек. счета во всех банках Иркутска, Читы и В.-Удинска

Производит заготовки

ПУШНИНЫ и СЫРЬЯ

через все виды кооперации и госорганы.

Уполномоч. для В. Сибири
Родионов.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ БАНК

„ВСЕКОБАНК“

ПРАВЛЕНИЕ В МОСКВЕ, Ильинка, 3.

ИРКУТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

5-я Красноармейская, 3.

Производит все банковские операции,
работая со своими филиалами и корреспондентами по всему СССР и за-границей.

Для вкладчиков и профессиональных организаций—
льготный тариф.

В гор. Иркутске:
кожзавод № 2, Сибмонгол. конфектную фабрику, пимокатную фабрику, мыловаренный завод, пивоваренный завод, обувно-шорно-седельную мастерскую, госмельницу № 1, гостипографию, электроконтору.

В селе Усолье:
Кожевенный завод № 3, солеваренный завод, спичечную фабрику.

ИРТОРГПРОМ

ОБЪЕДИНЯЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ.

В селе Хайте:
Фарфоро-фаянсовую фабрику „Сибфарфор“.

В селе Тельме:
Суконную фабрику.

Имеет в г. Иркутске, на углу улиц Троцкого и М.-Блиновской **оптово-розничный магазин** и по улице Урицкого – **магазин № 2.**

ИРТОРГПРОМ продает оптом и в розницу: подошвенную кожу, чирочные изделия, обувь, шорные изделия, фарфоровую посуду и др. фарфоровые изделия, валенки, кошму, грубошерстное сукно, спички, мыло, соль, махорку, крупчатку, крупы, конфекты, электрические принадлежности, мануфактуру и другие товары широкого потребления.

Покупает: кожевенное сырье, волос конский, щетину и шерсть.

Главная Контора помещается на углу ул. Фурье и Троцкого (б. Арсенальская). № 15 47, телефон № 297.

Адрес для телеграмм: „ИРТОРГПРОМ“.

Торговое Бюро

при Наркомпромторге Бур.-Монг. Автономной Социалистич. Советской Республики

„БУРТОРГ“

Главная контора и Центральный оптово-розничный магазин в г. Верхнеудинске, по Ленинской ул. д. Комхоза.

Телеф. №№ 173 и 142.

Почтово-телеграфный адрес: В.-Удинск, БУРТОРГ.

Имеется всегда в продаже:

Мануфактура разных сортов в большом выборе. = **Оконное стекло, посуда** фарфоровая и стеклянная. = **Кожа** хром., чарочная, кахта и полувал. = **Табак** и папиросы. = **Мука** пшеничная, мука ржаная, **крупы** разные. = **Крупчатка** разных сортов. = **Различные** бакалейные товары, = галантерейные и скобяные товары. =

ПОКУПКА

пушнины и всех продуктов скотоводческого и сельского хозяйства.

МЯСНЫЕ ЛАВКИ: в Иркутске и Верхнеудинске.

СКОТОБОЙНИ: в Култуке, Мысовске и Слюдянке.

ОТДЕЛЕНИЕ в Иркутске.

АГЕНТУРЫ в Кутулике, Хамнее, Петропавловском, Туже, Бандае, Агинском и Кульске.

Р. С. Ф. С. Р. В. С. Н. Х.

СИБИРСКИЙ

Маслобойный Трест

КЕДРОПРОМ

ПРАВЛЕНИЕ

в г. Новониколаевске, Советская 30

Иркутское Отделение

(для Вост. Сибири и Забайкалья).

Всегда имеет на складе:

для продажи в неограничен. колич. продукцию собствен. заводов Треста „Кедропром“.

МАСЛА растительные фильтрован. высо- [illegible]

ХАЛВА ореховая.

ОЛИФЫ льняная и конопляная высокого качества.

Цены значительно ниже рынка.

ПОКУПАЕТ в неогранич. количест. сырье: орех кедровый, семена: конопляное, льняное, рыжиковое.

Адрес конторы Иркутского Отделения: ул. Тимирязева (быв. Преображенская) № 32, телеф. № 52.

Условный телеграфный адрес: Иркутск — „КЕДРОПРОМ“.

СИБИРСКИЙ

ювелирный магазин

М. Липковского.

Шанхай. —— Харбин.

Открыта подписка на 1925 год

на общественно-научный журнал

СЕВЕРНАЯ АЗИЯ

ИЗДАВАЕМЫЙ **Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока** совместно с **Комитетом Содействия Народностям Северных Окраин при Президиуме ВЦИК.**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: **Вл. Д. Виленский-Сибиряков** (ответствен. редакт.), **Феликс Кон, проф. П. П. Маслов, проф. В. А. Обручев, проф. А. А. Ярилов, проф. С. А. Бутурлин, А. И. Черемных и др.**

Журнал посвящен делу всестороннего изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока как в отношении природы, так населения и экономики этих областей, представляющих собою совокупность советской территории Северной Азии.

Выдвигая на первый план задачи всемерного содействия развитию производительных сил страны, редакция журнала предполагает в первую очередь выдвинуть проблемы и нужды народного хозяйства Северной Азии.

В журнале, кроме руководящих статей, будут также помещаться рефераты докладов по вопросам научных исследований, связанных с Северной Азией, а равно новости урало-сибирской и дальне-восточной библиографии.

В ЖУРНАЛЕ ПРИМУТ УЧАСТИЕ: В. М. Бронер, А. Н. Букейханов, проф. И. И. Боборыкин, проф. С. В. Бахрушин, проф. М. И. Боголепов, проф. В. А. Городцев, Д. И. Голенищев-Кутузов (Дм. Илимский), К. В. Дубровский, Н. В. Здобнов, М. П. Красильников, Л. Б. Кременер, проф. Кулябко, проф. Лященко, Е. Э. Лейтнеккер, А. В. Луначарский, С. И. Мицкевич, Г. И. Михайлов, М. В. Муратов, В. В. Никифоров, проф. Н. П. Огановский, акад. Ольденбург, П. Е. Островских, проф. А. Пинкевич, Ф. Н. Петров, проф. Павлов, проф. А. Н. Петров, проф. А. А. Рыбников, Павлович (Вельтман), И. Н. Смирнов, П. Г. Смидович, А. Н. Смирнов, И. А. Теодорович, Н. И. Толоконский, П. П. Хороших, проф. Шокальский, И. В. Яровой и ряд других научных и общественных работников Урала, Сибири и Дальнего Востока.

В 1925 году ПРЕДПОЛОЖЕНО ВЫПУСТИТЬ 6 КНИГ.

Подписная цена на год . . . **6** руб.
„ „ на полгода . **3** „ **50** коп.
Цена отдельного номера . . . **1** „ **25** коп.

ЖУРНАЛ ПОМЕЩАЕТ ОБМЕННЫЕ и ПЛАТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ:
цена объявления: 1 стран.—200 р., 1/2 стр.—110 р., 1/4 стр.—60 р.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: Москва, Петровка, 7.
Книжный магазин „Маяк“. Телеф. № 3-63-20.

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКАЯ Государственная Торговля

МЕДИЦИНСКИМ ИМУЩЕСТВОМ

БУРМЕДТОРГ

ИМЕЕТ В ПРОДАЖЕ:

всевозможные аптекарские товары: медикаменты, перевязочные средства, предметы ухода за больными, хирургические и зубоврачебные инструменты, принадлежности оборудования и снабжения больниц-амбулаторий.

Резиновые изделия.

Парфюмерия разных фабрик.
Духи, одеколон, мыла туалетные.
Крем для лица, зубной порошок,
театральный гримм и проч.
Резиновые губки и игрушки.

Неосальварсан.

ПОЛУЧЕН БОЛЬШОЙ ВЫБОР ТОВАРОВ.

ЦЕНЫ ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ.

При Бурмедторге имеется аптекарский магазин.

АДРЕС: ул. К. Маркса (Большая) № 33.

„СИБИРСКАЯ ЖИВАЯ СТАРИНА"

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ вып. V-й.

Среди материалов предположены к напечатанию:

Г. С. Виноградов. 1. „Народная Педагогика"
2. „О народном ораторском искусстве".

П. В. Зицерман. „Краеведение и школа".

П. К. Казаринов. „Библиография сибирского краеведения".

Н. Н. Козьмин. „Бурятские и Монгольские художники".

К. Н. Миротворцев. „Этнография и народное хозяйство".

А. М. Попова. „Партизанская лирика".

М. А. Слободский. „Материалы по библиографии сибирской этнографической литературы".

В. Б. Шостакович. „Историко-этнологическое значение названий рек Сибири".

МАТЕРИАЛЫ по современному фольклору (собран. участниками семинар. по устному творчеству Ирк. Университета)

и др.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

М. Муратов. Краеведение, как движение . . . . . 1—8
М. Азадовский. Ник. Бестужев—этнограф . . . . . 9—40
Вс. Малаховский. Советское виноградье . . . . . 41—52
Н. Хандзинский. „Покойнишный вой" по Ленине . . . . . 53—64
Г. Виноградов. Детская сатирическая лирика . . . . . 65—106
Ив. Хромовских. Из заметок собирателя . . . . . 107—108
А. Попова. Из области народной технологии . . . . . 109—112
Н. Козьмин. К вопросу о времени водворения бурят около Байкала 113—132
П. Баторов и Б. Подгорбуянский. Из бурятского фольклора . . . 133—136
Эд. Пекарский. Предание о том, откуда произошли якуты . . . 137—144
Н. Липская-Вальронд. Материалы к этнографии гольдов . . . . 145—160
Исследователи Якутии: Майнов. Предисловие . . . . . 161—166
П. Хороших. I. Вс. Ионов . . . . . 167—180
Н. Попов. Остатки доисторического человека у с. Бадай . . . . 181—184
Этнологическая Секция в 1924 г. . . . . 185—202
Краеведение в Якутии . . . . . 203—204
Е. Самойлович. Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири . . . . . 205—216
М. Слободский. Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических изданиях 1901—1907 гг. . . . . 217—240
Первый Восточный-Сибирский Краеведческий Съезд: . . . . . 241—387
Краткий обзор работ Съезда . . . . . 243—246
М. Золотарев. Речь на открытии Съезда . . . . . 247—248
П. Казаринов. На новых путях краеведения . . . . . 249—262
т. Мельников. Заключительная речь . . . . . 263—263
В. И. Смирнов. Памяти В. В. Сапожникова . . . . . 386—387
Тезисы докладов . . . . . 264—355
Резолюции . . . . . 356—387
Г. В. Новая программа по музыкальной этнографии . . . . . 388—390
Г. Виноградов. Заметка об изучении народного ораторского искусства . . . . . 391—400
П. Хороших. Об изучении детского рисунка туземных племен Сибири. . . . . 401—416
Приложение
М. Азадовский. Сказки Верхнеленского края (с особой нумерацией)
Объявления.